

ISSN (print) 2071-2405
ISSN (online) 2658-5235

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ КЛАСС

PHILOLOGICAL CLASS

filclass.ru

Том 29 • 2024 • № 4

Журнал основан в 1996 г. Выходит четыре раза в год
(март, июнь, октябрь, декабрь)

The journal comes out 4 times per year
(March, June, October, December)

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору
в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
Свидетельство о регистрации ПИ ФС 77-76 120
от 24.06.2019

Registered by the Federal Service for Supervision
of Communications, Information Technology
and Mass Communications (Roskomnadzor)
Certificate of registration of PI FS 77-76 120
dated 24.06.2019

Учредитель – ФГАОУ ВО «Уральский государственный
педагогический университет» (УРГПУ)
620091, Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26

Founder – Ural State Pedagogical University (USPU)
620091, Ekaterinburg, 26 Kosmonavtov Ave

«Филологический класс» – рецензируемый научно-методический журнал, сферой интересов которого являются исследования в области литературоведения, лингвистики и методики преподавания данных дисциплин в вузе и школе. Задача журнала – сблизить академическую науку с практической деятельностью педагога и обозначить представление о российском филологическом и педагогическом дискурсах в пространстве мировой науки. Приоритетными являются публикации, в которых исследуются новые литературные и корпусные источники, рассматривается внедрение новых образовательных технологий, выполняется требование академизма, научной объективности и полемической направленности. К публикации принимаются статьи на русском, английском, немецком и французском языках. Полнотекстовая версия журнала находится в свободном доступе на сайте издания и размещается на платформе Российского индекса научного цитирования (РИНЦ), Российской универсальной научной электронной библиотеки. Полная информация о журнале и правила оформления статей размещены на сайте: filclass.ru

Philological Class is a peer reviewed scholarly and methodological journal publishing research findings in the field of literary studies, linguistics and methods of teaching these disciplines at higher and secondary school. The task of the journal is to bring academic research closer to the practical activity of a pedagogue and to outline the image of the Russian philological and pedagogical discourses in the global academic space. Priority is given to publications which focus on new literary and corpus sources, study the issues of implementation of new educational technologies, and comply with the requirements of academic objectivity and polemic nature. Articles in Russian, English, German and French are accepted for publication in the journal. A full-text version of the journal is available open access on the journal site and in the Russian Science Citation Index (RSCI) at the scientific electronic library platform. Complete information about the journal and author guidelines can be found on the web site filclass.ru

Журнал индексируется в Web of Science, ERIH PLUS,
DOAJ, Scopus

The journal indexing: Web of Science (ESCI), ERIH PLUS,
DOAJ, Scopus

Входит в Перечень ВАК Министерства науки
и высшего образования Российской Федерации

The journal is included in the list of the Higher
Attestation Commission of the Ministry of Science
and Higher Education of the Russian Federation

Подписка на журнал осуществляется по каталогу
«Пресса России». Подписной индекс издания 84587

The journal is included in the united catalog
“Russian Press”, Index 84587

Адрес редакции:
Россия, 620091, Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26,
оф. 276
E-mail: edit@filclass.ru

Editorial Board postal address:
Russia, 620091, Ekaterinburg, 26 Kosmonavtov Ave,
Office 276
E-mail: edit@filclass.ru

Editor-in-Chief: Professor **Nina Petrovna Khriashcheva** (Russia, Ekaterinburg, USPU)
executive editor: Associate Professor **Ol'ga Aleksandrovna Skripova** (Russia, Ekaterinburg, USPU);
executive secretary: Associate Professor **Lyudmila Yurievna Makarova** (Russia, Ekaterinburg, USPU);
website administrator: **Anton Aleksandrovich Dolgov** (Russia, Ekaterinburg, USPU)

DEPUTY EDITORS-IN-CHIEF

In folklore and the history of ancient Russian literature: Associate Professor **Lozhkova Tatiana Anatolyevna** (Russia, Ekaterinburg, USPU); in the history of ancient Russian literature and the 18th century literature: Professor **Zyryanov Oleg Vasil'evich** (Russia, Ekaterinburg, UFU); in the history of the 19th century Russian literature: Professor **Ermolenko Svetlana Ivanovna** (Russia, Ekaterinburg, USPU); in the theory of literature: Professor **Barkovskaya Nina Vladimirovna** (Russia, Ekaterinburg, USPU); in the history of the 20th – early 21st centuries literature: Professor **Snigireva Tat'yana Aleksandrovna** (Russia, Ekaterinburg, UFU), Associate Professor **Lobin Alexander Mikhailovich** (Russia, Ulyanovsk, USPU named after I. N. Ulyanov), Associate Professor **Tagiltsev Alexander Vasilievich** (Russia, Ekaterinburg, USPU); in linguistics and methods of its teaching: Professor **Chudinov Anatoly Prokopevich** (Russia, Ekaterinburg, USPU); in the theory of language and speech communication: Professor **Dziuba Elena Vyacheslavovna** (Russia, Saint Petersburg, SPBSTU); in applied linguistics and interdisciplinary methods in philology: Professor **Mukhin Mikhail Yur'evich** (Russia, Ekaterinburg, UFU); in the theory of foreign literature and English literary classics: Professor **Dotsenko Elena Georgievna** (Russia, Ekaterinburg, USPU); in contemporary British novel and translation issues: Professor **Sidorova Ol'ga Grigor'evna** (Russia, Ekaterinburg, UFU); in Business English: Dr. of Philology **Makarova Elena Nikolaevna** (Russia, Ekaterinburg, USUE); in German-language literature, Russian-German literary ties, imageology and literary translation: Dr. of Philology, Chief Researcher **Kudryavtseva Tamara Viktorovna** (Russia, Moscow, IMLI); in the history of French, typology and comparative linguistics: Professor **Lykova Nadezhda Nikolaevna** (Russia, Tyumen, TyumGU); in Romance linguistics and comparative pragmatics: Associate Professor **Erofeeva Elena Vladimirovna** (Russia, Ekaterinburg, USPU); on issues of a second foreign language: Associate Professor **Sokolova Olga Leonidovna** (Russia, Ekaterinburg, Institute of International Relations); in literary education technologies and teaching classical literature at higher and secondary school: Associate Professor **Alekseeva Mariya Aleksandrovna** (Russia, Ekaterinburg, UFU); in methodology and methods of teaching modern literature at higher and secondary school: Associate Professor **Gutrina Liliya Dmitrievna** (Russia, Ekaterinburg, USPU); in modern education technologies and innovative processes in education: Professor **Mosina Margarita Aleksandrovna** (Russia, Perm, PSPU); in the theory and practice of teaching Russian in a polycultural environment of higher and secondary school: Associate Professor **Eremina Svetlana Aleksandrovna** (Russia, Ekaterinburg, USPU)

EDITORIAL COUNCIL

Prof. **V. V. Abashev** (Russia, Perm, Perm State National Research University); Prof. **O. Y. Antsyferova** (Russia, Saint Petersburg, Saint Petersburg State University); Prof. **L. O. Butakova** (Russia, Omsk, Omsk State University named after F. M. Dostoevsky); Dr. of Philology **O. M. Valova** (Russia, Kirov, Vyatka State University); Prof. **M. Weiskopf** (Israel, Jerusalem, Hebrew University of Jerusalem); Prof. **T. Victoroff** (France, Strasbourg, University of Strasbourg); Ph. **D. J. Gallo** (Slovakia, Nitra, Constantine the Philosopher University in Nitra); Ph. **D. A. Grominova** (Slovakia, Trnava, University of St. Cyril and Methodius); Prof. **B. W. Dhooge** (Belgium, Ghent, Ghent University); Prof. **A. A. Dyrdin** (Russia, Ulyanovsk, Ulyanovsk State Technical University); Prof. **A. A. Zhitenev** (Russia, Voronezh, Voronezh State University); Cand. Sc. **A. A. Medvedev** (Russia, Tyumen, Tyumen State University); Prof. **O. N. Kondrat'eva** (Russia, Kemerovo, Kemerovo State University); Prof. **E. Y. Kulikova** (Russia, Novosibirsk, Institute of Philology of RAS, Sector of Literary Studies); Prof. **G. V. Kuchumova** (Russia, Samara, Samara National Research University named after Academician S. P. Korolev); Prof. **M. A. Litovskaya** (Russia, Ekaterinburg, Ural Federal University); Prof. **N. M. Malygina** (Russia, Moscow, A. M. Gorky Institute of World Literature of the RAS); Prof. **G. Mikhaylova** (Lithuania, Vilnius, Vilnius University); Dr. of Philology **O. V. Nikitin** (Russia, Moscow, State University of Education; Russia, Petrozavodsk, Petrozavodsk State University); Prof. **A. Pavlova** (Germany, Mainz, Johannes Gutenberg University); Prof. **G. Petkova** (Bulgaria, Sofia, Sofia University "St. Kliment Ohridski"); Prof. **I. Pospisil** (The Czech Republic, Brno, Masaryk University); Prof. **B. M. Proskurnin** (Russia, Perm, Perm State National Research University); Prof. **M. E. Rut** (Russia, Ekaterinburg, Ural Federal University); Dr. hab. **T. Szabó** (Hungary, Pécs, University of Pécs); Prof. **V. I. Tyupa** (Russia, Moscow, Scientific-Educational Center for Cognitive Programs and Technologies of RGGU); Prof. **T. V. Ustinova** (Russia, Moscow, Moscow State Pedagogical University); Prof. **A. de La Fortelle** (Switzerland, Lausanne, University of Lausanne); Prof. **R. Hodel** (Germany, Hamburg, University of Hamburg); Dr. of Philology **K. I. Sharafadina** (Russia, Saint Petersburg, Saint Petersburg Humanitarian University of Trade Unions)

Главный редактор: проф. **Нина Петровна Хрящева** (Россия, Екатеринбург, УрГПУ)
выпускающий редактор: доц. **Скрипова Ольга Александровна** (Россия, Екатеринбург, УрГПУ);
ответственный секретарь: доц. **Макарова Людмила Юрьевна** (Россия, Екатеринбург, УрГПУ);
администратор сайта: **Долгов Антон Александрович** (Россия, Екатеринбург, УрГПУ)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

по фольклору и истории древнерусской литературы: доц. **Ложкова Татьяна Анатольевна** (Россия, Екатеринбург, УрГПУ)
по истории древнерусской литературы, литературы XVIII в.: проф. **Зырянов Олег Васильевич** (Россия, Екатеринбург, УрФУ); по истории литературы XIX в.: проф. **Ермоленко Светлана Ивановна** (Россия, Екатеринбург, УрГПУ); по теории литературы: проф. **Барковская Нина Владимировна** (Россия, Екатеринбург, УрГПУ); по истории литературы XX – начала XXI вв.: проф. **Снигирева Татьяна Александровна** (Россия, Екатеринбург, УрФУ), доц. **Лобин Александр Михайлович** (Россия, Ульяновск, УГПУ им. И. Н. Ульянова), доц. **Тагильцев Александр Васильевич** (Россия, Екатеринбург, УрГПУ); по лингвистике и методике ее преподавания: проф. **Чудинов Анатолий Прокопьевич** (Россия, Екатеринбург, УрГПУ); по теории языка и речевой коммуникации: проф. **Дзюба Елена Вячеславовна** (Россия, Санкт-Петербург, СПбПУ); по прикладной лингвистике и междисциплинарным методам в филологии: проф. **Мухин Михаил Юрьевич** (Россия, Екатеринбург, УрФУ); по теории зарубежной литературы, английской литературной классике: проф. **Доценко Елена Георгиевна** (Россия, Екатеринбург, УрГПУ); по проблемам перевода, современному британскому роману: проф. **Сидорова Ольга Григорьевна** (Россия, Екатеринбург, УрФУ); по деловому английскому языку: д-р филол. наук **Макарова Елена Николаевна** (Россия, Екатеринбург, УрГЭУ); по немецкоязычной литературе, русско-немецким литературным связям, имагологии, художественному переводу: д-р филол. наук, глав. науч. сотрудник **Кудрявцева Тамара Викторовна** (Россия, Москва, ИМЛИ); по истории французского языка, типологии и сопоставительному языкознанию: проф. **Лыкова Надежда Николаевна** (Россия, Тюмень, ТюмГУ); по вопросам романского языкознания и сопоставительной прагматике: доц. **Ерофеева Елена Владимировна** (Россия, Екатеринбург, УрГПУ); по вопросам второго иностранного языка: доц. **Соколова Ольга Леонидовна** (Россия, Екатеринбург, Институт международных связей); по вопросам технологий литературного образования и преподавания классической литературы в вузе и школе: доц. **Алексеева Мария Александровна** (Россия, Екатеринбург, СУНЦ УрФУ); по методологии и методике преподавания современной литературы в вузе и школе: доц. **Гутрина Лилия Дмитриевна** (Россия, Екатеринбург, УрГПУ); по вопросам современных образовательных технологий, инновационным процессам в образовании: проф. **Мосина Маргарита Александровна** (Россия, Пермь, ПГПУ); по теории и практике преподавания русского языка в поликультурной среде вуза и школы: доц. **Еремина Светлана Александровна** (Россия, Екатеринбург, УрГПУ)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Проф. **В. В. Абашев** (Россия, Пермь, Пермский государственный национальный исследовательский университет); проф. **О. Ю. Анцыферова** (Россия, Санкт-Петербург, Санкт-Петербургский государственный университет); проф. **Л. О. Бутакова** (Россия, Омск, Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского); д-р филол. наук **О. М. Валова** (Россия, Киров, Вятский государственный университет); проф. **М. Я. Вайскопф** (Израиль, Иерусалим, Еврейский университет в Иерусалиме); д-р филол. наук **Т. Викторофф** (Франция, Страсбург, Страсбургский университет); канд. филол. наук **Я. Галло** (Словакия, Нитра, Университета им. Константина Философа в Нитре); канд. филол. наук **А. Громинова** (Словакия, Трнава, Университет им. Св. Кирилла и Мефодия); проф. **Б. Дооге** (Бельгия, Гент, Гентский университет); д-р филол. наук **А. А. Дырдин** (Россия, Ульяновск, Ульяновский государственный технический университет); д-р филол. наук **А. А. Житенев** (Россия, Воронеж, Воронежский государственный университет); проф. **О. Н. Кондратьева** (Россия, Кемерово, Кемеровский государственный университет); проф. **Е. Ю. Куликова** (Россия, Новосибирск, Институт филологии СО РАН); д-р филол. наук **Г. В. Кучумова** (Россия, Самара, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королёва); проф. **М. А. Литовская** (Россия, Екатеринбург, Уральский федеральный университет); проф. **Н. М. Малыгина** (Россия, Москва, Институт мировой литературы им. А. М. Горького РАН); канд. филол. наук **А. А. Медведев** (Россия, Тюмень, Тюменский государственный университет); проф. **Г. П. Михайлова** (Литва, Вильнюс, Вильнюсский университет); д-р филол. наук **О. В. Никитин** (Россия, Москва, Государственный университет просвещения; Россия, Петрозаводск, Петрозаводский государственный университет); проф. **А. Павлова** (Германия, Майнц, Майнцкий университет им. Иоганна Гутенберга); д-р филол. наук **Г. Петкова** (Болгария, София, Софийского университета Св. Климента Охридского); проф. **И. Поспишил** (Чешская Республика, Брно, Университета им. Масарика); проф. **Б. М. Проскурнин** (Россия, Пермь, Пермский государственный национальный исследовательский университет); проф. **М. Э. Рут** (Россия, Екатеринбург, Уральский федеральный университет); хабил. д-р **Т. Сабо** (Венгрия, Печ, Печский Университет); проф. **В. И. Тюпа** (Россия, Москва, Научно-образовательный центр когнитивных программ и технологий РГГУ); д-р филол. наук **Т. В. Устинова** (Россия, Москва, Московский педагогический государственный университет); проф. **Фортель, де ля А.** (Швейцария, Лозанна, Лозаннский университет); проф. **Р. Ходел** (Германия, Гамбург, Гамбургский университет); д-р филол. наук **К. И. Шарафадина** (Россия, Санкт-Петербург, Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов)

СОДЕРЖАНИЕ

КОНЦЕПЦИИ. ПРОГРАММЫ. ГИПОТЕЗЫ

- 7 *Islamova A. K. The Synergy of Literary and Philosophical Discourses in the Epic Spider World* by C. Wilson
16 *Филичева В. В. Первое критическое издание Ф. Сологуба: «Мелкий бес» в издательстве «Academia»*

«ВСЁ К РАЗМЫШЛЕНИЮ ВЛЕКЛО»:

К 225-ЛЕТИЮ А. С. ПУШКИНА

- 27 *Гридина Т. А., Коновалова Н. И. Современная пушкиниана в коммуникативных практиках медиадискурса*
38 *Nick J. Commentaire des épigraphes françaises des œuvres d'A. S. Pouchkine dans la pratique de l'enseignement du russe comme langue étrangère*

ШКОЛЬНАЯ КЛАССИКА

И СОВРЕМЕННАЯ МАССОВАЯ КУЛЬТУРА

- 48 *Загидуллина М. В. «Оспариваемые территории»: о падении национальной прецедентной базы*
57 *Литовская Е. В., Литовская М. А. Внеклассное чтение: школьная классика и руслит-фандом*
67 *Черняк М. А. Диалог со «школьным каноном» в современной подростковой литературе*
77 *Абашев В. В., Абашева М. П. Трансфикциональные опыты российской массовой культуры*

СОВРЕМЕННЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ЛИНГВИСТИКИ

- 86 *Zhirova I. G. Quasi-modal Verbs in American English*
93 *Сложеникина Ю. В., Зайцева А. С. К вопросу о кодификации предложно-падежных форм в «Русском орфографическом словаре»*
101 *Галло Я., Милиев Ф. Роли участников коммуникации в рекламном дискурсе: прагмалингвистический аспект*
114 *Дзюба Е. В., Миронова Д. М. Феномен межъязыковых соответствий в свете когнитивно-системологической интерпретации*
123 *Береснева В. А. Раскрытие сущности языка (методический аспект)*

ПОЭТИКА ЗАРУБЕЖНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- 132 *Dronova O. A. Die figur des flaneurs in den romanen von Herta Müller and Matthias Nawrat: von der tradition zur postmoderne*
142 *Ilunina A. A. Robert Edric's *The Book of the Heathen* as a "Post-Colonial Response" to Joseph Conrad's *Heart of Darkness**

МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ

ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ ДИСЦИПЛИН

- 149 *Ламзина А. В., Сильчева А. Г. Перспективы нейромоделирования агонального диалога в изучении английского языка*
160 *Цзин Байлян. Когнитивные факторы изучения частей речи в практических курсах русского и китайского языков как иностранных*
173 *Воителева Т. М., Текучева И. В. Школьный учебник русского языка: история и перспективы*

ОБЗОРЫ. РЕЦЕНЗИИ

- 183 *Колесникова Е. И. Хроника международной конференции «Время Рида Грачева (памяти писателя: 1935–2004)»*
194 *Зверева Т. В. Большая книга в «короткие времена»*
198 *Кубасов А. В. Мегaproject А. П. Чудакова и его реализация*

CONTENT

CONCEPTS. PROGRAMS. HYPOTHESES

- 7 *Islamova A. K. The Synergy of Literary and Philosophical Discourses in the Epic Spider World* by C. Wilson
16 *Filicheva V. V. The First Scientific Publication of a Work by F. Sologub: *The Petty Demon* in the Academia Publishing House*

"ALL LED TO CONTEMPLATION":

TO THE 225TH ANNIVERSARY OF PUSHKIN'S BIRTH

- 27 *Gridina T. A., Konovalova N. I. Modern Pushkin Studies in the Media Discourse Communication Practices*
38 *Nick J. Commentary on French Epigraphs of A. S. Pushkin in the Practice of Teaching Russian as a Foreign Language*

SCHOOL CLASSICS

AND MODERN MASS CULTURE

- 48 *Zagidullina M. V. "Contested Territories": Towards the Fall of the National Precedent Base*
57 *Litovskaia E. V., Litovskaya M. A. Out-of-Class Reading: School Literary Classics and Ruslit Fandom*
67 *Chernyak M. A. Dialogue with the "School Canon" in Modern Teen Literature*
77 *Abashev V. V., Abasheva M. P. Transfictional Experiments of Russian Mass Culture*

TRENDS IN MODERN LINGUISTICS

- 86 *Zhirova I. G. Quasi-modal Verbs in American English*
93 *Slozhenikina Yu. V., Zaitseva A. S. On the Issue of Codification of Prepositional Constructions in the Russian Orthographic Dictionary*
101 *Gallo J., Miliaev F. The Roles of Communication Participants in Advertising Discourse: A Pragmalingvistic Aspect*
114 *Dziuba E. V., Mironova D. M. The Phenomenon of Interlingual Correspondences in the Light of Cognitive-Systemological Interpretation*
123 *Beresneva V. A. A Description of the Essence of Language (Methodological Aspect)*

GLOBAL LITERATURE POETICS

- 132 *Dronova O. A. The Image of the Flaneur in the Novels by Herta Müller and Matthias Nawrat: From Tradition to Postmodernism*
142 *Ilunina A. A. Robert Edric's *The Book of the Heathen* as a "Post-Colonial Response" to Joseph Conrad's *Heart of Darkness**

METHODS OF TEACHING

PHILOLOGICAL DISCIPLINES

- 149 *Lamzina A. V., Silcheva A. G. Prospects for Neuromodeling of Agonistic Dialogue in Learning English*
160 *Jing Bailiang. Cognitive Factors of the Study of Parts of Speech in the Practical Teaching of Russian and Chinese Languages*
173 *Voiteleva T. M., Tekucheva I. V. Russian Language School Textbook: History and Perspective*

REVIEWS

- 183 *Kolesnikova E. I. International Conference "The Time of Rid Grachev (In Memory of the Writer: 1935–2004)"*
194 *Zvereva T. V. A Long Book Written in "Hectic Times"*
198 *Kubasov A. V. The Megaproject of A. P. Chudakov and Its Implementation*

КОНЦЕПЦИИ. ПРОГРАММЫ. ГИПОТЕЗЫ

УДК 821.111-31(Уилсон К.)+811.111'42. DOI: 10.26170/2071-2405-2024-29-4-7-15.
ББК Ш33(4Вел)63-8,444+Ш143.21-51.
ГРНТИ 17.07.29. Код ВАК 5.9.3

THE SYNERGY OF LITERARY AND PHILOSOPHICAL DISCOURSES IN THE EPIC SPIDER WORLD BY C. WILSON

Alla K. Islamova

Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russia)
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-9981-0980>

Summary. The article interprets the synergy of figurative description and ideological perception of reality in the work of fiction under study as a process of mutual integration, which facilitates the creation of a realistic worldview due to the convergence of aesthetic and philosophical modes of its cognition. In this respect, the epic series *Spider World* by C. Wilson makes a relevant subject for consideration, being an original work of philosophical prose and formulaic sample of science fiction of the postmodern period. The preliminary review of the four novels of the series suggests an axiomatic presumption that their common imagery setting reflects the current state of modern society from the postmodern point of view of predicting possible future changes. The further exploration of author's futurological project uncovers the principal importance of the first three novels, since their common epic perspective creates a total epistemological horizon for the motivated development of existential ideas along with the progressing narrative story of human destiny in the world. A systemic approach to the architectonics of the novels in question makes it possible to reconstruct their consolidated model and trace the synergic connections between the literary text and the philosophical metatext across the entire structure of the genre form. These connections come out in the semiotic space of the intertext, where figurative representations of real objects function as ambivalent correlatives of phenomenal perceptions and rational concepts of things. The discursive analysis of the discovered synergic correlations leads to the conclusion, that the philosophical conceptualization of their results is effected in the epic within the boundaries of the author's intention to develop the methodological foundation and the literary devices of creative writing in the postmodern period of literary history.

Keywords: philosophical fiction; postmodern culture; formulaic genre; cognitive system; synergic interaction; intertextual semiotic networks

For citation: Islamova, A. K. (2024). The Synergy of Literary and Philosophical Discourses in the Epic *Spider World* by C. Wilson. In *Philological Class*. Vol. 29. No. 4, pp. 7–15. DOI: 10.26170/2071-2405-2024-29-4-7-15.

СИНЕРГИЯ ЛИТЕРАТУРНОГО И ФИЛОСОФСКОГО ДИСКУРСОВ В ЭПОПЕЕ К. УИЛСОНА «МИР ПАУКОВ»

Исламова А. К.

Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия)
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-9981-0980>
SPIN-код: 1750-5542

Аннотация. Синергия образного описания и идейного осмысления реальности в рассматриваемом произведении трактуется в статье как процесс взаимной интеграции, способствующий созданию достоверной картины мира за счет сближения эстетического и философского методов познания действительности. В данном отношении эпический цикл «Мир пауков» К. Уилсона представляет собой релевантный объект исследования, являясь оригинальным произведением философской прозы и формульным образцом научной фантастики постмодернистского периода. Предварительный обзор четырех романов эпопеи влечет за собой аксиоматическое положение о том, что их общий художественный план отражает современную социальную действительность с пост-современной позиции видения предполагаемых изменений в будущем. Дальнейшее изучение авторского futuroлогического проекта раскрывает принципиальную значимость первых трех романов, поскольку их общая эпическая перспектива создает полный эпистемологический горизонт для мотивированного движения экзистенциальных идей по мере развертывания повествовательной истории о судьбе человека в мире. Системный подход к архитектонике отдельных романов эпопеи позволяет воспроизвести их консолидированную модель и проследить синергические отношения литературного текста и философского метатекста в целостной структуре жанровой формы. Искомые связи обнаруживаются в семиотическом пространстве интертекста, где образные репрезентации реальных объектов выступают в качестве двойственных коррелятов феноменальных представлений и рациональных понятий о вещах. Дискурсивная аналитика синергических корреляций приводит к заключению о том, что философская концептуализация их результатов осуществляется в эпопее в границах целевой установки автора на развитие методологической базы и художественных методов писательского творчества в постмодернистский период литературной истории.

Ключевые слова: философская фантастика; формульный жанр; постмодернистская литература; когнитивная система; синергическое взаимодействие; интертекстуальные семиотические сети

Для цитирования: Исламова, А. К. Синергия литературного и философского дискурсов в эпопее К. Уилсона «Мир пауков» / А. К. Исламова. – Текст : непосредственный // Филологический класс. – 2024. – Т. 29, № 4. – С. 7–15. – DOI: 10.26170/2071-2405-2024-29-4-7-15.

Colin Wilson came into the English literary history of the second half of the twentieth century as a recognized co-author of the contemporary philosophical novel, together with William Golding and Iris Murdoch. Along with his colleagues, C. Wilson merged the figurative description of visual phenomena with reflexive reasoning on their implicit essences. He defined the principal approach to the related objectives in the critical essay “The Outsider” (1956), proving the crucial necessity for a new turn in the development of aesthetic and cognitive means of literature after the modernist shift of priorities from the world of real objects towards the world outlook of an individual subject [Wilson 1956]. Since that time, C. Wilson has written a number of theoretical and fictional works aimed at establishment of postmodern methodological foundation for the reverse move of that shift and, connectedly, the remove of subjective distortions from the picture of objective reality.

The distinctive feature of C. Wilson’s novels is their architectonic design. In each particular case, the structural organization of the text certifies the author’s skills in building the appropriate genre structure to carry wealth of content and high semantic load without any losses for the artistic qualities of the literary work. The most notable turns in the writer’s progress in the craft of novel are marked with the books “Ritual in the Dark” (1960), “The Mind Parasites” (1967), “The Philosopher’s Stone” (1969), “The Space Vampires” (1976). Within the outlined retrospective, “Spider World” stands out as the single follow-up book of the author, which represents the paradigm of the philosophical visionary fiction of the time in four inclusive volumes. These are “The Tower” (1987), “The Delta” (1987), “The Magician” (1992) and “Shadowland” (2003). H. F. Dossor, a literary critic, evaluated the whole succession as “an art achievement of the highest order” which is destined “to be one of the central products of the twentieth century imagination” [Dossor 1990: 284]. Given the implied references of fictional imagery to factual reality, “Spider World”, with its global-scale generalizations, opens a wide field for a query about the probability of the postmodern prognosis for the modern human condition, predicted by the author. N. Tredell wrote in this regard, that C. Wilson foresaw the future of fiction and something of the future of man [Tredell 2015]. However, the purposeful overview of the subject matter leaves within the open area of research only the three foregoing parts of the series, the fourth one being not so much the finishing extension to the postmodern projection of the actual order of things but the presumption of writer’s unfinished plan for eliminating the negative factors of future civilization developments. This suggestion follows from the pronounced intention of C. Wilson to bring the epic to its logical conclusion: “That, as it were, is the first part. So that when it is finished it will be a twelve

volume work” [Brown 2011: 5].

Taken together, the abovementioned factors and facts of the author’s intellectual design make a case for a special insight into the synergy of the descriptive and notionable components of the epic narration as an advancement in the development of literary devices in the postmodern period.

The deployment of the futurological project in several interlinked volumes requires a holistic approach, which would enable to identify the core notions of the literary series with respect to the postmodern frame of reference in contemporary art and culture. The systemic methods of research meet this requirement completely because they comprise the set of appropriate analytical and synthesizing instruments for reproducing the unified genre model of the novels in question. The axiomatic implication for the consolidated modelling is that the individual life stories constitute the ontological dimensions of an epic narration while the gnoseological parameters of the latter depend on the experienced knowledge of individuals about being in the world. This preliminary assumption conforms to the theories of genre architectonics worked out by P. A. Florensky [1993], Yu. M. Lotman [1998], N. D. Tamarchenko [2004], S. N. Zenkin [Zenkin 2017: 519-539] and other scholars. P. A. Florensky, in particular, considered the ontological foundation of architectonic forms as the basic pattern for featuring the most essential values of human existence: “The goal of art is to overcome the sensual appearance, the naturalistic casing of contingency so that to uncover the sustainable and persistent essences, which have general validity in the real world” [Florensky 1993: 70–71]. Yu. M. Lotman, in his turn, discloses the gnoseological functions of the genre structure pointing out to the continuous formation of new semantic fields of cognition along the story line of events: “An event in the text is the transgression of the character across the boundary of a semantic field” [Lotman 1998: 224]. The coherent unfolding of the tales about “being” and “knowing” suggests the intermediate presence of a semiotic network, which provides communication links between the two planes of narration, thus ensuring the aesthetic integrity of the whole architectonic structure. The access key to the construct’s intertextual correlations is the concept of figurative image as a code of artistic conventionality for designating both a real object and its ideal phenomenon in subjective consciousness. S. I. Romanova claims that such conventional codes enable “human consciousness to build a complex figurative-and-semiotic model of the world” through the aesthetic synthesis of substantial contents in mental forms of their artistic expression [Romanova 2008: 31]. I. A. Belyaev specifies the inherent synthesizing ability of literary-artistic images with reference to the initial purpose of these creatively designed forms for reflecting “multifaceted reality, discovered outside its limits” due

to conscious perception of things in the light of their value relevance for human existence [Belyaev 2020: 561].

The abovementioned concepts make up the methodological grounds for reproducing a wholesome model of the three forgoing novels of C. Wilson's "Spider World" with respect to the ontological, gnoseological and aesthetic aspects of their overall epic perspective. The dual nature of the figurative image, with its bilateral linkage to objective realities and subjective representations, allows for achieving this aim through linear analysis of the imagery paradigms delivering the intertextual concordance of eventful and meaningful orders of the literary discourse. Furthermore, the associated systemic research into the semiotic connotations of the ascertained paradigms leads to the discovery of the expected synergic communications between the narrative text and the philosophical metatext in the novels considered, including the emergent effect of the synergy. The statute definition of synergy dictates, that it is "combined performance; the interface of various potentials or types of power in contiguous operation" [Philosophical Encyclopedic Dictionary 2009]. T. P. Berseneva introduces this scientific category in the area of humanities, clarifying its cognitive and didactic modifiers in philosophical, literary and other cultural contexts [Berseneva 2016: 51]. Both qualifying statements are quite applicable to the case study of C. Wilson's epic under the condition of particular regard for the synergic activities of its main human character, who comes forward as the self-sufficient subject of all phenomenal and essential representations of the spiders' world. Since the protagonist derives the essential meanings of visual phenomena from empirical cognizing, his way of experience and knowledge accounts for the total matrix of synergic interactions between the narrative and notional lines of the epic discourse which lead the enquiring mind to the truth through subsequent stages of reality awareness.

In the first novel, "The Tower", the initial stage of the synergy process correlates with the scenes of introductory exposition, the occurrence of dramatic situation and the ensuing hero's life path. The description of the onset scenes in compliance with the conventional principles of visionary fiction forms the primary allegoric framing for the tale about human destiny in the fictitious spiders' world. The secondary conventional pattern results from the creative and intellectual activities of the hero who composes his world picture of phenomenal images complemented with mythological, metaphoric and symbolic features. These polysemous complementary elements endow the visual images with meaningful connections to their objective correlates, thus generating transversal semiotic medium between the epic perspective and the epistemological horizon of the unfolding picture. At the vanishing point of the perspective, the hero conceives the gigantic spiders as an incarnation of absolute evil on the grounds, that these powerful and insidious predators have defeated human civilization, subdued people and established tyrannical rule on them: "Men who challenged the spiders died a horrible death" [Wilson 1987a]. The biased preconceptions came to the young

boy's mind from old legends about spiders' invasion and rooted deep when the spiders took him prisoner to the city from the native desert reservation. Nevertheless, the primeval images of human and inhuman inhabitants of the planet tend to change their phenomenal appearance and semantic contents with the progressing lifeway and the broadening world outlook of the involuntary traveler.

The boy first approaches still dark fields of discovery when deciphering the codes and signs of ancient myths about the great war of people against spiders and their allied beetles. The unraveled riddles lead to the idea that the insects won the battle because of the treachery of human governors, who fostered the enslavement of their kindred for selfish and mercantile motives. The vague guess turns into hard truth while the unfortunate prisoner is threading his path to freedom in spiders' empire passing through its primitive, slave-owning, feudal and capitalistic formations. The most significant finding on this challenging way is the disappointing revelation that people easily entangle in spiders' cobweb of servile dependence because they have never known other bonds than domination and submission: "They were living according a mechanical routine, and each one seemed to regard himself as a mere fragment of a crowd" [Wilson 1987a]. Moreover, the disillusioned but still sincere devotee of freedom witnesses the evident expression of spider traits in human servants who exercise their authority over miserable inferiors to the benefit of spider-masters. The only inspiring event happens in White Tower where the young man accesses the great material and spiritual treasures created by human predecessors before the global catastrophe of their community. The profound research into the values of civilization revived the belief in the dignity of human race and encouraged the hero and his associates to raise the laborers at beetles' factories for the armed revolt against the spiders' feudal regime. However, the attempt of social revolution under the slogans of liberty, equality and fraternity ended in defeat for the rebels but in favour of the bourgeois class of the beetles who got the legalized right for unconstrained exploitation of workers.

Tracing the similar transformations in imagery systems with continuing story lines, J. White defines this collateral process by the term "prefiguration" to signify its impact as a unifying "conventional device" for mutually consistent representation of characters, circumstances and events in a work of fiction [White 2015: 11]. In C. Wilson's novel "The Tower", the integrating functions of prefiguration proceed not only within the narrative text but also at the outer level of the philosophical metatext, whereby the literary discourse is involved in the mainstreams of postmodern ideas. Seen from this level, the conventionally allegoric picture of spiders' evolution and humans' degradation shows evident bias towards the postmodern strategy for deconstruction of the anthropocentric model of the world well established in the New Time culture. M. Foucault, for instance, opposes the post-structural logics of "decentering that leaves no privilege to any center" to the anthropological thought, that orders all

“questions around the question of man’s being”, thus replenishing the speculative paradigm of “absolute axes of reference” [Foucault 2002: 225–226]. If the French philosopher rests his concept on the archeology of knowledge, then C. Wilson relies upon the principle of sense experience to align his postmodern forecast with the realities of actual modernity. In this regard, the fading division line between the profiling images of vanquished people and victorious insects takes on the value of a conventional sign, which indicates on internal premises for dehumanization of the world. Insofar as the existential experience brings the protagonist closer to a deeper understanding of reality, the consequent idea about the inner nature of evil in human community approximates the theory by J.-F. Lyotard, who also refers to real incidents to back up his inference about the immanent reasons for severance of positive ties between people: “This is the case if the victim is deprived of life, or all of his or her liberties, or of freedom to make his or her opinion public” [Lyotard 1988: 5]. After uncovering the shadowed sides of human coexistence, the two explorers follow their own ways of thinking so that to identify the hidden origins of the internal threat. Accordingly, C. Wilson encourages his hero to disclose the background of the ages-old relation of authority and obedience, which lays at the very founding of civilization and still serves as a pillar of a totalitarian society. J.-F. Lyotard suggests that the ultimate beginning of social vices goes back to the passive non-resistance of human consciousness to inhuman reality, due to its “being prepared to receive what thought is not prepared to think” [Lyotard 1991: 73]. In spite some discrepancies, the immanent insight into anthropological issues of being leads both authors to the shared postmodern presumption that the elicited flaws are not subject to revolutionary transformation, which would inevitably incur the emergence of another authoritarian system and, on top of that, at the cost of irreversible losses and deaths. The postmodern critique of radical reforming finds a definite explanation in the works by J. Baudrillard, who proves the historical inconsistency of any attempts to reconcile the objective laws of social life with subjective preconceptions of reasoning mind: “All the great schemas of reason have suffered the same fate. They have only traced their trajectory, they have only followed the thread of their history along the thin edge of the social stratum bearing meaning” [Baudrillard 1994: 8].

Overall, the given juxtapositions allow for the conclusion that the imagery prefiguration in C. Wilson’s novel “The Tower” engenders the synergic effect of meaning comparable with the postmodern philosophical notion about the irrelevancy of the modern ontology, which admits the violent intrusion into social reality with the aim of its transfer from “irrational” into “rational” condition. However, apart from the methods of philosophical anthropology and social analysis, C. Wilson also employs literary devices to capture the global-sized concerns of human being in an individual life story. The art of personalized embodiment of universal conflicts became especially important for the author after the skeptical retreat from

the modernistic guideline on changing the world to the postmodern strategy for changing consciousness in the face of world. The postmodern critic F. F. Centore characterized the similar inversion of priorities in philosophy as a gnoseological bias towards “ontology of mind”, alluding to the theories of radical hermeneutics, deconstructionism and other appropriate concepts of contemporary thinkers: “Instead of an ultimate real course of things, we are left with an intramental attitude, disposition and frame of mind” [Centore 1991: 174]. C. Wilson debates the issues of consciousness with regard to the real course of being with the view to find the possible approach to their reconciliation in literary practice: “The artist has to recognize himself not merely as being able to see the world, but also being able to *alter his perception* of it” [Wilson 1975: 92–93]. The writer achieves this purpose in the novel “The Delta”, applying a complex set of aesthetic, scientific and philosophical instruments of research to the subject matter in question.

The aesthetic framing of the novel “The Delta” is dependent on both the fictional form of the preceding narration and the factual content of the proceeding tale about the further way of the main character in the spider world. Within the local allegoric patterns of the plot, the continued story line assumes the conventional meaning of the ongoing life path, where the surrounding world casts itself as reality through the new knowledge and experience gained by the hero. Therefore, due to the specified relations between being and thinking in the narrative text, the postmodern “ontology of mind” is supposed to transcend the “intramental attitude” and to adjoin the empirical tradition in the theory of cognition at the level of the philosophical metatext. Along with the scientific principle of empiric verification, the other implication of the novel’s intellectual design is the axiomatic statement of phenomenology about the continuity and mutual irreducibility of mental perceptions and their objective correlates. The founder of phenomenology E. Husserl presumed that in every act of cognitive perception, the attitude of the subject is directed “from the pure Ego to the ‘object’ of the consciousness-correlate in question, to the physical thing, to the affair-complex, etc., and effects the very different kinds of consciousness of it” [Husserl 1983: 168–169]. C. Wilson appeals to E. Husserl’s philosophical theory in search of a methodological approach to eliminating the cognitive distortions of the world picture in a work of literature: “There is a philosophical method, whose purpose is to uncover these ‘distortions imposed by thought’; it is called phenomenology” [Wilson 1972: 21–22].

The convergent developments of the given conceptual dispositions in the book “The Delta” prove the feasibility of the author’s project. The basic supporting argument is the expected enlargement of the novel’s epic perspective and its epistemological horizon with the unfolding description of the former rebels’ dramatic travel to the realm of wild nature after the exile from the spiders’ capital city. The cause and effect connections between the existential and gnoseological dimensions of the novel’s fictional world trace back to the commensurably expanding areas of the travelers’

experience and knowledge on their purposeful way to solving the mystery of spiders' saltation, hidden in the depths of nature. Since the guiding motif for the expedition is to disclose the origins of spiders' power for the sake of people's welfare, the explorers act as intentional subjects identifying the essential meanings of natural phenomena not only on the ground of sense experience but also in terms of human values. In spite of the widening field of research in the marshlands and mangroves of the Delta, the accepted empirical and axiological approaches turn out to be insufficient for the adequate sight of findings and discoveries. As a result, the thought-to-be objects of reality make up only a fragmentary picture of hostile nature and mortally dangerous environment for its own inhabitants: "These creatures were being forced to evolve merely so they could destroy one another" [Wilson 1987a: 163]. However, the will to truth helps the team leader to recognize the flaws of the picture and inspires him for further research even after his exhausted fellow travelers had got off the path: "I know there are many dangers in the Delta, but somehow, the greatest danger lies in your own mind" [Wilson 1987a: 165].

The hero achieved his goal, when he managed to get to the summit of the great mountain in the very heart of Delta. At that dramatic moment, a sagacious sense of peak experience awoke the implicit faculty of mind for reflection, that is, the ability of questing consciousness to derive the essential meanings of things from their phenomenal and conceptual representations in the open horizon of single vision. From that point on, the protagonist, in addition to his mission of the cognizing subject, performs the tasks of the agent of synergy, who initiates prefiguration of phenomenal images altering the semiotic network of their objective and notional correlations at the corresponding levels of the narration text and philosophical metatext. The reflective stream of consciousness takes the form an internal dialogue, which conveys the moves of thought in search of the clue to the enigma during the intercourse of the hero with imagined Goddess of Nature. The first mark of his advance to the purpose is a vague guess that people were self-defeated for trying to improve livelihood at the cost of damages to other earth's inhabitants, and, inevitably, to their own living environment. The probable conjecture prompts the idea about a day of reckoning, which came with the invasion of extraterrestrial species in the planet, to the detriment of human race and for the good of beings that had never lost positive connections with nature and managed to evolve under the changing conditions of the earth biosphere. The ultimate effect of the synergic process emerges when the hero's inquiring mind overcomes the limits of phenomenal perception to reach an open field for a holistic understanding of the essential background of visual objects. Then, in the celestial horizon of the coherent picture of the world, the keen observer recognizes the evident divergence of the natural evolutionary law of total being with the rational sense of progress and purpose to human existence: "Evolution itself was a tremendous community effort, in which every individual played its part" [Wilson 1987a: 201].

Apparently, the given settings of the ontological and gnoseological intercourse in C. Wilson's novel "The Delta" entail the synergic outcome complying with the juxtaposition of the principles of evolutionary process and civilization progress in postmodern cultural self-awareness. A similar train of thought is evident in the philosophical judgments by J. Baudrillard, who applies the categories of "a second-order simulacra" and "simulation" in the analytical description of modern cultural artifacts as hyperreal fakes and forgeries of real things: "Simulation is no longer that of a territory, a referential being, or a substance. It is the generation by models of a real without origin or reality: a hyperreal" [Baudrillard 1994: 1]. U. Eco shares his colleague's negative assessment of artificial hyperreality, and, in addition, explains its origin by perceptual distortion of authentic reality: "The Absolute Fake is offspring of the unhappy awareness of a present without depth" [Eco 2024: 31]. In comparison to the abovementioned philosophical assumptions, the notional results of synergy in C. Wilson's novel "The Delta" constitute a self-contained aesthetic concept that represents the shortcomings of human attitude to the world and suggests an approach to their elimination by means of an existential research into cultural values with respect to the natural order of things. V. Rapatahana makes a point of the existential establishment for anthropomorphic "prehension" of objects in C. Wilson's fiction, where "the individual gives meaning to the world through their intentionality" [Rapatahana 2016]. The point taken, there is still a place left for the motion, that the author's project of "Spider World" stipulates concurrent directions of existential and axiological queries into civilization developments, leading, on balance, to the issue of the measure of unity between human intentions and the general course of being. This problem accounts for the principal subject matter in the third part of the epic, "The Magician".

In the novel "The Magician", the ontological and epistemological aspects of the problem stated overtake the social dimensions of the narrative story line, when the hero turns back from the virgin forests of the Delta to the capital city of spider-and-human society. By analogy with the previous books of the epic, the protagonist provides the synergic connotations between the semantic implications of the narration and the sense logic of the notional discourse by deriving essential meanings from visual phenomena of reality. The difference is that the subject's creative and cognizing activities focus on the phenomenal images of the events and circumstances, which represent the public life and reflect the collective consciousness of the community members. The baseline for the current stage of the synergy is marked with the crucial change in the destiny of the main hero. The former rebel and outlaw became the absolute ruler of spiders and a worshiped hero of people after his victorious showdown against the insects' sovereign and submitting the credentials from the Delta goddess that authorized the winner's domination over the earthly world in the name of natural justice. The young ruler received the new assignment with the firm decision to build a wel-

fare state where everybody would enjoy the benefits of personal liberty and universal equality. However, the utopian project, based on the simple transfer of natural laws onto social sphere, turned out to be inconsistent despite of the governor's desperate attempts to reconcile the common democracy with his own autocratic policy.

The alarming signs of danger first occurred in dramatically growing crime rate and then showed even worse with descending atmosphere of dread and anxiety. Tracing the distinctive signs of the looming menace against the background of real events and their public awareness, the governor and his associates made sure that the overwhelming threat came from malevolent people, who committed violent murders, while law-abiding spiders, on the contrary, were on the guard of social safety. Nevertheless, the spider-officers of law enforcement agencies failed to solve the persistent series of murders, being confused with their seemingly irrational motives and even more – with the strange details of evidence, which did not give any logical explanation for the cruel overkills. It was the human ability of holistic vision, and primarily that of the young ruler's mind, which diverted the case study from spiders' deductive analytics to completing an integrated pattern from disparate details and making sense of their meaningful connections.

The expected engagement of the protagonist with the socially important investigation caused not only the further extension of the intertextual semantic fields, but also the intensive formation of new semiotic networks between the parallel planes of eventful and notional moves of the narrative. Considering the small figures of idols, amulets and other fetishes found on the crime scenes, the researcher identifies these finds as the objects of worship, which symbolize the surrender of reasonable consciousness to superstitious beliefs. The subsequent ordering of the symbolic items by their dual correlations with occult ideas and real things resulted in building a semiotic paradigm, where each sign pointed out to the old-regime authoritarianism as a still practiced principle of relations between people. The only difference was that, apart from the past times of the spider world, the contemporary marginal authorities exercised their power not by physical violence but through ideological compulsion, that is, by instilling views and faiths, which made people die and kill for them as if these were their own sacred beliefs.

Eventually, the semiotic query into the symbols of power upgrades the criminal case study to the level of sociological and political generalizations where their emergent result coincides with the philosophical concept of domination and submission worked out by postmodern thinkers. M. Foucault, for instance, argues that the traditional means of violent abuse have given way to sophisticated methods of ideological pressure onto consciousness in the contemporary system of rule and discipline. According to M. Foucault, such subdued consciousness bears the traces of "the impact, whereby the power relations induce a certain entity of knowledge, and the knowledge facilitates and enhances the effects of the power" [Foucault 2004]. Similar ideas

or their augmented versions constituted the theoretical presumptions for the critique of postmodern society and culture in the works by G. Deleuze [Deleuze 2004: 31–51] and J. Baudrillard [Baudrillard 1994: 79–86]. C. Wilson's literary experience fits in with the philosophical theories of the named authors by witnessing the outer manifestation of supervision and subjection in social being and the possibility for uncovering their inner origins through deep insights into individual consciousness. Thus, the traditional person-centered literary narration in the novel "The Magician" promotes the cogitable development of the dilemma in question towards the premise about its immanent nature, first stated by M. Foucault: "The human represented for us, whom we are supposed to free, is already in himself the subject to subjugation much more profound than himself" [Foucault 2004]. Taken as a distinctly expressed notion, this statement provides a clue to the signs of artistic conventionality, which make up the hierarchal pattern of omnipresent power in C. Wilson's novel.

The accepted code key opens the access to the sense logics of this semiotic system with the progress of the hero-narrator in the investigation of continuing crimes against humanity. His inquisitive thought reaches the top of the symbolic pyramid of power in search of a rational solution to the mystery of the black magus, whom the folk rumor endowed with a supernatural capacity for spreading his ill will and all-pervading evil over the entire world: "Magic is the art of causing changes in consciousness at will" [Wilson 2002]. Considering the causal links between the real atrocities and their conceivable implications in peoples' minds the investigator comes to understand, that the infernal apparition of the almighty evil emerged as an ideation of mythological mentality, or as a hypostatized delusion to which the anguished collective consciousness ascribed real existence. The guess about the evolving of reified image from the mental phenomena encourages the researcher for reflexive introspections into his own mind so that to derive meaningful essence from the seeming appearance of the wicked sorcerer. Despite the expected discovery of the magician in the innermost depths of the subconscious, the young governor finds the clue trail to the mystery only with the sharp hint of a wise councilor. The judgement of the councilor was that the inner vision of the sinister magus appeared as the projection of the governor's lurking ego, striving to become sovereign Lord: "Your magician sounds like that" [Wilson 2002]. However, the protagonist's act of self-identification, although prompted by another character, complies with the crucial stage of cognitive and creative activities, described by Ph. Lacoue-Labarthe and J.-L. Nancy as the "auto-excess" of the postmodern literary hero in his quest for truth out of the egocentric vision of reality: "The 'auto' movement, if it can be called like that – auto-formation, auto-organization, auto-dissolution, etc. – is always a state of excess with itself" [Lacoue-Labarthe, Nancy 2000: 54].

In C. Wilson's book "The Magician", the transgression of the acting subject over the limits of self-centered consciousness leads the sequential lines of

literary and philosophical discourse to the crossroad in the ex-centered sphere of ethics, where their synergic outcome incurs humanized measures of truthfulness and validity. The moral experience of the hero confirms the ethical setting of the further knowledge path, when he recognizes the demonic incarnations of his own will to power in the terrifying phantoms of the magician and a great host of the suppressed and obedient revenants, unable to think and to act independently. According to S. R. L. Clark, the illusive images of monsters in the human-sized perspective of C. Wilson's visionary fiction imply the persistent in-fighting of humans for the victory over the demons in their minds, souls, and ultimately in their being in the world [Clark 2017: 12]. The open ending of the novel "The Magician" allows for the feasibility of this prediction, and the follow-up story proves its fulfilment in the book "The Shadowland", closing the "Spider World" series.

Overall, the research into the synergic interaction of the narrative text and philosophical metatext the C. Wilson's epic "Spider World" enabled to clarify some essential uniformities in the developments of literary devices and their methodological foundation after modernism. The emergent effects of the synergy evidence, that the regular pattern of the said uniformities took its shape under the influence of the postmodern shift of axiological priorities in the framing and features of the general picture of the world. The contemporary offsets from the modern outlook on order of things have well established ontological, gno-seological, socio-cultural and aesthetic parameters, which manifested themselves, inter alia, in C. Wilson's art system. Its ontological dimensions are compatible

with the postmodern frame of reference where modernist innovative strategies come under severe criticism and direct rejection on the grounds, that they permit violent intrusion into natural and social reality contrary to the law of evolution. The determined deviation from the guideline for changing the world causes the reverse turn of the thought in search of possibilities for changing consciousness of the world in the face of actual reality. The way back from the object to the subject of cognition leads to the query about the social and cultural background of the New Age rationality with particular regard to individual consciousness as the concrete agent of commonly shared ideologies and their variable transformations. The personalized approach to the issues of mentality focuses the aesthetic aspects of postmodern discourse on the modernized art world, with its borders biased towards the limits of vision and existence a singular subject. In C. Wilson's literary work, this "all-new" genre model accounts for the initial paradigm of the narrative organization, which vividly reflects the self-centered attitude of the hero-narrator to the outer environment. However, supporting the modernists' concept of the literary character as the autonomous subject of all representations, the writer also appeals to the old masters' moral ideas, so that to encourage the new hero for the auto-excess from the egocentric circle of living and thinking, and hence to avoid the cognitive distortions of the picture of reality. Eventually, the revived principle of historical continuity and its consistent implementation with respect to modern and classical art inheritance proves to be a most significant effect of the intertextual synergism in the epic "Spider World" by C. Wilson.

Литература

- Берсенева, Т. П. Синергия: сущностные характеристики и формы проявления / Т. П. Берсенева // Грамота. Вопросы теории и практики. – 2016. – № 2. – С. 48–52.
- Зенкин, С. Н. Теория литературы: Проблемы и результаты / С. Н. Зенкин. – М. : Новое литературное обозрение, 2017. – 368 с.
- Лотман, Ю. М. Структура художественного текста / Ю. М. Лотман // Об искусстве. – СПб. : Искусство, 1998. – С. 13–285.
- Романова, С. И. Художественный образ в пространстве семиотических отношений / С. И. Романова // Вестник МГУ. Серия 7. Философия. – 2008. – № 6. – С. 28–38.
- Тамарченко, Н. Д. «Рассказанное» событие: мир героя и понятия «сюжетологии» / Н. Д. Тамарченко // Тамарченко Н. Д., Тюпа В. И., Бройтман С. Р. Теория литературы : учебное пособие для студентов филолог. факультетов высших учебных заведений : в 2 т. Т. 1 / под ред. Н. Д. Тамарченко. – М. : Издательский центр «Академия», 2004. – С. 176–205.
- Философский энциклопедический словарь / ред.-сост. Е. Ф. Губский [и др.]. – М. : ИНФРА-М, 2009. – 569 с.
- Флоренский, П. А. Анализ пространственности и времени в художественно-изобразительных произведениях / П. А. Флоренский. – М. : Издательская группа «Прогресс», 1993. – 321 с.
- Baudrillard, J. Si mulacra and Simulation. Transl. by Sh. F. Glaser / J. Baudrillard. – Ann Arbor : The University of Michigan Press, 1994. – 164 p.
- Belyaev, S. I. Human-Sizedness as a principle of existence for literary-artistic image / S. I. Belyaev // European Proceedings of Social and Behavioral Sciences. Philological Readings. – Orenburg : European Publisher, 2020. – P. 561–567.
- Brown, D. J. Outside the Outsider with Colin Wilson / D. J. Brown. – Text : electronic // Mavericks of the Mind. – 2011, Nov. – P. 1–5. – URL: https://www.davidjaybrown.com/blog/p_67/ (mode of access: 30.09.2024).
- Centore, F. F. Being and Becoming: A Critique of Post-Modernism / F. F. Centore. – New York ; Westport ; London : Greenwood Press, 1991. – 282 p.
- Clark, S. R. L. Lovcraft and the search for meaning / S. R. L. Clark // The Proceedings of the First International Colin Wilson Conference / ed. by C. Stanley. – Nottingham : University of Nottingham, 2017. – P. 10–45.
- Deleuze, G. Foucault / G. Deleuze. – Paris : Les Éditions de Minuit, 2004. – 144 p.

- Dossor, H. F. *Colin Wilson: The Man and His Mind* / H. F. Dossor. – Shaftsbury ; Dorset : Element Books, 1990. – 370 p.
- Eco, U. *Travels in Hyperreality*. Tr. from Ital. by W. Weaver / U. Eco. – New York : HarperVia, 2024. – 324 p.
- Foucault, M. *The archeology of knowledge*. Tr. from the French by Sh. Smith / M. Foucault. – London ; New York : Routledge, 2002. – 239 p.
- Foucault, M. *Surveiller et punir. Naissance de la prison* / M. Foucault. – 2004. – URL: https://monoscope.org/images/2/22/Foucault_Michel_Surveiller_et_Punir_Naissance_de_la_Prison_2004 (mode of access: 09.09.2024). – Text : electronic.
- Husserl, E. *Ideas Pertaining to a Pure Phenomenology and Phenomenological philosophy. First Book. General Introduction to a Pure Phenomenology*. Transl. F. Kersten / E. Husserl. – The Hague ; Boston ; Lancaster : Martinus Nijhoff Publishers, 1983. – 424 p.
- Lacoue-Labarthe, Ph. *Genre. Postmodern Literary Theory* / Ph. Lacoue-Labarthe, J.-L. Nancy // *An Anthology* by L. Niall. – Oxford : Blackwell Publishers, 2000. – P. 43–58.
- Lyotard, J.-F. *The Differend: Phrases in Dispute*. Transl. by G. Van Den Abbeele / J.-F. Lyotard. – Minneapolis : University of Minnesota Press, 1988. – 232 p.
- Lyotard, J.-F. *The Inhuman: Reflections on Time*. Transl. by G. Bennington and R. Bowly / J.-F. Lyotard. – Cambridge : Polity Press, 1991. – 216 p.
- Rapatahana, V. *Colin Wilson* / V. Rapatahana. – 2016. – URL: https://www.philosophynow.org/issues/112/Colin_Wilson_1931 (mode of access: 30.09.2024). – Text : electronic.
- Tredell, N. *Novels to some purpose: the fiction of Colin Wilson* / N. Tredell. – Nottingham : Pauper's Press, 2015. – 443 p.
- White, J. *Mythology and the Modern Novel. A Study of Prefigurative Techniques* / J. White. – Princeton : Princeton University Press, 2015. – 278 p.
- Wilson, C. *Beyond the Outsider* / C. Wilson. – London : Pan Books, 1972. – 255 p.
- Wilson, C. *Spider World. The Delta* / C. Wilson. – London : Grafton Books, 1987a. – 304 p.
- Wilson, C. *Spider World. The Magician* / C. Wilson. – Charlottesville : Hampton Roads Pub Co Inc., 2002. – 286 p. – URL: <https://epdf.tips/colin-wilson-spider-world-05-the-magician> (mode of access: 30.09.2024). – Text : electronic.
- Wilson, C. *Spider World. The Tower* / C. Wilson. – London : Grafton, 1987b. – 398 p. – URL: <https://epdf.tips/colin-wilson-spider-world-01-the-desert-02-the-tower-03-the-fortress> (mode of access: 30.09.2024). – Text : electronic.
- Wilson, C. *The Outsider* / C. Wilson. – London : Victor Gollancz, 1956. – 288 p.
- Wilson, C. *The Strength to Dream: Literature and Imagination* / C. Wilson. – Westport : Greenwood Press, 1975. – 277 p.

References

- Baudrillard, J. (1994). *Si mulacra and Simulation*. Ann Arbor, The University of Michigan Press. 164 p.
- Belyaev, S. I. (2020). Human-Sizedness as a Principle of Existence for Literary-Artistic Image. In *European Proceedings of Social and Behavioral Sciences. Philological Readings*. Orenburg, European Publisher, pp. 561–567.
- Berseneva, T. P. (2016). Sinergiya: sushchnostnye kharakteristiki i formy proyavleniya [Synergy: The Essential Characteristics and the Forms of Manifestation]. In *Gramota. Voprosy teorii i praktiki*. No. 2, pp. 48–52.
- Brown, D. J. (2011). Outside the Outsider with Colin Wilson. In *Mavericks of the Mind*. Nov., pp. 1–5. URL: https://www.davidjaybrown.com/blog/p_67/ (mode of access: 30.09.2024).
- Centore, F. F. (1991). *Being and Becoming: A Critique of Post-Modernism*. New York, Westport, London, Greenwood Press. 282 p.
- Clark, S. R. L. (2017). Lovecraft and the Search for Meaning. In Stanley, C. (Ed.). *The Proceedings of the First International Colin Wilson Conference*. Nottingham, University of Nottingham, pp. 10–45.
- Deleuze, G. (2004). *Foucault*. Paris, Les Éditions de Minuit. 144 p.
- Dossor, H. F. (1990). *Colin Wilson: The Man and His Mind*. Shaftsbury, Dorset, Element Books. 370 p.
- Eco, U. (2024). *Travels in Hyperreality*. New York, HarperVia. 324 p.
- Florensky, P. A. (1993). *Analiz prostranstvennosti i vremeni v khudozhestvenno-izobrazitel'nykh proizvedeniyakh* [An Analysis of Spatiality and Temporality in the Works of Representative Art]. Moscow, Izdatel'skaya gruppa «Progress». 321 p.
- Foucault, M. (2002). *The Archeology of Knowledge*. London, New York, Routledge. 239 p.
- Foucault, M. (2004). *Surveiller et punir. Naissance de la prison*. URL: https://monoscope.org/images/2/22/Foucault_Michel_Surveiller_et_Punir_Naissance_de_la_Prison_2004 (mode of access: 09.09.2024).
- Gubsky, E. F. et al. (Eds.). (2009). *Filosofskii entsiklopedicheskii slovar'* [A Philosophical Encyclopedic Dictionary]. Moscow, INFRA-M. 569 p.
- Husserl, E. (1983). *Ideas Pertaining to a Pure Phenomenology and Phenomenological philosophy. First Book. General Introduction to a Pure Phenomenology*. The Hague, Boston, Lancaster, Martinus Nijhoff Publishers. 424 p.
- Lacoue-Labarthe, Ph., Nancy, J.-L. (2000). *Genre. Postmodern Literary Theory*. In *An Anthology* by L. Niall. Oxford, Blackwell Publishers, pp. 43–58.
- Lotman, Yu. M. (1998). *Struktura khudozhestvennogo teksta* [The Structure of the Literary Text]. In *Ob iskusstve*. Saint Petersburg, Iskusstvo, pp. 13–285.

Lyotard, J.-F. (1988). *The Differend: Phrases in Dispute*. Minneapolis, University of Minnesota Press. 232 p.

Lyotard, J.-F. (1991). *The Inhuman: Reflections on Time*. Cambridge, Polity Press. 216 p.

Rapatahana, V. (2016). *Colin Wilson*. URL: https://www.philosophynow.org/issues/112/Colin_Wilson_1931 (mode of access: 30.09.2024).

Romanova, S. I. (2008). Khudozhestvennyi obraz v prostranstve semioticheskikh otnoshenii [The Figurative Image in the Environment of Semiotic Relations]. In *Vestnik MGU. Seriya 7. Filosofiya*. No. 6, pp. 28–38.

Tamarchenko, N. D. (2004). «Rasskazannoe» sobytie: mir geroya i ponyatiya «syuzhetologii» [“A Told” Event: The World of the Hero and Concepts of “Plot Building Design”]. In Tamarchenko, N. D., Tyupa, V. I., Broitman, S. R. *Teoriya literatury: uchebnoe posobie dlya studentov filolog. fakul'tetov vysshikh uchebnykh zavedenii: v 2 t.* Vol. 1. Moscow, Izdatel'skii tsentr «Akademiya», pp. 176–205.

Tredell, N. (2015). *Novels to Some Purpose: The Fiction of Colin Wilson*. Nottingham, Pauper's Press. 443 p.

White, J. (2015). *Mythology and the Modern Novel. A Study of Prefigurative Techniques*. Princeton, Princeton University Press. 278 p.

Wilson, C. (1956). *The Outsider*. London, Victor Gollancz. 288 p.

Wilson, C. (1972). *Beyond the Outsider*. London, Pan Books. 255 p.

Wilson, C. (1975). *The Strength to Dream: Literature and Imagination*. Westport, Greenwood Press. 277 p.

Wilson, C. (1987a). *Spider World. The Delta*. London, Grafton Books. 304 p.

Wilson, C. (1987b). *Spider World. The Tower*. London, Grafton. 398 p. URL: <https://epdf.tips/colin-wilson-spider-world-01-the-desert-02-the-tower-03-the-fortress> (mode of access: 30.09.2024).

Wilson, C. (2002). *Spider World. The Magician*. Charlottesville, Hampton Roads Pub Co Inc. 286 p. URL: <https://epdf.tips/colin-wilson-spider-world-05-the-magician> (mode of access: 30.09.2024).

Zenkin, S. N. (2017). *Teoriya literatury: Problemy i rezul'taty* [A Theory of Literature: Problems and Implications]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. 368 p.

Данные об авторе

Исламова Алла Каримовна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков в сфере экономики и права факультета иностранных языков, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия).

Адрес: 199034, Россия, г. Санкт-Петербург, Университетская набережная, 7-9.

E-mail: a.islamova@spbu.ru.

Author's information

Islamova Alla Karimovna – Candidate of Philology, Associate Professor, Associate Professor of Department of Modern Languages in the Areas of Law and Economics of the Faculty of Modern Languages, Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russia).

Дата поступления: 07.10.2024; дата публикации: 28.12.2024

Date of receipt: 07.10.2024; date of publication: 28.12.2024

УДК 821.161.1-31(Сологуб Ф.)+655.58. DOI: 10.26170/2071-2405-2024-29-4-16-26.
ББК Ш33(2Рос=Рус)5-8,444+Ч617.3.
ГРНТИ 17.07.29. Код ВАК 5.9.1

**ПЕРВОЕ КРИТИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ Ф. СОЛОГУБА:
«МЕЛКИЙ БЕС» В ИЗДАТЕЛЬСТВЕ «ACADEMIA»**

Филичева В. В.

Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН
(Санкт-Петербург, Россия)

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-2942-4846>

SPIN-код: 2832-4467

А н н о т а ц и я . В статье рассматривается эпизод изучения творчества Ф. Сологуба в 1930-е годы. После смерти писателя его архив поступил в Пушкинский Дом, и стало возможным научное издание романа «Мелкий бес», основанное на этих материалах. Книга вышла в 1933 году в издательстве «Academia»; текст был подготовлен А. Л. Дымшицем, предисловие написано О. В. Цехновицером. Однако изначально планировался другой состав тома: в нем, помимо раздела «Варианты» и прокомментированного, но не включенного в основной текст эпизода о литераторах Тургеневе и Шарике, должна была быть помещена вступительная статья Дымшица. Текст ее сохранился в фонде издательства в РГАЛИ и позволяет проанализировать, какой взгляд на творчество «чуждого советской власти» декадента требовался для обязательного в начале 1930-х годов элемента книги – идеологической, «щитовой» преамбулы. Еще одним источником понятий о том, каким образом должен быть представлен «Мелкий бес» советскому читателю, стала рецензия Л. Тимофеева в журнале «Книга и пролетарская революция», где критика была направлена не только на предисловие и состав тома, но и на само издательство и деятельность Л. Б. Каменева. Сопоставление статьи Дымшица с предисловием Цехновицера показывает, какие моменты были исследователем упущены, а что было излишним для этого жанра. Весь этот материал становится источником для изучения истории восприятия и репутации творчества символистов в советское время.

К л ю ч е в ы е с л о в а : Ф. Сологуб; «Мелкий бес»; «Academia»; А. Л. Дымшиц; О. В. Цехновицер

Б л а г о д а р н о с т и : статья подготовлена при финансовой поддержке Российского научного фонда: № 19-78-10012, <https://rscf.ru/project/19-78-10012/>, в ИРЛИ РАН.

Д л я ц и т и р о в а н и я : Филичева, В. В. Первое критическое издание Ф. Сологуба: «Мелкий бес» в издательстве «Academia» / В. В. Филичева. – Текст : непосредственный // Филологический класс. – 2024. – Т. 29, № 4. – С. 16–26. – DOI: 10.26170/2071-2405-2024-29-4-16-26.

**THE FIRST SCIENTIFIC PUBLICATION OF A WORK BY F. SOLOGUB:
THE PETTY DEMON IN THE ACADEMIA PUBLISHING HOUSE**

Vera V. Filicheva

Institute of Russian Literature (Pushkinskiy Dom) of Russian Academy of Sciences
(Saint Petersburg, Russia)

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-2942-4846>

A b s t r a c t . The article deals with an episode of studying F. Sologub's work in the 1930s. After the writer's death, his archive came to the Pushkin House, and a scientific publication of the novel *The Petty Demon*, based on these materials, became possible. The book was published in 1933 in *Academia* publishing house; the text was prepared by A. L. Dymshits, the preface was written by O. V. Tsekhnovitzer. However, the volume was originally planned to have a different composition: in addition to the section *Variants* and the famous episode about the writers Turgenev and Sharik, commented upon but not included in the text, it was to contain an introductory article by Dymshits. Its text has survived in the archives of the publishing house (Russian State Archive of Literature and Art) and allows seeing what view of the work of a decadent “alien to Soviet power” was required for such an important and obligatory element of the book in the early 1930s as an “ideological, ‘shield’ preamble”. Another source for analyzing how *The Petty Demon* should be presented to the Soviet reader was L. Timofeev's review in the journal *The Book and the Proletarian Revolution*. His criticism was directed not only at the preface and the composition of the volume, but also at the publishing house *Academia* itself and the activities of L. B. Kamenev. A comparison of Dymshits's article with Tsekhnovitzer's preface shows what points were missed by the researcher and what was superfluous for this genre. All this material becomes a source for studying the history of the perception and reputation of the Symbolists' work in Soviet era.

K e y w o r d s : F. Sologub; *The Petty Demon*; *Academia* Publishing House; A. L. Dymshits; O. V. Tsekhnovitzer

A c k n o w l e d g e m e n t s : The article was prepared with financial support of the Russian Science Foundation, grant No. 19-78-10012 (<https://rscf.ru/project/19-78-10012/>), at the Institute of Russian Literature (Pushkinskiy Dom), Russian Academy of Sciences.

F o r c i t a t i o n : Filicheva, V. V. (2024). The First Scientific Publication of a Work by F. Sologub: *The Petty Demon* in the *Academia* Publishing House. In *Philological Class*. Vol. 29. No. 4, pp. 16–26. DOI: 10.26170/2071-2405-2023-29-4-16-26.

«Внуки наши, как диковинку, будут рассматривать документы и памятники эпохи капиталистического строя» [Цехновицер 1933: 5] – эта цитата

из речи Ленина на Красной площади, произнесенной 1 мая 1919 года, открывала первое научно подготовленное издание романа Ф. Сологуба «Мелкий

бес». История этого издания еще не становилась предметом специального рассмотрения, к ней мы и хотим обратиться.

Еще при жизни Сологуба, после 1923 года, публиковать или перепечатывать свои произведения писателю становилось все труднее¹. В известиях о его смерти (5 декабря 1927 года), заметках, освещавших похороны, некрологах, помещенных в советских периодических изданиях, сообщалось в том числе о его архиве, а среди оставшихся в нем рукописей назывались неизданные произведения: «Несмотря на болезнь, Ф. К. не оставлял литературной работы. Незадолго до смерти он вел переговоры с ленинградскими издательствами о выпуске двух своих последних томов стихов, написанных в 1925–27 гг. Это преимущественно лирические стихи. Среди посмертных рукописей имеется также и проза – повести и рассказы. В послевоенные годы несколько раз был переиздан “Мелкий бес”. В ближайшем времени госиздат предполагал выпустить 4-томное собрание избранных сочинений Ф. К. Сологуба»;² «Среди бумаг найдено много неизданных рукописей, разборкой которых занялся Пушкинский дом Академии Наук, и два законченных произведения: стихотворный перевод поэмы Мистрала “Миреа” и полный стихотворный перевод стихотворений Шевченко. Оба произведения были, как сообщают “Известия”, заказаны Госиздатом и будут выпущены в свет в непродолжительном времени»³. Предполагалось также составить сборник с воспоминаниями о писателе [Ф. Сологуб и Е. И. Замятин... 1997: 387–388]. Но из всего перечисленного изданными в 1930-е годы оказались только переводы из Т. Шевченко (первое издание – М.: ОГИЗ ГИХЛ, 1934), а из воспоминаний выпущен только очерк Георгия Чулкова в журнале «Звезда» (1928, № 1).

С 25 апреля 1928 года архив писателя [Иванова 2006: 146] уже находился в Пушкинском Доме и, казалось бы, пришло время и появились условия для изучения его наследия, и действительно, в скором времени вышел том «Мелкого беса», подготовленный в издательстве «Academia», опирающийся на рукописи романа, и со вступительной статьей, где были использованы неопубликованные материалы о жизни и творчестве писателя

¹ Из стихотворений, написанных с 1924 по 1927 гг., опубликованы были только 13 новых текстов.

² [Б. п.] Ф. К. Сологуб // Красная газета (веч. вып.). 1927. 6 дек. № 328. С. 3. Подтвердить информацию о предполагаемых изданиях не удалось. Не исключено, что сообщение о них было введено в некролог специально, чтобы способствовать публикации. В переписке Сологуба с Ивановым-Разумником, который более всех участвовал в издательских делах писателя в последние годы его жизни, 4-томное собрание не упоминается.

³ Похороны Сологуба // Дни (Париж). 1927. 11 дек. № 1264. Ср. в письме Иванова-Разумника от 12 апреля 1926 года: «К сожалению, неудача постигла меня и с Вашими делами: “Мирей” и Шевченко еще не вошли в ближайший производственный план и положены под сукно, а вследствие сокращения деятельности Государственного Издательства – речь о переводе Беранже признана преждевременной в текущем году; возобновить ее можно будет не раньше зимы 1926–27 г. – Так и всё в Москве» [Иванов-Разумник в переписке... 2016: 502].

[Сологуб 1933].

Для «Academia» издание современных авторов не было частым событием. В списке книг, вышедших до 1 января 1934 года и планируемых к выпуску в 1934–1936 годах, из художественных произведений русской литературы начала века указаны только «Избранные стихотворения» В. Брюсова и «Мелкий бес» [Каталог изданий... 1932].

Возглавлявший издательство Л. Б. Каменев представлял серию русской литературы соответственно времени, а мотивацию выбора для публикации именно романа Сологуба не пояснял: «Русская литература XIX века во всем ее объеме есть ярчайшее проявление классовой борьбы. <...> Не имея возможности воспроизвести под этим углом зрения все творчество русских поэтов и писателей XIX века, “Academia” пытается заострить внимание читателя на тех произведениях русской литературы XIX века, в которых эта классовая борьба отразилась наиболее жизненно и ярко, независимо от того, входят ли эти произведения в установленный канон “классики”. Мы даем поэтому рядом с “Рудиним” и “Дворянским гнездом” Тургенева очерки и сцены Ник<олая> Успенского, рядом с Львом Толстым “Мелкого беса” Сологуба»⁴. Отдельное пояснение было дано только готовившемуся изданию «Бесов» Ф. М. Достоевского, первый том которого впоследствии хоть и был отпечатан в 1935 году, но так и не появился в продаже: «Нам нет никакой необходимости замалчивать эту струю русской литературы. Наоборот, редакционному совету “Academia” казалась достойной мысль сразиться с Достоевским на его собственной почве, т. е. дать его памфлет против революции с такими комментариями, которые стоя на достаточно высоком уровне, попытались бы действительно сломать жало этого романа-памфлета»⁵.

Как кажется, еще не совсем было ясно, что можно печатать, а что нет, но «Мелкий бес» был в некотором смысле «защищен» и Лениным, и Горьким. Отвечая на замечания Н. К. Крупской, которая считала нецелесообразным издавать ряд произведений, и в частности тексты Сологуба, Горький рекомендовал роман к публикации в «Государственном издательстве»: «Из всей прозы Сологуба это, – на мой взгляд, – единственная книга, которую следует издать <...> Книга эта требует предисловия, которое <дало> бы хорошую картину эпохи, “передонощины”» [Горький 1964: 289].

Важность такой составляющей изданий этого периода, как вступительная статья, неоднократно подчеркивалась исследователями. Сам язык, т. е. то, как писать о том или ином авторе, если можно/нужно писать, только формировался. И вырабатывался он в первую очередь во вступительных статьях к публикациям «чуждых советской действительности» авторов. По определению А. В. Лаврова, подобные «идеологические, “щитовые” преамбулы» – «отличительная примета советской книго-

⁴ Каменев Л. Б. «Academia» // Литературная газета. 1933. 23 дек. № 59. С. 3 (рубрика «Начинаем обсуждение планов издательств на 1934 год»).

⁵ Там же.

издательской политики в 1920-е – 1930-е годы» [Лавров 2021: 298]. При этом, «если в препарировании корифеев литературы и общественной мысли прошлого марксистские культуртрегеры стремились прежде всего обогатить своего читателя “правильным” пониманием ушедшей исторической эпохи, то при обращении к авторам новейшего времени и к здравствующим сочинителям, приемлемым только при надлежащем “правильном” подходе, избирался обычно метод конструктивной и нелицеприятной критики» [Лавров 2021: 297]. Предисловия в такой ситуации наравне с самим произведением были в фокусе внимания как издательских служащих, ответственных за выпускаемые тома, так и – после выхода книги из печати – критиков, которые не только оценивали работу автора, подписавшегося под вводной статьей, но нередко корректировали его недочеты. Так и в случае с «Мелким бесом»: мы располагаем обширной рецензией, в которой дана еще одна, третья, точка зрения на произведение писателя и на то, как его творчество должно было быть подано советскому читателю [Тимофеев 1934].

Каким же получилось издание «Мелкого беса», выпущенное в 1933 году (в следующий раз в советской России это произойдет спустя 25 лет)? Книга была сдана в набор 19 января 1933 года, 14 октября – подписана к печати (тираж – вполне обычный для издательства – 3500 экземпляров). На титуле указано: подготовил к печати А. Л. Дымшиц, предисловие Ореста Цехновицера. Помимо самого текста романа (с предисловиями автора ко второму, пятому и седьмому изданиям, а также «диалогом» к седьмому изданию) в книгу был включен раздел «Варианты». Однако изначально состав тома планировался иной.

Во-первых, в него должны были войти подготовленная А. Л. Дымшицем статья «Максим Горький и Федор Сологуб» и эпизоды из романа, опубликованные Сологубом отдельно в газете «Речь» в 1912 году. В этих фрагментах о литераторах Тургеневе и Шарике современники видели сатиру на Горького и Скитальца. 28 декабря 1932 года исполняющий обязанности заведующего издательством «Academia» И. Е. Гершензон спрашивал, не возражает ли Горький против их помещения в издании. Горький против не был, о чем сообщал в ответном письме 7 января 1933 года [Горький 2019: 282–283]. Текст этого фрагмента с предисловием к нему сохранился в фонде «Academia» в РГАЛИ [Дымшиц 1932: 73–130]².

Во-вторых, есть основания предполагать, что находящаяся в этой же единице хранения и ранее не привлекавшая внимания статья Дымшица «“Мелкий бес” в творчестве Ф. Сологуба» с датировкой в конце текста: «Ноябрь 1932 г.» [Дымшиц 1932: 1–72] должна была стать вступительной статьей для тома. В пользу того, что она должна была

предварять текст, говорит не только ее датировка, но и формулировка, относящаяся к помещенным в книге дополнениям и вариантам романа: «...впервые публикуются нами в приложениях» [Там же: 41]. То есть текст Дымшица был заменен работой Цехновицера за очень короткое время: ноябрь 1932-го – 19 января 1933 года.

У нас нет документов – протоколов обсуждений, переписки, даже договоров, которые позволили бы пролить свет на то, по каким причинам предисловие Дымшица не было использовано издательством, но есть возможность сопоставить два текста, чтобы понять, что же помешало первоначальному проекту.

А. Л. Дымшиц (1910–1975) в период подготовки книги – уже сотрудник Пушкинского Дома (с 1930) [Пушкинский Дом 2005: 440], затем – аспирант Ленинградского педагогического института (с 1933) и, по выражению Э. Вайсбанда, «начинал карьеру партийного функционера от литературоведения» [Вайсбанд 2017: 41]. Чуть позже противоречивая фигура Дымшица проявится как в критике подготовленных другими исследователями изданий дореволюционных писателей, так и в книгах, составленных им самим. Одной из тем ученого была литература XX века, в частности поэзия В. Маяковского [Дружинин 2012; Вайсбанд 2017], а в 1970-х годах им был подготовлен том О. Мандельштама в серии «Библиотека поэта» [Эткинд 2001].

Вступительная статья к роману «Мелкий бес» была задачей повышенной сложности для двадцатидвухлетнего филолога, вооруженного марксистским методом литературоведения, учитывая, что Ф. Сологуб был «не изучен, и мало изучена его литературная эпоха» [Дымшиц 1932: 4]. И Дымшиц основательно подошел к делу. В своей обширной статье (объем текста – более двух печатных листов) Дымшиц цитирует большое количество архивных материалов, которые были доступны ему в фонде Сологуба: малоизвестные или неопубликованные произведения (собрание афоризмов, статьи «Книга воли», «Полицейская школа») и письма (в том числе черновики).

Работа состоит из 9 главок. В эпиграфы к шести из них выбраны были цитаты из произведений А. Блока («Возмездие»), Горького («Жизнь Клим Самгина»: «Она взяла с дивана книгу <...> погляди, как строго-реалистически говорит символист»), Лермонтова («Сказка для детей»: «То был ли сам великий Сатана, / Иль мелкий бес из самых нечистых... <...>») и три – из самого Сологуба: первое четверостишие стихотворения «Преодолев тяжелое косненье...» (1901), начало романа «Творимая легенда», которое часто выступает в качестве описания творческого метода писателя, и собственно из «Мелкого беса». В тексте упоминаются или цитируются Д. Мережковский, З. Гиппиус, А. Волынский, Вяч. Иванов, Н. М. Минский, А. Белый, из критиков В. Боцяновский, Ю. Спасский, Г. Чулков, Ан. Чеботаревская и др. В статье говорится об истории публикации, переводе романа Дж. Курносом на английский язык, восприятию романа критикой и зарубежным читателем.

¹ Которые помещались во всех прижизненных изданиях романа, в том числе в 1923 и 1926 годах.

² Эта часть истории подробно изучена, см.: [Никитина 1989; Павлова 2004].

Зачин статьи еще не предвещает марксистского осмысления романа (за исключением лексикой), а вводит читателя в проблему, которую ставит перед исследователем сам текст и его история: «Мелкий бес» – бесспорно лучшая вещь Ф. Сологуба-прозаика. Этот роман, выдержавший в России десять отдельных изданий, неоднократно переделывавшийся для сцены и шедший во многих столичных и провинциальных театрах, переведенный на большинство европейских и на ряд восточных языков, явившийся результатом десятилетнего упорного труда Сологуба, плодом тщательной и кропотливой художественной отделки, – уже давно причислен к ряду первоклассных произведений русской дореволюционной литературы¹. <...> Роман Ф. Сологуба – долгое время неразгаданный критикой, еще раньше, до своего появления вызвавший недоумение издателей, в большинстве своем отказавшихся его печатать, – оказался на деле вещь настолько острой и в чисто политическом и в литературном отношении, что вокруг многих страниц и по сей день возможна дискуссия. Нет поэтому ничего удивительного в том, что современная ему критика в основной своей массе не оказалась на высоте, не дала подробного и четкого его анализа» [Дымшиц 1932: 2–4]. Заметно, что исследователь выбрал для себя эстетический критерий оценки, объясняя беспомощность критиков не их классовую сущность, а художественным мастерством писателя, тем, что роман оказался шедевром, который невозможно «прочитать до конца».

Последний абзац главы, где Дымшиц формулирует задачу своей работы, на наш взгляд, не оставляет сомнений, что перед нами «специальный» текст, выполненный в русле заданного метода, но и здесь автор снова объясняет ценность работы самим материалом, которым, по всей видимости, увлекся: «Задачей настоящей вводной статьи и является <...> схематическое (в силу небольшого объема работы) разъяснение социально-классовой сущности сологубовского творчества, определение места и роли «Мелкого беса» в системе этого творчества и рассказ о работе писателя над своим романом, о встрече его с критикой – русской и иностранной, и об идейно-творческом характере новонайденных страниц «Мелкого беса», обнаруженных <...> в результате текстологического изучения его рукописного подлинника» [Там же: 4].

Далее текст строится по плану решения декларируемой задачи – рассмотрено время, когда «началась «смертная» эпоха восьмидесятничества, эпоха смертельного разложения народничества и внешнего торжества дворянско-антикапиталистической реакции» [Там же: 4–6], – и в литературу входит Сологуб. Несмотря на происхождение из демократической среды и «трудоу путь» (традиционно подчеркнутые в статье), творческие искания Сологуба были предрешены, так как его «вскормила и воспитала» «идеология реформистской мелкой буржуазии эпохи восьмидесятых годов, с характер-

ными для нее мотивами разочарования в борьбе с существующим строем и с воцарившейся вокруг реакцией, и стремления уйти от действительности» [Там же: 9]. Эти «общественные «идеалы»» отразились уже в стихотворении «Я ждал, что вспыхнет впереди...», написанном «в тот самый год, когда писатель приступил к созданию «Мелкого беса»» [Там же: 10], а затем и в тексте «Мы устали преследовать цели...» (1894), иллюстрирующем, что «на смену утверждения необходимости преобразования России приходит отказ от самой жизни» [Там же: 11].

Так логично объясняется появление в творчестве Сологуба темы смерти, ухода от реальности, которым оказываются противопоставлены мотивы любви и красоты, «расцветивающие мир «творимой легенды»» и проявляющиеся в утопических тенденциях, к примеру, в стихотворениях, где встречаются страна Ойле, звезда Маир, река Лигой (цитируется стихотворение «Не я воздвиг ограду...», 1901), и которые находят более четкое выражение в прозаических произведениях и во всей полноте – в романе «Творимая легенда» [Там же: 13–14].

Кажется, истоки творчества найдены и названы, все пояснено и можно переходить к анализу романа, но Дымшиц обращается еще к одному контексту – западноевропейскому декадансу. И здесь автор видит, что иного пути развития у Сологуба не было – он «родился декадентом» [Там же: 22], потому что «социальный генезис большинства западноевропейских декадентов аналогичен установленным выше классовым истокам творчества Ф. Сологуба» [Там же: 16]. В своем разделении декадентов и символистов Дымшиц опирается на статью Г. Чулкова «Дымный ладан» (1909), где основными чертами декадентов названы крайний индивидуализм, символизм («на его ранней реалистической стадии развития», по уточнению Дымшица), изысканная эротика. К чулковскому списку авторов, чье творчество отвечает этим признакам (Бодлера, Верлена, Рембо, Малларме, Вьелле-Гриффена, Метерлинка, Роденбаха, Анри-де-Ренья, Эдгара По, Уайльда, Д'Аннуцио, Пшибышевского, Яна Каспаровича), Дымшиц добавляет русских поэтов: «...Ф. Сологуб войдет в него <в список. – В. Ф.> целиком, и частично занесенными сюда окажутся К. Бальмонт, В. Брюсов и многие другие, менее значительные писатели» [Дымшиц 1932: 19–20]. В этой «своеобразной переключке между творчеством западных декадентов и единственного русского представителя декаданса» решающую роль сыграла «не механически воспринятая литературная традиция, а общность классовых почв и классовых принадлежности» [Там же: 22]. Цитируя Роденбаха, Бодлера, Пшибышевского и Мирбо, исследователь говорит, что высказывания Сологуба совпадают с ними настолько, что «неискушенный читатель может заподозрить здесь даже плагиат» [Там же: 20]. Этот «идейный стык с культурой западного декаданса», естественно, был скорректирован тематически – и связан с вопросами русской действительности, «специфическими условиями, порожденными классовой борьбой в России империализма и пролетарской револю-

¹ Первоначальный вариант «коренная» был заменен на «лучшая», а «классической» на «дореволюционной».

ции» [Там же: 22].

Следующая подглавка посвящена пояснению понятия крайнего индивидуализма, с отсылкой уже к другой статье Чулкова – «Фауст и Мелкий бес», где Сологуб был назван «единственным подлинным русским декадентом»¹. В интерпретации Дымшица индивидуализм – «стержневая основа всего мировоззрения Ф. Сологуба, всей его философии и художественного метода его произведений», а его субъективизм – «крайняя форма индивидуализма <...> солипсизма». Для иллюстрации этого положения была приведена первая часть неопубликованного текста Сологуба под заглавием «Книга воли» (1904), где, по мнению Дымшица, отразилась «почти вся мировоззренческая программа Ф. Сологуба», которая «неизменно “спрятана” во всех больших произведениях Ф. Сологуба и она же в распыленных своих элементах постоянно присутствует в его лирических стихах» [Дымшиц 1932: 26].

Упоминает Дымшиц и еще одну черту творчества Сологуба – «полосатость», которую «метко охарактеризовал» в своих статьях о писателе К. Чуковский, а Дымшиц видит в этом «своеобразно преломленное Ф. Сологубом философское наследие классического идеализма А. Шопенгауэра, Ф. Нитцше, М. Штирнера и др.» [Там же: 28–29].

Далее исследователь наконец переходит к истолкованию романа. Определяя особенности поэтики Сологуба, он отталкивается от эпитафии к «Творимой легенде» («Беру кусок жизни...») и утверждает, что «эти же слова, хотя и с меньшим правом, чем в “Творимой легенде”, он <Сологуб. – В. Ф.> мог бы написать в эпитафии к “Мелкому бесу» [Там же: 30], ведь во втором романе писателя «“кошмар реальности” еще не поставлен лицом к лицу с фантастической и сладостной утопией», как в более позднем произведении [Там же: 31].

Дымшиц указывает на неоднократные в критике сравнения Сологуба с Гоголем, «сходность идеологических предпосылок» которых снова, по объяснению исследователя, выросла из особенностей «русского исторического процесса», и в своих рассуждениях приводит примечательное наблюдение: «Очень многие хотели видеть в “Мелком бесе” сатиру. Но это неверно, ибо для сатиры у писателя-реформиста, каким был Ф. Сологуб, не хватило силы обличения и разоблачения. Для Ф. Сологуба “Мелкий бес” скорее всего трагедия. Трагедия бескрылой индивидуальности, не способной подняться до вымышленных идеалов и обреченной на гибель в роковом кругу пошлой обыденности, порожденной социальным строем. Такое толкование как бы подсказывается самим Ф. Сологубом, который передельная свой роман для сцены, тем самым значительно схематизируя и обнажая “механизм” романа, окончил пьесу знаменательной фразой: “Господа, здесь произошла трагедия! Зовите городского!”» [Там же: 34–35]. Истолковывая так эту сцену, Дымшиц дает свою интерпретацию, не замечая иронического (или даже самоиронического-

го) характера этой отсылки к «Ревизору», и допускает первую ошибку относительно главной тенденции советского прочтения текстов модерниста. Рецензент тома поставил бы это Дымшицу в вину. Вот какую точку зрения высказывал критик относительно статьи Цехновицера, где вопрос о сатирической сущности романа не поднимался вовсе: «“Мелкий бес”, несомненно, сатирическое произведение (это в особенности необходимо подчеркнуть потому, что этого-то “слона” не заметил автор предисловия, что не могло не отразиться на всей его трактовке <...>). <...> Понять “Мелкого беса” – значит осмыслить его направленность, вскрыть ее глубокую ограниченность, определить ее исторический смысл» [Тимофеев 1934: 82].

«Ошибка», т. е. отступлением от «щитовой» стратегии, могли показаться и рассуждения, высказанные при сопоставлении с «Творимой легендой»: то, что «Ф. Сологуб не дал места среди своих персонажей представительству от революционной демократии», Дымшиц называет «плюсом» романа, потому что их изображение проявило бы «отсутствие понимания автором людей революции»², а порой и прямую его к ним враждебность» [Дымшиц 1932: 38–39].

Хотя тема революции в «Мелком бесе» не затрагивается, в романе есть другой сложный момент – эротизм. Сологубу-«проповеднику “эротомании”» оказалась посвящена отдельная глава. Здесь цитируются «одно из наиболее декадентских <...> стихотворений», в котором «в сконцентрированном виде» проявились «ярко аморальные черты декаданса», – «Расстегни свои застёжки и завязки развяжи...» (1908), «Мы скоро с тобою...» (1898), а также афоризмы («Люби наготу, – только она прекрасна», «Нагое тело свято; одетое грязно. Ибо одежда – покров для грязи», «Всего приятнее – сочетание стыда и боли» и др.) [Там же: 44–45]. Более того, говорится, что у Сологуба и особенно в романе, где секут «почти что в каждой главе», «культ нагого тела и розги сделался одним из самых ярких моментов позитивной программы» писателя. Но утопия не получается, потому что, как развенчивает эту идею Дымшиц, у Саши Пыльниковой и Людмилы только «иллюзия индивидуальной свободы», а замена «форм грубых и жестоких» «изысканными и извращенными» подменяет красоту и искусство «дешевым реставраторством и стилизаторством» [Там же: 48–49]. Сологубу не

² Это, пожалуй, одна из главных причин, почему весь Сологуб не должен был быть публикуем. Ср. обвинение Сологуба, сформулированное в одном из некрологов писателю: «...самое позорное в творчестве Федора Сологуба это то, что он – *походя* – оплевал и унизил лицо русской революции. Его Триодов, алхимик, мистик и полусумасшедший маньяк, его Алкина, разнузданная, развратная, гнусная в этом своем разврате женщина, – это, как верно отмечала марксистская критика, злостная клевета на революцию. <...> именно в том, что Федор Сологуб сделал носителями своих идей, носителями своего бреда – людей, якобы, причастных к революции, к социал-демократии, вот именно в этом его отрицательное значение, именно в этом его *злостная ошибка*» (Штейман Зел. Федор Сологуб: [Некролог] // Красная газета (веч. вып.). 1927. 6 дек. № 328. С. 2).

¹ Впервые: Речь. 1908. № 301. 8 дек.

удается выстроить мир мечты, в который можно сбежать от действительности, что доказывают в том числе фрагменты, помещенные в вариантах: «...если к общеизвестному тексту “Мелкого беса” прибавить новонайденные главы, то порка покажется наиболее повседневным занятием в сфере передонощины» [Там же: 46].

Новонайденные главы, о которых пишет Дымшиц, – это 13 отрывков, помещенных в разделе «Варианты». Как сообщалось в примечании от редактора, они «составляют лишь часть дополнений и разночтений, выявленных <...> сверкой печатного текста “Мелкого беса” с текстом рукописным, хранящимся в Институте русской литературы Академии Наук СССР, в архиве Ф. К. Сологуба». Тематика их не оговаривалась, а отбор был прокомментирован так: «Здесь нами даются лишь те впервые публикуемые материалы романа, которые имеют характер законченных эпизодов – глав, или, будучи лишь вариантами известного ранее текста, дают дополнительные данные для социологического понимания произведения и его персонажей» [Сологуб 1933: 419].

В современной книге рецензий они оценены так: «Подобраны отрывки со сценами порки различных персонажей. В каком отношении эта операция подлежит социологическому осмыслению, редакцией не указано. В то же время не дано творческих вариантов, которые позволили бы проследить работу Сологуба над словом, эпитетом, метафорой и т. п. А Сологуб своеобразный мастер, и материал этот был бы любопытен тем более, что ждать других его изданий не приходится» [Тимофеев 1934: 84].

Между тем их выбор Дымшиц объяснял в своем, оставшемся ненапечатанным, предисловии: «В “Мелком бесе” кровь и убийство не занимают видного места и являются лишь плодом передононского безумия. Но предчувствие и подготовка будущих кровавых драм и погромов <...> живет и постоянно шевелится <...> в дикой животной сцене “раздевания” и избития одетого Гейшей Саши Пыльникова на маскараде, в той страсти к истязаниям и в том “трепетном волнении” перед запахом крови, особо подчеркнутыми в характерах персонажей из передононского круга теми дополнениями и вариантами романа, которые впервые публикуются нами в приложениях» [Дымшиц 1932: 40–41].

В интерпретации образов и недотыкомки Дымшиц опирается на общие, выведенные им, представления о поэтике Сологуба. Он утверждает, что Сологубом «ясно и недвусмысленно» дано «вскрытие образа Недотыкомки» [Там же: 52]. Согласно идее писателя, Передонов не может достичь истины, это может сделать только индивидуалист, так как истина «субъективна, она выражает идеальные представления ищущего субъекта, является отражением его сознания», а герой Сологуба «ищет истину бессознательным путем и потому же не может воплотить ее в систему взглядов»: «Однажды ее элементы, выведенные из его собственных обрывочных представлений, промелькнули перед его отуманенным сознанием в качестве по-

буждения к поджогу, и он учинил пожар. В другой раз то же явление толкнуло его в сторону убийства. Наступило сумасшествие, и Недотыкомка покинула его воспаленное воображение <...> Самый замысел Недотыкомки говорит о том, что тенденция к оправданию Передонова дана Ф. Сологубом еще в самом романе» [Там же: 55].

Подводя к финалу и рассуждая о секрете «такого длительного непризнания “Мелкого беса” и затем такой неожиданной и внезапной <...> популярности» этой «в высокой степени новаторской» книги, а также о встрече с «частичным непониманием и частичным непризнанием» в среде символистов, Дымшиц останавливается на статье Андрея Белого «Далай-Лама из Сапожка» и последовавших за ее публикацией событиях. Сологуб был задет полемическими высказываниями, написал об этом Брюсову, от которого об обиде узнал и Белый, после чего отправил письмо с разъяснениями автору «Мелкого беса»: «...я обязан обнажить за “свое” меч: этим мечом в литературе служит “отговор”». Эту формулировку Дымшиц использует для завершения текста: «В наше время место идеалистического “отговора” властно заступила революционная ленинская теория о партийности литературы, беспощадно разоблачающая реакционный “наговор”. Именно поэтому советский читатель, подходящий к наследию буржуазного искусства с позиций марксистско-ленинской науки о литературе, должен сопрягать историко-социологический анализ творчества писателя (в данном случае Ф. Сологуба) с критическим усвоением лучших элементов его произведения и революционным “отговором” против его отрицательных черт» [Там же: 71–72].

Что же касается упоминаемой нами цитаты из речи Ленина, то хотя ее мы не нашли бы в статье Дымшица, будь она помещена в издание, однако стоит сказать, что созвучная фраза была вычеркнута автором на этапе редактирования: «Грязный и зловещный мир, в центре которого поставлена угрюмая фигура учителя гимназии, полубезумного Ардалиона Передонова, – это мир житейской необходимости <...> И в изображении этого мира, сделанном с исключительным художественным мастерством, центр тяжести и сила романа Ф. Сологуба, его острый интерес для нашего современника, для человека, живущего в эпоху великого Октября, не знающего классового угнетения [и знакомящегося с русским историческим прошлым по специальным исследованиям или памятникам искусства, среди которых роман Ф. Сологуба является одним из драгоценнейших образцов]» [Там же: 32]. Вероятно, эта формула к тому времени широко использовалась и была в памяти писавшего.

В статье есть и другое упоминание «марксистско-ленинской теории» (на л. 7), но высказывание Ленина о типе Передонова, получившее впоследствии широкое распространение (упоминаемое, в частности, в статье в Большой советской энциклопедии¹), Дымшиц не использует. В это время и в

¹ Ср.: «Сологубу удалось показать некоторые черты дореволюционного провинциального мещанского быта. Особенно ярко

этом жанре он не считал необходимым (или не знал о такой необходимости) следовать политической конъюнктуре.

Статья Дымшица, в которой помимо марксистско-ленинской интерпретации есть и восхищение романом, и выстроенная теория, не вошла в издание. Написал предисловие более опытный его коллега, совсем иначе подошедший к своей задаче, О. В. Цехновицер (1899–1941). К тому времени он уже окончил аспирантуру и, сменив несколько мест работы, устроился в Пушкинский Дом (в марте 1932 года), где руководил секцией «Литература эпохи империализма и пролетарской революции» [Пушкинский Дом 2005: 541].

Его текст в два раза меньше статьи Дымшица – объемом менее 1 авторского листа, что соответствовало рекомендациям издательства. О большей искусственности исследователя говорит уже самое начало статьи: текст предваряется эпиграфом «Внуки наши...», а далее следует цитата из письма Сологуба Ленину (по черновику из фонда писателя), где он «ходатайствовал перед советским правительством о выезде за границу»: «...И по происхождению и по работе я – член трудового народа; сын портного и прачки, я 25 лет был учителем гор[одского] уч[илища], написал 20 том[ов] художественных произведений и имею не меньшее количество вещей, не вошедших в собрание сочинений... Я не имею намерения заниматься политикой, т. к. считаю это слишком ответственным и сложным делом, – я никогда не состоял ни в какой партии» [Цехновицер 1933: 5]. Но приведя эти строки, Цехновицер «вскрывает», какова на самом деле была позиция Сологуба по отношению к революции и пролетариату, основываясь на стихотворениях и неопубликованной статье «Что делать?», созданных около 1917 года и после Октябрьской революции.

Цитирование неопубликованных к тому моменту стихов Сологуба 1920-х годов было очень полезно для положения, в котором тексты не публиковались, автор предисловия как бы проносил их читателю контрабандой¹. Однако если Дымшиц в этом случае обращается к текстам, которые помогают проиллюстрировать его наблюдения над поэтикой и мировоззрением писателя, то Цехновицер использует по преимуществу те произведения, где отражается политическая позиция Сологуба – его монархические взгляды и неприятие советского строя: «Какое б ни было правительство...», «Поэт, ты должен быть бесстрастным...», «Муза, как ты

истомилась...» и, наконец, стихотворение, в котором «Сологуб сбрасывает с себя маску аполитичности и выявляет сполна свое подлинное лицо монархиста», – «Еще гудят колокола...» [Цехновицер 1933: 7–9]. Критик не оценил этот прием автора и назвал архивный материал, представленный в статье, «любопытным», но заметил, что комментарий к нему «крайне беден» [Тимофеев 1934: 84].

Мы не встретим в статье Цехновицера ни истории публикации, ни европейского контекста, ни указания на переводы романа. Круг имен, которые названы в статье, ограничен: здесь не упоминаются не только Мережковский и Гиппиус, но даже Андрей Белый. Единственные, с кем сравнивается Сологуб из писателей начала века, это его «собратья по “Лукоморью” и “Русской воле”» – Андреев, Куприн, Бунин, успевшие «вовремя эмигрировать» [Цехновицер 1933: 7].

Противопоставлены декаденту оказываются Салтыков, Чехов и Горький, которых отличают любовь к человеку и «вера в завтрашний день», Сологуб же не сумел «поднять свой голос в целях революционного обличительства» [Там же: 22]. Его путь, скорее, – это путь Гоголя, перед которым «стоял лишь один вопрос: “Как бы бежать из России”», Тургенева, который «оттолкнулся от “всех и вся” и, замкнувшись в парижской квартире Виардо, создал “прекрасную сказку” о русском мужичке», и Толстого, который видел в человеке «жертву и виновника ужасного общественного строя и не имел веры в возможность преобразования жизни путем революции на иной социальной основе» [Там же: 23–24]². И здесь же приводит характерный для мизантропического образа писателя, рисуемого в статье, афоризм Сологуба: «Людей на земле слишком много; давно пора истребить лишнюю сволочь» [Там же: 22].

Текст Цехновицера насыщен политической терминологией, резкими суждениями, порой грубой лексикой, не оставляет сомнений относительно «лица» Сологуба и по строению больше похож на методические выступления лектора ЛИТО Наркомпроса, Губполитпросвета (кем и был раньше Цехновицер), чем на предисловие к научному изданию.

Во взгляде на Передонова, чье «имя стало нарицательным для выражения тупости, злобности и мертвенности русского обывателя» [Там же: 13], пропадает тема безумия, которая, возможно, мешала бы четкой трактовке героя как социального типа, отражающего свой класс.

созданный им в “Мелком бесе” тип Передонова – пошляка, мелкого пакостника, труса и доносчика. Имя Передонова стало нарицательным. Его использовал В. И. Ленин в статье “К вопросу о политике министерства народного просвещения” (Большая советская энциклопедия. М., 1947. Т. 52. С. 68).

¹ Здесь позволим себе привести в параллель зафиксированное Е. Эткиндром суждение Дымшица 1970-х годов, содержащее самооправдание за искаженное толкование Мандельштама в ущерб читателю: «Знаю, знаю, что стихотворение “За гремучую доблесть...” я изложил неверно. Но ведь его удалось опубликовать. <...> Я добился его опубликования <...> ...и стихов Мандельштама никто бы не увидел. А я их напечатал» [Эткинд 2001: 394].

² Примечательно, что в этом списке нет Достоевского, хотя в двух планах работы, которые могут относиться к этому предисловию и сохранились в рабочих материалах Цехновицера, он указан. См.: «План. 1. Запад; 2. Гоголь, Достоевский. Связь с рус. литер. Салтыков. Распад этой линии. Худож. большой. Статья Дымшица. Окуровская Россия. Стихи Гиппиус. 3. Ленин – “Мелкий Бес”. 4.» (ИРЛИ. Ф. 841. № 3. Л. 90; фонд находится в научно-технической обработке). «Дымшиц. 1. “Мелкий Бес” – не реал-истический»; 2. Традиции – Гоголь, Достоевский; 3. Сологуб как теоретик. “Проблемы философии”. – Философия и эстетика. Театр – Балаганчик; 4. Почему Ленин упоминает “Мелкий Бес”; 5. Реализм Сологуба» (Там же. Л. 42 об.).

Укажем здесь, что в рецензии Л. Тимофеева цитаты из сочинений Ленина использованы шире: «...неслучайно В. И. Ленин, характеризуя казенщину и самодурство, господствовавшие в царской школе, не раз пользуется образом Передонова и “передоновщины”» [Тимофеев 1934: 83]¹. Помимо этого, Тимофеев придумывает еще один термин – «сологубовщина»: «Особенно странно, что автор вступительной статьи ни одним словом не обмолвился о том, что сологубовщина как социальное явление встретила в свое время достойный отпор со стороны большевистской критики, получив в статьях В. Воровского и сборниках “Литературный распад” исчерпывающую политическую и литературную оценку» [Там же: 84].

Под статью Передонова дана и трактовка недотыкомки: «...если ко времени начала ее (буржуазии. – В. Ф.) пути встает перед нами образ Фауста, то на закате перед нами – Передонов <...> его смущает не дух отрицания – Мефистофель, а серая вонючая Недотыкомка – жалкий, ничтожный, серенький бес провинциальной дрянности и пошлости» [Цехновицер 1934: 13]. Примечательно, что обращаясь здесь к той же цитате из «Сказки для детей», которую Дымшиц вывел в эпиграф, Цехновицер использует ее для трактовки эволюции «образа <...> лукавого и мудрого искусителя», который «был Сатаной для Лермонтова и стал вонючей Недотыкомкой для Сологуба» [Там же: 14].

Эротическая тема упоминается в тексте статьи вскользь и характеризуется коротко; сказано, что она идет рядом с темой смерти, что «характерно для декадентской философии», с ними же «идет тема искусственно созданного в воображении “поэта” мира. Мрачной, бессмысленной жизни Сологуб противопоставляет жизнь эстетическую, осмысленную культом тела и красоты. Вопрос о людских страданиях он покрывает идеей вымышленного мира, создает “творимую легенду”» [Там же: 25]. Далее следует пассаж, где мог быть представлен анализ, но его сразу замещает оценка: «Весь эротический эпизод с Людмилой немошен в своей эстетической замкнутости и разоблачает целиком всю гнилостность разложения буржуазного сознания» [Там же: 26].

Это единственное место в статье Цехновицера, где третий роман Сологуба вообще назван, пусть и в нарицательном значении. Отсутствие сопоставления с «Творимой легендой» отметил и рецензент: в предисловии «не сделано никаких указаний на другие романы Сологуба, даже на близкие к “Мелкому бесу”. Библиографический минимум в таких изданиях безусловно необхо-

дим» [Тимофеев 1934: 84].

В конце статьи внимание уделено и читателю-«современнику великих побед революционного пролетариата», который *должен* понять, зачем публиковать роман: «Мы отмечаем в сторону Сологуба-мистика, индивидуалиста, певца Альдонсы – солипсической мечты эстетического одиночки, а берем Сологуба – автора “Мелкого беса”, мастера одного из наиболее ярких и точнейших зеркал, запечатлевшего на своей поверхности все убожество и несовершенство старого мира и его обитателей», потому что роман «вызывает в нас чувство гнева и ненависти к уродливости старой жизни» [Цехновицер 1933: 28].

В самом финале статьи композиция закольцовывается – в последней фразе содержится перифраз эпиграфа из Ленина: «После Октябрьской революции Сологуб однажды бросил следующую мысль: “Хотя я называю нас, символистов, идеологами буржуазии, но, очевидно, не от буржуазииждемся мы признания, а от демократии”. Действительно “признание” Сологуб должен получить от демократии. Мы должны сполна оценить его роман “Мелкий бес” как яркий документ старого мира, в котором с художественной силой устами самого представителя этого мира обнажен он и отвергнут» [Там же].

Хотя статья Цехновицера и увидела свет в отличие от работы Дымшица, но она вызвала серьезные упреки рецензента, который не просто указывает на недостатки, но, более того, утверждает, что «было бы глупой ошибкой повторить вслед за предисловием – будто роман Сологуба “запечатлел всю тяжесть, всю тупость и ограниченность российской жизни 80-х годов”, “познал окурковскую Россию и ее обитателей”» [Тимофеев 1934: 84]. По мнению Тимофеева, Цехновицер не только «просмотрел и сатиричность романа и ограниченность этой сатиры», но и допустил «преувеличенно высокую оценку романа (“Одно из выдающихся произведений русской литературы...”, <...>)» [Там же].

Однако на первый план в отзыве вышла критика работы «Academia»: текст открывается обращением к статье Каменева о тематическом плане издательства из «Литературной газеты» и завершается утверждением, что «критическое осмысление художественных памятников прошлого, культура обработки текстов издательством “Academia” должны быть повышены» [Тимофеев 1934: 84].

Апелляция к словам Каменева только подтверждает для Тимофеева, что публикация книг с недостаточными, ошибочными предисловиями принимает в издательстве «хронический характер». И если «Сологуб ограничивался лишь изолированным показом Передонова, не вскрывал его классового смысла», то «Academia», «выпуская произведение явно (а отнюдь не “зачаточно”) реакционное, не только не “сразилось” с ним “на его собственной почве” (о “Бесах” Достоевского. – В. Ф.), но и вообще не позаботилось придать ему, пользуясь выражением Л. Б. Каменева, достойный характер» [Тимофеев 1934: 84].

Таким получилось первое критическое издание

¹ Отметим, что в работах Ленина упоминание Передонова и передоновщины встречается по одному разу – в текстах 1913 года: в речи «К вопросу о политике Министерства народного просвещения», где к «заслуженнейшему Передонову» сделано такое примечание: «Передонов – тип учителя шпиона и тупицы в романе Сологуба “Мелкий бес”» [Ленин 1973, т. 23: 132]; в статье «Национальный состав учащихся в русской школе»: «При действительной демократии, при полном изгнании бюрократизма и “передоновщины” из школы, этого вполне может добиться население» [Ленин 1973, т. 24: 221].

романа «Мелкий бес», подготовленное с использованием архивных материалов. Дымшиц больше не возвращался к творчеству Сологуба, а Цехновицеру поручили подготовить том его «Стихотворений» для малой серии «Библиотеки поэта» (1939).

После знакомства с рецензией Тимофеева возникает сомнение, возможно ли было вообще написать подходящую вступительную статью, учитывая нежелательность фигуры Сологуба, которого при жизни нельзя было совсем обойти вниманием, и его все-таки иногда печатали, а после кончины и вовсе отпала необходимость публиковать его тексты. Появление романа не принявшего революцию и «чуждого советской власти» писателя больше похоже на случайность, которая только закрепила нежелательный статус автора для советского книгоиздания.

Говоря же о причинах, по которым статья Дымшица не попала в книгу, можно назвать прежде всего ее близость жанру исследования, которое не только объемом, но и своей интонацией уже не подходило становящемуся жанру предисловия советских изданий 1930-х годов. На это указывает даже сопоставление начала его статьи с текстом Цехновицера. Дымшиц еще пытался разобраться в поэтике Сологуба, пусть и объясняя генезис его творчества историческими и социальными факторами. Показательны цитаты из архивных документов, которые Дымшиц использовал для иллюстрации единства творчества писателя и анализа его мировоззрения, в то время как приводимые Цехновицером тексты призваны были обличать фигуру Сологуба, показывая ненависть декадента к советской власти. Однозначно можно сказать только, что статья Дымшица не вызвала бы большей сим-

патии критика, а наоборот, усугубила бы и так шаткое положение издательства «Academia» в 1930-е годы.

В заключение скажем о следующем советском издании романа, вышедшем лишь в оттепельном 1958 году в Кемеровском книжном издательстве. При относительно большом тираже – 75 000 экземпляров – книга была подготовлена небрежно, с опечатками – пропущенными знаками и буквами: «...смородины, малины крыжовника», «...увидела испачканные оби и пронзительно засвистала» и т. п. [Сологуб 1958: 7, 23]. В томе не было помещено ни одно из предисловий автора, также отсутствуют комментарии, варианты и вступительная статья. Место последней заняло небольшое предупреждение на обороте титульного листа, резюмирующее, как представляется, официальную репутацию Сологуба в советское время и завершающееся тем же «удачным» пояснением, которое «разрешает» публикацию: «Федор Сологуб (1863–1927 г.) – один из представителей антинародного течения русской литературы – символизма. Оторвавшись от народа, Сологуб выступал против всего прогрессивного, революционного. Писатель не изменил своих реакционных взглядов после Февральской революции, не принял Октября.

Роман «Мелкий бес» (1902 г.) занимает особое место в творчестве Сологуба. Писатель мастерски показал загнивание уходящего буржуазно-дворянского общества конца XIX столетия.

Для советского читателя, занятого бурной созидательной деятельностью, «Мелкий бес» явится документом и памятником капиталистического строя, на который, как говорил В. И. Ленин, наши внуки будут смотреть как на диковинку».

Источники

Дымшиц, А. Л. «Мелкий бес» в творчестве Ф. Сологуба. Максим Горький и Федор Сологуб (1932) / А. Л. Дымшиц // РГАЛИ. – Ф. 629. – Оп. 1. – № 1479. – Л. 1–130.

Литература

Вайсбанд, Э. В борьбе за переписывание идеологии русского футуризма: младоформалисты, «некий А. Дымшиц» и Гулливер о военных статьях Маяковского / Э. Вайсбанд // Новое литературное обозрение. – 2017. – № 1 (143). – С. 32–53.

Горький, М. О перспективном пятилетнем плане издания классиков в связи с замечаниями Н. К. Крупской 20... 21 сентября 1928 года / М. Горький // М. Горький и советская печать : в 2 т. Т. 1. – М. : Наука, 1964. – (Архив А. М. Горького. Т. 10).

Горький, М. Письма : в 24 т. Т. 21 / М. Горький. – М. : Наука, 2019. – 1014 с.

Дружинин, П. «Одна абсолютно обглоданная кость»: История защиты А. Л. Дымшицем докторской диссертации / П. Дружинин // Новое литературное обозрение. – 2012. – № 3 (115). – С. 124–147.

Иванова, Т. Г. Рукописный отдел Пушкинского Дома: Исторический очерк / Т. Г. Иванова. – СПб. : Дмитрий Буланин, 2006. – 444 с.

Иванов-Разумник в переписке с Федором Сологубом и Анастасией Чеботаревской (1910–1927) / вступ. статья, публ. и коммент. А. В. Лаврова // Федор Сологуб: разыскания и материалы. – М. : Новое литературное обозрение, 2016. – С. 438–514.

Каменев, Л. Б. Предисловие к мемуарам Андрея Белого «Начало века» / Л. Б. Каменев // Смерть Андрея Белого (1880–1934) : сборник статей и материалов: документы, некрологи, письма, дневники, посвящения, портреты / сост. М. Л. Спивак, Е. В. Наседкина. – М. : Новое литературное обозрение, 2013. – С. 184–197.

Каталог изданий 1929–1933 с приложением плана изданий на трехлетие 1933–1935 / предисловие Л. Б. Каменева. – М. ; Л. : Academia, 1932. – 76 с.

Лавров, А. В. Андрей Белый под советским щитом / А. В. Лавров // Пространство безграничной словесности. – СПб. : Нестор-история, 2021.

- Ленин, В. И. Полное собрание сочинений / В. И. Ленин. – 5-е изд. – М. : Изд-во политической литературы, 1973. – Т. 23. – 596 с.; Т. 24. – 568 с.
- Никитина, М. Горький и Ф. Сологуб (к истории отношений) / М. Никитина // Горький и его эпоха: исследования и материалы. Вып. 1. – М. : Наука, 1989. – С. 185–203.
- Павлова, М. М. Ранняя редакция романа «Мелкий бес»: «Смертяшкин» против «Шарика» / М. М. Павлова // Сологуб Ф. Мелкий бес / изд. подгот. М. М. Павлова. – М. : Наука, 2004. – С. 722–743. – (сер. «Литературные памятники»).
- Пушкинский Дом: Материалы к истории, 1905–2005 / гл. ред. Н. Н. Скатов. – СПб. : Дмитрий Буланин, 2005. – 600 с.
- Сологуб, Ф. Мелкий бес / Ф. Сологуб ; подгот. текста А. Л. Дымшица ; предисловие О. В. Цехновицера. – М. ; Л. : Academia, 1933. – 441 с.
- Сологуб, Ф. Мелкий бес / Ф. Сологуб. – Кемерово : Кемеровское книжное издательство, 1958. – 274 с.
- Тимофеев, Л. Очередная неудача / Л. Тимофеев // Книга и пролетарская революция. – 1934. – № 3. – С. 82–84.
- Ф. Сологуб и Е. И. Замятин. Переписка / вступ. статья, публ. и коммент. А. Ю. Галушкина и М. Ю. Любимовой // Неизданный Федор Сологуб. – М. : Новое литературное обозрение, 1997. – С. 385–394.
- Цехновицер, О. [Предисловие] / О. Цехновицер // Сологуб Ф. Мелкий бес / подгот. текста А. Л. Дымшица ; предисловие О. В. Цехновицера. – М. ; Л. : Academia, 1933. – С. 5–28.
- Эткинд, Е. Вверх по лестнице, ведущей вниз / Е. Эткинд // Эткинд Е. Записки незаговорщика. Барселонская проза: Мемуары. – СПб. : Академический Проект, 2001. – С. 390–396.

References

- Druzhinin, P. (2012). «Oдна абсолютно obglodannaya kost'»: Istoriya zashchity A. L. Dymshitsem doktorskoj dissertatsii [“One Absolutely Nibbled Bone”: The Story of A. L. Dymshits’ Defense of His Doctoral Dissertation]. In *Novoe literaturnoe obozrenie*. No. 3 (115), pp. 124–147.
- Dymshits, A. L. «Melkii bes» v tvorchestve F. Sologuba. Maksim Gor'kii i Fedor Sologub (1932) [“The Petty Demon” in the Works of F. Sologub. Maxim Gorky and Fyodor Sologub]. In *Russian State Archive of Literature and Art*. Fund 629. Inventory 1. No. 1479, sheet 1–130.
- Etkind, E. (2001). Vverkh po lestnitse, vedushchei vniiz [Up the Stairs Leading Down]. In Etkind, E. *Zapiski nezagovorshchika. Barselonskaya proza: Memuary*. Saint Petersburg, Akademicheskii Proekt, pp. 390–396.
- F. Sologub i E. I. Zamyatin. Perepiska F. Sologub and E. I. Zamyatin [Correspondence, Introduction Article]. (1997). In *Neizdannyi Fedor Sologub*. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, pp. 385–394.
- Gorky, M. (1964). O perspektivnom pyatiletnem plane izdaniya klassikov v svyazi s zamechaniyami N. K. Krupskoi 20... 21 sentyabrya 1928 goda [On the Perspective Five-Year Plan of Publishing Classics on the Remarks of N. K. Krupskaya September 20... 21, 1928]. In *M. Gor'kii i sovetskaya pechat': v 2 t.* Vol. 1. Moscow, Nauka.
- Gorky, M. (2019). *Pis'ma: v 24 t.* [Letters, in 24 vols.]. Vol. 21. Moscow, Nauka. 1014 p.
- Ivanova, T. G. (2006). *Rukopisnyi otdel Pushkinskogo Doma: Istoricheskii ocherk* [Manuscript Department of the Pushkin House: Historical Sketch]. Saint Petersburg, Dmitrii Bulanin. 444 p.
- Ivanov-Razumnik v perepiske s Fedorom Sologubom i Anastasiei Chebotarevskoi (1910–1927) [Ivanov-Razumnik in Correspondence with Fyodor Sologub and Anastasia Chebotarevskaya (1910–1927)]. (2016). In *Fedor Sologub: razyskaniya i materialy*. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, pp. 438–514.
- Kamenev, L. B. (2013). Predislovie k memuarom Andreye Belogo «Nachalo veka» [Preface to Andrei Bely’s Memoirs “The Beginning of the Century”]. In *Smert' Andreye Belogo (1880–1934): sbornik statei i materialov: dokumenty, nekrologi, pis'ma, dnevniki, posvyashcheniya, portrety*. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, pp. 184–197.
- Katalog izdaniy 1929–1933 s prilozheniem plana izdaniy na trekhletie 1933–1935* [Catalogue of Publications 1929–1933 with Annex of the Plan of Publications for the Triennium 1933–1935]. (1932). Moscow, Leningrad, Academia. 76 s.
- Lavrov, A. V. (2021). Andrei Bely pod sovetskim shchitom [Andrei Bely under the Soviet Shield]. In *Prostranstvo bezgranichnoi slovesnosti*. Saint Petersburg, Nestor-istoriya.
- Lenin, V. I. (1973). *Polnoe sobranie sochinenii* [Complete Collected Works]. 5th edition. Moscow, Izdatel'stvo politicheskoi literatury. Vol. 23. 596 p.; Vol. 24. 568 p.
- Nikitina, M. (1989). Gor'kii i F. Sologub (k istorii otnoshenii) [Gorky and F. Sologub (to the History of Relations)]. In *Gor'kii i ego epokha: issledovaniya i materialy*. Issue 1. Moscow, Nauka, pp. 185–203.
- Pavlova, M. M. (2004). Rannaya redaktsiya romana «Melkii bes»: «Smertyashkin» protiv «Sharika» [The Early Edition of the Novel “The Petty Demon”: “Smertyashkin” Against “Sharik”]. In Sologub, F. *Melkii bes*. Moscow, Nauka, pp. 722–743.
- Skatov, N. N. (Ed.). (2005). *Pushkinskii Dom: Materialy k istorii, 1905–2005* [Pushkin House: Materials for the History]. Saint Petersburg, Dmitrii Bulanin. 600 p.
- Sologub, F. (1933). *Melkii bes* [The Petty Demon]. Moscow, Leningrad, Academia. 441 p.
- Sologub, F. (1958). *Melkii bes* [The Petty Demon]. Kemerovo, Kemerovskoe knizhnoe izdatel'stvo. 274 p.
- Timofeev, L. (1934). Ocherdnaya neudacha [Another Failure]. In *Kniga i proletarskaya revolyutsiya*. No. 3, pp. 82–84.
- Tsekhnovitser, O. (1933). Predislovie [Foreword]. In Sologub, F. *Melkii bes*. Moscow, Leningrad, Academia, pp. 5–28.
- Vaisband, E. (2017). V bor'be za perepisyvanie ideologii russkogo futurizma: mladoformalisty, «nekii A. Dymshits» i Gulliver o voennykh stat'yakh Mayakovskogo [In the Struggle to Rewrite the Ideology of Russian Futurism: ...]

The Young Formalists, “a Certain A. Dymshits” and Gulliver on Mayakovsky’s War Articles]. In *Novoe literaturnoe obozrenie*. No. 1 (143), pp. 32–53.

Данные об авторе

Филичева Вера Владимировна – кандидат филологических наук, Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН (Санкт-Петербург, Россия).

Адрес: 199034, Россия, г. Санкт-Петербург, наб. Макарова, 4.

E-mail: lntfmd@rambler.ru.

Author’s information

Filicheva Vera Vladimirovna – Candidate of Philology, Institute of Russian Literature (Pushkinskiy Dom) of Russian Academy of Sciences (Saint Petersburg, Russia).

Дата поступления: 27.04.2024; дата публикации: 28.12.2024

Date of receipt: 27.04.2024; date of publication: 28.12.2024

«ВСЁ К РАЗМЫШЛЕНИЮ ВЛЕКЛО»: К 225-ЛЕТИЮ А. С. ПУШКИНА

УДК 811.161.1'42+821.161.1(Пушкин А. С.). DOI: 10.26170/2071-2405-2024-29-4-27-37.
ББК Ш141.12-51+Ш33(2Рос=Рус)5-8,4.
ГРНТИ 16.21.27. Код ВАК 5.9.8

СОВРЕМЕННАЯ ПУШКИНИАНА В КОММУНИКАТИВНЫХ ПРАКТИКАХ МЕДИАДИСКУРСА

Гридина Т. А.

Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург, Россия)
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-3993-5164>
SPIN-код: 9100-3240

Коновалова Н. И.

Уральский государственный педагогический университет
Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина
(Екатеринбург, Россия)
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-8541-1014>
SPIN-код: 5984-0528

А н н о т а ц и я . В статье рассматривается прецедентная составляющая современной медиакоммуникации. Актуальность обращения к пушкинской теме в разных способах ее трансляции жанровыми формами дискурса СМИ определяется необходимостью осмысления динамики культурного фона представителей современного социума как индикатора «языкового вкуса эпохи». Предметом исследования выступает «пушкинский текст», понимаемый в широком смысле как национально-культурный феномен, имеющий полимодальную семиотическую природу. Данный ракурс рассмотрения дает возможность комплексного анализа различных прецедентных феноменов, связанных с фактами биографии и творчества А. С. Пушкина, в свете особенностей их восприятия и интерпретации. Специфическим аспектом такой интерпретации является языковая игра, основанная на актуализации и переключении ассоциативных стереотипов оценки соответствующих прецедентов в жанре интернет-мема. Под интернет-мемом понимается жанр, транслирующий информацию в многовекторном тематическом регистре, развивающем определенную идею, многократно ее репродуцируя и трансформируя с помощью разных креативных приемов. В этом жанре находит отражение синкретичное слияние знаков вербального и визуального кодов, создающих новые прецедентные тексты на базе переосмысленных прототипов. Методология исследования вписывается в русло направления «Лингвистика креатива» и включает в себя характеристику вербального и невербального (визуального) компонентов поликодового (креолизованного) текста интернет-мемов, обыгрывающих пушкинские прецеденты. С опорой на механизмы преобразования исходного прототипа при помощи контекстуального и дефиниционного анализа выводятся импликатуры (затекстовые смыслы), сопровождающие создание игровых трансформ. Результаты. Выявлены стратегии восприятия и особенности ассоциативного контекста игровой интерпретации «пушкинского текста» в современной медиакоммуникации. Установлены такие практики смысловой и формальной трансформации «пушкинского текста», как серийность, обуславливающая прецедентообразующую функцию игрового мема; рефрейминг, меняющий референтную «привязку» обыгрываемого прецедента и его исходную оценочную доминанту. Отдельное внимание уделяется мемам, в пародийном ключе представляющим практики цензурной правки пушкинских произведений, в частности, применительно к дискредитации критериев формальной оценки школьных сочинений.

К л ю ч е в ы е с л о в а : пушкинский текст; интернет-мемы; оценочные коннотации; языковая игра

Для цитирования: Гридина, Т. А. Современная пушкиниана в коммуникативных практиках медиадискурса / Т. А. Гридина, Н. И. Коновалова. – Текст : непосредственный // Филологический класс. – 2024. – Т. 29, № 4. – С. 27–37. – DOI: 10.26170/2071-2405-2024-29-4-27-37.

MODERN PUSHKIN STUDIES IN THE MEDIA DISCOURSE COMMUNICATION PRACTICES

Tatiana A. Gridina

Ural State Pedagogical University (Ekaterinburg, Russia)
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-3993-5164>

Nadezhda I. Konovalova

Ural State Pedagogical University
Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin
(Ekaterinburg, Russia)

Abstract. The article examines the precedent constituent of modern media communication. The urgency of addressing Pushkin theme in various versions of its translation by genre forms of media discourse is determined by the need to understand the dynamics of the cultural background of representatives of modern society as an indicator of the “linguistic taste of the epoch”. The object of the study is “Pushkin text”, understood in a broad sense as a national cultural phenomenon having a polymodal semiotic nature. This perspective allows the researcher to comprehensively analyze various precedent phenomena related to the facts of A. S. Pushkin’s biography and work, in the light of the peculiarities of their perception and interpretation. A specific aspect of this interpretation is represented as a language game based on the actualization and switching of associative stereotypes of evaluating relevant precedents in the genre of Internet meme. The Internet meme is understood as a genre that conveys information in a multi-vector thematic register that develops a certain idea, reproducing it many times and transforming it via various creative techniques. This genre reflects the syncretic fusion of signs of verbal and visual codes, creating new precedent texts based on reinterpreted prototypes.

The research methodology fits into the mainstream of “Linguistics of the Creative” and includes the characterization of verbal and non-verbal (visual) components of the polycode (creolized) text of Internet memes that interpret Pushkin’s precedents. Based on the mechanisms of transformation of the original prototype, the implicatures (non-textual meanings) accompanying the creation of game transformations are derived using contextual and definitional analysis.

As a result of the study, the strategies of perception and the specific features of the associative context of game-based interpretation of “Pushkin text” in modern media communication are revealed. The article describes such practices of semantic and formal transformation of “Pushkin text” as seriality, which determines the precedent-forming function of the game meme; reframing, which changes the referential “binding” of the interpreted precedent and its initial evaluative dominant. Special attention is paid to the memes, which paradoxically represent the practice of censoring Pushkin’s works, in particular, in connection with the discreditation of the criteria for formal evaluation of school essays.

Keywords: Pushkin text; Internet memes; evaluative connotations; language game

For citation: Gridina, T. A., Konovalova, N. I. (2024). Modern Pushkin Studies in the Media Discourse Communication Practices. In *Philological Class*. Vol. 29. No. 4, pp. 27–37. DOI: 10.26170/2071-2405-2023-29-4-27-37.

Введение

Пространство медиакommunikации представляет собой сложный комплекс самых разных дискурсивных практик – совокупность всех процессов, жанровых форм и продуктов речевой деятельности в области СМИ, направленных на взаимодействие с аудиторией **в интерактивном ключе** [см., например, Бубнова 2007; Бударина 2019; Ван Дейк 1989; Иссерс 2017; Ремчукова; Степанов 1995 и др.]. Особая роль современного медиадискурса проявляется в креативной «обработке» передаваемой информации в расчете на реакцию адресата, способного к дешифровке нестандартного кода сообщения [Гридина, Коновалова 2019].

Метаязыковой техникой такого взаимодействия становятся механизмы и приемы языковой игры, «... общая стратегия которой связана с одновременной актуализацией и преднамеренным переключением, ломкой ассоциативных стереотипов восприятия, порождения и употребления <языкового знака> как единицы коллективного и индивидуального сознания» [Гридина 2006: 11]. Частными конструктивными принципами языковой игры, моделирующими новый контекст интерпретации соответствующих игровых трансформ, выступают ассоциативная провокация, ассоциативное наложение, ассоциативная выводимость, ассоциативное отождествление на парадоксальном основании, имитация в виде пародирования и стилизации¹. Отметим, что особенностью игровых жанровых форм массмедиа является продвижение неких установок, отвечающих мировоззренческим, ценностным аспектам восприятия передава-

емой информации разными группами социума [Гридина, Коновалова 2022; Тарасов, Нистратов, Матвеев 2020 и др.].

Одной из игровых практик современного медиадискурса являются эксплуатация и ассоциативное перекодирование разного рода прецедентов, узнаваемость которых становится базой для реализации как рационального, так и эмоционального посыла к адресату.

Данный (аллюзивный) регистр языковой игры апеллирует к культурному фону говорящих, представляя передаваемое содержание в лингвокреативном ракурсе.

Активно востребованным в игровой коммуникации является так называемый «пушкинский текст» – цитатные фрагменты, отсылки к названиям произведений Пушкина, обыгрывание их тематики и сюжетных коллизий, а также обращение к фактам биографии поэта. «Пушкинский текст» (в широком – лотмановском – понимании) выступает при этом как универсальный, всеобъемлющий национально-культурный феномен. Закономерно рассмотрение такого текста как семиотически многомерного объекта, создаваемого при помощи разнородных «языков» и допускающего множественность интерпретации в моделировании семантики «возможных миров» [Лотман 1995].

Аллюзивные векторы игровой интерпретации «пушкинского текста»

Рассмотрим конкретные жанровые формы, эксплуатирующие пушкинские прецеденты в массмедийном дискурсе и раскрывающие содержание самого известного клише, прочно связанного с именем поэта: «Пушкин – наше все». Эту фразу знает каждый. В 1859 году ее произнес русский поэт и мыслитель Аполлон Григорьев. Он утверждал, что поэты вообще – «глашатаи великих истин и

¹ Данные конструктивные принципы сформулированы Т. А. Гридиной в докторской диссертации «Ассоциативный потенциал слова и его реализация в речи (явление языковой игры)». М., 1996.

великих тайн жизни», а Пушкин – первейший из них [Седова]. Учитывая личностный опыт носителей языка, можно поставить вопрос «Пушкин – наше что?» применительно к конкретике современной ситуации.

Гений Пушкина в области поэзии непререкаем. Широко известен и прецедент «*гений чистой красоты*» (из стихотворения «Я помню чудное мгновенье», посвященного Анне Керн).

Сохраняя свою «узнаваемость», данная фраза получает в современном культурном контексте более широкий смысл, отождествляясь с высокой оценкой творчества поэта (по сути, здесь *гений чистой красоты* – это Пушкин). При этом сам прецедент может выступать в трансформированном виде, подвергаясь ситуативной интерпретации (в частности, в регистре языковой игры).

Таково, например, обыгрывание трансформы «*Чистый гений*» в названии новостного сюжета о памятнике Пушкину в Екатеринбурге, который помыли студенты к дню рождения поэта (такая акция традиционно проходит в городе каждый год). Намеренно смоделированное наложение прямого и переносного значения данной фразы в опоре на прецедентный прототип создает двойной эффект восприятия передаваемой информации, привлекая внимание адресата (телезрителей) игровой формой сообщения и маркируя инициативу студентов – мытье памятника как дань уважения гению.

Не менее известна апелляция к игровому прецеденту «*А платить кто будет? Пушкин?*». Происхождение этой реплики точно не установлено, но, безусловно, связано с переосмыслением пушкинской ипостаси «*наше все*» применительно к разным сферам бытия. Вспомним, например, ироническое тиражирование трансформированных вариантов этой реплики в художественных текстах:

Никанор Иванович до своего сна совершенно не знал произведений поэта Пушкина, но самого его знал прекрасно и ежедневно по нескольку раз произносил фразы вроде: «А за квартиру Пушкин платить будет?» Или «Лампочку на лестнице, стало быть, Пушкин вывинтил?», «Нефть, стало быть, Пушкин покупать будет?» (М. Булгаков. «Мастер и Маргарита»);

Бендер выдал мальчику честно заработанный рубль. – Прибавить надо, – сказал мальчик по-извозничьи. – От мертвого осла уши. Получишь у Пушкина. До свидания, дефективный (И. Ильф, Е. Петров. «Двенадцать стульев»).

В современном социокультурном контексте анализируемая прецедентная фраза используется в рекламе социальной акции «Пушкинская карта», которая в виде воображаемого интерактивного диалога организаторов проекта со студентами и школьниками мотивирует их на посещение теат-

ров: «*А платить кто будет? Пушкин?*» (ср. трансформу: «*А за билет Пушкин заплатит*»). В последнем случае фраза в буквальном смысле отсылает к акции субсидирования пушкинской картой материальных затрат на покупку театральных билетов. Но одновременно всплывает и второй, оценочный, подтекст фразы: в любом деле инициативу для достижения результата – получения удовольствия, развития эстетического вкуса, эрудиции и т. п. – следует проявлять самостоятельно.

Обращение к прецедентным феноменам (прецедентному имени, высказыванию, ситуации и т. п. [Русское культурное пространство... 2004]) чрезвычайно широко представлено в жанре **интернет-мема**, транслирующем определенную информацию в многовекторном тематическом регистре, развивая определенную идею, многократно ее репродуцируя («реплицируя» [Докинз 1993]) и трансформируя с помощью разных креативных приемов. Это проявляется, в частности, в таком качестве интернет-мема, как **серийность**, когда созданный мем не только обыгрывает некую аллюзию, но и начинает выступать в качестве **самостоятельного прецедента**.

Особо подчеркнем тот факт, что «... мемы выступают как знаки (физические матрицы) с информационным содержанием, внедренным в семиотическую систему» [Федоров 2024: 36], имея чаще всего креолизованный характер [Сорокин, Тарасов 1990; Петров, Петрова, Шустрова 2020]. Типовая организация мема включает в себя визуальный ряд, сопровождаемый текстовым слоганом. Дополняя друг друга, данные компоненты создают запланированный эффект воздействия на адресата.

Отмеченные параметры позволяют рассматривать интернет-мем как «новый вид полимодального дискурса» [Канашина 2016], предполагающего выведение игровых импликаций при декодировании невербального и вербального кодов сообщения. При этом «... моделирование и дешифровка <такого рода> игрем апеллируют, с одной стороны, к рефлексии над языковыми фактами в свете их собственно лингвистической квалификации, с другой стороны, к метакомментарии, преднамеренно (парадоксально) вписывающему прототип в иную систему координат (проблематики, актуальной для пользователей Сети» [Гридина, Талашманов 2020: 134].

«Пушкинский текст» (в широком семиотическом смысле этого слова, включая факты биографии) обыгрывается, например, в нижеприведенных мемах (см. рис. 1–9).

Поэт предстает в медиадискурсе в разных ипостасях своей индивидуальности. Так, в одном из мемов (рис. 1) творческий процесс создания Пушкиным стихов интерпретируется с позиций современной виртуальной коммуникации в соцсетях.

Рис. 1. Надо срочно обновить аватарку

Видеоряд – Пушкин с пером в руке (типичный визуальный образ поэта) в задумчивости смотрит в окно на облетающие листья (аллюзия на Болдинскую осень – чрезвычайно плодотворный для Пушкина период). На столе, за которым он сидит, – чернильница и чистый лист бумаги (непеременные атрибуты воплощения поэтического вдохновения). Вербальный ряд представлен «фиксацией» как бы внезапно осенившей Пушкина мысли: «Надо срочно обновить аватарку, пока листья есть». См. аватарка – «альтер эго» условного интернет-персонажа, способ самопрезентации через графическое представление, которое пользователь меняет в зависимости от ситуации, настроения, психологического состояния. В данном случае транслируется идея «поймать уходящее мгновение, не упустить минуту творческого самовыражения». Визуально обыгры-

вается и омонимия слова *лист* – в виде последнего чистого бумажного листа на столе (которого вот-вот коснется перо поэта) – явная аллюзия на пушкинское «Минута – и стихи свободно потекут...!». Обновление аватарки – своеобразная техника сообщения актуальной информации о себе – выступает в данном меме в виде осовремененной игровой идентификации, представляя образ поэта в состоянии творческого порыва. Возможно, здесь есть и ассоциативная отсылка к известной фразе из трагедии Гете «Остановись, мгновение! Ты прекрасно!» в значении «точка наивысшей гармонии с самим собой».

Обыгрывание ценностных доминант восприятия творчества Пушкина носителями русской лингвокультуры представлено в следующем меме (рис. 2).

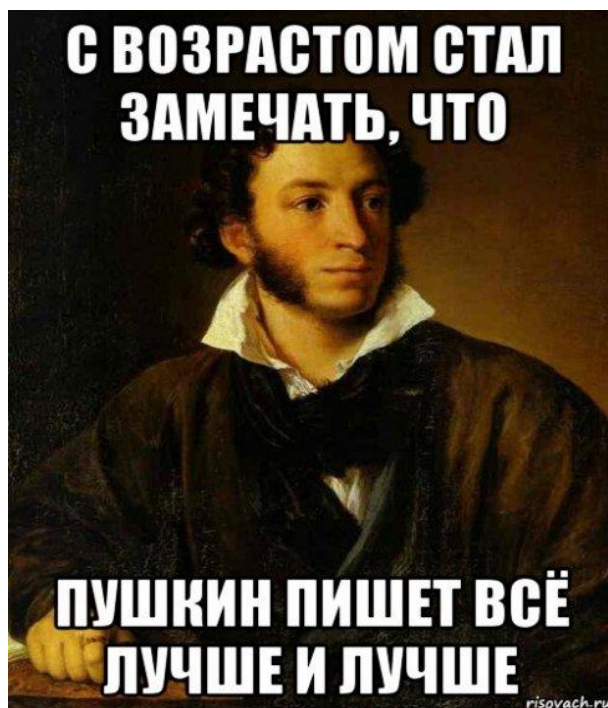

Рис. 2. Пушкин пишет все лучше и лучше

Видеоряд – самый известный и растиражированный портрет А. С. Пушкина, созданный В. А. Тропининым. Поэт запечатлен в период творческого расцвета: уже написаны «Кавказский пленник», «Руслан и Людмила», «Бахчисарайский фонтан», «Борис Годунов» ..., начат «Евгений Онегин». Взгляд Пушкина, устремленный вдаль, создает иллюзию того, что в этот момент поэтом овладевают замыслы новых произведений.

Вербальный ряд – фраза, как будто бы произнесенная тем, кто смотрит на портрет: «С возрастом стал замечать, что Пушкин пишет всё лучше и лучше».

Эта реплика имеет как минимум двойной

смысл: с одной стороны, юмористически обыгрывается ситуация, которая характеризует отношение говорящего к Пушкину как «живому» (пишущему) автору, парадоксально переворачивая логику осмысления творчества поэта (не Пушкин пишет все лучше, а читатель с годами понимает его все глубже). С другой стороны, в подтексте звучит тема непреходящей ценности и актуальности пушкинских произведений.

Одним из векторов обыгрывания «пушкинского текста» в жанре мема является обращение к теме цензуры стихов поэта в пародийном ключе (рис. 3).

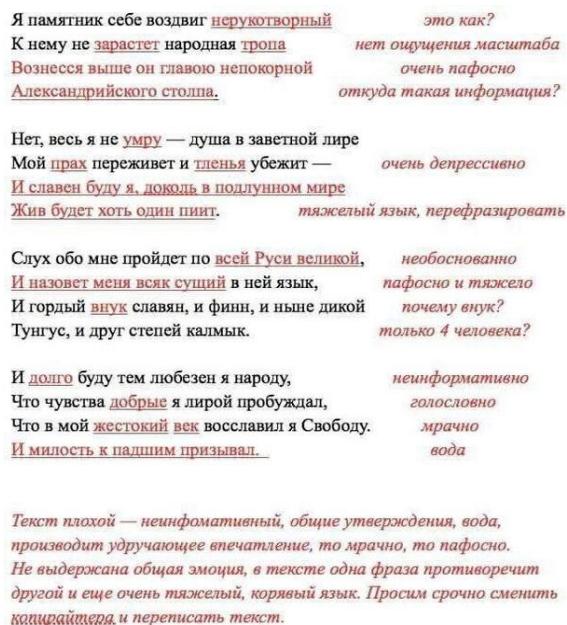

Рис. 3. Я памятник себе воздвиг...

Видеоряд – фотография стихотворения А. С. Пушкина «Памятник» с заметками на полях, имитирующими примечания редактора к этому программному произведению. Здесь обыгрывается профанный (чисто формальный) подход к анализу художественного текста, в частности, распространенный в практике оценки школьных сочинений по критериям «точность», «аргументированность», «логика», «стиль» и т. п.

Попытка так называемого (неназванного, виртуального) рецензента «исправить» Пушкина касается нескольких аспектов:

(а) **буквального восприятия** смысла этого текста в целом и отдельных его фрагментов (см., например, ремарку *это как?* к эпитету *нерукотворный* – о памятнике, который, по мнению цензора, нельзя сотворить *не руками*; констатирующий комментарий *нет ощущения масштаба* к метафоре *не зарастёт тропа* как оппозиция к *широкая дорога*; вопросы *почему внук?* к метафорическому перифразу *внук славян* = «потомок»; *только 4 человека?* – о перечислителем ряде этнонимов *славянин, финн, тунгус, калмык* с семантикой всеобщности «*всяк сущий*»);

(б) **отрицательной оценки** использования Пушкиным **стилистического регистра высокой лексики** (см., например, ремарки *очень пафосно, тяжё-*

лый язык, пафосно и тяжело – о выражениях со старославянизмами *вознёсся, главою, прах, тленья, сущий*);

(в) недостаточной **«аргументированности»** и **«конкретики»** текста (см. комментарии *откуда такая информация?*; *необоснованно*; *неинформативно*; *голословно*; *вода* – к соответствующим фрагментам текста, воспринятым буквально);

(г) **оценочной переакцентировки** общего высокого поэтического стихотворения о божественном предназначении (бессмертии творческого наследия) поэта в буквальный план «бренности человеческого существования» (см. выделение «редактором» фрагментов, характеризующихся ремарками *очень депрессивно* – о фразе *Нет, весь я не умру, душа в заветной лире мой прах переживёт и тленья убежит*; *мрачно* – о фрагменте *... в мой жестокий век...*).

Резюме, завершающее эту пародийную рецензию, стилизовано под экспертное заключение, содержащее перечень отмеченных «недостатков» и рекомендованное для переписывания по определенному шаблону.

Для искусственного адресата пародийная составляющая данного мема может быть еще более многослойной, в частности, отсылая к практике самого поэта, любившего «подмечать» дефекты не

только чужих, но и собственных сочинений¹. Например, о П. А. Плетневе – писателе и журналисте, близком друге Пушкина: «Мнение мое, что Плетневу приличнее проза, нежели стихи, – он **не имеет никакого чувства, никакой живости – слог его бледен, как мертвец**» (из письма Л. С. Пушкину, с. 44); о В. А. Озерове – русском драматурге, популярном трагике начала XIX века: «У нас нет театра, опыты Озерова ознаменованы поэтическим слогом – и то **неточным и заржавым**» (из письма П. А. Вяземскому, с. 55); о себе в сравнении с Е. А. Баратынским: «**Баратынский – чудо – мои пьесы плохи**» (из письма А. А. Бестужеву, с. 81).

Известны также многочисленные прецеденты, зафиксированные в опубликованных письмах, заметках, дневниковых записях поэта, где он дает оценочные комментарии по поводу цензурной правки собственных текстов:

«Уж эта мне цензура! Жаль мне, **что слово вольнолюбивый ей не нравится**: оно так хорошо выражает нынешнее *liberal*, оно **прямо русское**, и верно почтенный А. С. Шишков даст ему право гражданства в своем сло-

¹ Далее цитаты из писем Пушкина приводятся по: Пушкин А. С. Полное собрание сочинений в десяти томах. Том 10. Письма. М.; Л.: Издательство Академии наук СССР, 1951. 910 с.

варе вместе с шаротыком и с топталищем» (из письма Н. И. Гречу, с. 31).

В этой связи отметим и положительное оценочное суждение Пушкина о замечаниях цензуры к поэме «Кавказский пленник»:

«Но какова наша цензура? признаюсь **никак не ожидал от нее таких больших успехов в эстетике. Ее критика приносит честь ее вкусу. Принужден с нею согласиться во всем: Небесный пламень слишком обыкновенно; долгий поцелуй поставлено слишком на выдержку** (trop hasarde). Его томительную негу вкусила тут она вполне – **дурно, очень дурно** – и потому осмеливаюсь заменить этот киргиз-кайсацкий стишок следующими: какой угодно поцелуй разлуки союз любви запечатлел» (из письма Н. И. Гнедичу, с. 37).

Особый аспект игровой актуализации «пушкинского текста» представляет собой смоделированная рядом мемов аллюзивная переключка тем и цитатных фрагментов его произведений и фактов биографии с культурными прецедентами последующих эпох. См., например, серию мемов (рис. 4), обыгрывающих тему дуэли Пушкина применительно к ситуации сдачи ЕГЭ.

Рис. 4. ЕГЭ и классики

Невербальный ряд этих мемов представлен изображением Пушкина и Гоголя с пистолетами в руках, как будто бы направленными на школьника, сдающего экзамен по литературе. В качестве сопровождающих титров приведены фразы «Do you read it?!»; «Говоришь, читал нас в кратком изложении?». При этом в структуру одного из мемов, по «канонам» медиакоммуникации, включен комментарий некоего пользователя соцсети Сани Игнатенко: «Пушкин плохо стреляет». Приведенный интернет-комментарий вкупе с общим содержанием мема актуализирует импликатуры, отсылающие как к трагическому факту биографии поэта, так и к элиминации через шутивную браваду школьника самой угрозы не сдать экзамен. См. мемы с тем же визуальным рядом и вариативными надписями: «ЕГЭ по литературе сдал?»; «У тебя три ошибки в од-

ном слове!» и др. Стилизация под клише советских плакатных призывов – еще один аллюзивный вектор языковой игры в данном случае (например: *А как ты сегодня работал? // Учись и работай! Работай и учись! // Днем – работать, вечером учиться! // Если книг читать не будешь, скоро грамоту забудешь!*).

Одновременно данная серия мемов отсылает к прецеденту «Криминальное чтиво» (известному бестселлеру Квентина Тарантино), в котором представлен ряд криминальных историй, объединенных общими персонажами и темами. Ассоциативное отождествление данного названия с произведениями классиков, не прочитанными школьниками или прочитанными ими в кратком изложении, создает юмористический эффект дискредитации безграмотности и отсутствия сколько-нибудь глубоких знаний по литературе. Не случайно

сближение (намеренное столкновение) лексем *чтение* и *читиво* и в плане игровой актуализации аллюзий на «детективную» («криминальную») составляющую некоторых пушкинских и гоголевских сюжетов.

Прецедентный «пушкинский текст» также представлен в медиакоммуникации сериями мемов, эксплуатирующих технику рефрейминга. **Игровой рефрейминг** соотносится с процессом «реконтекстуализации, ... который извлекает текст, знаки или значения из его исходного контекста и повторно использует его в другом контексте» [Коннолли 2014]. При этом интенция интерпретатора намеренно переключает исходную референтную «привязку» прецедентного прототипа в новое оценочное измерение. Применительно к предмету нашего исследования можно выделить следующие типы подобного игрового рефрейминга:

1. **Виртуальный диалог Пушкина с поэтами последующих эпох.** Например (рис. 5): Пушкин читает Бродского – надпись под изображением поэта, редактирующего стихи своего «коллеги по цеху». Поза Пушкина и перечеркнутые им страницы стихотворных сборников И. Бродского, а также многочисленные закладки в этих книгах явно выражают заинтересованное (в том числе, возможно, и критическое) отношение классика к мыслям и поэ-

Рис. 5. Пушкин читает Бродского

2. **«Вплетение» пушкинских строк (поэтических цитат) в обозначение бытовых ситуаций разного рода.** См., например (рис. 7): Пушкин на фоне осенней природы, опавших желтых листьев с надписью «Октябрь уж...» = скоро зима. В памяти всплывает продолжение строфы: *Октябрь уж ... наступил, уж роща отряхает последние листья с нагих своих ветвей.* Опоэтизированный Пушкиным период в природе предстает в виде своеобразной погодной «приметы»: как будто бы перелистывается календарь, и в преддверии наступающей зимы люди прощаются с красотой уходящей осени.

Приведем еще один мем того же типа (рис. 8). Невербальный ряд: Пушкин с лопатой у занесенных снегом автомобилей и подпись «Зима. Что делать нам в деревне?». Рисунок, иллюстрирующий эти строки, переводит их смысл в профанный, аб-

литической форме одного из интереснейших поэтов XX века, который считал, что «... поэт – средство или инструмент языка ... Поэзия, в сущности, высшая форма лингвистической, языковой деятельности» [Бродский]. В этом меме считывается аллюзия на реформаторскую роль Пушкина в обновлении литературного языка как переключки с творческими поисками новых поколений поэтов-экспериментаторов.

(рис. 6): Пушкин в задумчивой позе на фоне осенней природы с как бы сопровождающей его размышления надписью: *Осень, осень... ну, давай Есенина спросим... где он май.* Ключевая фраза мема получает двоякую актуализацию через отсылку к весенней «тематике» стихов С. Есенина (таково, например, самое известное есенинское «Синий май. Заревая теплынь»; *Хочешь, пес, я тебя поцелую за пробуженный в сердце май?...* и др.) и песне группы «Лицей»: *Осень, осень, ну давай, у листьев спросим, где он май, светлый май...* Такое сопоставление ассоциативно сближает «природную символику» творческого расцвета Пушкина («И с каждой осенью я расцветая вновь») и Есенина («Словно я весенней гулкой ранью проскакал на розовом коне»), отражая, с одной стороны, особенности мироощущения поэтов, с другой стороны, переключая заданную антитезу в план иронической сентенции.

Рис. 6. Ну, давай у Есенина спросим...

солютно бытовой план. В исходном тексте эта фраза вписана в совершенно другой ситуативный контекст, передающий состояние тоски лирического героя в отсутствие творческого вдохновения: *Свеча темно горит; стесняясь, сердце ноет, по капле медленно глотаю скуки яд. Читать хочу; глаза над буквами скользят, А мысли далеко ... Я книгу закрываю; Беру перо, сижу; насильно вырываю У музы дремлющей несвязные слова. Ко звуку звук нейдет ... Теряю все права Над рифмой, над моей прислужницею странной: Стих вяло тянется, холодный и туманный. Усталый, с лирою я прекращаю спор... Тоска! Так день за днем идет в уединенье!*

Намеренно смоделированное столкновение двух контрастных интерпретаций ключевой фразы в составе мема и в контексте пушкинского стихотворения создает комический эффект игрового рефрейминга, поддержанный визуальным образом

Пушкина рядом с современными автомобилями, задумавшегося над насущными бытовыми про-

блемами (о необходимости заняться физической работой: очистить двор и автомобили от снега).

Рис. 7. Октябрь уж ...

3. Намеренно парадоксальная референция – «привязка» поэтического прецедента к характеристике нового объекта по принципу «ассоциативной провокации» (обманутого ожидания). См., например (рис. 9): визуальный ряд мема – снежная

Рис. 8. Зима. Что делать нам в деревне?

баба на горке, на которую с восторгом смотрит Пушкин. Надпись: «*Всё в ней гармония, всё диво, Всё выше мира и страстей...*» (строки стихотворения «Красавица», посвященного поэтом первой красавице Петербурга графине Е. М. Завадовской).

Рис. 9. Все в ней гармония, все диво ...

Комический эффект вызван контрастом между исходной адресацией этих строк и визуализированным референтом – снежной бабой. В меме намеренно спровоцирована актуализация двух значений слова баба: а) *сниж. разг.* по отношению к женщине (чаще из простонародья) и б) по отношению к фигуре, слепленной из снега. В данном случае эти смыслы, соединяясь с метафорическим выражением *холодная красавица*, иронически окрашивают прототипический образ, переводя пушкинское сравнение в новое оценочное измерение.

Заключение

Представленный анализ разных игровых жанров медиадискурса (названий новостных сю-

жетов, рекламных слоганов и интернет-мемов) позволяет констатировать, что «пушкинский текст» – культурный код, который не утрачивает свою актуальность в современной коммуникации, в частности, задавая новые ракурсы рецепции разных аспектов его творчества и фактов биографии.

Медиакоммуникация – особый регистр трансляции «пушкинского текста», интерпретирующий его в лингвокреативном ключе. Наиболее популярна в этом отношении жанровая форма мема, которая выступает актуальным (в первую очередь, для молодежи) способом обработки и трансляции прецедентных прототипов, в том числе в виде моделирования целых сюжетных серий.

При этом сам мем получает прецедентообра-

зующую функцию, отражая динамику осмысления культурного фона исходного прототипа разными стратами современного социума. Наиболее показательной в этом отношении является стратегия игрового рефрейминга, выступающего средством перекодирования прецедентных смыслов в новые актуальные версии их «прочтения», преимущественно с использованием конструктивных принципов ассоциативной провокации и ассоциативного наложения.

«Он победил и время, и пространство...», – писала Анна Ахматова в «Слове о Пушкине» [Ахматова 2024]. Это в полной мере подтверждается не только всем творческим наследием поэта, но и отношением к пушкинскому слову как к «живому» прецеденту. Даже небольшая выборка рассмотренных мемов позволяет говорить об их рефлексивном характере, в частности, о том, что Пушкин не «мумифицирован» в современном языковом ландшафте. Контраст между исходным смыслом и новой референтной привязкой пушкинских строк порождает юмористический эффект, и в то же время в мемах – через визуализированные отсылки к всеми узнаваемому внешнему облику поэта, чертам его характера, пристрастиям, творческим озарениям – высвечивается его соприсутствие в разных сферах бытия как реального участника событий.

Перспективным направлением исследования «пушкинского текста» представляется экспериментальная психолингвистическая верификация восприятия такого рода прецедентов обыденным языковым сознанием.

Перспективным направлением исследования «пушкинского текста» представляется экспериментальная психолингвистическая верификация восприятия такого рода прецедентов обыденным языковым сознанием.

Литература

- Ахматова, А. А. Слово о Пушкине / А. А. Ахматова. – М. : Эксмо, 2024. – 320 с.
- Бродский, И. А. Нобелевская лекция / И. А. Бродский. – URL: <http://lib.ru/BRODSKI|lect.txt> (дата обращения: 10.10.2024). – Текст : электронный.
- Бубнова, И. А. Значение слова как единица индивидуального сознания (психолингвистический аспект) / И. А. Бубнова // Вопросы психолингвистики. – 2007. – № 5. – С. 13–19.
- Бударина, О. А. Интернет-мем как новая форма массовой культуры / О. А. Бударина // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. – 2019. – № 2 (88). – С. 98–106.
- Ван Дейк, Т. А. Язык. Познание. Коммуникация / Т. А. Ван Дейк. – М. : Прогресс, 1989. – 310 с.
- Гридина, Т. А. Психологическая реальность значения и ассоциативная стратегия языковой игры / Т. А. Гридина // Психолингвистические аспекты изучения речевой деятельности. – 2006. – № 4. – С. 11–24.
- Гридина, Т. А. Аксиологические доминанты социума в зеркале игрового медиатекста / Т. А. Гридина, Н. И. Коновалова // Аксиологические аспекты современных филологических исследований : тезисы докладов международной научной конференции, Екатеринбург, 15–17 октября 2019 года. – Екатеринбург : Издательский дом «Ажур», 2019. – С. 73–74.
- Гридина, Т. А. Социокультурные аспекты восприятия игровых поликодовых текстов в пространстве современного города / Т. А. Гридина, Н. И. Коновалова // Политическая лингвистика. – 2022. – № 5 (95). – С. 49–59.
- Гридина, Т. А. Метаязыковой мем: лингвокреативные механизмы порождения и восприятия / Т. А. Гридина, С. С. Талашманов // Политическая лингвистика. – 2020. – № 2 (80). – С. 134–143. – DOI: 10.26170/pl20-02-14. – EDN BZFUL.
- Докинз, Р. Эгоистичный ген / Р. Докинз. – М. : Мир, 1993. – 316 с.
- Иссерс, О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи / О. С. Иссерс. – М. : ЛЕНАНД, 2017. – 308 с.
- Канашина, С. В. Интернет-мем как новый вид полимодального дискурса в интернет-коммуникации : автореф. дис ... канд. филол. наук / С. В. Канашина. – М., 2016. – 27 с.
- Коннолли, Дж. Х. Реконтекстуализация, ремикиотизация и их анализ с точки зрения структуры, основанной на FDG / Дж. Х. Коннолли // Pragmatics. – 2014. – Т. 24, вып. 2. – С. 377–397. – DOI: 10.1075/prag.24.2.09con.
- Лотман, Ю. М. Пушкин: Биография писателя; Статьи и заметки, 1960–1990; «Евгений Онегин»: Комментарии / Ю. М. Лотман. – СПб., 1995. – С. 187–211.
- Петрова, А. В. Когнитивно-дискурсивная методика анализа американского креолизованного текста / А. В. Петрова, М. В. Петров, Е. В. Шустрова // Вестник Воронежского государственного университета. Серия «Лингвистика и межкультурная коммуникация». – 2020. – № 4. – С. 75–86.
- Пушкин, А. С. Полное собрание сочинений в десяти томах. Том 10. Письма / А. С. Пушкин. – М. ; Л. : Издательство Академии наук СССР, 1951. – 910 с.
- Ремчукова, Е. Н. Динамика прецедентного знака в медиатексте: «прецедентное клише» как стандарт, «прецедентный комплекс» как творчество / Е. Н. Ремчукова. – Текст : электронный // Медиалингвистика. – URL: <https://repository.rudn.ru/record/sources/recordsource/12840/> (дата обращения: 10.10.2024).
- Русское культурное пространство. Лингвокультурологический словарь. Зооморфные образы. Прецедентные имена. Прецедентные тексты. Прецедентные высказывания / под ред. И. В. Захаренко, В. В. Красных, Д. Б. Гудкова. – М. : Гнозис, 2004. – 318 с.
- Седова, Г. М. Почему «Пушкин – наше все»? / Г. М. Седова. – URL: <https://www.culture.ru/s/vopros/pushkin-nashe-vse/> (дата обращения: 20.09.2024). – Текст : электронный.
- Сорокин, Ю. А. Креолизованные тексты и их коммуникативная функция / Ю. А. Сорокин, Е. Ф. Тарасов // Оптимизация речевого воздействия. – М. : Наука, 1990. – С. 180–186.

Степанов, Ю. С. Альтернативный мир, Дискурс, Факт и принцип Причинности / Ю. С. Степанов // Язык и наука конца XX века : сб. ст. / под ред. Ю. С. Степанова. – М. : Институт языкознания РАН, 1995. – С. 35–73.

Тарасов, Е. Ф. Креолизованный текст. Смысловое восприятие : коллективная монография / Е. Ф. Тарасов, А. А. Нистратов, М. О. Матвеев. – М. : Институт языкознания РАН, 2020. – 206 с.

Федоров, К. Ю. Концепция мема как методологический инструмент / К. Ю. Федоров // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. – 2024. – Т. 48, № 3. – С. 26–43.

References

- Akhmatova, A. A. (2024). *Slovo o Pushkine* [A Word about Pushkin]. Moscow, Eksmo. 320 p.
- Brodsky, I. A. *Nobelevskaia lektsiia* [Nobel Lecture]. URL: <http://lib.ru/BRODSKI/lect.txt> (mode of access: 10.10.2024).
- Bubnova, I. A. (2007). Znachenie slova kak edinita individual'nogo soznaniia (psikholingvisticheskii aspekt) [The Meaning of a Word as a Unit of Individual Consciousness (Psycholinguistic Aspect)]. In *Voprosy psikholingvistiki*. No. 5, pp. 13–19.
- Budarina, O. A. (2019). Internet-mem kak novaya forma massovoi kul'tury [Internet Meme as a New Form of Mass Culture]. In *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv*. No. 2 (88), pp. 98–106.
- Connolly, J. H. (2014). Rekontekstualizatsiia, remikiotizatsiia i ikh analiz s tochki zreniia struktury, osnovannoi na FDG [Recontextualization, Remikiotization and Their Analysis from the Perspective of an FDG-Based Framework]. In *Pragmatics*. Vol. 24. Issue 2, pp. 377–397. DOI: 10.1075/prag.24.2.09con.
- Dokinz, R. (1993). *Egoistichnyi gen* [Selfish Gene]. Moscow, Mir. 316 p.
- Fedorov, K. Yu. (2024). Kontsepsiia mema kak metodologicheskii instrument [The Meme Concept as a Methodological Tool]. In *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 7. Filosofiya*. Vol. 48. No. 3, pp. 26–43.
- Gridina, T. A. (2006). Psikhologicheskaya real'nost' znachenii i assotsiativnaya strategiiia yazykovoi igry [Psychological Reality of Meaning and Associative Strategy of a Language Game]. In *Psikholingvisticheskie aspekty izucheniia rechevoi deiatel'nosti*. No. 4, pp. 11–24.
- Gridina, T. A., Konovalova, N. I. (2019). Aksiologicheskie dominanty sotsiuma v zerkale igrovogo mediateksta [Axiological Dominants of Society in the Mirror of Gaming Media Text]. In *Aksiologicheskie aspekty sovremennykh filologicheskikh issledovani: tezisy dokladov mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, Ekaterinburg, 15–17 oktyabrya 2019 goda*. Ekaterinburg, Izdatel'skii dom «Azhar», pp. 73–74.
- Gridina, T. A., Konovalova, N. I. (2022). Sotsiokul'turnye aspekty vospriiatiia igrovyykh polikodovykh tekstov v prostranstve sovremennogo goroda [Sociocultural Aspects of the Perception of Game Polycode Texts in the Space of a Modern City]. In *Politicheskaya lingvistika*. No. 5 (95), pp. 49–59.
- Gridina, T. A., Talashmanov, S. S. (2020). Metazykovoi mem: lingvokreativnye mekhanizmy porozhdeniia i vospriiatiia [Metalinguistic Meme: Linguocreative Mechanisms of Generation and Perception]. In *Politicheskaya lingvistika*. No. 2 (80), pp. 134–143. DOI: 10.26170/pl20-02-14. EDN BZFQUL.
- Issers, O. S. (2017). *Kommunikativnye strategii i taktiki russkoi rechi* [Communication Strategies and Tactics of Russian Speech]. Moscow, LENAND. 308 p.
- Kanashina, S. V. (2016). *Internet-mem kak novyi vid polimodal'nogo diskursa v internet-kommunikatsii* [Internet Meme as a New Type of Multimodal Discourse in Internet Communication]. Avtoref. dis ... kand. filol. nauk. Moscow. 27 p.
- Lotman, Yu. M. (1995). *Pushkin: Biografiia pisatelya; Stat'i i zametki, 1960–1990; «Evgenii Onegin»: Kommentarii* [Pushkin: Biography of the Writer; Articles and Notes, 1960–1990; “Eugene Onegin”: Commentary]. Saint Petersburg, pp. 187–211.
- Petrova, A. V., Petrov, M. V., Shustrova, E. V. (2020). Kognitivno-diskursivnaya metodika analiza amerikanskogo kreolizovannogo teksta [Cognitive-Discursive Methodology for Analyzing American Creolized Text]. In *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiia»*. No. 4, pp. 75–86.
- Pushkin, A. S. (1951). *Polnoe sobranie sochinenii v desyati tomakh* [Complete Works, in 10 vols.]. Vol. 10. Pis'ma. Moscow, Leningrad, Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR. 910 p.
- Remchukova, E. N. Dinamika pretsedentnogo znaka v mediatekste: «pretsedentnoe klishe» kak standart, «pretsedentnyi kompleks» kak tvorchestvo [Dynamics of a Precedent Sign in a Media Text: “Precedent Cliché” as a Standard, “Precedent Complex” as Creativity]. In *Medialingvistika*. URL: <https://repository.rudn.ru/recordsources/recordsource/12840/> (mode of access: 10.10.2024).
- Sedova, G. M. *Pochemu «Pushkin – nashe vse»?* [Why is Pushkin Our Everything?]. URL: <https://www.culture.ru/s/vopros/pushkin-nashe-vse/> (mode of access: 20.09.2024).
- Sorokin, Yu. A., Tarasov, E. F. (1990). Kreolizovannye teksty i ikh kommunikativnaya funktsiia [Creolized Texts and Their Communicative Function]. In *Optimizatsiia rechevogo vozdeistviia*. Moscow, Nauka, pp. 180–186.
- Stepanov, Yu. S. (1995). Al'ternativnyi mir, Diskurs, Fakt i printsip Prichinnosti [Alternative World, Discourse, Fact and the Principle of Causality]. In Stepanov, Yu. S. (Ed.). *Yazyk i nauka kontsa XX veka: sb. st.* Moscow, Institut yazykoznaniiya RAN, pp. 35–73.
- Tarasov, E. F., Nistratov, A. A., Matveev, M. O. (2020). *Kreolizovannii tekst. Smyslovoe vospriiatie* [Creolized Text. Semantic Perception]. Moscow, Institut yazykoznaniiya RAN. 206 p.
- Van Dyck, T. A. (1989). *Yazyk. Poznanie. Kommunikatsiia* [Language. Cognition. Communication]. Moscow, Progress. 310 p.

Zakharenko, I. V., Krasnykh, V. V., Gudkova, D. B. (Ed.). (2004). *Russkoe kul'turnoe prostranstvo. Lingvokul'turologicheskii slovar'. Zoomorfnye obrazy. Pretsedentnye imena. Pretsedentnye teksty. Pretsedentnye vyskazyvaniya* [Linguistic and Cultural Dictionary. Zoomorphic Images. Precedent Names. Precedent Texts. Precedent Statements]. Moscow, Gnozis. 318 p.

Данные об авторах

Гридина Татьяна Александровна – доктор филологических наук, профессор кафедры общего языкознания и русского языка, Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург, Россия).

Адрес: 620091, Россия, г. Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26.

E-mail: tatyana_gridina@mail.ru.

Коновалова Надежда Ильинична – доктор филологических наук, профессор кафедры общего языкознания и русского языка, Уральский государственный педагогический университет; профессор кафедры русского языка для иностранных учащихся, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина (Екатеринбург, Россия).

Адрес: 620091, Россия, г. Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26.

E-mail: sakralist@mail.ru.

Authors' information

Gridina Tatyana Aleksandrovna – Doctor of Philology, Professor of Department of General Linguistics and Russian Language, Ural State Pedagogical University (Ekaterinburg, Russia).

Konovalova Nadezhda Ilyinichna – Doctor of Philology, Professor of Department of General Linguistics and Russian Language, Ural State Pedagogical University; Professor of Department of Russian Language for Foreign Students, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin (Ekaterinburg, Russia).

Дата поступления: 02.11.2024; дата публикации: 28.12.2024

Date of receipt: 02.11.2024; date of publication: 28.12.2024

УДК 378.016:811.161.1+811.133.1+659.123.3. DOI: 10.26170/2071-2405-2024-29-4-38-47.
ББК Ш141.12-9-99+Я48.
ГРПТИ 16.31.51. Код ВАК 5.9.5

COMMENTARY ON FRENCH EPIGRAPHS OF A. S. PUSHKIN IN THE PRACTICE OF TEACHING RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE

Jerome Nick

Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin
(Ekaterinburg, Russia)

ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0009-7436-4097>

Abstract. The study of ideas about *moral'* (morality) and *nравственность'* (morality) in Russian and French linguistic cultures is undoubtedly urgent both in the light of the modern socio-cultural situation and in linguistics itself. In French, there are concepts of *morality* and *ethics*, very similar in meaning; they act as regulators of human behavior in society. The concept of *nравственность'*, with the meaning that it has in the Russian language, does not exist. It is translated into French as *morality*. It is associated with certain confusions in the understanding of Russian and French words that are close, but not fully synonymous. Classical literature, and specifically Pushkin's heritage, is of special interest in the study of the national specificity of the concepts under analysis. The research object in this article comprises French epigraphs, containing the appropriate vocabulary of the semantic field "nравственность", which A. S. Pushkin chooses for his works. The novelty of this study is also represented by the author's research angle: the French epigraphy of the Russian poet in the perception of a modern French person. As a result of the analysis of the most significant epigraphs to the novel in verse *Eugene Onegin* and the novel *Arap of Peter the Great*, the article shows differences in the perception of the concepts of *moral'* and *nравственность'* by the members of French and Russian linguistic cultures. In addition, the author pays attention to the semantic structure of these concepts in their historical dynamics. For this purpose, he uses the methods of definitional analysis of the lexemes *moral'*, *nрав*, *nравственность'*, *conscience*, *morality*, *virtue* in various types of dictionaries; elements of the etymological analysis and historical commentary of words; procedures of the structural-semantic method, psycholinguistic experimental methods (free associative experiment, the results of which are used to model the associative field of *morality*), and the method of direct interpretation. The practical value of the study consists in the author's observations on the peculiarities of foreign speakers' perception of Pushkin's epigraphs, as well as some preliminary guidelines for the use of Pushkin's unique bilingual creative experience in the practice of teaching Russian as a foreign language.

Keywords: morality; epigraphs; Pushkin; Russian as a foreign language; linguistic consciousness; experiment

Citation: Nick, J. (2024). Commentary on French Epigraphs of A. S. Pushkin in the Practice of Teaching Russian as a Foreign Language. In *Philological Class*. Vol. 29. No. 4, pp. 38–47. DOI: 10.26170/2071-2405-2023-29-4-38-47.

КОММЕНТАРИЙ К ФРАНЦУЗСКИМ ЭПИГРАФАМ А. С. ПУШКИНА В ПРАКТИКЕ ОБУЧЕНИЯ РКИ

Ник Ж.

Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина
(Екатеринбург, Россия)

ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0009-7436-4097>
SPIN-код: 4117-6521

Аннотация. Исследование представлений о морали и нравственности в русской и французской лингвокультурах является, несомненно, актуальным как в свете современной социокультурной ситуации, так и собственно лингвистическом плане. Во французском языке есть понятия *мораль* и *этика*, очень близкие по значению, они выступают как регуляторы поведения человека в обществе. Понятия *нравственность*, с тем смыслом, который оно имеет в русском языке, не существует. Оно переводится на французский язык как *мораль*. С этим связаны некоторые «когнитивные сбои» в понимании русскими и французами близких, но не являющихся синонимами слов. Особый интерес в изучении национальной специфики анализируемых понятий представляет обращение к классической литературе, в первую очередь – к пушкинскому наследию. Предмет исследования в данной статье – французские эпиграфы, включающие соответствующую лексику семантического поля «нравственность», которые А. С. Пушкин выбирает для своих произведений. Новизну работы представляет и сам выбранный автором ракурс исследования: французская эпиграфика русского поэта в восприятии современного француза. В результате анализа наиболее значимых эпиграфов к роману в стихах «Евгений Онегин», роману «Арап Петра великого» в статье показаны различия в восприятии представителями французской и русской лингвокультур понятий *мораль* и *нравственность*. Кроме того, автором уделяется внимание исторической динамике семантической структуры этих понятий, для этого используются методы дефиниционного анализа толкований лексем *нрав*, *нравственность*, *совесть*, *мораль*, *добродетель* в словарях разного типа, элементы этимологического анализа и исторического комментария слов; процедуры структурно-семантического метода, психолингвистические экспериментальные методы (свободный ассоциативный эксперимент, по результатам которого моделируется ассоциативное поле *мораль*), методика прямого толкования. Практическую ценность составляют наблюдения автора над особенностями восприятия пушкинских эпиграфов инофонами, а также некоторые предварительные рекомендации по использованию уникального пушкинского билингвального творческого опыта в практике обучения русскому языку как иностранному.

Ключевые слова: мораль; нравственность; эпиграфы; Пушкин; русский язык как иностранный; РКИ; языковое сознание; эксперимент

Для цитирования: Ник, Ж. Комментарий к французским эпитафиям А. С. Пушкина в практике обучения РКИ / Ж. Ник. – Текст : непосредственный // Филологический класс. – 2024. – Т. 29, № 4. – С. 38–47. – DOI: 10.26170/2071-2405-2024-29-4-38-47.

COMMENTAIRE DES ÉPIGRAPHES FRANÇAISES DES ŒUVRES D'A. S. POUCHKINE DANS LA PRATIQUE DE L'ENSEIGNEMENT DU RUSSE COMME LANGUE ÉTRANGÈRE

Jérôme Nick

Université fédérale de l'Oural nommée d'après le premier président de la Russie B. N. Eltsine
(Ekaterinbourg, Russie)

ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0009-7436-4097>

Résumé. L'étude des représentations de la morale et de la *nravstvennost'* dans les cultures linguistiques russe et française est sans aucun doute actuelle à la lumière de la situation socioculturelle moderne, et sur le plan linguistique lui-même. Il existe en français les concepts de *morale* et d'*éthique*, ayant des significations très proches, qui agissent comme régulateurs du comportement de l'individu dans la société. La notion de *nravstvennost'*, avec le sens qui lui est donné en russe, n'existe pas. Elle se traduit en français par *morale* ou *moralité*. À cela sont liées certaines confusions dans la compréhension de ces mots proches, mais non synonymes, tant par les Russes que par les Français. L'appel à la littérature classique, en premier lieu à l'héritage de Pouchkine, présente un intérêt particulier dans l'étude de la spécificité nationale des concepts analysés. Le sujet de recherche de cet article, les épigraphes françaises des œuvres d'A. S. Pouchkine, enveloppe le vocabulaire du champ sémantique de « *nravstvennost'* », que le génie littéraire a choisi pour l'écriture de ses œuvres. La nouveauté du travail réside dans l'angle de recherche adopté par l'auteur : la perception de l'épigraphie française du poète russe par un Français d'aujourd'hui. À la suite de l'analyse des épigraphes les plus significatives du roman en vers « Eugène Onéguine », du roman « Le Nègre de Pierre le Grand », l'article montre les différences dans l'appréhension des concepts de moralité et de *nravstvennost'* par des représentants des cultures linguistiques russes et françaises. En outre, l'attention de l'auteur est portée sur la dynamique historique de la structure sémantique de ces concepts. Pour ce faire, des méthodes d'analyse de définition des lexèmes *nrav*, *nravstvennost'*, *conscience*, *morale*, *vertu* dans des dictionnaires de différents types sont utilisées, ainsi que des éléments de l'analyse étymologique et du commentaire historique; des procédures de la méthode structurelle et sémantique, des méthodes psycholinguistiques expérimentales (test d'associations verbales, à partir duquel est modélisé le champ associatif de *morale*; test d'interprétation libre). Les observations de l'auteur sur les particularités d'appréhension des épigraphes de Pouchkine par les allophones apportent une valeur pratique au présent article, tout comme les recommandations préliminaires sur l'utilisation de la création littéraire bilingue unique de Pouchkine dans la pratique de l'enseignement du russe comme langue étrangère.

Mots-clés: morale; épigraphes; Pouchkine; russe comme langue étrangère; conscience linguistique; expérience psycholinguistique

Introduction

Le poète est un être par-delà les frontières. Il n'est lié ni à un Etat, ni à un pouvoir, ni à une religion, pas même à son égo dont il se doit de se dévêtir, lorsqu'il s'empare de sa lyre. Telle est l'image d'Alexandre Pouchkine, poète multilingue, multiculturel, multifacettes. Ce trait de plume donne de la modernité à son style, « la grande nouveauté de Pouchkine, c'est d'utiliser une "langue objective" », affirme André Marckovitz, traducteur d'« Eugène Onéguine » [Pouchkine 2005: 313]. La façon directe de Pouchkine d'interpeller ses lecteurs, puis ses personnages, lui donne une proximité inhabituelle, agréable, intime. Ce mélange des genres et des procédés littéraires fonde la modernité, voire l'intemporalité de son œuvre « Eugène Onéguine », qui semble être comptée directement de la bouche de l'auteur, comme un secret, une histoire vécue, susurrée à l'oreille d'un ami. Cette fraîcheur de plume, ce cisèlement des traits de caractère sont fidèlement rendus par André Marckowicz, qui, par ailleurs, en traduisant le roman en vers, « réussit à garder le maximum (de la structure sonore): les rimes s'articulent de la même manière (à savoir un quatrain de rimes croisées auxquelles suivent deux couples de rimes plates, un quatrain de rimes embrassées se terminant par deux rimes plates) » [Bagyan, Drobysheva 2022: 45]. Le traducteur décrit la langue de Pouchkine comme « ce miracle de simplicité, de grâce,

d'harmonie, de légèreté, d'humour, (...) cette langue que l'on retrouve en souriant, bouleversé, toujours surpris, depuis la prime enfance jusqu'à la fin de sa vie » [Pouchkine 2005 : 311–312].

Les œuvres d'Alexandre Pouchkine sont parsemées d'inclusions de langues étrangères. Français, anglais, italien, latin amendent tant les vers, que la prose de l'auteur, sans omettre ses nombreuses épigraphes, faisant l'objet de notre présente attention, « ces bords d'œuvres qui ne sont pas encore pleinement l'œuvre mais invitent déjà à l'appréhender, à lui donner sens » [Bouygues, Marchal-Ninosque 2019].

Relations entre les notions de *morale* et de *nravstvennost'*

Afin de mieux comprendre le sens donné par Pouchkine aux épigraphes de ses œuvres, tournons-nous vers l'analyse des lexèmes liées aux notions de morale et de *nravstvennost'* dans les langues russe et française.

La langue porte en soi un ensemble de concepts et de représentations sur le monde, sur les lois qui le régissent. Les mots et leur signification, transmis de génération en génération, affectent l'individu, consciemment ou inconsciemment. C'est pourquoi, il est observable que le développement de la personnalité est étroitement lié à la langue dans laquelle une personne pense et parle. Une compréhension spirituelle et « morale » du monde est ancrée dans la

langue russe, ce qui est reflété dans la vision du monde russe, chaque culture linguistique contemporaine étant le résultat d'un processus séculaire de stratification de l'appréhension de la réalité du monde et des réactions à ses changements : « L'originalité nationale, c'est de toute manière comme le caractère humain : elle n'est pas donnée de Dieu une fois pour toutes, mais se forme à partir d'une accumulation de hasards, car chaque personne, chaque peuple est porteur de ses singularités » [Гаспаров 2012: 132].

L'origine des mots nous aide à déceler les spécificités inhérentes aux concepts qu'ils décrivent, et à correctement décrypter les nuances de leur emploi par des auteurs de différentes époques, c'est pourquoi une analyse étymologique préliminaire s'impose, pour comprendre la différence entre les apparents synonymes *morale* et *nравственность*¹.

Le substantif féminin russe *нравственность* vient de l'adjectif *нрав* (traduit en français par *tempérament, caractère, disposition*), lui-même issu du russe ancien *нравъ* ayant le sens « aspiration, vertu » [Семенов 2003]. La notion de *нравственность* est ainsi étymologiquement associée au concept de *vertu*, qui évoque les questionnements intérieurs de l'individu, ses qualités propres, la base de sa critique de la réalité et de ses interactions avec elle, ou comme la définit le dictionnaire russe de Dahl : « La vertu est la vaillance, toute qualité louable de l'âme, la poursuite active du bien, pour l'évitement du mal » [Даль 1989, т. I: 444]. Dans ce même dictionnaire, *нрав* est défini comme : « De manière générale, une moitié, ou l'une des deux propriétés principales de l'esprit d'une personne : l'entendement et le tempérament forment ensemble l'Esprit (l'Âme, au sens le plus élevé) ». Plus loin dans la définition, il est indiqué que le terme désigne : « la manifestation des propriétés de l'homme, les aspirations constantes de sa volonté » [Даль 1989, т. II: 558]. Cette définition énonce les aspects fondamentaux du concept et de l'appréhension russe de la spécificité intérieure de l'Homme : le *tempérament* (*нрав*) est séparé de l'entendement, autrement dit des processus cognitifs liés à la raison, mais ils forment ensemble la base de l'esprit, de l'âme d'une personne. Cette originalité humaine est liée au fait qu'il interagit avec les forces Supérieures dans sa conduite, dans ses choix et dans ses actes. Le dictionnaire de la langue russe d'Ozhegov fonde sa définition de *нравственность* sur cette interaction : « Qualités intérieures et spirituelles qui guident une personne, les normes éthiques ; les règles de comportement déterminées par ces qualités » [Озегов 1986: 360]. Ces « qualités intérieures » sont intimement liées à notions de *совесть*¹ (traduite en français par *conscience*, dans son sens spirituel de « voix de l'âme »), qui peut être décrite comme un « transmetteur » dans cette interaction spirituelle de l'Homme avec les forces Supérieures. Sur cette base, il est possible d'identifier les principaux attributs de *нравственность* en tant que régulateur de la conduite de l'individu : c'est sa conscience intérieure du bien et du mal, son juge intérieur qui, indépendamment du

bénéfice ou du jugement public, détermine la teneur de ses actions, de ses pensées.

Voyons maintenant certains aspects historiques et étymologiques de la notion de *morale* en français. Sur le territoire national de la France métropolitaine, différents peuples ont vécu et parlé à travers les siècles, dans des langues complètement différentes. La langue française, formée d'une combinaison du latin vulgaire avec un mélange de langues gauloises, est devenue officielle au XVIe siècle. L'introduction du français en tant que langue officielle a été un événement majeur dans son développement : « Par trois ordonnances particulières datées de 1522, de 1529 et de 1539, le roi François Ier prescrivit l'usage exclusif du français dans tous les actes publics et privés. Ces ordonnances sont en quelque sorte des lettres de noblesse octroyées par le souverain à la langue des bourgeois, qui devient par ce fait même la langue de la cour, des parlements, des hommes d'affaires, c'est-à-dire de tout le monde, hormis les savants et le clergé » [Pélissier 1873: 207].

L'adjectif *moral*, à partir duquel sont dérivés tous les mots de même racine, est dérivé du latin *moralis* (mores) [Scheler 1888: 345]: « relatif aux mœurs » [Gafiot 1934: 994].

Selon une hypothèse de Lipovetsky (2002), on peut distinguer trois phases essentielles dans l'histoire de la morale en France : une phase « théologique » (avant le XVIIIe siècle), une phase « laïque-moraliste » (de 1800 à 1950), et une phase « post-moraliste » (de 1950 à 2010) [Lheureux 2012: 27–29]. Pendant la première phase dite « théologique », qui est la plus longue historiquement puisqu'elle dure jusqu'au début du XVIIIe siècle, c'est par la Bible seule que les hommes peuvent connaître la vraie morale. La morale n'apparaît pas comme une sphère indépendante de la religion. Hors de l'Église et de la foi en Dieu, il ne peut y avoir de vertu. La deuxième phase, que l'auteur nomme « phase laïque-moraliste », dure de 1800 à 1950. Pour les penseurs de cette époque, la morale vient des hommes, de la raison humaine, et l'idée d'un fondement théologique de la morale est dorénavant rejetée. Les principes moraux sont considérés comme des principes strictement rationnels, comme une morale « naturelle », et sont adaptés pour être perçus comme les responsabilités individuelles des citoyens. Ainsi, après le devoir religieux, le culte du devoir est né, c'est-à-dire le culte laïc de l'abnégation et de la dévotion sans fin au service de la famille, de la Patrie ou de l'Histoire. La troisième phase est nommée « post-moraliste » et couvre la période de 1950 à nos jours. Lors de cette phase, la société stimule davantage les désirs, le moi, les droits, le bonheur et le bien-être individuel que l'idéal d'abnégation et les obligations des individus. La morale vise à développer et à satisfaire le soi (égo). La famille et la patrie sont reléguées au second plan.

Les origines d'un tel processus peuvent être indentifiées dans la stratification de la société et dans la domination progressive d'une partie de celle-ci sur l'autre. M. L. Gasparov décrit ce dualisme : « La dualité culturelle n'est pas seulement la différence entre un sommet dynamique et une masse lente, elle peut exister entre la culture spirituelle et la culture

¹ Voir les définitions des termes *душа* et *совесть* dans le dictionnaire russe de Dahl [Даль 1989, т. I: 504, т. IV: 256].

mondaine. En Europe, elle a commencé quand les philosophes grecs ont distingué deux modes de vie : le mode contemplatif, pour la minorité éclairée (bios théorétikos), et le mode actif, pour la majorité (bios practicos)¹. Au moyen âge, le mode contemplatif se réalisait à travers système de valeurs chrétien, et le mode actif à travers le système de valeurs laïque (chevaleresque, puis bourgeois). (...) Lorsque la sécularisation de la culture, le rôle tenu par la classe spirituelle a été assumé par l'intelligentsia, d'abord par les humanistes de la Renaissance, puis par les philosophes des salons des Lumières » [Гаспаров 2012: 101–102]. Il est probable que c'est ce processus de sécularisation de la société qui a conduit la culture linguistique française à se détacher progressivement des notions et des concepts liés à la régulation intérieure (non sociale) de la conduite de l'individu, tels que la *conscience* et la *morale*.

En français contemporain, le nom féminin *morale* est polysémique. Le dictionnaire le Robert définit la morale dans un premier domaine comme : « 1. Science du bien et du mal ; théorie de l'action humaine soumise au devoir et ayant pour but le bien. 2. Ensemble de règles de conduite considérées comme bonnes 3. Ensemble des règles de conduite découlant d'une conception de la morale (I, 1) » ; dans un second domaine comme : « 1. locution Faire la morale, de la morale à quelqu'un, lui faire une leçon de morale. 2. Ce qui constitue une leçon de morale. La morale d'une fable » [Le Robert]. À titre de comparaison, voyons la définition donnée par le dictionnaire Larousse : « 1. Ensemble de règles de conduite, considérées comme bonnes de façon absolue ou découlant d'une certaine conception de la vie : Obéir à une morale rigide. 2. Science du bien et du mal, théorie des comportements humains, en tant qu'ils sont régis par des principes éthiques. 3. Enseignement qui se dégage de quelque chose, conduite que l'événement ou le récit invite à tenir : La morale de l'histoire. 4. Conclusion, en forme de morale, d'une fable, d'un récit » [Dictionnaire Larousse].

Dans la mentalité du français contemporain moyen, les décisions et les actions ne proviennent que de l'esprit rationnel. L'esprit rationnel a besoin de faits, de conditions, de pointeurs, de règles pour prendre une décision. Par conséquent, il a besoin de la morale. J.-J. Rousseau a écrit à ce sujet : « La raison seule nous apprend à connaître le bien et le mal. La conscience qui nous fait aimer l'un et haïr l'autre, quoiqu'indépendante de la raison, ne peut donc pas se développer sans elle. Avant l'âge de raison nous faisons le bien et le mal sans le connaître ; et il n'y a point de moralité dans nos actions » [Rousseau 1762: 112]. La pensée de Rousseau fait partie des théories dominantes dans les mentalités de la société française moderne, ce qui est, dans l'ensemble, confirmé par les données des expériences psycholinguistiques menées par l'auteur (variante de la méthode de prédiction probabiliste et du test d'interprétation libre [Гридина,

Коновалова 2022])², dont nous présentons quelques résultats. Ces résultats ne sont pas décrits en détail, car cela représente un sujet d'examen séparé, mais sont utilisés en guise de complément à notre présente argumentation.

Dans le cadre du test d'interprétation libre, les répondants ont été invités à déterminer le sens de lexèmes, par tout moyen pratique pour eux (*morale*, *нравственность* – pour le groupe russophone, *moralité* – pour le groupe français). Le test a révélé l'assimilation des concepts de *morale* et de *нравственность* par les répondants russes (*lois morales*, *normes morales*, *sentiment moral*, *décisions*, *actions pratiques*, *moralisation*, *enseignement*). En même temps, la compréhension du lexème *conscience* a clairement différé. Le lexème a été défini comme un sentiment intérieur, ou même comme quelque chose d'animé, qui a une voix et la capacité d'influencer une personne, par exemple, en permettant ou en interdisant de faire quelque chose (*la conscience ronge*, *le remords*, *la conscience a parlé*, *la conscience tourmente*, *la mauvaise conscience*).

Comparons ces résultats avec ceux obtenus auprès des répondants français, où est mise en évidence une prépondérance des interprétations en lien avec les normes, les règles (*un ensemble de valeurs*, *essentielle pour vivre en société*, *souvent influencée par la culture*, *liée à la responsabilité personnelle*, *un guide pour nos actions*, *aide à établir des normes sociales*, *parfois en conflit avec la loi*, *subjective*, *peut évoluer avec le temps*, *importante dans l'éducation*, *fondamentale*, *un fondement de la justice*, *souvent enseignée par les parents*, *peut varier d'une personne à l'autre*, *influencée par des expériences personnelles*).

On peut remarquer que les dominantes sémantiques du champ associatif de la *moralité* dans la conscience linguistique française – « connexion avec les coutumes, les traditions », « règles et normes de comportement dans la société » – révèlent la validité de l'interprétation de ce terme comme un outil de régulation externe du comportement humain. Dans la conscience linguistique russe, les significations personnelles, l'évaluation émotionnelle et métaphorique (anthropomorphique) sont largement représentées dans le volume du concept interprété. Ces divergences, mises en évidence dans la conceptualisation de la notion de moralité dans les consciences linguistiques russe et française, doivent être prises en compte lors du commentaire des épigraphes françaises des œuvres de Pouchkine.

Épigraphes françaises dans les œuvres d'A. S. Pouchkine

Définissons tout d'abord le substantif féminin *épigraphe*. Le terme, emprunté au grec, apparaît dans la quatrième édition du dictionnaire de l'Académie française datant de 1762. Il est défini dans la dernière édition de ce dictionnaire comme : « 1. Inscription placée sur un monument, un édifice, pour en rappeler

¹ Voir également : Malet A. Le croyant en face de la technique // Revue d'histoire et de philosophie religieuses, 55e année n°3, 1975. P. 417–430.

² Ces expériences psycholinguistiques et d'autres (expérience associative orientée, méthode de complétion de textes lacunaires) ont été menées par l'auteur en 2023–2024. Seules certaines données sur des répondants philologues de groupes russophones et francophones sont exposées dans le présent article.

la date, la destination, l'auteur, etc. ; 2. Courte sentence, courte citation placée en tête d'un ouvrage ou d'un chapitre pour en indiquer l'objet ou l'esprit » [Académie française]. Le théoricien de la littérature Gérard Genette corrobore que l'ajout d'épigraphe aux œuvres littéraires est une pratique récente, dont il « ne trouve aucune trace (...) avant le XVIIe siècle » et « dont la pratique se répand au cours du XVIIIe siècle ». Il suggère également que l'ancêtre de l'épigraphe serait la devise d'auteur : « Court texte, qui peut être une citation, distingué par son indépendance par rapport au texte singulier, par le fait qu'il puisse se trouver en tête de plusieurs œuvres du même auteur, qui le place pour ainsi dire en exergue de sa carrière, ou de sa vie entière » [Genette 1987: 147–148]. Gérard Genette a par ailleurs identifié quatre fonctions de l'épigraphe : une fonction d'éclaircissement, de commentaire du titre ; une fonction de commentaire du texte, dont elle précise, ou précise indirectement sa signification ; une fonction de caution, où le nom de l'auteur cité dans l'épigraphe cautionne la valeur de l'œuvre ; une fonction d'« effet-épigraphe », où l'épigraphe marque, par ses caractéristiques, l'appartenance à une époque, à un genre littéraire [Genette 1987: 159–163].

Le nom masculin *эпиграф* a également été emprunté au grec dans la langue russe avec une définition polysémique similaire : « Dans la Grèce antique, le terme nommait l'inscription sur un monument funéraire. Plus tard, ont commencé à être appelés épigraphe des citations, des proverbes, des dictons, des extraits de poèmes que l'auteur a placé après le titre de l'œuvre ou devant des chapitres individuels, cherchant à expliquer leur dessein » [Словарь литературоведческих терминов 1974: 468].

Les valeurs morales, les sensations, les émotions sont au cœur des œuvres littéraires et poétiques. Le texte littéraire peut être perçu comme « un reflet du monde vue par l'auteur, comme un dialogue avec le lecteur, capable de déchiffrer le dessein de l'auteur » [Гридина, Кубасов 2017: 47]. Étudions en particulier la manière qu'a Pouchkine de décrire la notion russe de « нравственность » à travers le prisme de son « épigraphie française ». Intéressons nous tout d'abord à l'épigraphe introduisant le chapitre 4 du roman en vers d'Alexandre Pouchkine « Eugène Onéguine » : « La morale est dans la nature des choses. Necker » [Пушкин 2024: 84]. Pouchkine, avec cette épigraphe, soulève une question fondamentale qui anime les débats philosophiques parisiens de la fin du XVIIIe siècle et qui se pose en ces termes : les actes et les choix d'une personne doivent-ils être basés sur la distinction et le choix entre le bien et le mal ? L'épigraphe est tirée d'un ouvrage de Madame de Staël, qui évoque la joute philosophique opposant son père Jacques Necker et Honoré-Gabriel Riqueti de Mirabeau, et qui le cite : « Vous avez trop d'esprit, disoit un jour M. Necker à Mirabeau, pour ne pas reconnoître tôt ou tard que la morale est dans la nature des choses » [Staël-Holstein 1818: 403]. Necker et Mirabeau, deux antipodes emblématiques de la Révolution française, sont opposés sur le thème de « l'importance de la morale comme base indispensable à la conduite de l'individu » [Liapunov 1999: 44].

La traduction de l'épigraphe en russe universellement admise est la suivante : « Нравственность в природе вещей. Неккер (фр.) » [Пушкин 2024: 84; Пушкин 1995: 662].

Pour un lecteur russophone de cette épigraphe, ayant la compréhension de *morale* en tant que *нравственность*, il est clair que chaque individu sait dans son for intérieur ce qui relève du bien et, à l'inverse, ce que relève du mal. Néanmoins, dans le chapitre précédant cette épigraphe, le principal conflit de l'intrigue est l'explication de Tatiana avec Onéguine. Nous remarquons, que la situation elle-même est décrite dans l'esprit des romans français, et la *moralité* (*нравственность* dans le texte) des répliques d'Onéguine n'est qu'externe, dépourvue de profondes émotions du héros.

Pour un lecteur francophone, la compréhension de l'épigraphe peut être bien différente, en considérant qu'il comprenne le terme *morale* dans son interprétation française, comme ce qui concerne le rapport à « la règle des mœurs » [Dictionnaire de l'Académie française].

Quel sens Alexandre Pouchkine donne-t-il à la notion de *morale* en français ? Il est possible de trouver des éléments de réponse dans d'autres de ses œuvres. Dans le premier chapitre du roman « Le Nègre de Pierre le Grand », le poète évoque de manière équivoque son appréciation de l'état de la société française de l'époque, et choisit d'introduire son texte par l'épigraphe en russe : « Je suis à Paris ; J'ai commencé à vivre, pas juste à respirer. Dmitriev. *Journal de voyage* » (« Я в Париже ; Я начал жить, а не дышать. Дмитриев. *Журнал путешественника* » [Пушкин 1950: 9]). Pouchkine écrit : « Les orgies du palais-Royal n'étaient pas un secret pour Paris ; l'exemple était contagieux. À ce moment-là, la loi est apparue ; la cupidité s'est jointe à la soif de plaisir et de distraction ; les domaines ont disparu ; la *moralité* est morte¹ ; les français ont ri et compté, et l'état s'est effondré sous les refrains ludiques des vaudevilles satiriques. (...) La richesse, la courtoisie, la gloire, les talents, l'étrangeté même, tout ce qui donnait de la nourriture à la curiosité ou promettait du plaisir a été pris avec la même faveur ». (...) L'auteur donne le coup final en ajoutant : « La politesse superficielle a remplacé le profond respect » [Пушкин 1950: 10].

Le portrait dressé indique le désarroi de Pouchkine à la vue du détournement de la société parisienne des principes venant de la perception directe de la « nature des choses ». Cette expression, concluant l'épigraphe, descend de l'expression latine *rerum natura*, titre du poème de Lucrèce, « De rerum natura », et désigne : « la nécessité qui résulte de la constitution des choses » [Littré], en d'autres termes, les lois originelles et universelles régissant le monde (traduit en russe *природа мироздания*).

Considérant ces aspects sémantiques, nous comprenons, qu'avec cette épigraphe l'auteur fait référence à la morale, comme perception directe des lois originelles et universelles régissant le monde,

¹ L'auteur utilise le terme *нравственность* lorsqu'il évoque la fin de la *moralité*.

comme la vie en suivant sa conscience (en russe *жизнь по совести*) [Ник 2023, 2024]. Y. M. Lotman, dans ses commentaires, comprend cette épigraphe comme : « une possibilité d'ambiguïté dans laquelle la *moralité* (*нравственность* dans les commentaires écrits en russe) qui gouverne le monde se confond avec la moralisation (...) qui a créée une situation de comique caché » [Лотман 1983: 234]. Pouchkine a peut-être souhaité, par ce trait d'humour, selon Lotman, souligner la présence de cette lacune dans la langue française?

À cet égard, les premières lignes du sixième et dernier chapitre de la nouvelle « La dame de pique » méritent toute notre attention, les voici : « Dans la *nature morale*, deux idées fixes ne peuvent exister ensemble, pas plus que dans le monde physique deux corps ne peuvent occuper une seule et même place » [Pouchkine 1843: 45]. En ces termes, Alexandre Pouchkine décrit le dilemme moral qui ronge son personnage Hermann, modeste officier allemand convoitant la richesse de ses homologues, sur le point de succomber à sa cupidité et sa jalousie. La *nature morale* est la traduction de *нравственная природа*. La notion de *нравственность* est ici décrite avec clarté par le génie littéraire comme un phénomène supérieur à l'individu, qui s'applique à lui, et qui ne lui permet pas de concessions avec sa conscience, qui lui impose de choisir.

Considérons le terme *нравы* utilisé par l'auteur, qui est traduit en français par les *mœurs*. La racine de ce terme est commune avec *нравственность*, mais son sens diffère, se rapprochant de celui de morale, ce qui peut conduire à un imbroglio. Le substantif singulier *нрав* est défini par le lexicographe V. I. Dahl comme : « En général, une moitié ou l'une des deux propriétés principales de l'esprit (*дух* en russe) d'une personne : la pensée et le tempérament (dans un sens spirituel, *нрав* en russe) forment ensemble l'esprit (l'âme, au sens le plus élevé) » [Даль 1989, т. II: 558]. Le substantif pluriel *нравы* désigne, selon la nouvelle encyclopédie philosophique : « des formes de comportement établies dans une communauté donnée » [Новая философская энциклопедия]. Ainsi, le pluriel de ce terme élargit sa signification. Il englobe une communauté de personnes ayant des traits de caractère similaires, des orientations spirituelles similaires qu'impose par sa supériorité induite par le nombre de ses constituants. Le substantif pluriel *нравы* est lié à la morale, à caractère social, s'imposant à l'individu de l'extérieur, tout comme le terme français *mœurs*, venant du latin *mores*, défini comme : « Pratiques sociales, usages particuliers, communs à un groupe, un peuple, une époque » [Dictionnaire Larousse].

Dans « Eugène Onéguine », Pouchkine confie, qu'après une jeunesse d'égarement, il se conforme désormais aux *нравы* :

« Hélas, à mille réjouissances,
Ma vie, je l'ai gâchée pas mal!
Mais quoi que la morale en pense,
Non, j'aimerai toujours les bals! » [Pouchkine 2005: 39]

« Увы, на разные забавы
Я много жизни погубил!
Но если б не страдали нравы,
Я балы б до сих пор любил » [Пушкин 1995: 17]

Notons un écart sémantique important dans la traduction d'André Marckowicz. Dans le texte original, l'auteur a compris que son comportement de jeunesse était contraire à ses convictions actuelles, et a cessé de prendre plaisir à se rendre aux bals. Dans la traduction, c'est l'inverse : les mœurs, la morale condamnent « les réjouissances », mais l'auteur en fait fi. La traduction en prose proposée par Ivan Tourgueniev et Louis Viardot conserve le sens original du texte : « Hélas ! j'ai sacrifié une bonne part de ma vie à de vains amusements. Mais si les mœurs n'en souffraient pas trop, j'aimerais les bals même à présent » [Pouchkine 1863: 16]. La position tenue par l'auteur sur le thème important du respect des valeurs morales intérieures, sa complexité sociolinguistique, est ici altérée dans la traduction d'André Marckowicz. Maria Bagyan et Taisiia Drobysheva soulignent la difficulté de traduction des vers de Pouchkine : « Même si le traducteur essaie de trouver des équivalences lexicales ou sonores parfaites, il reste toujours une partie du texte qui est perdue » [Bagyan, Drobysheva 2022: 46].

La langue étant le miroir à la fois de la pensée et de l'Esprit de l'homme, la justesse de son utilisation reflète sa faculté de percevoir la réalité, qu'elle soit visible ou suprasensorielle. La conceptualisation de la notion russe de *нравственность* donne aux locuteurs natifs d'autres langues la possibilité de percevoir un reflet de la spiritualité slave, descendante de la sagesse védique immémoriale.

Commentaires sur l'épigraphe française d'A. S. Pouchkine dans le cadre de l'enseignement du russe comme langue étrangère

Les œuvres d'Alexandre Pouchkine représentent une vraie mine d'or pour l'enseignement du russe comme langue étrangère, de par l'intérêt et l'engouement immédiat que l'éminent auteur suscite. L'utilisation de textes littéraires authentiques amène les étudiants à penser par eux-mêmes, à se projeter dans des lieux et des temporalités différents, ce qui les intéresse, les motive. Alexandre Pouchkine a lui-même donné son point de vue en matière d'éducation. Dans ses notes sur l'éducation populaire, l'auteur soutenait que : « La Russie est trop peu connue des Russes », et conseillait d'enseigner l'histoire comme : « un récit chronologique nu des incidents, sans aucun raisonnement moral ou politique. Mais dans le cours final, l'enseignement de l'histoire (surtout la plus récente) devra-t-être totalement modifié. Il sera possible de montrer avec sang-froid la différence entre l'esprit (*дух* en russe) des peuples, la source des besoins et les exigences des États » [Пушкин 1996: 46–47].

N. B. Koulibina note que : « Ce qui attire de nombreuses personnes étudiant des textes littéraires, c'est précisément la possibilité donnée de penser », ajoutant : « Lisant des auteurs russes, les lecteurs étrangers découvrent de nouvelles facettes de ressentis semblant auparavant si familiers » [Кулибина 2008: 10–11]. La pédagogue a mis en place une méthode de travail avec le texte littéraire, en prose et en vers, qui se concentre sur la deuxième étape des cours de lecture : l'étape de travail avec le texte, en incitant

l'apprenant à comprendre par lui-même les subtilités du texte.

S'appuyant sur les principes de cette méthode, il est possible de choisir « Eugène Onéguine » comme support de travail pour une succession de cours durant un semestre. Ainsi, semaine après semaine, les étudiants peuvent suivre l'intrigue et attendre les cours suivants, brûlant d'impatience, clin d'œil à la manière dont l'œuvre est parue, en plusieurs étapes, par chapitres. Nous proposons ci-dessous une série d'exercices, pouvant être envisagée avec un groupe d'étudiants¹. Presque toutes les tâches proposées sont basées sur la prédiction probabiliste, l'un des principaux mécanismes de perception et de traitement de l'information. L'analyse de l'utilisation de cette méthode au cours du travail avec différents types de textes montre qu'elle « donne la clé de l'analyse des mécanismes cachés à l'observation directe de l'activité de la parole, renvoyant à la réalité linguistique et psychologique de l'exploitation du langage par des acteurs concrets de la communication » [Гридина, Коновалова 2022: 255].

Une « enquête » peut être proposée, ayant comme point de départ l'une des épigraphes, et comme but la découverte d'extraits de l'œuvre qui font écho à l'épigraphe. Prenons l'exemple du troisième chapitre avec à sa tête l'épigraphe suivante : « Elle était fille, elle était amoureuse. *Malfilâtre* » [Пушкин 1995: 51]. Qui est évoqué dans l'épigraphe ? Les étudiants doivent trouver la réponse. En termes clairs, elle est trouvée dans la strophe VII :

« On vit mystère sur mystère ;
Chacun y fut d'un commentaire –
Sourire en coin, bon mot corsé :
Tatiana avait trouvé un fillancé » [Pouchkine

2005: 80].

« Пошла догадка за догадкой.
Все стали толковать украдкой,
Шутить, судить не без греха,
Татьяне прочить жениха » [Пушкин 1995: 53].

Puis, dans la strophe suivante, l'auteur reprend mot pour mot l'épigraphe en russe :

« L'idée surgit, une heure heureuse
Fleurit, elle était amoureuse » [Pouchkine 2005: 80].
« И в сердце дума заронилась;
Пора пришла, она влюбилась » [Пушкин 1995: 54].

Dans les strophes XIX et XX, Tatiana dévoile ses sentiments à sa nourrice :

« Un front en feu... – J'ai le coeur lourd,
Tu sais nounou... C'est de l'amour... » [Pouchkine 2005: 87].

« Ты вся горяишь... – “Я не больна;
Я... знаешь, няня... влюблена” » [Пушкин 1995: 60].

Après avoir trouvé des éléments de réponse prouvant à quel personnage l'épigraphe fait référence, il peut être proposé aux enquêteurs en herbe de

dénouer la suite de l'intrigue. Cet amour va-t-il se concrétiser ? Onéguine va-t-il être pris d'un amour réciproque ?

L'auteur se mêle à l'intrigue dans la strophe XV, pris de compassion pour la jeune héroïne :

« Tania, Tania, douce rêveuse,
A présent je pleure avec toi ;
D'une ombre tyrannique et creuse
Tu as choisie d'être la proie » [Pouchkine 2005: 84].
« Татьяна, милая Татьяна !
С тобой теперь я слезы лью;
Ты в руки модного тирана
Уж отдала судьбу свою » [Пушкин 1995: 57].

Un débat d'idées peut être proposé sur la portée de cette incursion de l'auteur.

À la lecture de la conversation de Tatiana avec sa nourrice, un commentaire de texte au sujet des coutumes de mariage évoquées par la nourrice peut être envisagé, en demandant aux étudiants de décrire ces dernières dans leur pays natal.

La lettre de Tatiana est propice à une étude de son état intérieur. Que ressent-elle ? Comment son amour naissant s'exprime-t-il en elle ? Quels traits de caractère transparaissent dans ses vers ? La timidité ? La passion ? Le courage ? La peur ?

Le nom d'« encyclopédie de la vie russe » [Белинский 1984: 82] donné à l'œuvre par le critique V. G. Belinsky, se ressent en particulier au cinquième chapitre lorsque les traditions, les superstitions, lorsque la sagesse populaire, les traditions, les superstitions sont évoquées. Ce chapitre peut faire l'objet d'une étude de strophes en groupes.

Le rêve de Tatiana, effrayant, peut être analysé et donner lieu à un débat d'idées, à formulation d'hypothèses sur l'interprétation de ce rêve.

Un projet de groupe, consistant à lire à un extrait d'œuvre, peut être proposé : traduire en partie l'extrait dans les langues natales des étudiants, créant une sorte de « relais multilingue ». Cet exercice a été proposé à un groupe d'étudiants étrangers de première année de licence en relations internationales (composé de locuteurs natifs de six langues différentes : arabe, chinois, espagnol, portugais, hongrois et français). Il a été proposé aux étudiants de lire le début d'« Eugène Onéguine » en alternant les langues. Chaque étudiant a lu quelques vers, d'abord en russe, puis les suivants traduits dans sa langue maternelle. Le projet a immédiatement suscité un enthousiasme unanime au sein du groupe d'un niveau moyen A2 en russe.

Plusieurs exercices préparatoires ont été nécessaires pour s'approprier le texte : lecture de l'extrait de texte avec son écoute à partir d'un livre audio, identification des accents toniques, identification et compréhension des mots nouveaux², traduction d'une partie de l'extrait, lecture à haute

¹ Un vocabulaire ludique a été volontairement choisi pour la description des exercices, afin de dépeindre l'approche pédagogique proposée dans l'article.

² La complexité du vocabulaire poétique représente la principale difficulté pour les étudiants. Pour les aider, tout en leur permettant de conserver leur autonomie d'apprentissage, il est possible de mettre à disposition des clés, des indices que les étudiants peuvent consulter s'ils en ressentent le besoin [Кулибина 2008: 14].

voix seul, puis à tour de rôle. Après une première analyse en groupe de l'extrait, un échange a été proposé aux étudiants, sur la représentation d'Eugène Onéguine qu'il ont pu se faire à partir de ce qu'ils ont compris du début de l'œuvre. Quelle personne est-ce, Eugène Onéguine ? Quels sont ses traits de caractère ? Voici les réponses des étudiants : *il est intelligent* («умный»), *créatif* («творческий»), *banal* («обычный»), *il possède une force intérieure* («сильный внутри»), *il est simple* («простой»), *il est artiste* («художник»), *il a démarré une nouvelle vie* («he started a new life»), *il a son point de vue sur le monde* («he has his point of view about the world»), *il comprend bien le monde* («он хорошо понимает мир»), *il voit plus que ce que l'on peut voir* («он смотрит больше, чем мы смотрим»). Bien que les réponses soient hétérogènes, elles montrent la dualité des représentations du héros par les étudiants-allophones : une personne spéciale d'une part, et de l'autre une personne ordinaire. L'étude d'autres passages de l'œuvre pourra étayer les hypothèses initiales des étudiants, pour conduire à une compréhension plus large de cette œuvre et, peut-être, faire naître en eux l'envie de se plonger dans les méandres de la littérature russe.

Conclusion

Ainsi, l'étude d'œuvres étrangères traduites peut conduire à des omissions ou à des déformations de leur sens dues à des volumes sémantiques des mots

Литература

- Белинский, В. Г. Сочинения Александра Пушкина / В. Г. Белинский. – М. : Советская Россия, 1984. – 96 с.
- БТС – Большой толковый словарь русского языка: А–Я / Рос. акад. наук, Ин-т лингв. исслед. ; сост., гл. ред. С. А. Кузнецов. – СПб. : Норинт, 1998. – 1534 с. – URL: <https://lexicography.online/explanatory/kuznetsov/> (дата обращения: 19.11.2024). – Текст : электронный.
- Гаспаров, М. Л. Филология как нравственность / М. Л. Гаспаров. – М. : Фортуна ЭЛ, 2012. – 288 с.
- Гридина, Т. А. Игровой текст как форма авторского художественного миромоделирования (статья первая) / Т. А. Гридина, А. В. Кубасов // Текст. Книга. Книгоиздание. – 2017. – № 14. – С. 46–63. – DOI: 10.17223/23062061/14/3.
- Гридина, Т. А. Метод вероятностного прогнозирования как инструмент психолингвистического анализа креолизованного текста: восприятие кодов социальной рекламы / Т. А. Гридина, Н. И. Коновалова // Известия Уральского федерального университета. Серия 2: Гуманитарные науки. – 2022. – Т. 24, № 1. – С. 253–265. – DOI: 10.15826/izv2.2022.24.1.017.
- Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4-х т. / В. И. Даль. – М. : Русский язык, 1989.
- Кулибина, Н. В. Читаем стихи русских поэтов: пособие по обучению чтению художественной литературы / Н. В. Кулибина. – 4-е изд. – СПб. : Златоуст, 2008. – 96 с.
- Лотман, Ю. М. Роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин». Комментарий / Ю. М. Лотман. – Л. : Просвещение, 1983. – 416 с.
- Ник, Ж. Концепт «нравственность» в русской лингвокультуре глазами француза / Ж. Ник // *Linguistica Juvenis*. – 2023. – № 25. – С. 158–167.
- Ник, Ж. Язык как средство управления сознанием / Ж. Ник // *Политическая лингвистика*. – 2024. – № 4 (106). – С. 74–82.
- Новая философская энциклопедия. – 2-е изд., испр. и допол. – М. : Мысль, 2010. – URL: <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/> (дата обращения: 16.10.2024). – Текст : электронный.
- Ожегов, С. И. Словарь русского языка / С. И. Ожегов. – М. : Русский язык, 1986. – 797 с.
- Пушкин, А. С. Полное собрание сочинений в десяти томах. Том VI / А. С. Пушкин. – М. ; Л. : Издательство Академии Наук СССР, 1950. – 814 с.
- Пушкин, А. С. Полное собрание сочинений : в 17 т. Т. 6 / А. С. Пушкин. – М. : Воскресенье, 1995. – 700 с.
- Пушкин, А. С. Полное собрание сочинений : в 17 т. Т. 11 / А. С. Пушкин. – М. : Воскресенье, 1996. – 600 с.
- Пушкин, А. С. Евгений Онегин: роман в стихах / А. С. Пушкин. – СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2024. – 352 с.
- Семенов, А. В. Этимологический словарь / А. В. Семенов. – М. : Юнвес, 2003. – URL: <https://gufo.me/dict/semenov/> (дата обращения: 03.12.2024). – Текст : электронный.

différents, qui sont traduits en tant que termes équivalents (нравственность-морале). D'où l'importance, lors de l'enseignement du russe comme langue étrangère, de transmettre le vocabulaire sur la base des particularités des valeurs culturelles et morales contenues dans le lexique de la langue russe.

Les textes littéraires, étant souvent difficiles d'accès pour des étudiants étrangers, imposent aux enseignants de finement et méthodiquement construire les cours pour rendre compréhensibles ces œuvres. Des approches ludiques, basées sur le travail par soi-même, peuvent contrebalancer ces difficultés en en faisant des défis à surmonter.

Étudier le travail d'auteurs célèbres motive fortement les étudiants, leur donne accès à de vastes ressources culturelles, qui les aident à mieux comprendre les locuteurs natifs ainsi que les caractéristiques culturelles et historiques nationales.

Les œuvres littéraires d'Alexandre Pouchkine ont la faculté de dévoiler au lecteur réfléchi la « nature des choses », ce qui peut toucher et nourrir l'âme de leur lecteur. Les étudiants, se plongeant dans ses œuvres, deviennent eux-mêmes auteurs des découvertes qu'ils ont ressenties, celles-ci étant liées aux valeurs spirituelles et morales proclamées par Pouchkine. Donner l'opportunité de faire ces découvertes est l'un des objectifs de l'enseignement d'une langue étrangère, pour le développement culturel et moral mutuel, peu importe le lieu où l'on se trouve.

Словарь литературоведческих терминов / ред.-сост.: Л. И. Тимофеев, С. В. Тураев. – М. : Просвещение, 1974. – 509 с.

Bagyan, M. Traduire Eugène Onéguine: deux approches / M. Bagyan, T. Drobysheva // *Cahiers du CLSL*. – 2022. – No. 66. – P. 35–50.

Bouygues, É. « Introduction ». *Genèse des seuils*, édité par Elodie Bouygues et France Marchal-Ninosque / É. Bouygues, F. Marchal-Ninosque. – Presses universitaires de Franche-Comté, 2019. – URL: <https://books.openedition.org/pufc/39277?lang=fr> (mode of access: 03.10.2024). – Text : electronic.

Dictionnaire de l'Académie française. – URL: <https://www.dictionnaire-academie.fr/> (mode of access: 03.10.2024). – Text : electronic.

Dictionnaire Larousse. – URL: <https://www.larousse.fr/dictionnaires/francais/morale/52564/> (mode of access: 03.12.2024). – Text : electronic.

Dictionnaire Le Robert. – URL: <https://dictionnaire.lerobert.com/definition/morale/> (mode of access: 03.12.2024). – Text : electronic.

Dictionnaire Littré. – URL: <https://www.littre.org/definition/nature/> (mode of access: 03.10.2024). – Text : electronic.

Gaffiot, F. *Dictionnaire latin français* / F. Gaffiot. – Paris : Hachette, 1934. – 1720 p.

Genette, G. *Seuils* / G. Genette. – Paris : Le Seuil, 1987. – 430 p.

Lheureux, G. Le problème de l'Education Morale en France au XXe siècle dans l'enseignement élémentaire / G. Lheureux // *Education*. Université Rennes 2, 2012. – Français : NNT, 2012.

Liapunov, V. “La morale est dans la nature des choses”? / V. Liapunov // *Russian Language Journal / Русский язык*. – 1999. – Vol. 53, no. 174/176, Celebrating the 200th Anniversary of the Birth of A. S. Pushkin (Winter-Spring-Fall 1999). – P. 43–54.

Pélissier, A. *Précis d'histoire de la langue française : depuis son origine jusqu'à nos jours* / A. Pélissier. – 2e édition. – Paris : Didier et Ce, 1873. – 344 p.

Pouchkine, A. *La Dame de pique*. Traduction de Paul de Julvécourt / A. Pouchkine. – Paris : La bibliothèque russe et slave, 1843. – URL: <https://bibliotheque-russe-et-slave.com/> (mode of access: 16.10.2024). – Text : electronic.

Pouchkine, A. *Eugène Onéguine*. Traduction d'Ivan Tourgueniev et Louis Viardot / A. Pouchkine. – Text : electronic // *La Revue nationale et étrangère*. – 1863. – Vol. 12, no. 13. – URL: <https://bibliotheque-russe-et-slave.com/> (mode of access: 03.10.2024).

Pouchkine, A. *Eugène Onéguine*. Roman en vers traduit du russe par André Markowicz / A. Pouchkine. – Arles : Actes Sud, 2005. – 320 p.

Rousseau, J.-J. *Émile, ou de l'Education* / J.-J. Rousseau. – La Haye : Jean Néaulme, 1762. – 466 p.

Scheler, A. *Dictionnaire d'étymologie française* / A. Scheler. – Paris : F. Vieweg, libraire-éditeur, 1888. – 527 p.

Staël-Holstein, G. *Considérations sur les principaux événements de la Révolution française*. Tome 1 / G. Staël-Holstein. – Paris : Delaunay, 1818. – 466 p.

References

Bagyan, M., Drobysheva, T. (2022). Traduire Eugène Onéguine: deux approches. In *Cahiers du CLSL*. No. 66, pp. 35–50.

Belinsky, V. G. (1984). *Sochineniya Aleksandra Pushkina* [Works of Alexander Pushkin]. Moscow, Sovetskaya Rossiya. 96 p.

Bouygues, É., Marchal-Ninosque, F. (2019). « Introduction ». *Genèse des seuils*, édité par Elodie Bouygues et France Marchal-Ninosque. Presses universitaires de Franche-Comté. URL: <https://books.openedition.org/pufc/39277?lang=fr> (mode of access: 03.10.2024).

Dahl, V. I. (1989). *Tolkovny slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka: v 4-kh t.* [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language, in 4 vols.]. Moscow, Russkii yazyk.

Dictionnaire de l'Académie française. URL: <https://www.dictionnaire-academie.fr/> (mode of access: 03.10.2024).

Dictionnaire Larousse. URL: <https://www.larousse.fr/dictionnaires/francais/morale/52564/> (mode of access: 03.12.2024).

Dictionnaire Le Robert. URL: <https://dictionnaire.lerobert.com/definition/morale/> (mode of access: 03.12.2024).

Dictionnaire Littré. URL: <https://www.littre.org/definition/nature/> (mode of access: 03.10.2024).

Gaffiot, F. (1934). *Dictionnaire latin français*. Paris, Hachette. 1720 p.

Gasparov, M. L. (2012). *Filologiya kak npravstvennost'* [Philology as Morality]. Moscow, Fortuna EL. 288 p.

Genette, G. (1987). *Seuils*. Paris, Le Seuil. 430 p.

Gridina, T. A., Konovalova, N. I. (2022). Metod veroyatnostnogo prognozirovaniya kak instrument psikholingvistikheskogo analiza kreolizovannogo teksta: vospriyatie kodov sotsial'noi reklamy [The Method of Probabilistic Forecasting as a Tool for Psycholinguistic Analysis of Creolized Text: Perception of Social Advertising Codes]. In *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnye nauki*. Vol. 24. No. 1, pp. 253–265. DOI: 10.15826/izv2.2022.24.1.017.

Gridina, T. A., Kubasov, A. V. (2017). Igrovoi tekst kak forma avtorskogo khudozhestvennogo miromodelirovaniya (stat'ya pervaya) [Game Text as a Form of Author's Artistic World Modeling (Article One)]. In *Tekst. Kniga. Knigoizdanie*. No. 14, pp. 46–63. DOI: 10.17223/23062061/14/3.

- Kulibina, N. V. (2008). *Chitaem stikhi russkikh poetov: posobie po obucheniyu chteniyu khudozhestvennoi literatury* [Reading Russian Poets' Poems: The Manual of Training in Reading Fiction Books]. 4th edition. Saint Petersburg, Zlatoust. 96 p.
- Kuznetsov, S. A. (Ed.). (1998). *Bol'shoi tolkovyi slovar' russkogo yazyka: A–Ya* [Large Explanatory Dictionary of the Russian Language: A–Z]. Saint Petersburg, Norint. 1534 p. URL: <https://lexicography.online/explanatory/kuznetsov/> (mode of access: 19.11.2024).
- Lheureux, G. (2012). Le problème de l'Education Morale en France au XXe siècle dans l'enseignement élémentaire. In *Education. Université Rennes 2, 2012*. Français, NNT.
- Liapunov, V. (1999). “La morale est dans la nature des choses”? In *Russian Language Journal*. Vol. 53. No. 174/176, Celebrating the 200th Anniversary of the Birth of A. S. Pushkin (Winter-Spring-Fall 1999), pp. 43–54.
- Lotman, Yu. M. (1983). *Roman A. S. Pushkina «Evgenii Onegin»*. *Kommentarii* [Roman by A. S. Pushkin “Eugene Onegin”. Comment]. Leningrad, Prosveshchenie. 416 p.
- Nik, J. (2023). Kontsept «nравstvennost'» v russkoi lingvokul'ture glazami frantsuza [The Concept of “Morality” in Russian Linguistic Culture Through the Eyes of a Frenchman]. In *Linguistica Juvenis*. No. 25, pp. 158–167.
- Nik, J. (2024). Yazyk kak sredstvo upravleniya soznaniem [Language as a Means of Controlling Consciousness]. In *Politicheskaya lingvistika*. No. 4 (106), pp. 74–82.
- Novaya filosofskaya entsiklopediya* [New Philosophical Encyclopedia]. (2010). 2nd edition. Moscow, Mysl'. URL: <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/> (mode of access: 16.10.2024).
- Ozhegov, S. I. (1986). *Slovar' russkogo yazyka* [Dictionary of the Russian Language]. Moscow, Russkii yazyk. 797 p.
- Pélissier, A. (1873). *Précis d'histoire de la langue française: depuis son origine jusqu'à nos jours*. 2e édition. Paris, Didier et Ce. 344 p.
- Pouchkine, A. (1843). *La Dame de pique. Traduction de Paul de Julvécourt*. Paris, La bibliothèque russe et slave. URL: <https://bibliotheque-russe-et-slave.com/> (mode of access: 16.10.2024).
- Pouchkine, A. (1863). Eugène Onéguine. Traduction d'Ivan Tourgueniev et Louis Viardot. In *La Revue nationale et étrangère*. Vol. 12. No. 13. URL: <https://bibliotheque-russe-et-slave.com/> (mode of access: 03.10.2024).
- Pouchkine, A. (2005). *Eugène Onéguine. Roman en vers traduit du russe par André Markowicz*. Arles, Actes Sud. 320 p.
- Pushkin, A. S. (1951). *Polnoe sobranie sochinenii v desyati tomakh* [Complete Works, in 10 vols.]. Vol. VI. Moscow, Leningrad, Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR. 814 p.
- Pushkin, A. S. (1995). *Polnoe sobranie sochinenii: v 17 t.* [Complete Set of Works, in 17 vols.]. Vol. 6. Moscow, Voskresen'e. 700 p.
- Pushkin, A. S. (1996). *Polnoe sobranie sochinenii: v 17 t.* [Complete Set of Works, in 17 vols.]. Vol. 11. Moscow, Voskresen'e. 600 p.
- Pushkin, A. S. (2024). *Evgenii Onegin: roman v stikhakh* [Eugene Onegin: A Novel in Verse]. Saint Petersburg, Azbuka, Azbuka-Attikus. 352 p.
- Rousseau, J.-J. (1762). *Émile, ou de l'Education*. La Haye, Jean Néaulme. 466 p.
- Scheler, A. (1888). *Dictionnaire d'étymologie française*. Paris, F. Vieweg, libraire-éditeur. 527 p.
- Semenov, A. V. (2003). *Etimologicheskii slovar'* [Etymological Dictionary]. Moscow, Yunves. URL: <https://gufo.me/dict/semenov/> (mode of access: 03.12.2024).
- Staël-Holstein, G. (1818). *Considérations sur les principaux événements de la Révolution française*. Tome 1. Paris, Delaunay. 466 p.
- Timofeev, L. I., Turaev, S. V. (1974). *Slovar' literaturovedcheskikh terminov* [Dictionary of Literary Terms]. Moscow, Prosveshchenie. 509 p.

Данные об авторе

Ник Жером – аспирант, ассистент кафедры лингвистики и профессиональной коммуникации на иностранных языках, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (Екатеринбург, Россия). Адрес: 620062, Россия, г. Екатеринбург, ул. Мира, 19. E-mail: jerome.nick@urfu.ru.

Author's information

Nick Jerome – Postgraduate Student, Assistant of Department of Linguistics and Professional Communication in Foreign Languages, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin (Ekaterinburg, Russia).

Дата поступления: 02.11.2024; дата публикации: 28.12.2024

Date of receipt: 02.11.2024; date of publication: 28.12.2024

ШКОЛЬНАЯ КЛАССИКА И СОВРЕМЕННАЯ МАССОВАЯ КУЛЬТУРА

УДК 372.882.161.1. DOI: 10.26170/2071-2405-2024-29-4-48-56. ББК Ч426.83-24.
ГРНТИ 17.07.29. Код ВАК 5.9.1

«ОСПАРИВАЕМЫЕ ТЕРРИТОРИИ»: О ПАДЕНИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПРЕЦЕДЕНТНОЙ БАЗЫ

Загидуллина М. В.

Челябинский государственный университет (Челябинск, Россия)

ORCID ID: <http://orcid.org/0000-0002-4799-1230>

SPIN-код: 5423-0636

А н н о т а ц и я . Статья посвящена вопросам современного состояния общенациональной прецедентной базы, основой которой многие годы была классическая русская литература. Автор применяет методы компаративной экстраполяции, обращаясь к обнаруженному в ходе междисциплинарного исследования науковедческого трека темы «Материализованная идентичность: конструирование памяти в социально-экономической перспективе (на примере археологического памятника Аркаим)» феномену «оспариваемых территорий» (понятие введено Йеном Роттерхамом). В статье понятие «оспариваемой территории» применено к современному состоянию художественной литературы и точек входа в ее пространство через школьное образование. Автор прослеживает основные вызовы современной культуры чтения: круг интересов читателей охватывает совершенно иные сегменты «оспариваемой территории» литературы, нежели привычные «списки обязательной литературы» или «списки для внеклассного чтения»; навигация в мире литературы осуществляется не за счет рекомендаций учителей или библиотечкарей, а за счет следования за инфлюэнсерами; в самом институте литературного образования произошла маргинализация школьного предмета «литература» из-за отсутствия обязательного всеобщего экзамена. Результатом стал уход классического набора цитат, сведений о жизни и значении писателей, даже их имен и названий произведений из прецедентной базы новых поколений, что привело фактически к ее падению. Экстраполяция результатов анализа менеджмента территории меморативного ландшафта позволяет видеть те же проблемы в менеджменте классического наследия в области литературы. Отказ от «принудительной индоктринации» классики порождает ряд болезненных последствий, среди которых автор отмечает следующие: вытеснение классической литературы даже в самых известных ее изводах из пространства ремейк-практик, включая шутки, каламбуры, мемы и другие формы; возникновение лакун в межпоколенческой коммуникации; угроза социокультурных разрывов в процессах построения национальной идентичности: создание условий для заполнения разрывов фрагментарными генераторами ситуативных смыслов, утративших ценностное наполнение. Фиксирование факта разрушения общенациональной прецедентной базы в части ее наполненности референсами к русской классической литературе имеет значение прежде всего для осуществления социального управления и требует определенных институциональных решений в области всеобщей индоктринации произведений классики.

К л ю ч е в ы е с л о в а : русская классическая литература; вопросы индоктринации в области литературного образования; методика преподавания литературы в школе; национальная идентичность; меморативный ландшафт

Б л а г о д а р н о с т ь : исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (совместно с Челябинской областью), проект № 23-18-20098 «Материализованная идентичность: конструирование памяти в социально-экономической перспективе (на примере археологического памятника Аркаим)», <https://rscf.ru/project/23-18-20098/>.

Д л я ц и т и р о в а н и я : Загидуллина, М. В. «Оспариваемые территории»: о падении национальной прецедентной базы / М. В. Загидуллина. – Текст : непосредственный // Филологический класс. – 2024. – Т. 29, № 4. – С. 48–56. – DOI: 10.26170/2071-2405-2024-29-4-48-56.

“CONTESTED TERRITORIES”: TOWARDS THE FALL OF THE NATIONAL PRECEDENT BASE

Marina V. Zagidullina

Chelyabinsk State University (Chelyabinsk, Russia)

ORCID ID: <http://orcid.org/0000-0002-4799-1230>

A b s t r a c t . The article deals with the current state of the national precedent base, which has been founded on the classical Russian literature for many years. The study employs the methods of comparative extrapolation, referring to the phenomenon of “contested territories” (the concept was introduced by Ian Rotherham) discovered during the interdisciplinary study of the science track of the topic “Materialized identity: Construction of memory in socio-economic perspective (on the example of the archaeological site Arkaim)”. The article uses the concept of “contested territory” with reference to the current state of fiction and the entry points into its space through school education. The author traces the main challenges of the modern reading culture: the range of readers’

interests covers completely different segments of the “contested territory” of literature than the usual “lists of required literature” or “lists for extracurricular reading”; navigation in the world of literature is carried out not by recommendations of teachers or librarians, but by following influencers; in the institute of literary education itself, the school subject “literature” has been marginalized due to the lack of a mandatory universal exam. The result is the departure of the classical set of quotations, information about the lives and significance of writers, even their names and titles of works from the precedent base of new generations, which has actually led to its fall. Extrapolation of the results of the analysis of the management of the territory of the memorial landscape allows the researcher to see the same problems in the management of the classical heritage in the field of literature. The rejection of the “forced indoctrination” of the classics gives rise to a number of painful consequences, among which the author notes the following: the displacement of classical literature, even in its most famous versions, from the space of remake practices, including jokes, puns, memes and other forms; the emergence of gaps in intergenerational communication; the threat of socio-cultural gaps in the processes of building national identity: the creation of conditions for filling the gaps with fragmentary generators of situational meanings that have lost their evaluative content. The discovery of the fact of the collapse of the national precedent base in terms of the presence of references to the Russian classical literature is important for the implementation of social management and requires certain institutional decisions in the field of general indoctrination of classical works of literature.

Keywords: Russian classical literature; issues of indoctrination in the field of literary education; methods of teaching literature at school; national identity; memorial landscape

Acknowledgments: The study was carried out with financial support of the Russian Science Foundation (jointly with Chelyabinsk Region), project No. 23-18-20098 “Materialized Identity: Construction of Memory in a Socio-Economic Perspective (on the Example of the Arkaim Archaeological Site)”, <https://rscf.ru/en/project/23-18-20098/>.

For citation: Zagidullina, M. V. (2024). “Contested Territories”: Towards the Fall of the National Precedent Base. In *Philological Class*. Vol. 29. No. 4, pp. 48–56. DOI: 10.26170/2071-2405-2023-29-4-48-56.

Введение: что такое «оспариваемая территория»

В процессе исследования проблем популяризации археологических знаний коллективом исследователей туристических потоков на Аркаиме (Челябинская область) был выявлен ряд закономерностей, выходящих за рамки узкого кейса столкновения научных и ненаучных взглядов и концепций в одном конкретном пространстве мемориального ландшафта. Был установлен значительный объяснительный потенциал понятия «оспариваемые территории», которое может быть эффективно применено для интерпретации широкого круга проблем современной культуры. Для краткого введения в суть обнаруженных закономерностей ограничимся общей ссылкой на ряд публикаций научного коллектива, осуществившего десять экспедиций на Аркаим с целью опросов посетителей и наблюдений за ними. В настоящее время собранные данные проходят обработку и готовятся к публикации, однако общие черты проблем в точке «встречи» сугубо научных археологических знаний и альтернативных интерпретаций Аркаима как «места силы» (места исполнения желаний, исцеления, получения духовной энергии и т. п.) уже стали предметом научной рефлексии исследователей (см., например: [Соковиков, Каминская 2023; Симакова 2023; Киселев 2023]), а также подробное исследование этого столкновения в монографии Е. В. Куприяновой [2021] и др. работы). Эти интерпретации полученных данных позволяют взглянуть с неожиданной стороны на самые разные явления общественной жизни. В настоящей статье мы рассматриваем художественную литературу (точнее, русскую классическую литературу) как «оспариваемую территорию», пользуясь тем науковедческим подходом, что был применен к анализу социального поведения посетителей Аркаима. Несомненно, концепция «оспариваемой территории» может быть применена к самому широкому кругу явлений современности; кейс Ар-

каима стал для настоящих рассуждений ключевым в силу его модельного характера и возможности проведения параллелей с таким феноменом, как классическая литература в ее современном состоянии.

Само понятие «оспариваемой территории» теоретизировал Йен Ротерхам, работающий в области теории туризма и рекреации и специализирующийся на местах паломничества [Rotherham 2019]. С его точки зрения, географические пространства, представляющие интерес разного свойства для различных групп, становятся именно «оспариваемыми территориями», поскольку группы вступают в символическую борьбу за их «присвоение». При этом возникает феномен «невидимых групп», т. е. тех, кто не разделяет «официально транслируемой» концепции того или иного места. Музейные работники, ученые и экскурсоводы при этом оказываются не в роли «наставников», несущих «единственно верную» информацию, а лишь одним из многих голосов, к которым посетитель волен прислушаться или нет. В случае неполучения информации, отвечающей его запросам, такой посетитель ищет иные голоса, звучание которых ему ближе. Однако целые потоки «ищущих» людей остаются «невидимыми» для менеджеров пространства, что ведет к существенным провалам в организации туризма в такие места [Rotherham 2019].

Анализируя мемориальный ландшафт Аркаима, А. В. Сафонов и И. В. Топчий приходят к выводу о его принципиальной «литературности», функционировании по законам художественного текста [Сафонов, Топчий 2023: 105]. Продолжая это развернутое сопоставление, можно проецировать понятие «оспариваемой территории» на художественную литературу в целом и классический ее извод в частности – применительно к новым поколениям, которые стоят перед выбором освоения этой территории или ее игнорирования.

Нам уже неоднократно приходилось напоминать на различных научных встречах о том, что чтение остается достаточно востребованной куль-

турной практикой в молодежной среде, хотя и претерпевает значительные структурные изменения [Загидулина 2016]. Сам процесс чтения и письма, несомненно, переживает определенный расцвет в связи с эпохой мессенджеров и коротких сообщений – если в «доинтернет-эпоху» подростки писали в лучшем случае пару писем в год родителям из деревни, где проводили лето, либо пусть даже десятки писем во время разлуки с предметом любви (см., например, сюжет непрочитанных писем в повести «Вам и не снилось» Г. Щербаковой), то современный школьник или студент в день отправляет до сотни письменных сообщений своим друзьям и столько же читает. Однако очевидно, что это «бытовое» письмо-чтение не может рассматриваться как аналог чтения художественного произведения, требующего определенного интеллектуального и эмоционального напряжения. В связи с этим тезис о том, что новые поколения отворачиваются от самой практики чтения художественных текстов, имеет основания. Тем не менее исследования показывают (см., например, [Шевченко, Черненко 2022]), что значительные группы современных молодых читателей осваивают территорию литературы совершенно иным способом, чем тот, что предлагается им в рамках школьного образования: это и выбор совершенно иных авторов и произведений, и следование за рекомендациями не учителей или родителей, но инфлюэнсеров, и, наконец, действительно явное пренебрежение к «школьному списку книг» (а иногда и неспособность «одолеть» предлагаемые тексты, кажущиеся слишком «скучными», «непонятными», – и это несмотря на помощь и поддержку учителей; см. подробные исследования современного чтения: [Асонова, Борусяк, Киктева, Романичева 2020]; также результаты исследований социологии литературного образования: [Асонова, Борусяк, Романичева 2020] и другие труды этих авторов, последовательно обосновывающих определенную деградацию основных институтов в области индоктринации литературы).

В результате и возникает эффект «оспариваемых территорий»: пространство чтения художественной литературы как будто открывает несколько измерений, которые вообще никак не соприкасаются друг с другом и не имеют общих границ. Первой и главной «жертвой» многомерности «оспариваемой территории» становится классика – те самые произведения, что образовали когда-то «канон» русской литературы.

Что делало русскую классику основой национальной прецедентной базы?

Если обратиться к теории поколений, то, как указывает А. С. Сумская в своей диссертации и других трудах, важнейшим фактором формативного периода поколений следует считать расцвет определенных коммуникационных технологий, которые они осваивают в своих коммуникационных практиках. В связи с этим исследователь устанавливает научную значимость понятия «медиапоколение», которое составляет общность не толь-

ко по историческому контексту, в котором разворачивалось взросление, но и по единству медиапотребления (см. подробнее в докторской диссертации А. С. Сумской, кратко [Сумская, Свердлов 2019: 35–36]). В этом смысле можно говорить о когортах традиционно относимых к разным поколениям людей, объединенных по принципу господства в их рутинных практиках медиапотребления той или иной коммуникационной технологии. Это рассуждение позволяет нам говорить о «советском прошлом» (позднем периоде СССР) как о времени единого поколения (вопреки привычному демографическому подходу). Не ставя целью исследовать формирование классического канона и особенности его индоктринации в разные периоды времени от середины XIX века до наших дней, сошлемся лишь на недавние исследования истоков формирования и закрепления «пантеона» русских писателей «первой величины» (см., например, [Вдовин 2023], также ранее [Вдовин, Лейбов 2013]). С нашей точки зрения, огромную роль в формировании и закреплении национальной прецедентной базы сыграла институционализация художественной литературы как обязательного социализирующего элемента в рамках школьной программы литературы. Решающим фактором стало наличие обязательных для всех без исключения выпускников средних школ двух экзаменов – устного экзамена по литературе и письменного экзамена в виде сочинения, к которому по всей стране готовили именно на материале литературы (а не, скажем, на подготовке к раскрытию «свободной» темы, хотя она предполагалась в пакете тем). Таким образом, каждый молодой человек, родившийся в СССР между 1954 и 1974 годами (программа по литературе оставалась в почти неизменном виде с 1961 по 1991 годы), был обязан изучить литературу в масштабе школьной программы, чтобы ответить на экзаменационные вопросы и написать сочинение «хотя бы на троечку».

Эта программа была почти полностью «классикоцентричной»: львиная доля вопросов экзамена и тем сочинений основывалась на произведениях Грибоедова, Пушкина, Лермонтова, Некрасова, Гончарова, Тургенева, Салтыкова-Щедрина, Толстого, Достоевского, Чехова, а также Горького и Шолохова, признаваемых продолжателями великих традиций русской литературы в XX веке. Неизбежность экзамена вела к тому, что все ученики (а не только «сильная» часть класса, ориентированная на отличные оценки или просто склонная к изучению литературы) вынуждены были многократно слушать от учителя и соучеников повествование о произведениях (которые они, возможно, и не собирались читать). Так возникал эффект «пассивных читателей» (Н. А. Рубакин в свое время назвал схожую по сути социальную практику «феноменом неграмотных читателей»: в связи с реформами 1860-х годов дети крестьян и рабочих стали посещать школу, дома читая вслух литературные произведения или заучивая стихи, тем самым приобщая к этим текстам своих неграмотных родителей – см. [Рубакин 1905: 174]). Именно по-

этому – даже если взять во внимание, что нечитающих литературу школьников было много и в советский период – русская классическая литература *принудительно* входила в сознание и память абсолютного большинства новых поколений выпускников. На таких обязательно-неизбежных практиках строилась тотальность общенациональной прецедентной базы, под которой мы понимаем более-менее ограниченный набор клише (цитат, определений значения того или иного писателя для истории России, биографических сведений), прочно усваиваемый одним поколением за другим. Прецедентность представляется значимой частью национально-государственной идентичности, лежащей в основе социальных практик консолидации различных групп людей в рамках более крупных общностей. С одной стороны, прецедентная база представляет собой именно клишированные ответы на стимулы-вопросы. Например, одной из шуток в КВНе 1999 года была такая: «Столица России, 24 буквы». – «????» – «Москвакакноговэтомзвук». Иными словами, любое пафосное произнесение слова «Москва!» влекло за собой автоматическое воспроизведение пушкинской строки у многомиллионной аудитории, а потому такая шутка «работала», вызывая в аудитории смех. К прецедентной базе можно отнести начальные строки вступления в поэму «Руслан и Людмила» Пушкина («У лукоморья дуб зеленый...»), или, например, сам факт, что Пушкин был убит на дуэли Дантесом, или, скажем, определение «Пушкин – наше все» (вариант: «Солнце русской поэзии», однако более часто просто «великий русский поэт»). Такие же клишированные «формулы» оседали в памяти людей в связи с творчеством Достоевского или Лермонтова, других писателей и поэтов.

Разумеется, общенациональная прецедентная база не исчерпывается только литературой; туда относятся и культовые фильмы (например, «Белое солнце пустыни»), и устойчивые фразы из популярных теле- и радиопередач (например, «С добрым утром, с добрым утром») и т. д. Ограниченность развлекательного сегмента информационного поля делала возможной вероятность «подключения» ко всем этим элементам прецедентной базы значительного процента от всего населения страны, потому что прецедентная база была достаточно устойчивой, долгое время не теряющей свои границы. Однако важно, что именно русская классическая литература выступала ее доминантой (а не, например, русский балет или классическая музыка), не в последнюю очередь потому, что именно литература (а не «пение», например) увенчивалась сложным экзаменом, который обязаны были выдержать все.

Прецедентная база – это благо или беда?

Такой вопрос, конечно, не относится к риторическим. В рамках рассмотрения национальной идентичности как желаемой цели социального управления «правильная» (т. е. транслирующая значимые социальные ценности, направленные на стабилизацию и позитивное развитие обществен-

ной жизни) прецедентная база выступает важнейшим инструментом формирования у новых и новых поколений чувства принадлежности к нации с великой историей и достижениями. Классическая литература сама по себе выступает гарантом аксиологической «правильности» (такую интерпретацию обеспечивает сам процесс *изучения* литературы в школе) прецедентной базы. В связи с этим очевидны причины сохранения литературы в курсе общеобразовательной школы в течение столь длительного времени. С другой стороны, любому словеснику понятно, что свести классику к набору клише – это, скорее, проблема, чем достижение; в методике преподавания литературы был накоплен большой опыт «обновления» таких формул, их своеобразной «перезагрузки» (см., например, [Шишмаренкова 1994]). Излишняя клишированность знаний по литературе подвергалась постоянной критике (например, в части общего недовольства «одинаковой неискренностью» сочинений по литературе или шаблонизированными ответами на билеты устного экзамена). Тем не менее к классической литературе действительно были приобщены самые широкие слои населения – даже без их особой склонности к чтению и тем более изучению художественных произведений.

Как литература превратилась в «оспариваемую территорию»

Для выявления основных рисков, с которыми общество уже начинает сталкиваться в части падежности прецедентной базы (и особенно ее основы – классической литературы как «инструмента обязательной социализации»), следует опять обратиться к подробно изученному феномену популяризации археологических знаний в сходных условиях «оспариваемой территории» Аркаима. Наибольший науковедческий интерес здесь представляет поведение самих деятелей музея (администраторов, экскурсоводов, исследователей, представляющих его научную часть, а также археологов-практиков). Их работа разворачивается в условиях выраженного разделения туристических потоков на группы «эзотерически» и «научно-археологически» ориентированных туристов [Зубанова 2023; Куприянова 2021]. Как показывают наблюдения и опросы, для представителей музея первые по большей мере являются «объектами сожаления» об их наивной недалекости, «темноте», «оболванности шарлатанами» и т. п. Пространство меморативного ландшафта Аркаима почти физически разделено на своеобразные «гетто» для сторонников каждого направления, а деятельность по распространению археологических научных знаний нацелена исключительно на заинтересованных в такой информации посетителей – либо на тех, кто не выражает никакого интереса к «эзотерической» культурной нагрузке самого места («нейтральных» посетителей). Предлагаются самые разные формы вовлечения в археологическую, историческую, краеведческую тематику: фестивали, квесты, конкурсы, проекты-события; на Аркаим приглашаются деятели искусства, в том числе ставятся спектакли, испол-

няются концерты, проводятся мастер-классы и пр. Вся эта деятельность может быть поставлена в параллель с усилиями акторов литературных знаний пропагандировать чтение (прежде всего классической литературы) в молодежной среде, что особенно ярко видно на примерах деятельности современных библиотек (например, организуется «пушкинский бал» с обучением танцам XIX века или «гастрономическая выставка» по мотивам творчества того или иного писателя). Однако все эти формы могут быть эффективными только в случаях заведомой склонности «вовлекаемых» к данным социальным практикам – либо их нейтральности, свободе от любой иной ангажированности. Но в реальности мы видим совсем иную ситуацию в случае превращения самой «продвигаемой» культурными акторами практики в «оспариваемую территорию». Так, все усилия, направленные на распространение археологических знаний, заведомо исключают людей, ориентированных на эзотерический потенциал Аркаима, как «низших» по своему сознанию и «недостойных» потому каких бы то ни было усилий. Среди ответов работников заповедника нередко встречались мнения, что их действия открыты людям любых эпистемических убеждений и они вовсе не отгораживаются от «эзотериков». Однако позиционирование всех мероприятий ведется без учета всего эпистемического разнообразия, представленного посетителями, в результате достичь цели вовлечения этих групп не удается. Йен Роттерхам подчеркивал, что «оспариваемые территории» становятся местом «невидимых» (для менеджеров места, ориентированных на иную мотивацию туристов) групп, что и создает постоянное напряжение в осуществлении менеджмента таких территорий [Rotherham 2019].

Экстраполируя данные этого исследования в область чтения художественной литературы, мы обнаруживаем те же самые аспекты конфликтного менеджмента в части социализации подростков и их приобщения к классической русской литературе.

Прежде всего, «мировая республика словесности» перестает быть «единым местом» для любых читателей, к ней приобщающихся, а превращается в дискретную «оспариваемую территорию». Это проявляется в первую очередь в легитимации ранее маргинальных «провинций» литературного пространства (например, в части развития культуры фандомов или выбора читательских траекторий среди книг, не входящих в классико-ориентированную традицию). Обусловлено это во многом именно развитием технологий, обеспечивающих многократное умножение опций выбора книги для чтения, а также цифровизацией литературы, открывающей возможность новой «нелинейной» навигации по «мировой республике словесности». Исследования «русского буктьюба» (сообществ в социальной сети YouTube, обсуждающих книги и культивирующих чтение) показывают, что классика нечасто попадает в поле зрения «книжных инфлюэнсеров», а интерпретация классических текстов строится ими «поверх» литературоведческих традиций, с опорой на собственные

впечатления и интуиции [Pobedinskaya, Gorokhova 2022]. Сами подходы таких инфлюэнсеров к анализу произведений классической литературы во многом далеки от принципов историчности, а основаны прежде всего на поиске близких (современному читателю) точек в сюжетах и стиле этих книг. Важно, что рядом с разбором классического произведения может стоять анализ книг современных авторов, не попадающих в рейтинги премий или иных официальных иерархий новой литературы (не упоминаемых известными обзорщиками современной литературы). Таким образом, и поле классики, и поле современной художественной литературы оказываются проблематизированы выбором, а собственно голоса профессионалов (литературных критиков или литературоведов) маргинализируются, уступая место «властителя дум» инфлюэнсерам. Точно так же маргинализировались позиции работников археологического музея перед натиском «неформальных» трактовок «места силы»: пространство Аркаима осваивалось совершенно разными векторами параллельно в разных направлениях, при этом акторы этих направлений друг друга не только не слышали, но и не хотели слышать. Если современные школьники выбирают для чтения книги, не имеющие никакого отношения к школьному «списку для чтения летом», то фактически они осуществляют поворот от классического канона русской литературы в сторону иных художественных миров, которым не найдется места даже в списках внеклассного чтения. Игнорирование этого «крена» имеет такие же серьезные социальные последствия, как и в случае с Аркаимом: отвернувшись от выбора школьников как «знака инфантильности», отказавшись от обсуждения текстов, которые их чем-то заинтересовали, словесник фактически превращает интерпретационную лауну в место притяжения для инфлюэнсера, который и объясняет читателю этой литературы ее смыслы и особенности.

Каковы социальные риски падения национальной прецедентной базы?

Следует напомнить, что некоторое время после развала Советского Союза сохранялась обязательность сочинения. Однако с вводом ЕГЭ эта практика прекратилась, а сам ЕГЭ по литературе (в отличие от ЕГЭ по русскому языку) был экзаменом «по выбору». Согласно статистике, этот экзамен выбирают 7% выпускников [Зинин, Барабанова, Новикова 2023]. Иными словами, литература потеряла свое индоктринальное господство в школьной программе. Если в советское время учителя выпускных (десятых) классов все силы кидали на подготовку к сочинению (т. е. литературе), то в современных реалиях большая часть времени, отведенного на уроки литературы, тратится на подготовку к ЕГЭ по русскому языку. Литература – оставаясь обязательным школьным предметом – оказывается в одном ряду с другими «по выбору», т. е. фактически теряет преимущества, которые были у нее в период всеобщего экзамена. Как следствие, новые поколения не обладают даже пассив-

ным знанием классики. В последнее время наметилась тенденция «исхода» даже сильных учеников из старшей школы в колледжи (часто из-за нежелания готовиться к ЕГЭ), где программу по литературе проходят «экспресс-методом» (программа двух лет старшей школы осваивается всего за один год обучения). Частотны случаи требования «хотя бы посмотреть фильм» (экранизацию) того или иного произведения вместо его чтения. Впрочем, такой подход не исключается и в школе. В результате весь «набор» клишированных формул прошлого периода (связанного со стабильными практиками индоктринации литературных знаний в хорошо освоенной словесниками «сетке» изучения классики в 9–11 классах) исчезает: вряд ли в аудитории лиц младше 2000-х годов «сработает» шутка про «Москву в 24 буквы» – они не смогут воспринять пуант этой шутки, поскольку не помнят (никогда и не знали) строчку «...как много в этом звуке...». Там, где старшее поколение ожидает встретить *узнавание* (цитаты, литературного факта, имени и т. п., поскольку «это ведь школьная программа!»), оно сталкивается с недоумением и провалом апперцепции: прецедентная база пала за ненужностью. Разумеется, это не единственный пример; современные выпускники школ, даже вовлеченные в подготовку к ЕГЭ, нередко с произведениями школьной программы знакомятся «в извлечениях» [Павловец, Реморенко 2014], а те, кого экзамен «не касается», могут и вовсе игнорировать предмет и, соответственно, не знать даже имена писателей и названия их основных произведений, не говоря уж о чтении текстов.

«Мелкие» следствия этого падения в виде постепенного вымещения всего, что связано с русской классикой, из пространства современных ремейков, интертекстуальных референсов, смеховой культуры, рекламы, скорее, относятся к зоне научной рефлексии над флуктуациями культурных процессов. Иногда встречаются работы, показывающие все еще явную активность этих форм функционирования классических произведений (см., например, [Расторгуева 2023]). Но стоит отметить, что очевидным адресатом таких шуток и мемов, скорее, являются взрослые люди, формировавшиеся еще «в ожидании сочинения», а следовательно, захватившие последние годы «классического» периода школьного литературного образования. Для юной аудитории тонкости этих шуток, скорее всего, будут недоступны, поскольку им неизвестна основа. Значимый риск обнаруживается в части взаимоотношений поколений, сформированных на литературном каноне, и поколений, выросших вне его индоктринации, поскольку первые предполагают адекватный их собственному знанию классики (пусть даже пассивному) кругозор младших. Социокультурные разрывы, вызванные падением национальной прецедентной базы, имеют и далеко идущие последствия: классическая литература долгое время сохраняла статус «гордости россиян», однако теперь отодвигается в тень рядом с политическими фигурами, спортсменами и героями шоу-бизнеса. Ценностные аспекты

классики оказываются не востребованы (из-за маргинализации самой практики чтения таких книг), а возможность читать самостоятельно «в будущем» также проблематизируется из-за растущей дистанции между сюжетами, стилем, языком классических произведений и сегодняшними коммуникативными практиками.

Однако самым болезненным следствием падения прецедентной базы может оказаться возникновение лакун, заполняемых фрагментарными ситуативными элементами, берущими на себя символическую нагрузку маргинализованной классики. «Оспариваемая территория» оказывается в зоне активного действия непрофессионалов литературных исследований, но профессионалов коммуникации, идущих вслед за медиалогикой и «лайкометрией» и создающих точки притяжения к литературе «модной» (в то же время велик риск вытеснения литературы, чтения другими культурными практиками – и тогда даже дискуссия об «осовременивании» литературного образования может оказаться беспредметной).

Выводы: есть ли «золотой путь» внутри «оспариваемых территорий»

Важнейшей задачей деятелей ранее однозначно признанных институций (например, научной археологии в случае Аркаима или классической литературы в случае социализации поколений) является принятие самого факта наличия «невидимых групп»: если территория оспариваемая, то на ней действуют те, кто никак не интересуется и ценности этих ранее монополистических институций не разделяет. И обращение к ним как к «нейтральным» (т. е. просветительская модель вовлечения в чтение классики тех, кто заранее «готов вовлечься») не работает – так же, как ориентированные на «научную эпистемологию» приемы и методы вовлечения «эзотерических» потоков туристов на Аркаиме оказываются в ситуации коммуникативного провала (см. подробное описание разнонаправленности самих логик этих потоков [Зданович 1999]; см. также [Wynne 1992]). Выход видится в прикладных аспектах «зон обмена Галисона» [Масланов 2023; Дорожкин 2017] – перехода от вертикальной модели «учитель – ученик» к горизонтальной, в которой большое значение имеет способность понять логику «невидимых групп», встать с ними «на равных», чтобы понять их способы освоения «оспариваемой территории» и наладить диалог, в котором не только они будут «внимать» слову наставника, но и наставник будет понимать, как этим словом «пробиться» к сознанию «невидимых». Логика «зон обмена Галисона» кажется слишком идеализированной, но в своей монографии он подробно обосновывает и саму возможность построения таких зон, и их обустройство для создания условий перехода к горизонтальным отношениям, обеспечивающим успешный трансфер знаний между группами различного эпистемического типа [Galison 1997] (см. также [Galison 2010]). Литература, превращаясь в современном мире информационных технологий в «оспариваемую тер-

риторию», перенасыщенную читателями и авторами, формами художественного творчества и творчества, несет риски забвения классической

основы, каковым и должно противостоять школьное образование, к сожалению, тоже утрачивающее эту функцию.

Литература

- Асонова, Е. А. Инфраструктура чтения с позиции субъекта / Е. А. Асонова, Л. Ф. Борусяк, К. С. Киктева, Е. С. Романичева. – М. : Московский городской педагогический университет, 2020. – 216 с.
- Асонова, Е. А. Литературное образование: мнения участников образовательных отношений / Е. А. Асонова, Л. Ф. Борусяк, Е. С. Романичева // Вопросы образования. – 2020. – № 1. – С. 159–181.
- Вдовин, А. В. От «Полной русской хрестоматии» к первой программе по литературе: становление стандартов литературного образования в России / А. В. Вдовин // Институты литературы в Российской империи : коллект. моногр. / сост. и отв. ред. А. В. Вдовин, К. Ю. Зубков. – М. : Издательский дом Высшей школы экономики, 2023. – С. 315–348.
- Вдовин, А. В. Хрестоматийные тексты: русская поэзия и школьная практика XIX века / А. В. Вдовин, Р. Г. Лейбов // Acta Slavica Estonica IV. Труды по русской и славянской филологии. Литературоведение IX. Т. 4: Хрестоматийные тексты: русская педагогическая практика и литературный канон XIX в. / отв. ред. А. В. Вдовин, Р. Г. Лейбов. – Тарту : Издательство Тартуского университета, 2013. – С. 7–34.
- Дорожкин, А. М. Проблемы построения и типологии зон обмена / А. М. Дорожкин // Эпистемология и философия науки. – 2017. – Т. 54, № 4. – С. 20–29. – DOI: 10.5840/eps201754462.
- Загидуллина, М. В. Подростки: чтение и Интернет в повседневной жизни / М. В. Загидуллина // Социологические исследования. – 2016. – № 5 (385). – С. 115–123.
- Зданович, Д. Г. Аркаим: древность, модерн, постмодерн / Д. Г. Зданович [и др.] // Аркаим: 1987–1997 : библиогр. указ. – Челябинск : Челябинский государственный университет, 1999. – С. 8–46.
- Зинин, С. А. Аналитический отчет о результатах ЕГЭ 2023 года по литературе / С. А. Зинин, М. А. Барабанова, Л. В. Новикова // Педагогические измерения. – 2023. – № 4. – С. 3–31.
- Зубанова, Л. Б. Эзотерический и медийный шлейф мемориального ландшафта: теоретические аспекты и архитектурные контуры полевого исследования / Л. Б. Зубанова // Знак: проблемное поле медиаобразования. – 2023. – № 4 (50). – С. 79–84. – DOI: 10.47475/2070-0695-2023-50-4-79-84.
- Киселев, Д. Г. Коммуникативные культурные практики освоения меморативных ландшафтов (на примере Аркаима) / Д. Г. Киселев // Знак: проблемное поле медиаобразования. – 2023. – № 4 (50). – С. 85–88. – DOI: 10.47475/2070-0695-2023-50-4-85-88.
- Куприянова, Е. В. Аркаим: рождение легенды : монография / Е. В. Куприянова. – Челябинск : Край Ра, 2021.
- Масланов, Е. В. Зоны обмена и пограничные объекты: к типологии / Е. В. Масланов // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. – 2023. – Т. 39, вып. 1. – С. 159–170. – DOI: 10.21638/srpu17.2023.113.
- Павловец, М. Об изменении регламентации преподавания литературы в современной школе / М. Павловец, И. Реморенко // Вопросы образования. – 2014. – № 4. – С. 209–226. – DOI: 10.17323/1814-9545-2014-4-209-226.
- Расторгуева, В. С. Литературный интернет-мем как социокультурный феномен в современной медиасреде / В. С. Расторгуева // Казанская наука. – 2023. – № 12. – С. 475–480.
- Рубакин, Н. А. Русские читатели и их обстановка / Н. А. Рубакин // Вестник знания. – 1905. – № 1. – С. 172–182.
- Сафонов, А. В. Система образов меморативного ландшафта археологического памятника Аркаим как фактор его популяризации / А. В. Сафонов, И. В. Топчий // Знак: проблемное поле медиаобразования. – 2023. – № 4 (50). – С. 102–111. – DOI: 10.47475/2070-0695-2023-50-4-102-111.
- Симакова, С. И. Аркаим как элемент символического капитала Челябинской области / С. И. Симакова // Знак: проблемное поле медиаобразования. – 2023. – № 4 (50). – С. 112–118. – DOI: 10.47475/2070-0695-2023-50-4-112-118.
- Сокоиков, С. С. Спонтанная иеротопия в современном мифотворчестве: случай Аркаима / С. С. Сокоиков, Е. А. Каминская // Обсерватория культуры. – 2023. – Т. 20, № 6. – С. 658–668. – DOI: 10.25281/2072-3156-2023-20-6-658-668.
- Сумская, А. С. «Аналоговое» и «цифровое» поколение аудитории СМИ: роль коммуникативно-культурной памяти в трансформации медиапрактик / А. С. Сумская, С. А. Свердлов // Известия Уральского федерального университета. Серия 1: Проблемы образования, науки и культуры. – 2019. – Т. 25, № 3 (189). – С. 32–48.
- Шевченко, К. А. Феномен YouTube и его возможности в продвижении книги / К. А. Шевченко, О. Г. Черненко // Библиотека в XXI веке. Социальная миссия : материалы XIII Международной научно-практической конференции молодых ученых и специалистов, Минск, 24–25 марта 2022 года. – Минск : ООО «Ковчег», 2022. – С. 323–327.
- Шишмаренкова, Г. Я. Изучение повести Н. В. Гоголя «Майская ночь, или Утопленница» (методические рекомендации) / Г. Я. Шишмаренкова // По новым программам. 5 класс : сборник статей в помощь учителю литературы / отв. ред. И. В. Володина. – Череповец : Издательство ЧГПИ им. А. В. Луначарского, 1994. – С. 4–10.
- Galison, P. L. Image and Logic: A Material Culture of Microphysics / P. L. Galison. – Chicago ; London : The University of Chicago Press, 1997.

- Galison, P. L. Trading with the Enemy / P. L. Galison // *Trading Zones and Interactional Expertise: Creating New Kinds of Collaboration* / ed. by M. Gorman. – Cambridge : MIT Press, 2010. – P. 25–52.
- Pobedinskaya, D. A. Booktuber channel as a modern type of literary reviews / D. A. Pobedinskaya, N. E. Gorokhova // *Dialogue of cultures : материалы XV Международной научно-практической конференции на английском языке : в 3-х частях, Санкт-Петербург, 17–19 мая 2022 года. Часть 1 / под общей редакцией В. В. Кирилловой ; сост. К. А. Сечина. – СПб. : Высшая школа технологии и энергетики Санкт-Петербургского государственного университета промышленных технологий и дизайна, 2022. – P. 125–129.*
- Rotherham, I. D. Issues and Approaches in Managing Visitors to Pagan Sacred Sites / I. D. Rotherham // *Managing Religious Tourism* / ed. by M. Griffiths, P. Wiltshier. – CABI, 2019. – P. 92–102.
- Wynne, B. Misunderstood Misunderstanding: Social Identities and Public Uptake of Science / B. Wynne // *Public Understanding of Science*. – 1992. – No. 9 (3). – P. 281–304.

References

- Asonova, E. A., Borusyak, L. F., Kikteva, K. S., Romanicheva, E. S. (2020). *Infrastruktura chteniya s pozitsii sub"ekta* [Reading Infrastructure from the Perspective of the Subject]. Moscow, Moskovskii gorodskoi pedagogicheskii universitet. 216 p.
- Asonova, E. A., Borusyak, L. F., Romanicheva, E. S. (2020). Literaturnoe obrazovanie: mneniya uchastnikov obrazovatel'nykh otnoshenii [Literary Education: Opinions of Educational Relationship Participants]. In *Voprosy obrazovaniya*. No. 1, pp. 159–181.
- Dorozhkin, A. M. (2017). Problemy postroeniya i tipologii zon obmena [Problems of Construction and Typology of Exchange Zones]. In *Epistemologiya i filosofiya nauki*. Vol. 54. No. 4, pp. 20–29. DOI: 10.5840/eps201754462.
- Galison, P. L. (1997). *Image and Logic: A Material Culture of Microphysics*. Chicago, London, The University of Chicago Press.
- Galison, P. L. (2010). Trading with the Enemy. In Gorman, M. (Ed.). *Trading Zones and Interactional Expertise: Creating New Kinds of Collaboration*. Cambridge, MIT Press, pp. 25–52.
- Kiselev, D. G. (2023). Kommunikativnye kul'turnye praktiki osvoeniya memorativnykh landshaftov (na primere Arkaima) [Communicative Cultural Practices of Grasping Memorial Landscapes (in the Example of Arkaim)]. In *Znak: problemnoe pole mediaobrazovaniya*. No. 4 (50), pp. 85–88. DOI: 10.47475/2070-0695-2023-50-4-85-88.
- Kupriyanova, E. V. (2021). *Arkaim: rozhdenie legendy* [Arkaim: The Birth of a Legend]. Chelyabinsk, Krai Ra.
- Maslanov, E. V. (2023). Zony obmena i pogranichnye ob"ekty: k tipologii [Zones of Exchange and Borderline Objects: Towards a Typology]. In *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Filosofiya i konfliktologiya*. Vol. 39. Issue 1, pp. 159–170. DOI: 10.21638/spbu17.2023.113.
- Pavlovets, M., Remorenko, I. (2014). Ob izmenenii reglamentatsii prepodavaniya literatury v sovremennoi shkole [On the Changes in the Regulation of Literature Teaching in Modern School]. In *Voprosy obrazovaniya*. No. 4, pp. 209–226. DOI: 10.17323/1814-9545-2014-4-209-226.
- Pobedinskaya, D. A., Gorokhova, N. E. (2022). Booktuber Channel as a Modern Type of Literary Reviews. In Kirillova, V. V. (Ed.). *Dialogue of cultures: materialy XV Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii na angliiskom yazyke: v 3-kh chastyakh, Sankt-Peterburg, 17–19 maya 2022 goda. Part 1. Saint Petersburg, Vysshaya shkola tekhnologii i energetiki Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta promyshlennykh tekhnologii i dizaina*, pp. 125–129.
- Rastorgueva, V. S. (2023). Literaturnyi internet-mem kak sotsiokul'turnyi fenomen v sovremennoi mediasrede [Literary Internet Meme as a Sociocultural Phenomenon in the Modern Media Environment]. In *Kazanskaya nauka*. No. 12, pp. 475–480.
- Rotherham, I. D. (2019). Issues and Approaches in Managing Visitors to Pagan Sacred Sites. In Griffiths, M., Wiltshier, P. (Eds.). *Managing Religious Tourism*. CABI, pp. 92–102.
- Rubakin, N. A. (1905). Russkie chitateli i ikh obstanovka [Russian Readers and Their Environment]. In *Vestnik znaniya*. No. 1, pp. 172–182.
- Safonov, A. V., Topchy, I. V. (2023). Sistema obrazov memorativnogo landshafta arkhologicheskogo pamyatnika Arkaim kak faktor ego populyarizatsii [The System of Images of the Memorial Landscape of the Archaeological Monument of Arkaim as a Factor in Its Popularization]. In *Znak: problemnoe pole mediaobrazovaniya*. No. 4 (50), pp. 102–111. DOI: 10.47475/2070-0695-2023-50-4-102-111.
- Shevchenko, K. A., Chernenko, O. G. (2022). Fenomen BookTube i ego vozmozhnosti v prodvizhenii knigi [The Phenomenon of BookTube and Its Opportunities in Promoting Books]. In *Biblioteka v XXI veke. Sotsial'naya missiya: materialy XIII Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii molodykh uchenykh i spetsialistov, Minsk, 24–25 marta 2022 goda*. Minsk, OOO «Kovcheg», pp. 323–327.
- Shishmarenkova, G. Ya. (1994). Izuchenie povesti N. V. Gogolya «Maiskaya noch', ili Utoplennitsa» (metodicheskie rekomendatsii) [Study of the Story by N. V. Gogol "May Night, or The Drowned Woman" (Methodological Recommendations)]. In Volodina, I. V. (Ed.). *Po novym programmam. 5 klass: sbornik statei v pomoshch' uchitel'yu literatury*. Cherepovets, Izdatel'stvo ChGPI im. A. V. Lunacharskogo, pp. 4–10.
- Simakova, S. I. (2023). Arkaim kak element simvolicheskogo kapitala Chelyabinskoi oblasti [Arkaim as an Element of the Symbolic Capital of the Chelyabinsk Region]. In *Znak: problemnoe pole mediaobrazovaniya*. No. 4 (50), pp. 112–118. DOI: 10.47475/2070-0695-2023-50-4-112-118.

Sokovikov, S. S., Kaminskaya, E. A. (2023). Spontannaya ierotopiya v sovremennom mifotvorchestve: sluchai Arkaima [Spontaneous Ierotopia in Contemporary Mythomaking: The Case of Arkaim]. In *Observatoriya kul'tury*. Vol. 20. No. 6, pp. 658–668. DOI: 10.25281/2072-3156-2023-20-6-658-668.

Sumskaya, A. S., Sverdlov, S. A. (2019). «Analogovoe» i «tsifrovое» pokolenie auditorii SMI: rol' kommunikativno-kul'turnoi pamyati v transformatsii mediapraktik [‘Analog’ and ‘Digital’ Generations of Media Audiences: The Role of Communicative Cultural Memory in the Transformation of Media Practices]. In *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya 1: Problemy obrazovaniya, nauki i kul'tury*. Vol. 25. No. 3 (189), pp. 32–48.

Vdovin, A. V. (2023). Ot «Polnoi russkoi khrestomatii» k pervoi programme po literature: stanovlenie standartov literaturnogo obrazovaniya v Rossii [From “The Complete Russian Reader” to the First Literature Curriculum: The Formation of Literary Education Standards in Russia]. In Vdovin, A. V., Zubkov, K. Yu. (Eds.). *Instituty literatury v Rossiiskoi imperii: kollekt. monogr.* Moscow, Izdatel'skii dom Vysshei shkoly ekonomiki, pp. 315–348.

Vdovin, A. V., Leibov, R. G. (2013). Khrestomatiinye teksty: russkaya poeziya i shkol'naya praktika XIX veka [Reader Texts: Russian Poetry and School Practices of the 19th Century]. In Vdovin, A. V., Leibov, R. G. (Eds.). *Acta Slavica Estonica IV. Trudy po russkoi i slavyanskoi filologii. Literaturovedenie IX. Vol. 4: Khrestomatiinye teksty: russkaya pedagogicheskaya praktika i literaturnyi kanon XIX v.* Tartu, Izdatel'stvo Tartuskogo universiteta, pp. 7–34.

Wynne, B. (1992). Misunderstood Misunderstanding: Social Identities and Public Uptake of Science. In *Public Understanding of Science*. No. 9 (3), pp. 281–304.

Zagidullina, M. V. (2016). Podrostki: chtenie i Internet v povsednevnoi zhizni [Teenagers: Reading and the Internet in Daily Life]. In *Sotsiologicheskie issledovaniya*. No. 5 (385), pp. 115–123.

Zdanovich, D. G. et al. (1999). Arkaim: drevnost', modern, postmodern [Arkaim: Antiquity, Modernity, Postmodernity]. In *Arkaim: 1987–1997: bibliogr. ukaz.* Chelyabinsk, Chelyabinskii gosudarstvennyi universitet, pp. 8–46.

Zinin, S. A., Barabanova, M. A., Novikova, L. V. (2023). Analiticheskii otchet o rezul'tatakh EGE 2023 goda po literature [Analytical Report on the Results of the 2023 Unified State Exam in Literature]. In *Pedagogicheskie izmereniya*. No. 4, pp. 3–31.

Zubanova, L. B. (2023). Ezotericheskii i mediinyi shleif memorial'nogo landshafta: teoreticheskie aspekty i arkhitekturnye kontury polevogo issledovaniya [The Esoteric and Media Trail of the Memorial Landscape: Theoretical Aspects and Architectural Contours of Field Research]. In *Znak: problemnoe pole mediaobrazovaniya*. No. 4 (50), pp. 79–84. DOI: 10.47475/2070-0695-2023-50-4-79-84.

Данные об авторе

Загидуллина Марина Викторовна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры медиа, Челябинский государственный университет (Челябинск, Россия).

Адрес: 454001, Россия, г. Челябинск, ул. Братьев Кашириных, 129.

E-mail: mvzagidullina@yandex.ru.

Author's information

Zagidullina Marina Viktorovna – Doctor of Philology, Professor, Professor of Department of Media, Chelyabinsk State University (Chelyabinsk, Russia).

Дата поступления: 14.11.2024; дата публикации: 28.12.2024

Date of receipt: 14.11.2024; date of publication: 28.12.2024

УДК 372.882.161.1+371.8. DOI: 10.26170/2071-2405-2024-29-4-57-66. ББК Ч426.839(=411.2)-058.0.
ГРНТИ 17.07.25. Код ВАК 5.9.3

ВНЕКЛАССНОЕ ЧТЕНИЕ: ШКОЛЬНАЯ КЛАССИКА И РУСЛИТ-ФАНДОМ

Литовская Е. В.

Национальный университет Тайваня (Тайбэй, Тайвань)

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-3578-9772>

SPIN-код: 8727-6915

Литовская М. А.

Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина

(Екатеринбург, Россия)

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-5388-7617>

SPIN-код: 9488-3760

А н н о т а ц и я . Статья посвящена актуальному феномену любительских интерпретаций школьной классики в современном русскоязычном интернет-пространстве, а именно репрезентации опыта взаимодействия со школьной классикой в русскоязычном *руслит*-фандоме. Деятельность онлайн-фандомов, которые берут за основу литературный материал, чаще всего связана с творческой переработкой и обсуждением текстов популярной массовой культуры, поэтому появление в пространстве социальных сетей фандома, связанного с русской классикой, вызывает закономерный исследовательский интерес. Сам факт появления такого фандома и его развитие кажется вызовом популярному тезису о том, что молодежь не интересуется чтением, не видит ценности в классической литературе и не способна взаимодействовать со сложными литературными произведениями даже на базовом уровне.

В своем исследовании мы обращаемся к различным типам интерпретаций, созданным внутри *руслит*-фандома в русскоязычном сегменте блог-платформы TikTok и социальной сети VK, чтобы выявить основные способы актуализации классики, популярные у подростковой аудитории, и проанализировать их опыт взаимодействия с исходным литературным материалом.

Одной из особенностей *руслит*-фандома является то, что он создан молодым поколением читателей (старшеклассников и студентов) для своих сверстников с целью обмена читательским опытом без ограничений, накладываемых школьной образовательной практикой, что позволяет исследователям узнать, что в классической литературе и ее школьных интерпретациях является для подростков предметом интереса, уважения или высмеивания.

Рассмотренный материал позволяет сделать вывод о том, что классическая литература все еще является предметом живого интереса, и несмотря на пессимистичные прогнозы, школьники все еще стремятся найти в текстах актуальное знание, а в фандоме – поддержку других заинтересованных читателей. Знакомство с материалом исследования может помочь при разработке учебных материалов и создании сопровождающей классику учебной и научной литературы для подростков.

К л ю ч е в ы е с л о в а : интерпретация классики; кризис чтения; преподавание литературы; социальные сети; школьная классика; фандом

Б л а г о д а р н о с т и : исследование выполнено за счет гранта National Science and Technology Council, Taiwan (R.O.C.) (проект № 113-2410-H-002-029-).

Д л я ц и т и р о в а н и я : Литовская, Е. В. Внеклассное чтение: школьная классика и *руслит*-фандом / Е. В. Литовская, М. А. Литовская. – Текст : непосредственный // Филологический класс. – 2024. – Т. 29, № 4. – С. 57–66. – DOI: 10.26170/2071-2405-2024-29-4-57-66.

OUT-OF-CLASS READING: SCHOOL LITERARY CLASSICS AND RUSLIT FANDOM

Elizaveta V. Litovskaia

National Taiwan University (Taipei, Taiwan)

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-3578-9772>

Maria A. Litovskaya

Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin

(Ekaterinburg, Russia)

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-5388-7617>

A b s t r a c t . This article deals with the modern phenomenon of amateur interpretations of school literary classics in the contemporary Russian-speaking Internet environment – in particular, the representation of the experience of interaction with school literary classics in the Russian-language *RusLit Fandom*. The activity of online fandoms, that take literary material as a basis, are most often associated with the creative reworking and discussion of popular mass culture texts, so the emergence of a fandom associated with Russian classics on social networks naturally arouses research interest. The very fact of emergence of such a fandom and its development seems to challenge the widespread thesis that young people are not interested in reading, do not care a straw about classical literature, and are unable to interact with complex literary works even on the basic level.

The study explores various types of interpretations created within the *RusLit Fandom* in the Russian-speaking segment of the blog platform *TikTok* and the social network *VK* in order to identify the main ways of modernizing classics popular among the teenage audience and to analyze their experience of interacting with the original literary material.

One of the essential features of *RusLit Fandom* is that it was created by a young generation of readers (high school and college students) for their peers with the aim of discussing their reading experiences without the restrictions imposed by school education

practices. This fact, respectfully, allows researchers to find out what becomes a subject of interest, respect, or irony for teenagers when it comes to classical literature and its school interpretations and what ideas from the classics are important and meaningful for them.

The material under examination allows the authors to conclude that classical literature is still an object of keen interest, and despite pessimistic forecasts, students still strive to find relevant knowledge in its texts and seek support from other interested readers in the fandom. The research results may be useful while designing academic materials and writing didactic and theoretical reading guides for teenagers.

Key words: interpretation of classical literature; reading crisis; teaching literature; social networks; school literary classics; fandom

Acknowledgments: The study was supported by a grant from the National Science and Technology Council, Taiwan (R.O.C.) (Project No. 113-2410-H-002-029-).

Citation: Litovskaia, E. V., Litovskaya, M. A. (2024). Out-of-Class Reading: School Literary Classics and Ruslit Fandom. In *Philological Class*. Vol. 29. No. 4, pp. 57–66. DOI: 10.26170/2071-2405-2024-29-4-57-66.

Введение

Обсуждая школьную классику в 2024 году, мы вступаем в бесконечный диалог отцов и детей о том, что и как должно читать. Американская писательница, автор книг для детей и подростков Кэтрин Марш в эссе для журнала «The Atlantic» замечает, что «часто сталкивается с признанием, которое очень похоже на извинение: “мои дети не читают так, как я”» [Marsh 2023]. В статье с говорящим названием «The Elite College Students Who Can't Read Books» приводится цитата исследовательницы Марты Максвелл, которая утверждает, что «каждое поколение в определенный момент обнаруживает: учащиеся читают не так хорошо, как могли бы, и не так хорошо, как ожидали их преподаватели» [Horowitch 2024].

Педагоги разных стран обращают внимание на то, что все больше школьников и студентов не справляются со сложными литературными произведениями, не готовы аргументированно обсуждать поднятые в литературных текстах проблемы, находящиеся вне их жизненного опыта, что во время работы в классе учащимся трудно удерживать фокус внимания¹. Родители, в свою очередь, выражают обеспокоенность тем, что с появлением альтернативных форм развлекательного контента (компьютерных и видеоигр, сериалов и фильмов онлайн, ролевых игр и т. п.), которые предложили подрастающему поколению возможность иммерсивного погружения в события текста и стали популярной альтернативой чтению как развлечению, дети и подростки стали меньше читать «серьезную литературу», а если что-то и читают, то подростковые книжные серии и фанфики. Действительно, на полках книжных магазинов продаются книги новых авторов, которые во многом обязаны своей популярностью молодому поколению пользователей книжных сегментов TikTok и YouTube (BookTok и BookTube соответственно), а некоторые вышедшие ранее произведения (например, поттериана или серия «Все во имя игры» Норы Сакавич) пере-

езжают с одной интернет-платформы на другую, наращивая вокруг себя новых поклонников.

В то же время в интернете несложно найти любительские иллюстрации к вполне серьезным литературным произведениям, видео с объяснениями того, зачем стоит читать, разного рода отзывы на прочитанное, созданные, судя по всему, очень молодыми людьми. Социологи чтения отметили эту особенность информационного поля давно [Кутейникова 2014; Чудинова 2009], но до сих пор иногда создается впечатление, что в дискуссии о проблемах чтения из поля зрения сокрушающихся ускользает то, что значительную часть книжного интернет-контента создают как раз «нечитающие» подростки. Правда ли современные школьники утратили всякий интерес к классической литературе? Действительно ли они считают, что русская классическая литература им не нужна, или они находят какие-то способы получать удовольствие от чтения и – шире – взаимодействия с литературным материалом?

В поисках ответов на эти вопросы мы обратились к материалам социальных сетей, которые используют старшеклассники и студенты младших курсов, – найденные по запросу «русская литература» и «руслит» видео с блог-платформы TikTok и посты из сообществ в социальной сети VK. В рамках статьи нам хотелось бы обсудить формы бытования в социальных сетях популярного контента (определяется по числу просмотров), связанного со школьной классикой, созданного подростками для своих сверстников.

Школьная классика в чтении российского школьника

В современном обсуждении школьного предмета «литература» поддерживается мысль о том, что обучение предполагает внимательное чтение учащимся сложных классических текстов, знакомство с биографиями писателей-классиков, последующее их обсуждение под руководством преподавателя. Осваиваться программные литературные произведения должны с помощью учебных, критических, научных текстов, выражающих позицию взрослых профессиональных читателей. Школьнику предоставляется возможность высказаться о прочитанном в рамках поурочных опросов, в контрольных и экзаменационных работах, иными словами, в специально организованных учебных ситуациях,

¹ См., например: Аганов В. Выжить в мире ИНФАНТИЛОВ! Профессор Евгений Жаринов о вреде ЕГЭ, убогости Пелевина и смерти Автора [видеоинтервью] // YouTube. 30 октября 2024. URL: https://www.youtube.com/watch?v=hXXZ4AJhKTw&list=PLmnJNqFaA729v87DE_VU4nb4CF5XchPLa&index=1 (дата обращения: 31.10.2024); [Круглый стол 2017].

где оцениваются навыки базового анализа текста учащегося, а не его мнение как читателя.

Большинство российских школьников именно в таких условиях впервые знакомятся с великими текстами классической литературы – гордостью русской культуры. Сразу необходимо оговорить, что в ситуации традиционного российского литературоцентризма о значимости классики школьникам не дают забыть и за пределами уроков: портреты в классах, памятники, названия улиц, юбилеи, инсценировки, цитирование, переиздания и т. п. практики мемориализации работают на формирование авторитета тех, кто добился выдающегося успеха своими литературными текстами [Литовская 2011].

Вот только знакомство с этими текстами осложнено тем, что большая часть классики сложна для восприятия. В обсуждениях школьной литературы, особенно непрофессиональных, недостаточную развитость навыка чтения художественной литературы обычно замалчивают, подменяя утверждением, что классика слишком мудрена, перегружена ненужной информацией и неактуальна для нынешних школьников. В связи с этим немалая часть взрослых, вплоть до парламентариев, предлагает упрощать школьную программу по литературе и не загружать школьников чтением длинных романов и непонятных пьес и поэм. Школа сопротивляется, ссылаясь на традицию и необходимость воспитания носителя русской культуры.

Сложности взаимодействия с классикой и признание значимости ее порождают у профессиональных читателей две типовые реакции: желание сделать рассказ о классике интересным и желание придать знакомству с исходным литературным материалом характер развлечения. Значит, надо еще раз попробовать сделать рассказ о классике понятным для всех школьников, а для этого поменять тексты на более «интересные», предложить новые, более актуальные для современных молодых людей, интерпретации школьных текстов, а в некоторых случаях, подключив «молодежный» язык, доказать школьникам, что Достоевский – это «круто», а Гоголь – «прикольно» [Жвалевский 2014].

Трудно даже перечислить все новые и новые книги профессиональных читателей о классике, предлагающих и новые интерпретации, и разнообразие подходов буквально на все вкусы [см., например: Литературная матрица 2010; Сухих 2024; Клейн 2021; Курицын 2024 и т. п.]. Однако, как показывает опыт преподавателей литературы, путеводители, комментарии, лекции и учебники, подготовленные писателями, историками литературы, критиками, оказываются интересны преимущественно тем школьникам, которые и так любят читать / осваивать / анализировать сложную художественную литературу. Остальные по-прежнему довольствуются отрывками, пересказами, интернет-подсказками, готовыми сочинениями – инструментами для получения положительных оценок.

При этом в обсуждении воспитания читателя

«настоящих» текстов обычно отходит на задний план признание того факта, что отечественные школьники сами тоже пытаются облегчить себе это чтение. На протяжении десятилетий школьники не только знакомились с набором ключевых для русской культуры литературных произведений и фактов писательских биографий, писали сочинения о «маленьких людях» и «небе Аустерлицца», учили наизусть стихи, но и, как умели, пересказывали друг другу тексты, приклеивали себе пушкинские бакенбарды для школьных «капустников», переделывали в сценки и вирши стихи и рассказы, рисовали на полях тетрадей портреты классиков и их персонажей, сочиняли шутки про них и про себя в роли читателей «большой» литературы.

XXI век внес в эти школьные развлечения свои коррективы, и плоды творчества, что раньше оставались в школьных тетрадях да памяти одноклассников и учителей, смогли получить широкую аудиторию благодаря блогам и социальным сетям, где новые поколения школьников и студентов делятся своим опытом взаимодействия с литературой. Что же выносят из общения с классикой массы современных подростков? Развитие технологий впервые дало возможность множеству учеников не только зафиксировать следы своего знакомства с русской классикой, но и представить их в публичном пространстве.

Фандом: книги, которые читают люди, и люди, которые читают книги

Интернет предоставил всем желающим место, где можно высказаться на интересующую тему в любой доступной форме, получить отклик от других заинтересованных в данной теме людей, найти свою группу единомышленников и покинуть ее в тот момент, когда интерес к теме или собеседникам пропадает. За почти два десятилетия открытого обмена интернет-высказываниями сформировались различные сообщества по интересам, в том числе и тех, кого объединили факты, связанные с классической литературой, и готовность не только сообщить, нравятся они или не нравятся, но и творчески их переосмыслить, создавая собственные тексты-отклики на классику. Такие сообщества в интернете получили название фандомов.

Фандомы как культурное явление исторически неразрывно связаны с чтением. Изначально они формировались вокруг комментариев к текстам жанровой литературы (фантастики, фэнтези), комиксам, популярным музыкальным группам, но в настоящий момент у любого более или менее популярного культурного феномена может быть фандом, который формируется между двумя полюсами: живым интересом к фактам о лице, произведении искусства или событии и потребностью в свободе творческого взаимодействия с ними. Поклонники, которых в этом контексте обычно именуют фанатами, не только восхищаются оригиналом (каноном, на языке фандома), но и вносят свою лепту в творческую интерпретацию обсуждаемого явления. Для значительной части фанатского сообщества канон является отправной точкой

для их собственного творчества – фан-арта с визуальными (рисунки, коллажи, видеоролики, мультфильмы) и литературными текстами, созданными по мотивам исходного текста-вдохновителя.

Идея существования фандомов как сообществ, где люди с интересом делятся с другими своим видением исходного текста, укоренена в представлении о чтении как своеобразном со-творчестве читателя и автора, высказанном в 1967 году Роланом Бартом в эссе «Смерть автора» [Барт 1989] задолго до появления фандомов в их нынешнем представлении. При этом, как отмечают исследователи, в фандомах ««смерть автора» по Р. Барту, предполагающая освобождение от авторской интерпретации текста при его потреблении, сменилась «смертью автора» по А. Мирошниченко [Мирошниченко 2011], означающей потерю эксклюзивного права автора в цифровой среде. Мгновенно экспроприруя медиатекст, распространяя его, дополняя при перепостах или в комментариях, цифровая среда создает, таким образом, коллективного автора, не всегда профессионально продуцирующего тексты, но всегда находящегося в коммуникации с сообществом, обмениваясь с ним интерпретациями и смыслами» [Быховская и др. 2021: 282].

В креативных практиках выделяют фанатский канон – «фанон», под которым понимают «совокупность характерных сюжетных решений или способов изменения персонажей, противопоставленных канону, но устоявшихся в фанфикшн» [Романенко 2022: 170], и «хедканон» – уникальное представление о герое, сюжетной линии, мотивации и т. п., которое принадлежит конкретному фанату и не стало общим местом внутри фандома.

Творчество фикрайтеров в фандомах чаще всего анализируется в контексте культуры фанфикшн [Jenkins 1992; Самутина 2013; Четина 2015] на основе популярных иностранных текстов. Русская литература реже попадает в поле зрения исследователей фандомов, хотя последние годы набирают популярность исследования, посвященные рецепции отдельных отечественных произведений [Боева 2021; Рогачева и др. 2019; Гудкова 2024; Тимошенко 2015; Дроздова 2018].

Социальные сети на данный момент предлагают немало разножанрового контента на тему «Мое видение и моя интерпретация русской классики», включающего и фанфикшн, и литературные мемы, и фан-арт, косплеи, комедийные скетчи, литературные «эстетики» и др. Этот материал разнесен по разным интернет-платформам (FicBook, Pinterest, TikTok, VK, YouTube и др.) и может пересекаться, частично или полностью повторяясь.

Произвести количественный подсчет активных участников фандома русской литературы или, как называют его сами авторы, *руслит*-фандома не представляется возможным, так как и состав материала, и состав участников постоянно меняются. Одни авторы сообщества долго остаются активными, другие быстро завершают деятельность. При этом авторы могут скрывать или удалять свои материалы, оставлять их в открытом доступе после ухода из фандома, а

многие участники фандома вообще обходятся без лайков, комментариев и ответных текстов.

Наиболее точное, на наш взгляд, определение сути явления *руслит*-фандом дается в статье «Русская классика в онлайн-сообществах читателей», авторы которой характеризуют это явление как «суперфандом, в котором, с одной стороны, трансформируются отдельные классические тексты, но, с другой стороны, создается общее пространство «русской классики». Читатели не только экспериментируют с конкретным литературным произведением и участвуют в одном фандоме, но и сопоставляют тексты разных авторов» [Дроздова 2020: 91].

Руслит-фандом объединяет многочисленные любительские полимодальные тексты-отклики на факты, связанные с русской классической литературой, в основном развлекательного характера. Это отделяет его от книжного онлайн-сообщества, сосредоточенного на просвещении своей аудитории. Серьезный сегмент книжного интернета обычно включает в себя познавательный книжный контент на любой вкус: от подборок книг для чтения под разные запросы (жанр, тематика, схожесть с другими произведениями и др.), пересказа знаменитых текстов, выкладывания материалов для подготовки к экзаменам, развернутого обсуждения проблем, связанных с чтением до лекций профессиональных исследователей литературы и обзоров профессиональных критиков.

Авторы большей части профессиональных интернет-текстов проекта «Арзамас», онлайн-журнала «Горький», онлайн-проекта «Полка», литературных YouTube-каналов «Армен и Федор», «Николай Жаринов», «Что бы мне поделывать, лишь бы не почитать», лекций профессоров Мариэтты Чудаковой, Дмитрия Бака, Евгения Жаринова и др., независимо от направленности филологического анализа, обычно относятся к классикам как к «непрочитанным» или «недопонятым», предлагают читателю свои аргументированные варианты биографии, интерпретации поступков и текстов классика – иными словами, выступают в роли толкователей, наставников.

Руслит-фандом не стремится учить свою аудиторию, что и как читать. Большинство авторов, которые сами еще получают среднее образование, приходят в это сообщество не для обновления знаний о литературе, а в поиске площадки для самовыражения. С аудиторией их объединяет коллективный опыт чтения классики на школьных уроках литературы, они апеллируют к знакомому, а не к неизвестному. В *руслит*-фандоме каноном считаются фабулы школьной классики, а также закрепленные в учебниках «формулы» о текстах и биографиях писателей. Отличительной чертой этого фандома является довольно бережное отношение к канону: авторы не стремятся «переписать» тексты и «починить» героев или печальные концовки произведений.

Авторы контента *руслит*-фандома не претендуют ни на позицию соавторов или навигаторов, ни на статус воспитателей книжного вкуса. Они всего лишь читатели, которые нашли в классиче-

ской литературе и своем опыте ее изучения в средней школе нечто, вызывающее у них креативный отклик, который не претендует на то, чтобы глубоко переосмысливать объективно сложные тексты, но помогает закрепить чувство общности с другими читателями.

Руслит-фандом: игры с классиками

Развитие фандомов, по мнению Генри Дженкинса [Jenkins 2006], связано с развитием технологий с обратной связью и культурой соучастия, предполагающей, что каждый «соучастник» сможет ощутить себя членом группы по интересам, где получит и шанс на самовыражение, и площадку для распространения своего контента, и помощь в решении проблем, среди которых может быть отсутствие визуального материала, потребность посмотреть на персонажа под новым углом зрения, сделать его более понятным и т. п.

Ощущение принадлежности как части культуры соучастия в руслит-фандоме чаще всего реализуется при создании и просмотре юмористического контента, который основан на хорошо знакомых аудитории, в полном составе прошедшей через российскую школу, фактах (имя Акакия Акакиевича, воспоминание о странном опыте чтения подстрочного перевода написанных на французском страниц «Войны и мира» и т. п.) и приемах: конференс и сценки из «капустников», «шутки с задней парты», «перлы» из школьных сочинений и т. п.

Основную часть этого вида контента составляют «литмемы» и комедийные зарисовки, в которых авторы иронизируют над своим школьным читательским опытом: ошибками, случайными открытиями, которые оказываются общим местом культуры, непониманием, обусловленным отсутствием у школьников необходимых знаний, и т. п.

В паблике «Литература»>TS<< ThisStory» мы находим следующий мем:

21 век: голосовая помощница Алиса
19 век: голосовой помощник ЗАХААААААААА
Захар: Иду я, иду.

Комизм, понятный современному молодому человеку, основан на сравнении поведения Обломова, по любому случаю зовущего Захара, и современных людей, спрашивающих у «умной колонки» Алисы ответы на все вопросы. Остроумие автора проявляется и в обнаруженном сходстве, и в иронии над общим местом школьного урока литературы об актуальности классики.

В видео пользователя @evasickss автор, используя популярный жанр «смешные цитаты из школьных сочинений», соединяет набор школьных «формул» с уроков литературы со своими «перлами»:

Это я иду на ЕГЭ по литературе, зная, что: Воланд и Воланд-де-Морт – это разные личности, Печорин никогда не жил в Печоре, Катерина – луч света в темном царстве, чай «Ахмад» назван не в честь Ахматовой, Кавказ убивает, Пушкин и Пушкин дружили, текст к «Лиличке» написал не «Сплин», а Маяковский.

Сюда же можно отнести и бродящий по разным пабликам и платформам мем про краткое содержание «Онегина»:

Нашли для вас то самое краткое содержание «Евгения Онегина» (далее приводится фрагмент из анкеты с заголовком «Мои секретрики»): Мне нравится Женя, но в то же время он дебил (следом дается иллюстрация последней встречи Онегина и Татьяны).

В меме из паблика «Литература / Литературные мемы» школьники XXI века представлены в виде котика, которого насильно кормят с ложки, подписанной «Рассуждения Толстого о войне, религии и морали». В меме из паблика «Притон литературного декаданса» роман «Отцы и дети» предлагают переименовать в «Бумеры и зумеры», чтобы передать суть романного конфликта через аллюзию на популярную в интернет-пространстве дискуссию о разнице поколений.

Фанон в мире руслит-фандома начинается там, где на границе общеизвестной, по мнению тиктокеров, информации начинается вольная интерпретация исходного материала, которая частично или полностью повторяется в разных фандомных интерпретациях. Фанон обычно предполагает упрощение связанных с литературой фактов через их адаптацию под понятные молодежной аудитории тренды социальных сетей и типы контента.

Например, в социальных сетях популярны тематические раскладки с одеждой и предметами, которые должны помочь наблюдателю составить представление о человеке. В конце октября в социальных сетях создают подборки костюмов на Хэллоуин, некоторые названы именами писателей: «Лермонтов», «Булгаков», «Маяк» и т. п. Элементы костюма изображены в наивной манере и подписаны. Так, карнавальный костюм «Достоевский» включает бороду, Евангелие, пустой кошелек, «карты с худшими местами Петербурга» и чашку чая.

К визуальному упрощению относится и видео-костлей – микрофильм, где тиктокер, загримированный/-ая под писателя с узнаваемой внешностью, повторяет общеизвестный поступок своего героя: например, Гоголь сжигает второй том «Мертвых душ», а Пушкин пугается зайца, перебегающего дорогу.

Одним из популярных типов интерпретаций литературных текстов в TikTok является создание «эстетик» – вид визуального контента, который предполагает передачу впечатления создателя контента от произведения или отдельного персонажа через смонтированный ряд фото- и видеоизображений, не являющихся непосредственными иллюстрациями текста, но позволяющих зрителю ассоциативно свести их воедино. Эти визуализации похожи на мудборды, которые составляют во время начала работы над фильмом-экранизацией. Они не отличаются исторической достоверностью, но помогают формировать общее представление об атмосфере текста, что особенно важно для книг, которые не имеют современных видеоадаптаций. «Эстетики», помогающие подросткам через понятный для них ряд образов формировать свое

представление о литературном произведении¹, можно найти в паблике «vive la littérature», авторы которого перестали выкладывать новый контент в 2020 году, но оставили паблик открытым.

Более редкий тип фанон-контента – осовременивание канона, которое в терминологии авторов фанфикшн называется «modern!au», что расшифровывается как «современная альтернативная реальность». При создании «осовремененного» контента «фанаты стирают границы между фактом и вымыслом, говоря о персонажах так, как если бы они существовали отдельно от своих текстовых проявлений. Они входят в царство вымысла, как если бы это было осязаемое место, в котором они могут жить и которое могут исследовать» [Романенко 2022: 174].

Авторы помещают героев своих интерпретаций в более понятные аудитории современные обстоятельства: школу, университет, современную массовую культуру, соцсети.

Например, в modern!au на мы находим такое описание Элен Курагиной (приведем лишь часть из длинного описания): *из-за консервативных родителей в 18 лет вышла замуж за местного разбогатевшего сыночка, развелась и отобрала у него половину имущества, открыла сеть салонов, галерей и ресторанов, обнаружив у себя талант к руководительству; носит prada и Dior; муж считал ее глупой и вульгарной, ей было плевать (кто и что там считал); разговаривает на четырех языках; она – воплощение той самой femme fatal, о которой пишут тонны книг и разговаривают шепотом на светских балах.*

Автор фан-арта по русской литературе под псевдонимом Б'льскі (@feldfebel_belsky в VK), в свою очередь, предполагает, как выглядели и вели бы себя писатели-классики, если бы они были студентами современного университета. Например, Чехов числится в списке на зачисление под разными именами и был крашем всего медицинского факультета, Лермонтов планировал уйти после 9-ого до того, как это стало мэйнстримом, ездил в ежегодные стажировки на Кавказ, писал диплом из своих слез и устраивал дуэльные забавы с французами за пачку гречки. В этих описаниях отсылки к реальным фактам писательских биографий подаются в шуточной манере.

Популярны хедканоны, где авторы и их персонажи из разных литературных «вселенных» все вместе становятся участниками ситуации, заданной автором контента: «создания» анкеты совместности в приложениях для свиданий, ведения социальных сетей, общения друг с другом и т. д. В социальных сетях в 2024 году активно обсуждали разницу современных мужских типажей (масик, скуф, нетакусик, чечик и др.), и авторы руслит-фандома начали создавать свои версии тренда, распределяя героев по разным типажам и давая минимальное объяснение своего решения. Так, например, по версии тиктокера @d.a.marr, Чацкий – это типичный нетакусик (думает, что его никто не выкупает, недопонятый гений), Онегин – тубик

(непонятный, но сильно загадочный; тот самый бывший «привет, спишь?»), Пьер Безухов – масик (наследник всего; добрячок), а Базаров – нефор (длинные волосы, странно одевается, отрицает все, «тупые предки»).

Популярность подобных творческих практик, как бы мы ни относились к качеству их результатов, показывает, что школьники в целом не хуже, чем их предшественники, справляются с задачей превращения чтения в развлечение. Подростки стремились и стремятся осовременить пройденный и прочитанный материал, чтобы обнаружить, что многое из далекого прошлого узнаваемо. Широкое распространение контента фандома при всей его наивности и неумелости дает понять, что авторы фандома признают универсальность описываемых в классике человеческих типажей, встраивают их в свою картину мира, наделив понятными современными ярлыками. Они описывают мир классических текстов на сниженном языке, смеются над своим положением страдальцев, перекормленных не интересными им проблемами. Они же не без иронии подмечают, как с возрастом и опытом меняется их отношение к содержанию классических текстов. Картинка с милым котенком, плачущим от пушкинских строк «Я вас любил...», озаглавлена «Я в 13 лет».

Возвращаясь к мнению о том, что школьники не способны понять классическую литературу, в фандомном контенте несложно заметить, что она не остается совсем уж непонятой. Авторы руслита взаимодействуют с литературным материалом, как умеют, выражают свои эмоции, преодолевают недостаток визуального сопроводительного материала и убедительных (для них) объяснений, почему русская классика – это литература о вечных человеческих проблемах.

Заключение

В современных условиях при изобилии легких увлекательных «жизненных» «дофаминовых» текстов все сложнее объяснять школьникам, в чем смысл чтения сложной и объемной классической литературы, входящей в обязательную школьную программу. События сдаться, согласившись с тем, что классика непонятна и скучна современным школьникам из-за своей неактуальности, помогает преодолеть наблюдение за блог-платформами и социальными сетями. Они показывают, что русская классическая литература обладает своим фандомом, созданным школьниками и студентами, решившими поделиться с аудиторией своим видением прочитанных текстов, создать его интерпретации в различных жанровых формах.

В обществе, где постоянно подчеркивают значимость литературной классики, было бы удивительно, если бы она не проникла в молодежную интернет-среду. Основная функция фандома – создание сообщества и своеобразного «третьего места» [Ольденбург 2018] для тех, кому оно необходимо. Фандомная деятельность способствует социализации участников в группе людей, которые обладают схожими интересами, схожим опытом и схожими проблемами, которые им интереснее решать

¹ Литовская Е. В. Литературные «эстетики» в помощь школьникам // Филологический класс. 2021. Т. 26, № 4. С. 291–301.

внутри своей группы без наблюдения институциональных авторитетов (родителей и учителей). Будучи свободными от необходимости читать «как надо», внутри фандома люди читают, как хотят, обсуждают то, что хотят, и делятся своим мнением, которое не вписывается в рамки школьной программы. Для подростков это пространство, где можно говорить о классике и ее изучении, развлекаясь и фантазируя, а не так, как требуют на занятиях.

Кроме формирования воображаемого сообщества по интересам и проявления своих креативных способностей, фандомные авторы по-своему стараются ответить на вопрос о том, актуальна ли классика в XXI веке. Они, как умеют, приближают к себе героев и их создателей, проводят аналогии с современностью, таким образом обнаруживая, что классика все еще вписывается в современный известный им мир.

С точки зрения взрослых профессиональных читателей, способы осовременивания в фандоме кажутся наивными, прямолинейными, грубыми, странными и даже ненужными, но стоит отметить, что они являются устойчивыми. У современных подростков классика вызывает отклик, похожий на те же формы, что были у предшествующих поколений. Если не учитывать новые технические возможности, все способы любительских интерпретаций, зафиксированные в соцсетях, встречались и до эпохи Интернета, потому что учащиеся, в том числе поневоле заинтересованные в литературе, редко ограничивали себя и свои креативные способности написанием школьных сочинений на заданную тему или обсуждением прочитанного с преподавателем.

Фактически (снова воспользуемся терминологией Ролана Барта) при обсуждении любительского фандомного контента в соцсетях мы имеем дело с чтением для удовольствия, свободным и от фигуры автора, и от рамки институциональной интерпретации. Обращаться к ним или нет – это выбор каждого отдельного креатора, каждого комментатора и каждого молчаливого участника фандома. При всей разнице установок создателей контента, они занимают позиции непрофессиональных откровенных читателей, любителей неожиданных аналогий, шутников со своей точкой зрения, для которых текст – способ рассказать о себе.

Горячие обсуждения текстов внутри фандома для произведений массовой культуры стали успешным способом поддержания интереса аудитории. Школьная классика не нуждается в особых

маркетинговых усилиях: литературные тексты давно заняли свои места в пантеоне, тексты интерпретационные также заняли свое место среди «скучных» «педагогических» «общих мест».

Канон *руслита* устойчив не только в рамках фандома, поэтому фандому не приходится защищать любимые тексты от нападков со стороны тех, кто не считает их достойными внимания. В *руслит*-фандоме нет критики образовательных институтов, призывов изменять учебные программы, школьные списки чтения и темы сочинений для экзаменов. *Руслит* не обороняется и не нападает, но констатирует неприкосновенность статуса классических текстов. Участники фандома открыто выбирают их в качестве вдохновляющей отправной точки для создания собственного креативного продукта и актуализируют, перенося действие в понятный воспринимающему современному социокультурный контекст.

Видимой целью формирования контента *руслита* является присвоение общеизвестных по школьным урокам текста или образа классика через их утрированное, нередко юмористическое изображение с прагматической целью развлечения аудитории и привлечения ее в фандом. Менее явной целью такого типа сотворчества можно считать попытку описания автором опыта собственного прочтения классического текста, основанного на свободном от рутинных образовательных практик обращении с классикой.

Если фандом живой (а *руслит*, несмотря на трудности с перемещениями с площадки на площадку, постоянной ротацией авторов и техническими сложностями в продвижении контента, живой!), контент производится и множится, значит, он актуален и для авторов-читателей, и для потребителей информации о школьной классике. Это позволяет *руслит*-фандому быть важной, к тому же наиболее молодой частью книжного онлайн-сообщества.

Наконец, обращение к динамически развивающемуся корпусу разножанровых текстов *руслит*-фандома дает возможность впервые в истории преподавания литературы в школе узнать непосредственно от многочисленных «нечитающих» подростков, скованных обязательствами перед ЕГЭ, что для них в классической литературе и ее взрослых интерпретациях является непонятным и нуждающимся в комментировании, что отвергается, становится предметом иронии, а что вызывает интерес.

Литература

- Барт, Р. Смерть автора / Р. Барт // Избранные работы: Семиотика: Поэтика. – М. : Прогресс, 1989. – С. 384–391.
- Боева, Г. Н. «Альтернативный Леонид Андреев»: рецепция творчества писателя фикрайтерами / Г. Н. Боева // Гуманитарная парадигма. – 2021. – № 2 (17). – С. 64–72.
- Быховская, И. М. «Фандомное творчество»: креатив масс в эпоху тотальной креативности / И. М. Быховская, И. Ю. Люлевич, Д. В. Дзигца // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». – 2021. – № 9, ч. 2. – С. 277–289.
- Гудкова, С. П. Особенности рецепции «онегинского текста» в литературном процессе XXI в. / С. П. Гудкова, А. М. Раужина // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2024. – Т. 17, выпуск 2. – С. 527–532.

- Дроздова, А. О. Русская классика в онлайн-сообществах читателей / А. О. Дроздова, В. В. Петров // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. – 2020. – Т. 12, вып. 2. – С. 90–99.
- Дроздова, А. О. Нарративные интерпретации романа А. С. Пушкина «Евгений Онегин» в русском фанатском сообществе / А. О. Дроздова, В. В. Петров // Уральский филологический вестник. Серия: Драфт: молодая наука. – 2018. – № 5. – С. 148–160.
- Жвалевский, А. Как защитить классиков / А. Жвалевский, Е. Пастернак // Детские чтения. – 2014. – Т. 5, № 1. – С. 237–243.
- Клейн, Л. Бесполезная классика: Почему художественная литература лучше учебников по управлению / Л. Клейн. – М. : Альпина Паблицер, 2021. – 212 с.
- Круглый стол «Жива ли “вечно живая классика” и созвучна ли ей современная литература?» в Ярославском государственном педагогическом университете им. К. Д. Ушинского // Литература в школе. – 2017. – № 2. – С. 25–42.
- Курицын, В. Главная русская книга. О «Войне и мире» Л. Н. Толстого / В. Курицын. – М. : Время, 2024. – 400 с.
- Кутейникова, Н. Е. Спорные вопросы детского досугового чтения: массовая литература и книжные интернет-проекты в кругу детского чтения / Н. Е. Кутейникова, В. П. Чудинова // Литература в школе. – 2014. – № 3. – С. 35–39.
- Лев Толстой. Война и мир: подробный иллюстрированный путеводитель / сост. В. П. Бутромеев. – М. : Проспект, 2025. – 256 с.
- Литературная матрица: учебник, написанный писателями. Том 1 / сост. В. Левенталь, С. Друговейко-Должанская, П. Крусанов. – СПб. : Лимбус-Пресс, 2010. – 720 с.
- Литовская, М. А. Приобщение и наказание: памятник литератору в провинциальном городе / М. А. Литовская // Антропологический форум. – 2011. – № 15. – С. 268–287.
- Мирошниченко, А. А. Адаптация медиа: Взрывное освобождение авторства, вирусный редактор Интернета и смерть газет / А. А. Мирошниченко // Социологический журнал. – 2011. – № 3. – С. 71–87.
- Ольденбург, Р. Третье место: кафе, кофейни, книжные магазины, бары, салоны красоты и другие места «тусовок» как фундамент сообщества / Р. Ольденбург ; пер. с англ. А. Широкановой. – М. : Новое литературное обозрение, 2014. – 456 с.
- Рогачева, Н. А. Алгоритмы интерпретации романа Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» в русскоязычных и англоязычных сообществах фикрайтеров / Н. А. Рогачева, О. А. Дроздова, В. В. Петров // Культура и текст. – 2019. – № 2 (37). – С. 130–143.
- Романенко, К. Р. Трансформация канона, борьба с канонами, пересоздание канона как основания культуры фанфикшна / К. Р. Романенко // Философия. Журнал Высшей школы экономики. – 2022. – Т. 6, № 2. – С. 168–188.
- Самутина, Н. В. Великие читательницы / Н. В. Самутина // Социологическое обозрение. – 2013. – Т. 12, № 3. – С. 137–194.
- Сухих, И. Н. Русская литература для всех. От Гоголя до Чехова. Классное чтение! / И. Н. Сухих. – СПб. : Азбука, 2024. – 544 с.
- Тимошенко, Е. К. Стратегии российского фанфикшна по роману Л. Н. Толстого «Война и мир» / Е. К. Тимошенко // Вестник Удмуртского университета. Серия «История и филология». – 2015. – Т. 25, вып. 7. – С. 89–94.
- Четина, Е. М. Фандомы и фанфики: креативные практики на виртуальных платформах / Е. М. Четина, Е. А. Ключикова // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. – 2015. – Т. 7, № 3 (31). – С. 95–104.
- Чудинова, В. П. Сетевые сообщества юных читателей и библиотекари: Проблемы и задачи для специалистов (по результатам исследования) / В. П. Чудинова, Л. Н. Косенко, А. И. Михайлова // Школьная библиотека. – 2009. – № 3. – С. 54–60.
- Horowitch, R. The Elite College Students Who Can't Read Books / R. Horowitch. – Text : electronic // The Atlantic. – 2024, October 1. – URL: <https://www.theatlantic.com/magazine/archive/2024/11/the-elite-college-students-who-cant-read-books/679945/> (mode of access: 20.10.2024).
- Jenkins, H. Textual Poachers: Television Fans and Participatory Culture / H. Jenkins. – New York : Routledge, 1992. – 343 p.
- Jenkins, H. Convergence Culture: Where Old and New Media Collide / H. Jenkins. – New York : New York University Press, 2006. – 336 p.
- Marsh, K. Why Kids Aren't Falling in Love with Reading / K. Marsh. – Text : electronic // The Atlantic. – 2023, March 22. – URL: <https://www.theatlantic.com/books/archive/2023/03/children-reading-books-english-middle-grade/673457/> (mode of access: 20.10.2024).

References

- Barthes, R. (1989). Smert' avtora [The Death of the Author]. In *Izbrannye raboty: Semiotika: Poetika*. Moscow, Progress, pp. 384–391.

- Boeva, G. N. (2021). «Al'ternativnyi Leonid Andreev»: retseptsiya tvorchestva pisatelya fikraiterami ["Alternative Leonid Andreev": Reception of the Writer's Creativity by Fanfiction Writers]. In *Gumanitarnaya paradigma*. No. 2 (17), pp. 64–72.
- Bykhovskaya, I. M., Lyulevich, I. Yu., Dzigtsa, D. V. (2021). «Fandomnoe tvorchestvo»: kreativ mass v epokhu total'noi kreativnosti ["Fandom Creativity": Creativity of the Masses in the Era of Total Creativity]. In *Vestnik RGGU. Seriya «Literaturovedenie. Yazykoznanie. Kul'turologiya»*. No. 9. Part 2, pp. 277–289.
- Chetina, E. M., Klyuikova, E. A. (2015). Fandomy i fanfiki: kreativnye praktiki na virtual'nykh platformakh [Fandoms and Fan Fiction: Creative Practices on Virtual Platforms]. In *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiiskaya i zarubezhnaya filologiya*. Vol. 7. No. 3 (31), pp. 95–104.
- Chudinova, V. P., Kosenko, L. N., Mikhailova, A. I. (2009). Setevye soobshchestva yunyh chitatelei i bibliotekari: Problemy i zadachi dlya spetsialistov (po rezul'tatam issledovaniya) [Online Communities of Young Readers and Librarians: Problems and Tasks for Specialists (Based on Research Results)]. In *Shkol'naya biblioteka*. No. 3, pp. 54–60.
- Drozdova, A. O., Petrov, V. V. (2018). Narrativnye interpretatsii romana A. S. Pushkina «Evgenii Onegin» v russkom fanatskom soobshchestve [Narrative Interpretations of the Novel by A. S. Pushkin "Eugene Onegin" in the Russian Fan Community]. In *Ural'skii filologicheskii vestnik. Seriya: Draft. molodaya nauka*. No. 5, pp. 148–160.
- Drozdova, A. O., Petrov, V. V. (2020). Russkaya klassika v onlain-soobshchestvakh chitatelei [Russian Classics in Online Communities of Readers]. In *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiiskaya i zarubezhnaya filologiya*. Vol. 12. Issue 2, pp. 90–99.
- Gudkova, S. P., Rauzhina, A. M. (2024). Osobennosti retseptsii «oneginskogo teksta» v literaturnom protsesse XXI v. [Features of the Reception of the "Onegin Text" in the Literary Process of the 21st Century]. In *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. Vol. 17. Issue 2, pp. 527–532.
- Horowitch, R. (2024). The Elite College Students Who Can't Read Books. In *The Atlantic*. URL: <https://www.theatlantic.com/magazine/archive/2024/11/the-elite-college-students-who-cant-read-books/679945/> (mode of access: 20.10.2024).
- Jenkins, H. (1992). *Textual Poachers: Television Fans and Participatory Culture*. New York, Routledge. 343 p.
- Jenkins, H. (2006). *Convergence Culture: Where Old and New Media Collide*. New York, New York University Press. 336 p.
- Klein, L. (2021). *Bespoleznaya klassika: Pochemu khudozhestvennaya literatura luchshe uchebnikov po upravleniyu* [Useless Classics: Why Fiction is Better than Management Textbooks]. Moscow, Al'pina Publisher. 212 p.
- Kruglyi stol «Zhiva li "vechno zhivaya klassika" i sozvuchna li ei sovremennaya literatura?» v Yaroslavskom gosudarstvennom pedagogicheskom universitete im. K. D. Ushinskogo [Round Table "Is the 'Eternally Living Classics' Alive and is Modern Literature in Tune with It?" at the Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky]. (2017). In *Literatura v shkole*. No. 2, pp. 25–42.
- Kuritsyn, V. (2024). *Glavnaya russkaya kniga. O «Voine i mire» L. N. Tolstogo* [The Main Russian Book. About L. N. Tolstoy's "War and Peace"]. Moscow, Vremya. 400 p.
- Kuteinikova, N. E., Chudinova, V. P. (2014). Spornye voprosy detskogo dosugovogo chteniya: massovaya literatura i knizhnye internet-proekty v krughe detskogo chteniya [Controversial Issues of Children's Leisure Reading: Mass Literature and Book Internet Projects in the Circle of Children's Reading]. In *Literatura v shkole*. No. 3, pp. 35–39.
- Lev Tolstoi. *Voina i mir: podrobnyi illyustrirovannyi putevoditel'* [Leo Tolstoy. War and Peace: A Comprehensive Illustrated Guide]. (2025). Moscow, Prospekt. 256 p.
- Literaturnaya matritsa: uchebnik, napisannyi pisatelyami* [Literary Matrix: A Textbook Written by Writers]. Vol. 1. (2010). Saint Petersburg, Limbus-Press. 720 p.
- Litovskaya, M. A. (2011). Priobshchenie i nakazanie: pamyatnik literatoru v provintsial'nom gorode [Inclusion and Punishment: A Monument to a Writer in a Provincial Town]. In *Antropologicheskii forum*. No. 15, pp. 268–287.
- Marsh, K. (2023). Why Kids Aren't Falling in Love with Reading. In *The Atlantic*. URL: <https://www.theatlantic.com/books/archive/2023/03/children-reading-books-english-middle-grade/673457/> (mode of access: 20.10.2024).
- Miroshnichenko, A. A. (2011). Adaptatsiya media: Vzryvnoe osvobozhdenie avtorstva, virusnyi redaktor Interneta i smert' gazet [Media Adaptation: Explosive Liberation of Authorship, Viral Internet Editor and the Death of Newspapers]. In *Sotsiologicheskii zhurnal*. No. 3, pp. 71–87.
- Oldenburg, R. (2014). *Tret'e mesto: kafe, kofeini, knizhnye magaziny, bary, salony krasoty i drugie mesta «tusovok» kak fundament soobshchestva* [The Great Good Place: Cafes, Coffee Shops, Bookstores, Bars, Hair Salons, and Other Hangouts as the Heart of a Community]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. 456 p.
- Rogacheva, N. A., Drozdova, O. A., Petrov, V. V. (2019). Algoritmy interpretatsii romana F. M. Dostoevskogo «Prestuplenie i nakazanie» v russkoyazychnykh i angloyazychnykh soobshchestvakh fikraiterov [Algorithms for Interpreting F. M. Dostoevsky's Novel "Crime and Punishment" in Russian-speaking and English-speaking Communities of Fanfiction Writers]. In *Kul'tura i tekst*. No. 2 (37), pp. 130–143.
- Romanenko, K. R. (2022). Transformatsiya kanona, bor'ba s kanonom, peresozdanie kanona kak osnovaniya kul'tury fanfikshna [Transformation of the Canon, the Fight Against the Canon, the Recreation of the Canon as the Basis of Fan Fiction Culture]. In *Filosofiya. Zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki*. Vol. 6. No. 2, pp. 168–188.
- Samutina, N. V. (2013). Velikie chitatei'nitsy [Great Readers]. In *Sotsiologicheskoe obozrenie*. Vol. 12. No. 3, pp. 137–194.
- Sukhikh, I. N. (2024). *Russkaya literatura dlya vsekh. Ot Gogolya do Chekhova. Klassnoe chtenie!* [Russian Literature for Everyone. From Gogol to Chekhov. Reading in Class!]. Saint Petersburg, Azbuka. 544 p.

Timoshenko, E. K. (2015). Strategii rossiiskogo fanfikshena po romanu L. N. Tolstogo «Voina i mir» [Strategies of Russian fan Fiction Based on L. N. Tolstoy's Novel "War and Peace"]. In *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya «Istoriya i filologiya»*. Vol. 25. Issue 7, pp. 89–94.

Zhvaleyevsky, A., Pasternak, E. (2014). Kak zashchitit' klassikov [How to Protect the Classics]. In *Detskie chteniya*. Vol. 5. No. 1, pp. 237–243.

Данные об авторах

Литовская Елизавета Владимировна – кандидат филологических наук, ассистент-профессор департамента иностранных языков и литератур, Национальный университет Тайваня (Тайбей, Тайвань).

Адрес: 1 Section 4, Roosevelt Road, Taipei, Taiwan 106.

E-mail: elizabethliter@gmail.com.

Литовская Мария Аркадьевна – доктор филологических наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина (Екатеринбург, Россия).

Адрес: 620000, Россия, г. Екатеринбург, пр-т Ленина, 51.

E-mail: marialiter@gmail.com.

Authors' information

Litovskaia Elizaveta Vladimirovna – Candidate of Philology, Assistant Professor of Department of Foreign Languages and Literatures, National Taiwan University (Taipei, Taiwan).

Litovskaya Maria Arkadievna – Doctor of Philology, Professor of Department of Russian and Foreign Literature, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin (Ekaterinburg, Russia).

Дата поступления: 14.11.2024; дата публикации: 28.12.2024

Date of receipt: 14.11.2024; date of publication: 28.12.2024

УДК 821.161.1-93. DOI: 10.26170/2071-2405-2024-29-4-67-76. ББК Ш383(2Рос=Рус)-4.
ГРНТИ 17.07.29. Код ВАК 5.9.3

ДИАЛОГ СО «ШКОЛЬНЫМ КАНОНОМ» В СОВРЕМЕННОЙ ПОДРОСТКОВОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Черняк М. А.

Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена
(Санкт-Петербург, Россия)

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-9291-1781>

SPIN-код: 4364-6689

А н н о т а ц и я . В статье представлены разные варианты диалога с классическим текстом в современной литературе для подростков. Используя классику в разнообразных авторских стратегиях, современная подростковая литература становится инструментом интерпретации и «оживления» канона. Тексты Нины Дашевской, Андрея Жвалевского и Евгении Пастернак, Алексея Олейникова, Елены Клишиной, Юлии Яковлевой и др. в их жанровом многообразии (ремейк, графический роман, фанфик, сиквел) дают возможность ответить на вопрос о современном статусе классики и ее меняющихся функциях. Ситуация читательского кризиса и кризиса литературного образования объясняет многолетние научные и педагогические дискуссии о пересмотре классического канона и его места в школьной программе по литературе. Подростковая литература становится важным маркером происходящего в современном литературном поле: именно здесь происходят новые попытки осмысления, присвоения и комментирования классики. Современная детская литература с ее разнообразным жанровым и тематическим репертуаром оказывается для читателя не только территорией самостоятельной интерпретации, но и пространством новых способов взаимодействия с писателем. В статье представлены эксклюзивные интервью с современными детскими писателями по теме исследования. Автором сделаны выводы о том, что если взрослая литература демонстрирует тенденции упрощения и пародирования классического текста для массового читателя, то подростковая литература, апробирующая разные форматы игры с текстами школьной программы по литературе, является своеобразным «проводником» в мир классической литературы.

К л ю ч е в ы е с л о в а : современная детская литература; массовая литература; классика; школьный канон

Для цитирования: Черняк, М. А. Диалог со «школьным канонам» в современной подростковой литературе / М. А. Черняк. – Текст : непосредственный // Филологический класс. – 2024. – Т. 29, № 4. – С. 67–76. – DOI: 10.26170/2071-2405-2024-29-4-67-76.

DIALOGUE WITH THE “SCHOOL CANON” IN MODERN TEEN LITERATURE

Maria A. Chernyak

Herzen State Pedagogical University of Russia (Saint Petersburg, Russia)

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-9291-1781>

Abstract. This paper presents different variants of dialogue with the classical text in modern literature for teenagers. Using literary classics in various authorial strategies, modern teen literature becomes an instrument for interpretation and “revival” of the canon. The works by Nina Dashevskaya, Andrey Zhvalevsky and Evgeniya Pasternak, Aleksey Oleynikov, Elena Klishina, Yuliya Yakovleva, etc. in their variety of genres (remake, graphic novel, fan fiction, sequel) provide an opportunity to answer the question of the modern status of classics and their changing functions. The situation of the reader’s crisis and the crisis of literary education explains the long-term scientific and pedagogical discussions about the revision of the classical canon and its place in the school literature curriculum. Teen literature is becoming an indicator of what is happening in modern literature: new attempts to comprehend, acquire and comment on literary classics are taking place here. Modern children’s literature and its diverse genre and thematic repertoire turn out to be for the reader not only a territory of independent interpretation, but also a space of new ways of interacting with the writer. The article presents exclusive interviews with contemporary children’s writers on the topic under investigation. The author concludes that if adult literature demonstrates trends of simplifying and parodying classical text for the general reader, the teen literature, testing different formats of playing with the texts of the school literature curriculum, is a kind of “guide” across the world of classical literature.

Key words: modern children’s literature; mass literature; classics; school canon

For citation: Chernyak, M. A. (2024). Dialogue with the “School Canon” in Modern Teen Literature. In *Philological Class*. Vol. 29. No. 4, pp. 67–76. DOI: 10.26170/2071-2405-2024-29-4-67-76.

Постановка проблемы

Проблема диалога классики и современной массовой литературы не раз становилась темой дискуссий междисциплинарного научного проекта «Культ-товары: феномен массовой литературы современной России»¹. Предметом исследования

России» (Санкт-Петербург, 2008), «Культ-товары-XXI: ревизия ценностей (масскультура и ее потребители)» (Екатеринбург, 2012); «Топография популярной культуры» (Тампере, Финляндия, 2013); «Патриотизм, гражданственность, национализм: политические концепты в современной массовой культуре» (Пермь, 2015); «Культ-товары: массовая литература современной России между буквой и цифрой» (Санкт-Петербург 2017); «Культ-товары: коммерциализация истории в массовой культуре / литературе» (Болонья, Италия, 2019); «Культ-товары. Массо-

¹ «Культ-товары: феномен массовой литературы в современной

участников проекта являются культурные феномены, жанры, литературные и медиатексты, которые, согласно любимым статистическим опросам, наиболее популярны у читателей и, следовательно, оказывают несомненное влияние на формирование идеалов, ролевых моделей, социально-культурных убеждений и предубеждений значительной части читателей.

Писатели-классики, по словам Д. С. Мережковского, «вечные спутники человечества», не раз становились объектом разнообразного диалога. Несмотря на дискуссии о том, остается ли Россия и в настоящее время литературоцентричной страной и является ли классика морально и идеологически безупречной, нельзя не признать, что классическая литература продолжает быть важнейшей, если не стержневой, составляющей национальной идентичности. Массовая культура использует классику чрезвычайно многообразно и с различными целями. Но отношения классики и популярной культуры не являются однонаправленными. В этом контексте важно вспомнить утверждение У. Эко о том, что для постмодерна и массовой литературы понятия повторения и воспроизведения являются ключевыми [Эко 1996: 52]. Вся культура в контексте этой теории может быть представлена как огромная гипертекстовая структура, каждое последующее повторение – рефлексия по поводу предшествующей культурной традиции, продолжение и завершение ее на другом уровне. Используя классику в своих целях, массовая культура становится инструментом интерпретации и «оживления» канона.

При обостряющейся неблагоприятной для бытования классики социокультурной ситуации, при которой, по словам В. Е. Хализева, происходит, с одной стороны, «авангардистское небрежение культурным наследием и произвольная, искажающая модернизация прославленных творений – их прямолинейное осовременивание», а с другой – «омертвляющая канонизация, оказывание, догматическая схематизация авторитетных произведений как воплощений окончательных и абсолютных истин» [Хализев 2009: 362], «нормой» отношения к классике становится «неимперативное, свободное признание ее авторитета, которое не исключает несогласия, критического отношения, спора» [Там же].

Ситуация читательского кризиса и кризиса литературного образования объясняет многолетние научные и педагогические дискуссии о пересмотре классического канона и его места в школьной программе по литературе¹. Подростковая ли-

тература² становится важным маркером происходящего в современном литературном поле, именно здесь происходят новые игры с классикой, новые попытки ее осмысления, новые попытки ее присвоения, новые попытки ее комментирования.

Используемые методы и аналитические подходы

Обращение современных писателей к классическим образцам – это эксплуатация «сильных» (У. Эко) текстов-архетипов или стремление к сохранению ценностных ориентаций национального канона? Такой диалог с классикой обеспечивает эффект «узнавания» канона или эффект повышения статуса произведения за счет «высокой» культуры? Становится ли использование классики в популярной культуре средством ее популяризации или оборачивается постепенным разрушением, десемантизацией первоначальных смыслов? Эти методологически значимые вопросы становятся предметом научных дискуссий последних лет³. Для этой статьи методологически значимыми являются концепции «культуры соучастия» Г. Дженкинса, междисциплинарные исследования массовой культуры, детской литературы, социологии литературы.

Если исходить из выделения Б. В. Дубиним двух режимов существования классического образца: «его учреждение (признание, удостоверение, награждение) и поддержание (репродукция, передача через пространство и время, через социальные и культурные границы – поколения, языки)» [Дубин 2010а: 19], то можно предположить явный сбой в режиме «поддержания». И прежде всего он связан с тем, что современный юный читатель не воспринимает классический текст или воспринимает его с большими сложностями.

Литература всегда обнаруживала склонность к созданию вторичных текстов (фанфикш, сиквелы, ремейки, приквелы, адаптированные пересказы, комиксы и др.), в которых заимствуются названия, имитируются стиль, жанр произведений предшественников. Такие тексты-спутники облегчают диалог с классическим текстом не только массовому читателю, но и читателю неискушенному – подростку. Исследователи детской литературы, библиотекари и школьные учителя не раз отмечали устойчивый интерес читателей подросткового возраста к жанровой литературе (фантастика, фэнтези, приключения, антиутопии, детективы и др.). Так, например, Ю. В. Булдакова, анализируя большой корпус отечественного фанфикшена, утверждает, что «вследствие влияния массовой культуры читатель в классическом художественном тексте видит насыщенную событийность, лю-

вая культура в современной России: конструирование миров, умножение серий» (Гродно, Беларусь, 2020); «Культ-товары: Локальное как ресурс современной массовой культуры» (Иваново, Россия, 2022); «Культ-товары: Русская классическая литература как ресурс для современной массовой российской культуры» (Ясная Поляна, Россия, 2024). Постоянный Оргкомитет проекта: М. П. Абашева, М. А. Литовская, И. Л. Савкина, М. А. Черняк.

¹ Интересные ракурсы этой темы представлены в монографии: Русская классика в диалоге с современностью: модели взаимодействия: монография / В. А. Доманский, О. Б. Кафанова,

Н. А. Миронова, Н. А. Попова. М.: Флинта, 2022. 498 с.

² Нужно оговорить, что понятие «подростковая литература» используется сознательно. Важно подчеркнуть, что оно естественно входит в более широкие понятия «детская литература», «современная детская литература», «новейшая детская литература» и т. д. и обозначает возраст читателей.

³ Эти вопросы обсуждались на конференции «Культ-товары: русская классическая литература как ресурс для современной массовой культуры» (16–20 мая 2024, Музей-усадьба Л. Н. Толстого «Ясная Поляна»).

бовно-авантюрный сюжет, экстенсивное развитие пластичного образа, экспрессивность и драматичность. Именно событийный уровень текста, жанровая формула фэнтези и романтизированный герой воспринимаются читателем как ключевые точки, связывающие текст фанфикшн с источником, и именно они становятся кодом, с помощью которого в читательском творчестве переосмысливается классический текст¹.

Говоря об изменении отношения к классике у современных подростков, нельзя не учитывать тот факт, о котором пишет культуролог М. Ю. Гудова: в условиях постграмотности тексты культуры приобретают новые качества, «становятся мультимедийными, полиморфными, гипертекстами, а чтение – не только книжным, газетно-журнальным, но и наряду с этим экранным и мобильным, мультимедийным, интерактивным» [Гудова 2015: 132–133]. Современные читательские практики стремительно изменяются, читатель, особенно молодой, осуществляет функцию не только «свободного дрейфа-выбора текстов для чтения и их интерпретации, но и деконструкцию оппозиции автор – читатель в отношении к тексту, самостоятельно и творчески осуществляет функцию конструирования текстов, их комментирования, редактирования и наделения смыслом» [Там же].

Массовая культура наиболее показательно работает с классическим наследием, она его присваивает и демонстрирует разнообразные варианты этого присвоения. Достаточно репрезентативно эти маршруты представлены в современной литературе для подростков.

Исследование

Решающую роль в формировании литературного канона и пантеона художественных произведений играет школьная программа, которая с каждым годом приходит во все большее противоречие с действительным кругом чтения подростков. Интерес к классическим произведениям у современных школьников значительно ослабевает. С одной стороны, по мнению Б. В. Дубина, классика в школе становится «практически единственным средством собственно литературной социализации – усвоения ядерных значений литературной культуры и установленных способов оперирования ими (норм рецепции, оценки и обсуждения литературы)» [Дубин 2010b: 21]. С другой стороны, нельзя не учитывать тот факт, что современные подростки являются самой неподготовленной и наивной частью читательской аудитории.

М. Г. Павловец, всесторонне анализируя школьный канон, ссылается на мнение немецкого ученого Р. Кюнцли, полагающего, что школьный канон носит секундарный характер по отношению к примарному культурному канону, являясь функциональным, пропедевтическим извлечением из него, чья функция – «обеспечивать совместное уча-

стие разных поколений в культурной жизни, служить основным компонентом культурной инициации» [Павловец 2016].

Школьный канон не раз становился предметом профессионального внимания серьезных литературоведов и социологов литературы. Так, С. С. Аверинцев заметил как-то, что «ценностям высокой классики очень идет быть школьными ценностями», и пояснил, почему: «Для чего хороша непреложность, отчетливая данность отношения к авторитету, заставляющему себя слушаться одним своим присутствием, так это, конечно, для школы» [Аверинцев 1982: 195]. «В школе для классиков все оценки предписаны и обсуждению не подлежат, а за стенами школы для современности допускаются споры и выяснения» [Гаспаров 2012: 159], – рассуждал об этой проблеме М. Л. Гаспаров. В этом контексте теоретически значимыми становятся слова и Б. Дубина о том, что в «развитом массовом обществе основополагающая роль классики в культуре, ценность литературы и нормы интерпретации этой ценности, отрефлексированные и манифестированные в эпоху модерна, перестают работать в прежнем масштабе, функциональном смысле и режиме усилиями прежних агентов. Сказанное не означает, что классики как принципа оценки и классики как корпуса образцовых авторов и текстов больше нет, а предполагает, что она уходит на другие уровни социума, меняет не только роль, но и облик, выдвигает иных носителей. Так или иначе искать ее (как и культуру, личность, историю, высокое – оборву перечень проблем и достижений модерна, который можно продолжать) приходится теперь в “другом”» [Дубин 2010b: 38]. Это *другое* и есть разнообразно представленный в современной литературе для подростков диалог с классикой.

Все чаще среди исследователей и специалистов звучит мнение о том, что новейшая детская и подростковая литература могла бы стать своеобразным проводником в мир классической литературы и средой формирования современных читательских практик и функциональной грамотности. Если взрослая литература демонстрирует тенденцию пародирования классики, упрощения классического текста для массового читателя, развития классической традиции на новом этапе литературного процесса и в новой системе координат, то детская и подростковая литература скорее является проводником, «мостиком» в мир литературы классической. Стратегия писателей подростковой литературы такова, что зачастую они используют в текстах так называемые «пасхалки». Этот термин впервые появился в индустрии компьютерных игр и означал «секретные послания», которые можно найти, лишь усердно исследуя игру. Именно «пасхалки» стали популярны в современной массовой культуре и, в частности, в массовой литературе, к которой тяготеет подростковая литература. Процесс поиска «пасхалок» оказался очень созвучен клиповому мышлению современных потребителей информации в эпоху расцвета массовой культуры, популярности сериалов и социальных сетей. Под-

¹ Булдакова Ю. В. Восприятие текста классического поэтического произведения читателями фанфикшн // Филологический класс. 2020. Т. 25, № 3. С. 135.

ростковая литература реализует движение не от сложного (как построена вся школьная программа по литературе), а к простому, узнаваемому. Диалог с классикой через ремейк, через сиквел, через систему вторичных текстов и пытается найти путь от нечтения к чтению.

Современная детская литература с ее разнообразным жанровым репертуаром оказывается для читателя не только территорией самостоятельной интерпретации, но и пространством новых горизонтальных, партиципаторных способов взаимодействия с создателем книги. Возникает «культура соучастия», о которой социолог Н. Самутина писала, что у нее есть «продуктивный преобразующий потенциал, их способность по-своему преодолевать национальные и культурные границы и влиять на развитие глобальных явлений в локальных контекстах даже тогда, когда национальные культурные индустрии, включая рынок массовой продукции, по каким-то причинам не способны выполнить эту задачу должным образом» [Самутина 2022: 187].

Однако важно учитывать, что необходимым условием развития социогуманитарного знания считается процесс непрерывного перечитывания, переосмысления и переоценки классических текстов. В свете этого различия М. Гаспаров описывал современное отношение к классике следующим образом: «В принципе разницу между классикой и беллетристикой можно определить так: классика – это тексты, рассчитанные на перечтение, беллетристика – на однократное первочтение. Даже если классическое произведение читается лишь один раз, то этому предшествует какая-то предварительная наслышка, а за этим следует если не перечтение, то хотя бы готовность к перечтению. Так вот, культура восприятия классики, культура перечтения в новейшее время быстро исчезает: отчасти просто из-за умножения числа книг» [Гаспаров 1988: 21]. Показательны ответы подростков на вопросы, предложенные редакцией сайта о детском чтении «Папмамбук», об их отношениях со школьной классикой: «Вообще, когда про книгу говорят “классика”, у меня это сразу вызывает настороженность и подозрение. Кажется, что это какая-то скука, которую читали “сто лет назад”, а сейчас даже и не поймешь, о чем она. И порой бывает очень трудно преодолеть это предубеждение» (Варвара Кузнецова, 13 лет, г. Москва); «произведения из школьной программы чаще всего оставляют равнодушной, не берут за душу и кажутся невероятно скучными. Из включенного в школьную программу я сама почти ничего не стала бы читать» (Катерина Омельницкая, 15 лет, г. Оренбург); «Мне кажется, школьная программа только выиграла бы, появившись в ней произведения о наших ровесниках и современниках, вызывающие отклик, интерес. Отличный пример – книга Эдуарда Веркина “Кусатель ворон”, в которой явно угадываются гоголевские мотивы. Здесь есть долгое путешествие по городам и весям, неприглядная картина запущенных городов, а окружение главного героя – галерея пусть не пороков, но точно не самых приятных качеств. Есть юмор на грани абсурда и абсурд на грани сюрреализма – а некоторые ситуации перекликаются с “Петербуржскими повестями” Гоголя или теми

же “Мертвыми душами”. Но все это современно и узнаваемо – а значит, между книгой и читателем возникает резонанс» (Полина Фурс, 15 лет, г. Москва)¹.

К довольно распространенным культуртрегерским проектам массовой литературы можно отнести и определенный способ диалога с классикой, реализуемый современными детскими писателями, думающими о своем читателе (вынесем здесь за скобки, например, Александра Полярного с его «Мятной сказкой», самой продаваемой книгой 2019 г. («Эксмо-АСТ» с тиражом в 240 000 экземпляров) с девизом «прочитай, забудь и живи, как раньше жил» (выделено мной – М. Ч.). В книгах, о которых будет идти речь, авторская стратегия противоположная.

Показательным примером выстраивания диалога с классикой является книга А. Олейникова «Евгений Онегин. Графический путеводитель» (иллюстрации Н. Яскиной). Присутствие пушкинских строк в «чужих текстах» – одна из ярких черт не только постмодернизма, ориентированного на интертекстуальность и пародию, но и современной детской литературы, которая нередко обращается к образу А. С. Пушкина (В. Ледерман «Ну, Пушкин... ну, погоди!», М. Ионина «Профиль Пушкина», А. Ремез «С чистого листа», К. Бове «Ужель та самая Татьяна?», А. Сахненко «Евгений Онегин. Версия 2.0. Эксперимент в стихах» и др.).

Графический путеводитель «Евгений Онегин» А. Олейникова представляет собой принципиально новый тип преобразования классического романа. В аннотации к книге сказано, что она «раскрывает основные события романа через комикс (Пушкин бы оценил!); мгновенно снимает порчу школьного образования; поддерживает текст классика цитатами его современников, визуальными комментариями, инфографикой, делая культурный код романа доступным и запоминающимся» [Олейников 2022: 5]. Текст путеводителя у А. Олейникова превращается в гипертекст с множеством внутренних ссылок. Писатель в своем интервью «Лаборатории ДЕТИТ» отмечает: «Здесь объединены сразу несколько видов графического нарратива. С одной стороны, здесь есть комикс. И комикс, как отдельный жанр <...>, это именно отдельный вид искусства – тексто-графическое единство, которое имеет право на существование. С другой стороны, здесь присутствует инфографика, где представлены целые информационные развороты»². Такой подход к чтению классического текста современные педагоги считают достаточно продуктивным, отвечающим вызовам цифровой эпохи и определяют инфографику как «визуальную репрезентацию данных» и «целенаправленную

¹ «Я больше люблю читать то, что называется... Слово – авторам подростковой редакции». URL: <https://www.papmambook.ru/articles/5426/?ysclid=m2q8msisy75665119651> (дата обращения: 10.12.2024).

² «Лаборатория ДЕТИТ» – научно-творческое объединение филологического факультет РПУ им. А. И. Герцена (научный руководитель – М. А. Черняк). URL: <https://t.me/DetLitHerzen> (дата обращения: 01.11.2024). Интервью с писателями размещены на странице ресурса.

контекстуальную комбинацию текста и визуальных элементов, организованных и предназначенных для рассказывания визуальной истории» [Сосновская, Малышева, Арсентьева 2023: 223]. Олейников представляет не адаптацию литературного текста в форме комикса, а скорее, попытку синхронизировать текст с эпохой автора и героев произведений, при этом сделать это в доступной для современного читателя форме. Графические путешественники становятся новым социокультурным явлением, в котором классическое произведение тесно переплетается с комментированными отступлениями о структуре текста, эпохе, а также о личности авторов.

Для А. Олейникова диалог с классикой абсолютно естественен в связи с тем, что как практикующий учитель литературы он прекрасно осознает запросы современного юного читателя. Совсем недавно писатель начал работать над серией ретро-детективов о Серебряном веке. Героиня Олейникова – Вера Остроумова, одна из первых женщин-антропологов, окончившая Кембридж и исследующая феномен смерти. Вера оказывается свидетельницей разных преступлений, которые она расследует при помощи своего родного брата, живущего затворником, но ведущего оживленную переписку с европейскими философами начала XX века. Так, первая книга серии «Легкое дыхание» запускает важный в терминологии В. Набокова процесс «перечитывания»¹. Само название текста Олейникова, отсылающее к одноименному рассказу И. Бунина, сразу предельно точно обозначает авторскую стратегию открытого диалога с классикой. Вера Остроумова становится свидетелем убийства Оли Мещерской, героини бунинского рассказа. В своей знаменитой статье о «Легком дыхании» Л. С. Выготский, удивляясь, почему Бунин не сделал из этого сюжета детектив или драму, сам же приходит к выводу о том, что содержание рассказа противоречит форме и что Бунин заставил «житейскую муть звенеть и звенеть, как холдный ветер» [Выготский 1986: 195]. Через сто лет бунинский сюжет иронически отражается в зеркале текстов XXI в., что можно увидеть в следующем фрагменте: «Ужасная история, – сказала Вера. – Любовь, растление, роковые страсти юной девушки. Насильственная смерть.

– Ну разумеется, как же иначе, – доктор налил еще кипятку из сверкающего медалями самовара, на боку которого значилось: Товарищество В. О. Пелевин и сыновья» <...> В смерти Оли Мещерской не было легкости. Там были отчаяние, обреченность и что-то еще сверх того, дьявольская неуловимая доля. Вот за ней Вера и кралась по следу – в отличных итальянских сапогах» [Олейников 2024: 35].

Думается, что рассказ «Легкое дыхание» как претекст выбран А. Олейниковым не случайно. Множественность литературных отсылок в романе, безусловно, отсылает к бунинскому тексту, в

котором, в свою очередь, тоже можно обнаружить большое количество литературных аллюзий и сюжетных переключек с классической прозой, о чем писали многие исследователи Бунина. Не раз упоминали, что фамилия гимназиста Шеншина является аллюзией на А. Фета, а легкое дыхание восходит к известному стихотворению «Шепот, робкое дыханье...», порождая своего рода идилический модус восприятия. В Оле Мещерской видели сходство с Анной Карениной и Настасьей Филипповной, а убийство Оли Мещерской на вокзале во время прибытия поезда и сюжетно переключается с Толстым, что дает возможность прочитывать трагическую историю Оли Мещерской как торжество «высшего нравственного закона», о котором писал Толстой. А кладбищенские мотивы рассказа восходят к «Бедной Лизе» и «Станционному зрителю» [см. об этом: Красоткин 2019].

Графические путешественники и ретро-детективы А. Олейникова, роман-ранобэ (вариант японского комикса) Ю. Яковлевой «Поэты и джентльмены», повесть Н. Дашевской «День числа Пи», отсылающая к пушкинскому «Моцарту и Сальери», пьеса А. Жвалевского и Е. Пастернак «Образ Чацкого скачать бесплатно» и повесть «Смерть мертвым душам», коллективный роман-буриме «Война и мир в отдельно взятой школе» и др. эксперименты писателей XXI в. возникают не случайно, а в полной мере отражают не только тенденции современного литературного процесса, но и актуальные проблемы литературного образования. Однако очевидно некоторое противоречие: специфическая природа школьного литературного дискурса должна опираться прежде всего на классические каноны, являющиеся фундаментом литературного образования, и в то же время методисты не могут игнорировать общий медийный ландшафт и распространение новых медиаформ в культуре. «Следовательно, – полагают методисты – восприятие классической литературы в новых мультимедиа-формах видоизменяется. Развитие цифровых технологий ускорило создание новых художественных произведений и пересказов старых текстов. Многие из этих текстов очевидно отличаются от бумажных книг: они не только вербальны, но также визуальны и аудиальны; они могут существовать в виде полноразмерных версий или быть измельчены на анонимные фрагменты; они могут изменять оригинальный сюжет различными способами и позволяют читателю выбирать» [Гетманская 2024: 107].

Ученые говорят об активной «мемизации» русской национальной культуры, в том числе и классики. Для понимания мема достаточно пересказа, о чем свидетельствует популярность сайта пересказов Брифли². В этом контексте представляется симптоматичной повесть Елены Клишиной «Спойлеры», написанная в стиле кратких содержаний классических произведений. Ученик десятого класса Захар Табашников не читает книги из школьной программы, но через год ему предстоит

¹ В серию еще будут входить романы «Серебряный голубь», «Смерть чиновника» и «Гранатовый браслет».

² URL: <https://briefly.ru/> (дата обращения: 01.11.2024).

сдавать ЕГЭ. И тогда учительница литературы Ольга Леонидовна дает Захару задание на каникулы: прочитать произведения русской классики и вести читательский дневник. Захар заводит блог в социальной сети, который читают и Ольга Леонидовна, и одноклассники Захара, и его мама, а в комментариях к постам возникают острые дискуссии о литературных текстах. Старый формат читательского дневника преобразуется в достаточно популярный сегодня книжный блог, написанный о классике языком современного подростка. Ср.: «Мертвые души» – это типа квест: сначала пройти по помещикам и собрать души, а потом выбраться из города, не прибегая к магии и насилию. И еще сейчас одну вещь скажу, только не ржите: история Чичикова – это такой жизненный трип. Родился человек, занимался всю жизнь какой-то ерундой в надежде поднять бабла, а потом в гремящей карете с закрытыми (ставнями? шторками?) – читай в ящичке – покидает сей бранный мир. Как-то так» [Клишина 2020: 83–84]. Блог героя Клишиной, который своеобразным путем пришел к пониманию классики, вступает в своеобразный диалог с книгой современного книжного блогера Валерия Печейкина «Лекции о русской литературе: от Пушкина до Кафки». Названия глав («Пушкин как гениальный копирайтер», «Гоголь криповый и кринжевый», «Одоевский как мультипотенциал» и др.) в полной мере отражают стиль книги. Ср.: «Почему мы любим Пушкина сегодня? Потому что он кудрявый, а это модно. Какой еще русский писатель был кудрявым? Все, в основном, бородастые. Мы любим Пушкина, потому что он не дожил до бумерского возраста и не стал “душнить”. Рано умер, в возрасте миллениала. Поэтому если зумеры могут себя с кем-то ассоциировать, то с Пушкиным. И на молодежном сленге сегодня «пушка» – это выражение одобрения. Россия никогда не отпустит Пушкина. Он ее сердце и центр. Он соединил в себе все, что после него разъединилось и стало конфликтующими идеологиями. Пушкин был западник и русофил, либерал и патриот, интроверт и экстраверт. Одновременно. Сегодня о Пушкине шутят, что он похож на современного рэпера – был темнокожим, нигде не работал и умер в перестрелке из-за женщины» [Печейкин 2023: 5].

Литературные произведения, о которых шла речь, свидетельствуют о том, что в современной культуре возникает новый тип текстов – «полифонические, сетевые и не-сетевые гипертексты, которые освобождают читателя от созидательной воли автора, его диктата в отношении грамматики языка, наделяющие читателя свободой конструирования текстов и их смыслонаделения» [Гудова 2015: 288]. Чтение на основе таких текстов, представленных в современной культуре, культуролог М. Ю. Гудова называет постграмотным чтением, которое представляет собой социокультурную систему практик извлечения значений и смыслов из совокупности разной природы знаков в мультимедийных сетевых и полиморфных не-сетевых гипертекстах культуры. Эпоха постграмотности – это культурно-исторический отрезок времени, грани-

цей которого стал системный сдвиг социокультурных качеств чтения и, как следствие, качеств субъектов культуры [Там же].

Специфика изучения современной литературы заключается в возможности непосредственного диалога с активными участниками литературного процесса. Анкетирование как важный методологический инструмент социологии литературы, занимающейся всеми институциями, входящими в литературное поле, представляется очень важным для выявления особенностей авторских стратегий в эпоху постграмотности. В связи с этим автором статьи был задан ряд вопросов писателям, каждый из которых в своих произведениях для подростков так или иначе вступал в разнообразные формы диалога с классикой¹. Привожу лишь несколько принципиально значимых ответов:

1. *Может ли детская (подростковая) литература вернуть юного читателя к классике? каким образом?*

– Думаю, «возвратить к классике» – не совсем верно, потому что это не возвращение, а движение вперед. Через современную литературу классика воспринимается на новом уровне. Ребенок вправе прочесть книгу, в которой упоминаются классические тексты, делаются отсылки к ним – и не пойти дальше, просто услышать, что такие книги есть. Но кто-то и пойдет дальше, конечно. И обратится к первоисточнику (*Нина Дашевская*).

– Чтение ведь развивает любопытство? Захочется ведь хотя бы полистать «великих»? Столько разговоров! И площадь, и станция метро «Пушкинская», самолет «Бродский»... Если писатель придумает какого-нибудь симпатичного чудака, читающего «Войну и мир» под одеялом с фонариком, то детям захочется на этого чудака походить (*Артур Гиваргизов*).

– Как автор, который написал книгу про Льва Толстого для детей с надеждой на то, что этот текст заинтересует молодую аудиторию творчеством и судьбой Толстого, я скажу: «Да. По крайней мере, хотелось бы верить». Но как скептик и реалист, пожалуй, отвечу: «очень и очень редко. В порядке исключения и по счастливому стечению обстоятельств, например, когда все совпадает: позитивно настроенный ребенок, отличный текст и та классика, которая действительно может пробудить любопытство. Без любопытства не будет вообще никакого движения (*Анастасия Строчкина*).

– Может вернуть к классике путем упоминания интересных гениальных фраз к классическим произведениям, отсылок к ним. Цитирую стихи классиков, особенно для детей помладше. Таким образом те дети, которые еще не знакомы с этими стихами, когда-нибудь вспомнят и найдут их. А те, кто думает, что не любят стихи, могут изменить отношение к ним. Или, как в книге «День глухого Кита», я описываю то, что читают главные герои. Ведь если читателям нравится мой герой, им любопытны его увлечения, его круг интересов.

¹ Выражаю глубокую признательность писателям за участие в опросе.

В книге «Великолепный Веня Венчиков», где Веня встречается с Пушкиным, Лермонтовым, Гоголем, Паустовским, Маяковским и другими классиками, я старалась рассказать о писателях так, чтобы приблизить их к читателю. При этом использовала их настоящие привычки и увлечения, о которых не рассказано в школьных хрестоматиях. Девиз этой книги: «Писатели – это не портреты на стенах» (Кристина Стрельникова).

– Конечно, может, если человек умеет считывать символы и аллегории, понимать, откуда ноги растут у современных персонажей, ловить отсылки и пародии. Тот, кто знает тексты Александра Пушкина, опознает в «Зверском детективе» Анны Старобинец поэта Лисандра Опушкина и сможет сопоставить ритм двух стихотворений, классического и пародийного (Лариса Романовская).

– Если современное детское произведение ассоциативно классическому, если есть параллели или отсылки, то любопытство может побудить читателя заглянуть в первоисточник. Если я говорю, что «Баранчик» – это «Тартюф» для детей, то кому-то, может быть, после детского варианта захочется заглянуть в ту книгу, которая «для взрослых». И через желание подражать. Если современный герой увлекается классикой, и этот герой нравится читателю, то все может быть... (Анна Игнатова).

– Куда возвращать, если дети с ней еще не успели познакомиться? А вот познакомить может. Заинтересовать. Любимый пример: «Битвы по средам» Гэри Шмидта. Там мальчик с учительницей литературы читают Шекспира «Бурю», сначала как бы «на слабо», потом он втягивается, участвует в спектакле, и Шекспир для него – не какой-то там автор эпохи Возрождения, а современный, понятный. Беда в том, что дети и подростки изначально про классику думают, что это старье какое-то, и в школе это часто преподносится с придыханием: «классика»... А на самом деле Шекспир, Пушкин, Грибоедов – хулиганы и в чем-то такие же подростки, как нынешние школьники, и то, о чем они писали, нисколько не устарело (Наталья Волкова).

В ответах писателей очевидно звучит общая мысль о том, что классика является универсальным языком и объединяющим поколения культурным кодом. В детской и подростковой литературе использование прецедентных текстов, заимствование сюжетов и мотивов классических текстов – это своеобразный «мостик» между эпохами, а обращение к классическим текстам обусловлено, с одной стороны, поиском точки опоры в достаточно хаотичном современном литературном поле, а с другой – тексты для детей и подростков современных писателей актуализируют произведения школьной программы, формируют новые читательские практики и повышают функциональную грамотность школьников.

Следующая группа вопросов была связана с возможностью создания так называемых «вторичных» текстов.

2. Если бы у Вас было желание написать **ремейк** на классическое произведение русской литературы, то какой текст и почему это был бы?

– Проще всего ремейк было бы сделать из «Идиота» или «Преступления и наказания» Достоевского, поскольку, во-первых, петербургский (кон)текст, по сути, не так уж изменился с течением времени, разве что прирос современными реалиями, а вот типажи что одного, что другого романа встречаются и в наши дни практически в неизменном виде (Вера Полищук).

– Я бы написала ремейки «Бедной Лизы» Карамзина или «Грозы» Островского, в которых героини бы не погибли. Или «Героиню нашего времени» по мотивам романа Лермонтова, но, как уже понятно из названия, с другой оптикой (Анна Ремез).

3. Если бы у Вас было желание написать **сиквел** на классическое произведение русской литературы, то какой текст и почему это был бы?

– Я бы сделала цикл сиквелов чеховских рассказов с открытыми концовками: «Анны на шее», «Ариадны», «Дамы с собачкой» и еще нескольких, где автор заинтриговал читателя и тот не узнал, что случилось с героями дальше. В этом случае время действия сиквела отстояло бы от оригинала не больше чем на несколько лет. Но еще можно было бы придумать пьесу или повесть, в которой действие происходило бы после Февральской революции и встретились бы основные персонажи «Трех сестер» и «Вишневого сада» (Вера Полищук).

– Ну, конечно, хотелось бы вернуть справедливость и воскресить Муму, и чтобы дети не умирали хотя бы в литературе, а в русской классической литературе их никто не щадил, и чтобы Ваню письмо, которое было отправлено «на деревню дедушке», дошло бы до этого самого дедушки, а маленькая девочка из рассказа «Спать хочется» выпалась и не становилась убийцей. Русская классика достаточно страшная, причем, мне всегда, с самого детства казалось, что она страшна безнадежно, то есть никакой надежды на хороший конец вообще быть не может. Ну вот что хорошего можно было придумать для всех этих вышеперечисленных детей? Только какое-нибудь фэнтези, уход в сказку. Так что, наверное, мои сиквелы стали бы сказками типа «Нарнии», где все всё могут, потому что тот мир их очень ждет и любит (Наталья Волкова).

– Я бы спасла Анну Каренину! И вообще многие бы тексты в русской литературе сделала более позитивными. На многих них слишком однозначный штамп тоски и безысходности, такой русский бренд. Мне бы иногда хотелось это изменить (Анастасия Строчкина).

4. Если бы у Вас было желание написать **приквел** на классическое произведение русской литературы, то какой текст и почему это был бы?

– Думаю, это был бы «Евгений Онегин». Я это уже начал набрасывать. Детективно-приключенческий роман – загадка внезапных смертей «всех родных» Евгения, из-за чего он и стал богатейшим наследником. Полагаю, он их отравил с помощью студента-химика Ленского... А убрать Ленского ему помог сосед Дубровский (но это уже римейк). Почему? Потому что я как новел-

лист терпеть не могу «*deus ex machina*» – мне важно знать и понимать, почему произошел некий важный поворот в жизни героя. Просто так вдруг померли все до одного богатые дяди и тети? Тем более что папаша наследства не оставил («промотался наконец»). Э, нет! Так не бывает (*Денис Драгунский*).

– С приквелом интереснее. Что было до – в моем случае, видимо, «как герой был подростком». Как он таким вырос. И тут большое поле для действий. Детство Пьера Безухова, Кости Треплева, Дубровского, Сильвио – тут да, могло бы быть. Но все же не как самостоятельная книга, а как эссе-размышление, что-то такое (*Нина Дашевская*).

– Небольшой роман воспитания на тему заграничной и русской юности незаконнорожденного Пьера Безухова. Потому что для меня он один из самых живых толстовских героев. В качестве параллельной сюжетной линии там были бы юные Элен и Анатолий Курагины – показать, как эти персонажи подрастали в своей светской вселенной до встречи с Пьером. И небольшая повесть о юности и браке Анны Карениной – судя по намекам автора, там была интересная история, и занятно было бы покрутить персонаж в руках и понять, как сложился такой характер (*Вера Полищук*).

– А вот приквел – это очень интересно. Интересно посмотреть на детство многих героев. Например, как Базаров стал таким циником, как Печорин дошел до такого отношения к жизни. Я бы сказала, что классика – это не что-то священное, с чего надо сдувать пыль и на что надо молиться. Классика – это такая же современная литература, только для тех, кто жил раньше нас. От того, что с ее написания прошло больше ста лет, она не стала лучше и священнее. Поэтому по поводу нее нужно спорить, можно доказывать, что автор не прав, можно ее не любить, можно ненавидеть Анну Каренину и Катерину, которая «луч света в темном царстве». Лично мне на уроках литературы больше всего в школе нравились вот эти споры до хрипоты: права Катерина, что бросилась с обрыва или не права (*Наталья Волкова*).

– Наверное, было бы интересно узнать о детстве взрослого героя, отличающегося оригинальностью мышления. Например, о Раскольникове или князе Мышкине (*Анна Игнатова*).

– Приквел, как правило, рассказывает про детство, я бы написала о детстве Ани Карениной, поскольку Толстой об этом нам поведал очень мало, оно типичное для многих литературных героинь – она сирота из богатой семьи, воспитанная набожной теткой. Интересно было бы пофантазировать на эту тему (*Анна Ремез*).

Представляется симптоматичным тот факт, что для детских писателей самым предпочтительным из всех «вторичных» жанров становится при-

квел, жанр, в котором рассказ о детстве героя сможет стать ключом к пониманию дальнейшей судьбы героя классического текста.

Выводы

В. Б. Катаев в книге «Игра в осколки: судьбы русской классики в эпоху постмодернизма» говорит об игровом начале литературы, которое проявляется в интертекстуальности и в «игре черепками, осколками прошлой культуры», утверждая, что «русская классика продолжает оставаться источником национальной мифологии» [Катаев 2002: 14] и что «использование прошлой культуры – самая распространенная модель развития культуры и литературы» [Катаев 2002: 15].

Представленные в статье анкеты писателей, каждый из которых занимает особое место в современной детской и подростковой литературе, свидетельствуют о том, что разнообразно представленный диалог со «школьным каноном» абсолютно органичен для них, является осознанной авторской стратегией, состоящей в привлечении читателей XXI в. к классическому тексту. Ответы писателей доказали справедливость слов Б. Дубина о том, что понятие классической литературы «принадлежит к ключевым компонентам литературной культуры – совокупности значений, которые делают возможным согласованное взаимодействие по поводу литературы, выступая смысловыми основаниями поведения его участников и образуя, при регулярности подобного взаимодействия и универсальном характере его регулятивных механизмов, ролевую структуру социального института литературы» [Дубин 2010а: 9].

Многообразие разворотов предложенной для обсуждения темы еще раз убедило в необходимости междисциплинарного подхода к феномену современной подростковой литературы. «Каждая эпоха по-своему переакцентирует произведения ближайшего прошлого. Историческая жизнь классических произведений есть, в сущности, непрерывный процесс их социально-идеологической переакцентуации» [Бахтин 1975: 231–232]. Современная литература, созданная как для взрослых, так и для подростков, говоря о сугубо актуальных событиях, часто измеряет их той мерой, которая задана литературой прошлого. Несмотря на дискуссии о том, продолжает ли Россия оставаться литературоцентричной страной, является ли классика морально и идеологически безупречной, нельзя не признать, что классическая литература продолжает оставаться важнейшей, если не стержневой, составляющей национальной идентичности и предметом постоянного диалога для современной литературы.

Литература

Аверинцев, С. С. Две тысячи лет с Вергилием (Перечитывая классику) / С. С. Аверинцев // Иностранная литература. – 1982. – № 2. – С. 193–201.

Бахтин, М. М. Слово о романе / М. М. Бахтин // Вопросы литературы и эстетики. – М., 1975. – С. 72–234.

- Выготский, Л. С. Глава VII. «Легкое дыхание» / Л. С. Выготский // Психология искусства / общ. ред. В. В. Иванова. – 3-е изд. – М. : Искусство, 1986. – С. 183–205.
- Гаспаров, М. Л. Первочтение и перечтение: К тыняновскому пониманию сукцессивности стихотворной речи / М. Л. Гаспаров // Тыняновский сборник: Третьи Тыняновские чтения / отв. ред. М. О. Чудакова. – Рига : Зинатне, 1988. – С. 15–24.
- Гаспаров, М. Л. Столетие как мера, или классика на фоне современности / М. Л. Гаспаров // Филология как нравственность. Статьи, интервью, заметки. – М. : Фортуна ЭЛ, 2012. – С. 158–163.
- Гетманская, Е. В. Мультиmodalное чтение в кругу западных исследований: вызовы, подходы, противоречия / Е. В. Гетманская // Педагогика чтения в цифровую эпоху : монография / В. Ф. Чертов, А. М. Антипова, Е. С. Романичева [и др.] ; под ред. В. Ф. Чертова и А. М. Антиповой. – М. : МПГУ, 2024. – С. 104–121.
- Гудова, М. Ю. Чтение в эпоху постграмотности: культурологический анализ : дис. ... д-ра культурологии / М. Ю. Гудова. – Екатеринбург, 2015. – 329 с.
- Дубин, Б. В. Идея «классики» и ее социальные функции / Б. В. Дубин // Классика, после и рядом: Социологические очерки о литературе и культуре. – М. : Новое литературное обозрение, 2010а. – С. 9–43.
- Дубин, Б. В. Классика, вокруг и после (о границах и формах культурного авторитета) / Б. В. Дубин // Политическая концептология. – 2010б. – № 4. – С. 28–39.
- Катаев, В. Б. Игра в осколки: судьбы русской классики в эпоху постмодернизма / В. Б. Катаев. – М. : Издательство Московского университета, 2002. – 251 с.
- Клишина, Е. Спойлеры / Е. Клишина. – М. : Самокат, 2020. – 128 с.
- Красоткин, Д. М. Стратегии чтения: «Легкое дыхание» И. Бунина с точки зрения семиотики / Д. М. Красоткин // Уральский филологический вестник. – 2019. – № 4. – С. 95–102.
- Олейников, А. Легкое дыхание / А. Олейников. – М. : Альпина, 2024. – 266 с.
- Олейников, А. Онегин. Графический путеводитель / А. Олейников ; иллюстрации Н. Яскиной. – 3-е изд. – М. : Самокат, 2022. – 128 с.
- Павловец, М. Г. Школьный канон как поле битвы: историческая реконструкция / М. Г. Павловец // Неприкосновенный запас. – 2016. – № 2 (106). – С. 71–91.
- Печейкин, В. Лекции о русской литературе: от Пушкина до Кафки / В. Печейкин. – М. : InSpiria, 2023. – 161 с.
- Самутина, Н. Споры по поводу «Созданного в бездне»: транснациональные культуры соучастия как культурные интерпретаторы японских текстов / Н. Самутина // НЛО. – 2022. – № 174. – С. 182–194.
- Сосновская, И. В. Школьное литературное образование: современные практики и технологии : монография / И. В. Сосновская, Е. Н. Малышева, И. Г. Арсентьева ; под науч. ред. И. В. Сосновской. – Иркутск : Аспринт, 2023. – 234 с.
- Хализев, В. Е. Теория литературы : учебник для студ. высш. учеб. заведений / В. Е. Хализев. – 5-е изд., испр. и доп. – М. : Издательский центр «Академия», 2009. – 432 с.
- Эко, У. Инновация и повторение. Между эстетикой модерна и постмодерна / У. Эко // Философия эпохи постмодерна. – Минск : Красико-принт, 1996. – С. 48–74.

References

- Averintsev, S. S. (1982). Dve tysyachi let s Vergiliem (Perechityvaya klassiku) [Two Thousand Years with Virgil (Rereading the Classics)]. In *Inostrannaya literatura*. No. 2, pp. 193–201.
- Bakhtin, M. M. (1975). Slovo o romane [A Word about the Novel]. In *Voprosy literatury i estetiki*. Moscow, pp. 72–234.
- Dubin, B. V. (2010a). Ideya «klassiki» i ee sotsial'nye funktsii [The Idea of “Classics” and Its Social Functions]. In *Klassika, posle i ryadom: Sotsiologicheskie ocherki o literature i kul'ture*. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, pp. 9–43.
- Dubin, B. V. (2010b). Klassika, vokrug i posle (o granitsakh i formakh kul'turnogo avtoriteta) [Classics, Around and After (about the Bounds and Forms of Cultural Authority)]. In *Politicheskaya kontseptologiya*. No. 4, pp. 28–39.
- Eco, W. (1996). Innovatsiya i povtorenie. Mezhdru estetikoi moderna i postmoderna [Innovation and Repetition. Between the Aesthetics of Modernity and Postmodernity]. In *Filosofiya epokhi postmoderna*. Minsk, Krasiko-print, pp. 48–74.
- Gasparov, M. L. (1988). Pervochtenie i perechtenie: K tynyanovskomu ponimaniyu suktsessivnosti stikhotvornoi rechi [The First Reading and Re-reading to Tynyanov's Understanding of the Succession of Poetic Text]. In Chudakova, M. O. (Ed.). *Tynyanovskii sbornik: Tret'i Tynyanovskie chteniya*. Riga, Zinatne, pp. 15–24.
- Gasparov, M. L. (2012). Stoletie kak mera, ili klassika na fone sovremennosti [A Century as a Measure, or a Classic Against the Background of Modernity]. In *Filologiya kak nrvstvennost'. Stat'i, interv'yu, zametki*. Moscow, Fortuna EL, pp. 158–163.
- Getmanskaya, E. V. (2024). Mul'timodal'noe chtenie v krugu zapadnykh issledovani: vyzovy, podkhody, protivorechiya [Multimodal Reading in the Circle of Western Studies: Challenges, Approaches, Contradictions]. In Cher-tov, V. F., Antipova, A. M., Romanicheva, E. S. et al. *Pedagogika chteniya v tsifrovuyu epokhu: monografiya*. Moscow, MPGU, pp. 104–121.
- Gudova, M. Yu. (2015). *Chtenie v epokhu postgramotnosti: kul'turologicheskii analiz* [Reading in the Post-literacy Era: A Cultural Analysis]. Dis. ... d-ra kul'turologii. Ekaterinburg. 329 p.
- Kataev, V. B. (2002). *Igra v oskolki: sud'by russkoi klassiki v epokhu postmodernizma* [The Game of Fragments: The Fate of Russian Classics in the Postmodern Era]. Moscow, Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta. 251 p.

- Khalizev, V. E. (2009). *Teoriya literatury* [Theory of Literature]. 5th edition. Moscow, Izdatel'skii tsentr «Akademiya». 432 p.
- Klishina, E. (2020). *Spoilery* [Spoilers]. Moscow, Samokat. 128 p.
- Krasotkin, D. M. (2019). Strategii chteniya: «Legkoe dykhanie» I. Bunina s tochki zreniya semiotiki [Reading Strategies: I. Bunin's "Light Breathing" from the Point of View of Semiotics]. In *Ural'skii filologicheskii vestnik*. No. 4, pp. 95–102.
- Oleinikov, A. (2022). *Onegin. Graficheskii putevoditel'* [Onegin. Graphic Guide]. 3rd edition. Moscow, Samokat. 128 p.
- Oleinikov, A. (2024). *Legkoe dykhanie* [Light Breath]. Moscow, Al'pina. 266 p.
- Pavlovets, M. G. (2016). Shkol'nyi kanon kak pole bitvy: istoricheskaya rekonstruktsiya [The School Canon as a Battlefield: Historical Reconstruction]. In *Neprikosnovennyi zapas*. No. 2 (106), pp. 71–91.
- Pecheikin, V. (2023). *Lektsii o russkoi literature: ot Pushkina do Kafki* [Lectures on Russian Literature: From Pushkin to Kafka]. Moscow, Inspiria. 161 p.
- Samutina, N. (2022). Spory po povodu «Sozdannogo v bezdne»: transnatsional'nye kultury souchastiya kak kul'turnye interpretatory yaponskikh tekstov [The Controversy over “Created in the Abyss”: Transnational Cultures of Complicity as Cultural Interpreters of Japanese Texts]. In *NLO*. No. 174, pp. 182–194.
- Sosnovskaya, I. V., Malysheva, E. N., Arsentyeva, I. G. (2023). *Shkol'noe literaturnoe obrazovanie: sovremennye praktiki i tekhnologii* [School Literary Education: Modern Practices and Technologies]. Irkutsk, Asprint. 234 p.
- Vygotsky, L. S. (1986). Glava VII. «Legkoe dykhanie» [Chapter VII. “Light Breath”]. In Ivanov, V. V. (Ed.). *Psikhologiya iskusstva*. 3rd edition. Moscow, Iskusstvo, pp. 183–205.

Данные об авторе

Черняк Мария Александровна – доктор филологических наук, профессор, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург, Россия).

Адрес: 191186, Россия, г. Санкт-Петербург, набережная реки Мойки, 48.

E-mail: ma-cher@yandex.ru.

Author's information

Chernyak Maria Aleksandrovna – Doctor of Philology, Professor, Herzen State Pedagogical University of Russia (Saint Petersburg, Russia).

Дата поступления: 14.11.2024; дата публикации: 28.12.2024

Date of receipt: 14.11.2024; date of publication: 28.12.2024

УДК 821.161.1+791. DOI: 10.26170/2071-2405-2024-29-5-77-85. ББК Щ374+Ш33(2Рос=Рус)5-4.
ГРНТИ 17.07.29. Код ВАК 5.9.3

ТРАНСФИКЦИОНАЛЬНЫЕ ОПЫТЫ РОССИЙСКОЙ МАССОВОЙ КУЛЬТУРЫ

Абашев В. В.

Пермский государственный национальный исследовательский университет
(Пермь, Россия)

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-2712-2759>

SPIN-код: 5142-6370

Абашева М. П.

Пермский государственный национальный исследовательский университет
(Пермь, Россия)

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-5720-7916>

SPIN-код: 2169-4629

А н н о т а ц и я . В статье рассматривается феномен трансфикциональности, в массовой культуре получивший развитие в качестве стратегии конструирования вымышленных миров. Вымышленные миры, населенные литературными героями, – ставший привычным прием сюжетостроения в западной массовой культуре (пример тому – «Лига выдающихся джентльменов» Алана Мура (1999–2019)). В русской культуре процесс освоения подобных стратегий интертекстуального взаимодействия начался недавно и представлен в самых разных литературных сегментах: от творчества фанатов (фанфикшн) до прозы В. Шарова. В статье анализируются первые прецеденты использования трансфикциональности на основе русской литературной классики XIX века в масштабных медийных проектах – в фильме «Дуэлянт» (2016), в сериале «Анна-детективъ» (2016–2021), в фильме и сериале «Гоголь» (2017–2018) и др. Опыты создания литературных вселенных оказались успешными в зрительской и читательской среде. Сделан вывод о том, что тенденция к развитию стратегии трансфикционального воображения сегодня очевидна, для нее даже существует аналог в филологической науке – это концепция «петербургского текста» В. Н. Топорова с ее явными эстетически продуктивными проекциями. При этом отечественная массовая культура в строительстве литературных вымышленных миров проявляет пока некоторую робость. Фундаментальные причины этой робости коренятся в особенностях отечественной культурной традиции. Отечественная литература XIX века, в отличие от французской или британской, не создала массовой качественной развлекательной литературы, а в отношении к высокой отечественной классике русской литературе свойственна сакрализация авторства, препятствующая, возможно, вольному обращению с материалом. Однако именно эти особенности в конечном счете определяют специфику трансфикциональных экспериментов в российской массовой культуре: героями вымышленных Вселенных русской литературы становятся не литературные персонажи, а сами творцы – писатели-классики, способные к созданию новых миров-онтологий.

К л ю ч е в ы е с л о в а : трансфикциональность; трансмедиальность; воображаемые миры (вселенные); русская литературная классика; современная массовая культура; культурная индустрия

Б л а г о д а р н о с т и : работа выполнена в рамках государственного задания с Министерством просвещения РФ соглашение № 073-03-2024-005/2 от 27 августа 2024 г. по теме «Формирование медиаграмотности у будущих педагогов в системе высшего образования: вызовы и возможности».

Д л я ц и т и р о в а н и я : Абашев, В. В. Трансфикциональные опыты российской массовой культуры / В. В. Абашев, М. П. Абашева. – Текст : непосредственный // Филологический класс. – 2024. – Т. 29, № 4. – С. 77–85. – DOI: 10.26170/2071-2405-2024-29-4-77-85.

TRANSFICTIONAL EXPERIMENTS OF RUSSIAN MASS CULTURE

Vladimir V. Abashev

Perm State University (Perm, Russia)

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-2712-2759>

Marina P. Abasheva

Perm State University (Perm, Russia)

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-5720-7916>

A b s t r a c t . The article examines the phenomenon of transfictionality, which has been developed in popular culture as a strategy for constructing fictional worlds. Fictional worlds populated by literary characters are a common plot-building technique in Western popular culture (an example of this is Alan Moore's *The League of Extraordinary Gentlemen* (1999–2019)). In Russian culture, the process of employing such strategies of intertextual interaction has begun recently and is presented in a wide variety of literary segments: from fan fiction to V. Sharov's prose. The article analyzes the first precedents of using transfictionality based on the 19th century Russian literary classics in large-scale media projects – in the film *The Duelist* (2016), in the TV series *Anna the Detective* (2016–2021), in the film and TV series *Gogol* (2017–2018), etc. The experiments of creating literary universes have proven successful among viewers and readers. The study concludes that the trend towards developing the strategy of transfictional imagination is obvious today, there is even an analogue in philological science – the concept of the 'Petersburg text' of V. N. Toporov, with its obvious aesthetically productive projections. At the same time, the attempts of constructing literary fictional worlds in the Russian mass culture remain timid enough. The fundamental reasons for this timidity are rooted in the peculiarities of the national cultural tradition. The Russian literature of the 19th century, unlike French or British ones, did not create high quality mass entertainment litera-

ture, and in its attitude to high home literary classics, Russian literature is characterized by the sacralization of authorship, which, perhaps, prevents arbitrary handling of the material. However, it is precisely these features that ultimately determine the specificity of transfictional experiments in Russian mass culture: the protagonists of the fictional Universes of Russian literature are not literary characters, but the creators themselves – classical writers, capable of creating new worlds-ontologies.

Key words: transfictionality; transmediality; fictional worlds; Russian literary classics; contemporary mass culture; cultural industry

Acknowledgments: The study has been carried out with financial support of the Government assignment of the Ministry of Education of the Russian Federation, Agreement No. 073-03-2024-005/2 of August 27, 2024 on the topic "Formation of Media Literacy of Future Teachers in the System of Higher Education: Challenges and Opportunities".

For citation: Abashev, V. V., Abasheva, M. P. (2024). Transfictional Experiments of Russian Mass Culture. In *Philological Class*. Vol. 29. No. 4, pp. 77–85. DOI: 10.26170/2071-2405-2024-29-4-77-85.

О природе вымышленных Вселенных

В настоящей статье рассматриваются опыты и тенденции развития трансфакционального воображения в русской культуре в связи с общей стратегией современной культурной индустрии по развитию так называемых вселенных или воображаемых миров. Понятие «вымышленная вселенная» сегодня не только плотно закрепилось в популярных описаниях продуктов культурной индустрии, оно вошло в терминологический аппарат их описания.

Если попытаться представить подходы к этому понятию в традиции отечественной гуманитарной мысли, то стоит оговориться, что вымышленная вселенная – это не то же, что в 1970-х гг. у нас понималось под художественным миром произведения. Для Д. С. Лихачева, мыслившего в рамках теории отражения, «внутренний мир художественного произведения существует не сам по себе и не для самого себя. Он не автономен. Он зависит от реальности, «отражает» мир действительности» [Лихачев 1968: 78].

Вымышленные вселенные обладают собственной онтологией. Их развитие отражает новое состояние культуры, когда границы вымысла и реальности стали далеко не столь очевидны, как прежде. Внутрелитературным симптомом зыбкости границ между фактом и вымыслом стало, например, появление таких «жанровых гибридов», <...> как автофикшн (смесь автобиографии и романа), докуфикшн (смесь романа и документального свидетельства) или экзофикшн (вымышленная биография реальной исторической фигуры)» [Муравьева 2018]. Сегодня перед наступлением панфакционализма приходится даже отстаивать границы между вымыслом и реальностью. Франсуаза Лавока посвятила специальное исследование соотношению вымысла и факта в современной культуре, пафос которого и состоит в необходимости соблюдать и четко проводить границы между вымыслом и реальностью [Лавока 2016].

В такой ситуации в ракурсе отечественной традиции ближе к понятию вымышленной вселенной подходит разработанная В. Н. Топоровым концепция петербургского текста. Она сближается с современной парадигмой автономности вымысла, его самодостаточности. В «Большой российской энциклопедии» вселенная определена как «единое пространство повествования с общими

законами, сквозными сюжетными линиями и арками героев» [Вымышленная вселенная].

Очевидно, что формирование и творческая эксплуатация воображаемых миров или вселенных стали ключевой стратегией развития современной массовой культуры. Именно на этом пути возникают и развиваются самые успешные трансмедийные франшизы современности, будь то мир Гарри Поттера, «Звездных войн» или колеблющегося между реальностью и inferнальной фантастикой Осло в романах Ю. Несбё, не говоря уже о вселенных Marvel или DC.

В современной отечественной культуре именно с этим процессом связан успех у читателей / зрителей. Мир «Дозоров» Сергея Лукьяненко или вселенная «Зон Посещения», развивающаяся в серии компьютерных игр и бесконечно ветвящемся межавторском цикле S.T.A.L.K.E.R., – тому красноречивые примеры.

Воображаемые миры наилучшим образом отвечают эскапистским желаниям потребителя, обеспечивая ему тот самый «интенсивный интерес и возбуждение», о которых как родовом основании привлекательности массовой культуры писал Д. Кавелти [Кавелти 1996: 45]. Аудитория воображаемых вселенных массовой культуры не только огромна, но – что, пожалуй, главное – творчески активна и продуктивна в своем эскапистском погружении в миры воображения. Зрители / читатели не пассивно созерцают миры, созданные профессионалами культурной индустрии, они не только изучают эти миры, создавая их энциклопедии, окружая множественными толкованиями, но и развивают в своих текстах-продолжениях, в фанфикшн. Поразительный пример такого развития в России – книжная «Вселенная Метро 2033» и Метропедия с ее 6390 статьями, скрупулезно описывающая мир игр и романов.

Чем вызвано такое углубленное внимание к несуществующим мирам, как объяснить творческую активность их освоения, будь то энциклопедическая систематизация или развитие в фанфикшн? Группа исследователей парижского междисциплинарного исследовательского Института Жана Никода (Institut Jean Nicod) на основе изучения баз данных по литературе, кинематографу и игровой индустрии пришла к простому, но убедительному выводу, что в основе этой захватывающей привлекательности вымышленных вселенных и творческой активности потребителя в их освое-

нии лежат когнитивные механизмы, которые они определили как *exploratory preferences* – предрасположенность или склонность к исследованию неизвестного [Dubourg 2023]. По-русски *exploratory preferences* в контексте читательской вовлеченности можно было рискнуть перевести как «азарт исследования», который пробуждается воображаемым миром.

Конечно, этот инстинкт исследования и освоения еще неизвестного не является чем-то новым в отношении культуры. Он эксплуатировался на всех стадиях развития культуры, понуждая читателя / зрителя воображать, что могло бы еще случиться в мире увлекшего его произведения, каковы подробности его устройства. «Что могло бы случиться дальше?» – вот вопрос, который подстегивает воображение реципиента, требуя выйти за пределы произведения и представить новые перипетии сюжета или необъясненные детали вымышленного мира.

Но, пожалуй, только в культурной индустрии современности, в том состоянии культуры, когда грань воображаемого и реального начинает размываться, этот вопрос и запрос потребителя получил адекватный ответ в культурной индустрии. Этот вопрос попадает в сердцевину той стратегии развития воображаемых миров, о которой идет речь в настоящей статье, – стратегии трансфикциональности.

Нас интересуют возможности формирования «вселенной» на основе русской литературной классики – с целью установить, насколько эффективен принцип трансфикциональности как стратегия формирования такой вселенной.

Трансфикциональность и культурная индустрия

Термин «трансфикциональность» появился сравнительно недавно. Его ввел в оборот Ришар Сен-Желе, исследователь из Канады, в конце 1990-х гг. «Под трансфикциональностью я понимаю феномен, – писал он, – когда по крайней мере два текста, одного и того же или разных авторов, объединены продуктом воображения, будь то повторение одних и тех же персонажей, развитие предыдущего сюжета или использование одной и той же вымышленной вселенной» [Saint-Gelais 2011: 7]. Иными словами, трансфикциональность определяется как миграция элементов авторского художественного мира – персонажей, сюжетов или хронотопов – из одного произведения в другое, а также – и это главное для нас – использование их другими авторами. С идеей трансфикциональности связана идея пересечения границ или даже вторжения на «чужую» территорию (*the idea of encroaching boundaries*) – территорию авторства или текста [Marciniak 2015: 82].

В таком слишком широком смысле трансфикциональность присутствовала едва ли не на всех этапах истории культуры. Так, Эрика Хаугведт, исследующая низовую массовую культуру викторианской эпохи, показала распространенность трансфикционального творчества зачастую анонимных авторов в британских «пенни

пресс». Персонажи – от демона-парикмахера Суини Тодда до мистера Пиквика и далее Шерлока Холмса – покидали авторские произведения и эксплуатировались в десятках историй низовой литературы. По мнению Эрики Хаугведт, эти отдаленные прецеденты, идущие вразрез с правами на интеллектуальную собственность, предшествовали современной культуре *funfiction* [Haugtvedt 2021].

В эпоху постмодерна трансфикциональность приобрела характер намеренной творческой работы с чужими, но уже приобретшими статус общественного достояния топосами и персонажами, стала одним из ведущих принципов развития массовой культуры. Трансфикциональность в современной культурной индустрии – свободная, нередко приправленная иронией игра с уже существующими и кем-то созданными героями, сюжетами или вымышленными мирами.

В современной массовой культуре принцип трансфикциональности масштабировался и стал творческой стратегией конструирования вымышленных миров, населенных почерпнутыми из истории культуры персонажами с их переплетающимися и бесконечно ветвящимися сюжетными арками. Это очевидно в кинематографе, но не менее ярко та же тенденция проявляется в литературе.

Обширной зоной трансфикционального творчества стало любительское литературное письмо читателей – так называемый фанфикшн, фанатская литература. Не принимать во внимание этот феномен, говоря о современном литературном процессе, более невозможно – учитывая масштаб и востребованность явления. Новые медиа, как справедливо отметила Н. Самутина, «изменили базовые параметры литературной коммуникации». Благодаря Web 2.0. «возникли <...> экспериментальные зоны, где письмо и чтение почти не разделены». И фанфикшн как трансфикциональное «литературное письмо, опирающееся на элементы популярных книг и медийных продуктов», стал «стремительно развивающейся зоной любительского литературного опыта» [Самутина 2013: 139–140]. Мы согласны с Н. Самутиной в том, что фанфикшн следует рассматривать как «новый тип современной литературы», существующий «за рамками литературы как индустрии». Это новое «культурное пространство», функционирующее как «форма читательского письма, обмена опытом, осмысления множественных контекстов литературного и социального поведения, зоны развития литературного и социального воображения» [Там же: 137].

Чрезвычайно любопытные данные о статусе фанфикшн получили аналитики литературной платформы независимых авторов «Литнет». Было опрошено 1043 человека по поводу их отношения к фанфикшн и возможностям трансфикционального развития произведений классической литературы. Выяснилось, что фанфики на основе фильмов и сериалов читали 69% россиян [Палкина 2024]. Этот громадный, стремительно развивающийся пласт трансфикционального творчества читателей-авторов мы здесь не рассматриваем. Но развитие

фанфикшн демонстрирует читательский запрос на удовлетворение трансфикционального воображения. Для нас важно, как на этот запрос отвечает культурная индустрия.

Работу трансфикционального воображения с классическим каноном в рамках культурной индустрии можно проиллюстрировать серией графических романов Алана Мура «Лига выдающихся джентльменов» (1999–2019). Используя модель команд супергеройского кинематографа, автор предъявил экстремальный по масштабу и художественно убедительный пример трансфикциональной интерпретации наследия викторианской литературы, объединив в множасьихся сюжетных линиях героев Генри Райдера Хаггарда, Герберта Уэллса, Роберта Льюиса Стивенсона, Конан Дойла, Брэма Стокера, Сакса Ромера, Вирджинии Вульф, Оскара Уайльда, а также Жюль Верна, Эдгара По и Эдгара Райса Берроуза.

Для демонстрации принципов работы трансфикционального воображения сжато резюмируем первый том серии.

Действие приурочено к началу 1898 года. Британская империя сталкивается с угрожающими ее существованию вызовами. Чтобы им противостоять, секретные службы создают команду людей с особыми возможностями, о чем подробно рассказывается в экспозиции. Проектом руководит придуманный Аланом Муром Кэмптон Бонд, прадед будущего агента 007. Он вербует Мину Мюррей – она после событий, описанных Брэмом Стокером в романе «Дракула» (1897), развелась с мужем и за незаконную связь с венгерским графом стала в глазах общества изгоем. Мина и получает задание собрать команду из экстраординарных личностей. Это капитан Немо с его супероружием «Наутилусом» (1867), знаменитый охотник Аллан Квотермейн из «Копей царя Соломона» (1885) Редьярда Хаггарда. Огюст Дюпен из рассказа Эдгара По «Убийство на улице Морг» (1841) помогает найти доктора Генри Джекила, скрывающегося в Париже после событий, происшедших в «Странной истории доктора Джекила и мистера Хайда» (1886) Стивенсона. К команде присоединяют также Хоули Гриффина, героя «Человека-невидимки» (1897) Герберта Уэллса.

Эта странная команда приступает к выполнению секретной миссии. У профессора Кейвора, готовившего первую экспедицию на Луну, историю которой рассказал Герберт Уэллс в романе «Первые люди на Луне» (1901), похищен кейворит – вещество, позволяющее преодолеть гравитацию. Под угрозой оказывается не только первая космическая экспедиция, которой Британия должна встретить XX век, но и само существование империи. Кейворит оказался в руках зловещего доктора Фу Манчу, злейшего врага Великобритании. Герой серии романов Сакса Ромера («Зловещий доктор Фу Манчу», 1913) с помощью кейворита собирается атаковать и уничтожить Лондон. Но лига обнаруживает убежище Фу Манчу, находит строящийся им военный корабль, похищает кейворит и передает его в руки таинственному М., начальнику

Кэмптона Бонда. Им неожиданно оказывается профессор Мориарти: гений преступного мира не погиб в поединке у Рейхенбахского водопада, как считал Конан Дойл в «Последнем деле Холмса» (1893), а был спасен и завербован секретными службами. Они рассчитывали использовать его знания и связи в преступном мире. Однако, получив кейворит, Мориарти, поднявшись на своем корабле, стал бомбить не только логово Фу Манчу, своего соперника в преступном мире, но и Лондон, стремясь уничтожить Лигу. Но в воздушном бою над Лондоном побеждает Лига. После этого секретное ведомство возглавил Майкрофт Холмс. Команда выдающихся джентльменов остается на службе Короны и ожидает новых вызовов Британской империи. Они не замедлят себя ждать в следующих томах.

Алан Мур создал увлекательное и в то же время литературно изощренное и глубокомысленное повествование о характере истории Великобритании, ее имперских грезах. «Лигу выдающихся джентльменов» исследователи, с одной стороны, рассматривают как играющую реминисценциями «энциклопедию викторианской фантастической литературы», с другой – акцентируют мысль, что это глубокое исследование доминирующих политических, социальных и гендерных идеологий того времени и их подспудного существования в современности». «Постмодернистская реинтерпретация известных вымышленных персонажей», проведенная Аланом Муром, «подчеркивает их укорененность в дискурсах власти и гендерных отношений» [Domsch 2012: 99].

Викторианская эпоха создала мощный пласт качественной развлекательной литературы – источник, почти неисчерпаемый для трансфикциональных опытов. Используя пантеон ее героев, знакомых едва ли не каждому с отрочества, Алан Мур обращается к максимально широкой и отнюдь не только британской аудитории. Персонажи и сюжеты «Лиги...» знакомы и самому широкому российскому читателю.

Возможен ли подобный опыт на материале классической отечественной литературы?

Русская литературная классика как ресурс трансфикционального воображения

В русской литературе XIX века мы не обнаруживаем аналогичного европейскому ресурсу для работы трансфикционального воображения. Как заметил А. И. Рейтблат, наша литература упорно отвергала «понимание писателя как рассказчика и развлекателя» [Рейтблат 2014а: 273]. Само слово «развлечение» в применении к искусству воспринималось, да и воспринимается до сих пор, как принижение его высокой миссии. Приходится признать, что в своем мейнстриме русская литература почти не замечала ни деятельной и героической стороны жизни, ни авантюрной и преступной, ее мало волновало иррациональное и фантастическое. В связи с этим, как показал на широком материале А. И. Рейтблат, естественный спрос отечественного читателя на «любовную мелодраму,

авантюрно-приключенческие произведения, уголовный роман, исторические романы по всемирной истории, научную фантастику, оккультную прозу» во второй половине XIX – начале XX вв. «почти полностью удовлетворялся за счет переводных произведений» [Рейтблат 2014b: 120]. Если литература викторианской эпохи отразила дух колониальной экспансии, динамику технологических инноваций в романах путешествий и открытий, в фантастической литературе, то отечественная литература словно бы не заметила своих путешественников, первопроходцев, открывателей новых земель. В результате дух романтики, дух приключений, дух героического, дух авантюризма русские гимназисты находили в романах Майн Рида, Редьярда Хаггарда, Герберта Уэллса, Уилки Коллинза, Роберта Льюиса Стивенсона...

Между тем запрос отечественного читателя на трансфигурационное развитие произведений отечественной классической литературы существует. В ходе уже упоминавшегося выше исследования, проведенного платформой «Литнет», выяснилось, что 67% человек уверены, что фанфики по классическим произведениям расширяют взгляд на классическую литературу, поскольку они помогают «глубже исследовать оригинальные истории, дополняя их деталями, которые остались вне сюжета» [Палкина 2024]. При этом выяснилось, что участники опроса в наибольшей степени заинтересованы в трансфигурационном расширении «Евгения Онегина», «Дубровского» и «Капитанской дочки», «Вечеров на хуторе близ Диканьки», «Войны и мира», «Анны Карениной», «Гранатового браслета», а также «Алых парусов» и «Мастера и Маргариты».

Как отвечает на этот запрос отечественная культурная индустрия? Трансфигурационное творчество развивается в крупных издательских межавторских проектах в области фантастической и авантюрно-приключенческой литературы. Характерный пример – использование наследия братьев Стругацких. Получив права на использование как оригинального названия для серии «Сталкер», так и других образов повести «Пикник на обочине», а также сценария к кинофильму А. Тарковского, издательство «АСТ» в 2013 году запустило трансфигурационную серию «Пикник на обочине. Проект братьев Стругацких». Серия, где вышло 18 книг, открылась романом Д. О. Силлова «Счастье для всех» (2013). Здесь этот на редкость плодовитый сериальный автор не только «дописал» повесть Стругацких, но и, не особенно заботясь о хронологии, связал ее с миром книжной серии S.T.A.L.K.E.R. В романе Силлова герой повести Стругацких Рэд Шухарт в поисках чудесного артефакта, способного излечить его дочь и отца, добирается до зоны отчуждения Чернобыльской АЭС, где после многих приключений обретает, наконец, панацею.

Немало и других примеров обращения к классическому наследию. Многообещающим кажется анонсированный летом 2024 года киностудией «Союзмультфильм» и онлайн-кинотеатром Okko проект создания вселенной на основе отечественной литературы. В этой вселенной будет дей-

ствовать «Орден Алой звезды» – организация русских супергероев. Кажется, это почти прямой ответ на «Лигу выдающихся джентльменов» Алана Мура. Творческую часть проекта разрабатывают писатели-фантасты Сергей Лукьяненко и Сергей Волков. Вселенная русских супергероев, по их замыслу, объединит персонажей Александра Беляева, Алексея Толстого, Павла Бажова, Аркадия Гайдара. Они будут «переселены в современность и наделены суперспособностями»¹.

Обращение к ресурсам советской литературы в поисках отечественных супергероев в этом случае – естественное решение. В отличие от классической литературы XIX века советская литература создала пласт качественной развлекательной литературы (книги В. Катаева, В. Каверина, Л. Кассиля, А. Толстого, А. Грина, М. Шагинян), а категория героического в советской культуре стала одним из конститутивных ее принципов.

В современной литературе опыт литературной классики в качестве основы трансфигурационного мира востребован в сфере серьезной литературы. Роман одного из самых значимых современных российских прозаиков Владимира Шарова «Возвращение в Египет» (2013) – отчасти тоже фанфикшн, в нем герой сочиняет продолжение гоголевских «Мертвых душ» – успеет, правда, сочинить только синопсис будущего третьего тома. В нем Чичиков раскаялся, стал иноком Павлом в старообрядческом монастыре и участвовал в поисках кандидатуры нового епископа, жертвовал деньги крестьянам, а потом революционерам, встречался с М. Бакуниным, Н. Огаревым, А. Герценом, а также с литературным героем – Алешей Карамазовым.

Таким образом, понимание необходимости создания целостных художественных миров на основе классики сегодня есть. Фильм «Дуэлянт» (2016), по замыслу продюсеров и режиссера, снимался как раз с такой сверхзадачей: добавить на мировую карту кинематографических вселенных отечественный storyworld на основе петербургской России XIX века. Россия, как полагали авторы фильма, могла бы предложить международной индустрии развлечений «уникальный XIX век». Фильм должен был, по замыслу его создателей, «показать свежий подход к этому времени, который бы десакрализовал отношение зрителей к истории <...> Это был бы наш ни на что не похожий, экзотический для международной аудитории сеттинг. И у него бы были ключи генетического кода к российской аудитории. И огромный простор для жанровых экспериментов» [Москвитин 2016]. Может, и неосознанно, но авторы фильма попытались и в проектном, и в прикладном ключе развить идею петербургского текста В. Н. Топорова.

Есть и другие попытки развить «вселенную» на основе литературной классики. Создатели фильма и сериала «Гоголь» (они выходили одно-

¹ «Союзмультфильм» применил ИИ для образов супергероев «Ордена Алой звезды» // ТАСС. 19.09.2024. URL: <https://tass.ru/kultura/21908315> (дата обращения: 10.10.2024).

временно в 2017–2018 гг.) поместили самого писателя в мир до созданных им историй. Вместе с петербургским следователем он участвует в расследовании убийств девушек на хуторе недалеко от Диканьки. Молодой Гоголь, наделенный мистическим даром видения, вступает в борьбу с силами зла. В этом мире в единой истории сценаристы переосмыслили и переплели сюжетные линии персонажей «Вия», «Сорочинской ярмарки», «Майской ночи, или Утопленницы», «Ночи перед Рождеством», «Вечера накануне Ивану Купала» и «Страшной мести».

И в «Дуэлянте», и в работе сценаристов «Гоголя» основным механизмом развития художественного мира является трансфикциональность – совмещение героев и локаций разных текстов российской классики.

К названным опытам литературных вселенных в современном массовом кинематографе можно присовокупить и сериал ТВ-3 «Анна-детектив» (2016–2021). Действие многосерийного детектива происходит в 1888 году в провинциальном городе Затонске, куда приезжает сыщик из Петербурга. Там он знакомится с Анной Мироновой, по моде тех лет увлекающейся спиритизмом. Прототипом Анны стала писательница, спиритуалистка, оккультистка Елена Блаватская.

В сериале немало литературных реминисценций – из пушкинской «Метели», чеховской «Чайки» и др. Более того, в одной из новелл, названной «Драма» (серии 47–48), появляется сам Антон Павлович Чехов. То, что происходит в Затонске, и станет потом вдохновением для его «Чайки». Таким образом, используется тот самый ход, что в сериале «Гоголь», – зритель знакомится с событиями, которые станут основой будущих книг.

В каждом из трех разобранных произведений по мотивам русской классики нет столь разветвленной литературной вселенной, как в «Лиге выдающихся джентльменов» Алана Мура. Однако в них есть очертания будущей вселенной русской литературы. Так, в «Дуэлянте» нет известных литературных героев, но есть мир Петербурга, в который их можно поселить. В фильме есть также, как сказал бы В. Я. Пропп, персонажи-функции, характерные для текста русской литературы, – молодой герой-дворянин, слуга-помощник вроде Савельича, злодей, дева в беде... В «Анна-детективе» задуман мир провинциального российского городка второй половины XIX века (которому, пожалуй, недостает плотности, детальности и визуальной убедительности). Возможно, создатели российских литературных вселенных пока слишком ориентированы на существующие западные образцы. Авторы «Анны-детектива», по их признанию, вдохновлялись английским сериалом «Улица потрошителя» BBC (2012–2014)¹. Город же, изображенный в «Дуэлянте», так последовательно и настойчиво следует задаче создания мрачного Петербурга, что напоми-

нает, скорее, викторианский Лондон.

Все три фильма сделаны в жанре детектива, хотя в «Гоголе» это не основная жанровая модель, основная – скорее, триллер, а ближе – хоррор, это фильм ужасов. «Гоголь» эксплуатирует популярную в современной России мистическую тему и эстетику готического хоррора, которая тут «выходит замуж за поп-фольклор», пишет критик Д. Сосновский в статье с названием «Лиха украинская хтонь» [Сосновский 2019]. Популярные жанры и популярные западные образцы – вот что влечет авторов. Зрители и критики узнают референсы западного кинематографа: авторы фильма, пишет критик С. Ильченко, «не скрывают, что постоянно оглядываются на голливудские хорроры и “ужасные” фильмы Тима Бертона вроде “Сонной Лощины”» [Ильченко 2018]. Однако и отечественное популярное кино вдохновляет режиссера «Гоголя» Егора Баранова: демонический чиновник Гуро (Меньшиков) – отчетливо фандоринский, Гоголь – темный, но при этом хороший – как в «Ночном дозоре» (цитаты из этих фильмов считаются в «Гоголе»). Впрочем, темная сторона напоминает и о «Звездных войнах», а Хома Брут в фильме превратился в профессионала-охотника за ведьмами, наподобие Ван Хельсинга из «Дракулы» Брэма Стокера, уже ставшего трансфикциональным героем, персонажем многих фильмов.

Такие «перевертыши» – устойчивый прием сериала. Так, в серии «Страшная месть» видим гендерный перевертыш – соперничают не братья, а сестры, что дает детективной составляющей дополнительный эффект: нельзя было ожидать, что грозный убийца всадник (тоже напоминающий «Сонную лошину» и десятки других подобных хорроров) окажется женщиной.

Примечателен финал фильма, который, очевидно, работал на возможное продолжение. К Гоголю, уже написавшему «Вечера на хуторе близ Диканьки», приходят А. Пушкин и М. Лермонтов, приглашая его стать соратником в тайном орденоборцов с демоническими силами. Тут-то и намечается Лига выдающихся джентльменов, русских писателей. Они могли бы решительно и весело противостоять тому тайному ордену, на который намекал чиновник-следователь Гуро: тот орден возглавляет Бенкендорф, а цель тайного общества – разгадка бессмертия.

Продюсеры, режиссеры, пресса – все обещали продолжение фильма. Но «Лиги выдающихся джентльменов русской литературы» не случилось: создатели фильма и сериала «Гоголь» занялись иными проектами. При всем том опыт с «Гоголем» можно приветствовать за безоглядную смелость трансфикционального воображения сценаристов и режиссера.

Нам представляется, что качество описанных здесь проектов далеко от совершенства. Однако статистика свидетельствует, что и в таком качестве эти произведения востребованы. «Гоголь», например, в сумме за три фильма заработал в прокате около полутора миллиардов рублей при бюджете менее 200 млн. У «Дуэлянта» были сборы в России

¹ «Анна-детектив»: интересные факты о съемках сериала // Дом кино. URL: <https://www.domkino.tv/news/20720> (дата обращения: 05.11.2024).

(более 5 млн долларов) и по миру (более 6 млн долларов). И сериал «Анна-детектив» получил немало премий, имел высокие рейтинги.

Стремление к созданию лиги, команды русских классиков, очевидно, не остывает в современной русской культуре. В 2023 году такой опыт был осуществлен писательницей Юлией Яковлевой в повести «Поэты и джентльмены». Здесь Владимир Даль собрал героев-писателей – воскрешенных А. Пушкина, М. Лермонтова, Н. Гоголя и А. Чехова – дабы противостоять писательницам Анне Радклиф, Джейн Остин, Мэри Шелли. Обе «команды» принимают деятельное участие в событиях Крымской войны в России, сражаясь друг с другом силой художественного воображения, литературного дара. Написанное гениями способно воплощаться в реальности – это воплощенная, материализованная в тексте идея о жизнеостроительной роли русской литературы. В повести Ю. Яковлевой множество интертекстуальных отсылок, а также намеченных, зарождающихся сюжетов, указывающих на возможное продолжение в создании литературной вселенной.

В целом же, хотя в области трансфикционального освоения отечественной классики XIX века есть состоявшиеся опыты, надо заметить, что

трансфикциональное воображение российской массовой культуры проявляет некоторую робость. Тому есть фундаментальные причины, коренящиеся в российской культурной традиции. Во-первых, отечественная литература XIX века, в отличие от французской или британской, не создала массовой качественной развлекательной литературы. Во-вторых, в отношении к высокой отечественной классике литературоцентричной русской культуре свойственна сакрализация авторства, в определенной степени препятствующая свободному обращению с материалом.

Впрочем, последнее обстоятельство даже создает национальную специфику трансфикциональной вселенной в русской культуре: в отличие от «Лиги выдающихся джентльменов», например, где персонажами становятся герои британской литературы, во вселенных русской литературы героями чаще оказываются сами писатели – Н. Гоголь, А. Пушкин, А. Чехов, М. Лермонтов. Сакрализованный статус фигуры писателя становится ресурсом, позволяющим создавать ореол могущества, необходимый для моделирования новых литературных миров. Сакральная сила слова пока работает в России, все еще литературоцентричной стране.

Литература

Вымышленная вселенная. – Текст : электронный // Большая российская энциклопедия. – URL: <https://bigenc.ru/c/vumyshlennaia-vselennaia-4b1fo2> (дата обращения: 24.10.2024).

Ильченко, С. Выйти из сумрака: рецензия на фильм «Гоголь. Страшная месть» / С. Ильченко. – Текст : электронный // Санкт-петербургские ведомости. – 10.09.2018. – URL: https://spbvedomosti.ru/news/culture/pri_chem_zdes_gogol (дата обращения: 20.10.2024).

Кавелти, Дж. Г. Изучение литературных формул / Дж. Г. Кавелти // Новое литературное обозрение. – 1996. – № 22. – С. 33–64.

Лавока, Ф. Граница между фактом и вымыслом в свете трехуровневой компаративистики / Ф. Лавока // Studia Literarum. – 2016. – Т. 1, № 3-4. – С. 29–42.

Лихачев, Д. С. Внутренний мир художественного произведения / Д. С. Лихачев // Вопросы литературы. – 1968. – № 8. – С. 74–87.

Москвитин, Е. «Дуэлянт»: Петербург XIX века как киновселенная / Е. Москвитин. – Текст : электронный // Meduza. – 18.09.2016. – URL: <https://meduza.io/feature/2016/09/18/duelyant-peterburg-xix-veka-kak-kinovselennaya> (дата обращения: 20.10.2024).

Муравьева, Л. В защиту реального / Л. Муравьева. – Текст : электронный // Новое литературное обозрение. – 2018. – № 5 (153). – URL: https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/153/article/20325/ (дата обращения: 20.10.2024).

Палкина, Е. Россияне назвали классические произведения, которые нуждаются в фанфиках / Е. Палкина. – Текст : электронный // Сноб. – 24.09.2024. – URL: <https://snob.ru/news/rossiane-nazvali-klassicheskie-proizvedeniia-kotorye-nuzhdaiutsia-v-fanfikakh/> (дата обращения: 15.10.2024).

Рейтблат, А. И. Взаимоотношения авторов и издателей во второй половине XIX – начале XX века / А. И. Рейтблат // От Бовы к Бальмонту и другие работы по исторической социологии русской литературы. – М. : Новое литературное обозрение, 2014а. – С. 251–276.

Рейтблат, А. И. Типы публикации и каналы распространения переводов зарубежной литературы в России во второй половине XIX – начале XX века / А. И. Рейтблат // Рейтблат А. И. Писать поперек. Статьи по биографии, социологии и истории литературы. – М. : Новое литературное обозрение, 2014б. – С. 104–120.

Самутина, Н. Великие читательницы: фанфикшн как форма литературного опыта / Н. Самутина // Социологическое обозрение. – 2013. – Т. 12, № 3. – С. 137–194.

Сосновский, Д. Лиха украинская хтонь. Сериал «Гоголь» – российский прорыв не только для хорроров / Д. Сосновский. – Текст : электронный // Российская газета. – 09.01.2019. – URL: <https://rg.ru/2019/01/09/serial-gogol-rossijskij-proryv-ne-tolko-dlia-horrorov.html> (дата обращения: 05.11.2024).

Domsch, S. Monsters against Empire: The Politics and Poetics of Neo-Victorian Metafiction in The League of Extraordinary Gentlemen / S. Domsch // Neo-Victorian Gothic: horror, violence and degeneration in the re-imagined nineteenth century / ed. by M.-L. Kohlke, Ch. Gutleben. – Amsterdam ; New York : Rodopi, 2012. – P. 97–122.

Dubourg, E. Exploratory preferences explain the cultural success of imaginary worlds in modern societies / E. Dubourg, V. Thouzeau, Ch. Dampierre, N. Baumard. – Text : electronic // *Nature*. – 28.05.2023. – URL: <https://www.nature.com/articles/s41598-023-35151-2> (mode of access: 23.10.2024).

Haugtvedt, E. Victorian penny press plagiarisms as transmedia storytelling / E. Haugtvedt. – Text : electronic // *Transformative Works and Cultures*. – 2021. – No. 36. – URL: <https://journal.transformativeworks.org/index.php/twc/article/view/2049/2861> (mode of access: 24.10.2024).

Marciniak, P. Transfictionality / P. Marciniak // *Forum of Poetics*. – Fall 2015. – P. 80–84.

Saint-Gelais, R. Fictions transfuges. La transfictionnalité et ses enjeux / R. Saint-Gelais. – Éditions du Seuil, 2011. – 608 p.

References

Cawelti, J. G. (1996). Izuchenie literaturnykh formul [The Study of Literary Formulas]. In *Novoe literaturnoe obozrenie*. No. 22, pp. 33–64.

Domsch, S. (2012). Monsters against Empire: The Politics and Poetics of Neo-Victorian Metafiction in The League of Extraordinary Gentlemen. In Kohlke, M.-L., Gutleben, Ch. (Eds.). *Neo-Victorian Gothic: horror, violence and degeneration in the re-imagined nineteenth century*. Amsterdam, New York, Rodopy, pp. 97–122.

Dubourg, E., Thouzeau, V., Dampierre, Ch., Baumard, N. (2023). Exploratory Preferences Explain the Cultural Success of Imaginary Worlds in Modern Societies. In *Nature*. URL: <https://www.nature.com/articles/s41598-023-35151-2> (mode of access: 23.10.2024).

Haugtvedt, E. (2021). Victorian Penny Press Plagiarisms as Transmedia Storytelling. In *Transformative Works and Cultures*. No. 36. URL: <https://journal.transformativeworks.org/index.php/twc/article/view/2049/2861> (mode of access: 24.10.2024).

Ilchenko, S. (2018). Vyiti iz sumraka: retsenziya na fil'm «Gogol'. Strashnaya mest'» [Out of the Twilight: Review of the Film “Gogol. Terrible Vengeance”]. In *Sankt-peterburgskie vedomosti*. URL: https://spbvedomosti.ru/news/culture/pri_chem_zdes_gogol (mode of access: 20.10.2024).

Lavoka, F. (2016). Granitsa mezhdru faktom i vymyslom v svete trekhurovnevoi komparativistiki [The Boundary between Fact and Fiction in the Light of Three-Level Comparative Studies]. In *Studia Literarum*. Vol. 1. No. 3-4, pp. 29–42.

Likhachev, D. S. (1968). Vnutrennii mir khudozhestvennogo proizvedeniya [The Inner World of a Work of Art]. In *Voprosy literatury*. No. 8, pp. 74–87.

Marciniak, P. (2015). Transfictionality. In *Forum of Poetics*, pp. 80–84.

Moskvitin, E. (2016). «Duelyant»: Peterburg XIX veka kak kinovselennaya [“The Duelist”: 19th Century Petersburg as a Cinematic Universe]. In *Meduza*. URL: <https://meduza.io/feature/2016/09/18/duelyant-peterburg-xix-veka-kak-kinovselennaya> (mode of access: 20.10.2024).

Muravyeva, L. (2018). V zashchitu real'nogo [In Defense of the Reality]. In *Novoe literaturnoe obozrenie*. No. 5 (153). URL: https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/153/article/20325/ (mode of access: 20.10.2024).

Palkina, E. (2024). Rossiyane nazvali klassicheskie proizvedeniya, kotorye nuzhdayutsya v fanfikakh [Russians Named Classic Literary Novels that need Fan Fiction]. In *Snob*. URL: <https://snob.ru/news/rossiiane-nazvali-klassicheskie-proizvedeniia-kotorye-nuzhdaiutsia-v-fanfikakh/> (mode of access: 15.10.2024).

Reitblat, A. I. (2014a). Vzaimootnosheniya avtorov i izdatelei vo vtoroi polovine XIX – nachale XX veka [Relationships between Authors and Publishers in the Second Half of the 19th – Early 20th Century]. In *Ot Bovy k Bal'montu i drugie raboty po istoricheskoi sotsiologii russkoi literatury*. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, pp. 251–276.

Reitblat, A. I. (2014b). Tipy publikatsii i kanaly rasprostraneniya perevodov zarubezhnoi literatury v Rossii vo vtoroi polovine XIX – nachale XX veka [Types of Publication and Distribution Channels of Translations of Foreign Literature in Russia in the Second Half of the 19th – Early 20th Centuries]. In Reitblat, A. I. *Pisat' poperek. Stat'i po biografike, sotsiologii i istorii literatury*. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, pp. 104–120.

Saint-Gelais, R. (2011). *Fictions transfuges. La transfictionnalité et ses enjeux*. Éditions du Seuil. 608 p.

Samutina, N. (2013). Velikie chitatel'nitsy: fanfikshn kak forma literaturnogo opyta [Great Readers: Fanfiction as a Form of Literary Experience]. In *Sotsiologicheskoe obozrenie*. Vol. 12. No. 3, pp. 137–194.

Sosnovsky, D. (2019). Likha ukrainskaya khton'. Serial «Gogol'» – rossiiskii proryv ne tol'ko dlya khorrrov [Ukrainian Chthonic Entities They are Dashing. The Gogol Series is a Russian Breakthrough Not Only for Horror Films]. In *Rossiiskaya gazeta*. URL: <https://rg.ru/2019/01/09/serial-gogol-rossijskij-proryv-ne-tolko-dlia-horrrov.html> (mode of access: 05.11.2024).

Vymyshlennaya vseleennaya [Fictional Universe]. In *Bol'shaya rossiiskaya entsiklopediya*. URL: <https://bigenc.ru/c/vymyshlennaia-vseleennaia-4b1fo2> (mode of access: 24.10.2024).

Данные об авторах

Абашев Владимир Васильевич – доктор филологических наук, профессор, Пермский государственный национальный исследовательский университет (Пермь, Россия).
Адрес: 614990, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15.
E-mail: vv_abashev@mail.ru.

Абашева Марина Петровна – доктор филологических наук, профессор, Пермский государственный национальный исследовательский университет (Пермь, Россия), Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет (Пермь, Россия).
Адрес: 614990, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15.
E-mail: m.abasheva@gmail.com.

Дата поступления: 04.11.2024; дата публикации: 28.12.2024

Authors' information

Abashev Vladimir Vasilievich – Doctor of Philology, Professor, Perm State University (Perm, Russia).

Abasheva Marina Petrovna – Doctor of Philology, Professor, Perm State University (Perm, Russia), Perm State Humanitarian Pedagogical University (Perm, Russia).

Date of receipt: 04.11.2024; date of publication: 28.12.2024

СОВРЕМЕННЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ЛИНГВИСТИКИ

УДК 811.111(73)367.625. DOI: 10.26170/2071-2405-2024-29-4-86-92. ББК Ш143.21-213.
ГРНТИ 16.21.27. Код ВАК 5.9.8; 5.9.5

QUASI-MODAL VERBS IN AMERICAN ENGLISH

Irina G. Zhirova

State University of Education (Moscow, Russia)
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-5684-3005>

Abstract. The article analyzes such a unique linguistic phenomenon as structural-systemic simplification, indicating the process of autonomization of American English in the macrosystem of World Englishes. Linguistic simplification is the dynamic process of separating American English from British English. Simplification of any language is based on the strategy of speech production in the communicative register. The article focuses on the aspect of grammatical simplification of the language on the material of some quasi-modal verbs. The urgency of the research is quite obvious and can be explained by the need for a comprehensive study of the structural-systemic simplification of American English, which underlies its autonomy in the macrosystem of World Englishes. The scope of the study embraces structural-systemic simplification, while the research object includes the grammatically competitive quasi-modal units *be going to* and *gonna*; *have to* / *have got to* and *gotta*; *want to* and *wanna*. The aim of the article consists in the need to analyze the impact of linguistic simplification on the autonomization of American English in the system of global English. In connection with this aim, the main tasks of the article are: a) to outline the sociohistorical and sociocultural aspect of the isolation of American English in the macrosystem of World Englishes; b) to identify the extralinguistic prerequisites for the formation of grammatically competitive quasi-modal units; c) to describe the grammaticalization of quasi-modal verbs, as well as to predict the possibility of its status segregation in the communicative register. The theoretical significance of the article can be attributed to the possibility of providing new data in the field of linguistic variantology of the English language regarding the position of American English in the macrosystem of World Englishes.

Keywords: language simplification; quasi-modal verbs; macrosystem of World Englishes; language autonomy; processuality; diversification; prototypical grammatical constructions

For citation: Zhirova, I. G. (2024). Quasi-modal Verbs in American English. In *Philological Class*. Vol. 29. No. 4, pp. 86–92. DOI: 10.26170/2071-2405-2024-29-4-86-92.

КВАЗИМОДАЛЬНЫЕ ГЛАГОЛЫ В АМЕРИКАНСКОМ ВАРИАНТЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

Жирова И. Г.

Государственный университет просвещения (Москва, Россия)
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-5684-3005>
SPIN-код: 3713-1385

Аннотация. Статья посвящена анализу такого уникального языкового явления, как структурно-системное упрощение, указывающего на процесс автономизации американского английского языка в макросистеме *World Englishes*. Языковое упрощение представляет собой динамический процесс разграничения между американским вариантом английского языка и британским английским. Кардинальные изменения в структуре любого языка базируются на стратегии речепроизводства в коммуникативном регистре. В статье акцентируется аспект грамматического упрощения языка на материале некоторых квазимодальных глаголов. *Актуальность* статьи очевидна и объясняется необходимостью всестороннего исследования структурно-системного упрощения американского английского, лежащего в основе его автономизации в макросистеме *World Englishes*. *Объектом* исследования является структурно-системное упрощение, в то время как *предметом* – грамматически конкурентные квазимодальные единицы *be going to* и *gonna*; *have to* / *have got to* и *gotta*; *want to* и *wanna*. *Цель* статьи заключается в необходимости анализа влияния языкового упрощения на автономизацию американского варианта английского языка в системе глобального английского. В связи с поставленной целью основными *задачами* статьи являются: а) установление социоисторического и социокультурного аспекта обособления американского английского в макросистеме *World Englishes*; б) выявление экстралингвистических предпосылок формирования грамматически конкурентных квазимодальных единиц; в) описание грамматикализации квазимодальных глаголов, а также представление возможности статусной сегрегации американского английского в коммуникативном регистре. *Теоретическую значимость* статьи можно определить восполнением лакуны в области лингвистической вариантологии английского языка относительно занимаемой позиции американского английского в макросистеме *World Englishes*.

Ключевые слова: упрощение языка; квазимодальные глаголы; макросистема «World Englishes»; автономизация языка; процессуальность; диверсификация; прототипические грамматические конструкции

Для цитирования: Жирова, И. Г. Квазимодальные глаголы в американском варианте английского языка / И. Г. Жирова. – Текст : непосредственный // Филологический класс. – 2024. – Т. 29, № 4. – С. 86–92. – DOI: 10.26170/2071-2405-2024-29-4-86-92.

Introduction

In the second half of the twentieth century, linguistics finally formed the idea of the macrosystem of World Englishes, which fixed the autonomy of various variants of the English language. Although British English served as the base language for the systematic division into discrete components, it is not the primary language in the World Englishes macrosystem. Perhaps all variants of English have attained the status of equal languages in this rather extensive multi-level language group. The process of autonomisation of variants of English is now quite dynamic.

Obviously, the British and American Englishes are the most studied from a comparative perspective. In the field of comparative studies, when comparing these two language variants, a fairly rich material has been collected on phonological, morphological, lexical and grammatical discrepancies. Researchers, as a rule, appeal to the phenomenon of “language simplification”. However, in the process of active development of theories and practices within various linguistic disciplines and directions, a whole range of interpretations of this concept has developed, and it is not always about simplification. More precisely, simplification refers to a more complex process involving the divergence of language systems: lexico-semantic, grammatical, syntactic, etc. Apparently, there are diversification processes characteristic of the diverse development of English language variants, which leads to their obvious linguistic divergence.

Language simplification is characterised mainly by processuality, as it is based on a certain communicative strategy, which implies the unfolding in time of the process of speech formation, in which an eclectic set of operations is presented: making a certain intonation pattern, avoiding the merging of consonants, changing the semantic content of certain lexical units, “restructuring” grammatical and syntactic structures, etc. At the same time, variants of linguistic behaviour vary within different language communities. The communicative and functional process of language simplification taking place in American English leads to results fixed in its speech-language system.

Therefore, language simplification is a communicative-cognitive, procedural strategy aimed mainly at generalizing the facts of language and speech. All language systems and subsystems are simplified, but this process is most clearly and obviously represented in the lexical and semantic system of a particular “variable” language. Any simplification in speech is aimed at creating comfortable conditions for the communicative act carried out by the interlocutors. Thus, it is obvious that communication between British people and emigrants from other countries will represent a certain systematic linguistic simplification of an intentional nature, which is so necessary to facilitate communication carried out in different communicative spheres. Gradually, some speech simplifications are

fixed in the language, therefore becoming fixed in the linguistic usus.

Simplified communicative registers can be conventionally represented as follows: the subject-initiator of simplification possesses speech-language resources either fully or insufficiently. In the first case it is the mother tongue and hence a fairly high linguistic competence, in the second case it is the lexifier language and hence insufficient, perhaps even low linguistic competence.

The process of language simplification is the most important factor of autonomisation of English language variants in the World Englishes macrosystem, which is necessary for the dynamic development of the language and for its qualitative change in the modern world, a kind of language adaptation to modern globally acceptable conditions of intercultural communication. It is paradoxical that the supposed simplification of language sometimes leads to more complex relations between languages in the World Englishes macrosystem.

When analysing the systemic and structural simplification of quasi-modal units in the American variant of English, it is necessary to take into account the studies of leading Russian and Western linguistic scholars in the fields of: a) contact variantology, ethno-linguistics and sociolinguistics: A. O. Barinova, E. S. Gritsenko [2024]; E. S. Gorodova [2016]; Z. G. Proshina [2020]; M. Revinsky [2000]; A. D. Schweitzer [1995a, 1995b]; J. L. Dillard [1980]; D. Crystal [2003]; E. Finegan, J. R. Rickford [2004]; D. Simpson [1986], etc.; b) linguocognitology, pragmalinguistics and communicative linguistics: I. G. Zhirova [2023, 2020]; A. V. Kravchenko [2021]; N. Chomsky [2006]; J. R. Hurford [2011], etc.; c) general theory of language: S. G. Ter-Minasova [2019]; V. Feshchenko [2022]; G. Harman [2024]; N. Chomsky [1972, 1986]; P. Collins [2009]; N. Goodman [1943]; A. J. Thomson, A. V. Martinet [1986], etc.

The key methodological principle in the article is linguistic structuralism, which views language as a holistic system, whose simplification is a dual transformation based on prescriptive and descriptive grammar.

The paper uses methods of linguistic analysis: a) descriptive, which allows to create a holistic picture of the object under study, b) structural, which analyzes the relationship between quasi-modal verbs in the modal language system, c) interpretive, involving theoretical and analytical processing of empirical material. In addition to the methods of linguistic analysis, general scientific methods are also used: analysis, synthesis and generalization.

Systemic and structural simplification of the American version of English

The dynamic development of the American variant of English predetermined a partial systemic and structural simplification of the language, which represents an ingenious evolutionary programme for the emergence and development of this variant of English.

At the same time, linguistic simplification is intralinguistically motivated and indicates changes in the inventory of phonological, morphological, lexical and grammatical units constituting the language system, thus strengthening the diversification potential of American English.

American English has largely been shaped artificially, under the deliberate influence of language normativity, standardisation and unification [Crystal 2003].

At present, there is a clear language policy: on the one hand, American English acts as a means of self-identification of the already fully formed American nation; and on the other hand, with the increasing number of migrants, primarily from Latin American countries, there is an obvious course for further democratisation and liberalisation of the language under the influence of mainly Spanish-speaking countries. It seems that language policy in the United States allows us to subdivide the grammar of American English into a) prescriptive: explanatory and more objectively motivated, historically linked to British English; and b) descriptive: communicatively oriented and more national subjective, partly already formed in the United States, yet still continuing to be modified by political, economic and cultural processes.

Thus, generativism introduced to a certain extent an objective criterion set of indicators for evaluating grammar, or rather semantic grammar, in the language system of American English. At the same time, interpretivism presupposes a somewhat grammatical dialogicality, according to which grammar, while sometimes being an overly structured system of language, is communicatively quite flexible, fluid, hybrid and to some extent unpredictable, which is characteristic, as a rule, of dynamically flowing, large-scale communication.

Interpretive grammar takes into account the epistemological approach according to which meaning is formed and reproduced by members of linguistic communities. This is the competitiveness of two grammars coexisting within one language (American English): prescriptive and descriptive, which allows us to partially explain their synchronous variability.

It should be noted that N. Chomsky proposed to introduce such a parameter as “simplicity measure” (simplicity metric) – “a way of comparative evaluation of proposed alternative grammars” [Chomsky 1972: 33]. According to the philosophy of language, “the more a system allows us to minimize the set of principles underlying it, the more broadly the structure of internal relationships in a given system can be represented” [Goodman 1943: 107]. Therefore, the range of grammatical constructions allowed in the language is wider under the condition of less strict grammatical regulation, which is quite characteristic of communicative-oriented grammar. Obviously, a less regulated grammar is descriptive grammar, since it is based on an anthropo-oriented communicative-functionalist approach. Functionalism takes into account the possibility of several forms of realisation of grammatical meanings, while communicativism mainly aims at a simplified, largely optimal way of grammatical choice in the

communicative act.

For example, in the communicative use of the grammatical system of the modern American version of the English language, the following quasi-modal grammatical pairs are fixed: *be going to* and *gonna*; *have to / have got to* and *gotta*; *want to* and *wanna*. Grammaticalization, being a purposeful source of generating “innovative” forms, led to the expansion of the inventory of simplified grammatical tools formed on the basis of already existing, well-known constructions: *be going to*, *have to / have got to*, *want to*. In the communicative register of some speech-language communities, simplified grammatical means – *gonna*, *gotta*, *wanna* – compete with them.

The prototypical grammatical constructions of *be going to*, *have to / have got to*, *want to* have undergone significant phonetic simplification of *gonna*; *gotta*; *wanna*. At the same time, *firstly*, phonetic “erosion” / phonetic distortion has an obvious systemic, typed, analog character, *secondly*, lexical forms have been optimized (shortened); *thirdly*, syntactic structures have been simplified, up to their complete loss.

The grammatical system of a language, as rules, has a rigid, most stable character and, therefore, is less susceptible to innovative changes than, for example, the lexical-semantic system. Grammatical forms and categories are quite stable and not prone to dynamic changes. Nevertheless, there is also a more intensive accumulation of some grammatical changes nowadays, as many socio-cultural factors cannot but have a significant influence on language. Therefore, there is an expansion of grammatical variation, influenced primarily by the need to simplify some grammatical forms and syntactic constructions within communication.

The regular functioning of grammatical doublets leads to the consolidation of simplified forms in the language, which gradually displace historically formed grammatical constructions. In such a case it is a matter of social acceptability of grammatical innovations. At the same time, there is a change in the volume of semantic content of the compared grammatical forms in the language, which is explained by some mismatch of their communicative functions. At the same time, it can be stated that innovative grammatical forms are characterised by the expansion of the volume of semantic content under the influence of individual inter-grammar, formed in the speech behaviour of a particular linguistic person belonging to a particular linguistic collective.

At the same time, historically and comparatively new, communicatively conditioned grammatical forms in common use are idiolects, heterogeneous formations within the variation potential of the language. The consolidation of innovative forms in the language is preceded by a period of inter- and intra-individual variation. A linguistic personality, as a rule, in the process of language acquisition gets acquainted with the established (conservative) and new grammatical forms and under the influence of the dominant speech behavior in the language community to which he/she belongs, the choice of one or another grammatical variant takes place.

Obviously, it is important to determine the status of some grammatical constructions *be going to*, *have to* / *have got to*, *want to* and their reduced, abbreviated (simplified) forms *gonna*; *gotta*; *wanna*. Thus, within the framework of modern communicative-oriented grammar, these verb constructions occupy an intermediate position between full-meaning verbs and auxiliary verbs. At the same time, in the modality system of English some quasi-modal verbs are qualified as semantically weakened idiomatic expressions.

In the grammar of American English, under the influence of socially conditioned speech-language political correctness, a decrease in the use of modal verbs and an increase in the use of quasi-modal verbs can be traced. The political correctness of linguistic behavior implies that modal verbs act as sufficiently strong markers of obligation, necessity, and confidence, which indicates an obvious social stratification and hierarchy. That is why participants in the communicative process, in order to establish linguistic social equality, prefer modalized verbs and their doublets in informal communication. This ultimately leads to a narrowing of the gap between oral and written communication.

Of course, it is necessary to consider the process of grammaticalization, which represents “the loss of an independent lexical meaning by a word (or word form) and the transformation of such a desemantized lexical unit into a grammatical indicator” [Revisky 2000: 16]. Grammaticalization precedes linguistic simplification as an obvious linguistic change. Thus, full-valued verbs initially lack modal meanings, however, in some specific statements a sign of modality appears, which leads to their semantic convergence with the actual modal verbs.

For example, in the semantics of the quasi-modal verb expression *be going to*, there is a gradual development of modality, which is explained by the addition of markers (indicators) of intentionality and futurity to the original meaning of “movement” (movement observed in space). Therefore, in this grammatical construction, the process of andantive (gradual and step-by-step) semantic modification of meaning is fixed: the primary meaning of *movement* + the indicator of *futurity* + the indicator of *intentionality*. It is obvious that the development of modality is associated to a greater extent with intentionality, one of the features of which is purposefulness, implicitly fixed in the preposition *to*. There is an obvious syntactic change in this construction, leading to a strengthening of the function of the auxiliary modalized verb.

So, in this case we are talking about a certain inferential information completeness with the help of an infinitive complement: *be going to do smth*. The inferential information about the speaker's intention is derived from the implicit one. Later, within the framework of the category of modality, under the influence of a descriptive approach to grammar, a new, communicatively conditioned, abbreviated colloquial form *gonna* was formed. Therefore, we are talking about the synchronous variability (grammatical doublet) of *be going to* and *gonna*. The appearance of the reduced form of the modalized verb *gonna* is provoked by the

structural simplification of the prototypical construction of *be going to*.

In general, a similar process of grammaticalization of the initially full-fledged verb *to have* in diachronic terms is observed in the phased formation of the modal-deontic meaning of *obligation*. The verb *to have* is treated differently in different grammars: some linguists refer this verb to modal verbs (or rather, to modal expressions) [Thomson, Martinet 1986: 139–141], while others – to quasi-modal units [Collins, 2009]: a) semi-modal (*have got to*, *have better*, *would rather*, etc.) and lexico-modal (*have to*, *be going to*, *want to*, *need to*, *be able to*, *be about to*, etc.).

Thus, there is a change not only in lexical, but also in syntactic semantics of the lexico-modal (quasi-modal) verb *to have*. A change in the syntactic behavior of this verb leads to its partial modalization, therefore, to a) a change in the grammatical status in the language, as well as b) a reduction in the distant syntagmatic environment (cf.: *have smth to do smth* / *have to do smth*).

However, the grammaticalization process of this verb has not been completed at this stage. To preserve the sense of possessiveness, the lexical composition was expanded by adding the verb phrase *got – have got smth* to the grammatical structure. At the same time, there was also a process of partial modalization of an already new grammatical construction, in which the penetration of the verb *got* into the quasi-modal verb *have to* ==> *have got to do smth* is observed.

Thus, there is once again a logical explanation for the appearance of the verb word form *got* in the grammatical construction. This results from the phonetic simplification of the structure of the word *have*, since at the junction of the joint use of personal pronouns with this verb in the colloquial register, there is a formal contraction of sounds at the phonetic level (phonetic contraction) *I have* ==> *I've*.... To preserve the phonetic stability of the grammatical structure, an additional word was required, the most successful of which turned out to be the word form *got*. At the same time, the appearance of *got* in the grammatical construction of *have to do smth* predetermined the formation of the modalized idiomatic expression *have got to do smth*. The simplification of this quasi-modal idiom to the word-form *gotta* is indicative of an inherent evolutionary process that takes place under the influence of extra- and interlinguistic factors in American English. These factors underly the systemic and structural reduction of the language and some semantic devaluation of linguistic systems and subsystems in the spoken communicative register.

It is necessary to consider the semantic dynamics of the semantic development of the verb *want*, borrowed into English from the Scandinavian language: *vanta* – insufficiency, small amount (pre-modal meaning) [Online Etymology Dictionary].

With time, the meaning of *insufficiency* was replaced by the meaning of *necessity*. The semantic shift is explained by the causal relationship of the two meanings, since *insufficiency* implies the *need* to somehow make up for the alleged deficiency. At the same time, the meaning of *necessity* already demonstrates

the modal potential of this verb. Further, the meaning of *necessity* underwent a new semantic update related to the clarification of this meaning. We are talking about a *desirable necessity*, while logically emphasizing the lexeme *desirable*. A new meaning of *desirability* is fixed in the verb, which in turn already indicates a quasi-modal generalized meaning of “weakened expression of will”.

Gradually, in the process of grammaticalization of the verb *want*, the modality is actualized, since the possibility of an infinitive complement increases, due to the need to clarify and concretize a new object of modal relations: *want to*. Further, within the framework of the communicative functionality of the American version of the English language, there is an obvious functional distancing of the new reduced word form *wanna* from its prototype *want to*.

Therefore, as part of the further development of the category of modality, there is a synchronous functioning of grammatical doublets of both full-fledged and abbreviated forms of quasi-modal verbs, indicating the increasing influence of the grammaticalization process on the American version of the English language.

Conclusions

In conclusion we summarize some of the results of our scientific essay devoted to the study of the structural and systemic simplification of grammatically competitive quasi-modal verbs (*be going to*, *have to* / *have got to*, *want to* and their reduced, simplified forms *gonna*; *gotta*; *wanna*) in the American version of the English language.

The analysis establishes, *firstly*, the coexistence of grammatically competitive units in American English,

which indicates their synchronic variation, which in turn has an inter- and intra-individual character.

Secondly, in the American version of the English language, there is a separation of the integral grammar into prescriptive and descriptive, which ultimately is the determining factor in the doublet of quasi-modal verbs.

Thirdly, the grammaticalization process, which affects the development of grammatical constructions presented in the paper, demonstrates a step-by-step semantic simplification of *be going to*, *have to* / *have got to*, *want to* due to their desemantization, which in turn led to the optional elements of these verbal expressions, and subsequently to the unconditional simplification of the phonetic appearance (*gonna*; *gotta*; *wanna*), as well as the appearance and gradual strengthening of the modal factor.

Fourthly, the consolidation of quasi-modal meaning is associated with the semantic development in the structure of these grammatical constructions of such modalized meanings as intentionality and desirability (expression of will).

Fifthly, the structural simplification of these constructions has a multifactorial character, indicating a close interaction between the mechanisms of grammaticalisation, including the change of the infinitive marker, the erasure of some morphemic boundaries, leading further to some phonetic reductions.

Sixthly, it is clear that the grammaticalization of quasi-modal grammatical constructions is not an arbitrary transformation, but has a systematic, typed character.

Therefore, the simplification of quasi-modal verbs is dictated by the necessity to meet the speech needs of communication participants.

Литература

Баринаова, А. О. Этничность в англоязычной картине мира (на материале лексикографии и корпусов) : монография / А. О. Баринаова, Е. С. Гриценко. – 4-е изд. стереотип. – М. : Флинта, 2024. – 168 с.

Городова, Е. С. Системно-структурное упрощение как фактор автономизации американского варианта английского языка в макросистеме World Englishes : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Е. С. Городова. – М., 2016. – 20 с.

Жирова, И. Г. Структура высказывания и система языковых коммуникативных средств: на материале современных художественных произведений / И. Г. Жирова // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. – 2020. – Т. 6, № 3. – С. 85–98.

Жирова, И. Г. Лингвистическая категория эмфатичность в антропоцентризме: Языковая личность Маргарет Тетчер в эмоционально-оценочном дискурсе (издание стереотипное) : монография / И. Г. Жирова. – М. : ЛЕНАНД, 2023. – 253 с.

Кравченко, А. В. Открывая язык заново: От нереалистичной лингвистики к реальной науке о языке. От структурализма и когнитивизма – к экологическому реализму (Новая повестка дня в языкознании) / А. В. Кравченко. – М. : ЛЕНАНД, 2021. – 432 с.

Прошина, З. Г. Контактная вариантология английского языка: Проблемы теории. World Englishes Paradigm : уч. пособие / З. Г. Прошина. – М. : URSS, 2020. – 208 с.

Ревинский, М. Систематизация описания реляционных аффиксов грамматикализационного происхождения в финно-угорских языках (на примере именного словоизменения) / М. Ревинский // Lincvistica-Uralica. – 2000. – № 1. – С. 16–31.

Тер-Минасова, С. Г. Синтагматика речи. Онтология и эвристика. Общая и английская синтагматика составных номинативных групп / С. Г. Тер-Минасова. – М. : URSS, 2019. – 200 с.

Фещенко, В. В. Язык в языке / В. В. Фещенко. – М. : Либроком, 2022. – 368 с.

Харман, Г. Объектно-ориентированная онтология. Новая теория всего / Г. Харман. – М. : Либроком, 2024. – 256 с.

- Хомский, Н. Аспекты теории синтаксиса / Н. Хомский ; пер. с англ. В. А. Звегинцева. – М. : Издательство Московского университета, 1972. – 258 с.
- Швейцер, А. Д. Американский вариант литературного английского языка: пути формирования и современный статус / А. Д. Швейцер // Вопросы языкознания. – 1995а. – № 6. – С. 3–16.
- Швейцер, А. Д. История американского варианта английского языка: дискуссионные проблемы / А. Д. Швейцер // Вопросы языкознания. – 1995б. – № 3. – С. 77–91.
- Chomsky, N. *Knowledge of Language: Its Nature, Origin, and Use* / N. Chomsky. – Greenwood Publishing Group, 1986. – 307 p.
- Chomsky, N. *Language and Mind* / N. Chomsky. – 3rd edition. – Cambridge : Cambridge University Press, 2006. – 190 p.
- Collins, P. *Modals and Quasi-modals in English* / P. Collins. – Rodopi, 2009. – 193 p.
- Crystal, D. *English as a Global Language* / D. Crystal. – 2nd edition. – Cambridge : Cambridge University Press, 2003. – 212 p.
- Dillard, J. L. *Perspectives on American English* / J. L. Dillard. – The Hague : Mouton Publishes, 1980. – 467 p.
- Finegan, E. *Language in the USA: Themes for the Twenty-First Century* / E. Finegan, J. R. Rickford. – Cambridge : Cambridge University Press, 2004. – 502 p.
- Goodman, N. *On the Simplicity of Ideas* / N. Goodman // *The Journal of Symbolic Logic*. Association for Symbolic Logic. – 1943. – Vol. 8, issue 4. – P. 107–121.
- Hurford, J. R. *The Origins of Grammar: Language in the Light of Evolution II* / J. R. Hurford. – Oxford : Oxford University Press, 2011. – 791 p.
- Online Etymology Dictionary. – URL: <https://www.etymonline.com/word/want> (mode of access: 15.12.2024). – Text : electronic.
- Simpson, D. *The Politics of American English* / D. Simpson. – Oxford : Oxford University Press, 1986. – 301 p.
- Thomson, A. J. *A Practical English Grammar* / A. J. Thomson, A. V. Martinet. – Oxford : Oxford University Press, 1986. – 383 p.

References

- Barinova, A. O., Gritsenko, E. S. (2024). *Etnichnost' v angloyazychnoi kartine mira (na materiale leksikografii i korpusov)* [Ethnicity in the English-language Picture of the world (Based on Lexicography and Corpora)]. 4th edition. Moscow, Flinta. 168 p.
- Chomsky, N. (1972). *Aspekty teorii sintaksisa* [Aspects of the Theory of Syntax]. Moscow, Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta. 258 p.
- Chomsky, N. (1986). *Knowledge of Language: Its Nature, Origin, and Use*. Greenwood Publishing Group. 307 p.
- Chomsky, N. (2006). *Language and Mind*. 3rd edition. Cambridge, Cambridge University Press. 190 p.
- Collins, P. (2009). *Modals and Quasi-modals in English*. Rodopi. 193 p.
- Crystal, D. (2003). *English as a Global Language*. 2nd edition. Cambridge, Cambridge University Press. 212 p.
- Dillard, J. L. (1980). *Perspectives on American English*. The Hague, Mouton Publishes. 467 p.
- Feshchenko, V. V. (2022). *Yazyk v yazyke* [Language in Language]. Moscow, Librokom. 368 p.
- Finegan, E., Rickford, J. R. (2004). *Language in the USA: Themes for the Twenty-First Century*. Cambridge, Cambridge University Press. 502 p.
- Goodman, N. (1943). *On the Simplicity of Ideas*. In *The Journal of Symbolic Logic*. Association for Symbolic Logic. Vol. 8. Issue 4, pp. 107–121.
- Gorodova, E. S. (2016). *Sistemno-strukturnoe uproschenie kak faktor avtonomizatsii amerikanskogo varianta angliiskogo yazyka v makrosisteme World Englishes* [Systemic-Structural Simplification as a Factor of Autonomization of the American Version of English in the Macrosystem World Englishes]. Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Moscow, 20 p.
- Hurford, J. R. (2011). *The Origins of Grammar: Language in the Light of Evolution II*. Oxford, Oxford University Press. 791 p.
- Kharman, G. (2024). *Ob'ektno-orientirovannaya ontologiya. Novaya teoriya vsego* [Object-Oriented Ontology. A New Theory of Everything]. Moscow, Librokom. 256 p.
- Kravchenko, A. V. (2021). *Otkryvaya yazyk zanovo: Ot nerealistichnoi lingvistiki k real'noi nauke o yazyke. Ot strukturalizma i kognitivizma – k ekologicheskomu realizmu (Novaya povestka dnya v yazykoznanii)* [Opening the Language Again: From Unrealistic Linguistics to Real Language Science. From Structuralism and Cognition to Ecological Realism (New Daily Story in Language Science)]. Moscow, LENAND. 432 p.
- Online Etymology Dictionary. URL: <https://www.etymonline.com/word/want> (mode of access: 15.12.2024).
- Proshina, Z. G. (2020). *Kontaktnaya variantologiya angliiskogo yazyka: Problemy teorii. World Englishes Paradigm* [Contact Variation of the English Language: Problems of Theory. World English Paradigm]. Moscow, URSS. 208 p.
- Revinsky, M. (2000). *Sistematizatsiya opisaniya relyatsionnykh affiksov grammatikalizatsionnogo proiskhozhdeniya v finno-ugorskikh yazykakh (na primere imennogo slovoizmeneniya)* [Systematization of the Description of Relational Affixes of Grammatical Origin in Finno-Ugric Languages (Using the Example of Nominal Inflection)]. In *Lincvistica-Uralica*. No. 1, pp. 16–31.
- Schweitzer, A. D. (1995a). *Amerikanskii variant literaturnogo angliiskogo yazyka: puti formirovaniya i sovremennyy status* [American Literary English: Ways of Formation and Modern Status]. In *Voprosy yazykoznaniiya*. No. 6, pp. 3–16.

Schweitzer, A. D. (1995b). Istoriya amerikanskogo varianta angliiskogo yazyka: diskussionnye problemy [History of American English: Controversial Issues]. In *Voprosy yazykoznaniiya*. No. 3, pp. 77–91.

Simpson, D. (1986). *The Politics of American English*. Oxford, Oxford University Press. 301 p.

Ter-Minasova, S. G. (2019). *Sintagmatika rechi. Ontologiya i evristika. Obshchaya i angliiskaya sintagmatika sostavnykh nominativnykh grupp* [Syntagmatics of Speech. Ontology and Heuristics. General and English Syntagmatics of Compound Nominative Groups]. Moscow, URSS. 200 p.

Thomson, A. J., Martinet, A. V. (1986). *A Practical English Grammar*. Oxford, Oxford University Press. 383 p.

Zhirova, I. G. (2020). Struktura vyskazyvaniya i sistema yazykovykh kommunikativnykh sredstv: na materiale sovremennykh khudozhestvennykh proizvedenii [The Structure of the Utterance and the System of Linguistic Communicative Means: Based on Contemporary Works of Art]. In *Nauchnyi rezul'tat. Voprosy teoreticheskoi i prikladnoi lingvistiky*. Vol. 6. No. 3, pp. 85–98.

Zhirova, I. G. (2023). *Lingvisticheskaya kategoriya emfatichnost' v antropotsentrizme: Yazykovaya lichnost' Margaret Tetcher v emotsional'no-otsenochnom diskurse* [Linguistic Category of Emphaticness in Anthroposentience: Margaret Tetcher's Linguistic Personality in Emotional-Sensuality Discourse]. Moscow, LENAND. 253 p.

Данные об авторе

Жирова Ирина Григорьевна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры переводоведения и когнитивной лингвистики, Государственный университет просвещения (Москва, Россия).

Адрес: 105082, Россия, Москва, Переведеновский пер., 5.

E-mail: zhirova557@yandex.ru.

Author's information

Zhirova Irina Grigoryevna – Doctor of Philology, Professor, Professor of Department of Translation Studies and Cognitive Linguistics, State University of Education (Moscow, Russia).

Дата поступления: 27.05.2024; дата публикации: 28.12.2024

Date of receipt: 27.05.2024; date of publication: 28.12.2024

УДК 811.161.1'374. DOI: 10.26170/2071-2405-2024-29-4-93-100. ББК Ш141.12-4.
ГРНТИ 16.21.65. Код ВАК 5.9.8

К ВОПРОСУ О КОДИФИКАЦИИ ПРЕДЛОЖНО-ПАДЕЖНЫХ ФОРМ В «РУССКОМ ОРФОГРАФИЧЕСКОМ СЛОВАРЕ»

Сложеникина Ю. В.

Университет «Синергия» (Москва, Россия)
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-4982-7802>
SPIN-код: 5293-4241

Зайцева А. С.

Финансовый университет при Правительстве
Российской Федерации (Москва, Россия)
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-6035-7197>
SPIN-код: 1164-0785

А н н о т а ц и я . Цель данного исследования – обратить внимание на новую тенденцию, связанную с пополнением словаря академического «Русского орфографического словаря». С 2016 года словарь имеет не только печатную, но и цифровую версию, что позволяет пополнять его словарную базу в режиме реального времени. В настоящее время авторы-составители стали включать в словарь не только слова, но и устойчивые предложно-падежные формы. При широком подходе к идиоматике русского языка такие конструкции рассматриваются как фразеологические. Некоторые из них обладают качеством идиоматичности, некоторые – нет, но все они являются лексикализованными формами, уподобляются слову, т. е. обладают значением, морфологической характеристикой, являются членами предложения, характеризуются устойчивостью и воспроизводимостью. Материалом исследования в статье послужили неодносоставные языковые единицы – предложно-падежные формы, собранные методом сплошной выборки из «Русского орфографического словаря». Исследовательскую базу составили 27 языковых единиц, зафиксированных в словаре с 2020 по 2023 годы. В статье предложен разноаспектный анализ устойчивых предложно-падежных форм. Результатом исследования стали следующие выводы. В-первых, с точки зрения сферы употребления словарь фиксирует не только нейтральные, общеупотребительные устойчивые предложно-падежные формы. Достаточно широко представлена разговорная, просторечная, профессиональная лексика. Во-вторых, некоторые конструкции стали мотивирующими формами для создания новых языковых единиц. В данной группе лексики отмечаются случаи морфолого-синтаксического словообразования, когда наречие переходит в предлог или междометие. В-третьих, предложно-падежные формы, будучи достаточно частотными узальными единицами, развивают многозначность. Наблюдаются семантический дрейф, метафоризация отдельных форм, некоторые предложно-падежные формы приобретают оттенки иронии, юмора, сарказма. В-четвертых, для многих словарных форм характерен эллипсис. Являясь по большей части фразеологическими сочетаниями, т. е. формами, допускающими вариативность, при занесении в словарь они утрачивают непостоянный член, а словарной статьёй становится только стабильная предложно-падежная конструкция. В-пятых, для фиксации в словаре имеют значение вопросы культуры речи, синтаксической нормы.

К л ю ч е в ы е с л о в а : «Русский орфографический словарь»; лексикография; лексикология; лексика; фразеология; устойчивая предложно-падежная форма; кодификация

Д л я ц и т и р о в а н и я : Сложеникина Ю. В. К вопросу о кодификации предложно-падежных форм в «Русском орфографическом словаре» / Ю. В. Сложеникина, А. С. Зайцева. – Текст : непосредственный // Филологический класс. – 2024. – Т. 29, № 4. – С. 93–100. – DOI: 10.26170/2071-2405-2024-29-4-93-100.

ON THE ISSUE OF CODIFICATION OF PREPOSITIONAL CONSTRUCTIONS IN THE RUSSIAN ORTHOGRAPHIC DICTIONARY

Yulia V. Slozhenikina

Synergy University (Moscow, Russia)
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-4982-7802>

Alla S. Zaitseva

Financial University under the Government
of the Russian Federation (Moscow, Russia)
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-6035-7197>

Abstract. The aim of this research is to draw scholars' attention to a new trend associated with the replenishment of the academic *Russian Orthographic Dictionary*. Since 2016, the dictionary has had a digital version in addition to the printed one, allowing vocabulary base replenishment in real time. At present, the dictionary is replenished not only with words, but also with stable prepositional constructions. In accordance with a broad approach to Russian idiomatics, such constructions are also included in the category of phraseological ones. Some of them possess the quality of idiomatic constructions, some do not, but they are all lexicalized forms, they are similar to a word, that is, they have a meaning, a morphological characteristic, they are members of a sentence, and they are characterized by stability and reproducibility. The practical research material encompasses multi-component linguistic units – prepositional constructions collected via the complete sampling method from the *Russian Orthographic Dictionary*. The research sample consists of 27 linguistic units fixed in the dictionary from 2020 to 2023. The article analyzes various aspects of these stable prepositional constructions. As a result of the study, the authors make the following conclusions. First, from the point of

view of the sphere of use, the dictionary fixes not only neutral or common stable prepositional constructions. Spoken, colloquial, and professional lexical units are widely represented in the dictionary. Second, some constructions have become original motivating forms for creating new language units. In this lexical group, there are instances of morphological-syntactic word formation, when an adverb turns into a preposition or an interjection. Third, the prepositional constructions, being sufficiently frequent usual units, develop polysemy. There is a semantic drift, metaphorization of certain forms; some prepositional constructions take on shades of irony, humor, or sarcasm. Fourth, many word forms are characterized by ellipsis. Being mostly phraseological combinations, that is, forms allowing variability, while entering the dictionary they lose their unstable member, and only a stable prepositional construction forms a dictionary entry. Fifth, issues of speech culture and syntactic norm are also significant for their fixation in the dictionary.

Key words: Russian Orthographic Dictionary; lexicography; lexicology; vocabulary; phraseology; stable prepositional constructions; codification

For citation: Slozhenikina, Yu. V., Zaitseva, A. S. (2024). On the Issue of Codification of Prepositional Constructions in the Russian Orthographic Dictionary. In *Philological Class*. Vol. 29. No. 4, pp. 93–100. DOI: 10.26170/2071-2405-2024-29-4-93-100.

Введение

В динамичные периоды жизни общества одним из актуальных направлений языкознания является практическая лексикографическая деятельность. Современная лексикография значительно расширила свои возможности в связи с цифровизацией словарного дела. Самым большим и авторитетным орфографическим словарем является «Русский орфографический словарь» под редакцией В. В. Лопатина [Русский орфографический словарь]. В первом издании словаря 1999 г. содержалось около 160 000 слов. К настоящему времени состоялось 5 «бумажных» переизданий словаря, дополненными среди которых были второе, 2005 г., (плюс около 20 000 слов) и четвертое, 2012 г., (плюс около 20 000 слов) переиздания. Начиная с 2016 г. Институтом русского языка им. В. В. Виноградова РАН формируется цифровой научно-информационный орфографический академический ресурс «Академос», частью которого является академический орфографический словарь. Словарь пополняется новыми словами в режиме реального времени (2020 г. – 650 новых статей, 2021 г. – 152, в 2022 г. добавлено более 150 статей, в 2023 г. – 214 статей). Внедрение новых цифровых практик в словарное дело максимально сократило время между узуализацией (появлением в речи) и кодификацией (фиксацией в словаре) слова. Благодаря этому стало возможным достаточно быстро на верифицированном материале отследить и проанализировать основные тенденции развития русского языка за прошедший период. Наше исследование коснется одного наблюдения – пополнения общеупотребительного словаря устойчивыми предложно-падежными формами.

Вслед за В. В. Виноградовым принято выделять связанные лексические единицы и связанные значения слов. Диапазон изучаемых феноменов очень большой – от слова до предложения. Т. В. Романова замечает, что «существует большое количество типов фразеологизированных конструкций» [Романова 2018: 247], вариативность их терминологических определений, сложности с разграничением и классификацией.

При широком понимании фразеологии в ее состав входят семантико-грамматические словоформы, функционирующие в языке как эквиваленты отдельного слова типа *по барабану*, *с полпинка* и

т. п. Р. П. Рогожникова приравнивает такие фразеологизированные предложно-падежные формы к словам, называет их эквивалентами слова, сочетаниями, эквивалентными слову, устойчивыми сочетаниями, соотносительными со словами [Рогожникова 1977]. Со словом такие формы рождают признаки устойчивости, воспроизводимости, единства значения; с фразеологизмами – качества раздельно-оформленности и идиоматичности. Г. Н. Сергеева считает данные предложно-падежные формы результатом лексикализации, когда раздельно-оформленная языковая единица приобретает целостное значение, подобное лексическому значению имени существительного [Сергеева 2000]. На трансформации предложно-падежных форм обращает внимание Т. В. Леванова с соавторами [Леванова 2020].

О. В. Григоренко и Ж. И. Руденя замечают, что процесс лексикализации не всегда приводит к идиоматичности значения: «среди лексикализованных форм могут быть как фразеологизированные, так и нефразеологизированные» единицы [Григоренко 2015: 56]. Фразеологизация является высшей ступенью лексикализации, ей свойственны экспрессивность, оценочность, устойчивость, воспроизводимость в готовом виде фразеологизированных предложно-падежных форм [Там же]. Г. Н. Сергеева называет такие конструкции лексикализованными предложно-падежными словоформами, О. В. Григоренко и Ж. И. Руденя – фразеологизированными предложно-падежными формами, Л. А. Золотарева, Ц. Жэнь и некоторые другие – синтаксическими фразеологическими единицами (СФЕ), Н. О. Григорьева – фразеосхемами, В. Ю. Меликян говорит о синтаксической фразеологии, Л. Л. Иомдин – о синтаксических фраземах. По сути, речь идет о том, к чему ближе эти выражения: к слову, не обладающему признаком идиоматичности, или к фразеологизму, при классическом понимании наделенному этим свойством.

В пользу лексикализации подобных форм говорит тот факт, что они фиксируются нефразеологическими словарями, например: «Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный» Т. Ф. Ефремовой определяет выражение *под барабан*, нареч. разг. 'Под звуки, при звуках барабана' [Ефремова 2000]. В нашем исследовании будем называть такие конструкции устойчивыми предложно-падежными формами (далее – УППФ).

С одной стороны, термин своей формой указывает на грамматическую характеристику данной языковой единицы (предложно-падежная форма), противопоставляя ее фразеологизму, с другой – отсылает к разряду лексикализованных форм (устойчивая). Однако значение таких выражений обычно легко выводимо и зачастую не осложнено образностью, в связи с чем определение «устойчивая» представляется более приемлемым, чем «фразеологизированная».

Материал и методы исследования

Материалом исследования в статье послужат неодносоставные языковые единицы – предложно-падежные формы, собранные методом сплошной выборки из «Русского орфографического словаря» (далее – РОС). РОС является академическим словарем, отражающим русскую лексику вплоть до текущего времени в максимальном объеме. Цифровая версия словаря ежегодно пополняется, при этом его авторы-составители отмечают, что фиксируются не только неологизмы, но и слова, давно бытовавшие в языке, но не имевшие словарной «прописки». К примеру, среди отобранных нами языковых единиц имеется УППФ *на штыки* (поднять). По данным Национального корпуса русского языка, эта форма как свободная (несвязанная) в литературе встречалась уже в конце XVIII в.: *Напоследок наши храбрые войска выступили с батарееи и пошли на штыки с малым числом турок и албанцев, совершенно разбили французов* (С. М. Тесельницкий. Из исторического журнала Ф. Ф. Ушакова, который велся во время ионической кампании 1798–1799 гг. действия соединенных эскадр при блокаде острова и крепости Корфу (1798)) [НКРЯ]. Для конца XVIII – начала XIX вв. характерно сочетание с глаголами *идти, повести, бросаться*. Но уже при описании Отечественной войны 1812 г. появляется устойчивая метафора *на штыки* (поднять): *Храбрые их войска многие неприятельские толпы подняли на штыки* (Ф. Н. Глинка. Письма русского офицера о Польше, Австрийских владениях, Пруссии и Франции, с подробным описанием отечественной и заграничной войны с 1812 по 1814 год (1812–1817)) [НКРЯ].

Временной интервал отобранного языкового материала – 2020–2023 годы. В 2020 г. кодифицировано 2 выражения: *на отдалении, по верхам*; в 2021 г. – 5: *к ветру* (приводить; мор.), *на ветер* (бросать), *по ветру* (пустить), *под низ, под низом*; в 2022 г. – 10: *без всего* (безо всего), *без всяких* (безо всяких), *без всяких-яких* (безо всяких-яких), *без всякого* (безо всякого), *до обидного, до облаков, до опупения* (сниж.), *до последнего, до победного* (конца), *до чего*; в 2023 г. – 10: *на минутку, на штык* (на глубину лопаты), *на штыках* (держаться), *на штыки* (поднять), *по выходе* (выйдя), *под ружьё* (поставить), *по отъезде* (уехав), *по ошибке, по прилёте* (прилете), *по приходе*. Таким образом, с начала 20-х гг. XXI в. объектом фиксации стали 27 предложно-падежных форм (2 + 5 + 10 + 10), т. е. отмечается интерес лексикографов к устойчивым предложно-падежным конструкциям. Видимо, постепенно преодолевается проблема «двуликого Януса» предложно-падежной конструкции, одной сторо-

ной обращенной к лексике, а другой – к грамматике. «Из-за этого промежуточного положения данная область оказывается обделенной вниманием лингвистов-теоретиков и лексикографов», – пишет Л. Л. Иомдин [2018: 267].

Можем предположить, что интерес к УППФ вызван вниманием к новому научному объекту – малому синтаксису, или микросинтаксису, организации речи [Иомдин 2007; Матевосян 2005], ведь большое количество подобного рода выражений характерно именно для разговорной речи. Предложим разноаспектный анализ собранных языковых единиц, который покажет, почему данные языковые единицы были зафиксированы академическим орфографическим словарем в 20-х гг. XXI века.

УФФП с точки зрения сферы употребления

С точки зрения сферы употребления в словаре оказались не только УППФ, имеющие нейтральную окраску, но и выражения ограниченного употребления, относящиеся к разговорной, просторечной или профессиональной лексике. Одна форма имеет ограничение хождения как специальная, профессиональная: *к ветру* (приводить) с пометой (мор.) – принадлежность терминологии [Сложеникина 2018]. Конструкция *приводить к ветру* (*привести к ветру*) уже была в качестве специальной зафиксирована «Фразеологическим словарем русского литературного языка»:

ПРИВОДИТЬ К ВЕТРУ. ПРИВЕСТИ К ВЕТРУ. Спец. Брать курс в соответствии с направлением ветра (о судне). *Куттер начал приводить к ветру, чтобы дать действовать артиллерии* (А. Марлинский. Мореход Никитин). *Громкое: «Праз-ддва!» – разнеслось по воздуху, когда уже клипер, приведя к ветру, шел далее* (Станюкович. Василий Иванович) [Федоров 2008]. В настоящее время ее можно характеризовать в статусе лексикализованной единицы.

Несколько форм квалифицируются как разговорные или сниженные.

Выражение *до опупения* восходит к глаголу *опупеть*, отмеченному, в частности, в первом издании «Словаря русского языка» С. И. Ожегова (1949). В настоящее время его фиксирует, например, толковый словарь Т. Ф. Ефремовой:

ОПУПЕТЬ – сов. неперех. разг. сниж. ‘Утратить способность ясно мыслить, соображать’ [Ефремова 2000]. И мотивирующее, и мотивированное слово принадлежат к разговорной, сниженной лексике.

Глагол также входит в словник «Русского орфографического словаря», а лексикализованная форма кодифицируется впервые. Национальный корпус русского языка отмечает 5 вхождений, в основном в журнальной прозе или на форумах. Например: *Так вот, Изольда втрескалась в меня до опупения* (Олег Селедцов. Преступление и наказание. Век XXI // «Ковчег», 2012) [НКРЯ].

Форма *под низ* (*под низом*) уже зарегистрирована толковым словарем Т. Ф. Ефремовой как разговорно-сниженное наречие со значением ‘в нижнюю часть чего-л., подо что-л.’ [Ефремова 2000]. Словарь определяет это наречие как обстоятель-

ственное. Действительно, в предложениях типа *Обе вон какие. Ящички из кладовки под низ засовываем* (Анатолий Найман. *Кольбель* (2012) // «Октябрь», 2013) член предложения отвечает на вопрос куда? [НКРЯ]. Но не менее частотным является употребление наречия в контексте типа *Под низ надевалась еще юбка, но можно было носить его и отдельно, как короткое* (Сати Спивакова. *Не всё* (2002)) [НКРЯ]. В этом случае наречие относится к разряду образа и способа действия. Его разговорность может быть подчеркнута кавычками, как в примере: *Теплого пальто у нее нет: она надевает какую-то фуфайку «под низ», а сверху легонькую кофточку, – вспоминал он* (В. М. Недошивин. *Прогулки по Серебряному веку*. Санкт-Петербург (2012)) [НКРЯ].

Словарь фиксирует УФФП *до последнего*. Во фразеологическом словаре А. И. Федорова у данного выражения два разговорных экспрессивных значения: 1. 'Жертвуй всем, что есть; отдавая все силы, способности'. 2. 'Целиком всё, абсолютно всё' [Федоров 2008]. Но, видимо, свое место в орфографическом словаре конструкция получила, поскольку в разговорной речи (и не только в ней) стала широко использоваться в дискурсе, связанном с описанием протекания некоторых процессов во времени, т. е. к качественной семантике (как?) добавилась временная (как долго?). Например: *Деньги ни в коем случае не отдавай. Держи их до последнего. Отдашь, только если совсем прижмут* (Андрей Геласимов. Ты можешь (2001)); *Законодатели до последнего надеялись, что президент, как и «госсоветовских» губернаторов, примет их в Кремле* (Наталья Ратиани. Проблема в 3 триллиона. Президент за час победил региональных законодателей // «Известия», 2003.02.18) [НКРЯ]. (Некоторые разговорные или просторечные конструкции рассмотрены в других разделах статьи).

Интересные явления наблюдаются в аспекте морфологической классификации языкового материала. Эту группу составляют наречные конструкции, но нами были зафиксированы морфологические трансформации. Под морфологическими трансформациями мы понимаем развитие у УППФ новых морфологических признаков, например переход в другую часть речи (наречие – предлог; наречие – междометие).

Морфологические трансформации: морфолого-синтаксическое словообразование

Форма *на отдалении* отвечает на вопрос как?, обозначает вид признака, вступает в антонимические отношения с наречиями *близко, рядом*, например: *Дома были расположены по обе стороны, но не близко друг от друга, как обычно стоят они в русских деревнях, а на отдалении, словно пожар, война или время выбивали избы, как выбивают они людей* (Алексей Варламов. Присяга // «Новый Мир», 2002) [НКРЯ]. Но в некоторых примерах форма теряет пространственную семантику, вообще утрачивает самостоятельное значение. Очевидно, наблюдается переход знаменательной части речи в служебную – в предлог. Например: *Поэтому на отдалении лет, после «Я убит подо Ржевом», после «В тот день, когда окончи-*

лась война» написал он «Я знаю, никакой моей вины в том, что другие не пришли с войны» (Г. Я. Бакланов. *Жизнь, подаренная дважды* (1999)) [НКРЯ].

Морфологические трансформации произошли и с устойчивой предложно-падежной конструкцией *на минутку*. Традиционно эта форма имеет значение 'на короткий промежуток времени', в тексте выполняет стилистические функции литоты: *Заснул Колька внезапно, едва прилег на минутку в каюте, не раздеваясь, под звуки ночного шлюзования* (Семен Каминский. Папина любовь // «Ковчег», 2014) [НКРЯ]. Но в настоящее время выражение *на минутку* может быть примером морфолого-синтаксического способа словообразования, т. е. появления новых слов в результате перехода слов из одной части речи в другую. В нашем случае – из наречия в междометие. Конкретно, как междометие форма *на минутку* относится к классу побудительных междометий, облуживающих сферу волеизъявлений, обращенных к людям, является производной, составной, образованной на основе устойчивого сочетания. Примеры: *Она не смущалась, когда ее называли шалавой и бомжихой. На минутку: ей исполнилось семнадцать. Цоевская школьница-восьмиклассница, как про себя прозвал ее Алекс* (Н. Б. Черных. Слабые, сильные. Часть первая // «Волга», 2015); *Поверьте, я сама много лет прожила в глубочайшей депрессии, так я, на минутку, профессиональный психолог, и я прекрасно знаю, что это такое* (Форум: Как жить так, чтобы не убить себя (2013)) [НКРЯ].

Семантические трансформации: семантический дрейф, развитие многозначности

В употреблении выражения *до победного* (конца) обозначился оттенок иронии, сарказма, юмора. К примеру: *Правда, в последнее время отношения коммунистов и Кремля испортились (зюгановцы лишились руководящих постов в Думе), но не до такой степени, чтобы начинать «войну до победного»* (Иосиф Гальперин. Власть «делом» занимается // «Совершенно секретно», 2003.08.09) – издержки от борьбы превысили бы результаты от победы. Или: *Приходите пораньше, и будем сидеть до победного* (В. Н. Кобец. Надеждинская ул. // «Волга», 2012) [НКРЯ].

С точки зрения семантики происходит дрейф от значения окончательной и полной победы в сторону значения удачного, выигрышного положения дел, а возможности синтаксической сочетаемости в авторском тексте значительно расширяются. Это хорошо видно на примере иллюстрации: *Ба молча выслушала все претензии, вернулась домой, выкрутила Маньке ухо до победного хруста и повела к Арарату – извиняться... А апофеозом этого мучительного дня становилось тщательное мытьё Мани в семи водах до победного скрипа* (Наринэ Абгарян. Всё о Манюне (сборник) (2012)) [НКРЯ].

К милитаризированному значению *на штык*: *А кто потом Нарву взял на штык?* (Сергей Есин. Маркиз Астольф де Кюстин. Почта духов, или Россия в 2007 году. Переложение на отечественный Сергея Есина (2008)) [НКРЯ] добавилось профессиональное (сельскохозяйственное) значение «на

глубину лотка штыковой лопаты», используемое для указания глубины копания слоя грунта. Может употребляться и без отсылки к профессиональной деятельности как общеупотребительное. Например: *Оставалось только разрыхлить землю на штык лопаты, в три приема по трети, такова почва... установил разметку, прокопал на штык, затем поставил палатку* (Александр Иличевский. Перс (2009)) [НКРЯ].

Исследователи отмечают актуализацию военной лексики в современном российском дискурсе [Kozlovskaya 2020]. Метафоры *на штыках* (держаться), *на штыки* (поднять), *под ружье* (поставить) стали частотными в отечественной публицистике, устных вступлениях. Они используются не только по прямому назначению, для описания военных событий, но и как стилистическое средство создают в тексте ситуацию напряженности, борьбы, натиска, напора или, наоборот, иронии. Например: *Всех невропатологов и психиатров под ружье поставил* (Семен Данилюк. Рублевая зона (2004)); *В некоторых столько людей-то не было, чтобы всех поставить под ружье эффективно энергетикой управлять* (Ирина Дедюхова. И родина щедро поила меня! // Интернет-альманах «Лебедь», 28.12.2003) [НКРЯ].

По верхам – эта форма может иметь как обстоятельство (1 пример), так и определительное (2 пример) значение: *Еще он заметил, что ему за шиворот откуда-то напала вода, и стал смотреть по верхам, где у котельной имеются сосульки или наледь, однако ничего такого ни у котельной, ни у гаража не было* (А. Б. Сальников. Отдел // «Волга», 2015); *Трудно поверить, если знаешь его творчество и биографию по верхам, оперируя останками школьных знаний* (Я. Г. Солонин. Шум. Бумага. Грецкие орехи. Безразличие // «Волга», 2014) [НКРЯ].

Формальные трансформации: учет семантической слитности, эллипсис

Конструкция **без всего (безо всего)** закрепилась в языке в значении «не имея ничего, утратив все, ни с чем», например: *Полгода мы работали как поп-ап – без помещения, без всего* (Сергей Карпов: «Это прикольно, потому что ты ничего не контролируешь» (2017.12) // Афиша Daily, 2017) [НКРЯ]. Есть два более узких значения – ‘без одежды, в нагом виде’ и ‘в чистом виде, без добавления чего-л.’. Мы наблюдаем ситуацию, когда наречная конструкция оказалась востребованной в речевой практике, стала многозначной, быстро «обросла» новыми значениями. Как следствие – получила словарную статью в орфографическом академическом словаре. В словаре предложно-падежная форма, вероятно, возникла как эллипсис сочетания «без всего этого».

Скорее всего так же, посредством эллипсиса, в словаре появилась форма (плюс вариант с огласовкой) **без всякого (безо всякого)**, имеющая значение ‘просто так, безоговорочно, без сомнений’: *принял решение без всякого*. Характеризуется как просторечная, экспрессивная. Исходная форма на месте имени существительного предполагает достаточно большой круг слов как с абстрактным, так и с конкретным значением: **без всякого** *раздумья, сомнения, умысла, повода, основания, причины, предупреждения,*

вопросов, возражений, оговорок, шуток и проч. Например: *Нет, давай отойдем от абстракций, – возразила жена, – это реальный вопрос, безо всякого двойного дна и философского подтекста* (А. Б. Сальников. Отдел // «Волга», 2015) [НКРЯ].

Вариантом данной формы является выражение **без всяких (безо всяких)** как возникшее на базе тех же исходных форм с существительными во множественном числе. Уже это выражение стало основой для созданной способом сложения конструкции **без всяких-яких (безо всяких-яких)**. Слово «який», видимо, восходит к имени одного из двенадцати апостолов Иисуса Христа – Иакова Алфеева, чья память в Православной церкви совершается 9 (22) октября. Мотивирующим основанием могла стать поговорка «Не всякому – по Якову и всякому, да не как Якову». См, например: *Вот увижу своего боевого друга Александра Александровича и прямо без всякого якова скажу ему: «Саша!»* (Ю. О. Домбровский. Факультет ненужных вещей, часть 4 (1978)) [НКРЯ]. Смысл поговорки заключается в том, что с каждого берется и каждому дается неодинаково (с оговоркой) – у УППФ благодаря предлогу «без» сформировалось антонимичное значение – «безоговорочно».

Многие анализируемые единицы по классификации фразеологизмов В. В. Виноградова относятся к разряду фразеологических сочетаний, т. е. допускают вариативность составляющих их компонентов. Словарная статья в РОС фиксирует только неизменную, стабильную часть, отсекая переменный элемент.

Наречные конструкции **на ветер** (бросать), **по ветру** (пустить) имеют ярко выраженное переносное значение, отличаются качеством идиоматичности. Хотя наиболее употребительным является выражение **бросать на ветер (что-либо)**, все-таки необходимо отметить, что возможны сочетания со словами *кидать, швырять, говорить, расточать, пускать* и с некоторыми другими, т. е. наблюдается вариативность формы, как у фразеологических сочетаний. Возможна конструкция без глагола: – *А половину? – Вполовину – мусор, деньги на ветер.* – *Грамотеешь, грамотеешь... – раздумывая о чем-то, пробурчал Власыч* (Анатолий Салуцкий. Немой набат // «Москва», 2019) [НКРЯ]. Видимо, поэтому РОС кодифицирует только предложно-падежную форму **на ветер**.

Наречие **до обидного** существует в языке в значении ‘очень, чрезвычайно’. Видимо, к рациональному значению можно добавить эмоциональный компонент: ‘несправедливо, неправомерно, незаслуженно, к разочарованию, к сожалению’: *Жизнь Геннадия тоже оказалась до обидного короткой* (Олег Павлов. Карагандинские девятины, или Повесть последних дней // «Октябрь», 2001); *До обидного мало осталось от таких гигантов клоунады, как Карандаш, Енгибаров* (И. Э. Кио. Иллюзии без иллюзий (1995–1999)) [НКРЯ]. Форма **до обидного** образует в основном конструкции с полными и краткими прилагательными, наречиями: **до обидного** *равнодушная, вялая, тесен, мало, просто, легко, недостаточно* и проч. – как фразеологическое сочетание облада-

ет большими вариативными возможностями.

В художественной и публицистической литературе отмечается форма **до облаков** в значении 'очень высоко'. Чаще всего она употребляется как зависимый член в словосочетаниях типа *долетел, достал, тянется, прыгнул* и под. **до облаков**. Например: *Лишь родившись, она сразу выросла, стала огромной, до облаков* (Слава Сэ. Ева (2010)) [НКРЯ]. Конструкция выполняет обычно стилистические функции, являясь гиперболой или метафорой: *А впрочем, я и вы должны порадоваться, если Матвеев все-таки взлетит до «облаков», т. е. до управляющего* (Н. П. Окунев. *Дневник Москвича* (1920)) [НКРЯ].

Вопросы культуры речи: синтаксическая норма

Небольшую группу зафиксированных предложно-падежных конструкций составляют сочетания предлога «по» с существительными – их четыре: *по выходе* (выйдя), *по отъезде* (уехав), *по прилете* (прилетев), *по приходе*. Вопрос: как правильно: *по прилете* или *по прилету*? и под. является достаточно частым в обращениях в специализированные языковые службы. Он связан с аспектами русской речевой культуры, поэтому включение данных языковых единиц в словарь орфографического словаря представляется вполне оправданным.

Выводы

Орфографический словарь ориентирован прежде всего на представление информации о верном написании слова или языковой единицы, приравненной к слову, так называемой лексикализованной формы. В связи с этим предложно-падежные формы, представляющие собой неоднословные единицы, будучи частью речи, далеко не всегда становились элементом языка. При широком подходе к фразеологии предложно-падежные формы рассматриваются как разновидность устойчивых языковых конструкций. Часть из них обладает признаком идиоматичности, метафоричности значения, часть – используется в прямом значении. Цифровизация словарного дела дала возмож-

ность составителям словарей в достаточно большем объеме и с большей скоростью пополнять словник. Это касается и «Русского орфографического словаря», который за 2020–2023 гг. пополнился 27 устойчивыми предложно-падежными формами. Ни одну из них нельзя характеризовать как неологизм, все они достаточно давно существуют в речи и литературе, но словарную прописку в орфографическом словаре получили только сейчас. Разноаспектный анализ собранного языкового материала выявил ряд лингвистических феноменов, характерных для данной группы лексики. Во-первых, с точки зрения сферы употребления словарь фиксирует не только нейтральные, общепотребительные устойчивые предложно-падежные формы. Достаточно широко представлена разговорная, просторечная, профессиональная лексика. Во-вторых, некоторые конструкции стали мотивирующими формами для создания новых языковых единиц. В данной группе лексики отмечаются случаи морфолого-синтаксического словообразования, когда наречие переходит в предлог или междометие. В-третьих, предложно-падежные формы, будучи достаточно частотными узувальными единицами, развивают многозначность. Наблюдаются семантический дрейф, метафоризация отдельных форм, некоторые УППФ приобретают оттенки иронии, юмора, сарказма. В-четвертых, для многих словарных форм характерен эллипсис. Являясь по большей части фразеологическими сочетаниями, т. е. формами, допускающими вариативность, при занесении в словарь они утрачивают непостоянный член, а словарной статьёй становится только стабильная предложно-падежная конструкция. В-пятых, для фиксации в словаре имеют значение вопросы культуры речи, синтаксической нормы. Сложности определения падежа существительного при предлоге *по* стали причиной включения в словарь некоторых конструкций с формальной схемой «по + отглагольное имя существительное».

Источники

Ефремова, Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный : в 2 т. / Т. Ф. Ефремова. – М. : Русский язык, 2000. – Т. 1: А–О. – 1210 с.; Т. 2: П–Я. – 1084 с. – URL: <https://www.efremova.info/> (дата обращения: 01.02.2024). – Текст : электронный.

НКРЯ – Национальный корпус русского языка. – URL: <https://ruscorpora.ru/> (дата обращения: 01.02.2024). – Текст : электронный.

Русский орфографический словарь / под ред. В. В. Лопатина, О. Е. Ивановой. – М. : ИРЯ РАН им. В. В. Виноградова. – URL: <https://orfo.ruslang.ru/> (дата обращения: 01.02.2024). – Текст : электронный.

Федоров, А. И. Фразеологический словарь русского литературного языка / А. И. Федоров. – М. : Астрель ; АСТ, 2008. – URL: <https://rus-phraseology-dict.slovaronline.com/> (дата обращения: 01.02.2024). – Текст : электронный.

Литература

Григоренко, О. В. Фразеологизированные предложно-падежные формы в современном молодежном жаргоне / О. В. Григоренко, Ж. И. Руденя // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. – 2015. – № 12 (54), ч. 3. – С. 55–58.

Григорьева, Н. О. Фразеосхемы с семантикой назначения / Н. О. Григорьева // *Вестник НовГУ*. – 2010. – № 57. – С. 22–25.

- Золотарева, Л. А. Структурные и семантические реализации фразеосхемы «не + инфинитив + же» в газетном и художественном текстах / Л. А. Золотарева, Ц. Жэнь // Научный диалог. – 2022. – № 11 (10). – С. 55–69.
- Золотова, Г. А. Коммуникативная грамматика русского языка / Г. А. Золотова, Н. К. Онипенко, М. Ю. Сидорова. – М. : ИРЯ РАН ; Филологический ф-т МГУ, 2004. – 544 с.
- Иомдин, Л. Л. Еще раз о микроконструкциях, сформированных служебными словами: то и дело / Л. Л. Иомдин // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной международной конференции «Диалог», Москва, 30 мая – 02 2018 года. Выпуск 17 (24). – М. : Российский государственный гуманитарный университет, 2018. – С. 267–283.
- Иомдин, Л. Л. Русские конструкции малого синтаксиса, образованные вопросительными местоимениями / Л. Л. Иомдин // Мир русского слова и русское слово в мире : мат-лы XI конгресса Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы, 1. – София : Heron Press, 2007. – С. 117–126.
- Леванова, Т. В. Новое в неологии: тематическое поле пиар / Т. В. Леванова, Ю. В. Сложеникина, А. В. Растягаев. – М. : Тандем, 2020. – 203 с.
- Матевосян, Л. Б. Стационарное предложение: от стандартного к оригинальному / Л. Б. Матевосян. – М. ; Ереван : Ереванский государственный университет, 2005. – 184 с.
- Меликян, В. Ю. Современный русский язык: синтаксическая фразеология / В. Ю. Меликян. – М. : ФЛИНТА, 2014. – 232 с.
- Рогожникова, Р. П. Об эквивалентах слова в русском языке / Р. П. Рогожникова // Вопросы языкознания. – 1977. – № 5. – С. 110–117.
- Романова, Т. В. Трансформация высказываний фразеологизированной структуры как средство выражения толерантного/интолерантного отношения к объекту речи (по материалам федеральных СМИ) / Т. В. Романова // Медиалингвистика. – 2018. – Т. 5, № 2. – С. 244–254.
- Сергеева, Г. Н. Лексикализованные предложно-падежные словоформы как одна из структурных разновидностей эквивалентов слова / Г. Н. Сергеева // Лингвистический вестник Сибири : сборник научных трудов. Вып. 2. – Красноярск : Издательство КрасГУ, 2000. – С. 60–67.
- Сложеникина, Ю. В. Нормализация и кодификация терминологии в условиях вариантности / Ю. В. Сложеникина, В. С. Звягинцев. – Самара : Московский городской педагогический университет, 2018. – 112 с.
- Kozlovskaya, N. V. The creative potential of contemporary Russian political discourse: From new words to new paradigms / N. V. Kozlovskaya, A. V. Rastyagaev, Ju. V. Slozhenikina // Training, Language and Culture. – 2020. – Vol. 4, no. 4. – P. 78–90.

References

- Efremova, T. F. (2000). *Novyi slovar' russkogo yazyka. Tolkovo-slovoobrazovatel'nyi: v 2 t.* [New Dictionary of the Russian Language. Explanatory and Word-formation, in 2 vols.]. Moscow, Russkii yazyk. Vol. 1: A–O. 1210 p.; Vol. 2: P–Ya. 1084 p. URL: <https://www.efremova.info/> (mode of access: 01.02.2024).
- Fedorov, A. I. (2008). *Frazeologicheskii slovar' russkogo literaturnogo yazyka* [Phraseological Dictionary of the Russian Literary Language]. Moscow, Astrel', AST. URL: <https://rus-phraseology-dict.slovaronline.com/> (mode of access: 01.02.2024).
- Grigorenko, O. V., Rudenya, Zh. I. (2015). Frazelozizirovannye predlozhno-padezhnye formy v sovremennom molodezhnom zhargone [Phraselozigized Prepositional and Case Forms in Modern Youth Jargon]. In *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. No. 12 (54). Part. 3, pp. 55–58.
- Grigoryeva, N. O. (2010). Frazeoskhemy s semantikoi naznacheniya [Phrase Schemes with Purpose Semantics]. In *Vestnik NovGU*. No. 57, pp. 22–25.
- Iomdin, L. L. (2007). Russkie konstruktii malogo sintaksisa, obrazovannye voprositel'nymi mestoimeniyami [Russian Constructions of Small Syntax Formed by Interrogative Pronouns]. In *Mir russkogo slova i russkoe slovo v mire: mat-ly XI kongressa Mezhdunarodnoi assotsiatsii prepodavatelei russkogo yazyka i literatury*, 1. Sofia, Heron Press, pp. 117–126.
- Iomdin, L. L. (2018). Eshche raz o mikrokonstruktsiyakh, sformirovannykh sluzhebnyimi slovami: to i delo [Once Again about Microconstructions Formed by Function Words: Every Now and Then]. In *Komp'yuternaya lingvistika i intelektual'nye tekhnologii: Po materialam ezhegodnoi mezhdunarodnoi konferentsii «Dialog», Moskva, 30 maya – 02 2018 goda*. Issue 17 (24). Moscow, Rossiiskii gosudarstvennyi gumanitarnyi universitet, pp. 267–283.
- Kozlovskaya, N. V., Rastyagaev, A. V., Slozhenikina, Ju. V. (2020). The Creative Potential of Contemporary Russian Political Discourse: From New Words to New Paradigms. In *Training, Language and Culture*. Vol. 4. No. 4, pp. 78–90.
- Levanova, T. V., Slozhenikina, Yu. V., Rastyagaev, A. V. (2020). *Novoe v neologii: tematicheskoe pole piar* [New in Neology: The Thematic Field of PR]. Moscow, Tandem. 203 p.
- Lopatin, V. V., Ivanova, O. E. (Eds.). *Russkii orfograficheskii slovar'* [Russian Orthographic Dictionary]. Moscow, IRYa RAN im. V. V. Vinogradova. URL: <https://orfo.ruslang.ru/> (mode of access: 01.02.2024).
- Matevosyan, L. B. (2005). *Statsionarnoe predlozhenie: ot standartnogo k original'nomu* [Stationary Sentence: From Standard to Original]. Moscow, Erevan, Erevanskii gosudarstvennyi universitet. 184 p.
- Melikyan, V. Yu. (2014). *Sovremennyi russkii yazyk: sintaksicheskaya frazeologiya* [Modern Russian Language: Syntactic Phraseology]. Moscow, FLINTA. 232 p.
- Natsional'nyi korpus russkogo yazyka* [National Corpus of the Russian Language]. URL: <https://ruscorpora.ru/> (mode of access: 01.02.2024).

Rogozhnikova, R. P. (1977). Ob ekvivalentakh slova v russkom yazyke [On Word Equivalents in the Russian Language]. In *Voprosy yazykoznaniya*. No. 5, pp. 110–117.

Romanova, T. V. (2018). Transformatsiya vyskazyvaniy frazeologizirovannoi struktury kak sredstvo vyrazheniya tolerantnogo/intolerantnogo otnosheniya k ob"ektu rechi (po materialam federal'nykh SMI) [Transformation of Statements of Phraseological Structure as a Means of Expressing Tolerant/Intolerant Attitude to the Object of Speech (on Materials of Federal Mass Media)]. In *Medialingvistika*. Vol. 5. No. 2, pp. 244–254.

Sergeeva, G. N. (2000). Leksikalizovannye predlozhno-padezhnye slovoformy kak odna iz strukturnykh raznovidnostei ekvivalentov slova [Lexicalized Prepositional and Case Word of the Forms as One of the Structural Varieties of Word Equivalents]. In *Lingvisticheskii vestnik Sibiri: sbornik nauchnykh trudov*. Issue 2. Krasnoyarsk, Izdatel'stvo KrasGU, pp. 60–67.

Slozhenikina, Yu. V., Zvyagintsev, V. S. (2018). Normalizatsiya i kodifikatsiya terminologii v usloviyakh variantnosti [Normalization and Codification of Terminology under Variant Conditions]. Samara, Moskovskii gorodskoi pedagogicheskii universitet. 112 p.

Zolotareva, L. A., Ren, C. (2022). Strukturnye i semanticheskie realizatsii frazeoskhemy «ne + infinitiv + zhe» v gazetnom i khudozhestvennom tekstakh [Structural and Semantic Implementations of the Phrase Scheme “not + infinitive + same” in Newspaper and Literary Texts]. In *Nauchnyi dialog*. No. 11 (10), pp. 55–69.

Zolotova, G. A., Onipenko, N. K., Sidorova, M. Yu. (2004). *Kommunikativnaya grammatika russkogo yazyka* [Communicative Grammar of the Russian Language]. Moscow, IRYa RAN, Filologicheskii f-t MGU. 544 p.

Данные об авторах

Сложеникина Юлия Владимировна – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой филологии, Университет «Синергия»; профессор кафедры русского языка и методики его преподавания, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы (Москва, Россия).

Адрес: 129090, Россия, г. Москва, ул. Мещанская, 9/14, стр. 1.

E-mail: goldword@mail.ru.

Зайцева Алла Сергеевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка и профессиональной коммуникации, Финансовый университет при Правительстве Российской (Москва, Россия).

Адрес: 125167, Россия, г. Москва, пр-т Ленинградский, 49/2.

E-mail: a.zaitseva@yahoo.com.

Authors' information

Slozhenikina Yulia Vladimirovna – Doctor of Philology, Professor, Head of Department of Philology, Synergy University (Moscow, Russia); Professor of Department of Russian Language and Teaching Methods, RUDN University (Moscow, Russia).

Zaitseva Alla Sergeevna – Candidate of Philology, Associate Professor of Department of the English Language and Professional Communication, Financial University under the Government of the Russian Federation (Moscow, Russia).

Дата поступления: 14.02.2024; дата публикации: 28.12.2024

Date of receipt: 14.02.2024; date of publication: 28.12.2024

УДК 811.162.4'42+659.1. DOI: 10.26170/2071-2405-2024-29-4-101-113. ББК Ш141.52+С842.6.
ГРНТИ 16.21.27. Код ВАК 5.9.8

РОЛИ УЧАСТНИКОВ КОММУНИКАЦИИ В РЕКЛАМНОМ ДИСКУРСЕ: ПРАГМАЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Галло Я.

Университет им. Константина Философа в Нитре (Нитра, Словакия)
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-7113-9235>

Миляев Ф.

Университет им. Константина Философа в Нитре (Нитра, Словакия)
ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0001-0591-2979>

А н н о т а ц и я . В статье обсуждается вопрос о прагмалингвистических аспектах ролей участников коммуникации в рекламном дискурсе на материале словацкой коммерческой рекламы. Рассматривается функционирование различных типов иллокутивных актов рекламного дискурса, причем внимание уделяется реализации ролей участников коммуникации коммерческой рекламы. Исследование сосредоточено на рекламе, публикуемой в периодических изданиях, на аудиовизуальной рекламе, а также частично в анализ включены наружная реклама (билборды, реклама в общественном транспорте) и некоторые другие жанры. В первой части (во введении) перечислены некоторые идеи о значимости анализа печатного или электронного рекламного дискурса с прагмалингвистической точки зрения. Также приведены основные вопросы, исследуемые в статье. Во второй части представлена характеристика коммуникативной сферы коммерческой рекламы. В третьей части внимание сосредоточено на социальных и коммуникативных ролях участников коммерческой рекламной коммуникации. В четвертой части представлены некоторые виды контактов между коммуникантами в рекламе. В пятой части обсуждается специфика восприятия рекламы. В шестой части основное внимание уделяется представлению коммуникативных функций высказывания. Статья завершается кратким выводом и описанием некоторых тенденций развития возможных исследований в области современной рекламы.

К л ю ч е в ы е с л о в а : коммерческая реклама; коммуникант; коммуникативная ситуация; коммуникативная сфера; прагмалингвистика; рекламный дискурс; социально-коммуникативная роль

Б л а г о д а р н о с т и : статья была выполнена по программе ЕС NextGenerationEU через План восстановления и устойчивости Словакии в рамках проекта № 09I03-03-V04-00670 Inverted Morality: Reversed Semantics in Old Church Slavonic Moral Words (OXYMORAL).

Д л я ц и т и р о в а н и я : Галло, Я. Роли участников коммуникации в рекламном дискурсе: прагмалингвистический аспект / Я. Галло, Ф. Миляев. – Текст : непосредственный // Филологический класс. – 2024. – Т. 29, № 4. – С. 101–113. – DOI: 10.26170/2071-2405-2024-29-4-101-113.

THE ROLES OF COMMUNICATION PARTICIPANTS IN ADVERTISING DISCOURSE: A PRAGMALINGVISTIC ASPECT

Jan Gallo

Constantine the Philosopher University in Nitra (Nitra, Slovak Republic)
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-7113-9235>

Fedor Miliayev

Constantine the Philosopher University in Nitra (Nitra, Slovak Republic)
ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0001-0591-2979>

A b s t r a c t . The article discusses the issue of pragmalinguistic aspects of the roles of communication participants in advertising discourse on the material of Slovak commercial advertising. The authors consider the functioning of various types of illocutionary acts of advertising discourse with attention paid to the implementation of roles of communication participants in commercial advertising. The study focuses on advertisements published in periodicals, audiovisual advertisements; rural advertisements (billboards, advertising in public transport) and some other genres are partially included in the analysis. The first part (Introduction), summarizes some ideas about the importance of analyzing printed or electronic advertising discourse from a pragmalinguistic point of view. It also outlines the main issues investigated in the article. The second part presents the characteristics of the communicative sphere of commercial advertising. The third part focuses on the social and communicative roles of the participants of commercial advertising communication. The fourth part presents some types of contacts between the communicants in advertising. The fifth part discusses the specificity of the advertisement perception. The sixth part focuses on the presentation of the communicative functions of the utterance. The article concludes with a brief summary of the problems studied, as well as a description of some trends in the development of possible research in the field of modern advertising.

Key words : commercial advertising; communicant; communicative situation; communicative sphere; pragmalinguistics; advertising discourse; socio-communicative role

A c k n o w l e d g m e n t s : The article was funded by the EU NextGenerationEU through the Recovery and Resilience Plan for Slovakia under the project No. 09I03-03-V04-00670 Inverted Morality: Reversed Semantics in Old Church Slavonic Moral Words (OXYMORAL).

For citation: Gallo, J., Miliav, F. (2024). The Roles of Communication Participants in Advertising Discourse: A Pragmalinguistic Aspect. In *Philological Class.* Vol. 29. No. 4, pp. 101–113. DOI: 10.26170/2071-2405-2024-29-4-101-113.

Введение

В соответствии с антропоцентрической парадигмой современной науки экстралингвистическая реальность по отношению к языковой системе считается важнейшим инструментом ее построения [Арнольд 2013; Маслова 2001]. По этой причине оправдано то, что лингвисты в последнее время посвятили себя исследованиям более широкой сферы функционирования естественного человеческого языка – дискурса. Изучение языка в его дискурсивном аспекте является одним из наиболее распространенных исследовательских подходов современной лингвистики. Дискурс как сложная совокупность коммуникативных актов включает в себя тексты, а также экстралингвистические факторы, необходимые для их понимания. Существуют различные виды дискурсов, например политический, педагогический, декларативный, разговорный, туристический и др., в данной статье исследуется рекламный дискурс.

По мнению В. И. Карасика, рекламный дискурс – это тип институционального дискурса, обладающий двумя системообразующими признаками, а именно целями коммуникации и участниками коммуникации [Карасик 2002].

Рекламный дискурс формируется определенными коммуникативными стратегиями, на основании которых его можно назвать прагматическим, т. е. чтобы создать рекламный текст, достигающий коммуникативной цели, необходимо осуществить тщательный подбор языковых единиц с учетом условий рецепции. Главным из этих условий является читатель как реципиент (получатель) вместе с его характеристиками. Кроме того, целью рекламного текста является воздействие на более или менее конкретного читателя, т. е., как утверждает Е. В. Куликова, «всякий акт рассчитан на определенную модель адресата» [Куликова 2008: 199]. Читатель как реципиент имеет большое значение в модели коммуникации, поскольку заставляет автора рекламы «заботиться об организации своей речи» [Там же: 199], т. е. о тексте рекламы (объявления). В результате этого прагматической направленностью любого рекламного текста становится необходимость побудить адресата к действию.

Рекламный дискурс как целенаправленная речевая деятельность все чаще становится предметом исследования лингвистической прагматики. В связи с растущей значимостью интернет-коммуникации в современном обществе представляется актуальным проанализировать относительно новый материал – печатный или электронный рекламный дискурс.

Прагматический аспект рекламного дискурса непосредственно проявляется в его специфической организации – в выборе грамматических и лексических единиц, стилистических приемов, специфического синтаксиса, расположения печатного материала, в использовании элементов разных

знаковых систем и т. д.

Цель данной статьи – исследовать свойства функционирования различных типов иллюстративных актов рекламного дискурса, при этом уделяется внимание реализации коммуникативных ролей участников коммерческой рекламы. Исследование сосредоточивается прежде всего на двух видах: реклама, публикуемая в периодических изданиях, и аудиовизуальная реклама. В меньшей степени в анализ включена так называемая наружная реклама (билборды, реклама в общественном транспорте), в исключительных случаях и другие жанры.

Коммуникативная сфера коммерческой рекламы

Мы рассматриваем коммуникативную сферу коммерческой рекламы как сумму коммуникативных ситуаций и создаваемых в них коммуникатов. Эта сфера и форма коммуникатов определяется: 1) целью коммуникации, которая заключается в том, чтобы убедить получателей купить определенный товар или услугу; 2) косвенным контактом между автором и реципиентами; 3) публичным характером коммуникации, т. е. тем фактом, что автор и адресат не знают друг друга лично и количество реципиентов заранее не известно и ограничено. Реклама, с которой мы далее имеем дело, помечается как коммерческая, и реципиент знает о том, что это платная реклама. Таким образом, мы отличаем, с одной стороны, коммерческую рекламу от смежных явлений, таких как политическая реклама (например, избирательная кампания) и социальная (также некоммерческая реклама, т. е. реклама некоммерческих организаций, информационная кампания государственных учреждений). С другой стороны, мы выделяем рекламу как один из видов коммуникации в экономической социальной сфере из более общей, высшей сферы маркетинговых коммуникаций, которая, кроме рекламы, включает в себя еще и так называемые публик рилейшнз (PR – связи с общественностью), стимулирование сбыта и личные продажи.

Коммерческую рекламу отличает объект, на который направлено ее действие, т. е. ее коммерциализация. Рекламу от личных продаж отличает косвенный контакт между коммуникаторами, от так называемого пиара (публик рилейшнз) – то, что она оплачивается заказчиком и подается таким образом, чтобы получатели могли распознать, что это платная реклама. Коммерческая реклама – явление весьма разнообразное по своим носителям, средствам и жанрам.

Наиболее общая цель коммуникации в коммерческой рекламе – информировать реципиентов (потенциальных клиентов) о существовании компании (бренда), о качестве товаров, услуг и, если возможно, убедить их покупать эту продукцию. Для того чтобы эта коммуникативная цель была достигнута, необходимо в первую очередь привлечь внимание реципиента, заставить его бегло воспринять рекламное сообщение. Для более дол-

госрочного эффекта от рекламы желательно, чтобы рекламное сообщение легко запоминалось.

Социально-коммуникативные роли участников коммуникации в коммерческой рекламе

Среди участников коммуникативной ситуации коммерческой рекламы можно выделить несколько ролей. Социальные роли участников имеют более или менее важное значение для рекламного коммуниката именно в зависимости от этих ролей. Для стиля рекламных коммуникатов наибольшее значение имеют социальные роли и более широкие социальные характеристики адресатов, т. е. изображенных в тексте реципиентов, в которых отображается представление создателей о потенциальных потребителях, так называемой целевой группе.

Существенной особенностью современной рекламы является **коллективное авторство** не только по числу создателей, но и по типу доли отдельных создателей продукции. Традиционный субъект «говорящего» или «автора» здесь состоит из: 1) **рекламодателя**, 2) **собственно создателя текста** (*реализатора* по К. Шебесту), обычно сотрудника рекламного агентства, 3) если в рекламе присутствует речевой компонент, то есть **говорящие в более узком смысле слова**, те, кто действует и говорит в рекламе. Кроме того, в рекламе отображаются и другие общающиеся субъекты. Они могут либо обращаться непосредственно к реципиенту (первичная коммуникация, в англоязычной литературе так называемый *direct speech*), либо общаться друг с другом – тогда речь идет о так называемой **отображаемой** или **вторичной коммуникации** (*indirect speech*) [Leech 1966]. Различные аспекты продукции рекламного текста соответствуют отдельным ролям участников; в понимании Э. Гофмана [1979], рекламодатель – это человек, позицию которого выражает коммуникат и который за него несет ответственность, он представляет собой, по терминологии Гофмана, роль принципала. **Создатель рекламы** – автор, который сочиняет текст, но выражает через него не свою точку зрения, а точку зрения клиента. Актеры выступают в рекламе либо как персонажи, либо сами по себе как известные личности. Они являются **аниматорами**, озвучивающими рекламную коммуникацию [ср. Nekvapil, Kaderka 2017]. В принципе, ничто не мешает выполнять все три задачи одному человеку, как это происходит в повседневном общении, но в рекламе это не распространено.

Реципиентами рекламы потенциально являются все те, кто также является реципиентами СМИ, т. е. телезрители, радиослушатели, интернет-пользователи, читатели газет или те, как-либо образом сталкиваются со СМИ; в случае наружной печатной рекламы – все люди, находящиеся в данном публичном пространстве. Не все потенциальные или реальные реципиенты одновременно являются адресатами конкретной рекламы. Реципиентами наружной печатной рекламы с фотографией модно одетой женщины с сумками для покупок так называемых фирменных ма-

газинов со слоганом *All fashion fever* могут быть все пассажиры общественного транспорта, но адресатами являются только те из них, кто интересуется модной одеждой, в основном женщины, и в то же время те, кто понимает английское предложение или, по крайней мере, не возражает против слишком частого использования английского языка в рекламе. Таким образом, адресатами являются не все потенциальные реципиенты, а прежде всего потенциальные потребители.

Создателям рекламы не всегда возможно и выгодно обращаться сразу ко всем потенциальным потребителям, поэтому реклама ориентируется на специфическую и в определенном смысле прототипическую группу потребителей, так называемую целевую группу. Например, хотя словацкий напиток Kofola регулярно или время от времени пьют люди всех возрастных групп, телереклама компании Kofola показывает ее ориентированность на целевую группу молодежи, для которой важнейшим атрибутом является любовь, желание весело провести время в компании сверстников, беззаботность и чувство юмора. Авторское представление о целевой группе отражено в выборе главных героев рекламных роликов (молодежь), в выборе окружающей среды (бассейн, сельская местность...), в музыке, в юморе и в общем для всех роликов слогане *Ak ju miluješ, nie je čo riešiť / Если ты ее любишь, нечего тут решать*.

Реклама по-разному представляет и текстуально изображает своих адресатов, к которым существуют два основных подхода. Либо она показывает своего адресата с его социальной ролью и другими социальными характеристиками напрямую, потенциальный покупатель отражается в персонажах, показанных в рекламном тексте, выглядит, говорит и действует так же, как они, либо реклама показывает его косвенно, через предполагаемые желания, вкусы, мнения, лидерства и пр. Примером первого подхода могут быть, помимо рекламных роликов Kofola, например, печатная реклама Словацкого сберегательного банка, изображающая молодую семью из четырех человек (муж, жена и двое детей – мальчик и девочка) на одном велосипеде. Оба взрослых представлены здесь в роли родителей, дети же похожи на них, позиции, жесты и мимика указывают на родство, в кавычках цитируются высказывания, демонстрирующие в том числе взаимоотношения родителей с детьми, и в то же время они выглядят как представители словацкого среднего социального класса (внешний вид, окружение и деятельность изображенных лиц относятся к определенному социальному статусу), т. е. как люди, имеющие повод и возможность быть заинтересованными в предлагаемом методе инвестирования, потенциальные клиенты.

Второй подход реализует печатная реклама ČSOB (Československá obchodná banka / Чехословацкий торговый банк), направленная на поддержку семейного бизнеса. В рекламе мы видим три поколения одной семьи (дедушка, его сын и внучка), стоящие в винограднике. Изображенная часть семьи из трех поколений не представляет

собой потенциального клиента и не предназначена для того, чтобы адресат полностью отождествил себя с ней. С учетом данной части семьи и окружающей среды, а также лозунга *Úspech je dedičný / Успех передается по наследству* соответствующий банк хочет привлечь внимание адресата на консультационные услуги, которые он предоставляет для развития семейного бизнеса, передачи его следующим поколениям.

Рекламный коммуникат может, конечно, сочетать в себе оба подхода к изображению адресата – прямой и косвенный – или же показывать адресата только косвенно, в обоих случаях он использует средства разных знаковых систем: рисунок, устную и письменную речь, музыку. Так, к целевой группе молодых потребителей обычно относятся обращение на «ты», общепотребительный словацкий язык, выражения, считающиеся типичными для молодежной речи, частично английский язык и т. д. В слогане печатной рекламы к 20-летию Radio Express: *20 rokov On AIR, Baví nás bavíť vás! / 20 лет В ЭФИРЕ. Нам приятно развлекать вас!* вторая половина написана не печатными буквами, а будто рукой редактора, намеренно нацелена на юного слушателя рифмованием местоимений *nás – vás* и в то же время типографским шрифтом.

При обращении к адресатам рекламы как определенной целевой группе используется так называемая **синтетическая персонализация**, т. е. процедура, позволяющая обращаться к массе неизвестных и разных адресатов так, что у конкретного адресата может сложиться впечатление, что к нему обращаются как к личности [Fairclough 1989: 62]. Данный эффект достигается прежде всего путем прямого обращения во 2-м лице, иногда обращением на «ты»: *Ak vieš, čo v živote hľadáš, ideš na istotu. Stoj si za svojím / Если знаешь, чего в жизни ищешь, будешь убежденным в этом. Держи своё слово* (Jack Daniel's, американский виски), но чаще всего во множественном числе, которое может быть воспринято как обращение к нескольким лицам, но также и как обращение на «вы», и с учетом общего контекста (например, для вежливого тона использование личного местоимения и там, где это в словацком языке необязательно, иногда с заглавной буквы *Vy*) воспринимается скорее всего как приветствие: *Vy za to stojíte / Вы этого достойны* (L'Oréal). В некоторых позициях речь идет, безусловно, об обращении на «вы»: *A tým si môžete byť úplne istá / И вы можете быть в этом абсолютно уверена* (Rexona). Употребление притяжательных местоимений, относящихся к телу адресата, создает впечатление личной и интимной связи между автором рекламы и адресатом: *Dove vašu pokožku nevysušuje / Dove vašu kožu ne sušit (Dove); Rozumie vášmu žalúdku / Он понимает ваш желудок* (Ranisan); *Vaše dýchacie cesty tak prirodzene reagujú / Ваши дыхательные пути таким образом естественно реагируют* (Stodal). Реклама достигает эффекта индивидуализации адресата и другими средствами, прежде всего за счет предвосхищения его желаний, проблем, жизненной ситуации и т. д.

Ответ на вопрос, кто на самом деле обращает-

ся к нам из рекламы, может оказаться довольно сложным. Чтобы понять рекламу, не обязательно разделять голос отправителя и автора. В момент утверждения клиентом окончательного вида рекламы их голоса сливаются. Если в рекламе один «аниматор», его голос сливается с ролями других участников, если аниматоров – субъектов вторичной коммуникации – больше, их голоса сливаются с голосом автора по общему смыслу (как, например, в драме).

В печатной рекламе высказывания относят к отдельным субъектам исходя из условностей и контекста. Визуальный и вербальный компоненты обеспечивают реципиенту различные мотивы для подчеркивания высказывания (надписи) и говорящего субъекта. Эксплицитным соотношением является оформление высказывания в стиле комикса, т. е. размещение реплики в «облаке», выходящем из рта персонажа. Чаще связь между говорящим и репликой указывается более имплицитно. Одним из видов объединяющего мотива, обеспечиваемого языковым компонентом рекламы, является использование грамматических средств лица. Например, если в нем присутствует глагол или местоимение, обозначающее 1-е лицо единственного числа, мы отнесем его к первому изображенному персонажу, особенно если это утверждение взято в кавычки, как это сделано в печатной рекламе компании Partneri rodinných firiem / Партнеры семейных фирм (www.prfslovensko.sk), в которой есть такая реплика: *Konečne sa môžem sústreďiť na nové projekty. Partneri nám našli nového Výkonného riaditeľa / Наконец-то я могу сосредоточиться на новых проектах. Партнеры нашли нам нового Исполнительного директора* [Trend 2020: 49], а на переднем плане размещена цветная фотография молодого человека в голубой рубашке с галстуком, одетого в темно-синий пиджак и держащего в руках мобильный телефон. Мы приписываем утверждение в кавычках изображенному человеку. Из сочетания текста (состоящего не только из цитируемой реплики) и фотографии можно также вывести примерную социальную идентичность изображенного человека: менеджер, представитель малого или среднего бизнеса. Высказывание от первого лица множественного числа может быть отнесено к группе изображаемых предметов или к группе, представителем которой является изображаемый персонаж. Если в рекламе не показаны какие-либо символы и/или олицетворяемые предметы, к которым можно отнести надпись, но, например, есть только красные воздушные шары, плывущие над бесплодным черно-белым пейзажем, то мы приписываем надпись, английский слоган *We do amazing things / Мы делаем удивительные вещи*, автору рекламы. Тот, кто здесь говорит, это коллективный субъект фирмы (SCS). Точно так же к коллективному авторскому субъекту часто относят высказывание в третьем лице, безличное высказывание или слоган, например слоган компании Volkswagen *Mať auto, alebo mať Passat je neporovnateľný rozdiel / Иметь машину, или иметь «Пассат» – это несравнимая разница*, напечатанный под изображением

ем банки с яйцом, мы не будем относить к яйцам, а опять-таки к компании как рекламодателю.

Как в рекламе не всегда понятно, кто и с каких позиций говорит, так иногда даже неясно, кому адресовано высказывание. Если адресатом рекламного коммуниката в целом является реципиент, принадлежащий к определенной целевой группе, то кто является адресатом конкретной речи, может быть не совсем очевидно. Это связано в том числе с наличием переходов между первичной и вторичной коммуникацией. Например, комментатор телевизионного ролика может обращаться как к действующим лицам вторичной коммуникации, так и к зрителям, человек, выступающий в рекламном ролике, может повернуться к камере и обратиться непосредственно к зрителю. Часто адресат конкретного высказывания в рекламе дублируется, точно так же как и говорящий субъект. Это одновременно и показанный человек, и адресат рекламы, для которого показанный человек является *pars pro toto* (частью для целого) [Šmejrková 2000: 207–215].

Контакт между коммуникантами в рекламе

Контакт с реципиентом в рекламе является косвенным: коммуникативная ситуация, в которой создается реклама, не совпадает по времени и месту с ситуацией общения. По сравнению с контактной коммуникацией, при которой оба участника общения принимают участие в установлении и поддержании контакта и частично используют также паралингвистические средства, поддержание контакта в рекламном общении зависит от субъекта высказывания и от речевых средств. С точки зрения эффективности рекламной коммуникации косвенный контакт ощущается как недостаток, и авторы рекламы стараются компенсировать его языковыми средствами, устанавливающими контакт: обращением во 2-м лице, например: *Kam kráčaš, človek? / Куда шагаешь, человек?* [HN magazín 2021: 14], вопросами (не только риторическими, но одновременно или только контактными, например: *Je ti zima, dievčatko? Vrstvi! / Тебе холодно, девочка? Одевайся!* [Rendez-vous fashion 2020: 5]; *Riešite vianočné darčeky pre zamestnancov a obchodných partnerov? / Выбираете рождественские подарки для сотрудников и деловых партнеров?* [Alza]; *Trápi vás akné? / Вы страдаете от прыщей?* [Liptavia]), интертекстуальными отсылками к общеизвестному знанию [об интертекстуальности в рекламе см. монографию Р. Холановой 2012], а также отсылками к общему опыту и т. д.

Специфическим типом контакта экономических субъектов с клиентами являются некоторые формы поддержки продаж, а именно различные программы «за выслугу лет», связанные с льготами для постоянных клиентов. Они распространяются посредством рекламы и используются по-разному в некоторых рекламных объявлениях, например, выдвигается идея коллективного «мы» и принадлежности клиентов и компании к единому целому (смотри слоган Telekom SK *V našej triede je najlepšie / В нашем классе лучше всего*), завершающая развлека-

тельные телеролики, действие которых происходит в школьной среде.

Косвенный характер коммуникации ограничивает ее **взаимодействие**, т. е. он исключает немедленный ответ адресата, зафиксированный адресантом. Рекламный текст в целом представляет собой монолог, а не ответный акт коммуникации. Именно это пытаются преодолеть рекламисты. По мнению С. Чмейрковой, «создатели рекламы стараются имитировать личную встречу с адресатом, обращаться к нему, устанавливая с ним диалог, вести **ответный дискурс**» [Šmejrková 2007: 173]. Средством стимулирования диалога может быть, помимо постоянных обращений, например, в форме личных и притяжательных местоимений 2-го лица, также стирание границ между субъектами изображенной, вторичной коммуникации и собственно субъектами коммуниката, т. е. прежде всего адресатом [Šmejrková 2000].

Хотя реципиенты часто реагируют вербально на рекламные коммуникаты, их реакции уже больше не являются частью рекламной коммуникации.

Существенным фактором, влияющим на форму рекламной коммуникации, является ее **публичный характер**. Авторы рекламных коммуникатов (как отправители, так и иные авторские лица) и их адресаты не знают друг друга. Число реципиентов заранее не известно и ограничено (за исключением рекламы, предназначенной для узкой, например профессиональной, группы), реципиентом может стать каждый, кто покупает газету, смотрит телевизор или проезжает мимо билбордов. Таким образом, реклама также регулируется правовыми стандартами, касающимися общественной коммуникации, а не только самим законом о рекламе. Разнообразие и анонимность реципиентов также являются причиной типизации изображенного в тексте адресата по представлениям авторов о так называемых целевых группах (см. упомянутый выше раздел «Социально-коммуникативные роли участников коммуникации в коммерческой рекламе») и в соответствии с описаниями средства массовой информации, для которого предназначен конкретный вид рекламного коммуниката. Представление создателей рекламы об адресате является одним из важнейших стилеобразующих факторов в рекламной коммуникации [см. также Šmejrková 2000, 2007; Šrpová 2007].

Специфика восприятия рекламы

На форму рекламы и способ ее подачи существенное влияние оказывает тот факт, что люди обычно либо не хотят смотреть рекламу, либо смотрят ее недостаточно внимательно или недостаточно долго. Некоторые люди имеют открыто негативное отношение к рекламе или некоторым ее формам. Они, например, пишут на своих почтовых ящиках, что не желают получать листовки, или уходят от телевизора во время трансляции рекламы, переключаются на другой канал и т. д. По этой причине Г. Кук [1992: 217] называет рекламу дискурсом на периферии внимания реципиента. В связи с этим рекламные тексты пытаются

разными способами привлечь и удержать внимание адресата, печатная реклама, например, – краткостью и выразительной графической формой заголовков и слоганов, аудиореклама – громкостью: например, аудиовизуальные ролики, транслируемые по телевидению, обычно звучат громче других программ.

Если взять в качестве примера рекламу на обложке цветного журнала формата А4, то мы увидим, что реклама использует далеко не все имеющееся пространство для передачи как можно большего количества информации. Вместо страниц, напечатанных так же плотно, как журнальные статьи, создатели рекламы выбирают, например, для автомобиля фотографию (чаще всего рекламируемого автомобиля), на фоне которой расположен простой, максимум трехстрочный заголовок крупным шрифтом, слоган компании более мелким шрифтом с несколькими словами и наименьшим шрифтом, в несколько строк краткая (словесная) информация о полезных особенностях рекламируемой модели, условиях продажи и т. п. Реципиент, скорее всего, не обратил бы внимание на полностью заполненную страницу. Именно поэтому большинство рекламных жанров стремятся к краткости, **сжатости**, высказывания строятся **эллиптически** и **имплицитно**. Сочетание вербального кода с графикой, статической или динамической, обеспечивает краткость вербального компонента, позволяя скрыть то, что показано, т. е. обычно тематическую составляющую высказывания. Заголовки и слоганы, если они относятся к рекламируемому товару, по большей части рематичны: заголовок *Vozidlo, čo má šťavu* / *Это сочный автомобиль* в сочетании с изображением и мелким шрифтом означает, что *Toyota Corolla Cross je vozidlo, čo má šťavu* / *Toyota Corolla Cross – это сочный автомобиль*. Краткость как особенность текста является результатом воздействия фактора, возникающего из условий получения рекламы, который учитывает создатель рекламы, а также временного и/или пространственного ограничения объема рекламного текста. Необходимость привлечь и удержать внимание адресата является фактором, влияющим на рекламный текст, причем всегда. Однако она не проявляется в одинаковой степени во всех жанрах (даже в связи с имеющимся в ее распоряжении пространством / временем) и не всегда результатом ее действия должна быть краткость или эллиптичность (о некоторых рекламных жанрах, например плакат, афиша, рекламный стенд, билборд, как поликодовых коммуникантах см. работу Я. Соколовой *Тексты – Изображения – Коммуникаты* 2017).

Коммуникативные функции высказываний

Современные рекламные тексты характеризуются широким набором коммуникативных функций высказывания, отсутствием эксплицитных перформативных формул, не слишком частым использованием иллокутивных глаголов как показателей коммуникативной функции и связанной с этим неоднозначностью или многозначностью коммуникативной функции данного высказыва-

ния. Эта двусмысленность часто является явно преднамеренной, поскольку она служит коммуникативным целям текста в целом. В письменных текстах, особенно в заголовках и слоганах, очень часто используется восклицательный знак в конце высказывания. Они связаны с самыми разнообразными коммуникативными функциями (за исключением, конечно, реальных и формальных вопросов) и усиливают их эмоциональность и обращение к адресату, будь то вызов, или предложение: *Bud'te blízkym nablízku!* / *Будьте с близкими поблизости* (Интернет для пенсионеров от UPC); *Nesnívaj!* *Ukáž nám svoj talent. Veľvyslanectvo mladých* / *Не мечтай! Покажи нам свой талант. Молодежное посольство* (предложение для старшеклассников, опубликованное в еженедельнике «Словенка», разработать проект на словацком и английском языках до 31 марта 2021 года), или обещание: *Vďaka predĺženej záruke si ho môžete bezstarostne užívať celé 4 roky!*; *S produktami od LIPTAVIE dáte akné zbohom!* (Liptavia) / *Благодаря расширенной гарантии вы сможете беззаботно пользоваться им в течение 4 лет!*; *Popročajte sa s prýščami s produkciou LIPTAVIA!*; *Na afy a opravy pomôže konope!* / *Конопля поможет при афтах и герпесе!* (Connadent); *Laktobacily a vitamín D na posilnenie detskej imunity!* / *Лактобациллы и витамин D для укрепления детского иммунитета!* (LACTO SEVEN. Kids); *Nová revolučná ochrana pred COVID-19!* / *Новая революционная защита от COVID-19!* (Taffix), или благодарность: *Ďakujeme, že pomáhate spolu s nami!* / *Спасибо, что помогаете вместе с нами!* (сбор продуктов компании Lidl), или утверждение *Základom je správna výška!* / *Основой является правильная высота!*

Иллокутивные глаголы как индикаторы (реальной) коммуникативной функции появляются только для специфичных функций: рекомендации в выступлениях эксперта или известной личности, например: *Odporičam silu Hyalurónovej terapie* / *Рекомендую силу Гиалуроновой терапии* (Dermacol), и в **экспрессивных и удовлетворяющих функциях** [ср. Karlík, Nekula, Rusínová 1995: 589], особенно в благодарностях и пожеланиях. Благодарности появляются в рекламных объявлениях, создающих и поддерживающих контакты между компанией и постоянными клиентами: *Ďakujeme vám za vernosť a priazeň* / *Благодарим вас за вашу верность и благосклонность* (KIK). Эксплицитные пожелания типичны для спонсорских роликов перед спонсируемой программой: *Prijemní zábavu pri sledovaní programu vám praje nový Seat Ibiza. Sponzor programu* / *Новый Seat Ibiza желает вам приятно провести время за просмотром программы. Спонсор программы*; и в рождественских и новогодних пожеланиях: *Želáme vám i vašim najbližším požehnané Vianoce plné pokoja, lásky a sviatočnej atmosféry* / *Мы желаем вам и вашим родственникам счастливого Рождества, наполненного покоем, любовью и праздничной атмосферой* (COOP Jednota. Наилучшие отечественные продукты); *Prajeme vám úspešný rok* / *Желаем вам удачного года* [Slovenka 2020: 12–13]. Не характерны для современной рекламы также иллокутивные глаголы, выполняющие **коммиссивную коммуникативную функцию**, т. е. обязательство, обещание или предложение [там же: 588],

например: *Garantujeme, že cena elektriny môže len klesať / Гарантируем, что цена электричества может только снижаться* (ZSE energia a. s.). Тот факт, что эксплицитные обещания воспринимаются как старомодные, отражается и в рекламных текстах с «метарекламными» комментариями: *Nesľubujete vám [...], ale môžete vám sľúbiť [...]* / Мы не обещаем вам [...], но можем вам пообещать [...]. Иллокутивные глаголы в перформативной функции обычно используются в первичной коммуникации, в которой главный герой обращается напрямую к реципиенту: *V týchto pandemických časoch odporúčam* (Igor Bukovský, pozn. autora) *vitamín D / В эти пандемические времена рекомендую* (Игор Буковский, прим. автора) *витамин D*; *Ja* (Michal Kopecký, pozn. autora) *ju odporúčam prečítať všetkým ženám / Я* (Михал Копецкий, прим. автора) *рекомендую прочитать её всем женщинам* (kniha *Žena snov* / книга «Женщина мечты»).

При высказывании в форме **констатирующего** (традиционно «повествовательного») **предложения** коммуникативная функция понимается на основании других показателей (например, времени глагола), а также из контекста. В форме будущего времени глагола в изъявительном наклонении *Konečne sa budete smiať Vy!* / *Наконец-то Вы засмеетесь!* (Telekom SK) основная функция предложения товара звучит как обещание адресату, модальный глагол *мочь* в этом случае обычно выражает скорее обещание, имея в виду, что исполнение обещания зависит и от адресата: *Aj vy môžete zažiť radosť z výhry a splniť si svoje sny. Na to si stavte!* / *И Вы сможете радоваться победе и исполнить свои мечты. Сделайте ставку на это!* (Tipos, národná lotériová spoločnosť, a. s.).

Высказывания в форме вопросительного предложения могут быть, ввиду одностороннего характера рекламной коммуникации, настоящими вопросами только во вторичной коммуникации. Однако вопросы в рекламе часто обращены одновременно и к изображаемому персонажу, и к адресату. В телевизионном ролике L'Oréal Elève мужской голос за кадром спрашивает: *Poškodené, krehké, látavé, drsné a rozstrapatené vlasy?* / *Поврежденные, нежные, ломкие, шероховатые и растрепанные волосы?* И женщина, показывающая свои длинные, блестящие волосы и т. д., отвечает: *To už je minulosť / Это уже прошлое.* Но в то же время вопрос выходит и «наружу» – за пределы рекламной сценки, обращается к адресату и одновременно выбирает его. Из множества реципиентов она выделяет женщин, которые считают, что их волосы имеют перечисленные недостатки. Вопрос и ответ повторяют основную схему рекламной аргументации: вопрос называет проблему, рекламируемый продукт является ее решением: *Štyri problémy? Jedno riešenie.* (komentátor v tom istom spote); *Lupiny? Suchá pokožka? Príroda pozná riešenie. Objavte silu papáje!* / *Четыре проблемы? Одно решение.* (комментатор в том же самом ролике); *Perxotť? Suchá koža? Príroda vie riešenie. Otvorte dvere pre seba papáju!* [Zdravie 2021: 47]. Вопросы в рекламе чаще всего бывают такого типа: называют тему (заглавные вопросы) и одновременно обращаются к адресату и выбирают его

(контактные вопросы), предвосхищают его желания, проблемы или неприятности: *Molekula mladosti? Kyselina hyalurónová!* / *Молекула молодости? Гиалуроновая кислота!* (NU'CLINIC, клиника эстетической медицины и пластической хирургии); *Zbláznil sa vám pankreas alebo žlčník?* / *Ваша поджелудочная железа или желчный пузырь сошли с ума?* [Zdravie 2021: 73]; *Je vakcína aj pre alergikov?* / *Подходит ли вакцина и аллергикам?* [Slovenka 2020: 23]; *Viete si predstaviť, že by Vaša firma fungovala lepšie?* / *Можете ли вы представить, что ваша компания будет работать лучше?* (Nebotra); *Hľadáte spôsob, ako zhodnotiť peniaze, ale nezdajú sa Vám úroky pri sporení?* / *Вы ищете способ, как повысить стоимость своих денег, но проценты по сбережениям кажутся вам неподходящими?* (Slovenská sporiteľňa / Словацкий сберегательный банк). Вопросы в рекламе могут иметь и функцию вызова: *Ako na rok 2020 budete spomínať vy?* / *Каким вам запомнится 2020 год?* [Slovenka 2020: 24–25] или предложения: *Budúci zájazd na Jadran? S Turancar Travel už od ... / Будущая поездка на Адриатику? С Turancar Travel ...* (Turancar).

Риторические вопросы в собственном смысле слова (по поводу риторического вопроса см. [Mrázková 2010]) встречаются в рекламе далеко не так часто, как комбинации заголовочных и контактных вопросов. Об этом говорит и Г. Лич в своем анализе британской рекламы шестидесятых годов XX века: «Риторический вопрос в классическом понимании не является типичной чертой рекламных текстов, тем самым реклама отличается от других видов персуазивного использования языка» [Leech 1966: 113]. Риторические вопросы, появляющиеся в рекламных текстах, зачастую в каком-то смысле нетипичны, неоднозначно интерпретируются.

Самый простой случай – это добавочные риторические вопросы, для получения ответа на которые необходима не только инверсия положительного и отрицательного, но и в большей или меньшей степени общий контекст, в случае рекламы обычно еще и визуальный. На плакатах Словацкой железнодорожной компании мы видим молодого человека, смотрящего в свой ноутбук в вагоне, и читаем вопрос: *Kde inde si nájdete čas na čítanie tých najlepších mailov?* / *Где еще вы найдете время, чтобы читать лучшие электронные письма?* Из вопроса, понимаемого как риторический, мы получаем ответ «нигде», но он не имеет особого смысла сам по себе, пока образ не подразумевает имплицитный ответ – «нигде в другом месте, кроме вагона». То же самое происходит и с ответом на вопрос: *Kto sa postará o vašu rodinu, ak vy nebudete môcť?* / *Кто позаботится о вашей семье, если вы не сможете?* Этот вопрос был поставлен в печатной рекламе страхования жизни группы AXA в Словакии. В этом случае риторический вопрос имеет еще и предупредительную функцию и граничит с внушительным вопросом. Внушительным является и вопрос: *Prečo dnes tolko šikovných zákazníkov nakúpilo v Mercury Market?* / *Почему сегодня так много умных покупателей сделали покупки в Mercury Market?* Ответ на него не подразумевается ни по правилам построения ответа на риторический вопрос, ни из контекста, он

заложен в самой формулировке вопроса, т. е. в выражении *šikovných / умных*.

В случае удостоверяющих вопросов, таких как *Pokiaľ niektoré mydlá takto pôsobia na papierik, sú dostatočne šetrné k vašej pokožke? / Если некоторые виды мыла оказывают такое воздействие на бумагу, достаточно ли они мягки для вашей кожи? (Dove) или Predsa nechcete najdrahšiu pôžičku? (televízny spot OTP banky) / Вы все-таки не хотите самый дорогой кредит? (теле-ролик OTP Банка)*, можно получить ответ даже без контекста, во втором случае частица «все-таки» приводит к тому, что из отрицательного вопроса нетипично получается отрицательный ответ.

Другой тип риторического вопроса можно найти в печатной рекламе автомобиля Ford Kuga. Рекламный текст начинается так: *Premeniť obyčajný nákup v priebehu všedného daždivého dňa v nešedný zážitok? Kuga to dokáže / Превратить в необыкновенное событие обычную покупку в течение обычного дождливого дня? Kuga может это сделать*. На утвердительный вопрос ответ утвердительный, что не характерно для риторического вопроса. Однако утвердительный и отрицательный характер высказывания на словацком языке в первую очередь связаны с личной формой глагола, которая, однако, в высказывании *Premeniť obyčajný nákup v priebehu všedného daždivého dňa na nešedný zážitok? / Превратить в необыкновенное событие обычную покупку в течение обычного дождливого дня?* устранена. Из ответа можно вывести как положительную, так и отрицательную форму вопроса: *Je / nie je možné premeniť...? / Можно ли / нельзя ли преобразовать...?* Сомнения по поводу рекламируемого товара, которые вызывают оба варианта, возникают в рекламе, как правило, лишь во вторичной коммуникации (в беседах с еще не убежденными покупателями), а не там, где субъект речи обращается непосредственно к адресатам. Формально вопросительное высказывание, таким образом, сначала приписывается адресату: рекламный текст формулирует его сомнения посредством риторического вопроса, предполагающего ответ «*nie je možné premeniť ...*» / «*преобразовать невозможно...*». Этим – невысказанным – ответом рекламный текст утверждает, что *Kuga to dokáže / Kuga может это сделать*. Аналогично эллиптически формулируются вопрос спикера и ответ на него в другой печатной рекламе Ford: *Parkovanie na mieste, ktoré ani nevidíte? Nový Ford Focus sám nájde aj to najskrytejšie miesto a potom v ňom sám zaparkuje / Парковаться в месте, которого даже не видно? Новый Ford Focus сам найдет даже самое скрытое место и припаркуется там*.

Высказывания с глаголом в повелительном наклонении в рекламных текстах обычно имеют коммуникативную функцию вызова, стимула или приглашения: *Prejdite s firmou do digitálneho sveta / Отправляйтесь с компанией в цифровой мир (Abra Software, s. r. o.); Učte sa cudzí jazyk efektívne / Изучайте иностранный язык эффективно [бесплатный вебинар языкового наставника Лидии Маховой, к.ф.н., Pravda 10. 1. 2021]*. Функция приказа не учитывается в общем контексте рекламной коммуникации, особенно в смысле добровольности отно-

шений между поставщиком услуги и заказчиком. Речь также не идет о просьбах, которые – из вежливости – требуют использования слова «пожалуйста» или других вежливых средств снижения срочности запроса. Они почти не используются в рекламе [Štejrková 2000: 162]. Это происходит потому, что адресата приглашают к деятельности, которая, как ожидается, принесет ему пользу и т. д.

Высказывания с коммуникативной функцией вызова (выраженные как императивом, так и иным способом) характерны для рекламных коммуникатов, поскольку соответствуют их основной коммуникативной цели – заставить адресата купить рекламируемый товар или услугу. Рекламные коммуникаты редко прямо призывают к покупке. Чаще всего звучат вызовы к другим действиям, связанным с покупкой и использованием товаров: *Zabavte sa s výkonným tabletom Lenovo Yoga Smart Tab / Развлекайтесь с мощным планшетом Lenovo Yoga Smart Tab (Lenovo); Navštívte svojho autorizovaného predajcu..., / Посетите своего авторизованного дилера..., чтобы узнать о действиях, позволяющих совершить покупку Užívajte si nekonečné volania, SMS a dáta ... / Наслаждайтесь бесконечными звонками, SMS и передачей данных... (Telekom SK) – или они напрямую стимулируют потребление: Vychutnajte si Babičkiné túčniky od výmyslu sveta / Наслаждайтесь всем на свете бабушкиным сладким (topky.sk)*.

В заголовках и слоганах часто дублируются императивы: *Nebuďte béčko, dajte si déčko / Не будь Б, прими D [Pravda 12.11.2020]; Ukážte ježkovi cestu a vyhrajte 20 x 500 eur! / Покажите ежику дорогу и выиграйте 20 x 500 евро! (ING Bank)*. Реже глаголы повелительного наклонения выражают последующие события: *Prebudte svoju vnútornú krásu a nechajte rozkvitnúť vlastnú značku / Пробудите свою внутреннюю красоту и позвольте своему бренду процветать (LENPREZDRAVIE, 30.05.2017) – или события, которые призваны быть синонимами в данном контексте: Nепrepásnite jedinečnú ponuku a zaobstarajte si Hyundai izo... / Не упустите уникальное предложение и приобретите Hyundai izo... Типичными для рекламы являются высказывания с двумя глаголами в повелительном наклонении, где второй из них в силу своего лексического значения не может выполнить вызывающую или другую коммуникативную функцию, прежде всего связанную с повелительным наклонением: *Založte si Era účet a získajte mobil zdarma! / Откройте Era счет и получите мобильник бесплатно! (Poštová banka / Почтовый банк); Kúpte farbu nectra a vyhrajte jednu z 10 luxusných vôní Miss Dior / Купите цвет nectra и выиграйте один из 10 роскошных ароматов Miss Dior; Prevedte si k nám pôžičku hneď a ušetríte / Переведите свои займы к нам прямо сейчас и сэкономьте (Airbank)*.*

Для того чтобы высказывание могло иметь коммуникативную функцию приказа, вызова, поощрения или рекомендации, адресат должен быть способен осуществить ту деятельность, к которой его приглашают. Успешная реализация действия должна быть ему под силу [см. Štejrková 2000: 163]. Глаголы совершенного вида *vyhrať / выиграть* или *získať / получить* не выполняют эту функцию,

так же как бы ее не выполняли и их пары в несовершенном виде. В случае формы *ušetrite / сэкономьте* является проблематичным ее совершенный вид, потому что, в общем, субъекту менее под силу успешно завершить деятельность, чем просто ее выполнять. Вышеуказанные координативные связи с двумя императивами на самом деле представляют собой скрытые условные предложения, в которых нереализуемый императив представляет собой обещание, точнее согласие, поскольку формальное перекладывание ответственности на адресата ослабляет обязывающий характер этого обещания: *Ak ukážete ježkovi cestu, vyhráte 20 x 500 eur!* / Если мы покажем ежику дорогу, вы выиграете 20 x 500 евро! Условное обещание также стоит за нереализуемыми императивами, которые не возникают в сочетании с другим, реализуемым императивом: *Objavte novú chuť zázvoru / Откройте для себя новый вкус имбиря (Birell); Rozjasnite svoj pohľad energizujúcim očným roll-onem Nivea / Озарите свой взгляд энергизирующим roll-on'ом Nivea для глаз.* Условие выполнения здесь имплицитное, оно выведено из общих предположений о рекламной коммуникации (*Ak si kúpite..., objavíte ... / Если вы купите..., вы обнаружите...*). То же самое касается и сочетания двух невыполнимых императивов: *Objavte rozdiel vďaka Dove a získajte darček za nákup produktov Dove v hodnote 100 eur / Откройте для себя разницу благодаря Dove и получите подарок при покупке продукции Dove на сумму 100 евро.* Таким образом, высказывания с нереализуемым императивом могут, независимо от того, связаны ли они с другими императивами, одновременно выполнять коммуникативную функцию (не очень обязывающего) обещания и вызова, которые не выразило бы стандартное условное предложение.

Выводы

В коммерческой рекламе можно выделить так называемые социальные и коммуникативные роли участников. Рекламный коммуникат по-разному изображает своих адресатов, прямо и косвенно. При косвенном представлении адресатов рекламы как определенной целевой группы и обращении к ним используется так называемая синтетическая персонализация.

Реклама предполагает косвенный контакт

Источники

- HN magazín, roč. 7, č. 1, 2021. Bez ISSN.
 Pravda, roč. 100, č. 1–262, 2020. ISSN 1335-4051.
 Rendez-vous Fashion. Zima 2020, roč. 10, č. 4, 2020. Bez ISSN.
 Slovenka, roč. 72, č. 52–1, 2020. ISSN 0231-6676.
 Šarm, roč. 19, č. 1, 2021. ISSN 1336-3190.
 Trend, roč. XXVIII, č. 50–51, 2019. ISSN 1335-0684.
 Trend, roč. XXIX, č. 45, 2020. ISSN 1335-0684.
 Trend, roč. XXX, č. 1, 2021. ISSN 1335-0684.
 Zdravie, roč. 77, č. 1, 2, 2021. ISSN 0044-1953.
 Život, roč. 71, č. 1, 2021. ISSN 0139-6323.

между участниками коммуникации – автором и реципиентом, что ограничивает их взаимодействие. Ответ реципиента исключается. Специфическим видом контакта экономических субъектов с клиентами являются различные программы, связанные с льготами для постоянных клиентов.

На рекламную коммуникацию влияет ее публичный характер, при этом сама форма рекламы и способ ее подачи имеют свою специфику (большинство жанров рекламы стремятся к краткости, сжатости, часто высказывание строится эллиптически и имплицитно).

Типичным явлением современного рекламного дискурса является широкий спектр коммуникативных функций высказывания, отсутствие эксплицитных перформативных формул, не слишком частое использование иллокутивных глаголов как показателей коммуникативной функции и связанная с этим неоднозначность или многозначность коммуникативной функции данного высказывания.

Анализ словацкого рекламного дискурса позволил выявить исключительно положительную коммуникативную и прагматическую направленность этого типа дискурса. Именно эта особенность рекламного дискурса определяет выбор языковых средств, повышающих прагматическое воздействие на реципиента.

В настоящее время рекламный дискурс является одним из индикаторов социального и культурного развития общества, отражая его основные ценности и потребности. В связи с этим возрастающий интерес к этой теме не случаен. На основании представленного в данной статье анализа прагматических аспектов рекламного дискурса мы считаем возможным дальнейшее его исследование с точки зрения коммуникативно-прагматической направленности, учитывая особенности не только вербальной, но и визуальной и звуковой реализации рекламного дискурса (мультимодальность – на аудиовизуальную рекламу, транслируемую по телевидению и в Интернете, ссылаются плакаты наружной рекламы и печатная реклама в газетах и журналах; подключение к соцсетям и перенос рекламы в горизонтальную плоскость, т. е. к самому реципиенту / потребителю, например, путем голосования за любимую рекламу в социальных сетях).

Литература

- Алефиренко, Н. Ф. Дискурс: смыслопорождающий механизм текста / Н. Ф. Алефиренко. – Hradec Králové : Gaudeamus, 2019. – 225 с.
- Алефиренко, Н. Ф. Проблемы когнитивной лингвистики / Н. Ф. Алефиренко, Н. Б. Корина. – Нитра : Университет Константина Философа в Нитре, 2011. – 216 ч.
- Арнольд, И. В. Основы научных исследований в лингвистике / И. В. Арнольд. – М. : Либроком, 2013. – 139 с.
- Арутюнова, Н. Д. Дискурс / Н. Д. Арутюнова // Лингвистический энциклопедический словарь / ред. В. Н. Ярцева. – М. : Советская энциклопедия, 1990. – С. 136–137.
- Гузи, Л. В поисках российских ценностей I / Л. Гузи, Н. Мертова. – Прешов : Философский факультет Прешовского университета в Прешове, 2020. – 365 с.
- Калечиц, А. Фразеологизмы «в действии»: семантико-прагматический аспект / А. Калечиц. – Минск : Колорград, 2020. – 350 с.
- Калечиц, А. Прагмалингвистическая модель исследования текста с проекцией на говорящего / А. Калечиц // *Przegląd rusycystyczny*. – 2024. – № 4. – С. 198–218.
- Карасик, В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. – Волгоград : Перемена, 2002. – 477 с.
- Куликова, Е. В. Языковая специфика рекламного дискурса / Е. В. Куликова // *Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского*. – 2008. – № 4. – С. 197–205.
- Маслова, В. А. Лингвокультурология : учебное пособие для студентов высших учебных заведений / В. А. Маслова. – М. : Издательский центр «Академия», 2001. – 208 с.
- Соколова, Я. Человек – Язык – Дискурс / Я. Соколова, Н. Корина. – Saarbrücken : Palmarium Academic Publishing, 2013. – 206 с.
- Austin, J. L. How to do Things with Words. Second edition / J. L. Austin. – Cambridge ; Massachusetts : Harvard University Press, 1975. – 192 p.
- Cingerová, N. Precedent Phenomena in the Process of Creating a Comic Effect in Slovak Internet Memes / N. Cingerová, I. Dulebová // *Advances in Social Science, Education and Humanities Research*. – Moscow : Atlantis Press, 2021. – P. 13–18.
- Cook, G. The Discourse of Advertising / G. Cook. – London : Routledge, 1992. – 251 p.
- Čmejrková, S. Reklama v češtině, čeština v reklamě / S. Čmejrková. – Praha : LEDA, 2000. – 258 s.
- Čmejrková, S. Kulturní a jazykové zdroje persvazivnosti české reklamy / S. Čmejrková // *Od informace k reklamě* / ed. by H. Srpová, J. Bartošek, S. Čmejrková, A. Jaklová, P. Pácl. – Ostrava : Filozofická fakulta Ostravské univerzity, 2007. – S. 161–200.
- Daneš, F., Mluvnice češtiny 3. Skladba / F. Daneš, M. Grepl, Z. Hlavsa. – Praha : Academia, 1987. – 746 s.
- Dolník, J. Všeobecná jazykoveda. Opis a vysvetľovanie jazyka / J. Dolník. – Bratislava : Veda, vydavateľstvo Slovenskej akadémie vied, 2009. – 376 s.
- Dolník, J. Jazyk – človek – kultúra / J. Dolník. – Bratislava : Kalligram, 2010. – 224 s.
- Dolník, J. Jazyk v pragmatike / J. Dolník. – Bratislava : Veda, vydavateľstvo Slovenskej akadémie vied, 2018. – 198 s.
- Dulebová, I. Mediálna lingvistika / I. Dulebová, N. Cingerová. – Bratislava : Univerzita Komenského v Bratislave, 2023. – 220 s.
- Dulebová, I. Language and Security. The Language of Securitization in Contemporary Slovak Public Discourse / I. Dulebová, R. Štefančík, N. Cingerová. – Berlin : Peter Lang, 2024. – 150 s.
- Fairclough, N. Language nad Power / N. Fairclough. – London : Longman, 1989. – 259 s.
- Gajarský, L. Culturemes with Allusions to Literary Works in Newspaper Headlines of Three Slavic Languages / L. Gajarský, T. Mujkošová // *Przegląd rusycystyczny*. – 2024. – 126, č. 2. – P. 134–157.
- Goffman, E. Footing / E. Goffman // *Semiotica*. – 1979. – 25. – S. 1–29.
- Holanová, R. Intertextualita v reklamě / R. Holanová. – Praha : Pedagogická fakulta Univerzity Karlovy v Praze, 2012. – 167 s.
- Huang, Y. Pragmatika / Y. Huang. – Praha : Nakladatelství Karolinum, 2019. – 405 s.
- Imioło, I. Skladba reklamných textov / I. Imioło // *Čeština doma a ve světě*. – 1998. – 6. – S. 152–155.
- Nekvapil, J. Zaujímání účastnických rolí / J. Nekvapil, P. Kaderka. – Text : electronic // *Nový encyklopedický slovník češtiny* / ed. by P. Karlík, M. Nekula, J. Pleskalová. – 2017. – URL: https://www.czechency.org/slovník/ZAÚJÍMÁNÍ_ÚČASTNICKÝCH_ROLÍ (mode of access: 15.12.2024).
- Karlík, P. Příruční mluvnice češtiny / P. Karlík, M. Nekula, Z. Rusínová. – Praha : Nakladatelství Lidové noviny, 1995.
- Korina, N. Jazykovaja kartina mira i kognitivnyje priority jazyka / N. Korina, B. Norman, N. Alefirenko, W. Wysoczański, J. Sokolová. – Nitra : Universitet Konstantina Filozofa v Nitre, 2014. – 204 s.
- Kováčová, Z. Od pochopenia k porozumeniu textu / Z. Kováčová // *O dieťati, jazyku, literatúre* / *On Child, Language and Literature*. – 2023. – 11, 2. – S. 54–69.
- Kováčová, Z. Jazyk a (po)rozumenie z aspektu kognitívnej lingvistiky / Z. Kováčová. – Nitra : Filozofická fakulta Univerzity Konštantína Filozofa v Nitre, 2015. – 266 s.
- Kováčová, Z. Kultúrny text ako diskurz. K otázke ontológie percepcie textu pre deti / Z. Kováčová. – Nitra : Univerzita Konštantína Filozofa v Nitre, 2017. – 162 s.

- Leech, G. N. *English in Advertising. A Linguistic Study of Advertising in Great Britain* / G. N. Leech. – London : Longmans, 1966. – 210 p.
- Mrázková, K. Co je řečnická otázka? / K. Mrázková // *Slovo a slovesnost*. – 2010. – 71. – S. 31–52.
- Mrázková, K. Reklamní komunikát jako předmět interpretace / K. Mrázková // *Jazyk a jazykoveda v interpretácii* / ed. by O. Orgoňová, K. Muziková, Z. Popovičová-Sedláčková. – Bratislava : Univerzita Komenského, 2014. – S. 360–368.
- Mrázková, K. Jazyková a kulturní různorodost v současné české komerční reklamě / K. Mrázková // *Stylistyka*. – 2015. – 24. – S. 319–329.
- Mrázková, K. Sféra reklamní komunikace / K. Mrázková // *Stylistika mluvené a psané češtiny*. – Praha : Academia, 2016. – S. 338–395.
- Searle, J. R. *Rečové akty* / J. R. Searle. – Bratislava : Kalligram, 2007. – 284 s.
- Searle, J. R. *Expression and meaning: Studies in the theory of speech acts* / J. R. Searle. – Cambridge ; London ; New York ; Melbourne : Cambridge University Press, 1979. – 187 p.
- Pravdová, M. K povaze reklamního diskurzu / M. Pravdová // *Naše řeč*. – 2002. – 85, č. 4. – S. 177–189.
- Sokolová, J. *Texty – Zobrazenia – Komunikáty* / J. Sokolová. – Nitra : Filozofická fakulta Univerzity Konštantína Filozofa v Nitre, 2017. – 330 s.
- Sokolová, J. Egocentriká – výrazy so sémanticko-pragmatickou orientáciou na hovoriaceho / J. Sokolová // *Slovenská reč*. – 2019. – 84, 1. – S. 10–25.
- Sokolová, J. Adresácia a adresát v slovenčine / J. Sokolová, A. Sokol // *Slavica Slovaca*. – 2020. – 55, 2. – S. 257–268.
- Sokolová, J. Formuly odpustenia, prepáčenia a ospravedlnenia v pragmatických súvislostiach / J. Sokolová // *Jazykovedný časopis*. – 2020. – 71, 1. – S. 5–23.
- Spišiaková, A. Semantic transformations of phraseological units in Russian and Slovak newspaper articles / A. Spišiaková, O. Iermachova // *Филологические науки: научные доклады высшей школы*. – 2022. – № 5. – С. 12–18.
- Spišiaková, A. Structural-semantic transformations of phraseological units in Russian and Slovak newspaper articles / A. Spišiaková // *SKASE Journal of Theoretical Linguistics*. – 2022. – Vol. 19, no. 1. – P. 82–100.
- Srpová, H. Cílová skupina – faktor, který rozhoduje o podobě reklamy / H. Srpová // *Od informace k reklamě* / ed. by H. Srpová, J. Bartošek, S. Čmejrková, A. Jaklová, P. Pácl. – Ostrava : Filozofická fakulta Ostravské univerzity, 2007. – S. 123–160.
- Šebesta, K. *Reklamní texty: jejich funkce a výstavba* / K. Šebesta. – Praha : Univerzita Karlova, 1990. – 188 s.
- Šebesta, K. *Reklama jako funkční styl?* / K. Šebesta // *Čeština doma a ve světě*. – Praha : FF UK, 1998. – S. 192–197.
- Vaňková, I. Co na srdci, to na jazyku. Kapitoly z kognitivní lingvistiky / I. Vaňková, I. Nebeská, L. Saicová-Římalová, J. Šlédrová. – Praha : Nakladatelství Karolinum, 2005. – 343 s.

References

- Alefrenko, N. F. (2019). *Diskurs: smysloporozhdayushchii mekhanizm teksta* [Discourse: The Meaning-Generating Mechanism of the Text]. Hradec Králové, Gaudeamus. 225 p.
- Alefrenko, N. F., Korina, N. B. (2011). *Problemy kognitivnoi lingvistiki* [Problems of Cognitive Linguistics]. Nitra, Univerzita Konstantina Filozofa v Nitre. 216 p.
- Arnold, I. V. (2013). *Osnovy nauchnykh issledovanií v lingvistike* [Fundamentals of Scientific Research in Linguistics]. Moscow, Librokom. 139 p.
- Arutyunova, N. D. (1990). *Diskurs* [Discourse]. In Yartseva, V. N. (Ed.). *Lingvisticheskii entsiklopedicheskii slovar'*. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya, pp. 136–137.
- Austin, J. L. (1975). *How to do Things with Words*. Second edition. Cambridge, Massachusetts, Harvard University Press. 192 p.
- Cingerová, N., Dulebová, I. (2021). Precedent Phenomena in the Process of Creating a Comic Effect in Slovak Internet Memes. In *Advances in Social Science, Education and Humanities Research*. Moscow, Atlantis Press, pp. 13–18.
- Čmejrková, S. (2000). *Reklama v češtině, čeština v reklamě*. Praha, LEDA. 258 p.
- Čmejrková, S. (2007). Kulturní a jazykové zdroje persvazivnosti české reklamy. In Srpová, H., Bartošek, J., Čmejrková, S., Jaklová, A., Pácl, P. (Eds.). *Od informace k reklamě*. Ostrava, Filozofická fakulta Ostravské univerzity, pp. 161–200.
- Cook, G. (1992). *The Discourse of Advertising*. London, Routledge. 251 p.
- Daneš, F., Grepl, M., Hlavsa, Z. (1987). *Mluvnice češtiny 3. Skladba*. Praha, Academia. 746 p.
- Dolník, J. (2009). *Všeobecná jazykoveda. Opis a vysvetľovanie jazyka*. Bratislava, Veda, vydavateľstvo Slovenskej akadémie vied. 376 p.
- Dolník, J. (2010). *Jazyk – človek – kultúra*. Bratislava, Kalligram. 224 p.
- Dolník, J. (2018). *Jazyk v pragmatike*. Bratislava, Veda, vydavateľstvo Slovenskej akadémie vied. 198 p.
- Dulebová, I. a kol. (2024). *Language and Security. The Language of Securitization in Contemporary Slovak Public Discourse*. Berlin, Peter Lang. 150 p.
- Dulebová, I., Cingerová, N. (2023). *Mediálna lingvistika*. Bratislava, Univerzita Komenského v Bratislave. 220 p.
- Fairclough, N. (1989). *Language and Power*. London, Longman. 259 p.
- Gajarský, L., Mujkošová, T. (2024). Culturemes with Allusions to Literary Works in Newspaper Headlines of Three Slavic Languages. In *Przegląd rusycystyczny*, 126, No. 2, pp. 134–157.
- Goffman, E. (1979). Footing. In *Semiotica*, 25, pp. 1–29.

- Guzi, L., Mertova, N. (2020). *V poiskakh rossiiskikh tsennostei I* [In Search of Russian Values]. Preshov, Filosofskii fakul'tet Preshovskogo universiteta v Preshove. 365 p.
- Holanová, R. (2012). *Intertextualita v reklamě*. Praha, Pedagogická fakulta Univerzity Karlovy v Praze. 167 p.
- Huang, Y. (2019). *Pragmatika*. Praha, Nakladatelství Karolinum. 405 p.
- Imioło, I. (1998). Skladba reklamných textov. In *Čeština doma a ve světě*, 6, pp. 152–155.
- Kalechits, A. (2020). *Frazeologizmy «v deistvii»: semantiko-pragmaticeskii aspekt* [Phraseologisms “in Action”: Semantic-Pragmatic Aspect]. Minsk, Kolorgrad. 350 p.
- Kalechits, A. (2024). Pragmalingvisticheskaya model' issledovaniya teksta s proektsiei na govoryashchego [Pragmalinguistic Model Text Research with Projection onto the Speaker]. In *Przegład rusycystyczny*. No. 4, pp. 198–218.
- Karasik, V. I. (2002). *Yazykovoii krug: lichnost', kontsepty, diskurs* [Language Circle: Personality, Concepts, Topics]. Volgograd, Peremena. 477 p.
- Karlík, P., Nekula, M., Rusínová, Z. (Eds.). (1995). *Příruční mluvnice češtiny*. Praha, Nakladatelství Lidové noviny.
- Korina, N. i kol. (2014). *Jazykovaja kartina mira i kognitivnyje priority jazyka*. Nitra, Universitet Konstantina Filozofa v Nitre. 204 p.
- Kováčová, Z. (2015). *Jazyk a (po)rozumenie z aspektu kognitívnej lingvistiky*. Nitra, Filozofická fakulta Univerzity Konštantína Filozofa v Nitre. 266 p.
- Kováčová, Z. (2017). *Kultúrny text ako diskurz. K otázke ontológie percepcie textu pre deti*. Nitra, Univerzita Konštantína Filozofa v Nitre. 162 p.
- Kováčová, Z. (2023). Od pochopenia k porozumeniu textu. In *O diet'ati, jazyku, literature / On Child, Language and Literature*, 11, č. 2, pp. 54–69.
- Kulikova, E. V. (2008). Yazykovaya spetsifika reklamnogo diskursa [Language Specificity of Advertising Discourse]. In *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo*. No. 4, pp. 197–205.
- Leech, G. N. (1996). *English in Advertising. A Linguistic Study of Advertising in Great Britain*. London, Longmans. 210 p.
- Maslova, V. A. (2001). *Lingvokul'turologiya* [Linguocultural studies]. Moscow, Izdatel'skii tsentr «Akademiya». 208 p.
- Mrázková, K. (2010). Co je řečnická otázka? In *Slovo a slovesnost*, 71, pp. 31–52.
- Mrázková, K. (2014). Reklamní komunikát jako předmět interpretace. In Orgoňová, O., Muziková, K., Popovičová-Sedláčková, Z. (Eds.). *Jazyk a jazykoveda v interpretácii*. Bratislava, Univerzita Komenského, pp. 360–368.
- Mrázková, K. (2015). Jazyková a kulturní různorodost v současné české komerční reklamě. In *Stylistyka*, 24, pp. 319–329.
- Mrázková, K. (2016). Sféra reklamní komunikace. In *Stylistika mluvené a psané češtiny*. Praha, Academia, pp. 338–395.
- Nekvapil, J., Kaderka, P. (2017). Zaujímání účastnických rolí. In Karlík, P., Nekula, M., Pleskalová, J. (Eds.). *Nový encyklopedický slovník češtiny*. URL: https://www.czechency.org/slovník/ZAUJÍMÁNÍ_ÚČASTNICKÝCH_ROLÍ (mode of access: 15.12.2024).
- Pravdová, M. (2002). K povaze reklamního diskurzu. In *Naše řeč*, 85, č. 4, pp. 177–189.
- Searle, J. R. (1979). *Expression and Meaning: Studies in the Theory of Speech Acts*. Cambridge, London, New York, Melbourne, Cambridge University Press. 187 p.
- Searle, J. R. (2007). *Rečové akty*. Bratislava, Kalligram. 284 p.
- Šebesta, K. (1990). *Reklamní texty: jejich funkce a výstavba*. Praha, Univerzita Karlova. 188 p.
- Šebesta, K. (1998). Reklama jako funkční styl? In *Čeština doma a ve světě*. Praha, FF UK, 1998, pp. 192–197.
- Sokolová, J. (2017). *Texty – Zobrazenia – Komunikáty*. Nitra, Filozofická fakulta Univerzity Konštantína Filozofa v Nitre. 330 s.
- Sokolová, J. (2019). Egocentriká – výrazy so sémanticko-pragmatickou orientáciou na hovoriaceho. In *Slovenská reč*, 84, 1, pp. 10–25.
- Sokolová, J. (2020). Formuly odpustenia, prepáčenia a ospravedlnenia v pragmatických súvislostiach. In *Jazykovedný časopis*, 71, 1, pp. 5–23.
- Sokolová, J., Sokol, A. (2020). Adresácia a adresát v slovenčine. In *Slavica Slovaca*, 55, 2, pp. 257–268.
- Sokolova, Ya., Korina, N. (2013). *Chelovek – Yazyk – Diskurs* [Human – Language – Discourse]. Saarbrücken, Palmarium Academic Publishing. 206 p.
- Spišiaková, A. (2022). Structural-Semantic Transformations of Phraseological Units in Russian and Slovak Newspaper Articles. In *SKASE Journal of Theoretical Linguistics*, 19, No. 1, pp. 82–100.
- Spišiaková, A., Iermachkova, O. (2022). Semantic transformations of phraseological units in Russian and Slovak newspaper articles. In *Filologicheskie nauki: nauchnye doklady vysshei shkoly*. No. 5, pp. 12–18.
- Srpová, H. (2007). Cílová skupina – faktor, který rozhoduje o podobě reklamy. In Srpová, H., Bartošek, J., Čmerjková, S., Jaklová, A., Pácl, P. (Eds.). *Od informace k reklamě*. Ostrava, Filozofická fakulta Ostravské univerzity, pp. 123–160.
- Vaňková, I. a kol. (2005). *Co na srdci, to na jazyku. Kapitoly z kognitivní lingvistiky*. Praha, Nakladatelství Karolinum. 343 p.

Данные об авторах

Галло Ян – кандидат филологических наук, доцент кафедры славянской филологии, Университет им. Константина Философа в Нитре (Нитра, Словакия).

Адрес: 94901, Словакия, г. Нитра, ул. Штефаникова, 67.

E-mail: jgallo@ukf.sk.

Миляев Федор – аспирант кафедры славянской филологии, Университет им. Константина Философа в Нитре (Нитра, Словакия).

Адрес: 94901, Словакия, г. Нитра, ул. Штефаникова, 67.

E-mail: fedor.miliaev@ukf.sk.

Дата поступления: 08.08.2024; дата публикации: 28.12.2024

Authors' information

Gallo Jan – PhD., Associate Professor of Department of the Slavic Studies, Constantine the Philosopher University in Nitra (Nitra, Slovakia).

Miliaev Fedor – Postgraduate Student of Department of the Slavic Studies, Constantine the Philosopher University in Nitra (Nitra, Slovakia).

Date of receipt: 08.08.2024; date of publication: 28.12.2024

ФЕНОМЕН МЕЖЪЯЗЫКОВЫХ СООТВЕТСТВИЙ В СВЕТЕ КОГНИТИВНО-СИСТЕМОЛОГИЧЕСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

Дзюба Е. В.

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого
(Санкт-Петербург, Россия)
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-3833-516X>
SPIN-код: 6106-5500

Миронова Д. М.

Юго-Западный государственный университет (Курск, Россия)
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-1450-515X>
SPIN-код: 8111-0088

А н н о т а ц и я . Исследование проводится в русле современных научных направлений – когнитологии и системологии, последнее из которых предполагает изучение объектов как открытых сложных, в том числе самоорганизующихся, систем и сегодня до конца не оценено учеными. В данной работе сквозь призму когнитивно-системологического подхода рассматривается материал межъязыковых соответствий, интерпретируемый не только как явление языка, но и как феномен языкового сознания. Утверждается целесообразность такого подхода к изучению речезыковых фактов в их неразрывной связи с ментальными сущностями и содержательной спецификой лингвокогнитивного миромоделирования того или иного народа. Отмечается, что при данном подходе исследуются связи между номинациями в различных языках и их ментальными концептами, что позволяет понять, каким образом когнитивные процессы влияют на структуру и функционирование языковых систем.

Цель исследования заключается в выявлении системных закономерностей, которые лежат в основе межъязыковых соответствий и их когнитивных детерминант. Подчеркивается, что межъязыковые соответствия являются не просто фонетическими, лексическими, грамматическими эквивалентами или лакунами, – они отображают глубинные когнитивные, культурные, интеракционно-коммуникативные и иные особенности разных языковых сообществ.

Методологической основой работы служит когнитивно-системологический анализ языковых единиц, который предполагает определение и классификацию межъязыковых соответствий, рассмотренных сквозь призму системных и когнитивных характеристик разных национальных картин мира. Рассматриваются как линейные, так и векторные соотношения между языковыми единицами, уделяется внимание феномену лексических лагун – безэквивалентных единиц, отсутствующих в одном языке, но существующих в другом.

Авторы не ставят своей целью последовательное и исчерпывающее сопоставление разных языковых систем с позиции когнитивно-системологического подхода, но обращаются к некоторым иллюстрациям из языков разных семей и групп: русского, чешского, испанского, китайского. Этот материал демонстрирует и иллюстрирует принципы системной организации языковых феноменов: принцип многообразия, выборочности, нелинейности. Результаты исследования показывают, что, во-первых, межъязыковые соответствия определяются не только в известной степени социокультурной средой, но и когнитивными процессами, во-вторых. Когнитивно-системологический подход может предоставить новые возможности для анализа и объяснения явлений межъязыковых соответствий в новом исследовательском ключе.

К л ю ч е в ы е с л о в а : когнитивно-системологический подход; метод когнитивно-системологической интерпретации; межъязыковые соответствия; виды межъязыковых соответствий; лакуны; безэквивалентная лексика

Д л я ц и т и р о в а н и я : Дзюба, Е. В. Феномен межъязыковых соответствий в свете когнитивно-системологической интерпретации / Е. В. Дзюба, Д. М. Миронова. – Текст : непосредственный // Филологический класс. – 2024. – Т. 29, № 4. – С. 114–122. – DOI: 10.26170/2071-2405-2024-29-4-114-122.

THE PHENOMENON OF INTERLINGUAL CORRESPONDENCES IN THE LIGHT OF COGNITIVE-SYSTEMOLOGICAL INTERPRETATION

Elena V. Dziuba

Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University (Saint Petersburg, Russia)
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-3833-516X>

Diana M. Mironova

Southwest State University (Kursk, Russia)
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-1450-515X>

A b s t r a c t . The research is conducted in the context of modern scientific trends – cognitive science and systemology. The latter studies objects or phenomena as open, complex, self-organizing systems or their components and has not been fully appreciated by many scholars yet. This paper looks at the facts of interlingual correspondences, considered as phenomena not only of language, but also as phenomena of linguistic consciousness through the prism of the above mentioned cognitive-systemological approach. The authors prove the expediency of this approach to the study of language facts in their inseparable connection with mental phenomena, demonstrating the content-based specificity of linguistic and cognitive world-modelling reflected in the linguistic worldview of a nation. It is noted that this approach explores the links between nominations in different languages and their men-

tal concepts, which makes it possible to understand how cognitive processes influence the structure and functioning of language systems. The aim of the study is to reveal the systemic regularities that underlie interlingual correspondences and their cognitive determinants. It is emphasized that linguistic correspondences and non-correspondences are not just phonetic, lexical, or grammatical equivalents or lacunas; they reflect deep cognitive, cultural, interactive-communicative and other features of different linguistic communities. The basic methods used in this research include the cognitive analysis of linguistic units, which involves the identification and classification of interlingual correspondences viewed through the prism of systemic and cognitive characteristics of different national worldviews. Both linear and vectorial relations between linguistic units are considered, and much attention is paid to the phenomenon of lexical lacunas – non-equivalent units absent in one language but existing in another. The authors do not aim at a consistent comparison of different language systems from the position of the cognitive-systemological approach, but by selecting some typical units from languages of different families and groups – Russian, Czech, Spanish, and Chinese, – they demonstrate and illustrate the principles of the systemic organization of linguistic phenomena: the principle of diversity, selectivity, and non-linearity. The results of the study show that, firstly, interlingual correspondences are determined not only by external factors, such as socio-cultural environment, but also by internal cognitive processes; secondly, the cognitive-systemological approach can provide new opportunities for analyzing and explaining the phenomena of interlingual correspondences in a new light.

Keywords: cognitive-systemological approach; method of cognitive-systemological interpretation; interlingual correspondences; types of interlingual correspondences; lacunas; non-equivalent vocabulary

For citation: Dziuba, E. V., Mironova, D. M. (2024). The Phenomenon of Interlingual Correspondences in the Light of Cognitive-Systemological Interpretation. In *Philological Class*. Vol. 29. No. 4, pp. 114–122. DOI: 10.26170/2071-2405-2024-29-4-114-122.

Введение

Проблематика когнитивного подхода к языку не теряет своей актуальности и продолжает оставаться востребованной в современной практике лингвистического анализа. Освещая различные стороны коммуникации с точки зрения когнитивной функции языка, такие исследования вносят вклад в создание его целостной теории как инструмента познания, как системы, служащей формированию, хранению и репрезентации знаний. Вместе с тем данный подход содействует приближению к собственно системному видению речеязыкового материала, поскольку вводит в рассмотрение компонент его концептуальной среды, напрямую влияющий на состав, структуру, функциональность и иные системные параметры исследуемых фактов. Кроме этого, как было показано в [Миронова 2020]¹, прослеживается адекватность целого ряда установок лингвокогнитивной доктрины универсальным принципам существования систем, что в результате усиливает системологическую состоятельность лингвистических описаний, выполненных в когнитивном русле. Среди этих принципов наиболее глобальная, основополагающая роль принадлежит утверждению о детерминации открытой системы окружающей ее средой, в качестве которой для естественного языка в первую очередь выступает мир когниции.

Об укреплении лингвокогнитологии как самостоятельной отрасли знания во многом свидетельствует наличие выверенной методологии и разработанных с ее помощью концепций ментальной сущности языковых и речевых явлений как в синхронии, так и диахронии. Показательно также использование достижений лингвокогнитологии в решении практических задач, обусловленное углубленным, объяснительным освещением в ней проблемных вопросов мыслительно-языкового взаимодействия. Так, например, сегодня эти идеи находят отклик в методике обучения иностранно-

му языку и деятельности переводчика – важнейших общественных сферах прикладной лингвистики. На этом фоне особую значимость приобретает когнитивное моделирование таких вербальных феноменов, которые присущи речевой деятельности с участием двух и более языковых систем, актуальны при совместном оперировании ими. Одним из таких феноменов, как считается, выступают различные виды межъязыковых соответствий, подробно описанные в контрастивной лингвистике.

Материал и методы исследования

При рассмотрении разных видов межъязыковых соответствий, отражающих системные свойства языка и сознания, в качестве иллюстративного материала использовались лексические факты русского, чешского, испанского и английского языков, образующие в рамках данного исследования пространство межъязыковых соответствий. Источником материала в данном случае послужили не только одноязычные и двуязычные словари, но и работы по контрастивной и системной лингвистике, в которых явления языка описываются в неразрывной связи с функционированием языкового сознания. Подчеркнем, что в задачи данного исследования не входит последовательное сопоставление разных языковых систем с позиции когнитивно-системологического подхода. Примеры единиц из языков разных семей и групп: русского, чешского, испанского, китайского – позволяют продемонстрировать и проиллюстрировать основные принципы системной организации языковых фактов: принцип многообразия, выборочности, нелинейности.

Для построения более полной «концептуальной картины» изучаемого феномена в исследовательское поле были включены единицы, представляющие разные виды соответствий по объему ряда, эквивалентности / лакуарности, степени мотивированности, внутреннему / внешнему характеру, лексико-семантическому разряду и категориальной принадлежности. Кроме этого, материал исследования составили положения общей теории систем (системологии), извлеченные из отече-

¹ Миронова Д. М. Принципы системного подхода в концептуальных исследованиях языка: актуальность и реализация // Филологический класс. 2019. № 4 (58). С. 23–30.

ственных и зарубежных источников и содержащие формулировки принципов существования открытой динамической системы, одной из которых, как известно, является естественный язык. Системологический фундамент использовался в целях более глубокой интерпретации каждого типа межъязыковых соответствий в структуре языковой реальности с позиций ее системной природы.

В методологический аппарат исследования на этапе сбора и классификации материала вошли такие методы, как наблюдение, сплошная выборка и описательный метод. На следующем шаге изучение полученного материала производилось с опорой на контрастивный и концептуальный виды анализа, дефиниционный анализ, аксиоматический метод; в качестве ведущего выступил метод когнитивно-системологической интерпретации языковых фактов. Сущность и основная цель метода когнитивно-системологической интерпретации языковых фактов состоит в том, чтобы охарактеризовать языковую когницию с точки зрения универсальных, фундаментальных качеств (законов, тенденций, параметров), присущих системным объектам. В нашем исследовании осуществлена проекция на лингвоментальные факты принципов системной онтологии.

Типология межъязыковых соответствий: взгляд со стороны когниции

Современная лингвистика располагает несколькими концепциями природы данного феномена в зеркале задач философии языка, межкультурной коммуникации, лингвокультурологии, теории и практики перевода (см., например, труды В. фон Гумбольдта, Э. Сепира, И. И. Ревзина, В. Ю. Розенцвейга, Ю. А. Сорокина, Ю. С. Степанова, И. А. Стернина, В. Н. Ярцевой, В. Н. Комиссарова, С. Г. Шафикова, В. М. Савицкого, И. А. Леконцевой). Целостная типология межъязыковых соответствий, принимающая во внимание ряд классификационных оснований, представлена, в частности, в книге «Контрастивная лингвистика» И. А. Стернина [2007]. По формальному критерию (объем соответствий) исследователь предлагает различать **линейные** соотношения (слово / словосочетание – слово / словосочетание, т. е. 1 : 1) и **векторные** (слово – ряд слов или словосочетаний, или 1 : N) [Стернин 2007: 35], ср.: рус. *весна* – исп. *primavera*, рус. *зимовать* – исп. *invertar*, рус. *телефон* – исп. *teléfono*, рус. *дверь* – исп. *puerta*; рус. *компьютер* – исп. *computador, ordenador*, рус. *футбол* – чеш. *foťbal, kopaná*, рус. *преподаватель (в вузе)* – исп. *catedrático, profesor, docente*, рус. *билет (входной на мероприятие)* – исп. *entrada, billete, localidad*, рус. *усиление* – англ. *stress, emphasis, accent* [Merriam-Webster].

Интерпретация этого материала в когнитивном ключе позволяет увидеть за ними соотношение вербализованных эквивалентных понятий с одинаковой номинативной плотностью в первом случае и с различной – во втором.

Большое внимание в названной работе уделяется феномену лексической **лакунарности** (безэквивалентная единица – лакуна, 1 : 0). В качестве

признаков лакуны И. А. Стернин полагает не только отсутствие номинации на фоне ее наличия в другом языке, но и описательную передачу концепта, а также стилистическую ограниченность возможного соответствия. В предложенной автором типологии лакун наиболее тесную связь с языковой когницией, на наш взгляд, обнаруживают 1) **мотивированные** культурой или природными условиями жизни языкового сообщества (исп. *sobremesa* – рус. *час после обеда, когда его участники размеренно болтают, не выходя из-за стола* [10 испанских слов...], чеш. *Advent* – рус. *рождественский пост, период в четыре недели до Рождества*, исп. *veranear* – рус. *проводить лето*) и **немотивированные** (исп. *facturar* – рус. *сдавать в багаж*, рус. *однокурник* – исп. *compañero del mismo año*); 2) **предметные** и **абстрактные**: исп. *churros* – рус. *сладкая обжаренная вытечка из заварного теста, имеющая в сечении вид многоконечной звезды или просто круглая в сечении* [Чуррос]; чеш. *litost* – *чувство острой жалости к самому себе, возникающее как реакция на унижение и вызывающее ответную агрессию* [Стефанский 2009], исп. *vergüenza ajena* – рус. *стыд за кого-либо* [Происхождение выражения «испанский стыд»], исп. *tarde* – рус. *время суток начиная с 13 часов до захода солнца*; 3) **родовые** и **видовые**: рус. *играть (в спорте)* – кит. *打 (dǎ; с помощью рук)* и *踢 (tī; используя ноги)*, рус. *играть роль (в театре и кино)* – кит. *扮演 (bànyǎn; в театре)* и *演出 (yǎnchū; в кино)*, рус. *жарить* – кит. *煎 (jiān; жарить на сковороде)*, *烤 (kǎo; жарить над огнем)*, *炸 (zhà; жарить в кипящем масле)* [Кислицкий, Машовец 2022: 80–81], рус. *резать* – чеш. *rezat* ('пилить; резать по живому'), *krajat* ('разделять ножом'), исп. *hermanos* – рус. *братья и сестры*; 4) **абсолютные** и **относительные**: чеш. *pětkrát, sedmkrát* – рус. *пять раз, семь раз*; исп. *ojialgre* – рус. *имеющий веселые глаза*, рус. *однокурник* – исп. *compañero del mismo año*; рус. *приходить* – исп. *venir* ('приходить туда, где находится говорящий'), англ. *blue* – *голубой / синий*, рус. *инженер (для м.р. и ж.р.)* – чеш. *inženýrka (ж.р.)*, рус. *доцент (м.р. и ж.р.)* – чеш. *docentka (ж.р.)*. **Первый класс** лакунарности связывает отсутствие номинации с наличием / отсутствием / низкой значимостью в культуре соответствующего ей денотата и, как следствие – концепта. Это может быть конкретно-предметный или абстрактный денотат, репрезентируемый в сознании в виде концепта натурфакта / артефакта, с одной стороны, и ментефакта, – с другой (**класс 2**) [Стернин 2007: 48].

Когнитивные основания лакун **третьего класса** затрагивают структуру категории, в которой под влиянием фактора культуры или ландшафта [Шафиков 2004: 19] может отсутствовать некоторый концепт суперординатного или субординатного уровней, а в плоскости языка – вербализующие эти уровни гипероним или гипоним. В свою очередь, деление лакун на **абсолютные** и **относительные (класс 4)** опирается на межкультурную вариативность концептуализаций мира, на способы мыслительного освоения действительности в языке (т. н. модусная составляющая лингвокультурной компоненты [Иванова 2005: 23–24]). Последняя, как

можно заключить, находит выражение на уровне состава или полевой структуры одноименных концептов. Вследствие этого количество, яркость сем в значениях соответственных слов или их внутренняя форма могут совпадать не полностью: ср. рус. *приходить* – исп. *venir* ('приходить туда, где уже находится говорящий'), рус. *инженер (для м.р. и ж.р.)* – чеш. *inženýrka* (ж.р.), англ. *to giggle* – рус. *хихикать (когда вы нервничаете или смущаетесь (чаще о женщинах или подростках))*, *to titter* – рус. *тихо смеяться, хихикать, часто не по-доброму, над неудобной ситуацией* [О смехе на английском языке]; рус. *гречневая каша* ('каша из крупы, завезенной греками') – словацк. *rohánková kaša* (букв. 'языческая каша') – исп. *papilla de alforfón* ('каша из ядрицы гречихи') – итал. *grano saraceno* ('зерно сарацинов').

Таким образом, уже на первых шагах концептуального анализа перед исследователем раскрывается системообразующая обусловленность данных межъязыковых соответствий ментальной среды, а именно объемом концептосферы и когнитивными детерминантами, актуальными для лингвокультурного сообщества. Набор таких соответствий определяется ведущими принципами мыслительно-языкового взаимодействия. В их числе назовем антропоцентричность естественного языка, креативность вербального мышления, множественность национальных картин мира, а также связанный с ними доминантный принцип организации языкового сознания, который предполагает фокусирование в ходе речемыслительной деятельности определенных элементов картины мира и коммуникативных установок (более подробно об этом см. работы [Фурс 2009; Болдырев 2019, 2018]). Так, приведенные выше родовые / видовые лакуны (рус. *жарить* – кит. 煎 (jiān; жарить на сковороде), 烤 (kǎo; жарить над огнем), 炸 (zhà; жарить в кипящем масле)) демонстрируют психологическую выделенность видовых концептов внутри категории. Мотивированные лакуны (чеш. *Advent* – рус. *период в четыре недели до Рождества*), а также векторные соответствия типа рус. *футбол* – чеш. *kopaná* (иск.), *foťbal* (заим.), рус. *бокс* – ит. *pugilato* (иск.), *box* (заим.) в той или иной мере отражают влияние социокультурной доминанты языкового сознания. Преобладающий фокус внимания (когнитивная перспектива), в свою очередь, лежит в основе относительных лакун вроде рус. *приходить* – исп. *venir* ('приходить в то место, где находится говорящий').

Лингвоментальный феномен межъязыковых соответствий в фокусе теории систем

Дальнейшая когнитивно-системологическая интерпретация материала дает более подробную картину того, каким образом в концептуальном базисе межъязыковых соответствий реализуются другие принципы систем. В этой связи представляется особенно ценной точка зрения лингвистов, согласно которой «идея системности является ключевой» в сопоставительной лингвистике, скажем, при разработке концепции лакунарности (Е. В. Савицкая [2015], О. М. Акай [2020]), однако зачастую она остается лишь номинальной, не

находя полноценного выхода в практику лингвистического анализа.

Соотносительно с сущностными параметрами объектов современная теория систем (системология) различает четыре блока принципов, определяющих онтологию реальной системы. Это принципы (постулаты, аксиомы), характеризующие аспекты состава (субстанции), структуры, функций, а также целостности (интегативности) системного объекта и, в частности, естественного языка.

Полагая соотносительные номинации элементами, входящими как в свою собственную коммуникативную систему, так и в исследовательские конструкты-межъязыковые соответствия, можно вести речь об участии в их становлении следующих наиболее ярких принципов системной организации мыслительно-языкового взаимодействия.

1. *Принцип дополнительности*: в различных средах сложные системы способны проявлять различные свойства, в том числе альтернативные (ср. также созвучный этому принцип качества в системологии, акцентирующий выбор качества единиц относительно запросов среды, в данном случае – когнитивной). В полном соответствии с этим положением дел в «контексте» разных национальных культур языки мира проявляют различия в лексическом кодировании объектов действительности. Востребованность обществом некоторой реалии и концепта, приоритетный ракурс ее концептуализации / категоризации становятся факторами наличия либо отсутствия слова или значения в сравниваемых языках. Так, в испанской культуре любое сравнение с быком, например женщины, оценивается положительно, что вряд ли возможно в рамках иной культуры, ср.: «В мужском разговоре можно услышать описание внешности женщины как быка: *tiene buen trapío* – у нее хорошая стать, в значении комплимента. Полная женщина – это *enmorillada* (*morillo* – загривок у быка); *de mucha romana* – это корпулентная женщина, женщина весомых достоинств. Самая высшая похвала – это *señora de bandera*, то есть так же, как и лучшего быка называют *toro de bandera*» [см. подробнее: Кудрявцева 2015: 87].

2. *Принцип многообразия*: чем многообразнее система, тем она устойчивее. Как следствие, наблюдаем развитие синонимичных репрезентаций концепта, которые усиливают в языковом пространстве асимметричность формы и содержания. Считается, что необходимое и достаточное для системы разнообразие строения достигается в зрелый период ее жизни [Берталанфи 1969; Фетицов, Перлюк 2009; Сосновский; Урманцев 2001], т. е. выраженность этого признака эволюционно разнится (ср. понятие большего и меньшего богатства перифрастических средств в языках мира). Яркой иллюстрацией данного принципа является многообразие коннотативно окрашенных и ситуативно обусловленных единиц, репрезентирующих и «кодирующих» обобщенную семантику смерти в русском языке (разг., сниж.: *помереть*; высок., офиц., книжн.: *скончаться*; перен., высок.: *пасть*, *погибнуть*; офиц., эвф., высок.: *уйти из жизни*; эвф.:

кончиться, *уйти, уйти в лучший мир, перейти в мир иной, покинуть этот скорбный мир*; эвф., устар.: *пре-ставиться*; перен., устар.: *усопнуть, почить, опочить, почить в бозе, почить в Бозе, почить вечным сном, заснуть вечным сном, заснуть навеки, заснуть непробудным сном, уснуть навеки, отдать Богу душу, испустить дух, испустить последний вздох, смежить очи, дух вон* [Викисловарь] и мн. др.; ресурс *sinonim.org* (<https://sinonim.org>) фиксирует 235 единиц); для сравнения в английском: *die a natural / violent death, pass away, pass on*, америк. *pass, lose your life*, книжн. *expire, perish, drop dead*, офиц. *succumb*, разг. *kick the bucket, meet your maker, pop off*, брит. *snuff it, buy the farm, kick off* [Cambridge dictionary]. При этом «устаревание», а затем и исчезновение одних единиц компенсируется появлением новых, что обеспечивает устойчивость системы.

Действие этого принципа наиболее отчетливо проявляется в оппозиции «векторные – линейные соответствия», а язык, располагающий синонимичными номинациями на этом участке, функционально более устойчив.

3. *Принцип выбора*: системой используются элементы, благоприятные для ее эффективности; иные единицы не возникают или устраняются. Так, факты мотивированных и относительных лакун предлагают исследователю итог того, как субстанциональный план языковой системы реагирует на отсутствие коммуникативной востребованности в данном этносе, на социокультурную маркированность структурно-содержательных признаков концептов со стороны когнитивной среды. М. М. Руссо констатирует факт, что «в русскоязычном сознании женщина – это прежде всего *мать*, а в англоязычном – *партнерша, significant other (значимый другой)*, и мать Иисуса Христа мы называем *Богоматерью*, а Запад – *Девой Марией*. Неудивительно также, что и законодательные нормы, защищавшие имущественные права *женщины-человека*, появились уже в англосаксонский период (V–XI века)» [Руссо 2014: 13].

Среди регулирующих структуру лексических соответствий отметим следующие основополагающие системные принципы:

1. *Принцип структурности*: обусловленность поведения системы ее конструктивными свойствами. К примеру, мыслительное перекодирование с одного языка на другой в норме учитывает структуру значений номинантов концептов, большую или меньшую яркость тех или иных концептуальных признаков, а также неполноту грамматических парадигм в конкретном языке (ср. относительные лакуны). Кроме того, к явлению межъязыковых соответствий применимо понятие *изоморфизма и полиморфизма* строения систем. В случае изоморфизма элементу / связи одной системы соответствует элемент / связь другой. В проекции на ментальную основу материала исследования допустимо анализировать это свойство в парах «когнитивная метасистема – естественный язык» и «естественный язык 1 – естественный язык 2». Иллюстрацией изоморфных участков в первой паре могут служить прежде всего мотивированные ла-

куны, эксплицитно выражающие согласованность между языком и запросами когниции. Не мотивированные когницией лакуны (единица знания есть, а вербализации нет), напротив, говорят об отсутствии такой согласованности. Во второй паре изоморфные фрагменты образуют линейные межъязыковые соответствия (переводные эквиваленты), когда номинации в исходном языке формально и семантически соответствует иноязычная лексема. В свою очередь, любые лакуны составляют не изоморфные области языковых систем; относительные лакуны при этом наиболее изоморфичны по сравнению, скажем, с абсолютными.

2. *Принцип изомеризации*: в структурных преобразованиях системы или ее частей имеются сущности, одинаковые по числу и виду составляющих элементов, но различные по структуре их комбинаций, т. е. обладающие композиционными различиями. Зачастую эти различия приводят к изменению также и качества целого [Урманцев 2001: 20]. В межъязыковом измерении эта аксиома воплощается, к примеру, на уровне относительных лакун, где за счет различий в семантической структуре констатируются неполные, не вполне эквивалентные соответствия.

Явление изомерии обеспечивает упомянутое выше многообразие компонентов системы, их способность полиморфично варьироваться за счет формальных различий [Берталанфи 1969; Фетисов, Перлюк 2009: 21–22]. Полиморфизм считается изомерийным, если изменение формы, структуры так или иначе модифицирует внутреннее качество, или не изомерийным, если модификация структуры сохраняет это качество без изменения. Так, в сфере векторных соответствий (1 : N) полиморфизм вербализаций концепта обусловлен точной (абсолютной) синонимией, а следовательно, является неизомерийным. С другой стороны, ввиду наличия структурно-семантических расхождений у относительных лакун последние, строго говоря, создают межъязыковой изомерийный полиморфизм в области манифестации одноименных концептов. Так, русскому слову с широкой семантикой *билет* («документ, удостоверяющий право пользования чем-либо, посещения чего-либо, участия в чем-либо» [Большой толковый словарь русского языка]) соответствует не только наиболее обобщенное в чешском *lístek* (билет на поезд, билет на концерт или в театр и т. д.), но также целый ряд гипонимических номинаций: *vstupenka* (билет в театр, на концерт и под.), *jízdenka* (билет в транспорте: трамвае, троллейбусе, автобусе, метро), *letenka* (авиабилет); *místenka* (билет на автобус, поезд с зарезервированным местом для сидения; в рус. заимств. *плацкарта* в поезде, описательное *билет с местом* – в ином транспорте).

Аспект интегративности систем в контексте нашего исследования делает особенно актуальными два принципа:

1. *Принцип координации*: комплементарность процессов и элементов как часть организации системы. Так, родовые / видовые единицы, могущие быть безэквивалентными, а также слова-

синонимы в организации векторных лакун расширяют номинативное поле концепта и дополняют друг друга в его вербализации.

2. *Принцип нелинейности*: неполная предсказуемость линий развития и поведения системы. Как подчеркивают исследователи, работающие в сфере контрастивной лингвистики, далеко не всегда причины лакунарности прозрачны и можно найти доказательные объяснения, привлекая внутриязыковую или когнитивный факторы. Наиболее наглядно при сравнении это показывают немотивированные или родовые лексические лакуны. В чешском языке малина (*malina*) и клубника (*jahoda*) категоризируются как фрукты (*ovoce*), но не ягоды, как в русском языке; ср.: *malina* – «červený šťavnatý sladký plod maliníku, složený z drobných kuliček, požívaný jako ovoce»; *jahoda* – «jedlý červený šťavnatý sladký plod jahodníku, požívaný jako ovoce» [Slovník současné češtiny]; единица *bobule* (ягода) используется как ботанический термин (плоды растений), ср.: *bobule* – «malý dužnatý, zprav. kulovitý plod» [Slovník současné češtiny].

Внутриязыковой структурный фактор как источник лакунарности

Указанные принципы, как уже отмечалось, лежат в основе лексических соответствий, находящихся в причинной зависимости от когнитивных феноменов. Однако при моделировании данного участка языковой реальности с системологических позиций следует помнить и о внутриязыковых факторах, определяющих состояния систем сравниваемых языков и в том числе порождающих конкретный облик межъязыковых соответствий. Поведение системы, как известно, является функцией не только внешних воздействий, но и внутренней структуры, свойств и состояний ее элементов (принцип «черного ящика»). В частности, речь идет о фонетических, морфотактических, позиционных закономерностях языковой системы, создающих потенциал ее самоорганизации. Из этого следует, к примеру, существование в языке, наряду с полными и предсказуемыми, ущербными грамматическими и словообразовательными парадигм при сохранении, однако, общей функциональной пригодности языка как инструмента общения. Например, на уровне морфологии в системе русского языка фонетически обусловлена неполнота («дефектность») парадигмы глаголов «очутиться», «ощутить», «чудить», «убедить». Внутривидовые отношения лексических единиц определяют также парадигматическую неполноту глаголов «дерзить», «бузить» [Балалыкина 2010: 11], у которых отсутствие формы первого лица единственного числа объясняется наличием в системе омоформ в пределах других глаголов («держать» – «держу», «будить» – «бужу»). В свою очередь, пропуск звена словообразовательной цепи вызывает к жизни своего рода некомплектность регулярных парадигм в словообразовании: ср. *первый* → *первенство* → *первенствовать*, но *упрямый* → *упрямство* → ?, *диссидент* → *диссидентство* → ?; *интеллигент* → ? → ? [Тихонов 2014: 346, 521, 220].

Такие внутриязыковые лакуны (И. А. Стернин), образующие, на первый взгляд, зоны асистемности, онтологически противодействуют чрезмерной упорядоченности системы. Согласуясь с принципом оптимального разнообразия и сбалансированности в проявлении организующего порядка, они придают языковой системе большую гибкость и отражают ее устойчивость при некоторых отклонениях. Соответственно, несоответствие в сравниваемых языках этих зон, структурированных более и менее регулярно, также может служить базисом лакунарности (лексико-словообразовательной или грамматической), не имея при этом когнитивных предпосылок.

Заключение

Итак, проведенный анализ выявляет главенство ментальной репрезентации фрагментов мира в качестве фактора, который определяет существование различных видов межъязыковых соответствий. Использование когнитивного подхода, предусматривающего структурно-функциональную целостность языковой системы и ее связь со средой, как можно заключить, не ограничивается констатацией семантических соотношений в этом материале. Он углубляет традиционное контрастивное описание, поскольку вовлекает в анализ концептуальный базис, казалось бы, уже известных лингвистических объектов. Кроме того, в явном или неявном виде он затрагивает целый ряд существенных параметров языка как системы (состав, структура, функция, незаменимость, полиморфичность, нелинейность). В той или иной мере он раскрывает их в общей «привязке» к аспектам концептуализации и категоризации мира человеком. Более последовательная реализация такого двухаспектного подхода достигается с применением метода когнитивно-системологической интерпретации эквивалентных и, в той или иной мере, безэквивалентных номинаций. Так, оно показывает, что данная сторона языковой реальности складывается с участием всех групп принципов существования систем. Упомянутые принципы образуют универсальный онтологический фундамент процессов становления, функционирования, развития и деградации системных объектов, так что освещение лингвоментальных феноменов в ракурсе эти аксиом означает описание языковой когниции на единой методологической платформе системологии. Как следствие, предложенный подход гармонично вписывается в тенденцию межотраслевой интеграции на современном этапе развития научного знания. Тем самым, обращаясь к фундаментальным основам природы систем, он способен умножить объяснительную силу научных концепций, что представляется актуальным и в области сопоставительных исследований языка, в частности, при рассмотрении соотносительных между собою языковых явлений. Вектор дальнейших исследований в этом направлении видится в более детальном прояснении связи того или иного типа соответствий с кругом системных характеристик и принципов, обуславливающих их природу. В проекции на сопоставительные исследования в линг-

вистике перспективным также представляется вовлечение теории систем в анализ переводческих трансформаций с целью установить системологи-

ческие основания их выделения и оперирования ими.

Источники

Большой толковый словарь русского языка / под ред. С. А. Кузнецова. – URL: <https://gramota.ru/biblioteka/slovari/bolshoj-tolkovuj-slovar> (дата обращения: 17.10.2024). – Текст : электронный.

Викисловарь – URL: <https://ru.wiktionary.org/wiki/%D1%83%D0%BC%D0%B5%D1%80%D0%B5%D1%82%D1%8C> (дата обращения: 17.10.2024). – Текст : электронный.

О смехе на английском языке: different ways of laughing. – Текст : электронный // Блог для изучающих английский “Engblog”. – URL: <https://engblog.ru/different-ways-of-laughing> (дата обращения: 21.10.2024).

Происхождение выражения «испанский стыд». – Текст : электронный // Портал «Русский язык». – URL: <https://rus.stackexchange.com/questions/418109/Происхождение-выражения-Испанский-стыд> (дата обращения: 17.10.2024).

Тихонов, А. Н. Новый словообразовательный словарь русского языка для всех, кто хочет быть грамотным / А. Н. Тихонов. – М. : АСТ, 2014. – 639 с.

Чуррос. – Текст : электронный // Словарь синонимов русского языка – онлайн подбор. – URL: <https://sinonim.org/sc/93219/4> (дата обращения: 16.10.2024).

10 испанских слов, у которых нет аналогов в русском языке. – Текст : электронный // Школа испанского языка “Palabra”. – URL: <https://espalabra.ru/10-ispanskih-slov-u-kotoryh-net-analogov-v-russkom-yazyke/> (дата обращения: 20.10.2024).

Cambridge dictionary. – URL: <https://dictionary.cambridge.org/ru/thesaurus/die> (mode of access: 17.10.2024). – Text : electronic.

Stress. – Text : electronic // Merriam-Webster: America’s Most Trusted Dictionary. – URL: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/stress> (mode of access: 23.10.2024).

Slovník současné češtiny. – URL: <https://www.nechybuje.cz/slovník-soucasne-cestiny> (mode of access: 23.10.2024). – Text : electronic.

Литература

Акай, О. М. Феномен грамматической лакунарности: когнитивный и лингвопрагматический аспекты : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.19 / О. М. Акай. – Ростов-на-Дону, 2020. – 406 с.

Балалыкина, Э. А. Дефектность глагольной парадигмы как результат лексико-грамматического взаимодействия в языке / Э. А. Балалыкина // Русский язык: исторические судьбы и современность : IV Международный конгресс исследователей русского языка (Москва, МГУ. 20–23 марта 2010 г.). – М. : Издательство МГУ, 2010. – С. 10–11.

Берталанфи, Л. фон. Общая теория систем: критический обзор / Л. фон Берталанфи // Исследования по общей теории систем : сборник переводов / общ. ред. и вступ. ст. В. Н. Садовского и Э. Г. Юдина. – М. : Прогресс, 1969. – С. 23–82.

Болдырев, Н. Н. Доминантный принцип организации языкового знания / Н. Н. Болдырев // Когнитивные исследования языка. – 2019. – № XXXVII. – С. 37–44.

Болдырев, Н. Н. Когнитивные доминанты речевого взаимодействия / Н. Н. Болдырев, В. С. Григорьева // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2018. – № 4. – С. 15–24.

Иванова, С. В. Лингвокультурологический аспект исследования языковых единиц : дис. ... д-ра филол. наук / С. В. Иванова. – М. : РГБ, 2005. – URL: <http://www.twirpx.com/file/329535/> (дата обращения: 19.10.2024). – Текст : электронный.

Кислицкий, П. К. Лексико-семантическая асимметрия в русском и китайском языках: лингводидактический аспект / П. К. Кислицкий, Д. А. Машовец // Актуальные проблемы филологии : материалы международной научно-практической конференции молодых ученых. Екатеринбург, 28 апреля 2022 г. Вып. 25 / Уральский государственный педагогический университет. – Екатеринбург : УрГПУ, 2022. – С. 77–83.

Кудрявцева, И. Ю. Термины тавромахии в современном испанском языке / И. Ю. Кудрявцева. – Текст : электронный // Ибероамериканские тетради. – 2015. – № 2 (8). – URL: <https://www.iberpapers.org/jour/article/viewFile/266/181> (дата обращения: 19.10.2024).

Миронова, Д. М. К вопросу о системологической адекватности когнитивного подхода к языку / Д. М. Миронова // Вестник Томского государственного университета. Филология. – 2020. – № 63. – С. 64–82.

Руссо, М. М. Неогумбольдтианская лингвистика и рамки «языковой картины мира» / М. М. Руссо // Политическая лингвистика. – 2014. – № 1 (47). – С. 12–24.

Савицкая, Е. В. Английские языковые лакуны в свете интралингвистического подхода : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Е. В. Савицкая. – Самара, 2015. – 194 с.

Сосновский, Д. Р. Человек как система / Д. Р. Сосновский. – Текст : электронный // Свобода лучше несвободы? – URL: <http://drsosnov.ru/System.html> (дата обращения: 15.10.2024).

Стернин, И. А. Контрастивная лингвистика: проблемы теории и методики исследования / И. А. Стернин. – М. : АСТ, Восток-Запад, 2007. – 282 с.

Стефанский, Е. Е. Концептуализация негативных эмоций в мифологическом и современном языковом сознании (на материале русского, польского и чешского языков) : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Е. Е. Стефанский. – Волгоград, 2009. – 49 с.

Урманцев, Ю. А. Девять плюс один этюд о системной философии. Синтез мировоззрений / Ю. А. Урманцев. – М. : Институт Холодинамики, 2001. – 160 с.

Фетисов, В. А. Системный анализ / В. А. Фетисов, В. В. Перлюк. – СПб. : СПбГУАП, 2009. – 97 с.

Фурс, Л. А. Концептуальные аспекты синтаксиса / Л. А. Фурс // Когнитивные исследования языка. – 2009. – Вып. IV. – С. 278–301.

Шафиков, С. Г. Типология лексических систем и лексико-семантических универсалий / С. Г. Шафиков. – Уфа : РИО БашГУ, 2004. – 238 с.

References

10 ispankikh slov, u kotorykh net analogov v russkom yazyke [10 Spanish Words that Have No Analogues in the Russian Language]. In *Shkola ispanского yazyka "Palabra"*. URL: <https://espalabra.ru/10-ispanskih-slov-u-kotorykh-net-analogov-v-russkom-yazyke/> (mode of access: 20.10.2024).

Akay, O. M. (2020). *Fenomen grammaticheskoi lakunarnosti: kognitivnyi i lingvopragmaticheskii aspekty* [The Phenomenon of Grammatical Lacunarity: Cognitive and Linguopragmatic Aspects]. Dis. ... d-ra filol. nauk. Rostov-on-Don. 406 p.

Balalykina, E. A. (2010). Defektnost' glagol'noi paradigmy kak rezul'tat leksiko-grammaticheskogo vzaimodeistviya v yazyke [The Defectiveness of the Verbal Paradigm as a Result of Lexical and Grammatical Interaction in the Language]. In *Russkii yazyk: istoricheskie sud'by i sovremenmost': IV Mezhdunarodnyi kongress issledovatelei russkogo yazyka (Moskva, MGU. 20–23 marta 2010 g.)*. Moscow, Izdatel'stvo MGU, pp. 10–11.

Bertalanfi, L. fon. (1969). Obshchaya teoriya sistem: kriticheskii obzor [General Theory of Systems: A Critical Review]. In Sadovsky, V. N., Yudin, E. G. (Eds.). *Issledovaniya po obshchei teorii sistem: sbornik perevodov*. Moscow, Progress, pp. 23–82.

Boldyrev, N. N. (2019). Dominantnyi printsip organizatsii yazykovogo znaniya [The Dominant Principle of the Organization of Language Knowledge]. In *Kognitivnye issledovaniya yazyka*. No. XXXVII, pp. 37–44.

Boldyrev, N. N., Grigoryeva, V. S. (2018). Kognitivnye dominanty rechevogo vzaimodeistviya [Cognitive Dominants of Speech Interaction]. In *Voprosy kognitivnoi lingvistiki*. No. 4, pp. 15–24.

Cambridge Dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org/ru/thesaurus/die> (mode of access: 17.10.2024).

Churros [Churros]. In *Slovar' sinonimov russkogo yazyka – online podbor*. URL: <https://sinonim.org/sc/93219/4> (mode of access: 16.10.2024).

Fetisov, V. A., Perlyuk, V. V. (2009). *Sistemnyi analiz* [System Analysis]. Saint Petersburg, SPbGUAP. 97 p.

Furs, L. A. (2009). Kontseptual'nye aspekty sintaksisa [Cognitive Aspects of Syntax]. In *Kognitivnye issledovaniya yazyka*. Issue IV, pp. 278–301.

Ivanova, S. V. (2005). *Lingvokul'turologicheskii aspekt issledovaniya yazykovykh edinits* [The Linguocultural Aspect of the Study of Linguistic Units]. Dis. ... d-ra filol. nauk. Moscow. URL: <http://www.twirpx.com/file/329535/> (mode of access: 19.10.2024).

Kislitsky, P. K., Mashovets, D. A. (2022). Leksiko-semanticheskaya asimmetriya v russkom i kitaiskom yazykakh: lingvodidakticheskii aspekt [Lexical Semantic Asymmetry in Russian and Chinese: a Linguodidactic Aspect]. In *Aktual'nye problemy filologii: materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii molodykh uchenykh. Ekaterinburg, 28 aprelya 2022 g.* Issue 25. Ekaterinburg, UrGPU, pp. 77–83.

Kudryavtseva, I. Yu. (2015). Terminy tavrromakhii v sovremennom ispanskom yazyke [Tauromachia Terms in Modern Spanish]. In *Iberoamerikanskii tetradi*. No. 2 (8). URL: <https://www.iberpapers.org/jour/article/viewFile/266/181> (mode of access: 19.10.2024).

Kuznetsov, S. A. (Ed.). *Bol'shoi tolkovyi slovar' russkogo yazyka* [Big Explanatory Dictionary of the Russian Language]. URL: <https://gramota.ru/biblioteka/slovari/bolshoj-tolkoviy-slovar> (mode of access: 17.10.2024).

Mironova, D. M. (2020). K voprosu o sistemologicheskoi adekvatnosti kognitivnogo podkhoda k yazyku [On the Issue of the Systemological Adequacy of the Cognitive Approach to Language]. In *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya*. No. 63, pp. 64–82.

O smekhe na angliiskom yazyke: different ways of laughing [About Laughter in English: Different Ways of Laughing]. In *Blog dlya izuchayushchikh angliiskii "Engblog"*. URL: <https://engblog.ru/different-ways-of-laughing> (mode of access: 21.10.2024).

Proiskhozhdenie vyrazheniya «ispanskii styd» [The Origin of the Expression “Spanish Shame”]. In *Portal «Russkii yazyk»*. URL: <https://rus.stackexchange.com/questions/418109/Proiskhozhdenie-vyrazheniya-Ispanskii-styd> (mode of access: 17.10.2024).

Russo, M. M. (2014). Neogumboldtianskaya lingvistika i ramki «yazykovoi kartiny mira» [Neohumboldtism in Linguistics and the Framework of “Linguistic Model of the World”]. In *Politicheskaya lingvistika*. No. 1 (47), pp. 12–24.

Savitskaya, E. V. (2015). *Angliiskie yazykovye lakuny v svete intralingvisticheskogo podkhoda* [English Language Lacunas in the Light of an Intralinguistic Approach]. Dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.04. Samara. 194 p.

Shafikov, S. G. (2004). *Tipologiya leksicheskikh sistem i leksiko-semanticheskikh universalii* [Typology of Lexical Systems and Lexico-Semantic Universals]. Ufa, RIO BashGU. 238 p.

Slovník současné češtiny. URL: <https://www.nechybujte.cz/slovník-soucasne-cestiny> (mode of access: 23.10.2024).

Sosnovsky, D. R. Chelovek kak sistema [Man as a System]. In *Svoboda luchshe nesvobody?* URL: <http://drsosnov.ru/System.html> (mode of access: 15.10.2024).

Stefansky, E. E. (2009). *Kontseptualizatsiya negativnykh emotsii v mifologicheskoy i sovremennoy yazykovoy soznanii (na materiale russkogo, pol'skogo i cheshskogo yazykov)* [Conceptualization of Negative Emotions in Mythological and Modern Language Consciousness (Based on the Material of Russian, Polish and Czech Languages)]. Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Volgograd. 49 p.

Sternin, I. A. (2007). *Kontrastivnaya lingvistika: problemy teorii i metodiki issledovaniya* [Contrastive Linguistics: Problems of Theory and Research Methodology]. Moscow, AST, Vostok-Zapad. 282 p.

Stress. In *Merriam-Webster: America's Most Trusted Dictionary*. URL: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/stress> (mode of access: 23.10.2024).

Tikhonov, A. N. (2014). *Novyi slovoobrazovatel'nyi slovar' russkogo yazyka dlya vseh, kto khotet byt' gramotnym* [A New Word-Formation Dictionary of the Russian Language for Everyone Who Wants to Be Literate]. Moscow, AST. 639 p.

Urmantsev, Yu. A. (2001). *Devyat' plus odin etyud o sistemoi filosofii. Sintez mirovozzrenii* [Nine Plus One Etude on Systemic Philosophy. Synthesis of Worldviews]. Moscow, Institut Kholodinamiki. 160 p.

Vikislovar' [Wiktionary]. URL: <https://ru.wiktionary.org/wiki/%D1%83%BC%DB5%D1%80%DB5%D1%82%D1%8C> (mode of access: 17.10.2024).

Данные об авторах

Дзюба Елена Вячеславовна – доктор филологических наук, профессор Высшей школы международных отношений Гуманитарного института, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого (Санкт-Петербург, Россия).

Адрес: 195251, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Политехническая, 29.

E-mail: elenacz@mail.ru.

Миронова Диана Михайловна – доктор филологических наук, доцент кафедры теоретической и прикладной лингвистики факультета лингвистики и межкультурной коммуникации, Юго-Западный государственный университет (Курск, Россия).

Адрес: 305040, Россия, г. Курск, ул. 50 лет Октября, 94.

E-mail: mir-lina@yandex.ru.

Authors' information

Dziuba Elena Vyacheslavovna – Doctor of Philology (Advanced Doctorate), Professor of the Graduate School of International Relations of the Humanitarian Institute, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University (Saint Petersburg, Russia).

Mironova Diana Mikhailovna – Doctor of Philology (Advanced Doctorate), Associate Professor of the Theoretical and Applied Linguistics Department, The Faculty of linguistics and Intercultural Communication, Southwest State University (Kursk, Russia).

Дата поступления: 14.11.2024; дата публикации: 28.12.2024

Date of receipt: 14.11.2024; date of publication: 28.12.2024

УДК 81'1. DOI: 10.26170/2071-2405-2024-29-4-123-131. ББК Ш10.
ГРНТИ 16.21.07. Код ВАК 5.9.8

РАСКРЫТИЕ СУЩНОСТИ ЯЗЫКА (МЕТОДИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

Береснева В. А.

Вятский государственный университет (Киров, Россия)

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-6587-1953>

SPIN-код: 9173-4623

А н н о т а ц и я. Статья посвящена одной из классических и в то же время наиболее дискуссионных проблем общего языкознания – проблеме сущности языка. Среди лингвистов обнаруживаются разночтения в толковании сущности языка. Этот один из основополагающих вопросов языкознания, несмотря на длительную историю его изучения, очевидно, до сих пор не получил своего окончательного разрешения.

В настоящей работе предлагается концепция сущности языка как особого системного объекта, имеющего свою уникальную структуру и собственные законы эволюции. В усвоении обучающимися содержания данной концепции, как представляется, должен получить свое завершение методический процесс раскрытия сущности языка. Определение способа раскрытия сущности языка как развивающегося во времени целого – цель нашей работы.

Исходя из постулатов о системно-структурной организации мира и происходящих в мире эволюционных процессах, опираясь на философские законы и психологические закономерности как то, что служит для понимания сущности системного объекта, как предварительное условие для освоения объекта, проходящего разные стадии в своем развитии, автор приступает к реализации поставленной цели, выявляя на данном этапе важные системно-структурные и эволюционные характеристики сознания. Далее на материале временных форм немецкого языка показывается, как данные характеристики объективируются в языке, воплощающем работу сознания.

Исследование обнаруживает чрезвычайную сложность такой фундаментальной проблемы общего языкознания, как сущность языка, проливает свет на онтологический статус языка и может быть использовано при разработке общезыковедческой концепции сущности языка. Поскольку в работе также сделаны наблюдения о структурной формально-содержательной асимметрии в языке как ингерентном явлении лингвомыслительной деятельности человека, представлены размышления о диаде «язык – сознание / мышление», то полученные данные могут иметь значение и при рассмотрении данных вопросов.

Используемый в работе исследовательский подход позволил автору внести посильный вклад в общее дело выявления сущности языка и наметить способы ее раскрытия.

К л ю ч е в ы е с л о в а: общее языкознание; сущность языка; развивающееся во времени целое; методический аспект

Д л я ц и т и р о в а н и я: Береснева, В. А. Раскрытие сущности языка (методический аспект) / В. А. Береснева. – Текст : непосредственный // Филологический класс. – 2024. – Т. 29, № 4. – С. 123–131. – DOI: 10.26170/2071-2405-2024-29-4-123-131.

A DESCRIPTION OF THE ESSENCE OF LANGUAGE (METHODOLOGICAL ASPECT)

Viktoria A. Beresneva

Vyatka State University (Kirov, Russia)

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-6587-1953>

A b s t r a c t. The article deals with one of the classical and at the same time the most controversial problems of general linguistics – the problem of the essence of language. Linguists demonstrate various interpretations of the essence of language. This is one of the fundamental issues of linguistics; despite the long history of its study, it has obviously not yet received its final resolution.

The article presents a conception of the essence of language as a special systemic object with its own unique structure and its own laws of evolution. The methodological process of highlighting the essence of language should be realized in the students' understanding of the content of this concept. The aim of the study is to work out the methods of revealing the essence of language as one whole, developing in time.

Based on the postulates about the systemic-structural organization of the world and the global evolutionary processes, drawing on the philosophical laws and psychological patterns, and trying to find out what serves to understand the essence of a systemic object, as a prerequisite for the development of an object going through different stages in its development, the author proceeds to implement the goal, identifying at this stage important systemic-structural and evolutionary characteristics of consciousness. Then, using the material of the tense forms of the German language, it is shown how these characteristics are objectified in the language embodying the work of consciousness.

The study reveals the extreme complexity of such a fundamental problem of general linguistics as the essence of language, sheds light on the ontological status of language, and can be used in the development of the general linguistic conception of the essence of language. As long as the work also makes observations of the structural formal-semantic asymmetry in language as an inherent phenomenon of human linguistic thinking and presents the reflections on the dyad “language – consciousness / thinking”, the data obtained can be significant for the solution of these issues.

The research approach used in the work allowed the author to make a feasible contribution to the overall task of highlighting the essence of language and to outline the methods of its identification.

Key words: General Linguistics; the essence of language; a whole developing in time; methodological aspect

For citation: Beresneva, V. A. (2024). A Description of the Essence of Language (Methodological Aspect). In *Philological Class*. Vol. 29. No. 4, pp. 123–131. DOI: 10.26170/2071-2405-2024-29-4-123-131.

Введение

В преподавании общего языкознания вопрос о сущности языка, несмотря на свою классичность, является, на наш взгляд, одним из наиболее дискуссионных. Едва ли найдется солидное лингвистическое учебное издание, не затрагивающее данной проблемы, и в то же время имеются некоторые сомнения относительно достаточной убедительности – по меньшей мере исчерпанности – представления обсуждаемой темы.

Предлагаются различные подходы к исследованию сущностных характеристик языка. Приведем некоторые весьма авторитетные способы в изучении данного вопроса. Так, В. А. Пищальникова и А. Г. Сонин – пролагая путь к выявлению сущности языка – прибегают вначале к демонстрации разного понимания языка, обусловленного «сменой парадигм в истории становления лингвистических исследований» [Пищальникова 2009: 78]. Избрав в качестве отправного пункта для своих рассуждений рассмотрение сущности языка в философских концепциях, заостря особое внимание на антиномиях языка, раскрываемых В. фон Гумбольдтом, авторы приступают далее к обсуждению «собственно лингвистического понимания сущности языка». Изложив традиционные и «альтернативные» точки зрения на сущность языка, В. А. Пищальникова и А. Г. Сонин разбирают в заключение вопросы о «соотношении социального и биологического в языке» и «функциях языка как проявления его сущности» [Пищальникова 2009: 78–103].

Н. Ф. Алефиренко предваряет описание «проблемы природы и сущности языка» экскурсом в историю изучения этой «центральной проблемы общего языкознания» [Алефиренко 2013: 14]. Представляя современные интерпретации сущности языка, автор, в частности, выделяет когнитивные и онтологические концепции, высказывает замечания о языке и речи в рамках характеристики «двойственной природы языка», предлагает свое определение языка, говорит о «биологических предпосылках возникновения языка» и «генетических истоках естественного звукового языка» [Алефиренко 2013: 19–42].

При рассмотрении вопросов сущности языка Ю. А. Левицкий обращается к положениям о «языке как объекте действительности», соотношении «языка и мышления», «знаковом характере языка», «понятии значения», «формах существования языка». В ходе изложения данных вопросов автор обращает внимание на такие моменты, как проблема определения языка, существование «гносеологических и онтологических» «точек зрения на язык», «функции языка, «характер языкового мышления», «роль понятия в языковом мышлении человека», «влияние языка на мышление», «основные компоненты языкового (системного) значения слова», проблема «истории языка в связи с историей общества» и др. [Левицкий 2013: 9–86].

Называя в книге «Очерки по общему языкознанию» вопрос о том, «что такое язык», «извечным вопросом», а «проблему природы языка» –

«самой существенной проблемой» [Звегинцев 2009: 11–12], В. А. Звегинцев, предлагающий «истолковывать» свою книгу «в качестве стимула к созданию учебника общего языкознания» [Звегинцев 2009: 4], считает необходимым начинать «огромную и чрезвычайно ответственную работу» по «определению природы языка» «с изучения и критического рассмотрения тех определений природы языка, которые дает нам современное языкознание» [Звегинцев 2009: 11]. С этой целью автор разбирает «в первую очередь» «теорию знаковой природы языка», «критический анализ» которой «дает возможность вывести некоторые заключения о действительной природе языка» [Звегинцев 2009: 12–53]. Поскольку «система знаков <...> не способна к развитию по самой своей природе», а «основной положительный вывод заключается» именно «в том, что язык, в противоположность любой подлинной системе знаков, находится в состоянии непрерывного развития», В. А. Звегинцев «приходит к таким чрезвычайно важным для языкознания понятиям, как понятия системы и структуры» [Звегинцев 2009: 53–54], исследует «структурный характер языка» [Звегинцев 2009: 53–75] и «формулирует» в качестве завершения своих рассуждений «определение языка» [Звегинцев 2009: 74–75].

Уже в Предисловии к своему учебному пособию «Основы общего языкознания» Ю. С. Степанов говорит об «общественной природе» языка [Степанов 1975: 4]. Значимость данного положения автор обнаруживает, например, также в следующей цитате из работы «Немецкая идеология» К. Маркса и Ф. Энгельса: «<...> язык *есть* практическое, существующее и для других людей и лишь тем самым существующее также и для меня самого, действительное сознание, и, подобно сознанию, язык возникает лишь из потребности, из настоятельной необходимости общения с другими людьми» [Степанов 1975: 162].

Также и Ю. В. Рождественский подчеркивает «общественную сущность языка» [Рождественский 2012: 35]. Он замечает, что «язык всегда изучается как явление, которое характеризует общество» [Рождественский 2012: 57], что «язык является такой компонентой общества, в которой отражаются многие, если не все неязыковые стороны общественного организма» [Рождественский 2012: 59].

Ю. С. Маслов, характеризуя сущность языка, предлагает после рассмотрения вопросов о «его общественных функциях», о «языке как важнейшем средстве человеческого общения, орудии формирования и выражения мысли» обратиться к проблеме «языка как своеобразной знаковой системы» [Маслов 2005: 9–36].

Отметим в завершение обзора некоторых – несомненно, получивших широкое признание – существующих концепций о лингвистических и методических аспектах проблемы сущности языка, что эта проблема, несмотря на ее подчас эксплицитную невыраженность, может тем не менее имплицитно присутствовать в повествовании с возможными средствами ее разрешения, как это,

например, имеет место в учебнике В. Б. Касевича, акцентирующем «биологические аспекты языка» и «основные функции языка» [Касевич 2012: 7–14].

Даже представленного весьма сжатого анализа учебной литературы по теме сущностных характеристик языка достаточно, чтобы заключить, что, несмотря на длительную историю осмысления языка, специалисты до сих пор не могут прийти к единому пониманию данного явления. Что, к примеру, есть язык: живой организм, социальный факт или феномен, возникающий при взаимодействии организма со средой? Наличествующее множество определений языка и аспектов его изучения обнаруживает, очевидно, чрезвычайную сложность обсуждаемого феномена.

В настоящей работе мы – и до нас об этом отчетливо, как представляется, ранее об этом не говорилось – хотим показать, что язык есть развивающееся во времени целое, что язык как особый системный объект обладает не только собственной структурой, но также и своими, внутренними законами развития. Усвоение обучающимися данного тезиса, который самым лаконичным образом выражает наше понимание языка и который, безусловно, будет пояснен и обоснован нами в основной части статьи, является, на наш взгляд, тем, что должно быть получено в завершение методического процесса раскрытия сущности языка. Определение способа раскрытия сущности языка как целого, находящегося в процессе развития, обусловленном самой природой анализируемого системного объекта, и представляет основную цель нашего исследования.

В осмыслении / презентации внутренней логики становления и развития системных объектов наиболее плодотворны два момента. Во-первых, постижение в опоре на существующие учения о системно-структурной организации мира и происходящих в мире эволюционных процессах сути универсальных принципов системности и развития. А во-вторых, применение философских законов и психологических закономерностей как ключа к раскрытию сущности системного объекта, как предпосылки для освоения объекта, проходящего разные ступени в своем развитии.

Материалы и методы

Исходя из разделяемого нами представления о языке как объекте действительности (В. фон Гумбольдт и его последователи), правомерно говорить об онтологической (от др.-греч. ὄν, род. п. ὄντος – сущее, то, что существует + λόγος – учение, наука) сущности языка. Исследование онтологической сущности языка предполагает привлечение философии, поскольку именно философия «занимается темой бытия специально и профессионально» [Введение в философию 2002: 341].

Язык, в истолковании специалистов, – «это форма, через которую выходят вовне, объективируются отдельные результаты, процессы работы сознания» [Введение в философию 2002: 361]. Для понимания языка следует, таким образом, обратиться к осмыслению сознания. Опираясь на

разыскания специалистов о данном чрезвычайно сложном феномене, изложим вкратце наиболее значимые для нашего исследования вопросы.

Процессы сознания, согласно воззрениям ученых, включены в сферу «духовного (идеального)» как одной из «основных форм бытия» [Введение в философию 2002: 350]. Духовное представляет собой «единство многообразного» – такова неотъемлемая характеристика бытия мира. Причем это единство существует объективно, «вне и независимо от воли и сознания человека» [Введение в философию 2002: 342–358]. Заметим, что учение о единстве мира, восходящее, по-видимому, к Гераклиту [Флоренский 1914: 155], получившее в философии дальнейшее развитие и применение, нашло отображение и в науке о языке. Так, А. М. Пешковский, определив слово как «конгломерат» многих значений, подчеркнул, что «это не простое множество, не простая сумма слагаемых, а множество в единстве, или вернее, единство во множестве» [Пешковский 2007: 175].

Единство «бесконечно разнообразных» объектов мира обеспечивается такими всеобщими свойствами материи, как структурность и движение [Введение в философию 2002: 364–365]. Любой объект материального мира рассматривается «в качестве системы, то есть особой целостности, которая характеризуется наличием элементов и связей между ними», а устойчивые связи и отношения между элементами системы – как ее структура [Введение в философию 2002: 365–366]. Что касается движения, то выделяют два его основных типа. В противоположность первому типу движения, при котором качество предмета сохраняется, второй тип связан с «появлением новых качественных состояний», с «развертыванием потенциальных возможностей, скрытых и неразвернутых в предшествующих качественных состояниях», и называется развитием [Введение в философию 2002: 375].

В исследовании объективируемой языком работы сознания человека как совокупности психических образов продуктивно обсуждение таких фундаментальных психологических закономерностей, как ассоциация и апперцепция. Ограничимся некоторыми необходимыми для настоящей статьи замечаниями.

Термином «ассоциация» обозначается в науке закономерная связь идей. Идеей, или мыслью, смыслом, концептом (Б. Рассел), называется приобретающий сравнительно определенную форму результат содержания сознания [Словарь философских терминов 2007: 527]. «Специфическую форму» «всякое содержание тотчас же принимает» «благодаря» своей структуре [Философский энциклопедический словарь 1997: 423].

Весьма ценным представляется замечание о том, что «благодаря ассоциациям сознание человека может выйти за пределы непосредственно данного, расширив внутреннее поле своей деятельности. Речь идет о “вторичном восприятии”, когда образ восприятия соотносится не с объективной реальностью, а с имеющимся знанием <...>» [Словарь философских терминов 2007: 39–40].

В связи с вторичным восприятием уместно говорить об апперцепции. Апперцепция может быть определена как «зависимость восприятия от прошлого опыта, от запаса знаний и общего содержания психической деятельности человека» [Ярошевский 1960: 84].

Глубокое осмысление вопрос апперцепции получил в научном творчестве А. А. Потебни [1989: 105–123]. Из основных идей А. А. Потебни выделим необыкновенно пронизательное замечание исследователя о том, что результатом взаимодействия двух «стихий» апперцепции, а именно воспринимаемого и объясняемого, с одной стороны, и совокупности мыслей и чувств, которой воспринимаемое и объясняемое подчиняется и посредством которой оно объясняется, с другой, всегда является нечто новое, не сходное ни с одной из них [Потебня 1989: 110].

Для обозначения этого «нового», как представляется, может быть использован термин «превращенная форма». Понятие превращенной формы детально исследовано М. К. Мамардашвили. Под превращенной формой ученый понимает результат сложного взаимодействия элементов системы, скрывающий (делающий незаметным) и замещающий собой это взаимодействие. Несмотря на то, что данное замещение передает внутренние отношения системы не непосредственно, а «косвенно», новое «формообразование» самостоятельно существует в системе как «качественно цельное явление». М. К. Мамардашвили подчеркивает «нерасчлененный», «синкретический» характер превращенной формы, обеспечивающий такое функционирование системы, при котором отсутствует необходимость в явном выражении всех ее взаимоотношений [Мамардашвили 1992: 270–278].

В научном изучении внутренней закономерности развития системных объектов весьма конструктивны базовые законы развития, сформулированные создателями теории всеединства. Повидимому, наиболее релевантен для нашего исследования «общий закон всякого развития», обоснованный и обоснованный В. С. Соловьевым.

О данном законе, согласно воззрениям мыслителя, можно говорить лишь применительно к «живым организмам». «Живой организм» истолковывается В. С. Соловьевым как живое целое, состоящее из множества внутренне взаимосвязанных элементов. Ни безоговорочно простая субстанция, ни механическое внешнее объединение компонентов не могут быть причислены к развивающемуся. Им может выступать только «живой организм». Не о любом изменении, происходящем в организме, отмечает В. С. Соловьев, можно говорить как о его развитии. Последнее имеет место исключительно при условии, если изменение происходит из самого развивающегося и испытывает потребность в воздействии извне лишь для своего окончательного проявления.

В. С. Соловьев выделяет в законе развития три состояния: исходную ступень развития, цель развития и промежуточные ступени как переход от начальной ступени развития к конечной. В пер-

вичном состоянии развития элементы организма смешаны, связаны между собой чисто внешне. В заключительном состоянии они соединены внутренне, отвечают своему назначению и дополняют друг друга вследствие своей внутренней общности. Внутреннее единство элементов имеет условием их предыдущее вычленение, поскольку они не могли бы войти во внутреннее единство как самостоятельные компоненты организма, если бы вначале не получили эту независимость через обособление. Именно это обособление и является ступенью, находящейся посередине между начальной и конечной ступенями развития, представляет собой второй момент развития.

Возможные сомнения относительно непреложности перехода от второго состояния к третьему В. С. Соловьев мастерски развеивает следующим образом. Выделение каждого компонента целого непременно сопровождается его устремленностью к устранению всех остальных компонентов. В силу того, что такая устремленность свойственна всем компонентам, они уравниваются друг друга. При этом речь идет не о простом равновесии, которое могло бы иметь место в случае идентичных компонентов. Поскольку таковых в организме быть не может, компоненты целого уравниваются друг друга в соответствии со своим внутренним характером и назначением [Соловьев 1990: 141–145].

По общему закону развития в эволюции сознания человека обнаруживаются, таким образом, две ступени объединения его образующих элементов. В случае внешнего объединения концепты, образующие содержание сознания, существуют лишь в потенции, пребывают в смешении. В состоянии внутреннего объединения компоненты сознания восполняют друг друга согласно своему предназначению. Это внутреннее объединение элементов сознания предполагает их предшествующее отмежевание, обусловленное развитием научного постижения существующей реальности. Внутренняя взаимная связь концептов при вторичном восприятии формирует, в русле терминологии М. К. Мамардашвили, «превращенные» синкретические феномены, качество которых обусловливается взаимодействием двух «стихий» апперцепции – по системе терминов, предложенной А. А. Потебней.

Результаты

Поскольку язык, как было указано выше, в силу своей доступности восприятию воплощает работу сознания, логично заключить, что системно-структурные и эволюционные характеристики сознания должны найти в языке собственную объективацию. И в самом деле поликонцептность сознания онтологизируется в языке как системное совмещение сигнификативных функций одним языковым знаком, смешение образующих элементов сознания на ранних ступенях эволюции человечества вызывает безразличие содержательных элементов на ранних стадиях развития языка, а внутреннее объединение компонентов сознания проявляется

как органичное сочетание содержательных элементов языка, их свободный синтез. Проиллюстрируем ниже на хорошо знакомом нам материале временных форм немецкого языка некоторые общие существенные наблюдения по теме нашего исследования (подробное изложение обсуждаемых вопросов представлено в: [Береснева 2011]).

На случай, если возникнут сомнения относительно достаточности используемого иллюстративного материала как средства для раскрытия сущности языка, приведем гениальную цитату из И. А. Бодуэна де Куртенэ: «...если мы обратим внимание на то обстоятельство, что племенных и народных языков может быть несколько тысяч, а человеческой жизни, даже при самых больших способностях, хватает на познание только маленькой частицы этой массы, то окажется, что лингвистика как законченное целое есть и останется всегда лишь недостижимым идеалом. Никакая книга не может представить целой системы языкознания. Никакая человеческая голова не в состоянии объять всю массу относящихся сюда фактов. Каждый из исследователей языка держит в своей голове только отрывок, только небольшой обломок целого, который дает ему возможность дойти до общего взгляда на целое и создать себе менее или более точную картину языковой жизни вообще» [Бодуэн де Куртенэ 1963: 206].

Итак, обращаясь к избранному нами языковому материалу, отметим, что все временные формы сочетаются в системе языка несколько функций. Одна из них отображает первоначальную объективную информацию. Остальные же функции, делая явным толкование информации, являющейся следствием первоначальной информации, обозначаются как коннотации. Под коннотациями следует при этом понимать содержание языкового знака, когда он употребляется в своей производной номинативной функции. Содержание языкового знака в данной ситуации формируется благодаря ассоциативно-образному пониманию обозначаемой реалии. Коннотативное бытование временных форм, обнаруживающее их метафорическое использование, как представляется, является «озвученным» [Философский энциклопедический словарь 1997: 280] продуктом работы ассоциативно-апперцептивного мышления.

Иллюстрируя далее индифферентное слияние содержательных составляющих языка на начальных стадиях развития языка, обусловленное смешением содержательных элементов сознания на ранних этапах эволюции человечества, обратим внимание на вызванное нерасчлененностью в восприятии временных предметов, а именно – в данном конкретном случае – настоящего и будущего, обнаруживаемое в древневерхнегерманском языке обозначение будущего времени презенсом: *tânno vallit, prinnit mittilagart* («месяц **упадет, сгорит** средняя земля») (пример из поэмы «Муспилли», цит. по: [Жирмунский 1965: 293]; выделение наше. – В. Б.), выражение своеобразного «настоящего будущего» [Жирмунский 1965: 293].

Совсем другая ситуация, свободный синтез

содержательных элементов грамматической категории времени наличествует в современном немецком языке. Поясним сказанное на следующем примере.

Морфема «презенс» эксплицирует в современном немецком языке значение настоящего, то, что переживается как непосредственная данность. Это, однако, не мешает презенсу замещать при определенных обстоятельствах временные формы «претерит» и «футурум I». Значения прошлого (в случае замещения презенсом претерита) и будущего (в случае замещения презенсом футурума I) лишь, в отличие от значения настоящего, присутствуют в функционале презенса не эксплицитно, а имплицитно. Но о равнозначности презенса и претерита / футурума I при этом говорить нельзя. Презенс отнюдь не дублирует работы замещаемых форм, поскольку все временные формы передают специфические, только им свойственные «переживания времени» [Гуссерль 1994: 12].

Прошлое, к примеру, всегда существует в воспоминании, доступно через воспоминание. Но воспоминание может вершиться по-разному. Посредством претерита мы можем передать только воспоминание, случившееся между прочим. Воспоминание здесь «смутно», о «повторяющем воспоминании» речи вести нельзя [Гуссерль 1994: 40].

Ассоциативно-апперцептивный характер нашего мышления позволяет реализовать и другую форму воспоминания – «действительно воспроизводящее <...>, повторяющее воспоминание». В этом случае мы «как бы снова воспринимаем» «временной предмет» [Гуссерль 1994: 40].

Претерит не может выразить такого «прошлое, но как будто настоящего». Презенс, однако, за счет своей внутренней формы (она, по-видимому, может быть определена как «непосредственно воспринимаемое»), в состоянии передать это «воспроизводящее», «повторяющее» воспоминание. В качестве иллюстрации приведем пример из романа К. Вольф «Образы детства»: *Auf dieser Balustrade also setzt Charlotte Menzel in einer warmen Juninacht des Jahres 1925 ihren, gelinde gesagt, angetüterten Tischherrn ab...* [Wolf 1983: 119] (*На эту вот балюстрада Шарлотта Менцель теплой июньской ночью 1925 года **усаживает** своего, мягко говоря, захмелевшего кавалера...* [Вольф 1989: 109]). Изображаемое при этом событие «псевдоактуализируется»: повествуется о событии, воспринимаемом образно, а не действительно.

В случае подобного употребления презенса проявляется парадигматическое совмещение им разных функций (оно же является и условием такого употребления), в вышеприведенном примере – парадигматическое совмещение презенсом функций по выражению «настоящего относительно актуального момента» и «прошедшего относительно актуального момента». Результат взаимодействия этих содержательных элементов презенса, проистекающий из их внутреннего единства, – «превращенная форма» «псевдоактуализированное прошлое» как «синкретическое», «нерасчлененное» (ср.: «прошлое» + «псевдоактуализация») «формообразование».

Функция презенса по выражению настоящего относительно актуального момента представляет собой передачу первичной объективной информации. Функция выражения презенсом прошлого (равно как и будущего) раскрывает смысл вторичной информации, передаваемой через посредство первичной информации, является коннотацией, языковым тропом.

А сейчас изложим свои наблюдения, хотя и несколько выходящие за рамки предмета, обозначенного в начале раздела, но все-таки являющиеся логическим продолжением его изучения, в том плане, что это изучение неизбежно приводит к вопросу о структуре исследуемых языковых форм. В связи с этим выскажем следующие соображения.

Обсуждаемые в работе «превращенные» образования как «качественно цельные явления» объединяются в одно целое с качеством их материального носителя (применительно к рассматриваемой в данном разделе временной форме – с качеством презенса). Следствием дополнения содержательной составляющей презенса «настоящее относительно актуального момента» со стороны содержательных составляющих «прошедшее относительно момента актуального» и «будущее относительно актуального момента» является нейтрализация (снятие противопоставления) разных темпоральных признаков на уровне единой формы презенса. Нейтрализация, в свою очередь, влечет за собой обнаруживаемое в системе языка сопряжение сигнификативных функций презенса. Такое сопряжение, совмещение, функций мы называем парадигматическим синкретизмом языковой формы (в нашем случае – презенса) (см. об этом подробнее в: [Береснева 2011]).

В заключение раздела выразим надежду, что представленный в нем фактический материал в достаточной мере – в рамках весьма ограниченного пространства настоящей статьи – иллюстрирует и обосновывает выдвинутый нами тезис о сущности языка как развивающемся во времени целом.

Обсуждение результатов

Осмысливая значение данных, полученных в ходе нашего исследования, выскажем следующие замечания.

Во-первых, если принимать во внимание такие приведенные во Введении к настоящей работе ключевые слова, как «система», «структура», «развитие», то ближе всего к нашим воззрениям и задачам настоящего исследования, по-видимому, окажется толкование языка, предложенное В. А. Звегинцевым. Весьма созвучным нашим взглядам является его мнение о том, что «формой <...> существования языка «является развитие, и это развитие подчиняется определенным законам» [Звегинцев 2009: 53]. В. А. Звегинцев отмечает, однако, далее, что «язык развивается не самопроизвольно». «Развитие языка обуславливается его функциями – служить средством общения и орудием мышления». «<...> язык находится в непрерывном изменении и развитии» постольку, поскольку «в постоянном изменении и развитии» находятся «потреб-

ности общения и мышления» [Звегинцев 2009: 53–54]. Из суждения исследователя можно заключить, что язык развивается не в силу присущих его природе законов развития, а по внешним причинам. С этим мнением В. А. Звегинцева мы не можем безоговорочно согласиться, так как полагаем, что язык, несмотря на его теснейшую связь с сознанием и мышлением человека, все-таки, будучи объектом действительности, располагает своими имманентными законами развития. И в то же время мы вполне солидарны с ученым, что «формы развития языка в значительной степени обуславливаются теми его конкретными элементами, которые составляют язык, и теми отношениями, которые внутри языка складываются между этими конкретными и реальными элементами» [Звегинцев 2009: 54].

Во-вторых, выявленное нами парадигматическое совмещение языковым знаком нескольких сигнификативных функций обнаруживает, очевидно, структурную формально-содержательную асимметрию в языке (об асимметричном дуализме языкового знака см. работы С. О. Карцевского и др.). Указанные совмещение и асимметрия представляют собой ингерентные явления лингвомыслительной деятельности человека.

В-третьих, мы неслучайно используем выше термин «лингвомыслительный». Размышляя над обсуждаемой в работе диадой «язык – сознание / мышление», мы склонны рассматривать язык и сознание / мышление в непосредственной связи, единстве.

Как известно, вопрос взаимосвязи языка и мышления / сознания человека является краеугольным камнем проблематики языкознания, а взгляд лингвиста на соотношение данных феноменов в значительной мере определяет концептуальное восприятие им других языковедческих феноменов. Мы солидарны с теми учеными, которые обращают внимание на органическую связь языка и мышления, с теми, кто полагает, что «без языка, вне его, мысль не проявляется и вообще не существует», что «неправомерно говорить о каком-либо» «параллельном существовании» языка и мышления, и что «лишь научная абстракция может направлять свой интерес преимущественно» либо на язык, либо на мышление, «не нарушая при этом их реального, исконного единства» [Колшанский 2012: 17–21].

Заключение

Итак, в данной статье мы предприняли попытку разрешения проблемы раскрытия сущности языка. На сегодняшний день нет единого подхода к рассмотрению этого фундаментального вопроса языкознания. В связи с этим представляется вполне уместным перефразирование известного изречения А. Ф. Лосева о существующем понимании языкового знака [Лосев 1976: 89]. В нашем случае данное выражение могло бы принять следующий вид: «Может быть, только обыватель продолжает понимать, что такое язык, а специалисты уже давно утратили точное и единообразное понятие

языка, в результате чего возникают споры в тех областях науки, которые раньше считались самоочевидными».

Воспринимая, вслед за великими учеными, язык как объект существующей реальности, мы предложили исследование онтологического статуса изучаемого феномена в опоре на достижения философии и психологии, поскольку именно эти научные дисциплины профессионально занимаются онтологической проблематикой, специально изучают вопросы сознания и мышления человека, процессы которых и результаты их деятельности объективируются языком.

Заметим справедливости ради, что такой исследовательский подход мы применили первоначально к научному изучению языкового синкретизма, о котором вскользь упоминаем выше. И он,

на наш взгляд, оказался вполне успешным: благодаря ему нам удалось обосновать лингвистический синкретизм как воплощение и рефлексию единства мира. Более того, в одной из своих работ мы рассмотрели лингвистический синкретизм в качестве метода современного языкознания, состоящего в последовательном применении определенных шагов [Береснева 2014: 19–21]. В настоящей работе, действуя, кажется, вполне в духе приведенного ранее замечания И. А. Бодуэна де Куртенэ, держа в голове лингвистический синкретизм в качестве «небольшого обломка целого», мы постарались посредством этого «отрывка» «дойти до общего взгляда на целое», внести свою лепту в общее дело обнаружения сущности языка и определения пути ее раскрытия.

Литература

- Алефиренко, Н. Ф. Общее языкознание. История и теория языка: Интегрированный курс / Н. Ф. Алефиренко. – М. : Издательский центр «Азбуковник», 2013. – 310 с.
- Береснева, В. А. Лингвистический синкретизм: онтология и гносеология / В. А. Береснева ; отв. ред. В. А. Татаринцов. – Киров : ОАО «Первая Образцовая типография», филиал «Дом печати – ВЯТКА», 2011. – 246 с.
- Береснева, В. А. К вопросу о методе лингвистического синкретизма / В. А. Береснева // Актуальные проблемы лингвистики XXI века / отв. ред. В. Н. Оношко. – Киров : Издательство ВятГГУ, 2014.
- Бодуэн де Куртенэ, И. А. Избранные труды по общему языкознанию. Т. 1 / И. А. Бодуэн де Куртенэ. – М. : Издательство Академии наук СССР, 1963. – 385 с. – URL: https://www.phantastike.com/other/trudy_yazykoznaniiyu/djvu/view/ (дата обращения: 30.06.2023). – Текст : электронный.
- Введение в философию : учеб. пособие для вузов / авт. колл.: И. Т. Фролов [и др.]. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Республика, 2002. – 623 с.
- Вольф, К. Образы детства / К. Вольф ; пер. с нем. Н. Федоровой ; редкол.: А. Небензя, Н. Литвинцев, И. Млечина [и др.] ; предисл. К. Хёнке и Т. Мотылевой. – М., 1989. – 431 с.
- Гуссерль, Э. Собрание сочинений. Т. 1. Феноменология внутреннего сознания времени : пер. с нем. / Э. Гуссерль ; сост., вступ. ст., пер. В. И. Молчанова. – М. : Гнозис, 1994. – 192 с.
- Жирмунский, В. М. История немецкого языка / В. М. Жирмунский. – М. : Высшая школа, 1965. – 408 с.
- Звегинцев, В. А. Очерки по общему языкознанию / В. А. Звегинцев. – Изд. 2-е, испр. – М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 384 с. (Из лингвистического наследия В. А. Звегинцева.)
- Касевич, В. Б. Введение в языкознание : учебник для студ. учреждений высш. проф. образования / В. Б. Касевич. – 3-е изд., стер. – СПб. : Филологический факультет СПбГУ ; М. : Издательский центр «Академия», 2012. – 240 с.
- Колшанский, Г. В. Логика и структура языка / Г. В. Колшанский. – Изд. 3-е. – М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012. – 240 с. (Лингвистическое наследие XX века.)
- Левицкий, Ю. А. Общее языкознание : учебное пособие / Ю. А. Левицкий. – Изд. 5-е. – М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. – 266 с.
- Лосев, А. Ф. Проблема символа и реалистическое искусство / А. Ф. Лосев. – М. : Искусство, 1976. – 367 с. – URL: https://imwerden.de/pdf/losev_a_f_problemy_simvola_i_realisticheskoe_iskusstvo_1976_ocr.pdf (дата обращения: 03.08.2023). – Текст : электронный.
- Мамардашвили, М. К. Как я понимаю философию / М. К. Мамардашвили ; сост. и общ. ред. Ю. П. Сенокосова. – 2-е изд., изм. и доп. – М. : Прогресс, 1992. – 415 с.
- Маслов, Ю. С. Введение в языкознание : учебник для филол. и лингв. фак. высш. учеб. заведений / Ю. С. Маслов. – 4-е изд., стер. – СПб. : Филологический факультет СПбГУ ; М. : Издательский центр «Академия», 2005. – 304 с.
- Пешковский, А. М. Лингвистика. Поэтика. Стилистика: Избранные труды : учеб. пособие / А. М. Пешковский ; сост. и науч. ред. О. В. Никитин. – М. : Высшая школа, 2007. – 800 с. : ил. – (Сер. «Лингвистика XX в.»)
- Пищальникова, В. А. Общее языкознание : учебник для студ. высш. учеб. заведений / В. А. Пищальникова, А. Г. Сонин. – М. : Издательский центр «Академия», 2009. – 448 с.
- Потебня, А. А. Мысль и язык / А. А. Потебня // Потебня А. А. Слово и миф / сост., подг. текста и прим. А. Л. Топоркова ; отв. ред. А. К. Байбуринов ; предисл. А. К. Байбурина. – М. : Правда, 1989. – С. 17–200.
- Рождественский, Ю. В. Лекции по общему языкознанию : учебное пособие / Ю. В. Рождественский. – М. : ИКЦ «Академкнига» ; ООО «Добросвет», 2012. – 362 с.
- Словарь философских терминов / науч. ред. В. Г. Кузнецов. – М. : ИНФРА-М, 2007. – XVI, 731 с.

Соловьев, В. С. *Философские начала цельного знания* / В. С. Соловьев // Соловьев В. С. Сочинения : в 2 т. Т. 2 / общ. ред. и сост. А. В. Гулыги, А. Ф. Лосева ; прим. С. Л. Кравца [и др.]. – 2-е изд. – М. : Мысль, 1990. – С. 139–288.

Степанов, Ю. С. *Основы общего языкознания : учебное пособие для студентов филол. специальностей пед. ин-тов* / Ю. С. Степанов. – Изд. 2-е, перераб. – М. : Просвещение, 1975. – 272 с.

Философский энциклопедический словарь. – М. : ИНФРА-М, 1997. – 576 с.

Флоренский, П. А. Столп и утверждение истины: Опыт православной теодицеи в двенадцати письмах / П. А. Флоренский. – М. : Товарищество типографии А. И. Мамонтова, 1914. – 814 с.

Ярошевский, М. Апперцепция / М. Ярошевский // *Философская энциклопедия* : в 5 т. Т. 1 / гл. ред. Ф. В. Константинов. – М. : Советская энциклопедия, 1960. – С. 84–85.

Wolf, Ch. *Kindheitsmuster*. 8. Aufl. / Ch. Wolf. – Berlin ; Weimar : Aufbau-Verlag, 1983. – 534 S.

References

Alefrenko, N. F. (2013). *Obshchee yazykoznanie. Istoriya i teoriya yazyka: Integrirrovannyi kurs* [General Linguistics. History and Theory of Language: An Integrated Course]. Moscow, Izdatel'skii tsentr «Azbukovnik». 310 p.

Baudouin de Courtenay, I. A. (1963). *Izbrannye trudy po obshchemu yazykoznaniiyu* [Selected Works on General Linguistics]. Vol. 1. Moscow, Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR. 385 p. URL: https://www.phantastike.com/other/trudy_yazykoznaniiyu/djvu/view/ (mode of access: 30.06.2023).

Beresneva, V. A. (2011). *Lingvisticheskii sinkretizm: ontologiya i gnoseologiya* [Linguistic Syncretism: Ontology and Epistemology]. Kirov, OAO «Pervaya Obratstovaya tipografiya», filial «Dom pečati – VYaTKA». 246 p.

Beresneva, V. A. (2014). K voprosu o metode lingvisticheskogo sinkretizma [On the Question of the Method of Linguistic Syncretism]. In Onoshko, V. N. (Ed.). *Aktual'nye problemy lingvistiki XXI veka*. Kirov, Izdatel'stvo VyatGGU.

Filosofskii entsiklopedicheskii slovar' [Philosophical Encyclopedic Dictionary]. (1997). Moscow, INFRA-M. 576 p.

Florensky, P. A. (1914). *Stolp i utverzhdenie istiny: Opyt pravoslavnoi teoditsei v dvenadtsati pis'makh* [The Pillar and the Affirmation of Truth: The Experience of Orthodox Theodicy in Twelve Letters]. Moscow, Tovarichestvo tipografii A. I. Mamontova. 814 p.

Frolov, I. T. et al. (2002). *Vvedenie v filosofiyu* [Introduction to Philosophy]. 2nd edition. Moscow, Respublika. 623 p.

Husserl, E. (1994). *Sobranie sochinenii* [Collected Works]. Vol. 1. Fenomenologiya vnutrennego soznaniya vremeni. Moscow, Gnozis. 192 p.

Kasevich, V. B. (2012). *Vvedenie v yazykoznanie* [Introduction to Linguistics]. 3rd edition. Saint Petersburg, Filologicheskii fakul'tet SPbGU, Moscow, Izdatel'skii tsentr «Akademiya». 240 p.

Kolshansky, G. V. (2012). *Logika i struktura yazyka* [Logic and Structure of Language]. 3rd edition. Moscow, Knizhnyi dom «LIBROKOM». 240 p.

Kuznetsov, V. G. (Ed.). (2007). *Slovar' filosofskikh terminov* [Dictionary of Philosophical Terms]. Moscow, INFRA-M. XVI, 731 p.

Levitsky, Yu. A. (2013). *Obshchee yazykoznanie* [General Linguistics]. 5th edition. Moscow, Knizhnyi dom «LIBROKOM». 266 p.

Losev, A. F. (1976). *Problema simvola i realisticheskoe iskusstvo* [The Problem of the Symbol and Realistic Art]. Moscow, Iskusstvo. 367 p. URL: https://imwerden.de/pdf/losev_a_f_problemy_simvola_i_realisticheskoe_iskusstvo_1976__ocr.pdf (mode of access: 03.08.2023).

Mamardashvili, M. K. (1992). *Kak ya ponimayu filosofiyu* [How I Understand Philosophy]. 2nd edition. Moscow, Progress. 415 p.

Maslov, Yu. S. (2005). *Vvedenie v yazykoznanie* [Introduction to Linguistics]. 4th edition. Saint Petersburg, Filologicheskii fakul'tet SPbGU, Moscow, Izdatel'skii tsentr «Akademiya». 304 p.

Peshkovsky, A. M. (2007). *Lingvistika. Poetika. Stilistika: Izbrannye trudy* [Linguistics. Poetics. Stylistics: Selected Works]. Moscow, Vysshaya shkola. 800 p.

Pishchalnikova, V. A., Sonin, A. G. (2009). *Obshchee yazykoznanie* [General Linguistics]. Moscow, Izdatel'skii tsentr «Akademiya». 448 p.

Potebnya, A. A. (1989). *Mysl' i yazyk* [Thought and Language]. In Potebnya, A. A. *Slovo i mif*. Moscow, Pravda, pp. 17–200.

Rozhdestvensky, Yu. V. (2012). *Leksii po obshchemu yazykoznaniiyu* [Lectures on General Linguistics]. Moscow, IKTs «Akademkniga», OOO «Dobrosvet». 362 p.

Solovyev, V. S. (1990). *Filosofskie nachala tsel'nogo znaniya* [Philosophical Principles of Integral Knowledge]. In Solovyev, V. S. *Sochineniya: v 2 t. Vol. 2*. 2nd edition. Moscow, Mysl', pp. 139–288.

Stepanov, Yu. S. (1975). *Osnovy obshchego yazykoznaniiya* [Fundamentals of General Linguistics]. 2nd edition. Moscow, Prosveshchenie. 272 p.

Wolf, Ch. (1983). *Kindheitsmuster*. 8. Aufl. Berlin, Weimar, Aufbau-Verlag. 534 S.

Wolf, K. (1989). *Obrazy detstva* [Images of Childhood]. Moscow. 431 p.

Yaroshevsky, M. (1960). *Appertsepsiya* [Apperception]. In Konstantinov, F. V. (Ed.). *Filosofskaya entsiklopediya: v 5 t. Vol. 1*. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya, pp. 84–85.

Zhirmunsky, V. M. (1965). *Istoriya nemetskogo yazyka* [The History of the German Language]. Moscow, Vysshaya shkola. 408 p.

Zvegintsev, V. A. (2009). *Ocherki po obshchemu yazykoznaniyu* [Essays on General Linguistics]. 2nd edition. Moscow, Knizhnyi dom «LIBROKOM». 384 p.

Данные об авторе

Береснева Виктория Алексеевна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры иностранных языков и методики обучения иностранным языкам, Вятский государственный университет (Киров, Россия).

Адрес: 610000, Россия, г. Киров, ул. Московская, 36.

E-mail: novofamily@rambler.ru.

Author's information

Beresneva Viktoria Alekseevna – Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of Department of Foreign Languages and Methods of Teaching Foreign Languages, Vyatka State University (Kirov, Russia).

Дата поступления: 09.02.2024; дата публикации: 28.12.2024

Date of receipt: 09.02.2024; date of publication: 28.12.2024

ПОЭТИКА ЗАРУБЕЖНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

УДК 821.112.2-31(Мюллер Г.). DOI: 10.26170/2071-2405-2024-29-4-132-141. ББК Ш33(4Гем)64-8,444.
ГРНТИ 17.07.29. Код ВАК 5.9.2

THE IMAGE OF THE FLANEUR IN THE NOVELS BY HERTA MÜLLER AND MATTHIAS NAWRAT: FROM TRADITION TO POSTMODERNISM

Olga A. Dronova

Derzhavin Tambov State University (Tambov, Russia)

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-4508-7237>

Abstract. The publication presents the results of a study of the postmodern transformation of the image of the flaneur in the novels of modern German writers – *Traveling on One Leg* by Herta Müller and *The Sad Guest* by Matthias Nawrat. The theoretical foundation of the study draws on the works of M. Iampol'ski, W. Benjamin and Z. Bauman, dedicated to the flaneur as a sociocultural, historical, literary and philosophical phenomenon. The article examines the historical conditions for the emergence of the flaneur as a social phenomenon at the turn of the 18th – 19th centuries, defines the main characteristics of the flaneur as a literary figure (“super vision” (M. Iampol'ski), marginality, and creativity), and investigates the evolution of the flaneur in the works by E. A. Poe, F. M. Dostoevsky, and Ch. Baudelaire. The fundamental thesis of M. Iampol'ski that the flaneur, as one of the variants of the observer, reflects the crisis of the subject in European culture, allows talking about the proximity of the figure of the flaneur to the postmodern “disappearing subject”. In the 20th century, the flaneur becomes a philosophical concept – a key one in the philosophy of W. Benjamin, in which the habitus of the flaneur is associated with the spatial structures of the metropolis as a symbol of modernity. Z. Bauman offers a postmodern interpretation of the flaneur, considering him from the perspective of nomadism and the axiology of postmodernism. The image of the flaneur is widely represented in modern German literature, especially in the prose of migrant authors, which include Müller and Nawrat. The work examines both the traditional characteristics of the flaneur inherent in the characters of the novels under study, and the possibility of understanding them in the context of the postmodern interpretation of the flaneur by Bauman: as a nomad in constant motion, deprived of the idea of home as a starting point or destination, having no life strategy, avoiding rootedness in social ties or profession. The dynamics of the image of the flaneur in the modern novel interacts with the interpretation of the postmodern metropolis as a space of transit, a “non-place”, a conglomerate of cultural worlds in which flaneur crystallizes as a lifestyle. It is concluded that the image of the flaneur in these authors represents the crisis experience of our time: the worldview of Müller's female protagonist is determined by the trauma of the dictatorship, and the novel by Nawrat conveys a doubt in the ability of the story-teller flaneur to respond to the challenges of the modern world.

Keywords: novel; postmodernism; flaneur; nomadism; walk; contemporary German literature; Walter Benjamin; Zygmunt Bauman; Herta Müller; Matthias Nawrat

For citation: Dronova, O. A. (2024). The Image of the Flaneur in the Novels by Herta Müller and Matthias Nawrat: From Tradition to Postmodernism. In *Philological Class*. Vol. 29. No. 4, pp. 132–141. DOI: 10.26170/2071-2405-2024-29-4-132-141.

ОБРАЗ ФЛАНЕРА В РОМАНАХ ГЕРТЫ МЮЛЛЕР И МАТТИАСА НАВРАТА: ОТ ТРАДИЦИИ К ПОСТМОДЕРНУ

Дронова О. А.

Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина (Тамбов, Россия)

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-4508-7237>

SPIN-код: 7649-7179

Аннотация. Публикация представляет собой результаты исследования постмодернистской трансформации образа фланера в романах современных немецких писателей – Герты Мюллер «Путешественница на одной ноге» и Маттиаса Наврата «Печальный гость». Теоретический фундамент работы составляют труды М. Ямпольского, В. Беньямина и З. Баумана, посвященные фланеру как социокультурному, историко-литературному и философскому феномену. В статье рассматриваются исторические условия возникновения фланера как социального явления на рубеже XVIII–XIX вв., определяются основные характеристики фланера как художественного образа («сверхзрение» (М. Ямпольский), маргинальность, креативность), прослеживается эволюция фланера в творчестве Э. А. По, Ф. М. Достоевского, Ш. Бодлера. Основопологающий тезис М. Ямпольского о том, что фланер как один из вариантов наблюдателя отражает кризис субъекта в европейской культуре, позволяет нам говорить о близости фигуры фланера постмодернистскому «исчезающему субъекту». В XX в. фланер становится философским концептом – ключевым в философии В. Беньямина, в которой габитус фланера связывается с пространственными структурами мегаполиса как символа модерна. Постмодернистскую интерпретацию фланера предлагает З. Бауман, рассматривая его в ракурсе номинализма и аксиологии постмодерна. Образ фланера широко представлен в современной немецкой литературе, в особенности в прозе авторов-мигрантов, к которой относятся Г. Мюллер и М. Наврат. В работе рассмотрены как традиционные характеристики фланера, присущие героям изучаемых романов, так

и возможность их интерпретации в контексте постмодернистской трактовки фланера Бауманом: как номада, находящегося в постоянном движении, лишённого представления о доме как исходной точке или завершении пути, не имеющего жизненной стратегии, избегающего укорененности в социальных связях, профессии. Динамика образа фланера в современном романе взаимодействует с трактовкой постмодернистского мегаполиса как пространства транзита, «не-места», конгломерата культурных миров, в котором кристаллизуется фланерство как стиль жизни. Делается вывод о том, что образ фланера у этих авторов репрезентирует кризисный опыт современности: мировосприятие героини Г. Мюллер обусловлено травмой диктатуры, а в романе М. Наврата высказано сомнение в способности рассказчика-фланера ответить на вызовы современного мира.

Ключевые слова: роман; постмодернизм; фланер; номадизм; прогулка; современная немецкая литература; Вальтер Беньямин; Зигмунт Бауман; Герта Мюллер; Маттиас Наврат

Для цитирования: Дронова, О. А. Образ фланера в романах Герты Мюллер и Маттиаса Наврата: от традиции к постмодерну / О. А. Дронова. – Текст : непосредственный // Филологический класс. – 2024. – Т. 29, № 4. – С. 132–141. – DOI: 10.26170/2071-2405-2024-29-4-132-141.

DIE FIGUR DES FLANEURS IN DEN ROMANEN VON HERTA MÜLLER UND MATTHIAS NAWRAT: VON DER TRADITION ZUR POSTMODERNE

Olga A. Dronova

Staatliche Universität Tambow, benannt nach G. R. Derzhavin (Tambow, Russland)

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-4508-7237>

Zusammenfassung. Die Publikation präsentiert die Ergebnisse einer Studie zur postmodernen Transformation der Figur des Flaneurs in den Romanen moderner deutscher Schriftsteller – Herta Müller „Reisende auf einem Bein“ und Matthias Nawrat „Der traurige Gast“. Die theoretische Grundlage der Arbeit bilden die Werke von M. Iampol'skij, W. Benjamin und Z. Bauman, die sich dem Flaneur als soziokulturellem, historischem, literarischem und philosophischem Phänomen widmen. Der Artikel untersucht die historischen Bedingungen für die Entstehung des Flaneurs als soziales Phänomen an der Wende vom 18. zum 19. Jahrhundert und definiert die Hauptmerkmale des Flaneurs als künstlerische Gestalt („das übermenschliche Sehen“ (M. Iampol'skij), Marginalität, Kreativität) und verfolgt die Entwicklung des Flaneurs im Werk von E. A. Poe, F. M. Dostojewskij, Charles Baudelaire. Die grundlegende These von M. Iampol'skij, dass der Flaneur als eine Variante des Beobachters die Krise des Subjekts in der europäischen Kultur widerspiegelt, lässt uns über die Nähe der Figur des Flaneurs zum postmodernen „verschwindenden Subjekt“ sprechen. Im 20. Jahrhundert wird der Flaneur zum philosophischen Konzept – einem Schlüsselbegriff in der Philosophie W. Benjamins, in der der Habitus des Flaneurs mit den räumlichen Strukturen der Metropole als Sinnbild der Moderne in Verbindung gebracht wird. Z. Bauman bietet eine postmoderne Interpretation des Flaneurs und betrachtet ihn aus der Perspektive des Nomadentums und der Axiologie der Postmoderne. Das Bild des Flaneurs ist in der modernen deutschen Literatur weit verbreitet, insbesondere in der Migrationsliteratur, zu der H. Müller und M. Nawrat gehören. Der Artikel untersucht sowohl die traditionellen Merkmale des Flaneurs, die die Protagonisten der untersuchten Romane auszeichnen, als auch die Möglichkeit ihrer Interpretation im Kontext von Baumans postmoderner Interpretation dieser Figur: als Nomade in ständiger Bewegung, der keine Vorstellung von Heimat als Ausgangspunkt oder Ziel seines Weges kennt, keine Lebensstrategie hat, Verwurzelung in sozialen Bindungen und im Beruf vermeidet. Die Dynamik der Figur des Flaneurs im modernen Roman interagiert mit der Interpretation der postmodernen Metropole als Transitraum, „Nicht-Ort“, Konglomerat von Kulturwelten, in denen sich der Lebensstil des Flaneurs kristallisiert. Eine der Schlussfolgerungen dieser Arbeit ist, dass die Figur des Flaneurs bei diesen Autoren die Krisenerfahrung unserer Zeit repräsentiert: die Wahrnehmung der Protagonistin von H. Müller ist vom Trauma der Diktatur bestimmt, und im Roman von M. Nawrat wird die Fähigkeit des Erzählers auf die Herausforderungen der modernen Welt zu reagieren, in Frage gestellt.

Schlüsselwörter: Roman; Postmoderne; Flaneur; Nomadismus; Spaziergang; zeitgenössische deutsche Literatur; Walter Benjamin; Zigmunt Bauman; Herta Müller; Matthias Nawrat

Einleitung

Die europäische Großstadtliteratur hat die Figur des Flaneurs hervorgebracht und ist bis in die Gegenwart ohne den Flaneur unvorstellbar. Der Flaneur ist ein spazierender eleganter Müßiggänger. Sein scharfer Blick nimmt alles wahr: Architektur, Wetter, Geschäfte, Alltagsszenen, Moden, Sitten, Gesichter und anderes. Das Gehen und Beobachten stimulieren ihn zu verschiedenartigen Reflexionen, aus denen sich ein mosaikhaftes und bewegliches Bild einer Großstadt zusammensetzt. Der Flaneur hat viele Gesichter: er ist Dandy und Künstler, Spion und Träumer, Detektiv und Verbrecher. In den Werken von E. A. Poe, E. T. A. Hoffman, C. Dickens, H. de Balzac, F. Dostojewski, C. Baudelaire, R.-M. Rilke und anderen Autoren wird diese Figur unterschiedlich interpretiert.

In der deutschen Literatur der Gegenwart ist der Flaneur wieder aktuell geworden, was mit dem erhöh-

ten Interesse für das gegenwärtige Berlin als politische und kulturelle Metropole und postmoderne Großstadt einhergeht. Seit der Wende erscheinen die Flaneure in den Werken von C. Wolf, G. Grass, U. Timm, I. Liebmann, H. Müller, R. Wagner, T. Mora, M. Nawrat und anderen Autoren. Die Möglichkeit, diese Gestalt in der gegenwärtigen Literatur auf verschiedene Weise zu funktionalisieren, ruft ein erhöhtes Interesse der Forscher hervor [Keidel 2006; Peters 2012: 195–232; Thiemann 2019 u.a.].

Das Ziel dieser Arbeit ist die Untersuchung der Figur des Flaneurs in den Romanen „Reisende auf einem Bein“ (1989) von Herta Müller (geb. 1953) und „Der traurige Gast“ (2019) von Matthias Nawrat (geb. 1979). Sowohl Herta Müller, als auch Matthias Nawrat gehören zur Migrationsliteratur. Die im Zentrum der Studie stehenden Romane sind durch 30 Jahre voneinander getrennt, doch haben sie viele gemeinsame Züge. Die Romane sind autobiografisch geprägt und behan-

deln verschiedenartige Erfahrungen ihrer Protagonisten in Berlin. In beiden Romanen können die Hauptfiguren als Flaneure interpretiert werden: beide sind Künstler, die sich durch den Großstadtraum ziellos bewegen, den Alltag beobachten und dabei Einsamkeit, Entfremdung, künstlerischen Stillstand empfinden. Es wird untersucht, welche Transformationen die klassische Figur des Flaneurs in diesen Romanen im Kontext der Postmoderne erfährt. Dabei wird der Versuch unternommen, die Figur des Flaneurs in den Romanen von Müller und Nawrat im Hinblick auf die postmoderne Interpretation des Flaneurs in den Werken des englischen Philosophen Zygmunt Bauman (1925–2017) zu analysieren, welcher den Flaneur oder der „Spaziergänger“ als Verkörperung der postmodernen nomadischen Lebensweise und der zeitgenössischen Identitätsproblematik versteht. Die Methodologie dieser Arbeit basiert auf der Kombination der historisch-vergleichenden, hermeneutischen und strukturellen Methoden.

Der Flaneur als sozialer Typ und als literarische Figur

Die Geschichte des Flanierens als kultureller Praxis zählt mehr als zwei Jahrhunderte. Als sozialer Typ entsteht der Flaneur in den europäischen Großstädten Ende des 18. – Anfang des 19. Jahrhunderts. Die neuen öffentlichen Räume – Passagen, Boulevards, Promenaden – motivieren die Großstädter zum Spaziergang. Zunächst wird Paris zur Hauptstadt des Flanierens. Aus der Perspektive des Flaneurs werden zahlreiche journalistische Texte und Feuilletons verfasst, die wohl bekanntesten dabei sind „Tableau de Paris“ (1781) von Louis-Sébastien Mercier (1740–1814), der soziale Probleme und Sitten der Pariser vor und während der französischen Revolution schildert.

Die Krise der Standesordnung und die Entwicklung der bürgerlichen Kultur spielen eine wesentliche Rolle zur Konstituierung der Figur des Flaneurs. Laut M. Yampolsky führt die Krise der ritualisierten und theatralischen höfischen Kultur in diesem Zeitraum zur Entwicklung eines Bedürfnisses der bürgerlichen Gesellschaft nach einer „neuen Theatralität“. Der Stadtraum wird zur Bühne und der flanierende Künstler zum „travestierten Aristokraten“ [Yampolsky 2000: 20], der einerseits selbst zum „Stadttheater“ gehört und andererseits dieses Theater dechiffriert und entlarvt [Ibid.: 27]. Die wichtigste Eigenschaft des Flaneurs ist laut M. Yampolsky das „übermenschliche Sehen“ [Ibid.: 58], das notwendig in der Welt ist, der die Hierarchie des Wesentlichen und Unwesentlichen fehlt, was sie zum Chaos der Fragmente macht. Die besondere Beobachtungsgabe des Flaneurs wird oft durch den Zustand der Genesung erklärt: seine Neugier wird nach einer überstandenen Krankheit entfesselt und führt ihn zu ungewöhnlichen Entdeckungen. Die Entstehung der Figur des Beobachters, der einzelne Details visuell wahrnimmt, anstatt die Realität als Ganzes zu reflektieren, verbindet M. Yampolsky mit der allgemeinen Krise des Subjekts, die in der europäischen Kultur dieser Zeit losbricht. In dieser Hinsicht kann der Flaneur als Vorläufer des postmodernen „verschwindenden“ bzw. „zersplitterten“ Subjekts gesehen werden.

Eine der ersten literarischen Schilderungen des Flaneurs ist die Novelle von E. A. Poe „Der Mann in der Menge“ (1840). Der Erzähler ist kürzlich genesen, dadurch ist sein Intellekt „elektrisiert“. Er beobachtet die Menschenmenge im Abendlicht und entdeckt einen geheimnisvollen Alten, der dem Erzähler so ungewöhnlich erscheint, dass er auf die Idee kommt, den Alten zu verfolgen. Der Alte bewegt sich ziellos, was den Erzähler zur Schlussfolgerung führt, der Alte sei ein vom schlechten Gewissen getriebener Verbrecher, der nicht allein bleiben kann. Der Erzähler und der Alte sind Doppelgänger: beide sind Flaneure. Der Alte verkörpert dabei das Marginale und Verdächtige in der Figur des Flaneurs. Der Erzähler verfolgt einen Flaneur mit einem scharfen Blick des Flaneurs. Dadurch entsteht eine Situation, die der Flaneur zu vermeiden versucht: nämlich selbst zum Objekt der Beobachtung und somit einer Deutung zu werden. Das Finale der Geschichte setzt dem Seh- und Interpretationsvermögen des Erzählers eine Grenze: das Geheimnis des alten Mannes lasse sich nicht eindeutig durchschauen.

Die Interpretation der Realität durch den Flaneur ist oft eine Projektion seiner Innenwelt. In dieser Hinsicht erscheinen die frühen Werke von F. M. Dostojewski interessant – vor allem, sein letzter Feuilleton der „Petersburger Chronik“ („Peterburgskaja letopis“, 1847) und die Novelle „Weiße Nächte“ („Belye nochi“, 1848). Im Feuilleton spricht Dostojewski kritisch vom Typen des „träumenden Flaneurs“ – eines realitätsfernen untätigen Träumers, dessen Phantasie ihn die alltäglichen Szenen übertrieben romanhaft deuten lässt. In der Novelle „Weiße Nächte“ wird der träumende Flaneur zum Hauptprotagonisten, ein marginaler, einsamer Bewohner von Sankt-Petersburg, der die Stadt in seiner Phantasie verklärt. Die Novellenhandlung betont seine Realitätsferne: er vertraut sich einer zufälligen Bekannten restlos an und wird enttäuscht, weil seine Glückserwartung ein Selbstbetrug ist.

Das Schaffen von Charles Baudelaire spielt eine Schlüsselrolle in der Entwicklung der Figur des Flaneurs, denn Baudelaire identifiziert den Flaneur endgültig mit dem Künstler. Vor allem in dem Gedichtzyklus „Le Fleurs du mal“ (1840) und in den Sammlungen „Le Peintre de la vie moderne“ (1863), „Le spleen de Paris“ (1869) – werden Stadtbeobachtungen zur Quelle der künstlerischen Inspiration und ästhetischen Reflexion sowie Selbstreflexion. In der Wahrnehmung des flanierenden Künstlers entwickeln sich die von ihm beobachteten Alltagsszenen, asoziale, marginale Stadtbewohner zu Symbolen für Leben und Tod, Moral und Künstlertum. In „Le Peintre de la vie moderne“ bezeichnet auch Baudelaire in Anlehnung an Poe den Künstler als „Mann in der Menge“, der sich ständig im Zustand eines Genesenen befindet und in seiner Jagd nach neuen Eindrücken einem Kind gleicht. Das Ziel seiner Suche ist schließlich der „Geist der Gegenwart“ – Poesie, die im veränderlichen Antlitz der Alltäglichkeit verborgen bleibt.

Von literarischer Figur zum philosophischen Konzept. Die Interpretationen des Flaneurs von Walter Benjamin und Zygmunt Bauman: der Weg in die Postmoderne

Die Entwicklung Berlins zu einer Metropole in den 1920er Jahren führt mit Worten W. Benjamins (1892–1940) zur „Wiederkehr des Flaneurs“ in der deutschen Prosa der Weimarer Republik. So heißt seine Rezension über die Sammlung der Berliner Feuilletons von Franz Hessel (1880–1941) „Spazieren in Berlin“ (1929). Diese Rezension stellt W. Benjamins frühe Konzeption des Flaneurs, die er in den späteren Werken – „Das Paris des Second Empire bei Baudelaire“ (1938) und dem unvollendeten „Passagen-Werk“ (1927–1940) fortsetzte. In den Werken von Benjamin verwandelt sich der Flaneur aus einer literarischen Gestalt zum philosophischen Konzept, zur Schlüsselfigur der europäischen Moderne. Selbst die Denkweise von Benjamin vergleicht Hanna Arendt mit dem intellektuellen Flanieren durch die europäische Kulturgeschichte. Für Benjamin ist der Flaneur eine vielschichtige Figur: „der Priester des *genius loci*“ [Benjamin 1991b: 196], ein scharfer Beobachter, „der auf dem Asphalt botanisieren geht“ [Benjamin 1991a: 538], ein Detektiv, oder jemand, der einen Detektiv spielt, um seinen Müßiggang zu „legitimieren“, aber auch ein „Geächteter“, der in der Menge seinen „Asyl“ findet [Ibid.: 557]. Eine der grundlegenden Ideen von Benjamin ist die Verbindung zwischen dem Habitus des Flaneurs und den Raumstrukturen der Großstadt als Sinnbild der Moderne. Der Flaneur lebt mit der Masse, ohne ein Teil von ihr zu werden. Es existiert für ihn keine Differenz von Interieur und Exterieur, denn er „erlebt, erfährt, erkennt und ersinnt“ auf der Straße ebenso viel „wie das Individuum im Schutze seiner vier Wände“ [Ibid.: 196].

Die Ideen Walter Benjamins sind für die Analysen der literarischen Flaneure bis heute aufschlussreich. In der umfangreichen Studie von H. Neumeyer wird gezeigt, dass der Flaneur von Benjamin eine variative und teilweise widersprüchliche Gestalt ist [Neumeyer 1999: 15–19]. L. Peters behauptet zurecht, dass gerade wegen der Komplexität und „Polymorphie“ die Thesen Benjamins für die Literaturwissenschaft sehr produktiv sind [Peters 2012: 202]. Andererseits macht sich in der Forschung heutzutage die Tendenz deutlich, sich nicht ausschließlich auf Benjamins Interpretation des Flaneurs zu stützen. Neumeyer schlägt vor, die Gestalt des Flaneurs mit keiner konkreten Rolle zu verbinden, sondern als ein „offenes Paradigma“ zu sehen, das auf verschiedene Weise „funktionalisiert“ werden kann [Neumeyer 1999: 15–17].

Die Philosophie der Postmoderne wendet sich zu den Praktiken des Spaziergangs (M. de Certeau) und entwickelt dabei eine neue Interpretation des Flaneurs. Zygmunt Bauman widmet seine Schriften dem Spaziergänger, den er mit dem Flaneur gleichsetzt. Der Spaziergänger wird im Kontext der ethischen Problematik der Postmoderne interpretiert: das Flanieren wird zum Ausdruck einer Lebensstrategie.

Laut Z. Bauman, repräsentiert die Figur des „Pilgers“ das Lebenskonzept der Moderne: das Leben als eine „Pilgerreise“ bedeutet ein auf ein Ziel ausgerich-

tetes Leben. Im Unterschied zu den mittelalterlichen Vorstellungen ist das Ziel dieses „Pilgertums“ nicht die Erlösung im religiösen Sinne, sondern die persönliche Verwirklichung. Dabei wird der menschliche Lebenslauf zu „einer zusammenhängenden Geschichte“, was die Formierung einer abgeschlossenen Identität impliziert [Bauman 2007: 144]. In der Postmoderne wird die Notwendigkeit eines solchen Ziels, sowie einer abgeschlossenen Identität in Frage gestellt:

„Wie sich bald herausstellte, lag die Schwierigkeit nicht in der Frage, wie man Identität ausbildet, sondern wie man sie bewahrt; was immer man auf Sand bauen kann, es wird kaum ein Schloss sein. In einer wüstengleichen Welt bedarfes keiner großen Anstrengung, sich einen Weg zu bahnen – schwer wird es nur, ihn nach einer Weile noch als solchen zu erkennen. Wie kann man einen Marsch nach vorn von einem Marsch im Kreis, von einer ewigen Wiederkehr unterscheiden? Es wird praktisch unmöglich, die durchwanderten Sandstrecken zu einer Reiseroute zusammenzuflicken – von einem Plan für eine lebenslange Reise ganz zu schweigen“ [Ibid.]

Folglich muss der postmoderne Konsument „das Spiel kurz halten“ d.h. „sich vor langfristigen Bindungen hüten, sich weigern, auf die eine oder andere Weise ‚festgelegt‘ zu werden – an einem Ort, einem Beruf oder einem Menschen hängen“ [Ibid.: 145]. Die Identitätsbildung wird unter diesen Bedingungen sinnlos und unmöglich. Unter den Lebensstilen der Postmoderne unterscheidet Bauman den Spaziergänger, den Vagabunden, den Spieler und den Touristen – all das sind nomadische Figuren. Der Nomade hat sich zu einer der wichtigsten kulturellen Figuren der Postmoderne entwickelt, sein Hauptmerkmal ist die Beweglichkeit, er bewegt sich außerhalb aller möglichen Grenzen zwischen Staaten, Kulturen, Normen und Werten. In der postmodernen Konzeption des Nomadismus, die vor allem in den Schriften von G. Deleuze und F. Guattari in den 1980er Jahren vorgeschlagen wurde, wird der „glatte Raum“ des Nomaden dem „gekerbten Raum“ des Sesshaften gegenübergestellt. Der nomadische Raum ist offen, er hat keine festgelegte Struktur und kein Zentrum [s. Deleuze, Guattari 2010: 638–643]. Dabei ist die nomadische Bewegung auf kein Ziel gerichtet, sie hat keinen Ausgangspunkt und endet nirgendwo.

Baumanns „Spaziergänger“ teilt mit dem Flaneur der Moderne den Status eines Fremden, der die anderen Fremden „als ‚Oberflächen‘ erfasst“ und das menschliche Leben „als eine Reihe von Episoden“, „als Ereignisse ohne Vergangenheit und ohne Konsequenzen“ versteht [Ibid.: 150]. Dabei ist heute «ein Mann der Muße» kein marginales Phänomen mehr. Die postmoderne Metropole, die einen Kristallisationspunkt der postmodernen Entwicklungstendenzen darstellt, wird zum Ort, wo dieser Lebensstil ausgelebt werden kann.

„Reisende auf einem Bein“ von Herta Müller: Mobilität ohne Ankunft

Der Roman «Reisende auf einem Bein» ist das erste Werk von Herta Müller, das nach ihrer Ausreise aus Rumänien in der Bundesrepublik veröffentlicht wurde. Der Roman behandelt die Erfahrungen der

Hauptprotagonistin Irene, die kurz vor dem Ende der Ceaușescu-Diktatur aus ihrem Heimatland Rumänien ausreißt, um in Westberlin zu leben. Noch in Rumänien trifft Irene Franz, einen deutlich jüngeren deutschen Touristen, mit dem sie eine Nacht verbringt. Die Hoffnung, diese Beziehung in Deutschland fortzusetzen, macht ihre Sehnsucht nach der Ausreise größer. Aber sie wird schnell enttäuscht: „Ich war allein abgereist und wollte zu zweit ankommen. Alles war umgekehrt. Ich war zu zweit abgereist. Angekommen bin ich allein“ (134). Die Erfahrungen Irenes in Westberlin werden mit einer hohen emotionalen Intensität geschildert. Der Roman besteht größtenteils aus Beobachtungen und Reflexionen der Protagonistin auf ihren Spaziergängen durch die Stadt, die in den meisten Fällen zu einer Qual werden. Berlin ist eine windige, kalte, graue, gesichtslose Stadt. Durch die Erfahrungen des Lebens in einer Diktatur ist Irene so traumatisiert, dass sie das Benehmen der Passanten größtenteils als Ausdruck des Hasses, der Einsamkeit, der Angst, der Armut interpretieren kann. Irene nimmt die Stadt wie eine Regisseurin wahr, so ist die S-Bahn-Haltestelle nahe der Berliner Mauer für sie „ein Bühnenbild für das Verbrechen“ (31). Irenes Beobachtungen sind kleine Szenen, wie in einem Drama, was ihre Kreativität zum Ausdruck bringt. In einer Episode sieht sie in der Vitrine eines Schuhgeschäfts Schuhe, die denen, die sie gerade anhat, gleichen. Irene stellt sich vor, die Verkäuferin würde sie beschuldigen, sie habe die Schuhe gestohlen. Sie wäre nicht imstande, sich zu verteidigen. Sie würde zugeben, sie wäre auf Strümpfen von zu Hause weggegangen.

Diese deformierte Wahrnehmung der Stadt entsteht als Folge der traumatischen Erfahrungen Irenes in der Diktatur, welche zur Formierung eines „fremden Blicks“ führen. Diese besondere Wahrnehmung beschreibt Herta Müller in ihrem Essay „Der fremde Blick“ folgendermaßen:

„Der Fremde Blick geht angriffslustig auf Verteidigung, die überhaupt nicht nötig ist. Er braucht die gewohnte Angst und ständige Gereiztheit in kurzen Takten, ladet sich an seinem zufälligen Gegenüber auf, bedient sich an unbeteiligten Personen. In diese projiziert er das Böswillige hinein, damit er sich als Antwort darauf wehren kann: Gleichgültigkeit, Kälte, Tücke. Und wenn das Gegenüber freundlich ist, unterstellt er Heuchelei“ [Müller 2010: 142].

Irene wurde bereits von vielen Forschern als Flaneurin interpretiert. S. Schulte spricht vom Einfluss der Werke Walter Benjamins auf die Konzeption des Flaneurs im Roman, denn in der Figur Irenes verbinden sich Eigenschaften wie Beobachtung, Fremdheit und Kreativität, sowie die Rollen des Detektivs und Verbrechers, aber auch Opfers [Schulte 2015: 32–39]. Aufschlussreich sind die Schlussfolgerungen von L. Peters, die in Anlehnung an M. Littler die Figur von Irene nicht nur als Flaneurin, sondern als Nomadin im Sinne von Rosi Braidottis Konzeption der *Nomadic Subjects* versteht: die Identität Irenes besteht „aus kontinuierlichen Übergängen und Veränderungen“, weswegen die durch Pluralität und Heterogenität ge-

zeichnete Großstadt ein idealer Ort für sie ist [Peters 2012: 145].

Aber auch die Konzeption des Flaneurs von Zygmunt Bauman ist für das Verständnis der Romanhandlung und der Hauptfigur aufschlussreich. Es handelt sich im Roman von Herta Müller weder um die Analyse der Berliner Realität der 1980er Jahre noch um die Versuche der Protagonistin, sich in der neuen Umgebung zu integrieren. Im Zentrum des Romans steht die *Mobilität* als solche. Der Titel des Werkes umfasst zwei Mobilitätsformen: das Reisen und das Gehen, die zu den Leitmotiven des Romans gehören. L. Peters bemerkt in ihrer Arbeit, dass das „Gehen als grenzüberschreitende Bewegung durch den Raum“ eines der wichtigsten Themen der Literatur der Migranten ist und die Nähe des Flaneurs und des Migranten impliziert, denn beide sind Figuren „der Grenzgänge und Schwellen“, Gestalten, denen „die Straße zur Heimat und die Entfremdung aus einer bürgerlichen Produktivgesellschaft zur Grundkonstitution geworden ist“ [Peters 2012: 214]. Dieses „Gehen“ ist nicht nur eine Form der Fortbewegung, sondern auch ein Symbol für das Durchschreiten der geografischen und mentalen Grenzen, für Veränderung und Fortbewegung schlechthin.

Das Gehen als Metapher gebraucht Herta Müller in keinem anderen Werk so intensiv. Es handelt sich nicht nur um Spaziergänge und Reisen von Irene, auch die inneren Vorgänge werden metaphorisch als „Gehen“ verstanden, was auf die Denkweise des Flaneurs verweist – der Flaneur denkt im Gehen:

„Da kamen Gedanken in Irenes Kopf und gingen. Und keiner hatte was mit ihr zu tun“ (40).

„Dann lagen wieder ganze Gedankenzüge wie Straßenzüge in ihrem Kopf“ (113).

Auch andere Elemente der Romanwelt befinden sich im Zustand der ständigen Fortbewegung, was oft mit der Bedrohung zusammenhängt, die Irene von der Außenwelt spürt. So bewegen sich die Fenstervorhänge im Zimmer des Berliner Sachbearbeiters, dessen Gespräche mit Irene einem Verhör gleichen, bei geschlossenen Fenstern und Türen, wie von selbst. Die Beschreibungen der Landschaft enthalten ebenso bewegliche Elemente: den Wind, den Sog in Berlin, Ebbe und Flut in der Heimat von Irene.

Die Raumverhältnisse im Roman sind nur bedingt geografisch verortbar. Deutschland bezeichnet Irene als „Ausland“, ihre Heimat als „das andere Land“. Der Name Berlin kommt gar nicht vor, aber durch die Erwähnung der Kaiser-Wilhelm-Gedächtniskirche, der Mauer und einiger Straßennamen kann die Stadt als Westberlin identifiziert werden. Wie S. Grün beobachtet hat, spielen sich die Ereignisse des Romans größtenteils an den transitären Räumen ab: U-Bahn-Stationen, Bahnhöfen, Hotels, Flughäfen [Grün 2010: 95–96]. Somit erscheint Berlin im Roman von Müller als eine gesichtslose Gegend, die sich aus einzelnen Asphaltwegen, Kanälen, Brücken, Geschäften und Kneipen zusammensetzt, als ein anonymer Nicht-Ort.

Der Heimatort Irenes ist ein Grenzgebiet, das am Meer liegt. Die Steilküste, die das Land von dem „Sog“ schützen soll, symbolisiert die Abgeschlossenheit des Landes von der Außenwelt. Diese Landschaft ist ein

¹ Zitate mit Seitenangabe aus: Müller H. Reisende auf einem Bein. Frankfurt am Main: Fischer, 2018. 176 s.

Sinnbild für die psychologische Situation von Irene. Die Schrift auf einem Schild „Erdrutschgefahr“ bezieht sie auf ihren inneren Zustand. Wenn Irene in Berlin ankommt, landet sie zunächst auch in einem Grenzgebiet in der Nähe der Berliner Mauer. Diese Gegend unterscheidet sich kaum von ihrer Heimat.

Irenes Verhältnis gegenüber dem Heimatland kann nicht eindeutig bestimmt werden. Sie empfindet kein Heimweh und versucht die Gedanken an das Land zu verdrängen: „auf ihre Sinne Gebäude aus Gedanken“ zu stellen, „um sie zu erdrücken“ (68). Später werden diese Gedanken „überschaubar“ und „fast geordnet“, lassen sie emotionslos: „Was musste sich bewegen im Kopf, dass es Heimweh hieß. Das Nachdenken blieb trocken. Es kamen nie Tränen“ (83). Gleichzeitig spürt Irene, dass sie die Gedanken an ihre Heimat nicht loswerden kann. Die Erinnerungen rufen taktile Phantome hervor: Wenn sich ihre Gedanken um die Heimat kreisen, spürt sie plötzlich den Sand „unter den Füßen“ (7) und sogar in ihrem Körper: „von Zeit zu Zeit war unter den Rippen die geräuschlose, ruckartige Bewegung, als würde Sand sich verschieben“ (84).

Die Opposition Heimat und Fremde wird im Roman in Frage gestellt. Irene fühlt sich an allen Orten fremd, denn Fremdheit ist ihre grundlegende unüberwindbare Eigenschaft. Das Zuhause existiert für sie weder in Rumänien, noch in Berlin: es fehlt das Gefühl der Geborgenheit. Vor der Ausreise sieht Irene in einer Vision den Diktator in ihrem Zimmer über ihre ausgebreiteten Sommerblusen gehend: „als hätte er eine weite, offene Straße vor sich“ (19). In der Berliner Sozialwohnung fühlt sie sich wie ein Gast: sie kauft sich ein Gästebett und packt ihren Koffer nicht aus. Der Koffer ist ein Speicher ihrer Vergangenheit, die sie nicht loswerden kann. Auch das neue Zuhause bietet Irene keine Geborgenheit, denn sie kann aus dem Fenster andere Menschen beobachten und von ihnen beobachtet werden. Auch in Berlin kann sich Irene nicht von der Angst befreien, dass ihre Wohnung in ihrer Abwesenheit von Fremden betreten werden kann. Verzweifelt sucht sie nach Indizien der Verfolgung und es scheint ihr, sie findet in der Wohnung fremde Gegenstände – eine Wimper, eine Feder – welche ihre krankhafte Unruhe zum Ausdruck bringen.

Das Fehlen des Zuhauses als Ausgangspunkt oder Ziel der Bewegung konstituiert Irene als nomadische Gestalt. Laut W. A. Kondakov und A. W. Schlyakow verlieren für den postmodernen Nomaden die „wichtigen Existenziale“ „Haus“, „Heimat“, „Ich“ ihre Bedeutung [Kondakov, Shlyakov 2019: 58].

Wenn es eine Art Orientierung für Irene gibt, so scheint sie sehr stark mit der Figur von Franz zusammenzuhängen. Distanziert von allen anderen Personen im Roman, sucht sie Nähe zu Franz:

„Du, ich möchte manchmal, dass du näher bist, als ein Schaufenster oder ein Ast, oder eine Brücke. Doch, schon während ich das denke, merke ich, wie ich dich mehr aus den Augen verliere“ (66).

An Franz schickt Irene im Laufe des Romans mehrere Postkarten, in denen sie offen von ihren Gefühlen spricht. Postkarten und Briefe werden somit die einzige Möglichkeit, zu kommunizieren, sich mit-

zuteilen:

„Beim Schreiben der Karten fielen Irene Sätze ein, die sie gar nicht im Kopf trug. Die sie nicht auf der Zunge hatte, wenn es um sie und die Straßen ging“ (66).

Außerdem beeinflusst Franz Irenes Kreativität. Aus Fragmenten der Postkarten und Photographien macht sie eine Collage, ein bewegliches Bild, das ihre innere Zerrissenheit symbolisiert. Einige Figuren in der Collage assoziiert sie mit Franz.

In seinen Arbeiten zur Semiotik des Raums entwirft J. M. Lotman eine Typologie der Protagonisten, die er in „Protagonisten der Bewegung“ («герой пути»), „Protagonisten der Steppe“ («герой степи») und „Protagonisten der räumlichen und ethischen Unbeweglichkeit“ («герои пространственной и этической неподвижности») teilt [Lotman 1992: 417]. Für den Roman von Herta Müller ist die Opposition der „beweglichen“ und „unbeweglichen“ Protagonisten charakteristisch: der Mobilität Irenes wird die Unbeweglichkeit von Franz gegenübergestellt. In der Episode ihrer Bekanntschaft muss Irene dem betrunkenen Franz beim Gehen helfen. Wenn Franz sie in Berlin besucht, kann Irene von Verwirrung „die Schritte nicht gehen“ (62). Schließlich erkennt sie, dass Franz sich nicht ändern kann, dass er „fertig bis in die Gesten“ ist: „Es waren Gesten wie hingeschleudert. In so kurzer Zeit, mit gespenstischer Genauigkeit liefen sie ab, dass sie wie Details vor den Augen stehen blieben. Und sie blieben stehen, denn sie blieben ganz“ (133). Diese Erkenntnis bedeutet das Ende des Verhältnisses von Irene und Franz.

Am Ende des Romans bekommt Irene deutsche Staatsbürgerschaft. Aber sie integriert sich nicht: sie kann weder ihre Vergangenheit vergessen, noch feste Beziehungen in Berlin bilden. Die Entwicklung von Irene besteht darin, dass sie immer mobiler wird. Von monotonen Spaziergängen im Grenzgebiet in ihrer Heimat, dann Streifzügen in Westberlin kommt sie zu längeren Reisen. Irene fängt an, die Stadt zu mögen, in der sie ihre neue Beweglichkeit erproben kann, welche zum Symbol der mühsam erworbenen Freiheit wird. Irene spürt den Zustand der modernen Welt als ständige Fortbewegung und ihre Mobilität erscheint der Gegenwart angemessener als die „Fertigkeit“ von Franz. In der Schlusszene des Romans denkt Irene an Reisen und die reisenden Menschen und möchte, dass ihre Bewegung nicht aufhört:

„Und der Wunsch, weit weg zu fahren. Aus dem Abteil durchs Fenster zu sehn, in den Sog der Landschaft hinein, die sich in grünen Schlieren wegdrehte und verschwand. Und Menschen im Abteil, die zustiegen. Die aßen und schliefen. Die nichts von sich preisgaben. Die ausstiegen an großen Bahnhöfen, unschlüssig dastanden, eine Weile im Lärm. Die zögernd, zwischen Wartenden hindurch in die Städte gingen. ... Menschen, die nicht mehr wussten, ob sie nun in diesen Städten Reisende in dünnen Schuhen waren. Oder Bewohner mit Handgepäck“ (176).

Matthias Nawrat's Roman „Der traurige Gast“: von der Stadtbeobachtung zum Unbehagen an der Gegenwart

Im Roman des deutsch-polnischen Autors Matthias Nawrat „Der traurige Gast“ wird das Leben des gegenwärtigen Berlin aus der Perspektive eines

namenlosen Schriftstellers geschildert, der wie der Autor des Romans aus dem polnischen Opole stammt. Die Handlung des Romans spielt vorwiegend im Migrantenmilieu. Die Zeit der Handlung ist durch die Erwähnung des Terroranschlags am Breitscheidplatz zu Weihnachten 2016 genau bestimmt.

Nach der Veröffentlichung des Romans wurde die Nähe der Figur des Erzählers zum Flaneur in mehreren Rezensionen ausgesprochen¹. Der Erzähler ist ziemlich untätig, er streift durch Berlin und beobachtet das Stadtleben wie ein Fremder. Ab und zu liest er Verschiedenes in einer Bibliothek, anscheinend ist er mitten in einer Schreibkrise, weswegen er schließlich einen Job an einer Tankstelle annimmt. Wie der Flaneur in der Literatur des 19. und 20. Jahrhunderts wirkt er marginal und ruft Misstrauen hervor: ein Junge, der ihm auf dem Weg in die Bibliothek begegnet, vermutet, er wäre ein Dieb. Der Roman hat keine geschlossene Handlung, er zerfällt in einzelne Episoden.

Die Lebenshaltung dieses Erzählers zeichnet sich durch eine deutliche Ähnlichkeit zum postmodernen Flaneur aus, wie ihn Zygmunt Baumans beschreibt. Deutlich ist sein Wunsch, sich nicht zu binden, nicht festzulegen. Die Fragen über seine Person oder seine Meinung beantwortet er mit einem abweisenden „Ich weiß nicht“. Ihn erschreckt die Frage, ob er in seiner Wohnung „immer“ wohnen möchte, seine Antwort ist: „Erst mal für immer. Später dann vielleicht nicht mehr“² (28). M. Nawrat erwähnt Z. Baumann in einem Vortrag, wo er diesen Philosophen mit Albert Camus und Simone Weil vergleicht, die „die Orientierungslosigkeit des westeuropäischen Menschen“ sowie seine „Verlorenheit“ erkennen und reflektieren (38). Der Erzähler im Roman ist desorientiert. Auch scheint er unfähig zu sein, feste Beziehungen und Freundschaften zu knüpfen und sich am Leben der anderen Menschen richtig zu beteiligen. Er bleibt auf der Oberfläche. Seine Emotionen sind dumpf, er registriert seine eigene Gefühlslosigkeit, beispielsweise als er am Grab der polnischen Architektin Dorota steht, zu der er eine Zeit lang fast eine freundschaftliche Beziehung pflegt:

„Es kam kein tieferes Gefühl in mir auf, und das festzustellen während ich zwischen den Gräbern stand und mich zu den Wohnhäusern, die den Friedhof einrahmten, umschaute, löste doch eine Empfindung in mir aus, wenn auch nur im Bewußtsein ihrer Abwesenheit, was mich etwas traurig machte“ (130–131).

Durch die Figur des Erzählers als Flaneur wird der Großstadtraum als Konglomerat verschiedener Welten erfahrbar. Die Stadtopographie im Roman ist sehr präzise: der Erzähler wohnt im Bezirk Wedding, der stark multikulturell geprägt ist; seine Routen führen ihn durch verschiedene Orte: Hasenheide, Schöneberg, Hackescher Markt, Torstraße, Moabit. Die

topographische Konkretheit verbindet sich mit der Auffassung der Stadt als labyrinthischen Raum, indem sich der Erzähler manchmal verliert. Ein wichtiges Motiv im Roman, das die Raumverhältnisse durchzieht, ist das Motiv des *Dazwischenseins*. Die Episoden des Romans spielen an den transitären Orten – Treppenhäusern, Durchgangszimmer, Durchgängen. Diese Räume symbolisieren den Zustand des Übergangs der gegenwärtigen Welt.

Von seinem Roman sagte Matthias Nawrat in einem Interview, dass er die zeitgenössische „Geisteslandschaft“ Europas zeigen wollte und wie die Gegenwart die Spuren der Geschichte in sich trägt³. Im Roman wird die historische Reflexion durch die Gespräche des Erzählers mit der polnischen Architektin Dorota ausgelöst, für die die Geschichte des Holocausts zur eigenen Familiengeschichte gehört. Dorotas Großvater mütterlicherseits wurde im Gebiet „Schwarzer Wald“ von den Nazis erschossen und in ein Massengrab geworfen, ihre Mutter musste aus der Heimatstadt Stanisławów nach Opole flüchten, wo Dorota später geboren wurde. Dorota macht den Erzähler außerdem mit dem Schicksal des nach Westberlin ausgewanderten jüdisch-polnischen Dichters Arnold Stucki bekannt, deren Mutter und Schwester in den Vernichtungslagern ermordet wurden, und der das Trauma des Überlebens nicht überwinden konnte. Die Erzählungen Dorotas rufen keine tiefere Reflexion bei dem Erzähler hervor, nur das Gefühl des Grauens, „eine Gegenwehr“ seines „geistigen Immunsystems“ (97). Der Erzähler gehört zu einer jüngeren Generation, deren Verhältnis zur Geschichte ein oberflächliches ist, und die sich fürchten, sich mit ihren Spuren tiefer auseinanderzusetzen.

Im Hinblick auf die Mobilität bilden Dorota und die Erzählerfigur ein Kontrastpaar: während er ständig in der Stadt unterwegs ist, ist Dorota unbeweglich: sie verlässt ihr Stadtviertel Schöneberg nie, denn jeder Stadtteil ist in ihrer Wahrnehmung „gleich“. Als Dorota vor vielen Jahren nach Berlin gezogen war, erlebte sie einen seltsamen Zustand: sie verirrte sich ständig in der Stadt und konnte den Rückweg zu ihrer Wohnung nicht finden. Alle Straßen und Gebäude erschienen ihr plötzlich „identisch“, als ob sich in ihr „die innere Karte der Straßen“ verschob oder die Stadt sich plötzlich „umbaute“ (52). Ihr Leben ist schließlich zum kompletten Stillstand geworden. Das Verhältnis von dem Erzähler und Dorota symbolisiert den Bruch zwischen den Generationen, die Geschichte und Gegenwart auf verschiedene Weise wahrnehmen. Die Unbeweglichkeit Dorotas symbolisiert ihre Entfremdung von der Gegenwart, stattdessen bewegt sie sich durch Vergangenheits- und Erinnerungsräume. In ihrer Wahrnehmung ist der Stadtraum ein Palimpsest, der aus verschiedenen Schichten besteht, die in Verbindung zur polnischen Kultur und Geschichte stehen. Die Gegenwart empfindet die Architektin als eine

¹ Kämmerlings R. Wie man das depressive Berlin der Gegenwart versteht // Die Zeit. 05.02.2019. URL: <https://www.welt.de/kultur/article188284179/Berlin-verstehen-Matthias-Nawrats-Roman-Der-traurige-Gast.html> (дата обращения: 08.07.2024). März U. „Der traurige Gast“. Ein Flaneur in Berlin // Die Zeit. 06.03.2019. URL: <https://www.zeit.de/2019/11/der-traurige-gast-matthias-nawrat-roman-berlin> (дата обращения: 08.07.2024).

² Zitate aus dem Roman mit Seitenangabe: Nawrat M. Der traurige Gast. 2019. 302 s.

³ Nawrat M. „Der traurige Gast“. Leben und Überleben in Berlin. Matthias Nawrat im Gespräch mit Andrea Gerk. URL: <https://www.deutschlandfunkkultur.de/matthias-nawrat-der-traurige-gast-leben-und-ueberleben-in-100.html> (дата обращения: 08.07.2024).

dünne und fragile Schicht: „Das Ungewisse schaut aus jeder Ritze und jedem Eck unter der dünnen Schicht des neuen Wohlstands heraus“ (117). Sie spürt eine Gefährdung dieser Gegenwart durch etwas Unbestimmtes, was sie aber rational nicht näher erklären kann:

„... und wenn man sich schließlich überlegt, wie normal heute wieder alles ist, dass die Menschen im Grunde genau das Gleiche machen, höchstens auf etwas neueren Stand, und wenn man sich dann endlich auch überlegt, dass die Menschen in Athen zur Zeit des Perikles oder ein paar hundert Jahre später in Rom zur Zeit Konstantins und der ersten Christen und noch ein paar hundert Jahre später in Florenz zur Zeit Dantes oder der Medici oder in Krakau zur Zeit Jagiello und so weiter und so fort auch in einer für sie normalen Gegenwart lebten und Dinge taten, die gar nicht anders gemacht werden konnten – dann muss man sich doch fragen, ob die Zeit, in der wir heute leben, nicht ebenso gefährdet ist wie jede andere. Ob die Menschen heute nicht ebenso leicht wieder in Hass verfallen und in Feindschaft zueinander geraten können wie zu allen anderen Zeiten. Und ob man nicht, anstatt sich um die eigenen Bedürfnisse zu kümmern, alles dafür tun sollte, um sich mit allen heutigen Menschen zu verständigen, sich jedem einzelnen, der hier mit einem auf dem Floß über das Gewässer ohne Grund immer weiter ins Unbekannte hinein treibt, unvoreingenommen zuzuwenden, egal, welche Religion er oder sie praktiziert oder aus welchem Land und aus welcher Gesellschaft er oder sie kommt“ (75).

Auch der Erzähler im Roman beginnt dieses Unbehagen an der Gegenwart zunächst zu registrieren, vor allem, in den Episoden, als ihn nach dem Terroranschlag in Berlin eine panische Angst überfällt. Doch bleibt dieses Gefühl fast unartikuliert und führt zu keinen Handlungen.

Der dritte Hauptprotagonist im Roman, Dariusz ist auch eine nomadische Figur, ein Vagabund. Sein Leben ist durch das ständige Umziehen, Orts- und Wohnwechsel geprägt. Der Wunsch nach Freiheit und Unabhängigkeit, den er als junger Mensch hatte, verwandelte sich schnell in die Ablehnung jeder möglichen Festlegung, sei es im Beruf oder im Familienleben. Nach einigen Jahren einer glücklichen Ehe fühlte er, dass er nur eine „bekannte Zukunft“ vor sich hat, die kein Interesse bei ihm hervorruft. Der Erzähler trifft ihn als einen heruntergekommenen Alkoholiker, der vom Schuldgefühl gegenüber seinem früh gestorbenen Sohn Arthur gequält wird, den er noch als Kind verlassen hat. Obwohl der Erzähler mit leichtem Ekel den Zerfall der Persönlichkeit von Dariusz beobachtet, sind sie beide als nomadische Gestalten – Doppelgänger.

Die Hauptfiguren im Roman – der Erzähler, Dorota und Dariusz symbolisieren unterschiedliche Modi der Mobilität: Flaneurie, Stillstand, Vagabundentum. Dabei verkörpert der Erzähler den gegenwärtigen Lebensstil: oberflächlich, ungebunden, flexibel, ziellos. Auf ihn bezieht sich die zentrale Metapher im Roman – der „traurige Gast“. Diese Metapher ist vielschichtig und kann einerseits als Bezeichnung eines Migranten verstanden werden. Andererseits führt sie auf christliche Vorstellungen vom menschlichen Leben als Übergang zur Ewigkeit zurück. In dieser sich ständig ändernden und beweglichen Welt, ist der Tod die einzige Gewissheit. Alle drei Hauptprotagonisten set-

zen sich mit der existentiellen Erfahrung des Todes auseinander. Ein Friedhof wird schon im ersten Kapitel erwähnt, und die Romanhandlung endet auf einem Friedhof. Auch in Ch. Baudelaires „Le Fleurs du Mal“ ist der Tod die letzte Reise des Flaneurs („Le voyage“). Eine dritte Bedeutungsschicht der Metapher «des traurigen Gastes» ist eine Anspielung auf J. W. Goethes Gedicht „Selige Sehnsucht“ aus dem „West-Östlichen Divan“ (1819), die zuerst in einer Rezension von R. Kämmerlings bemerkt wurde¹. In Goethes Gedicht werden Licht und Dunkelheit gegenübergestellt, dabei wird die Sehnsucht nach Licht als Grundeigenschaft aller lebendigen Wesen verstanden. Im Nawrats Roman wird das Licht oft erwähnt, aber meistens ist es schlechtes Licht: grelles, schneidendes Licht, „Konservenlicht“, „Tageslicht zweiter Klasse“ (23), „Januarzwielicht“ (109). Die Symbolik des Lichts im Roman drückt die Abwesenheit der Sehnsucht in der Gegenwart aus. Der Erzähler im Roman ist der „traurige Gast“, weil er keine Sehnsucht empfindet, die seiner Existenz einen Sinn verleihen würde. Dieser Titel drückt eine durchaus kritische Einschätzung der zeitgenössischen jüngeren Generation durch den Autor, vor allem im Kontext der Fragilität der Gegenwart, die im Roman zum Ausdruck kommt. Welche Antwort kann der Flaneur auf die Herausforderungen der Gegenwart geben, bleibt unklar.

Fazit

In den Romanen von Herta Müller und Matthias Nawrat wird die literarische Tradition der Darstellung des Flaneurs fortgesetzt. Der Flaneur ist ein aufmerksamer Beobachter der Großstadt, seine Bewegung durch den Großstadtraum entfesselt seine Kreativität, inspiriert ihn zur Reflexion und Selbstreflexion, dabei ist er marginal und wird mit Misstrauen behandelt. In der Prosa der Gegenwart entwickelt sich der Flaneur endgültig zu einer Romanfigur und gewinnt dadurch an Komplexität. Diese Gestalt konzentriert in sich postmoderne Identitätsproblematik: der Flaneur ist jemand, der die tradierten Vorstellungen von einem Leben als konsequenten Lebenslauf, einer Bewegung auf ein bestimmtes Ziel hin ablehnt. Er ist ständig mobil aber kommt nirgendwo an, denn für ihn als Nomaden existiert kein Zuhause als Ausgangspunkt oder Ziel seiner Reise. In den Romanen von Herta Müller und Matthias Nawrat werden die Flaneure als „bewegliche“ Figuren den „unbeweglichen“ Protagonisten gegenübergestellt (Franz, Dorota), dessen Leben eine Abkapselung von der Gegenwart ist. Die postmoderne Großstadt Berlin wird zum „Element“ des zeitgenössischen Flaneurs, weil sie ihm die Möglichkeit anbietet, diesen Lebensstil auszuleben. In der Großstadt, die in diesen Romanen vor allem durch Transiträume wie Bahnhöfe, Hotels, Stationen, Durchgänge repräsentiert wird, kommt es am deutlichsten zum Ausdruck, dass die Gegenwart ein Zeitraum der Mobilität, des ständigen Übergangs ist.

¹ Kämmerlings R. Wie man das depressive Berlin der Gegenwart versteht // Die Zeit. 05.02. 2019. URL: <https://www.welt.de/kultur/article188284179/Berlin-verstehen-Matthias-Nawrats-Roman-Der-traurige-Gast.html> (дата обращения: 08.07.2024).

Zugleich wird die Figur des Flaneurs bei diesen Autoren dazu funktionalisiert, Krisenerfahrungen der Gegenwart zu repräsentieren. Zeitgenössische Flaneure zeichnen sich durch Einsamkeit, Identitätsschwankungen, Desorientierung, Fremdheitsgefühl aus. Irene wird zu einer Nomadin durch ihre traumatischen

Lebenserfahrungen, die sie sich selbst als Fremde in jedem Kontext wahrnehmen lassen. Der Erzähler von Nawrat ist fähig, die Krisenhaftigkeit der Gegenwart seismographisch zu registrieren, aber wegen seiner inneren Leere kann er ihr nichts gegenüberstellen.

Литература

- Делез, Ж. Тысяча плато: Капитализм и шизофрения / Ж. Делез, Ф. Гваттари ; пер. с франц. и послесл. Я. И. Свирского. – Екатеринбург : У-Фактория ; М. : Астрель, 2010. – 895 с.
- Кондаков, В. А. Номадизм постмодерна: аксиологический подход / В. А. Кондаков, А. В. Шляков // *Общество: философия, история, культура*. – 2019. – № 2 (58). – С. 58–62.
- Лотман, Ю. М. Избранные статьи : в 3-х т. Т. 1: Статьи по семиотике и типологии культуры / Ю. М. Лотман. – Таллин : Александра, 1992. – 479 с.
- Ямпольский, М. Б. Наблюдатель. Очерки истории видения / М. Б. Ямпольский. – М. : Ad Marginem, 2000. – 287 с.
- Bauman, Z. *Flaneure, Spieler und Touristen. Essays zu postmodernen Lebensformen* / Z. Bauman. – Hamburg : Hamburger Edition HIS Verlagsges., mbH, 2007. – 270 s.
- Benjamin, W. *Gesammelte Schriften* / W. Benjamin ; Hrsg. von R. Tiedemann, H. Schweppenhäuser. – Band I. – Frankfurt am Main : Suhrkamp, 1991a. – 1275 s.
- Benjamin, W. *Gesammelte Schriften* / W. Benjamin ; Hrsg. von H. Tiedemann-Bartels. – Band III. – Frankfurt am Main : Suhrkamp Taschenbuch, 1991b. – 727 s.
- Grün, S. *Fremd in einzelnen Dingen. Fremdheit und Alterität bei Herta Müller* / S. Grün. – Stuttgart : ibidem, 2010. – 128 s.
- Keidel, M. *Die Wiederkehr der Flaneure. Literarische Flanerie und flanierendes Denken zwischen Wahrnehmung und Reflexion* / M. Keidel. – Würzburg : Königshausen und Neumann, 2006. – 215 s.
- Müller, H. *Der König verneigt sich und tötet* / H. Müller. – Frankfurt am Main : Fischer, 2010. – 205s.
- Müller, H. *Reisende auf einem Bein* / H. Müller. – Frankfurt am Main : Fischer, 2018. – 176 s.
- Nawrat, M. *Eine Poetik der Umkehrung oder die Gegenwehr der Poesie* / M. Nawrat // *Nachgefragt. Novinki im Gespräch mit Autor_innen aus Osteuropa*. – Norderstedt : BoD – Books on Demand, 2016. – S. 177–184.
- Nawrat, M. *Grenze und Utopie* / M. Nawrat // *Vierter Kongress Polenforschung. Grenzen im Fluss. Ansprachen und Ergebnisse* / Hg. D. Bingen, P. O. Loew. – Darmstadt : Deutsches Polen-Institut, 2017. – S. 25–41.
- Nawrat, M. *Der traurige Gast* / M. Nawrat. – Reinbek bei Hamburg : Rowohlt, 2019. – 302 s.
- Neumeyer, H. *Der Flaneur: Konzeptionen der Moderne* / H. Neumeyer. – Würzburg : Königshausen und Neumann, 1999. – 420 s.
- Peters, L. *Stadttext und Selbstbild. Berliner Autoren der Postmigration nach 1989* / L. Peters. – Heidelberg : Universitätsverlag WINTER, 2012. – 286 s.
- Schulte, S. *Bilder der Erinnerung. Über Trauma und Erinnerung in der literarischen Konzeption von Herta Müllers Reisende auf einem Bein und Atemschaukel* / S. Schulte. – Würzburg : Königshausen und Neumann GmbH, 2015. – 305 s.
- Thiemann, J. *(Post-) migrantische Flanerie. Transareale Kartierung in Berlin-Romanen der Jahrtausendwende* / J. Thiemann. – Würzburg : Königshausen & Neumann, 2019. – 222 s.

References

- Bauman, Z. (2007). *Flaneure, Spieler und Touristen. Essays zu postmodernen Lebensformen*. Hamburg, Hamburger Edition HIS Verlagsges. 270 s.
- Benjamin, W. (1991a). *Gesammelte Schriften*. Band I. Frankfurt am Main, Suhrkamp. 1275 s.
- Benjamin, W. (1991b). *Gesammelte Schriften*. Band III. Frankfurt am Main, Suhrkamp Taschenbuch. 727 s.
- Deleuze, G., Guattari, F. (2010). *Tysyacha plato: Kapitalizm i shizofreniya* [A Thousand Plateaus: Capitalism and Schizophrenia]. Ekaterinburg, U-Faktoriya, Moscow, Astrel'. 895 p.
- Grün, S. (2010). *Fremd in einzelnen Dingen. Fremdheit und Alterität bei Herta Müller*. Stuttgart, ibidem. 128 s.
- Keidel, M. (2006). *Die Wiederkehr der Flaneure. Literarische Flanerie und flanierendes Denken zwischen Wahrnehmung und Reflexion*. Würzburg, Königshausen und Neumann. 215 s.
- Kondakov, V. A., Shlyakov, A. V. (2019). *Nomadizm postmoderna: aksiologicheskii podkhod* [Postmodern Nomadism: An Axiological Approach]. In *Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura*. No. 2 (58), pp. 58–62.
- Lotman, Yu. M. (1992). *Izbrannye stat'i: v 3-kh t.* [Selected Articles, in 3 vols.]. Vol. 1: Stat'i po semiotike i tipologii kul'tury. Tallin, Aleksandra. 479 p.
- Müller, H. (2010). *Der König verneigt sich und tötet*. Frankfurt am Main, Fischer. 205s.
- Müller, H. (2018). *Reisende auf einem Bein*. Frankfurt am Main, Fischer. 176 s.
- Nawrat, M. (2016). *Eine Poetik der Umkehrung oder die Gegenwehr der Poesie*. In *Nachgefragt. Novinki im Gespräch mit Autor_innen aus Osteuropa*. Norderstedt, BoD – Books on Demand, pp. 177–184.

- Nawrat, M. (2017). Grenze und Utopie. In Bingen, D., Loew, P. O. (Hg.). *Vierter Kongress Polenforschung. Grenzen im Fluss. Ansprachen und Ergebnisse*. Darmstadt, Deutsches Polen-Institut, S. 25–41.
- Nawrat, M. (2019). *Der traurige Gast*. Reinbek bei Hamburg, Rowohlt. 302 s.
- Neumeyer, H. (1999). *Der Flaneur: Konzeptionen der Moderne*. Würzburg, Königshausen und Neumann. 420 s.
- Peters, L. (2012). *Stadttext und Selbstbild. Berliner Autoren der Postmigration nach 1989*. Heidelberg, Universitätsverlag WINTER. 286 s.
- Schulte, S. (2015). *Bilder der Erinnerung. Über Trauma und Erinnerung in der literarischen Konzeption von Herta Müllers Reisende auf einem Bein und Atemschaukel*. Würzburg, Königshausen und Neumann GmbH. 305 s.
- Thiemann, J. (2019). *(Post-) migrantische Flanerie. Transareale Kartierung in Berlin-Romanen der Jahrtausendwende*. Würzburg, Königshausen & Neumann. 222 s.
- Yampolsky, M. B. (2000). *Nablyudatel'. Ocherki istorii videniya* [The Observer. Essays on History of Seeing]. Moscow, Ad Marginem. 287 p.

Данные об авторе

Дронова Ольга Александровна – доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой русского языка как иностранного, Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина (Тамбов, Россия).
 Адрес: 392036, Россия, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33.
 E-mail: odronova@tsutmb.ru.

Author's information

Dronova Olga Aleksandrovna – Doctor of Philology, Associate Professor, Head of Department for Russian as a Foreign Language, G. R. Derzhavin Tambov State University (Tambov, Russia).

Дата поступления: 15.07.2024; дата публикации: 28.12.2024

Date of receipt: 15.07.2024; date of publication: 28.12.2024

ROBERT EDRIC'S *THE BOOK OF THE HEATHEN* AS A "POST-COLONIAL RESPONSE" TO JOSEPH CONRAD'S *HEART OF DARKNESS*

Anna A. Ilunina

Voronezh State Forestry Engineering University named after G. F. Morozov
(Voronezh, Russia)

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-3871-7555>

Abstract. The article aims to analyze how the intertextual connections help the contemporary British writer Robert Edric to reveal some post-colonial issues in his novel *The Book of the Heathen* (2000). The author of the article makes a conclusion that the parallels with the main pretext – Joseph Conrad's *Heart of Darkness* – can be traced on the level of the chronotope, plot elements and system of characters and motifs at the ideological-thematic and linguistic levels. Nevertheless, Edric's *The Book of the Heathen* shows greater interest in the specific socio-political agenda and the role of the church in colonization, and the guilt of Britain and other European states in the situation in Congo at the turn of the 19th and 20th centuries and later. The contemporary piece of literature reflects disillusionment with the ideas of "colonization for the sake of civilization", based on its disappointing results. Edric's novel is also notable for its condemnation of racism. Other intertextual references – to biblical texts, R. Casement's diary, fictionalized biographies of explorers of Africa – also contribute to the representation of post-colonial issues, reflecting the writer's protest against the vices of the colonial system, the corruption of the colonial government, Euro-centrism, and the idea of the superiority of the white race.

Key words: contemporary British literature; intertextuality; Neo-Victorian postcolonial novel; Joseph Conrad; *Heart of Darkness*

For citation: Ilunina, A. A. (2024). Robert Edric's *The Book of the Heathen* as a "Post-Colonial Response" to Joseph Conrad's *Heart of Darkness*. In *Philological Class*. Vol. 29. No. 4, pp. 142–148. – DOI: 10.26170/2071-2405-2024-29-4-142-148.

«КНИГА ЯЗЫЧНИКОВ» РОБЕРТА ЭДРИКА КАК ПОСТКОЛОНИАЛЬНЫЙ ОТВЕТ «СЕРДЦУ ТЬМЫ» КОНРАДА

Илунина А. А.

Воронежский государственный лесотехнический университет им. Г. Ф. Морозова
(Воронеж, Россия)

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-3871-7555>

SPIN-код: 8880-1862

Аннотация. Целью данной работы было проанализировать, каким образом интертекстуальные связи романа современного британского писателя Роберта Эдрика «Книга язычников» (2000) способствуют раскрытию постколониальной проблематики произведения. Сделаны выводы, что параллели с основным претекстом – повестью Дж. Конрада «Сердце тьмы» – присутствуют в книге на уровне хронотопа, элементов сюжета и системы персонажей, мотивов, на идейно-тематическом и языковом уровнях. Однако роман Роберта Эдрика «Книга язычников» демонстрирует больший интерес к конкретной социально-политической повестке, роли церкви в колонизации, вины Британии и других европейских государств в ситуации в Конго на рубеже XIX и XX веков и впоследствии. Современное произведение отражает разочарование идеями «колонизации ради цивилизации» на основании ее неутешительных результатов. Роман Роберта Эдрика также отличает осуждение расизма. Другие интертекстуальные отсылки – к библейским текстам, дневнику Р. Кейсмента, беллетризованным биографиям исследователей Африки также способствуют репрезентации постколониальной проблематики, отражая протест писателя против пороков колониальной системы, коррумпированности колониальной власти, евроцентризма, идеи превосходства белой расы.

Ключевые слова: современная британская литература; интертекстуальность; постколониальный неовикторианский роман; Джозеф Конрад; «Сердце тьмы»

Для цитирования: Илунина, А. А. «Книга язычников» Роберта Эдрика как постколониальный ответ «Сердцу тьмы» Конрада / А. А. Илунина. – Текст : непосредственный // Филологический класс. – 2024. – Т. 29, № 4. – С. 142–148. – DOI: 10.26170/2071-2405-2024-29-4-142-148.

Introduction

Robert Edric (born 1956) is the pseudonym of Gary Edric Armitage, a popular British novelist whose career spans several decades. The writer managed to make himself known almost immediately: his second novel, "Winter Garden" (1985), was awarded the Jaimes Tait Black Memorial Prize; "A New Ice Age" (1986) won the Guardian Fiction Prize. To date, Edric has written twenty-nine novels in various genres: detective novel

("Cradle Song" (2003), "Siren Song" (2004), "Swan Song" (2005)), fantasy novel ("The Mermaids" (2007), "Salvage" (2010), "The Monster's Lament" (2013), "The Wrack Line" (2016)), Neo-Victorian novel ("The London Satyr" (2011), "The Devil's Beat" (2012), "Sanctuary" (2014)). Particular attention of the writer is attracted by the theme of the war traumas ("In Desolate Heaven" (1997), "Field Service" (2015)). Colonial past of European nations is the leading theme in "Elysium" (1995) and "The Book of the Heathen" (2000). Although Robert

Edric has not yet succeeded in becoming a writer of the first row, he has already taken his place in the literary hierarchy of Great Britain, as evidenced in particular by the inclusion of an article devoted to his work in the monograph “Modern British Novelists”, published by the famous Routledge publishing house (and it mentions only fifty authors) [Rennison 2005: 61–65]. It should also be noted that the writer's novels “Peacetime” (2002) and “Gathering the Water” (2006) were nominated for the Booker Prize.

When published, all of the writer's novels were criticized in one way or another [Taylor 2006]. At the same time, the interest of literary critics in Edric's works seems insufficient to us, and the articles devoted to the study of his novels do not exhaust all the issues related to the ideological and artistic originality of his novels.

Artistic exploration of colonial and postcolonial issues runs like a red thread through the entire history of British literature of the 19–20th centuries; it is enough to mention the names of Rudyard Kipling, W. S. Maugham, George Orwell, Graham Greene, Paul Mark Scott. Contemporary writers, including Robert Edric, are re-examining the colonial past of British Empire. In particular, Edric's novel “The Book of the Heathen” dealing with postcolonial issues was nominated for the WH Smith Literary Award 2001 and has already attracted some attention from foreign literary critics. In particular, an article by E. Scott examines “The Book of the Heathen” in the context of the theory of trauma [Scott 2014]. In the work of H. Roos, the image of a missionary in Edric's novel is considered in a number of other modern works about the history of the Congo [Roos 2009]. Alongside with Matthew Kneal's “English Passengers” (2000), “The Book of the Heathen” can be attributed to the number of Neo-Victorian post-colonial novels highlighted in the well-known book by E. Helman and M. Llewellyl, dedicated to Neo-Victorianism [Heilmann, Llewellyl 2010: 66; Skorokhodko 2013].

We aim to reveal how the intertextual links, first of all, with the book of the British writer of Polish origin Joseph Conrad (1857–1924) “Heart of Darkness” (written in 1899, published in 1902) contribute to the representation of post-colonial issues in Robert Edric's novel “The Book of the Heathen”. In our work we will rely on the theory of intertext and the theory and history of postcolonial literature.

Post-colonial reception of “Heart of Darkness”

The famous American literary critic H. Bloom wrote about “Heart of Darkness” that “it is perhaps the author's unique propensity for ambiguity that has opened the work to a wide range of critical interpretations <...> the most studied work of literature in college and university curricula” [Bloom's Guide 2009: 17]. Behind the adventure plot of the novel about a journey deep into Africa, the author's serious philosophical reasoning is hidden. Indeed, today there are already many interpretations of “Heart of Darkness”, for example, from the positions of psychoanalysis [Murfin 1989] and feminism [Xin Sun 2018].

The reception of Conrad's story occupies an im-

portant place in post-colonial studies. In this context, the lecture “An Image of Africa: Racism in Conrad's Heart of Darkness”, given by the prominent Nigerian writer Chinua Achebe at the University of Massachusetts in 1975, played a key role. Achebe accused Conrad of racism [Achebe 1978]. He argued that Africa in his “offensive and totally deplorable book” [Ibid.: 11] appears as the embodiment of the “the other world”, the antithesis of Europe and therefore civilization” [Ibid.: 3], the cultural achievements of the indigenous inhabitants of the continent are ignored, and the inhabitants themselves are dehumanized.

Subsequently, Achebe's point of view was repeatedly criticized [Firchow 2000]. The debate over whether Conrad was a supporter or opponent of imperialism and colonialism, or his position in this regard was more ambivalent, continues today in post-colonial studies [For more details see: Abu-Snoubar 2017]. Certainly, to consider “Heart of Darkness” a book only about imperialism and its consequences is to impoverish the content of one of the outstanding works of modernism. Nevertheless, in the ideological and political situation of the last decades, this very issue has acquired particular relevance. Let us also note that “Heart of Darkness” is a work that has already generated a lot of “artistic responses” in the literature of subsequent decades, from T. S. Eliot to modern works [Tolkachev 2019], including the novel by Robert Edric.

Chronotopic parallels of Conrad's “Heart of Darkness” and Edric's “The Book of the Heathen”

The chronotope and, in part, the plot of the “The Book of the Heathen” refers to the story of Conrad. The action in Edric's novel also mainly takes place at the turn of the 19th and 20th centuries, in the Congo Free State. Like Conrad, the novel's narrator is an Englishman working in Africa. In “Heart of Darkness” this is the sailor Marlow. Edric has the cartographer of the English trade mission James Frasier, whose friend, engineer Nicholas Frere, is accused of killing an African girl. Just as Marlow travels inland to take out the company's ailing agent, Kurtz, so Frasier goes to the Belgian base to help Frere, who, also ill, awaits punishment there. Just as Marlow initially admires Kurtz, dreaming of meeting him, so Frasier is convinced of Frere's innocence, however, the events of the novel contribute to his confidence being questioned.

It should be said that if in Conrad's story the place of action is more understandable to readers from the sociopolitical context of the era (for example, Marlow does not even name the river on which the main action of the book takes place, and, in general, the work, in our opinion, still gravitates more to philosophical generalizations than to topical specifics), Edric on the very first page clearly indicates the place and time of the action – The Congo Free State, 1897.

The territory of the Congo Basin for a long time remained out of the reach of European colonialists due to the difficult accessibility for Europeans and the diseases that raged there. In connection with the development of capitalism and the industrial revolution, in the second half of the 19th century, the need for resources for the needs of industry increased, which caused a new

round in the exploitation of the inhabitants of the “black continent” – the “race for Africa”, in which the leading European powers took part. In 1876, under the chairmanship of the Belgian King Leopold II the International Association for the Exploration and Civilization of Central Africa was organized. The said Association bought land from the heads of local tribes under enslaving agreements. Having secured the consent of the Berlin Conference of 1884, Leopold II managed to establish control over a vast territory and create the Free State of the Congo, which existed in 1885–1908. It was his personal possession, formally independent from the Belgian government. The period of existence of the Free State of the Congo was distinguished by the brutal exploitation and genocide of the local population, partly justified by the fact that the region was inhabited, among other things, by cannibal tribes. The attention of the world community forced Leopold II to sell his African possessions to Belgium in 1908, which led to the emergence of the Belgian Congo colony.

Intertextual analysis of the epigraphs of “The Book of the Heathen”

Edric makes one of the epigraphs to his novel an entry dated July 20, 1893, from the diary of Roger Casement (1864–1916), a poet and diplomat who worked as a sales agent in the Congo for several years: *“Imagine how we might now be forced to reconsider our understanding of the situation were the so-called heaven of the Bula Matari (Congo Free State) to contain among his multitudes men capable of keeping accounts of these terrible events, of this shameful history told only once – imagine his own books and what they might tell us – imagine then how we might be forced to live with our disgraceful part in all of this”* [Edric 2000: 1]. Given the epigraph, it might be reasonable to expect a work from a modern writer where a native of the Congo will get a “voice”, however, being a white Englishman himself, Edric does not take on such responsibility. His task, like Conrad's earlier, is to show, first of all, the transformation of the individual in the “heart of darkness” through the eyes of a white man, a colonialist.

In 1904, already the British consul in Boma, Casement prepared a report on the horrors of the regime in the Congo. His public speech became one of the key moments in the struggle of the world community for an end to the genocide of the local population and the transfer of the possessions of Leopold II to Belgium. Casement and Conrad met in 1890 while working in Congo and maintained friendly relations for a long time [For more details see: Meyers 1973]. Both of them were initially inspired, perceiving their work in Africa as serving the highest ideals of eradicating slavery and barbarism, however, they were disappointed with the real state of affairs. In 1903, Casement turned to Conrad for support regarding the investigation of atrocities in the Congo, and he wrote about him to his friend: “I am only a wretched novelist inventing wretched stories <...> He could tell things! Things I have tried to forget; things I never did know. He has had as many years of Africa as I had months – almost” [Meyers 1973: 66].

The second epigraph of the novel “The Book of

the Heathen” quotes the biblical book of Exodus: *“thou knowest the people, that they are set upon mischief. For they said unto me. ‘Make us gods, which shall go before us...”* (Exodus, 32, 22–23). In this part of the Old Testament, Aaron tells Moses why he created the golden calf. On the one hand, the parallel in this case is quite transparent – colonial exploitation was brought to life by a thirst for profit. On the other hand, one can see a different context: the desire of the colonists to justify their aggression with missionary goals, the “white man's burden” to pacify and “introduce civilization” to “violent peoples”.

Parallels in the systems of characters and motives between Conrad's “Heart of Darkness” and Edric's “The Book of the Heathen”

Returning to the intertextual links between Edric's novel and Conrad's story, it should be noted that the parallels in the system of characters between the works are non-linear. Not only the image of the authoritarian priest Klein, who made hatred his religion and created among the natives a kind of cult of his person, accompanied by cruel rituals, refers to the image of Kurtz from “Heart of Darkness”, but also, of course, the image of Nicholas Frere. A talented ethnographer, he goes to Africa not only to earn money for his marriage, like Kurtz, but, above all, to explore mysterious territories, however, the reality of life on a trading mission depresses him (*“He had expected wilderness in which to wander, but instead he found only a place already long since sacrificed to the gods of profit and loss”* [Edric 2000: 9]). He often makes expeditions to the surrounding area. In one of them, according to him, he witnesses the torture of a little black girl by the natives and kills her in order to end her torment. It would seem that what he committed can be considered an act of mercy rather than cruelty, however, Frere admits that an irresistible force inside him longed for him to be a witness and even a participant in an act of cannibalism. This idea prompted him time after time to go to areas inhabited by cannibals (*“I was there I was watching, I wanted to watch, I wanted them to go on doing what they did. It was what I had gone in search of, what I had found”* [Edric 2000: 25]). At the same time, it is obvious that Frere is an unreliable narrator. This fact is only emphasized by Nicholas' confession that at that time he was feverish and confused. The reader does not fully understand whether Frere actually witnessed the events that preceded the act of cannibalism, or whether they were the fruit of his sick imagination.

Conrad tells about Marlow being an experienced sailor, while Edric's narrator Frasier comes from an aristocratic and wealthy family. When deciding to work in Africa, he was driven by high goals associated with missionary service, the desire to get away from the boredom of everyday life, to test himself (as, in general, in the case of Marlow). His aspirations, in many respects, are close to Frere's goals, it is not for nothing that the novel focuses on the fact that his name in French means “brother”. This “spiritual kinship” between Frasier and Frere, who, in fact, are a kind of double in the novel, has already been emphasized in the work of E. Scott [Scott 2014: 80]. However,

we also note: Frere stipulates that his last name probably originally sounded like friar (eng. “monk”), which again refers to the idea of missionary service, both religion and science, which, among other things, justified the colonial expansion.

In our opinion, in the name of Frasier (James Charles Russel Frasier) references to the names of representatives of social Darwinism and positivism, namely James Frazer, Bertrand Russell, who developed, in a certain sense, the ideological base of colonialism, are “encrypted”. Like Marlow and Kurtz, Frasier and Frere have much in common, however, both Marlow and Frasier more successfully resist the darkness, do not allow it to completely take over their souls.

H. Roos reasonably believes that in Frere’s image there are references to the personality of the famous African explorer Henry Morton Stanley (1841–1904), who became the governor of the Congo Free State and was subsequently accused of cruelty against the local population [Roos 2009]. The scientist also refers to an episode described by Stanley Morton’s biographer T. Jeal, which occurred during the expedition with one of his companions, James Jameson, who gave the slave girl he bought to be torn to pieces by cannibals, while he himself at that time watched what was happening and made sketches [See: Jeal 2007: 356]. We believe that the image of Frere, like the image of Frasier has absorbed the features of many Europeans who arrived in Central Africa in the second half of the 19th century.

Following Kurtz, both Klein and Frere could not endure the “white man’s burden”, the “burden of superiority”, which they were implanted at the state and ideological level, but which “awakened” the darkness in their souls. As, in fact, in Conrad’s novel, in “The Book of the Heathen”, darkness in a metaphorical sense can be interpreted as “the subconscious of a person, his hidden abilities and subordinate feelings” [Blinova 2016: 25]. Not so much the natives with their cruel customs embody darkness, darkness grows in the hearts of the colonists in an atmosphere of indifference, greed and permissiveness that reigns in Congo. Of course, Frere, and even Klein, do not represent such a majestic, endowed with truly universal talents and semi-demonic figure as Conrad’s Kurtz. They are more prosaic, closer to reality, the more frighteningly plausible are the transformations that occur to them.

The motif of darkness, quoted from Conrad’s story, runs through Edric’s entire novel, retaining its symbolic meaning. So, Frasier witnesses the death of the ship during many days of tropical rain. The captain refused to leave the ship with valuable cargo, until the “dark water” [Edric 2000: 12] destroyed the boat and dragged it into a whirlpool. The reason for this is the passion for profit, which dragged a person into the “abyss of darkness”.

In a dark cell in a Belgian prison, Frasier mistakes a local resident for Frere. The prisoner tries to defend himself from the beating: “*Instead, a native knelt in the far corner, both hands clasped over his face, a man as black as the darkness which enveloped him*” [Edric 2000: 3]. This episode can also be interpreted as the fact that the darkness comes precisely from the colonists who broke into the life of the natives. Interestingly, Frere is

in the same position on the last pages of the novel, before being sent to the capital of the Congo Free State. He, too, falls prey to the darkness generated by the atmosphere of lawlessness.

At the same time, Frere’s courage lies in the fact that he recognizes the power of darkness over himself, sees its beginnings in his soul (“*In the darkness I saw him straighten*” [Edric 2000: 3]). Having become, among other things, a hostage of foreign policy games between the Congo Free State and Great Britain, Frere, nevertheless, internally realizes his guilt and stoically prepares to accept death.

At the request of Frere, Frasier burns all his diaries, as well as the maps he created himself. It should be noted that cartography played an important role in colonial discourse. J. B. Harley called it one of the tools and representations of power according to M. Foucault, associated with the desire for dominance and control [Harley 1989]. Researcher T. Bassett substantiated that cartography made a significant contribution to the formation of empires, legitimizing the spread of the power of colonial powers in Africa. In the course of analyzing the cartographic methods of various eras, he came to the conclusion that “blank spaces” appeared for the first time only in 1749 on the maps of J. B. D’Anville; before that, unknown or unexplored territories were filled with drawings and images of animals and mountains; the borders of African states were reproduced, despite the fact that information about them was fragmentary [For more details see: Bassett 1994]. The appearance of “blank spaces” on the maps reflected, in particular, the growing conviction that only information collected by European researchers should be recognized as authoritative. Often, “blank spaces” on maps also reflected a desire to hide information from other powers. Map users interpreted them as territories open to exploration and colonization. So, returning to the literary works we are analyzing, it was precisely the voids on the maps that prompted Marlow at Conrad and Frasier at Edric to go to Africa. The destruction of maps in the novel “The Book of the Heathen” can be seen as a spontaneous protest against colonization: the characters are disappointed in the knowledge that brings suffering and devastation to the lands of the natives.

Frere, like Conrad’s Kurtz, does not want Frasier to tell his fiancé, who has remained in England, the truth about him. He asks a friend to give his beloved, Frasier’s sister, his volume of the Bible. Thus, the official religion, which has stained itself in the eyes of the heroes of the novel, is contrasted with a personal inner moral tuning fork, against which the characters compare their thoughts, desires, and actions.

Returning to the epigraph of the novel, it should be noted that it also states that the above verse from the book of Exodus was underlined in the personal edition of the Bible, located in the Pitt Rivers Museum and owned by H. E. S. Frere¹ (“*Marked in the personal Bible of N. E. S. Frere (1864–1897) The Pitt-Rivers Museum, Oxford*”. *The Pitt Rivers Museum is an Oxford University museum dedicated to ethnography and archaeology*) [Edric 2000: 1]). Although the personality of Frere is invented by Edric, using such a false reference, the writer em-

phasizes in the quasiquote that within the artistic world of the novel, the character nevertheless entered his name in the annals of science, and also convinces the reader to trust what is happening on the pages of the book, to create the illusion of its reality.

Racism and imperialism and their origins and consequences in Conrad's "Heart of Darkness" and Edric's "The Book of the Heathen"

Almost all researchers of "Heart of Darkness" admit that the Africans in Conrad's story appear, rather, as a faceless mass, the background against which events unfold in the life of Europeans. They are devoid of names, throughout the book they say only a couple of phrases. In Edric's novel, certain attempts are made to deepen the characters of black characters (the crippled boy, "sisters" Perpetua and Felicity, the beloved of Cornelius Evangeline), however, given that they are also described from the point of view of a white narrator overcome by racial prejudice, in general, indigent the inhabitants in the novel "The Book of the Heathen", just like in Conrad, are rather a background for the development of stories and research into the psychology of the colonists.

If the vices of the colonial system, the inhuman exploitation in Conrad's story, are undeniably condemned, as E. Said, in particular, spoke about, noting the harsh criticism of imperialism in "Heart of Darkness" [Said 1993: 30], the situation with racism is more complicated. In our opinion, it is still present in the way the indigenous people of Africa are depicted in "Heart of Darkness".

The "The Book of the Heathen" by Edric, in general, is distinguished by the condemnation of racism, however, first of all, due to the specifics of the image of the narrator, it is rather implicitly expressed. In the novel, the reader observes how gradually, imperceptibly even for himself, the narrator moves away from the initial strong racial prejudices towards the local population. For example, while Frasier's white colleagues at first tend to present the station's closure scene as an uncontrollable and illogical outburst of rage by the station's black workers, it is later revealed that the locals have not been paid for the months they have already worked, which quite rightly aroused their questions and displeasure and on the contrary, the British reaction to this exceeded the limits of reasonable defense. Thus, the myth of the indigenous inhabitants of Africa is questioned as the complete opposite of Europeans and the embodiment of unreasonableness, illogicality, blind obsession with primitive instincts.

Conrad's story quite graphically depicts scenes of lawlessness happening in the Congo. In addition to describing cruel executions, inhuman working conditions, diseases that Conrad also has, special attention in Edric's novel is paid to the theme of the slave trade, especially the sale of women and children into slavery for prostitution. "The Book of the Heathen" shows in detail that the British authorities connived and even contributed to the imposition of a cruel repressive regime in the Congo Free State, colluded with the slave traders. If Conrad does not pay attention to the role of the church in colonization, Edric creates the sinister

figure of the Jesuit missionary Klein, who takes part in the slave trade.

The symbol of beautiful but oppressed Africa in the "The Book of the Heathen" is a giraffe bound and kneeling in a cramped cage, doomed to death. Frasier describes it in a poignant scene when a barge arrives at the British Trade Mission wharf, loaded with cages of animals being taken out of Africa to be sold to European zoos. Of course, there are obvious parallels with human trafficking. It is interesting to note that the officer of the British mission, Fletcher, seems to be ready to shoot the unfortunate animal, saving him from suffering, which causes a parallel with Frere's act, however, he refuses this idea, because in this case he will have to compensate the merchant for the losses. In the context of the novel, this can be perceived as cowardice, given that the giraffe is doomed to a long and painful death. Metaphorically, Fletcher's actions are projected onto the entire British policy towards the Congo Free State, when the desire not to lose profit turns out to be stronger than the moral law.

Recognizing the cruelties that accompany colonial conquests, Marlow in Conrad believes that all of them are partially justified by a good idea, the one that once turned the barbaric lands of "the foggy Albion" into a beautiful metropolis, "the mistress of the Sea". The heroes of Edric are more pessimistic, seeing how the colonists leave behind plundered lands, burned villages, empty missions.

It should be noted that during the period of writing the novel by Edric, the so-called Great African War (1998–2002) on the territory of the Democratic Republic of Congo took place, in which about twenty armed groups representing nine states participated. If at the end of the 19th century the struggle was for rubber and ivory, then at the turn of the millennium, minerals, gold and diamonds became the subject of a dispute. Angola, Namibia, Rwanda, Uganda, Zimbabwe acted in close cooperation with the leading Western powers. Experts believe that, for example, Uganda, with a military budget of just \$100 million, would not have been able to pull off a costly military operation against the Democratic Republic of the Congo without US assistance. Between 4 and 4,5 million people died during the war and its consequences, famine and epidemics. "One of the features of the war was inhuman cruelty. Half a million women became victims of sexual violence, often fighters attacked five-year-old girls" [Melnikova 2008]. The historical parallels in this case are sadly obvious, as well as the fact that Edric, recalling the colonial past, certainly refers to the present Central African region, which to this day is the arena of the struggle for the resources of the Western powers.

The endings of the two works also have something in common: Edric: "*the vessel disappeared completely into the utter and impenetrable darkness of the night*" [Edric 2000: 28], Conrad: "*The offing was barred by a black band of clouds, and the tranquil waterway leading to the uttermost ends of the earth flowed somber under an overcast sky – seemed to lead into the heart of an immense darkness*" [Conrad 2010: 13] (*our italics – I. A.*). There is a disturbing note at the end of each of the novels. The darkness has not gone away, it is thickening, it is near.

Conclusion

Thus, we can conclude that, in comparison with the main pretext – “Heart of Darkness” by J. Conrad, parallels with which are presented at the level of the chronotope, plot elements and system of characters, motives, at the ideological, thematic and linguistic levels, the novel “The Book of the Heathen” by Robert Edric shows a greater interest in a specific socio-political agenda, the role of the church in colonization, the guilt of Britain and other European states in the situation in the Congo at the turn of the 19th and 20th

centuries and later. A contemporary piece reflects disillusionment with the ideas of “colonization for the sake of civilization”, based on its disappointing results. Robert Edric’s novel is also notable for its condemnation of racism. Other intertextual references – to biblical texts, R. Casement’s diary, fictionalized biographies of African researchers also contribute to the representation of post-colonial issues, reflecting the writer’s protest against the vices of the colonial system, the corruption of the colonial government, Eurocentrism, and the idea of the superiority of the white race.

Литература

- Блинова, М. П. Мифопоэтическое пространство в повести Джозефа Конрада «Сердце тьмы» / М. П. Блинова, А. С. Чекалова // *Современные тенденции развития науки и технологий*. – 2016. – № 10 (6). – С. 22–26.
- Скороходько, Ю. С. Колониальные мотивы в английском неовикторианском романе: к постановке проблемы / Ю. С. Скороходько // *Питання літературознавства*. – 2013. – Вип. 88. – С. 200–209.
- Толкачев, С. П. «Путешествие в сердце тьмы»: травестия традиционных сюжетов в творчестве мультикультурных писателей / С. П. Толкачев // *Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки*. – 2019. – Вып. 5 (821). – С. 301–312.
- Abu-Snoubar, T. Joseph Conrad’s Heart of Darkness: Debanking the Two Basic Imperial Clichés / T. Abu-Snoubar // *European Journal of English Language and Literature Studies*. – 2017. – No. 5. – P. 1–11.
- Achebe, Ch. An Image of Africa / Ch. Achebe // *Research of African Literatures*. – 1978. – Vol. 9, no. 1.
- Bassett, T. Cartography and Empire Building in Nineteenth-Century West Africa / T. Bassett // *Geographical review*. – 1994. – No. 84 (3). – P. 322–323.
- Bloom’s Guide Joseph Conrad’s Heart of Darkness / ed. by H. Bloom. – New York : Infobase Publishing, 2009. – 120 p.
- Conrad, J. Heart of Darkness / J. Conrad. – London : Penguin, 2010. – 13 p. – URL: https://celz.ru/joseph-conrad/34062-heart_of_darkness.html (mode of access: 12.12.2022). – Text : electronic.
- Edric, R. The Book of the Heathen / R. Edric. – New York : St. Martin’s Press, 2000. – URL: https://celz.ru/robert-edric/426320-the_book_of_the_heathen.html (mode of access: 12.12.2022). – Text : electronic.
- Firchow, P. Envisioning Africa: Racism and Imperialism in Conrad’s Heart of Darkness / P. Firchow. – Lexington : University of Kentucky Press, 2000. – 258 p.
- Harley, J. B. Deconstructing the Map / J. B. Harley // *Cartographica: The International Journal for Geographic Information and Geovisualization*. – 1989. – No. 26 (2). – P. 1–20.
- Heilmann, A. Neo-Victorianism: The Victorians in the Twenty-First Century, 1999–2009 / A. Heilmann, M. Llewellyn. – Basingstoke ; New York : Palgrave Macmillan, 2010. – 353 p.
- Jeal, T. Stanley. The Impossible Life of Africa’s Greatest Explorer / T. Jeal. – London : Faber and Faber, 2007. – xix, 570 p.
- Meyers, J. Conrad and Roger Casement / J. Meyers // *Conradiana*. – 1973. – Vol. 5, no. 3. – P. 64–69.
- Murfin, R. C. Psychoanalytic Criticism and Heart of Darkness / R. C. Murfin // *A Case Study in Contemporary Criticism*. – New York : St. Martin’s Press, 1989. – P. 113–123.
- Page, N. A Conrad Companion / N. Page. – New York : Palgrave MacMillan, 1986. – 200 p.
- Rennison, N. Contemporary British novelists / N. Rennison. – London : Routledge, 2005. – P. 61–65.
- Roos, H. The sins of the fathers: the missionary in some modern English novels about the Congo / H. Roos. – Text : electronic // *Tydskrif vir Letterkunde*. – 2009. – Vol. 46. – URL: https://www.scielo.org.za/scielo.php?script=sci_arttext&pid=S0041-476X2009000100005 (mode of access: 12.10.2022).
- Said, E. W. Two Visions in Heart of Darkness / E. W. Said // *Culture and Imperialism*. – Vintage Books, 1993. – P. 19–31.
- Scott, E. ‘We were again on the trail of cannibals’: Consuming Trauma and Frustrating Exoticism in Robert Edric’s The Book of the Heathen / E. Scott // *Exoticizing the Past in the Contemporary Neo-Historical Fiction* / ed. by E. Rousselot. – New York : Palgrave Macmillan, 2014. – P. 69–83.
- Taylor, D. J. History’s Half-light: Gathering the water by Robert Edric Review / D. J. Taylor // *The Guardian*. – 2006. – June 24.
- Xin, Sun. Feminism Interpretation of Joseph Conrad’s Works – Taking Heart of Darkness as an Example / Xin Sun // *Advances in Social Science, Education and Humanities Research*. – 2018. – Vol. 264. – P. 1053–1056.

References

- Abu-Snoubar, T. (2017). Joseph Conrad’s Heart of Darkness: Debanking the Two Basic Imperial Clichés. In *European Journal of English Language and Literature Studies*. No. 5, pp. 1–11.
- Achebe, Ch. (1978). An Image of Africa. In *Research of African Literatures*. Vol. 9. No. 1.

- Bassett, T. (1994). Cartography and Empire Building in Nineteenth-Century West Africa. In *Geographical review*. No. 84 (3), pp. 322–323.
- Blinova, M. P., Chekalova, A. S. (2016). Mifopoeticheskoe prostranstvo v povesti Dzhozefa Konrada «Serdtshe t'my» [Mithopoetic Space of Joseph Conrad's "Heart of Darkness"]. In *Sovremennye tendentsii razvitiya nauki i tekhnologii*. No. 10 (6), pp. 22–26.
- Bloom, H. (Ed.). (2009). *Bloom's Guide Joseph Conrad's Heart of Darkness*. New York, Infobase Publishing. 120 p.
- Conrad, J. (2010). *Heart of Darkness*. London, Penguin. 13 p. URL: https://celz.ru/joseph-conrad/34062-heart_of_darkness.html (mode of access: 12.12.2022).
- Edric, R. (2000). *The Book of the Heathen*. New York, St. Martin's Press. URL: https://celz.ru/robert-edric/426320-the_book_of_the_heathen.html (mode of access: 12.12.2022).
- Firchow, P. (2000). *Envisioning Africa: Racism and Imperialism in Conrad's Heart of Darkness*. Lexington, University of Kentucky Press. 258 p.
- Harley, J. B. (1989). Deconstructing the Map. In *Cartographica: The International Journal for Geographic Information and Geovisualization*. No. 26 (2), pp. 1–20.
- Heilmann, A., Llewellyn, M. (2010). *Neo-Victorianism: The Victorians in the Twenty-First Century, 1999–2009*. Basingstoke, New York, Palgrave Macmillan. 353 p.
- Jeal, T. (2007). *Stanley. The Impossible Life of Africa's Greatest Explorer*. London, Faber and Faber. xix, 570 p.
- Meyers, J. (1973). Conrad and Roger Casement. In *Conradiana*. Vol. 5. No. 3, pp. 64–69.
- Murfin, R. C. (1989). Psychoanalytic Criticism and Heart of Darkness. In *A Case Study in Contemporary Criticism*. New York, St. Martin's Press, pp. 113–123.
- Page, N. (1986). *A Conrad Companion*. New York, Palgrave MacMillan. 200 p.
- Rennison, N. (2005). *Contemporary British Novelists*. London, Routledge, pp. 61–65.
- Roos, H. (2009). The Sins of the Fathers: The Missionary in Some Modern English Novels about the Congo. In *Tydskrif vir Letterkunde*. Vol. 46. URL: https://www.scielo.org.za/scielo.php?script=sci_arttext&pid=SO041-476X2009000100005 (mode of access: 12.10.2022).
- Said, E. W. (1993). Two Visions in Heart of Darkness. In *Culture and Imperialism*. Vintage Books, pp. 19–31.
- Scott, E. (2014). 'We were again on the trail of cannibals': Consuming Trauma and Frustrating Exoticism in Robert Edric's *The Book of the Heathen*. In Rousselot, E. (Ed.). *Exoticizing the Past in the Contemporary Neo-Historical Fiction*. New York, Palgrave Macmillan, pp. 69–83.
- Skorokhodko, Yu. S. (2013). Kolonial'nye motivy v angliiskom neoviktorianskom romane: k postanovke problemy [Colonial Motives in the English Neo-Victorian Novel: To Posing a Problem]. In *Pitannyya literaturoznavstva*. Issue 88, pp. 200–209.
- Taylor, D. J. (2006). History's Half-light: Gathering the Water by Robert Edric Review. In *The Guardian*. June 24.
- Tolkachev, S. P. (2019). «Puteshestvie v serdtshe t'my»: travestiya traditsionnykh syuzhetov v tvorchestve mul'tikul'turnykh pisatelei [“The Journey to the Heart of Darkness”: Travesty of Traditional Plots in the Works of Multicultural Writers]. In *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki*. Issue 5 (821), pp. 301–312.
- Xin, Sun. (2018). Feminism Interpretation of Joseph Conrad's Works – Taking Heart of Darkness as an Example. In *Advances in Social Science, Education and Humanities Research*. Vol. 264, pp. 1053–1056.

Данные об авторе

Илунина Анна Александровна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков, Воронежский государственный лесотехнический университет им. Г. Ф. Морозова (Воронеж, Россия).
 Адрес: 394086, Россия, г. Воронеж, ул. Тимирязева, 8.
 E-mail: ailunina@yandex.ru.

Author's information

Ilunina Anna Aleksandrovna – Candidate of Philology, Associate Professor, Associate Professor of Department of Foreign Languages, Voronezh State Forestry Engineering University named after G. F. Morozov (Voronezh, Russia).

Дата поступления: 07.10.2023; дата публикации: 28.12.2024

Date of receipt: 07.10.2023; date of publication: 28.12.2024

МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ ДИСЦИПЛИН

УДК 378.016:811.111+378.146. DOI: 10.26170/2071-2405-2024-29-4-149-159. ББК Ч448.028+Ш143.21-9.
ГРНТИ 14.35.07. Код ВАК 5.8.2

ПЕРСПЕКТИВЫ НЕЙРОМОДЕЛИРОВАНИЯ АГОНАЛЬНОГО ДИАЛОГА В ИЗУЧЕНИИ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

Ламзина А. В.

Московский физико-технический институт (национальный исследовательский университет)
(Долгопрудный, Россия)

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-6464-9675>

SPIN-код: 9047-9042

Сильчева А. Г.

Московский университет им. А. С. Грибоедова (Москва, Россия)

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-6501-1339>

SPIN-код: 2728-8861

А н н о т а ц и я . Практика преподавания иностранного языка в высшей школе включает в себя проведение дебатов на спорную тему, наследующее паттерн соревновательной риторики античности. В наиболее известных экзаменационных испытаниях, подтверждающих уровень владения языком (тестированиях TOEFL на английском, CILS на английском, DALF на французском и DELE на испанском) C2 (продвинутый уровень, позволяющий обучать иностранному языку иностранцев), также присутствует элемент публичных дебатов. Экзаменуемому предлагается устно выступить на языке по какой-либо спорной теме, представляя свою точку зрения. В зависимости от условий экзамена, предлагаются одна, две или несколько тем на выбор / выразить свое мнение после прослушивания устного выступления без выбора темы. Время на подготовку может не предоставляться вовсе либо варьироваться в пределах от двух до пятнадцати минут.

По нашему мнению, данная практика воспроизводит представление о том, что человек, способный аргументированно высказаться по спорной теме и присоединить к своей точке зрения аудиторию, компетентен в вопросе. Античная практика соревновательной риторики подразумевала наличие двух базовых стратегий эффективного выступления – мимесис (подражание другому эффективному выступлению) и генезис (порождение текста выступления по продуктивным аргументативным моделям с учетом особенностей аудитории). Школа Сократа – Платона – Аристотеля, получившая продолжение в античной риторике Древнего Рима, опиралась на практику генезиса, осуждая софистов, опиравшихся на мимесис.

Для продуктивной реализации соревновательного диалога необходимо как минимум два актора – ораторы, защищающие противоположные точки зрения. В ходе занятия студенты могут состязаться друг с другом, вести как диалог, так и полилог. В ходе проведения экзамена обучающийся попадает в ситуацию «диалога с пустотой», искажающую реальную коммуникативную практику и не позволяющую верифицировать реальный уровень владения иностранным языком в процессе коммуникации.

Для преодоления указанной проблемы предлагается использовать искусственный интеллект в качестве второго актора – псевдо-собеседника, который может породить связанное аргументированное высказывание. Нейросети было предложено осуществить продуцирование высказывания с использованием агонально ориентированных тем, и полученные тексты были разобраны с точки зрения аргументативной структуры и предложены к прочтению обучающимся вузов, изучающим английский язык.

Проведенное исследование показало потенциал искусственного интеллекта в отношении проведения дебатов. Практику использования нейронных сетей в качестве второго актора дебатов рекомендуется распространить как на проведение экзаменов, так и на подготовку к ним.

К л ю ч е в ы е с л о в а : искусственный интеллект; агональная риторика; соревновательная риторика; дебаты; экзамены по иностранному языку

Д л я ц и т и р о в а н и я : Ламзина, А. В. Перспективы нейромоделирования агонального диалога в изучении английского языка / А. В. Ламзина, А. Г. Сильчева. – Текст : непосредственный // Филологический класс. – 2024. – Т. 29, № 4. – С. 149–159. – DOI: 10.26170/2071-2405-2024-29-4-149-159.

PROSPECTS FOR NEUROMODELING OF AGONISTIC DIALOGUE IN LEARNING ENGLISH

Anna V. Lamzina

Moscow Institute of Physics and Technology (National Research University)

(Dolgoprudny, Russia)

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-6464-9675>

Alina G. Silcheva

Moscow University named after A. S. Griboedov (Moscow, Russia)

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-6501-1339>

Abstract. The practice of teaching a foreign language in a higher education institution includes holding debates on a controversial topic, going back to the pattern of competitive rhetoric of antiquity. In the most famous examination tests confirming the level of language proficiency (TOEFL in English, CILS in English, DALF in French and DELE in Spanish) C2 (advanced level, allowing one to teach a foreign language to foreigners), there is also an element of public debate. The examinee is asked to speak orally in a foreign language on any controversial topic, presenting their point of view. Depending on the exam conditions, one, two or several topics are offered to choose from, or the students are asked to express their opinion after listening to an oral presentation without choosing a topic. Preparation time may not be provided at all or may vary from two to fifteen minutes.

The authors argue that this practice reproduces the idea that a person who can convincingly speak on a controversial topic and make the audience share a particular point of view is competent in the matter. The ancient practice of competitive rhetoric implied the presence of two basic strategies for effective speech – mimesis (imitation of another effective speech) and genesis (generation of the speech text according to productive argumentative models, taking into account the characteristics of the audience). The school of Socrates – Plato – Aristotle, which was continued in the rhetoric of Ancient Rome, relied on the practice of genesis, condemning the sophists who relied on mimesis.

Productive realization of a competitive dialogue needs at least two actors-speakers defending opposing points of view. During practical session, students can compete with each other while conducting both dialogue and polylogue. During the exam, the student finds themselves in a situation of a “dialogue with emptiness”, which distorts real communication practice and does not allow the examiner to verify the real level of foreign language proficiency in the communication process.

To overcome this problem, the study suggests using artificial intelligence as a second actor – a pseudo-interlocutor who can generate a coherent reasoned utterance. The neural network was asked to produce utterances using agonistic-oriented topics, and the resulting texts were analyzed from the point of view of their argumentative structure and offered for reading to university students learning English.

The study showed the potential of artificial intelligence in debate conduct. It is recommended to extend the practice of using neural networks as a second actor in debates both to conducting exams and training for them.

Keywords: artificial intelligence; agonistic rhetoric; competitive rhetoric; debates; foreign language exams

For citation: Lamzina, A. V., Silcheva, A. G. (2024). Prospects for Neuromodeling of Agonistic Dialogue in Learning English. In *Philological Class*. Vol. 29. No. 4, pp. 149–159. DOI: 10.26170/2071-2405-2024-29-4-149-159.

Введение

Преподавание иностранного языка в вузе на большинстве направлений предполагает умение дискутировать по вопросам будущей специальности, формулировать устные и письменные высказывания, которые позволяют развить систему аргументации и систематизировать свои доводы с целью оппонирования противнику. На важность дебатов в изучении иностранного языка указывают Э. Э. Бармина и Ю. Г. Степанян [2022], А. И. Дунаенко [2022], Н. В. Кузнецова [2022], Ю. И. Литвинова и М. А. Кропачева [2022], И. Н. Пуня [2022]. В статье Ю. В. Шуйской, Е. А. Дроздовой и М. В. Мыльцевой [2023] обсуждается вопрос о привлечении к проведению дебатов на иностранном языке искусственного интеллекта – обучающийся вступает в диалог с нейросетью, которая при этом генерирует высказывания от лица определенного персонажа, например британского джентльмена XIX столетия и др.

Традиция проведения агонального диалога восходит к практике защиты своей точки зрения в классической риторике – практика принятия решений в греческом полисе подразумевала состязательный диалог, по итогам которого собрание граждан принимало решение в пользу той или иной точки зрения. В дальнейшем практика публичных дебатов была перенесена в контекст пар-

ламента, вече, думы и иных государственных институтов, в задачи которых входило принятие решения по каким-либо важным для граждан вопросам. Иными словами, дебатирование как способ отстаивания своей точки зрения – некая константа современной культурной парадигмы. Человек, способный в открытом публичном диалоге привести свои аргументы и ответить на контраргументы противника, считается компетентным в вопросе и способным провести в жизнь необходимые меры. Эта практика используется при защите научных работ всех уровней, от курсовых работ до диссертаций, а также в иных формах публичного диалога.

Паттерн агонального диалога был перенесен в практику преподавания иностранного языка как способ верификации определенного уровня знания (обучающийся способен сформулировать связное и объемное высказывание, ответить на вопросы, импровизировать в развитие темы и пр.). В комплексных экзаменах, которые сдаются для подтверждения определенного уровня знания иностранного языка (TOEFL, DALF, CILS и пр.), в части порождения речи (устное и письменное высказывание) также подразумевается формулирование своей точки зрения по определенному вопросу, который может включать как минимум две (или более) различные точки зрения. Следует отметить, что в этом случае обучающемуся приходится иметь дело с «виртуаль-

ным» противником: он формулирует свою точку зрения в отсутствие агона, соревнования и автоматически лишается важнейшей части состязательно-диалога – пост-монологической дискуссии.

Между тем практика дебатирования, восходящая к греческой агоре, предполагала глубокую проработку темы по методу «айсберга»: почти 90% из подготовленной информации не использовались в выступлении. Оратор готовил их для возможного развития дискуссии, предполагая, что может не ограничиться только одним монологом. Кроме того, глубокая проработка темы по ряду параметров подразумевала, что оратор хорошо в ней ориентируется и готов к неожиданному развитию событий во взаимодействии с аудиторией: сможет ответить на выкрики, попытки сбить его и т. д.

Современное дебатирование на уроках иностранного языка и в ходе проведения экзамена зачастую не подразумевает непосредственного взаимодействия с живой аудиторией, обработки и восприятия ее реакции. Проработка темы по параметрам не практикуется, а возможность оппонировать зачастую ограничена знанием иностранного языка и умением формулировать на нем связанные высказывания.

В этой связи в настоящем исследовании предлагается привлечь искусственный интеллект к процедуре проведения дебатов на занятиях, возложив на него роль соперника – «второй стороны» диалога, позволяющей в полной мере реализовать паттерн агона. Для этой цели ряду нейросетей было предложено сформировать высказывания в стилистике соревновательной риторики, выступив «за» или «против» определенной точки зрения, оценить высказывание противника и оппонировать ему. Целью данного эксперимента было выяснение того, может ли искусственный интеллект (далее – ИИ) выступить равноправным партнером в ходе подготовки к экзамену и непосредственно процедуры осуществления экзамена, провоцируя соперника на импровизированное обсуждение тематики и погружение в нее. Также дебаты с ИИ могут быть интегрированы в практику проведения занятий по иностранному языку – наподобие игры в шахматы с компьютером, развивающей умение играть в шахматы с соперником-человеком.

Для проведения эксперимента была привлечена вариация ряда связанных запросов (инструкций) к нейронной сети LLM на базе *claude-3-opus* и *claude-3.5-sonnet*, призванной генерировать текстовые и текстово-визуальные материалы, приближенные к материалу, созданному человеком. Полученные тексты были проанализированы с точки зрения релевантности аргументации, ее логического разнообразия и умения ориентироваться на целевую аудиторию.

Аналитический обзор

Культура состязательной дискуссии зародилась в рамках школы софистов, целью которой среди прочего было обучение граждан ораторскому искусству с упором на технику аргументации и отсутствие твердой позиции. Как указывает

А. Ф. Лосев, перечисляя имена важнейших софистов: «Все эти мыслители разъезжали по городам, за плату обучали “добродетели” (под которой понималось искусство спорить и “слабейший аргумент делать сильнее”», имели шумный успех и щеголяли своим анархизмом и нигилизмом. Они действительно оттачивали логические способности своих учеников и этим волей-неволей служили новой эпохе критицизма, пришедшего на смену устаревшей натуралистической философии» [Лосев 2000: 12]. Оппонировавший софистам Сократ, его ученик Платон и ученик Платона Аристотель выступали за всестороннее рассмотрение проблемы при помощи топосов – различных ходов мысли, которые позволяют сформулировать максимальное разнообразие аргументов. Как отмечает Д. В. Мультиановская, «в зарождении теории порождения эффективной речи мимесис как подражание образцам был противопоставлен генезису как порождению текста выступления “с нуля”. Мимесис, принятый и распространенный в школе софистики, к которой и восходят первые образцы эффективных выступлений, предполагает подражание успешному образцу с минимальной его адаптацией под нужды конкретной ситуации. Генезис, восходящий к сократовской “майевтике”, подразумевает анализ ситуации произнесения речи по ряду параметров, с тем чтобы сформулировать конкретное выступление для конкретной ситуации и конкретной целевой аудитории» [Мультиановская 2024: 7]. Практика генезиса подразумевала порождение речи, исходящее из реальных параметров ситуации, которые были систематизированы Аристотелем в совокупность так называемых топосов – параметров, которые подразумевали порождение текста выступления на основании всестороннего анализа ситуации.

Признаком компетентности и умения защитить свою позицию с течением времени стал именно генезис: в отличие от мимесиса, предполагающего пошаговое воспроизведение уже прозвучавшего текста, генезис подразумевает умение оценить ситуацию, воспринять ее особенности и специфику и в итоге сформулировать релевантное ситуации высказывание. Классическая практика поиска идей с помощью топосов включала в себя не только поиск, но и отбор идей: предполагалось нахождение максимального количества идей, из которых впоследствии, в зависимости от специфики аудитории, выбирались максимально релевантные аргументы. Это приводило к формированию парадоксальной ситуации: разрабатывались 40 и более аргументов, с тем чтобы впоследствии использовать в реальном выступлении не более 2–3. Возникающий таким образом дисбаланс нивелировался за счет того, что не использованные в выступлении аргументы предполагались для дальнейшего дебатирования, а также использовались для оперативной корректировки текста выступления.

Указанный дисбаланс привел к формированию пост-аристотелевской парадигмы поиска аргументов, в соответствии с которой на этапе подготовки к выступлению формулировалась не мак-

симильная развертка аргументации, сразу те 2–3 аргумента, которые и войдут в окончательный текст речи. В результате оратор не был готов к дебатам, а его компетентность в теме сводилась только к утверждению своей точки зрения. Умение дискутировать стало маркером реального понимания темы, благодаря которому можно было отличить любителя от профессионала.

В результате практика публичных дебатов была перенесена в различные пространства – в контекст университетского преподавания, в практику публичных состязаний в красноречии кандидатов в президенты и т. п. Так, «Первые публичные дебаты в США состоялись в 1858 году. Тогда претендовавшие на место в Сенате США республиканец Авраам Линкольн и демократ Стивен Дуглас провели семь встреч в разных городах штата Иллинойс. Каждому участнику был предоставлен час на выступление и по полчаса на ответы на вопросы противника и присутствовавших активистов. Однако впоследствии периодически возникавшие попытки возродить такой формат дискуссий не имели успеха.

Только в 1948 году состоялись дебаты кандидатов Республиканской партии, организованные в рамках предварительных выборов, тогда их выступления передавались в радиозфире. В 1952 году диспуты в ходе праймериз впервые транслировались по телевидению. В том же году две вещательные корпорации NBC и CBS договорились выделить эфир под дебаты кандидатов от обеих партий и обратились с предложением к демократу Эдлау Стивенсону и республиканцу Дуайту Эйзенхауэру, но те отказались» [История дебатов].

Отметим, что сроки возвращения практики дебатов в публичное пространство совпадают со сроками возвращения к аристотелевской парадигме в ее прочтении через призму неориторике. Одновременно формируется паттерн моделирования дебатов в практике преподавания иностранного языка на продвинутом уровне: ученик оказывается в ситуации, близкой к греческой агоре, когда ему предстоит публично оппонировать другому человеку по спорной тематике. Умение сделать это на иностранном языке указывает на определенный уровень владения им.

Помимо популярных политических дебатов, возвращающих аудиторию к практике проработки темы и ориентации на запросы электората, в академической среде присутствует практика защиты научной работы, также подразумевающая взаимодействие с оппонентом (рецензентом) и обращение к научной дискуссии. Этот паттерн также восходит к схемам классической риторики.

В технике выступления по схеме Марка Фабия Квинтилиана предусмотрена смысловая часть, связанная с оппонированием противнику. Схема, выработанная в классической римской риторике и считающаяся универсальной для производства текстов любого типа (см. [Рождественский 1997]), подразумевает, что высказанная оратором идея является спорной, нуждается в защите, ответе оппоненту – иначе утрачивается сам смысл развернутого высказывания по теме. К. Ф. Герейханова ука-

зывает на факт наследования паттерна схемы Квинтилиана в современной научной парадигме: «Наиболее интересным в современном преломлении научного текста является часть опровержение, задуманная Квинтилианом как ответ на доводы оппонента. Схема Квинтилиана позиционировалась как схема выступления в жанре судебной риторики, и в этой части предполагалось, что защитник отвечает на доводы обвинителя. Расширение практики применения схемы на другие виды красноречия привело к возникновению феномена “самоопровержения”, широко развившегося в науке Нового Времени. ... Практика использования схемы Квинтилиана в последующие эпохи привела к определенной механистичности ее реализации: она воспринималась уже не как необходимость, обусловленная конкретными реалиями, но как застывший канон, освященный традицией. Эпоха Нового Времени, во многом заложившая основы современной научной парадигмы, привела к “расчленению” канона – все предусмотренные Квинтилианом элементы присутствуют в разъединенном виде, уже не являясь частью единого текста» [Герейханова, Шуйская 2020: 42]. Практика «защиты» курсовой работы, ВКР, магистерской диссертации представляет собой отсылку к схеме Квинтилиана, указывая на диалогическую сущность научного дискурса и выработку значений смыслов в споре и дискуссии.

Использование дискуссии как инструмента верификации научного знания в редуцированном виде воспроизводит замысел Аристотеля: имея фундаментальное представление о теме, полученное благодаря реферированию релевантных научных источников, обучающийся отвечает на вопросы по теме и замечания оппонента. В то же время реальная практика защит, вплоть до защит диссертационных работ высокого уровня, во многом преобразуется в воспроизведение паттерна «самоопровержения», характерного для науки периода Просвещения и Нового Времени.

Соответственно, практика публичной дискуссии в устной форме переносится в область изучения иностранного языка, подразумевающую, что обучающиеся выступают «за» и «против» определенной точки зрения, предлагаемой преподавателем. Проблема, однако, в том, что зачастую преподаватель не в курсе истории практики дебатирования и предлагает провести дискуссию как таковую, иногда без подготовки и собирания информации, предусматриваемой в парадигме классической риторики. С учетом уровня подготовки по теме дискуссии обучающиеся обнуляют ценность агонального диалога, и верификация должного уровня языковой подготовки в результате отсутствует.

В качестве эксперимента, призванного обеспечить должный уровень культуры дискуссии, предлагается привлечь в качестве одной из сторон диалога искусственный интеллект, алгоритмы которого позволяют суммировать информацию из интернета и социальных сетей. Соответственно, был задействован алгоритм нейросети LLM, который позволяет ей суммировать информацию и кратко реферировать аргументацию. Следует от-

метить, что принципы порождения ею текста совмещают две стратегии: как генезис, так и мимесис: нейросеть не «думает» сама, а лишь собирает информацию на основе интернета и комбинирует из нее текст, подражающий высказыванию человека.

Нейросеть как оратор: топическая и аргументативная проработка текста

В качестве темы для дискуссии были выбраны темы, используемые на экзаменах по иностранному языку на продвинутом этапе. Для примера были взяты темы таких экзаменов, как TOEFL (английский язык), CILS (итальянский язык), DALF (французский язык) и DELE (испанский язык) на уровнях C2 и выше, подразумевающих владение языком на достаточно продвинутом уровне. В рамках данного исследования рассматривается использование искусственного интеллекта для организации дебатов в ходе преподавания английского языка на продвинутом уровне. Материалы экзаменов на других иностранных языках были привлечены для выявления общественно значимых тем, которые волнуют сообщество студентов, преподавателей, экзаменаторов в 2020-х гг.

Нейросети был задан запрос сгенерировать текст, представляющий одну из точек зрения, затем – ответить оппоненту с точки зрения противоположной стороны, потом вновь вступить в дискуссию со стороны первого высказавшегося и т.д. Иными словами, искусственный интеллект выполнял то упражнение, которое в школе софистов, как правило, реализовал интеллект естественный – старался аргументировать, меняя точки зрения.

В примерах экзаменационных контрольно-измерительных материалов, которые выложены в открытых источниках, на экзамене CILS для продвинутого уровня C2 предлагаются 4 спорные темы на выбор для одного высказывания и 4 для другого. TOEFL в устной части подразумевает ответ на 6 вопросов в обязательном порядке, без выбора, и они, как правило, не включают в себя темы, имеющие потенциал к соревновательному дебатированию; темы, содержащие потенциал для агонального состязания, присутствуют только в письменной части (вопрос 2, свободное написание эссе). Особенность TOEFL – в том, что при продуцировании речи одновременно проверяется и ее понимание, и к каждой теме для производства текста используется небольшой аудиофрагмент, который необходимо прослушать и понять, а в ряде случаев – прооппонировать и/или прореферировать. Экзамен DALF подразумевает прослушивание 15-минутного аудиофайла, конспектирование и реферирование информации, устное высказывание по одной из спорных тем с подготовкой и устное дебатирование с проводящим экзамен без подготовки (тема не указана). Экзамен DELE включает в себя высказывание по теме, в котором экзаменуемому уже предложено выступить в пользу определенной точки зрения, а в помощь ему приведены сокращенные тексты свежих газетных публикаций по теме.

В рамках анализируемых экзаменов уровня C2 предлагаются следующие темы, имеющие по-

тенциал для дискуссии:

1. TOEFL [TOEFL]:

1) Do you agree or disagree with the following statement? It is better for children to have teachers who are young, even if they are inexperienced.

[Вы согласны или не согласны со следующим утверждением? Детям лучше иметь молодых учителей, даже если им не хватает опыта.] (перевод наш)

2) Subjects such as art, music, and drama should be a part of every child's basic education.

[Такие предметы, как искусство, музыка и драматургия, должны быть частью базового образования каждого ребенка.] (перевод наш)

2. CILS [CILS].

Экзамен итальянского языка как иностранного предлагает максимальное количество потенциально подходящих для публичной дискуссии тем. В связи с использованием в качестве основы для высказывания достаточно развернутой формулировки темы (см. ниже первую тему), остальные темы приведем в сокращенном виде в переводе на русский язык:

1) Ridere fa bene alla salute, aiuta a bruciare calorie e ad essere più efficienti sul lavoro. Uno studio scientifico ha dimostrato che previene le malattie cardiovascolari, tiene il cervello allenato, contrasta ansia e depressione e contribuisce alla salute del sistema immunitario. Esprimi la tua opinione.

[Смех полезен для здоровья: он помогает сжигать калории и работать эффективнее. Научное исследование показало, что он предотвращает сердечно-сосудистые заболевания, поддерживает работу мозга, борется с тревогой и депрессией и способствует здоровью иммунной системы. Вырази свое мнение.] (перевод наш)

2) Успех: деньги, слава и карьера или преданность работе, образование, деловая хватка и удача?

3) Современные люди начинают реже мыться, вплоть до трех раз в неделю, чтобы сохранить естественный жировой баланс кожи.

4) Беспилотные автомобили, передвигающиеся при помощи датчиков – миф или реальность?

5) Постройка домов на деревьях в современной архитектуре.

6) Каковы, по вашему мнению, аспекты, которые позволяют человеку самоопределиться и интегрироваться в чужой стране?

7) Семья – зеркало общества, она меняется и развивается вместе с ним. Каково новое определение семьи?

8) Вакцины от сезонного гриппа: забота о здоровье граждан или интересы фармацевтических компаний? (перевод наш)

Экзамен на знание французского языка DALF [DALF] предлагает только одну тему для дискуссии: развитие отношений между врачом и пациентом в современной медицине. Выступающему предлагается вообразить себя участником тематической радиопрограммы (в качестве обычного гражданина) (перевод наш).

Экзамен на знание испанского языка DELE [DELE] включает в себя также одну-единственную тему – «Как отношения и привычки на работе могут влиять на жизнь людей?» (перевод наш). Обучающемуся предлагается представить себе, что он

проходит тематические курсы, при этом он находится на работе, выполняет финальную работу по проходимым им курсам и должен аргументированно изложить свою позицию по этому вопросу.

Как можно увидеть на примере открытых контрольно-измерительных материалов, использующихся для подготовки к экзаменам учениками и преподавателями, далеко не все устные высказывания имеют равный потенциал к агонально ориентированному высказыванию. Максимально «агонально ориентированным» можно назвать экзамен по итальянскому языку, где предлагается 8 тем, каждая из которых подразумевает вариант «за» или «против». При этом, однако, в большинстве случаев формулировка вопроса в тестировании CILS подталкивает к определенной позиции и не подразумевает полноценного соревновательного диалога: так, в ряде случаев присутствует отсылка к мнению ученых или знаменитостей, подталкивающая обучающегося к определенной точке зрения. В экзаменах DALF и DELE обучающемуся предлагается принять на себя определенную социальную роль (которая может не соответствовать его

реальной позиции), выступая как бы от лица участника радиопередачи или человека, посещающего какие-либо курсы. Экзамен TOEFL в устной части ориентирован на реферирование и понимание в большей степени, чем на соревновательную дискуссию, соответственно, элемент агональности представлен как «вторая реплика»: обучающемуся предлагается работать с уже высказанной аргументацией и принять на себя роль оппонента, что обосновано с точки зрения знания языка: для проведения дебатов мало уметь сформулировать свое высказывание, необходимо уметь понимать высказывание противника и вычленять из него аргументацию.

Подготовка к высказыванию по любой из приведенных выше тем по классической схеме Аристотеля и наследующей ее паттерны парадигме Квинтилиана, легшей в основу классического образования, предполагает матрично-табличное осмысление темы (либо каждого ключевого слова темы) по ряду параметров, включающих в себя субъект, объект, место, время, цель, причину и пр. Так, в современных риториках упоминаются следующие параметры [Волков 2001: 56]:

Таблица

Топосы для поиска аргументов по риторике А. А. Волкова

Общие	Внутренние (логические)	Внешние (содержательные)		
		Описательные (обстоятельственные)	Действие – претерпевание	
			Предыдущее – последующее	Связанные с временем
				В логическом смысле
				Линейный порядок
				Иерархия
			Причина и действие	
			Место (положение)	
			Время	
			Состояние	
			Внешние обстоятельства	
		Причинно-следственные	Причина и следствие	
			Условие	
		Модально-оценочные	Лицо – поступок	
			Образ действия	
			Цель и средство	
		Определительные	Присущее и приводящее	
			Признаки	
			Качества	
			Свойство	
			Отношение	
			Род – вид, индивид	
			Целое и часть	
Имя и вещь				
Тождество				
Сопоставительные (сравнительные)	Большее – меньшее			
	Подобие			
	Противное			
	Правило справедливости			
	Обратимость			
	Транзитивность			
Частные				

Для поиска аргументов оратору предлагается задать себе мысленные вопросы: например, в какое время необходимо осуществлять определенное действие, в каком месте оно уместно и пр. В итоге у него образуется корпус идей, из которого он впоследствии выбирает несколько максимально эф-

фективных для данной конкретной аудитории, исходя из ее параметров – возраст, количество, пол и пр. Если опираться, к примеру, на приведенную выше схему А. А. Волкова, то корпус идей может включать в себя 30 аргументов. 4 или 5 становятся основой будущего выступления, а осталь-

ные используются как «запасной» материал для развития дискуссии. Также полезным мыслительным упражнением в этом качестве был поиск аргументов не только «за», но и «против» для последующего ответа оппоненту (тот паттерн «самоопровержения», который интегрирован в схему Марка Фабия Квинтилиана).

Современный студент, изучающий иностранный язык, знаком с этой практикой, только если у него в учебный план включена классическая риторика, подразумевающая историю античной риторики и погружение в процесс подготовки и разработки тематики по топосам. Не знакомые с данной практикой обучающиеся могут формировать свое высказывание по принципу мимесиса (подражания) либо просто строить высказывание «по вдохновению», используя бессистемный поиск аргументов.

Возвращение в практику дебатирования агонального паттерна предполагает, что с целью развития навыков порождения устного высказывания на иностранном языке студентам предлагается спорить с интеллектуальным и непредсказуемым противником. Это осложняет соревновательную практику: если от своих сокурсников студенты могут услышать относительно предсказуемые аргументы, ограниченные при этом их словарным запасом и лингвистической подготовкой, то от виртуального противника они могут услышать достаточно неожиданные аргументы, сформированные последним на основе анализа интернет-материала на иностранном языке.

В целях исследования продуктивности нейросети как потенциального актора дебатов ей были предложены темы из перечисленных выше экзаменов, была поставлена задача сгенерировать текст объемом 4 000 знаков, затем – ответить на этот текст в качестве оппонента, затем снова высказаться от лица, защищавшего первую позицию. Таким образом, всего искусственным интеллектом было сгенерировано 39 текстов объемом около 4 000 знаков: три текста («тезис – антитезис – синтез») по 13 темам (8 тем из CILS, по 2 из DALF и TOEFL и одна из DELE). Отметим, что подобный эксперимент проводился в Оксфорде в 2021 году, на базе нейросети Megatron Transformer, однако от нее требовалось лишь высказывание по теме, без подробной аргументации¹.

Анализ полученных 39 текстов позволил проследить следующие тенденции: во-первых, ИИ максимально опирается на высказанный ранее текст: если предложить нейросети высказаться как оппоненту, она вводит в высказывание фрагменты сказанного «оппонентом». Именно это цитирование исходного текста является на сегодняшний день фактически единственным отличием текстов, произведенных нейросетью, от текстов, производимых человеком, что было доказано эксперимен-

том Р. Е. Тельпова и С. В. Ларциной [2023]. Во-вторых, искусственный интеллект на современном этапе развития действует как вдумчивый оратор: подбирает аргументы различной логической структуры, использует не только «отражение» высказывания противника, но и находит оригинальные, не использованные ранее аргументы. Все 39 текстов отличались разнообразной аргументацией (минимум 5 различных схем аргументов по топосам в рамках предложенного объема), внимательным цитированием текста «оппонента», сбалансированной композицией и лексическим портретом «образа субъекта речи», позволяющим отличить одного оппонента от другого.

Продемонстрируем участие нейросети в дебатах на примере темы из экзамена CILS. Искусственному интеллекту было предложено высказаться на английском языке «за» редкое мытье и сокращение использования мыла и геля для душа. Ею были использованы следующие аргументы (выдержка из сгенерированного высказывания, обобщение наше):

1) естественный жировой баланс и микробиом кожи страдают от слишком агрессивного мытья (When we shower too often, especially with hot water and harsh soaps, we can strip away these natural oils. This can lead to dry, irritated skin and potentially disrupt the skin's microbiome – the collection of microorganisms that live on our skin and play a role in our health);

2) дерматологи рекомендуют мыться реже (Some dermatologists recommend showering every other day or a few times a week, unless you're visibly dirty or sweaty);

3) для многих людей принятие душа является своего рода ежедневным ритуалом, без которого их день будет неполным (For many people, a daily shower is an important part of their routine that helps them feel clean, refreshed, and ready to start the day) – аргумент против высказываемой точки зрения;

4) для человека характерны разные потребности в мытье разных частей тела (It's also worth noting that different parts of the body have different needs. Our face, for example, often benefits from gentler, less frequent cleansing than our body);

5) «личный опыт» говорящего субъекта (I try to use gentle, natural products and avoid super hot showers that dry out my skin).

Присутствует также опровержение аргумента о знаменитостях, которые не работают в опасных и сильно загрязненных условиях (They may also have jobs or lifestyles that don't involve getting as sweaty or dirty as many people do in their daily lives). В целом псевдо-субъект речи, высказывание которого имитирует нейросеть, использует разнообразную аргументацию, обращается к «своему» опыту, рекомендуя соблюдать разумный баланс и не впадать в крайности. Высказывание достаточно обширно, при этом в нем присутствуют логически обоснованные и структурированные аргументы, обращенные к различным топосам – к субъекту (свойства человека как живого организма), к авторитету (мнение дерматологов), к части и целому (раздель-

¹ Ламехов Д. Оксфорд пригласил на дебаты самую сложную нейросеть в мире. Она предупредила об опасности нейросетей. URL: <https://daily.afisha.ru/news/57852-oxford-priglasil-na-debaty-samuyu-slozhnyuyu-neyroset-v-mire-ona-predupredila-ob-opasnosti-neyrosetey/> (дата обращения: 15.12.2024).

ное мытье разных частей тела), к образу действия (душ как часть привычки) и к конкретному примеру – личному опыту псевдо-субъекта.

В роли «оппонента» нейросеть практически дословно цитирует высказанное ранее «первым говорящим» (см. выделенное курсивом в тексте – эти фрагменты входят также и в первый текст, порожденный искусственным интеллектом): *I'd like to offer a different view on the trend of reducing soap and shower gel usage. ... You mentioned that some dermatologists recommend showering every other day or a few times a week. ... As you mentioned, celebrities often have access to high-end skincare products and treatments.* (Я хотел бы предложить другой взгляд на тенденцию сокращения использования мыла и гелей для душа. ... Вы упомянули, что некоторые дерматологи рекомендуют принимать душ через день или несколько раз в неделю. ... Как вы упомянули, знаменитости часто имеют доступ к высококачественным продуктам и процедурам по уходу за кожей) (перевод наш).

Любопытно, что искусственный интеллект демонстрирует соответствие принципам Аристотеля: он использует аргумент, не звучавший ранее ни в речи его «противника», ни в изначальном задании к дискуссии – говорит об окружающей среде и о вреде для нее от излишнего употребления воды при ежедневном мытье (While water-saving methods are important, reducing shower frequency can be part of a holistic approach to water conservation). Возвращаясь к своему первому «субъекту речи», ИИ также часто цитирует высказывания «оппонента» и в итоге согласен с ним в том, что для решения каждого вопроса необходим индивидуальный подход, единого рецепта для всех типов кожи быть не может, а соблюдение гигиены на ежедневной основе обязательно касается определенных частей тела.

В текстах, которые были сгенерированы в рамках настоящего эксперимента, нейросеть также структурировала текст, высказывала разнообразные аргументы, грамотно дискутировала. Обучающимся было трудно с ней конкурировать: как показал опрос 148 студентов из 12 языковых групп, они хорошо понимают текст, произведенный ИИ, однако не готовы ответить равноценным текстом за отведенное небольшое время подготовки (так, на CILS заявлено 10–15 минут на подготовку, на DALF – 10 минут и пр.). Вариант дискутирования с нейросетью был метко оценен одним из учащихся как «игра в шахматы с компьютером на максимальной сложности» – т. е. компетенции искусственного интеллекта в области дебатирования существенно превосходят уровень «естественного», и студент воспринимает его скорее как референс, точку, до которой необходимо тянуться, чем реального противника. Обучающиеся эксплицитно признали, что вряд ли смогли бы породить такой текст за столь короткое время даже на родном языке. Следует также признать, что ИИ превосходит обучающегося не по уровню компетенций в построении аргументации, а по уровню знания иностранного языка. Для разных уровней владения языком могут быть предусмотрены различные

варианты сложности текста, которые продуцирует нейросеть.

Обсуждение

Проведенный эксперимент показал, что нейросеть вполне способна восполнить лауну в процедуре проведения занятий для подготовки к экзамену, подтверждающего уровень владения иностранным языком. Большинство экзаменов на продвинутом уровне включают в себя практику производства устного и/или письменного текста на некую спорную тему – одну либо несколько на выбор. Таким образом воспроизводится паттерн классической античной соревновательной риторики, однако обучающийся в процессе сдачи данного задания лишен необходимого элемента данной процедуры – противника. Между тем именно живой соревновательный диалог и обмен высказываниями, представляющими две противоположные точки зрения, позволяют выявить не только уровень владения языком, но и способность структурировать текст, слушать и слышать оппонента и продуктивно взаимодействовать с ним.

Для имитации агонального диалога в ходе экзамена могут использоваться принимающие данный экзамен преподаватели, что заведомо ставит ученика в слабую позицию, так как член экзаменационной комиссии априори не является равным собеседником. В связи с этим предлагается внедрить практику имитации диалога с нейросетью, которую можно визуализировать как виртуального собеседника.

Алгоритмы порождения текста искусственным интеллектом в современных условиях показывают, что для максимально продуктивного агонально ориентированного диалога на иностранном языке подходит сеть LLM на базе claude-3-opus и claude-3.5-sonnet. Широко известная сеть Chat GPT в меньшей степени способна порождать структурированные тексты без ошибок, и попытки обращения к ней в рамках проведенного эксперимента следует считать неудачными.

Для продуктивного использования нейросети как инструмента подготовки обучающегося к дебатированию предлагается поставить ей задачу высказаться на английском языке по одной из предложенных тем. Обучающемуся предлагается прооппонировать этому высказыванию, подбирая свои аргументы по системе Квинтилиана и/или любой другой системе, с которой студент может продуктивно работать. Высказывание, продуцированное нейросетью, выступает как реплика сильного противника в агональном диалоге, заведомо не ожидаемое студентом. При выполнении задания в письменном виде можно, наоборот, предложить нейросети выступить в роли оппонента к высказыванию студента, а студенту впоследствии прооппонировать, чтобы создать атмосферу дискуссии.

Результаты

Несмотря на многочисленные изменения в сфере образования, современные процедуры проведения экзаменов, в частности комплексного те-

стирования для верификации уровня владения иностранным языком, наследуют коммуникативные практики, известные еще с античности. Экзаменуемым предлагается продемонстрировать высокий уровень в области чтения, письма, слушания и говорения на языке. Навык говорения в большинстве тестирований верифицируется через производство устного высказывания по теме, предлагающей к потенциальной дискуссии (одной или нескольким темам на выбор, с подготовкой на протяжении 10–15 минут либо без подготовки). Такой способ проверки уровня владения языком восходит к практике публичной защиты темы, принятой в Древней Греции. Недостатком бытующей практики проведения экзаменов является отсутствие необходимой «второй стороны» – оппонента, придерживающегося противоположной точки зрения. В отсутствие оппонента агональная риторика утрачивает смысл и не позволяет отработать навык продуктивного возражения – по сути, экзамен превращается в «диалог с пустотой» (что ставит вопрос о необходимости использования в нем соревновательно-ориентированной тематики). Сами обучающиеся в силу примерно равного уровня знания иностранного языка и схожего

культурного багажа являются друг для друга достаточно предсказуемыми и в связи с этим слабыми оппонентами. Соответственно, для более продуктивного проведения занятий по иностранному языку, а также для отработки навыков дискутирования во время подготовки к нему предлагается привлекать к практике дебатирования искусственный интеллект. Эксперимент с предложением нейросети произвести тексты заданного объема по темам, входящим в состав экзаменационных испытаний, показал ее способность произвести связный, структурированный и содержащий аргументы, основанные на различных топосах. Дебатирование с искусственным интеллектом позволит обучающемуся отточить навыки поиска идей (в соответствии с классической практикой в том виде, в котором это было задумано Аристотелем), структурирования текста и работы с текстом оппонента. При настройке голосового набора (что несложно настроить в любой модификации современной клавиатуры) нейросеть сможет «прочитать» реплику своего оппонента и сформулировать ответ на нее в кратчайшие сроки, что позволит симитировать продуктивный агональный диалог.

Литература

- Бармина, Э. Э. Дебаты как инструмент формирования социо-профессиональных компетенций студентов / Э. Э. Бармина, Ю. Г. Степанян // *Современные инновационные образовательные технологии в информационном обществе : материалы XIV Международной научно-методической конференции*. – 2022. – С. 14–19.
- Волков, А. А. Курс русской риторики / А. А. Волков. – М. : Издательство храма св. муч. Татианы, 2001. – 480 с.
- Герейханова, К. Ф. Трансформация схемы верификации научного знания в современной научной периодике / К. Ф. Герейханова, Ю. В. Шуйская // *Казанская наука*. – 2020. – № 12. – С. 41–43.
- Дунаенко, А. И. Организация дебатов как способ формирования универсальных компетенций / А. И. Дунаенко // *Образование и глобальные вызовы современности: научно-педагогический контекст : сборник научных трудов / под редакцией В. К. Шаповалова, И. Ф. Игропуло, Е. А. Фоминой*. – Ставрополь, 2022. – С. 154–159.
- История дебатов кандидатов в президенты США. – URL: <https://tass.ru/info/21217363> (дата обращения: 15.12.2024). – Текст : электронный.
- Кузнецова, Н. В. Роль дебатов на занятии по иностранному языку / Н. В. Кузнецова // *Актуальные вопросы изучения иностранного языка в вузе : материалы Всероссийской научно-методической конференции*. – Рязань, 2022. – С. 158–163.
- Литвинова, Ю. И. Образовательный потенциал дебатов как средства обучения иностранному языку / Ю. И. Литвинова, М. А. Кропачева // *Сборник материалов Всероссийской (с международным участием) научно-практической конференции «Языки и этнокультуры Европы», посвященной памяти доктора филологических наук, профессора Н. Н. Ореховой*. – Глазов, 2022. – С. 299–302.
- Лосев, А. Ф. История античной эстетики. Софисты. Сократ. Платон / А. Ф. Лосев. – М. : АСТ, 2000. – 850 с.
- Мультановская, Д. В. Феномен копирайтинга: генезис, эволюция, функции, принципы текстообразования : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Д. В. Мультановская. – М., 2024. – 22 с.
- Пуня, И. Н. Использование технологии дебатов для повышения эффективности обучения иностранному языку / И. Н. Пуня // *Преподавание иностранных языков в поликультурном мире: традиции, инновации, перспективы : сборник статей IV Международной научно-практической конференции*. – Минск, 2022. – С. 21–23.
- Рождественский, Ю. В. Теория риторики / Ю. В. Рождественский. – М. : Добросвет, 1997. – 597 с.
- Тельпов, Р. Е. Типовые различия естественных и сгенерированных нейронной сетью текстов в количественном аспекте / Р. Е. Тельпов, С. В. Ларцина // *Научный диалог*. – 2023. – Т. 12, № 7. – С. 47–65. – DOI: 24224/2227-1295-2023-12-7-47-65.
- Шуйская, Ю. В. Привлечение нейросетей к проведению дебатов на иностранном языке на продвинутом этапе его изучения / Ю. В. Шуйская, Е. А. Дроздова, М. В. Мыльцева // *Мир науки, культуры, образования*. – 2023. – № 2 (99). – С. 216–218. – DOI: 10.24412/1991-5497-2023-299-216-218.
- DALF. – URL: <https://www.france-education-international.fr/diplome/dalf/dalf-c2-exemples-de-sujets> (mode of access: 15.12.2024). – Text : electronic.

DELE. – URL: https://examenes.cervantes.es/sites/default/files/DELE_C2_0524_COD25_P2_1.pdf (mode of access: 15.12.2024). – Text : electronic.

TOEFL. – URL: <https://www.testverbal.ru/toefl-writing> (mode of access: 15.12.2024). – Text : electronic.

Unistrasi Centro CILS. – URL: https://cils.unistrasi.it/89/200/Prove_Liv._C2.htm (mode of access: 15.12.2024). – Text : electronic.

References

Barmina, E. E., Stepanyan, Yu. G. (2022). Debaty kak instrument formirovaniya sotsio-professional'nykh kompetentsii studentov [Debates as a Tool for the Formation of Socio-Professional Competencies of Students]. In *Sovremennye innovatsionnye obrazovatel'nye tekhnologii v informatsionnom obshchestve: materialy XIV Mezhdunarodnoi nauchno-metodicheskoi konferentsii*, pp. 14–19.

DALF. URL: <https://www.france-education-international.fr/diplome/dalf/dalf-c2-exemples-de-sujets> (mode of access: 15.12.2024).

DELE. URL: https://examenes.cervantes.es/sites/default/files/DELE_C2_0524_COD25_P2_1.pdf (mode of access: 15.12.2024).

Dunaenko, A. I. (2022). Organizatsiya debatov kak sposob formirovaniya universal'nykh kompetentsii [Organizing Debates as a Way to Form Universal Competencies]. In Shapovalov, V. K., Igropulo, I. F., Fomina, E. A. (Eds.). *Obrazovanie i global'nye vyzovy sovremennosti: nauchno-pedagogicheskii kontekst: sbornik nauchnykh trudov*. Stavropol, pp. 154–159.

Gereikhanova, K. F., Shuiskaya, Yu. V. (2020). Transformatsiya skhemy verifikatsii nauchnogo znaniya v sovremennoi nauchnoi periodike [Transformation of the Verification Scheme of Scientific Knowledge in Modern Scientific Periodicals]. In *Kazanskaya nauka*. No. 12, pp. 41–43.

Istoriya debatov kandidatov v prezidenty SShA [History of the Debates of US Presidential Candidates]. URL: <https://tass.ru/info/21217363> (mode of access: 15.12.2024).

Kuznetsova, N. V. (2022). Rol' debatov na zanyatii po inostrannomu yazyku [The Role of Debate in a Foreign Language Class]. In *Aktual'nye voprosy izucheniya inostrannogo yazyka v vuze: materialy Vserossiiskoi nauchno-metodicheskoi konferentsii*. Ryazan, pp. 158–163.

Litvinova, Yu. I., Kropacheva, M. A. (2022). Obrazovatel'nyi potentsial debatov kak sredstva obucheniya inostrannomu yazyku [The Educational Potential of Debates as a Means of Teaching a Foreign Language]. In *Sbornik materialov Vserossiiskoi (s mezhdunarodnym uchastiem) nauchno-prakticheskoi konferentsii «Yazyki i etnokul'tury Evropy», posvyashchennoi pamyati doktora filologicheskikh nauk, professora N. N. Orekhovoi*. Glazov, pp. 299–302.

Losev, A. F. (2000). *Istoriya antichnoi estetiki. Sofisty. Sokrat. Platon* [The History of Ancient Aesthetics. Sophists. Socrates. Plato]. Moscow, AST. 850 p.

Multanovskaya, D. V. (2024). *Fenomen kopiraitinga: genezis, evolyutsiya, funktsii, printsipy tekstoobrazovaniya* [The Phenomenon of Copywriting: Genesis, Evolution, Functions, Principles of Text Formation]. Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Moscow. 22 p.

Punya, I. N. (2022). Ispol'zovanie tekhnologii debatov dlya povysheniya effektivnosti obucheniya inostrannomu yazyku [Using Debate Technology to Improve the Effectiveness of Foreign Language Teaching]. In *Prepodavanie inostrannykh yazykov v polikul'turnom mire: traditsii, innovatsii, perspektivy: sbornik statei IV Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii*. Minsk, pp. 21–23.

Rozhdestvensky, Yu. V. (1997). *Teoriya ritoriki* [Theory of Rhetoric]. Moscow, Dobrosvet. 597 p.

Shuiskaya, Yu. V., Drozdova, E. A., Myltseva, M. V. (2023). Privlechenie neirosetei k provedeniyu debatov na inostrannom yazyke na prodvnutom etape ego izucheniya [Involvement of Neural Networks in Conducting Debates in a Foreign Language at an Advanced Stage of Its Study]. In *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya*. No. 2 (99), pp. 216–218. DOI: 10.24412/1991-5497-2023-299-216-218.

Telpov, R. E., Lartsina, S. V. (2023). Tipovye razlichiya estestvennykh i sgenerirovannykh neironnoi set'yu tekstov v kvantitativnom aspekte [Typical Differences between Natural and Neural Network-Generated Texts in the Quantitative Aspect]. In *Nauchnyi dialog*. Vol. 12. No. 7, pp. 47–65. DOI: 24224/2227-1295-2023-12-7-47-65.

TOEFL. URL: <https://www.testverbal.ru/toefl-writing> (mode of access: 15.12.2024).

Unistrasi Centro CILS. URL: https://cils.unistrasi.it/89/200/Prove_Liv._C2.htm (mode of access: 15.12.2024).

Volkov, A. A. (2001). *Kurs russkoi ritoriki* [The Course of Russian Rhetoric]. Moscow, Izdatel'stvo khrama sv. much. Tatiyana. 480 p.

Данные об авторах

Ламзина Анна Владиславовна – кандидат филологических наук, доцент, Московский физико-технический институт (национальный исследовательский университет) (Долгопрудный, Россия).

Адрес: 141701, Россия, г. Долгопрудный, Институтский пер., 9.

E-mail: alamzina@mail.ru.

Сильчева Алина Георгиевна – кандидат филологических наук, доцент, Московский университет им. А. С. Грибоедова (Москва, Россия).

Адрес: 111396, Россия, г. Москва, Зеленый пр-т, 66А.

E-mail: alinka-krasulka@mail.ru.

Authors' information

Lamzina Anna Vladislavovna – Candidate of Philology, Associate Professor, Moscow Institute of Physics and Technology (National Research University) (Dolgoprudny, Russia).

Silcheva Alina Georgievna – Candidate of Philology, Associate Professor, Moscow University named after A. S. Griboedov (Moscow, Russia).

Дата поступления: 21.10.2024; дата публикации: 28.12.2024

Date of receipt: 21.10.2024; date of publication: 28.12.2024

УДК 378.016:811.161.1'366+378.016:811.581'366. DOI: 10.26170/2071-2405-2024-29-4-160-172.
ББК Ш151.12-9-99+Ш171.1-9-99.
ГРНТИ 16.21.41. Код ВАК 5.9.8

КОГНИТИВНЫЕ ФАКТОРЫ ИЗУЧЕНИЯ ЧАСТЕЙ РЕЧИ В ПРАКТИЧЕСКИХ КУРСАХ РУССКОГО И КИТАЙСКОГО ЯЗЫКОВ КАК ИНОСТРАННЫХ

Цзин Байлян

Хэнаньский педагогический университет (Синьсян, Китай)

ORCID ID: <http://orcid.org/0009-0001-1926-0975>

SPIN-код: 5253-0525

А н н о т а ц и я . В условиях глобализации и углубляющихся связей между Китаем и Россией изучение русского и китайского языков приобретает особую значимость, что делает актуальным исследование когнитивных факторов, влияющих на восприятие категорий частей речи. Настоящее исследование направлено на анализ как внутренних (грамматические структуры, словообразование), так и внешних факторов (мотивация), определяющих когнитивное восприятие категорий частей речи у студентов. Результаты показали, что осознанная и долгосрочная мотивация оказывает наибольшее влияние на когнитивное восприятие, способствуя улучшению понимания и классификации частей речи. Эти выводы подчеркивают необходимость разработки целенаправленных учебных стратегий, интегрирующих мотивационные компоненты и учитывающих когнитивные особенности учащихся. Полученные данные могут служить основой для создания более эффективных педагогических подходов, направленных на оптимизацию процесса обучения и повышение языковой компетенции.

К л ю ч е в ы е с л о в а : когнитивное восприятие; части речи; мотивация; учебные стратегии; русский язык; китайский язык

Б л а г о д а р н о с т и : 本文系2024年度河南省高校人文社会科学研究一般项目《实践教学中俄汉语词类的认知因素研究》(项目编号: 2024-ZDJH-688)的阶段性成果(工作完成于河南省教育厅支持下的河南人文社会科学基金资助项目《2024-ZDJH-688 研究汉语词类认知的认知因素》)。

Д л я ц и т и р о в а н и я : Цзин, Байлян. Когнитивные факторы изучения частей речи в практических курсах русского и китайского языков как иностранных / Цзин Байлян. – Текст : непосредственный // Филологический класс. – 2024. – Т. 29, № 4 – С. 160–172. – DOI: 10.26170/2071-2405-2024-29-4-160-172.

COGNITIVE FACTORS OF THE STUDY OF PARTS OF SPEECH IN THE PRACTICAL TEACHING OF RUSSIAN AND CHINESE LANGUAGES

Jing Bailiang

Henan Normal University (Xinxiang, China)

ORCID ID: <http://orcid.org/0009-0001-1926-0975>

Abstract. In the context of globalization and the deepening ties between China and Russia, the study of Russian and Chinese languages has gained particular significance, making the research of cognitive factors influencing the perception of parts of speech categories highly relevant. This study aims to analyze both internal factors (grammatical structures, word formation) and external factors (motivation) that shape the students' cognitive perception of parts of speech categories. The results indicate that conscious and long-term motivation exerts the most significant influence on the cognitive perception, enhancing students' comprehension and classification of parts of speech. These findings highlight the need to develop targeted educational strategies that integrate motivational components and account for students' cognitive characteristics. The results may serve as a foundation for developing more effective pedagogical approaches aimed at optimizing the learning process and improving language competence.

Key words: cognitive perception; parts of speech; motivation; education strategies; Russian language; Chinese language

Acknowledgments: This article has been written with financial support of the Henan Provincial Humanities and Social Sciences Foundation "Cognitive Factors in the Study of Parts of Speech in the Practical Teaching of Russian and Chinese Languages" (Project No. 2024-ZDJH-688).

For citation: Jing, Bailiang. (2024). Cognitive Factors of the Study of Parts of Speech in the Practical Teaching of Russian and Chinese Languages. In *Philological Class*. Vol. 29. No. 4, pp. 160–172. DOI: 10.26170/2071-2405-2024-29-4-160-172.

В условиях глобализации язык выполняет не только функцию средства общения, но и роль культурного посредника. Русский и китайский языки, обладая уникальными системами частей речи, отражают культурные различия, которые усложняют процесс обучения. Углубляющиеся политические, экономические и культурные связи между Китаем и Россией подчеркивают необходимость разработки инновационных методик преподавания, направленных на преодоление языковых барьеров

и укрепление межкультурного взаимодействия.

Части речи являются основой овладения языком. Однако грамматические, словообразовательные, культурные и другие различия между русским и китайским языками создают значительные трудности как для учащихся, так и для преподавателей, усложняя процесс изучения.

С точки зрения грамматической структуры русский и китайский языки существенно различаются, что особенно заметно в классификации

частей речи. В русском языке существительные и прилагательные склоняются по роду, числу и падежу, а глаголы – по лицам, числам и временам, что вызывает значительные трудности при освоении русской морфологии китайскими студентами. Словообразование в русском языке строится на основе корней, приставок и суффиксов, например вид и залог глагола выражаются аффиксами. В китайском языке слова образуются из иероглифов, что требует адаптации к иному способу построения слов. Синтаксически китайский язык характеризуется жестким порядком слов, при котором подлежащее обычно предшествует сказуемому, тогда как русский язык обладает гибкой структурой предложения благодаря развитой системе падежей, позволяющей изменять порядок слов для акцентирования информации. Многочисленные слова в русском языке могут иметь разные значения в зависимости от контекста, в то время как в китайском языке для этих значений, как правило, используются различные лексические единицы, что требует внимательного анализа контекстуальных значений.

Несмотря на усвоенные знания в процессе практического обучения, результаты тестирования

показали значительные индивидуальные различия в понимании частей речи среди учащихся. Исследование, проведенное среди студентов русских факультетов одного из университетов Центрального Китая, выявило, что студенты, обучающиеся русскому языку от 2 до 3 лет, демонстрируют различные уровни понимания категорий частей речи, несмотря на одинаковые условия обучения.

Опрос был проведен среди 50 студентов факультета русского языка, из которых было собрано 36 ответов (из 50 анкет 14 были отбракованы по разным причинам). В результате среди респондентов 36,11% составляют мужчины, а 63,89% – женщины, что свидетельствует о преобладании женщин в выборке. Возраст участников варьировался от 18 до 22 лет. Анкета включала вопросы по изученным базовым словам (всего 10 слов): «плохо», «пожилой», «по-английски», «смочь», «напротив», «летом», «когда», «недавно», «выходной», «какой-то». Анализ анкетных данных показал, что, несмотря на полученное обучение, сохраняются значительные индивидуальные различия в понимании частей речи (см. табл. 1).

Таблица 1

Коэффициент правильных ответов при классификации частей речи русского языка китайскими учащимися¹

Слово	Правильный ответ	Число участников, выбравших данный ответ	Коэффициент правильных ответов
плохо	наречие	22	0,6111
пожилой	прилагательное	32	0,888888
по-английски	наречие	24	0,666667
смочь	глагол	27	0,75
напротив	наречие	19	0,527778
летом	наречие	24	0,666667
когда	наречие	24	0,666667
недавно	наречие	29	0,805556
выходной	существительное	30	0,833333
какой-то	местоимение	14	0,388889

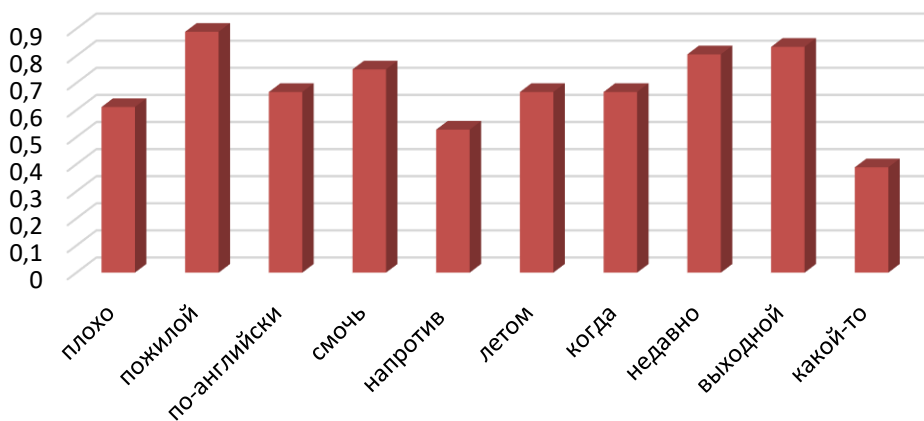

Рис. 1. Коэффициент правильных ответов

¹ Критерии выделения частей речи, представленные в таблице 1, основаны на стандартах, изложенных в «Большом универсальном словаре русского языка» (М.: АСТ-ПРЕСС, 2018. 1451 с.).

Изучение данных позволяет заключить, что при классификации частей речи иностранного

языка учащиеся подвержены значительному влиянию особенностей своего родного языка и при-

вычных когнитивных стратегий. Как отметил Ван Инь, реальность определяет познание, познание определяет язык, а язык отражает и влияет на когницию [Ван Инь 2020]. Иными словами, изучая части речи в одном языке с позиций другого языка, невозможно избежать влияния родного языка. В этом контексте следует подчеркнуть, что в процессе практического обучения мы разъяснили участникам исследования различия между русскими и китайскими частями речи, как было указано выше. Эти наблюдения поднимают важный вопрос: помимо языковых особенностей, какие дополнительные факторы влияют на восприятие частей речи учащимися?

Для изучения данного вопроса целесообразно обратиться к исследованиям внешних когнитивных факторов, таких как мотивация, которые могут существенно воздействовать на восприятие и усвоение языковых структур. Как подчеркивает Золтан Дёрнеи (Z. Dörnyei), мотивация играет ключевую роль в процессе изучения языка, поддерживая интерес и вовлеченность учащихся, что напрямую связано с успешностью обучения [Dörnyei 2001]. М. В. Гамезо тоже утверждает, что мотивация является важной составляющей успешного изучения второго языка, определяя поведение и учебные результаты учащихся. Он отмечает, что «мотив – это внутренняя устойчивая психологическая причина поведения», которая делает действия целенаправленными и осмысленными [Гамезо 2007: 15]. Таким образом, понимание мотивации является одним из важных компонентов эффективного языкового обучения. Китайские ученые, такие как Цин Лили, основываясь на социокультурной теории Л. С. Выготского, утверждают, что мотивация к изучению второго языка не является статическим продуктом, а представляет собой динамический процесс, включающий учебный опыт и социально-культурную среду [Цин Лили 2017: 85]. В социальной жизни человека психологические явления и поведение имеют линейные причинные связи [Цин Лили 2013: 24]. Различные социальные, исторические и культурные факторы совместно формируют человеческую психику.

Следовательно, автор утверждает, что социокультурный подход позволяет глубже исследовать влияние мотивации на когнитивное восприятие категорий частей речи у китайских учащихся, изучающих русский язык как второй язык. Согласно Л. С. Выготскому психические функции делятся на натуральные (далее – НПФ) и высшие (далее – ВПФ) [Выготский 1983]. НПФ включают сенсомоторные и произвольные процессы, тогда как ВПФ охватывают произвольные функции, такие как мышление и воображение, опосредованные знаками [Гамезо 2007: 15]. Л. С. Выготский подчеркивал, что ВПФ трансформируют психическую деятельность через социальные отношения [Выготский 1983]. Мотивация как совокупность внутренних и внешних факторов играет ключевую роль в социализации и обучении, способствуя формированию ВПФ. Таким образом, мотивация рассматривается не только как биологический инстинкт,

но и как феномен, формируемый культурными факторами в контексте социального взаимодействия и культурного воспитания. Настоящая работа утверждает, что социокультурный подход Л. С. Выготского предоставляет уникальную перспективу для исследования мотивационных факторов в когнитивном восприятии категорий частей речи при изучении русского языка как иностранного, подчеркивая, что мотивация отражает культурные и социальные структуры.

М. В. Гамезо, обобщив идеи таких ученых, как Л. С. Выготский, С. Л. Рубинштейн, А. Н. Леонтьев, А. Р. Лурия и П. Я. Гальперин, предположил, что мотивация может быть разделена на близкую, далекую, личную, общественную, осознанную и неосознанную [Гамезо 2007: 16–17]. В опоре на вышеуказанные теории и принцип, предложенный Ван Инь, согласно которому язык человека формируется через взаимодействие с реальным миром и когнитивную обработку («реальность – когнитивный процесс – язык») [Ван Инь 2020: 32], в данной работе проведено исследование освоения категорий частей речи в русском языке среди 36 китайских учащихся (из 50 анкет 14 были отбракованы по разным причинам). Исследование было направлено на анализ влияния мотивационных факторов и когнитивных процессов на восприятие категорий частей речи. На основе теорий, изложенных в работах вышеупомянутых ученых, была разработана анкета, включающая 7 разделов, из которых разделы 1–6 измеряют типы мотивации, а раздел 7 оценивает когнитивное восприятие категорий частей речи. Вопросы для измерения типов мотивации включают следующее:

1. Близкая мотивация: *Я усердно учу русский язык, чтобы выполнить свои текущие планы (например, языковой тест, поездка или конкретное событие и т. д.).*
2. Далекая мотивация: *Я учу русский язык, чтобы повысить свою конкурентоспособность в различных областях в будущем.*
3. Личная мотивация: *Я учу русский язык ради личного интереса и самосовершенствования.*
4. Социальная мотивация: *Я учу русский язык, чтобы иметь возможность общаться с русскими в социальных ситуациях.*
5. Осознанная мотивация: *Я учу русский язык, потому что точно знаю, что владение этим языком будет полезно для моего будущего.*
6. Неосознанная мотивация: *Я учу русский язык даже без конкретной цели.*
7. Когнитивное восприятие категорий частей речи: *Как факторы, такие как ваше усердие и мотивация, влияют на ваше восприятие и понимание классификации частей речи в русском языке? Оцените, насколько хорошо вы понимаете и можете классифицировать части речи в русском языке?*

Каждый тип мотивации измерялся с помощью утверждений, оцениваемых по шкале Ликерта от 1 до 5 (1 = совершенно не согласен, 5 = полностью согласен). Когнитивное восприятие оценивается самооценкой учащихся их уровня владения классификацией частей речи в русском языке.

Данные были обработаны и проанализирова-

ны с использованием SPSS версии 29. Для детального изучения взаимосвязей между мотивацией и когнитивным восприятием частей речи использовались следующие методы: описательный анализ для оценки распределения мотивационных факторов среди участников, проверка надежности анкеты с помощью коэффициента альфа Кронбаха для определения внутренней согласованности, а также оценка валидности данных с использованием тестов КМО и сферичности Бартлетта, которые подтвердили пригодность данных для дальнейшего анализа.

Результаты описательной статистики (см. табл. 2) показали, что все типы мотивации имеют средние значения выше 3, отражая высокий уровень мотивации у студентов. Осознанная мотивация имеет наивысшее среднее значение (4,06), что указывает на важность ясного понимания учебных целей и будущих выгод для успешного освоения русского языка. Этот фактор особенно влияет на когнитивное восприятие категорий частей речи, подчеркивая необходимость акцента на долгосрочные цели в учебном процессе.

Таблица 2

Описательные статистики мотивов изучения русского языка

Описательные статистики					
	N	Минимум	Максимум	Среднее	Среднеквадратичное отклонение
1. Я усердно учу русский язык, чтобы выполнить свои текущие планы (например, языковой тест, поездка или конкретное событие и т. д.)	36	3	5	3.92	.732
2. Я учу русский язык, чтобы повысить свою конкурентоспособность в различных областях в будущем	36	1	5	3.86	.899
3. Я учу русский язык ради личного интереса и самосовершенствования	36	2	5	3.56	.969
4. Я учу русский язык, чтобы иметь возможность общаться с русскими в социальных ситуациях	36	1	5	3.67	.956
5. Я учу русский язык, потому что точно знаю, что владение этим языком будет полезно для моего будущего	36	3	5	4.06	.754
6. Я учу русский язык даже без конкретной цели	36	1	5	3.31	1.191
N валидных (по списку)	36				

Детальный анализ выявил следующие различия между типами мотивации:

– Осознанная мотивация имеет наивысшее среднее значение (4,06), что свидетельствует о том, что студенты четко понимают и ценят будущие выгоды, связанные с изучением русского языка.

– Неосознанная мотивация имеет наименьшее среднее значение (3,31), указывая на относительно низкую вовлеченность учащихся, у которых отсутствует четкая цель.

– Близкая мотивация (3,92) демонстрирует значимость текущих задач, таких как экзамены или поездки, стимулирующих изучение языка.

– Дальняя мотивация (3,86) подчеркивает важность долгосрочных целей, связанных с повышением конкурентоспособности учащихся на рынке труда.

– Личная мотивация (3,56) указывает на стремление студентов к саморазвитию и интерес к языку, что также играет важную роль в их учебной деятельности.

– Социальная мотивация (3,67) указывает на высокую заинтересованность студентов в общении с носителями русского языка, что подчеркивает важность межкультурного взаимодействия.

Анализ стандартных отклонений показал, что наибольшее различие в мотивации наблюдается у студентов с неосознанной мотивацией (1,191), что свидетельствует о вариативности в уровне вовлеченности данной группы. Наименьшее стандартное отклонение было зафиксировано для близкой мотивации (0,732), что указывает на согласованность в

восприятии текущих целей среди студентов.

Результаты анализа показывают, что осознанная мотивация оказывает значительное влияние на когнитивное восприятие категорий частей речи. Студенты, имеющие четкое понимание своих учебных целей, показывают более высокие результаты в классификации и понимании русских частей речи, что подтверждает важность фокусирования на долгосрочных образовательных стратегиях, ориентированных на осознанное обучение. В то же время неосознанная мотивация, несмотря на положительное влияние, требует дальнейшего изучения для понимания ее механизмов воздействия на обучающий процесс. Высокие значения осознанной и дальней мотивации подчеркивают важность ясного понимания целей и долгосрочных перспектив, в то время как низкие значения неосознанной мотивации указывают на необходимость усиления целеполагания в учебном процессе. Эти выводы подчеркивают важность мотивационных факторов в разработке эффективных стратегий преподавания.

Анализ надежности (см. табл. 3) показывает, что анкета, используемая в данном исследовании, имеет хорошую внутреннюю согласованность. Значение альфа Кронбаха равно 0,817, что указывает на высокую надежность инструмента и делает его подходящим для дальнейшего анализа. Также значение альфа Кронбаха на основе стандартизованных пунктов составляет 0,836, что подтверждает внутреннюю согласованность анкеты. Общее количество элементов в анкете составляет 6, что

также способствует надежности полученных данных.

Таблица 3

Оценка надежности анкеты
мотивов изучения русского языка

Статистика надежности		
Альфа Кронбаха	Альфа Кронбаха на основе стандартизованных пунктов	Н элементов
.817	.836	6

Матрица корреляций (табл. 4) демонстрирует значимые взаимосвязи между типами мотивации. Например, высокая корреляция между осознанной и социальной мотивацией подчеркивает важность понимания учебных целей и их влияния на когнитивное восприятие категорий частей речи.

Основные выводы изложены ниже:

Взаимосвязь близкой мотивации с другими типами мотивации. Коэффициент взаимосвязи с дальней мотивацией составляет 0,459 ($p < 0,01$), что указывает на среднюю положительную взаимосвязь между этими переменными.

Коэффициент взаимосвязи с осознанной мотивацией равен 0,526 ($p < 0,01$), что указывает на высокую положительную взаимосвязь. Это указывает на тесную взаимосвязь между мотивацией выполнения текущих задач и стремлением к достижению будущих целей.

Взаимосвязь дальней мотивации с другими типами мотивации. Коэффициент взаимосвязи с социальной мотивацией составляет 0,509 ($p < 0,01$), что указывает на среднюю положительную взаимосвязь.

Коэффициент взаимосвязи с осознанной мотивацией равен 0,602 ($p < 0,01$), что подчеркивает высокую положительную взаимосвязь. Это акцентирует взаимосвязь между долгосрочной мотивацией и ясным осознанием выгод от изучения языка.

Взаимосвязь личной мотивации с другими типами мотивации. Коэффициент взаимосвязи с социальной мотивацией составляет 0,822 ($p < 0,01$), что указывает на очень высокую положительную взаимосвязь. Это указывает на значимую связь между личным интересом и стремлением к социальным взаимодействиям.

Взаимосвязь социальной мотивации с осознанной мотивацией. Коэффициент взаимосвязи равен 0,740 ($p < 0,01$), что свидетельствует о высоком уровне положительной взаимосвязи. Это отражает тесную взаимосвязь между социальными целями и осознанной мотивацией к изучению языка.

На основе анализа матрицы корреляций можно сделать вывод о взаимосвязи различных типов мотивации с когнитивным восприятием категорий частей речи у китайских студентов, изучающих русский язык (см. табл. 4).

Близкая мотивация и когнитивное восприятие частей речи. Коэффициент корреляции равен 0,271 ($p > 0,05$), что свидетельствует о положительной, но статистически незначимой корреляции. Это указывает на то, что мотивация для выполнения текущих задач может оказывать умеренное положительное влияние на когнитивное восприятие категорий частей речи, однако данное влияние является ограниченным и недостаточно выраженным для статистической значимости.

Дальняя мотивация и когнитивное восприятие частей речи. Коэффициент корреляции равен 0,600 ($p < 0,01$), что подтверждает значительную положительную корреляцию. Можно сделать вывод, что учащиеся, мотивированные на повышение своей конкурентоспособности в будущем, демонстрируют лучшее понимание категорий частей речи, что подчеркивает важность долгосрочных выгод в процессе обучения.

Личная мотивация и когнитивное восприятие частей речи. Коэффициент корреляции равен 0,386 ($p < 0,05$), что указывает на значительную положительную корреляцию. Личная мотивация, обусловленная интересом и стремлением к самосовершенствованию, способствует улучшению понимания категорий частей речи, что подчеркивает важность включения в учебные программы элементов, способных вызвать личный интерес учащихся.

Социальная мотивация и когнитивное восприятие частей речи. Коэффициент корреляции равен 0,519 ($p < 0,01$), что свидетельствует о значительной положительной корреляции. Социальная мотивация, связанная с возможностью общения с носителями языка, способствует более глубокому пониманию категорий частей речи, что подчеркивает важность социального взаимодействия в образовательном процессе.

Осознанная мотивация и когнитивное восприятие частей речи. Коэффициент корреляции равен 0,535 ($p < 0,01$), что свидетельствует о значительной положительной корреляции. Ясное понимание будущих выгод от изучения русского языка способствует улучшению когнитивного восприятия категорий частей речи, подчеркивая значимость разъяснения долгосрочных преимуществ изучения языка.

Неосознанная мотивация и когнитивное восприятие частей речи. Коэффициент корреляции равен 0,639 ($p < 0,01$), что указывает на значительную положительную корреляцию. Несмотря на то, что неосознанная мотивация в меньшей степени коррелирует с другими типами мотивации, она оказывает существенное влияние на когнитивное восприятие категорий частей речи, что требует дальнейшего изучения для углубленного понимания механизмов воздействия.

Таблица 4

Корреляционный анализ мотивов изучения русского языка

		Корреляции						
		Вопрос 1	Вопрос 2	Вопрос 3	Вопрос 4	Вопрос 5	Вопрос 6	Вопрос 7
1. Я усердно учу русский язык, чтобы выполнить свои текущие планы (например, языковой тест, поездка или конкретное событие и т. д.)	Корреляция Пирсона	1	.459**	.389*	.408*	.526**	.194	.271
	знач. (двух-сторонняя)		.005	.019	.013	<.001	.257	.110
	N	36	36	36	36	36	36	36
2. Я учу русский язык, чтобы повысить свою конкурентоспособность в различных областях в будущем	Корреляция Пирсона	.459**	1	.452**	.509**	.602**	.281	.600**
	знач. (двух-сторонняя)	.005		.006	.002	<.001	.097	<.001
	N	36	36	36	36	36	36	36
3. Я учу русский язык ради личного интереса и самосовершенствования	Корреляция Пирсона	.389*	.452**	1	.822**	.621**	.096	.386*
	знач. (двух-сторонняя)	.019	.006		<.001	<.001	.577	.020
	N	36	36	36	36	36	36	36
4. Я учу русский язык, чтобы иметь возможность общаться с русскими в социальных ситуациях	Корреляция Пирсона	.408*	.509**	.822**	1	.740**	.393*	.519**
	знач. (двух-сторонняя)	.013	.002	<.001		<.001	.018	.001
	N	36	36	36	36	36	36	36
5. Я учу русский язык, потому что точно знаю, что владение этим языком будет полезно для моего будущего	Корреляция Пирсона	.526**	.602**	.621**	.740**	1	.394*	.535**
	знач. (двух-сторонняя)	<.001	<.001	<.001	<.001		.017	<.001
	N	36	36	36	36	36	36	36
6. Я учу русский язык даже без конкретной цели	Корреляция Пирсона	.194	.281	.096	.393*	.394*	1	.639**
	знач. (двух-сторонняя)	.257	.097	.577	.018	.017		<.001
	N	36	36	36	36	36	36	36
7. Как факторы, такие как ваше усердие и мотивация, влияют на ваше восприятие и понимание классификации частей речи в русском языке? Оцените, насколько хорошо вы понимаете и можете классифицировать части речи в русском языке	Корреляция Пирсона	.271	.600**	.386*	.519**	.535**	.639**	1
	знач. (двух-сторонняя)	.110	<.001	.020	.001	<.001	<.001	
	N	36	36	36	36	36	36	36

** . Корреляция значима на уровне 0,01 (двухсторонняя)

* . Корреляция значима на уровне 0,05 (двухсторонняя)

В процессе анализа валидности данного исследования был проверен и подтвержден инструмент измерения, используемый для оценки влияния различных типов мотивации на когнитивное восприятие категорий частей речи у носителей китайского языка, изучающих русский язык.

Для оценки пригодности данных для факторного анализа были проведены тест КМО и тест сферичности Бартлетта (см. табл. 5).

Значение КМО составило 0,739, что близко к 0,8 и указывает на удовлетворительную пригодность данных для факторного анализа.

Тест сферичности Бартлетта показал $\chi^2(15) = 102,546$ при значении $p < 0,001$, что свидетельствует о достаточной корреляции между переменными для проведения факторного анализа.

Таблица 5

Анализ валидности данных: оценка КМО и тест сферичности Бартлетта

КМО и критерий Бартлетта		
Мера адекватности выборки Кайзера-Майера-Олкина (КМО)		.739
Критерий сферичности Бартлетта	Примерная Хи-квадрат	102.546
	ст.св.	15
	Значимость	<.001

Полученные результаты тестов подтверждают пригодность данных для факторного анализа, обеспечивая прочную основу для дальнейшего анализа валидности.

В рамках факторного анализа были извлечены основные факторы и исследованы общие дисперсии для каждого типа мотивации (см. табл. 6). Общие дисперсии показывают, что значительная

часть дисперсии переменных может быть объяснена извлеченными факторами. Большинство типов мотивации характеризуются высокими значениями общих дисперсий, что свидетельствует о существенном вкладе этих переменных в общий факторный анализ.

Близкая мотивация: значение извлеченной общей дисперсии равно 0,427, что указывает на умеренный вклад этой переменной в факторный анализ.

Дальняя мотивация: значение извлеченной общей дисперсии равно 0,548, что указывает на значительный вклад этой переменной в факторный анализ.

Личная мотивация: значение извлеченной

общей дисперсии равно 0,636, что указывает на значительный вклад этой переменной в факторный анализ.

Социальная мотивация: значение извлеченной общей дисперсии равно 0,792, что указывает на очень значительный вклад этой переменной в факторный анализ.

Осознанная мотивация: значение извлеченной общей дисперсии равно 0,784, что указывает на значительный вклад этой переменной в факторный анализ.

Неосознанная мотивация: значение извлеченной общей дисперсии равно 0,214, что указывает на низкий вклад этой переменной в факторный анализ.

Таблица 6

Общности переменных в анализе главных компонент

Общности		
	Начальная	Извлечение
1. Я усердно учу русский язык, чтобы выполнить свои текущие планы (например, языковой тест, поездка или конкретное событие и т. д.)	1.000	.427
2. Я учу русский язык, чтобы повысить свою конкурентоспособность в различных областях в будущем	1.000	.548
3. Я учу русский язык ради личного интереса и самосовершенствования	1.000	.636
4. Я учу русский язык, чтобы иметь возможность общаться с русскими в социальных ситуациях	1.000	.792
5. Я учу русский язык, потому что точно знаю, что владение этим языком будет полезно для моего будущего	1.000	.784
6. Я учу русский язык даже без конкретной цели	1.000	.214

Метод выделения факторов: метод главных компонент

Результаты показывают, что социальная и осознанная мотивация оказывают наиболее значительное влияние в факторном анализе, в то время как неосознанная мотивация имеет наименьший вклад.

Анализ общей объясненной дисперсии факторов показывает, что первый фактор имеет собственное значение 3,401 и объясняет 56,680% дисперсии. Другие факторы имеют собственные значения

менее 1 и не были извлечены (см. табл. 7).

Собственное значение первого фактора: 3,401, что объясняет 56,680% дисперсии. Это указывает на то, что один основной фактор может объяснить большую часть вариации данных.

Другие факторы: имеют собственные значения менее 1 и не были извлечены, что указывает на то, что только один основной фактор имеет значительную объяснительную силу.

Таблица 7

Объясненная совокупная дисперсия в анализе главных компонент

Объясненная совокупная дисперсия						
Компонент	Начальные собственные значения			Извлечение суммы квадратов нагрузок		
	Всего	% дисперсии	Суммарный %	Всего	% дисперсии	Суммарный %
1	3.401	56.680	56.680	3.401	56.680	56.680
2	.930	15.493	72.173			
3	.749	12.484	84.657			
4	.518	8.635	93.292			
5	.284	4.736	98.028			
6	.118	1.972	100.000			

Метод выделения факторов: метод главных компонент

Таким образом, результаты факторного анализа показывают, что наиболее значимым является первый фактор, который объясняет более половины общей дисперсии данных. Это подчеркивает важность данного фактора в контексте изучения мотивации и когнитивного восприятия категорий частей речи у носителей китайского языка, изучающих русский язык.

Матрица факторных нагрузок показывает

значения нагрузок переменных на основной фактор (см. табл. 8.)

Близкая мотивация: нагрузка 0,654, что указывает на значительный вклад этой переменной в основной фактор.

Дальняя мотивация: нагрузка 0,740, что указывает на высокий вклад этой переменной в основной фактор.

Личная мотивация: нагрузка 0,798, что указы-

вает на значительный вклад этой переменной в основной фактор.

Социальная мотивация: нагрузка 0,890, что указывает на очень высокий вклад этой переменной в основной фактор.

Осознанная мотивация: нагрузка 0,885, что

указывает на высокий вклад этой переменной в основной фактор.

Неосознанная мотивация: нагрузка 0,462, что указывает на относительно низкий вклад этой переменной в основной фактор.

Таблица 8

Матрица компонентов в анализе главных компонент

Матрица компонентов	
	Компонент
	1
1. Я усердно учу русский язык, чтобы выполнить свои текущие планы (например, языковой тест, поездка или конкретное событие и т. д.)	.654
2. Я учу русский язык, чтобы повысить свою конкурентоспособность в различных областях в будущем	.740
3. Я учу русский язык ради личного интереса и самосовершенствования	.798
4. Я учу русский язык, чтобы иметь возможность общаться с русскими в социальных ситуациях	.890
5. Я учу русский язык, потому что точно знаю, что владение этим языком будет полезно для моего будущего	.885
6. Я учу русский язык даже без конкретной цели	.462
Метод выделения факторов: метод главных компонент	
а. Извлечено компонентов – 1	

Результаты показывают, что социальная и осознанная мотивация имеют самые высокие значения нагрузок, что указывает на их тесную связь с основным фактором. Неосознанная мотивация, напротив, имеет наименьшую нагрузку, что указывает на ее относительно низкий вклад в основной фактор.

Матрица коэффициентов факторных баллов показывает вклад переменных в факторные баллы (см. табл. 9).

Близкая мотивация: коэффициент 0,192, что указывает на умеренный вклад этой переменной в факторные баллы.

Дальняя мотивация: коэффициент 0,218, что указывает на значительный вклад этой переменной в факторные баллы.

Личная мотивация: коэффициент 0,235, что указывает на значительный вклад этой переменной

ной в факторные баллы.

Социальная мотивация: коэффициент 0,262, что указывает на очень значительный вклад этой переменной в факторные баллы.

Осознанная мотивация: коэффициент 0,260, что указывает на высокий вклад этой переменной в факторные баллы.

Неосознанная мотивация: коэффициент 0,136, что указывает на низкий вклад этой переменной в факторные баллы.

Коэффициенты факторных баллов указывают на вклад переменных в факторные баллы. Высокие коэффициенты (например, социальная и осознанная мотивация) указывают на значительный вес этих переменных в факторных баллах. Неосознанная мотивация имеет низкий коэффициент (0,136), что указывает на низкий вес этой переменной в факторных баллах.

Таблица 9

Матрица коэффициентов значений компонентов после вращения

Матрица коэффициентов значений компонентов	
	Компонент
	1
1. Я усердно учу русский язык, чтобы выполнить свои текущие планы (например, языковой тест, поездка или конкретное событие и т. д.)	.192
2. Я учу русский язык, чтобы повысить свою конкурентоспособность в различных областях в будущем	.218
3. Я учу русский язык ради личного интереса и самосовершенствования	.235
4. Я учу русский язык, чтобы иметь возможность общаться с русскими в социальных ситуациях	.262
5. Я учу русский язык, потому что точно знаю, что владение этим языком будет полезно для моего будущего	.260
6. Я учу русский язык даже без конкретной цели	.136
Метод выделения факторов: метод главных компонент. Метод вращения: варимакс с нормализацией Кайзера. Оценки компонентов	

Таким образом, анализ факторных баллов показывает, что социальная и осознанная мотивация оказывают наиболее значительное влияние на формирование факторных баллов, в то время как неосознанная мотивация имеет наименьший вклад.

Из вышеизложенного анализа видно, что основные типы мотивации (например, социальная и осознанная мотивация) демонстрируют высокие значения факторных нагрузок и коэффициентов, что подтверждает валидность анкеты. Эти типы

мотивации действительно измеряют заявленные аспекты, соответствуя ожиданиям.

На основе вышеуказанных результатов было проведено дополнительное исследование для углубленного анализа влияния различных типов мотивации. Целью данного исследования являлась оценка влияния шести типов мотивации на когнитивное восприятие категорий частей речи у носителей китайского языка, изучающих русский язык. В рамках исследования был проведен множественный регрессионный анализ, результаты которого выявили следующие ключевые аспекты (см. табл. 10).

Значение R-квадрат: 0,629, что свидетельствует о том, что регрессионная модель объясняет 62,9% общей вариации зависимой переменной.

Скорректированное значение R-квадрат: 0,553, что учитывает количество предикторов и их

влияние на объяснительную силу модели, подтверждая ее адекватность.

Значение F: 8,205, $p < 0,001$, что свидетельствует о значимости модели в целом. Это указывает на то, что совокупное влияние предикторных переменных (типов мотивации) на зависимую переменную (когнитивное восприятие) является статистически значимым.

Высокое значение F указывает на значительное превосходство регрессионной модели по сравнению с использованием среднего значения зависимой переменной. Значение $p < 0,001$ подтверждает высокую статистическую значимость модели, что свидетельствует о значительном влиянии хотя бы одной из независимых переменных на зависимую переменную.

Таблица 10

Сводная таблица результатов множественной регрессии

Сводка для модели ^b										
Мо- дель	R	R- квад- рат	Скорректи- рованный R- квадрат	Стандарт- ная ошиб- ка оценки	Статистика изменений					Дар- бин- Уотсон
					Измене- ние R квадрат	Измене- ние F	ст.св. 1	ст.св. 2	Знач. измене- ние F	
1	.793 ^a	.629	.553	.642	.629	8.205	6	29	< .001	2.167
а. Предикторы: (константа), 6. Я учу русский язык даже без конкретной цели; 3. Я учу русский язык ради личного интереса и самосовершенствования; 1. Я усердно учу русский язык, чтобы выполнить свои текущие планы (например, языковой тест, поездка или конкретное событие и т. д.); 2. Я учу русский язык, чтобы повысить свою конкурентоспособность в различных областях в будущем; 5. Я учу русский язык, потому что точно знаю, что владение этим языком будет полезно для моего будущего; 4. Я учу русский язык, чтобы иметь возможность общаться с русскими в социальных ситуациях										
б. Зависимая переменная: 7. Как факторы, такие как ваше усердие и мотивация, влияют на ваше восприятие и понимание классификации частей речи в русском языке? Оцените, насколько хорошо вы понимаете и можете классифицировать части речи в русском языке										

Для более глубокого анализа регрессионной модели были использованы данные ANOVA таблицы (см. табл. 11).

Сумма квадратов регрессии (SSR): 20,278, что отражает долю вариации, объясненную моделью.

Сумма квадратов остатков (SSE): 11,945, что указывает на необъясненную моделью вариацию.

Общая сумма квадратов (SST): 32,222, что представляет общую вариацию выборки.

Средний квадрат (MSR и MSE): 3,380 и 0,412 соответственно, что является результатом деления суммы квадратов на соответствующую степень свободы.

Значение F: 8,205, $p < 0,001$, что свидетельствует о статистической значимости модели и значительном влиянии независимых переменных на зависимую переменную.

Таблица 11

Результаты дисперсионного анализа (ANOVA) для регрессионной модели

ANOVA ^a						
Модель	Сумма квадратов	ст.св.	Средний квадрат	F	Значимость	
1	Регрессия	20.278	6	3.380	8.205	< .001 ^b
	Остаток	11.945	29	.412		
	Всего	32.222	35			
а. Зависимая переменная: 7. Как факторы, такие как ваше усердие и мотивация, влияют на ваше восприятие и понимание классификации частей речи в русском языке? Оцените, насколько хорошо вы понимаете и можете классифицировать части речи в русском языке						
б. Предикторы: (константа), 6. Я учу русский язык даже без конкретной цели; 3. Я учу русский язык ради личного интереса и самосовершенствования; 1. Я усердно учу русский язык, чтобы выполнить свои текущие планы (например, языковой тест, поездка или конкретное событие и т. д.); 2. Я учу русский язык, чтобы повысить свою конкурентоспособность в различных областях в будущем; 5. Я учу русский язык, потому что точно знаю, что владение этим языком будет полезно для моего будущего; 4. Я учу русский язык, чтобы иметь возможность общаться с русскими в социальных ситуациях						

Данные таблицы регрессионных коэффициентов позволяют выделить значимые предикторные переменные (см. табл. 12).

Дальняя мотивация ($B = 0,429$, $p = 0,010$) и неосознанная мотивация ($B = 0,429$, $p < 0,001$) явля-

ются значимыми предикторами когнитивного восприятия категорий частей речи.

Другие типы мотивации: такие как близкая мотивация, личная мотивация, социальная мотивация и осознанная мотивация, хотя и не достигли

уровня статистической значимости, но все же вносят вклад в модель.

Значения t и r используются для проверки и оценки значимости регрессионных коэффициентов, при этом значение $p < 0,05$ считается значимым, а значение $p < 0,01$ – высоко значимым. Та-

ким образом, дальняя и неосознанная мотивация оказывают значительное влияние на когнитивное восприятие категорий частей речи у носителей китайского языка, изучающих русский язык. Хотя другие типы мотивации также оказывают влияние, их вклад менее значителен.

Таблица 12

Коэффициенты регрессионного анализа и статистика коллинеарности

Коэффициенты								
Модель		Нестандартизованные коэффициенты		Стандартизованные коэффициенты	t	Значимость	Статистика коллинеарности	
		B	Стандартная ошибка	Бета			Допуск	VIF
1	(Константа)	-.119	.693		-.171	.865		
	Вопрос 1	-.132	.179	-.101	-.740	.465	.686	1.459
	Вопрос 2	.429	.156	.402	2.750	.010	.598	1.673
	Вопрос 3	.217	.221	.220	.983	.334	.256	3.906
	Вопрос 4	-.077	.258	-.077	-.298	.768	.194	5.156
	Вопрос 5	.073	.244	.057	.297	.769	.347	2.884
	Вопрос 6	.429	.113	.532	3.809	<.001	.655	1.527

а. Зависимая переменная: 7. Как факторы, такие как ваше усердие и мотивация, влияют на ваше восприятие и понимание классификации частей речи в русском языке? Оцените, насколько хорошо вы понимаете и можете классифицировать части речи в русском языке

Для подтверждения надежности модели была проведена диагностика мультиколлинеарности (см. табл. 13.):

Значения VIF: все значения ниже 10, что сви-

детельствует об отсутствии серьезной мультиколлинеарности в модели.

Допуск: все значения выше 0,1, что подтверждает устойчивость модели.

Таблица 13

Диагностика мультиколлинеарности в регрессионном анализе

Диагностика коллинеарности ^а										
Модель	Изменение	Собственное значение	Показатель обусловленности	Доли дисперсии						
				(Константа)	Вопрос 1	Вопрос 2	Вопрос 3	Вопрос 4	Вопрос 5	Вопрос 6
1	1	6.797	1.000	.00	.00	.00	.00	.00	.00	.00
	2	.093	8.551	.00	.00	.00	.03	.00	.00	.62
	3	.049	11.723	.10	.09	.04	.08	.06	.00	.05
	4	.026	16.064	.17	.05	.84	.01	.00	.00	.00
	5	.016	20.457	.61	.78	.03	.00	.00	.00	.00
	6	.011	25.021	.02	.06	.08	.35	.07	.66	.18
	7	.007	30.904	.10	.02	.02	.52	.87	.34	.14

а. Зависимая переменная: 7. Как факторы, такие как ваше усердие и мотивация, влияют на ваше восприятие и понимание классификации частей речи в русском языке? Оцените, насколько хорошо вы понимаете и можете классифицировать части речи в русском языке

Анализ остатков предоставил дополнительные данные для оценки пригодности модели. Нормальная Р-Р диаграмма (см. рис. 2) показала, что стандартизированные остатки примерно рас-

полагаются вдоль диагональной линии, что указывает на соответствие остатков нормальному распределению.

Нормальный P-P график регрессии Стандартизованный остаток

Зависимая переменная: 7. Как факторы, такие как ваше усердие и мотивация, влияют на ваше восприятие и понимание классификации частей речи в русском языке? Оцените, насколько хорошо вы понимаете и можете классифицировать части речи в русском языке

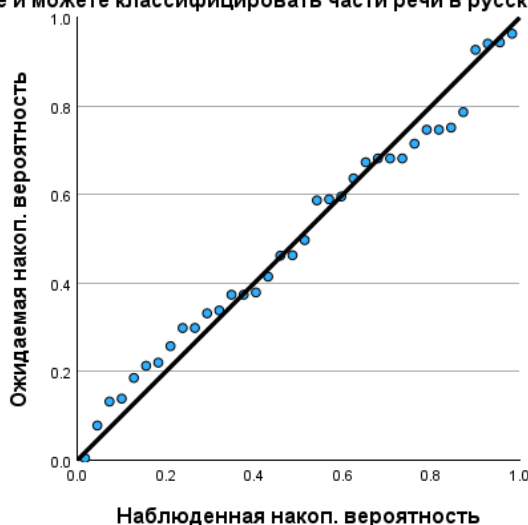

Рис. 2. Нормальный P-P график регрессии стандартных остатков

На основании проведенного анализа данных и результатов различных тестов можно сделать следующие наблюдения. Описательная статистика показала, что осознанная и дальняя мотивация играют ведущую роль в когнитивном восприятии категорий частей речи у китайских студентов, изучающих русский язык. Эти типы мотивации получили самые высокие средние значения и значимые коэффициенты корреляции.

Неосознанная мотивация оказала положительное влияние, хотя ее вклад был менее значительным, что подчеркивает необходимость ее дальнейшего изучения.

Анализ надежности анкеты показал высокую внутреннюю согласованность (альфа Кронбаха = 0,817), что подтверждает пригодность данных для дальнейшего анализа. Множественный регрессионный анализ выявил значительное влияние различных типов мотивации на когнитивное восприятие.

В свете этих результатов можно перейти к обсуждению основных выводов исследования и формулировке соответствующих рекомендаций.

Настоящее исследование подтверждает, что когнитивные факторы, особенно осознанная и дальняя мотивация, играют ключевую роль в восприятии и классификации частей речи китайскими студентами, изучающими русский язык. Анализ экспериментальных данных показал, что осознанная мотивация имеет самый высокий коэффициент влияния ($B = 0,429$, $p < 0,001$), что свидетельствует о ее значительном положительном влиянии на когнитивное восприятие категорий частей речи. Дальняя мотивация также демонстрирует значимое влияние ($B = 0,429$, $p = 0,010$), подчеркивая важность долгосрочных образовательных целей для успешного освоения грамматических структур русского языка.

Результаты множественного регрессионного анализа ($R^2 = 0,629$, $p < 0,001$) подтверждают, что совокупность мотивационных факторов объясняет 62,9% вариации в когнитивном восприятии частей речи. Это подчеркивает необходимость интеграции мотивационных стратегий в учебный процесс для повышения эффективности обучения.

Хотя неосознанная мотивация также оказывает положительное влияние ($B = 0,429$, $p < 0,001$), ее роль требует дальнейшего исследования для полного понимания механизмов воздействия. В целом исследование акцентирует важность целенаправленных образовательных стратегий, направленных на укрепление осознанной и дальней мотивации студентов, что способствует улучшению их когнитивных процессов и повышению языковой компетенции.

Для подтверждения и расширения выводов настоящего исследования рекомендуется:

1. Расширить выборку для повышения репрезентативности результатов.
2. Использовать разнообразные методы сбора данных, включая качественные подходы, такие как интервью и наблюдения.
3. Проводить долгосрочные исследования для изучения изменений мотивационных и когнитивных факторов с течением времени.
4. Изучать механизмы воздействия неосознанной мотивации на когнитивное восприятие частей речи для более глубокого понимания ее роли в процессе обучения.

Заключение

Настоящее исследование подтверждает, что мотивационные факторы играют значительную роль в когнитивном восприятии категорий частей речи у китайских студентов, изучающих русский язык. Оптимизация учебного процесса с учетом

этих факторов может существенно повысить результаты обучения и способствовать глубокому пониманию языка и его грамматических структур. Разработка образовательных программ, ориентированных на укрепление осознанной и долгосроч-

ной мотивации, а также интеграцию личных интересов студентов, позволит повысить эффективность изучения русского языка и обеспечить успешное межкультурное взаимодействие.

Литература

- Алишев, Б. С. Смысл и мотив: к соотношению понятий / Б. С. Алишев // Ученые записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки. – 2010. – Т. 152, № 5. – С. 159–171.
- Ван, Инь. Тижэнь языковая наука: Исследование локализации когнитивной лингвистики: китайский и английский языки / Ван Инь. – Пекин: Коммерческое издательство, 2020. – 455 с.
- Ван, Синь. Эмпирическое исследование эффективности стратегий мотивации второго языка на основе теории мотивационного самоопределения второго языка / Ван Синь. – Шанхай: Издательство Шанхайского транспортного университета, 2020. – 189 с.
- Выготский, Л. С. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 3: Проблемы развития психики / Л. С. Выготский; гл. ред. А. В. Запорожец. – М., 1983. – 369 с.
- Галиев, О. Способы мотивации учащихся вузов к научной и рационализаторской работе / О. Галиев // Армейский сборник. – 2013. – № 6. – С. 32–33.
- Гамезо, М. В. Общая психология: учебно-методическое пособие / М. В. Гамезо, В. С. Герасимова, Д. А. Машурцева, Л. М. Орлова; под общ. ред. М. В. Гамезо. – М.: Ось-89, 2007. – 352 с.
- Дин, Чунмин. Учебник по современной китайской грамматике / Дин Чунмин. – 2-е изд. – Пекин: Издательство Пекинского университета, 2024. – 440 с.
- Зиборова, Е. И. Изучение мотивации учебной деятельности студентов-психологов с разным уровнем удовлетворенности учебной деятельности / Е. И. Зиборова, А. Ю. Спицына // Научные труды SWorld. – 2012. – Т. 17, № 3. – С. 79–84.
- Костромина, С. Н. Современные тенденции педагогической психологии и психологии образования / С. Н. Костромина, О. В. Защирина, Н. А. Медина Бракамонте // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология. – 2016. – № 1. – С. 109–117.
- Морковкин, В. В. Большой универсальный словарь русского языка: около 30 000 наиболее употребительных слов / В. В. Морковкин, Г. Ф. Богачёва, Н. М. Луцкая. – М.: АСТ-ПРЕСС школа, 2018. – 1451 с.
- Рыжкова, И. В. Развитие учебной мотивации студентов в условиях новой системы высшего образования / И. В. Рыжкова, А. И. Капичников, О. Б. Капичникова // Педагогика: традиции и инновации: материалы V междунар. науч. конф. (г. Челябинск, июнь 2014 г.). – Челябинск: Два комсомольца, 2014. – С. 160–162.
- Сюсина, Т. О. Мотивация профессорско-преподавательского состава и курсантов военного авиационного вуза в научно-исследовательской деятельности / Т. О. Сюсина, Н. Н. Смирнова, Т. Н. Клеймёнова // *Modern Humanities Success / Успехи гуманитарных наук*. – 2019. – № 7. – С. 63–681.
- Цинь, Лили. Введение в социокультурную теорию изучения второго языка / Цинь Лили. – Пекин: Издательство Пекинского университета, 2017. – 288 с.
- Цинь, Лили. Моделирование мотивационного самоопределения при изучении английского языка в университете в рамках теории деятельности / Цинь Лили, Дай Вэйдун // *Внешний мир*. – 2013. – № 06. – С. 23–31.
- Dörnyei, Z. *Motivational strategies in the language classroom* / Z. Dörnyei. – Cambridge: Cambridge University Press, 2001. – 155 p.

References

- Alishev, B. S. (2010). Smysl i motiv: k sootnosheniyu ponyatii [Meaning and Motive: On the Correlation of Concepts]. In *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Seriya Gumanitarnye nauki*. Vol. 152. No. 5, pp. 159–171.
- Ding, Chongming. (2024). *Uchebnik po sovremennoi kitaiskoi grammatike* [Modern Chinese Grammar]. 2nd edition. Beijing, Izdatel'stvo Pekinskogo universiteta. 440 p.
- Dörnyei, Z. (2001). *Motivational Strategies in the Language Classroom*. Cambridge, Cambridge University Press. 155 p.
- Galiev, O. (2013). Sposoby motivatsii uchashchikhsya vuzov k nauchnoi i ratsionalizatorskoi rabote [Methods of Motivating University Students for Scientific and Inventive Work]. In *Armeiskii sbornik*. No. 6, pp. 32–33.
- Gamezo, M. V., Gerasimova, V. S., Mashurtseva, D. A., Orlova, L. M. (2007). *Obshchaya psikhologiya* [General Psychology]. Moscow, Os'-89. 352 p.
- Kostromina, S. N., Zashchirinskaya, O. V., Medina Brakamonte, N. A. (2016). Sovremennye tendentsii pedagogicheskoi psikhologii i psikhologii obrazovaniya [Modern Trends in Educational Psychology and Psychology of Education]. In *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Psikhologiya*. No. 1, pp. 109–117.
- Morkovkin, V. V., Bogacheva, G. F., Lutskaya, N. M. (2018). *Bol'shoi universal'nyi slovar' russkogo yazyka: okolo 30 000 naibolee upotrebitel'nykh slov* [Big Universal Dictionary of the Russian Language: About 30,000 Most Commonly Used Words]. Moscow, AST-PRESS shkola. 1451 p.
- Qin, Lili, Dai, Weidong. (2013). Modelirovanie motivatsionnogo samoopredeleniya pri izuchenii angliiskogo yazyka v universitete v ramkakh teorii deyatelnosti [Modeling of motivational self-determination in learning English in university within the framework of activity theory]. In *Vneshnii mir*. No. 06, pp. 23–31.

Qin, Lili. (2017). *Vvedenie v sotsiokul'turnuyu teoriyu izucheniya vtorogo yazyka* [Introduction to the Sociocultural Theory of Second Language Acquisition]. Beijing, Izdatel'stvo Pekinskogo universiteta. 288 p.

Ryzhkova, I. V., Kapichnikov, A. I., Kapichnikova, O. B. (2014). Razvitie uchebnoi motivatsii studentov v usloviyakh novoi sistemy vysshego obrazovaniya [Development of Students' Learning Motivation in the Context of the New System of Higher Education]. In *Pedagogika: traditsii i innovatsii: materialy V mezhdunar. nauch. konf. (g. Chelyabinsk, iyun' 2014 g.)*. Chelyabinsk, Dva komsomol'tsa, pp. 160–162.

Syusina, T. O., Smirnova, N. N., Kleimenova, T. N. (2019). Motivatsiya professorsko-prepodavatel'skogo sostava i kursantov voennogo aviatsionnogo vuza v nauchno-issledovatel'skoi deyatelnosti [Motivation of Faculty Members and Cadets of a Military Aviation University in Research Activities]. In *Modern Humanities Success / Uspekhi gumanitarnykh nauk*. No. 7, pp. 63–681.

Vygotsky, L. S. (1983). *Sobranie sochinenii: v 6 t.* [Collected Works, in 6 vols.]. Vol. 3: Problemy razvitiya psikhiki. Moscow. 369 p.

Wang, Xin. (2020). *Empiricheskoe issledovanie effektivnosti strategii motivatsii vtorogo yazyka na osnove teorii motivatsionnogo samoopredeleniya vtorogo yazyka* [An Empirical Study on the Effectiveness of Second Language Motivation Strategies Based on the Second Language Motivational Self-System Theory]. Shanghai, Izdatel'stvo Shankhaiskogo transportnogo universiteta. 189 p.

Wang, Y. (2020). *Tizhen' yazykovaya nauka: Issledovanie lokalizatsii kognitivnoi lingvistiki: kitaiskii i angliiskii yazyki* [Tiren Linguistics: Localization Study of Cognitive Linguistics: Chinese and English]. Beijing, Kommercheskoe izdatel'stvo. 455 p.

Ziborova, E. I., Spitsyna, A. Yu. (2012). Izuchenie motivatsii uchebnoi deyatelnosti studentov-psikhologov s raznym urovnem udovletvorennosti uchebnoi deyatelnosti [Study of the Motivation of Educational Activities of Psychology Students with Different Levels of Satisfaction with Educational Activities]. In *Nauchnye trudy SWorld*. Vol. 17. No. 3, pp. 79–84.

Данные об авторе

Цзин Байлян – кандидат филологических наук, постдокторант исследовательского центра по марксизму, преподаватель кафедры русского языка, Хэнаньский педагогический университет (Синьсян, Китай).

Адрес: 46 Jianshe E Rd, Muye Qu, Xinxiang Shi, Henan Sheng, China.

E-mail: bailyanczzin@yandex.ru.

Author's information

Jing Bailiang – Candidate of Philology, Postdoctoral Fellow of Marxism Research Centre, Lecturer of Department of Russian Language, Henan Normal University (Xinxiang, China).

Дата поступления: 01.09.2024; дата публикации: 28.12.2024

Date of receipt: 01.09.2024; date of publication: 28.12.2024

УДК 372.881.161.1+371.671.11. DOI: 10.26170/2071-2405-2024-29-4-173-182. ББК Ч426.819=411.2-268.2.
ГРНТИ 14.25.07. Код ВАК 5.8.2

ШКОЛЬНЫЙ УЧЕБНИК РУССКОГО ЯЗЫКА: ИСТОРИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Воителева Т. М.

Государственный университет просвещения (Москва, Россия)

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-9314-1758>

SPIN-код: 5519-0571

Текучева И. В.

Государственный университет просвещения (Москва, Россия)

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-1176-3789>

SPIN-код: 1542-7702

А н н о т а ц и я. В настоящее время учеными большое значение придается направлениям учебной деятельности школьников. Установлено, что важнейшим средством организации этой деятельности является учебник по предмету. В связи с этим актуальной проблемой современной методики обучения русскому языку являются теоретическое обоснование и создание учебника нового поколения. Сформулировать требования к его содержанию и структуре необходимо с учетом достижений, которые были получены в предыдущие периоды развития психолого-педагогической и методической науки и современных научных и практических реалий.

В статье рассмотрены вопросы структуры и содержания учебника русского языка в историческом аспекте и проведен анализ действующих школьных учебников русского языка, отмечена роль учебника в решении когнитивных, коммуникативных, нравственно-эстетических задач, определено значение учебника как «опережающего инструмента организации обучения». Теоретически обоснована необходимость создания современного учебника русского языка нового поколения.

На основании изученных трудов по теории и истории учебниковедения предложены основные направления, отражающие структуру и содержание современного школьного учебника русского языка, что позволит создать учебник нового поколения, соответствующий требованиям Федерального государственного стандарта, нацеленный на результаты обученности, формирование функционально грамотного выпускника школы.

К л ю ч е в ы е с л о в а: учебник русского языка; методика преподавания русского языка; история учебника; учебный материал; электронный учебник

Б л а г о д а р н о с т и: статья подготовлена в рамках выполнения государственного задания № 124052100046-3 на 2024 г.

Д л я ц и т и р о в а н и я: Воителева, Т. М. Школьный учебник русского языка: история и перспективы / Т. М. Воителева, И. В. Текучева. – Текст : непосредственный // Филологический класс. – 2024. – Т. 29, № 4. – С. 173–182. – DOI: 10.26170/2071-2405-2024-29-4-173-182.

RUSSIAN LANGUAGE SCHOOL TEXTBOOK: HISTORY AND PERSPECTIVE

Tatiana M. Voiteleva

State University of Education (Moscow, Russia)

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-9314-1758>

Irina V. Tekucheva

State University of Education (Moscow, Russia)

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-1176-3789>

Abstract. At present, pedagogues attach great importance to the kinds of educational activity of schoolchildren. It has been found that the textbook on a subject is the most important means of organizing this activity. In this regard, the theoretical foundation and creation of a new generation textbook is an urgent problem of modern methods of teaching the Russian language. It is necessary to formulate the requirements for its content and structure taking into account the achievements that were obtained in the previous periods of development of psycho-pedagogical and methodological science and modern scientific and practical realities.

The article considers the issues of the structure and content of the Russian language textbook in the historical aspect and analyzes the current school textbooks of Russian, notes the role of the textbook in solving cognitive, communicative, moral and aesthetic problems, and highlights the significance of the textbook as an “advanced tool for organizing training”. The author provides a theoretical substantiation of the need to create a modern Russian language textbook of a new generation.

Drawing on the works on the theory and history of textbook studies, the article presents the main principles reflecting the structure and content of a modern school textbook of the Russian language, which can make it possible to create a new generation textbook that would meet the requirements of the Federal State Educational Standard, aimed at the learning outcomes and the formation of a functionally literate school-leaver.

Keywords: Russian language textbook; methods of teaching Russian; history of the textbook; educational material; electronic textbook

Acknowledgments: The article was prepared as part of the implementation of state assignment No. 124052100046-3 for 2024.

For citation: Voiteleva, T. M., Tekucheva, I. V. (2024). Russian Language School Textbook: History and Perspective. In *Philological Class*. Vol. 29. No. 4, pp. 173–182. DOI: 10.26170/2071-2405-2024-29-4-173-182.

Введение

Российская культура имеет мировое значение и способствует укреплению престижа страны, усилению конструктивного международного диалога. Естественно, что в этих условиях возрастает и роль русского языка как посредника в обмене духовными ценностями, обеспечивающего развитие интеллектуальных и творческих способностей личности обучающегося, развивающего его абстрактное мышление, память и воображение, формирующего навыки самостоятельной учебной деятельности, самообразования и самореализации. Как известно, учебная деятельность создает условия для усвоения знаний, овладения разными способами учебной работы, развития умения самостоятельно строить свою деятельность с целью получения положительного результата.

В связи с этим больше внимание уделяется подходам к созданию современного школьного учебника, который реализует требования к результатам освоения основной образовательной программы, федеральных государственных образовательных стандартов и ориентирует на синтез языкового, речемыслительного и духовного развития школьников.

Целью данного исследования являются характеристика структуры и содержания школьного учебника русского языка и определение основных направлений современного учебника, соответствующего требованиям ФГОС и федеральной рабочей программы по русскому языку. Достижение обозначенной цели предполагает решение следующих задач:

- 1) охарактеризовать учебник как ведущее средство обучения;
- 2) проанализировать вопросы структуры и содержания школьного учебника в историческом и современном аспектах;
- 3) представить основные направления содержания школьного учебника русского языка, соответствующего ФГОС и являющегося важным средством формирования языковой личности.

Учебник как основное средство организации учебной деятельности, являясь базой моделирования (проектирования) урока русского языка, формирует у школьников способность анализировать, сравнивать, обобщать языковые факты, стимулирует лингвистическую рефлексию, развивает умение самостоятельно решать проблемы, творчески мыслить [Граник 2017: 64]. По утверждению профессора Л. П. Федоренко, учебник является «методической разработкой» [Федоренко 1974]. «Источником методической системы» называл учебник профессор М. Т. Баранов [Методика преподавания русского языка в школе 2001]. По мысли ученого, в учебнике должны быть отражены цели обучения, содержание, методы, формы обучения. Школьники, исследуя и анализируя факты языка в процессе изучения конкретного раздела, приходят к самостоятельным выводам и обобщениям. Таким образом, в учебнике представлены способы педагогической деятельности учителя, с одной стороны, и действия обучающихся по овладению знаниями – с другой.

Материалы и методы

Для того чтобы создать учебник нового поколения, необходима фундаментальная научная основа, которая обозначит подходы, цели, задачи, принципы языкового образования на современном этапе развития науки и общества. Она, в свою очередь, определит идеи и концепции учебных программ и всего УМК в целом. Требования к содержанию и структуре учебника опираются на достижения предыдущих периодов развития отечественной методики, а также на современные научные и практические реалии.

История учебника русского языка (первоначально учебника грамматики) начинается в конце XVII в. До этого времени в качестве учебных книг в обучении использовалась грамматика славянского языка Лаврентия Зизания (1574 г.) и Мелетия Смотрицкого (1619 г.). Последняя использовалась на всех уровнях обучения в течение целого века: так, известны дополненное и исправленное издание 1648 г. и 1721 г., с предисловием Федора Поликарпова. В 1723 г. появилась грамматика Федора Максимова, представлявшая собой авторскую интерпретацию грамматики М. Смотрицкого. Характерными чертами этих учебников были догматический метод изложения грамматической теории (правил) и структура, которая включала вопросы правописания, произношения, морфологии, синтаксиса, а также некоторые вопросы построения речи.

Первые учебники грамматики русского языка были написаны на иностранных языках – латинском, немецком, французском: Г. Лудольфа (1696), И. Глюка (1703), М. Шванвица (1731), грамматика, приписываемая И. С. Горлицкому (1730). В 1731 г. появилось учебная книга В. Е. Адодурова по грамматике русского языка, написанная на немецком языке и являвшаяся частью немецко-латинско-русского словаря. В ней подробно догматически излагалась грамматическая теория, сопровождаемая примерами. В этом учебнике использовалась латинская лингвистическая терминология. В целом автор «во многом следовал схеме, разработанной М. Смотрицким для описания церковнославянского языка, однако он наполнил эту схему русским материалом» [Адодуров 2014: 34]. Позже В. Е. Адодуров составил «Пространную грамматику» на русском языке (1738–1740), частично сохранившуюся до наших дней и опубликованную в 1975 г. доктором филологических наук профессором Б. А. Успенским.

В 1755 г. появилась «Российская грамматика» М. В. Ломоносова, ставшая теоретической основой для создания неоднократно переиздававшихся школьных учебных книг во второй половине XVIII в.: Н. Г. Курганова (1769), А. А. Барсова (1771), Е. Б. Сырейщикова (1787), П. И. Соколова (1788), П. П. Светова (1790). Названные учебники грамматики относились к монографическому типу, в них были реализованы принципы научности и доступности, материал излагался догматически. В структуре учебников, как правило, включались четыре части: правописание, морфология, синтаксис словосочетания, орфоэпия. Практическая часть отсут-

ствовала, за исключением образцов разбора. Аппарат ориентировки был слабо разработан. Это были так называемые учебники-справочники [Текучева 2021: 89–90; 2023].

В 1804 г. был утвержден «Устав учебных заведений подведомых университетам». Согласно ему, из учебных планов гимназий исключили русскую грамматику, а вместо нее ввели курс всеобщей грамматики. В книге Н. К. Кульмана мы можем найти подробную характеристику учебников по всеобщей грамматике И. Орнатовского, Н. Язвицкого, И. Тимковского, Л. Якоба. В частности, он отмечал: «Характер грамматических классных занятий в начале XIX в. резко изменился. Если ранее грамматика главным образом научала “правильно говорить, читать и писать” и в связи с этим сообщала известный кодекс правил и собрание примеров литературных форм и литературного строя речи, то теперь обнаружилось стремление уяснить логику речи. Для этого грамматические категории ставились в связь с категориями логическими, и показывалась зависимость первых от последних. Логическое направление особенно, конечно, сказалось на синтаксисе» [Кульман 1917: 89]. В этот период учебники по грамматике русского языка издавались не для гимназий, а для уездных училищ, где русский язык продолжал преподаваться. Можно назвать «Краткую российскую грамматику» И. Левитского (1814), «Краткую российскую грамматику» С. П. Орловского (1814), «Краткую российскую грамматику в вопросах и ответах» М. Ф. Меморского (1825) и др. Научной основой этих грамматик были труды М. В. Ломоносова. Материал обычно излагался догматически, однако в грамматике М. Ф. Меморского он был изложен в виде вопросов и ответов; предполагалось, что этот способ подачи способствует лучшему усвоению теоретического материала. Иллюстративный материал был весьма скуден. В книгах выделялись четыре или пять частей: словообразование (словопроизведение), словосочинение, правописание, слогаударение; иногда – число, начертание, разделение и произношение букв. Фонетика не была включена ни в один из названных учебников. Упражнения отсутствовали в подавляющем большинстве этих учебных книг.

По Уставу 1828 г. русский язык вернулся в учебные планы гимназий и была создана программа по российской словесности, в которой грамматический материал распределялся следующим образом: 1-й класс – начальные основания этимологии с устными письменными упражнениями в склонениях и спряжениях; 2-й класс – полное объяснение этимологии; упражнение в разборе грамматическом; 3-й класс – объяснение правил правописания; упражнения в правописании и разборе грамматическом; предложение и период; 4-й класс – синтаксис и стопосложение [Лапатухин 1963]. В этот период появилось большое число учебников грамматики; среди них выделялись учебные книги А. Х. Востокова и Н. И. Греча. Остановимся на некоторых особенностях этих трудов.

Не затрагивая лингвистического содержания «Начальных правил русской грамматики» Н. И. Греча (1828), можно сказать, что они изложены догматически, при этом приводятся многочисленные парадигмы склонений и спряжений; не случайно современники критиковали этот учебник за излишний формализм в изложении языкового материала. «Сокращенная грамматика для употребления в низших учебных заведениях, составленная по поручению Комитета рассмотрения учебных пособий» (1831) А. Х. Востокова выдержала 16 изданий и использовалась в школах более 45 лет. Она состояла из четырех частей: словопроизведение, сочинение, правописание, слогаударение. Теория излагалась во многих случаях без учета возраста учащихся, упражнения отсутствовали, иллюстративный материал был беден. Положительным качеством этих учебных книг был уровень грамматической теории, который в целом соответствовал уровню развития науки этого периода. Аппарат ориентировки учебников был уже довольно совершенным и соответствовал монографическому типу учебника.

Вторая половина XIX в. характеризуется появлением многих учебников разных авторов, развивавших идеи предшественников. В первую очередь это касалось содержания обучения грамматике и правописанию. Исследователи отмечали, что данные учебные книги можно разделить на несколько неравных групп в зависимости от грамматической теории, лежавшей в их основании: 1) логико-грамматического (Л. И. Поливанов, А. Г. Преображенский, П. В. Смирновский, А. И. Кирпичников, Ф. Х. Абраменко); 2) формального (Н. К. Кульман, Е. Ф. Будде); 3) психологического направления (В. И. Харциев, И. М. Белоруссов).

Что касается расположения материала в учебниках, то в основном оно было линейным, однако существовали и опыты концентрического учебника (П. М. Перевлесский, 1854, К. Ф. Петров, 1880) [Гордиенко 2013]. Теория излагалась догматически, упражнения практически отсутствовали. Особое место в палитре учебников данного периода занимают «Опыт исторической грамматики русского языка для средних учебных заведений» (1858) Ф. И. Буслаева и «Родное слово» (1870) К. Д. Ушинского, выстроенные на основе принципов научности, историзма и связи теории с практикой. Многие методисты конца XIX – начала XX вв. рассматривали школьный учебник как справочник по теории, которая должна была осваиваться на уроке путем бесед.

После Октябрьской революции 1917 г. первые советские программы по русскому языку поддерживали продуктивные идеи отечественной дореволюционной методики: ставились задачи овладения механизмами письма и чтения; развития умений владеть живой устной и письменной речью и др. Первоначально переиздавались и редактировались дореволюционные учебники, однако в начале 1920-х гг. начался экспериментальный этап в развитии отечественной школы, характеризующийся отказом от устоявшихся традиций и введением

непроверенных новаций, в том числе и в области создания учебных книг: они должны были в первую очередь соответствовать задаче связи обучения с жизнью и реализовывать трудовой принцип. Так появились «рабочие книги» и рассыпные учебники, которые способствовали формированию самостоятельности обучающихся. Особое место среди учебников 1920-х гг. занимал «Наш язык» (1922–1927) А. М. Пешковского, оригинальное издание, развивающее методические идеи начала XX в.: 1) изучение грамматической теории необходимо, но не догматически, а путем наблюдений над литературной речью под руководством учителя; 2) дидактический материал, его структура и содержание должны отвечать задачам формирования самостоятельности обучающихся; 3) целесообразно, чтобы учебник содержал не только теорию, но и упражнения в «толковом чтении» и правописании.

Начиная с 30-х гг. XX в. в нашей стране действовал единый стабильный учебник, постепенно совершенствовавшийся и по содержанию, и по структуре. Это были учебники грамматики и правописания: А. Б. Шапира (1933), С. Г. Бархударова, Е. И. Досычевой (1938), С. Г. Бархударова, С. Е. Крюкова (1954).

В 70-е гг. XX в. появился принципиально новый тип учебника, выстроенный не как курс грамматики и правописания, а как курс русского родного языка: содержательно, помимо традиционных вопросов грамматики и правописания, он включал темы по развитию речи, орфоэпии, лексике, стилистике; структурно учебник был выстроен в соответствии с линейно-ступенчатым и частично концентрическим принципами; в него были включены справочные материалы; предлагались комплексные задания к упражнениям в зависимости от формируемых умений. Большое значение авторы (М. Т. Баранов, Т. А. Ладыженская, И. И. Кулибаба, Л. Г. Григорян, Л. А. Тростенцова) уделяли качеству и тематике языкового материала, способствующего реализации воспитательных целей обучения. Утверждению данного учебника, созданного сотрудниками научно-исследовательского института Академии педагогических наук СССР как стабильного, предшествовала серьезная экспериментальная работа, проводившаяся несколько лет во многих школах страны. В течение полувека этот учебник служит верой и правдой, постепенно меняясь, отвечая требованиям времени, но сохраняя основные принципы построения и содержания.

В XXI в. методическая наука озабочена теоретическим обоснованием и созданием учебника нового типа, построенного с учетом основных положений Федерального государственного образовательного стандарта и планируемых результатов освоения «Федеральной рабочей программы основного общего образования. Русский язык (для 5–9 классов образовательных организаций)» [Федеральная рабочая программа... 2022] как нормативных документов. В трудах, посвященных современному учебниковедению, уделяется серьезное внимание роли школьного учебника русского языка как одного из ведущих средств обучения в обра-

зовательном процессе, его структуре и содержанию, созданию цифрового учебника ([Граник 2021], А. Д. Дейкина [2018], Е. В. Парышева [2024], Т. М. Воителева [2018], И. В. Текучева [2021: 89–90] и др.). Ценностным смыслом, заложенным в учебнике, отбору учебного материала, способствующего формированию духовно-нравственной личности, посвящены исследования А. Д. Дейкиной, Т. М. Воителевой и др. В работах Е. Л. Ерохиной [2022], Т. М. Воителевой [2020], Е. В. Архиповой [2018], О. М. Александровой [2018], Т. А. Остриковой [2023], Л. Д. Пономаревой [2023] и др. в центре внимания – вопросы развития речи школьников, формирования коммуникативной грамотности, работы с текстом, расширение номенклатуры используемых упражнений. История развития теории школьного учебника рассматривается в трудах О. В. Гордиенко, И. В. Текучевой и др.

В нашем исследовании мы использовали методы исторического опыта и анализа как самих учебников русского языка, так и научно-методической литературы, посвященной проблемам учебника.

Результаты исследования

Современный учебник ориентирует на интенсивное речевое (умения читать, слушать, говорить, писать) и интеллектуальное развитие учащихся, формирование общеучебных и речемыслительных умений. По утверждению академика Г. Г. Граник, современной школе необходим «эмоционально-проблемный учебник, работа с которым ученик становится активным участником образовательного процесса» [Граник 2017: 67]. Он должен пробуждать познавательный интерес к изучению предмета, который связан с мотивами учения. С этой целью, по мнению ученого, целесообразно представить содержание учебной книги в диалогической форме. Такое изложение материала стимулирует интерес к изучению предмета, позволяет ученику осознать учебный материал, стать активным участником учебного процесса. Учебник обеспечивает достижение требований ФГОС по формированию личностных, метапредметных, предметных результатов и формирование навыков самооценки и самоанализа обучающихся.

Основой современного учебника должна стать *сознательно-коммуникативная направленность* содержания, обеспечивающая реализацию личностно ориентированного и деятельностного подходов, что находит отражение в организации частично-поисковой и учебно-исследовательской деятельности обучающихся. Такой подход дает возможность организовать совместную деятельность ученика и учителя как равноправных партнеров. Школьники не получают знания в готовом виде как привычные инструкции к запоминанию. Они исследуют факты языка в процессе освоения конкретного учебного материала. Таким образом, теория познается в деятельности.

Русский язык изучается как системное явление, как инструмент речевой деятельности, как источник формирования и совершенствования

речемыслительных способностей школьников в процессе использования языковых средств [Воителева 2018: 13]. Теоретический языковой материал учебника, а также практические задания и упражнения отражают весь ход обучения – от целей до системы контроля.

Современный учебник по русскому языку должен строиться с учетом планируемых результатов освоения федеральной программы «Русский язык» как базы формирования универсальных учебных действий (личностных, познавательных, регулятивных, коммуникативных). Он является для ученика навигатором в информационном пространстве. С этих позиций для содержания учебника становятся базовыми следующие положения: *логическая последовательность и ясность изложения учебной информации; оптимальное соотношение теоретического и практического материала; принципы научности и доступности; разноуровневый характер заданий.*

Структура современного учебника, определяющая способ работы с учебным материалом, апробирована десятилетиями. Изучение русского языка в основной школе должно начинаться (разумеется, после повторения изученного в начальных классах) с пропедевтического курса синтаксиса, о роли которого говорили ученые еще в прошлом столетии. Профессор А. В. Дудников отмечал: «Синтаксическое введение ко всему последующему курсу русского языка имеет целью заложить основы для успешного изучения всех сторон (уровней языка) в их взаимосвязи и единстве, ибо на синтаксическом уровне особенно наглядно проявляются системные отношения между фонетическими, лексическими, словообразовательными и морфологическими единицами. Кроме того, предварительное рассмотрение основных вопросов синтаксиса позволяет организовать работу над связной речью и пунктуацией до изучения систематического курса синтаксиса» [Дудников 1977: 39–40]. Учащихся важно познакомить с синтаксическими единицами и правилами их сочетаемости до изучения лексикологии и морфологии, поскольку осознание роли частей речи в передаче определенного смысла словосочетаниями и предложениями, знакомство с правилами лексической сочетаемости происходят на основе синтаксиса.

Как для учителя, так и для ученика важна логика изложения содержания учебного материала в учебнике, позволяющая формировать исследовательский тип мышления, что, по нашему мнению, предполагает распределение учебного материала следующим образом:

- сведения о существенных признаках и категориях языкового понятия;
- алгоритм действий с языковым понятием (характеристика основных признаков в процессе наблюдения, языковой анализ);
- сведения по культуре речи, особенности употребления изучаемого понятия;
- правила правописания [Воителева 2018: 11–14].

Такое предъявление учебного материала обеспечивает опознание языковых явлений, фор-

мирование умений анализировать языковой материал, объяснять, доказывать, тем самым способствуя развитию учебно-научной речи. Примеры таких заданий: *Докажите, используя образец ответа; Ответьте на вопрос; Рассуждайте так и под.* [Быстрова 2022]. Алгоритм действий ученика представляется на примере анализа текста / единицы языка. Исследуя текст, ученики обнаруживают закономерности языковой системы и на этой основе учатся строить по образцу собственные высказывания, в том числе и научного стиля по тематике любого изучаемого предмета. Мотивацией школьников к собственному лингвистическому исследованию служит проблемная ситуация, которая создает условия для определенных учебных действий.

Содержание учебника определяется федеральной программой и основано на *принципах научности, доступности, сознательности, наглядности* и др. Главное – теоретические сведения не должны противоречить лингвистической науке. Учащихся можно познакомить с несколькими точками зрения на одно и то же языковое явление. Например, характеризуя причастие и деепричастие, школьникам можно сообщить, что на эти категории слов в науке существуют разные мнения: одни ученые рассматривают их как самостоятельные части речи (М. В. Ломоносов, Д. Н. Овсяннико-Куликовский и др.), другие (например, Н. М. Шанский) доказывают, что это глагольные формы.

В современном учебнике можно выделить следующие взаимосвязанные аспекты, связанные с речевым развитием школьников: 1) восприятие текста; 2) обучение всем видам речевой деятельности; 3) обучение разным видам информационной и речевой переработки текста; 4) обучение созданию текстов в разных стилях и типах речи; 5) обучение анализу и коррекции собственного письменного высказывания.

Работа по восприятию текста проводится не только при чтении теоретического материала, хотя это очень важно, но и в процессе выполнения заданий к упражнениям. Основными методами обучения на данном этапе являются наблюдение и анализ. С этой целью в методический аппарат вводятся специальные рубрики, нацеливающие учащихся на выполнение «предтекстовых» и «послетекстовых» заданий, способствующих восприятию текстовой информации. Обучение видам речевой деятельности: по восприятию (слушание, чтение) и по порождению речи (говорение, письмо) предполагает системную работу по освоению речеведческих понятий (текст, структура текста, тема, основная мысль и др.) как важного условия совершенствования речемыслительных способностей учащихся, осознанное и адекватное восприятие и понимание звучащей речи (аудирование) и письменной речи (чтение), формированию умения строить устное и письменное высказывание с учетом сферы и ситуации общения (говорение и письмо). Обучение учащихся разным видам информационной и речевой переработки текста предлагается проводить в процессе выполнения

заданий, связанных с умением понимать прочитанное, выделять главное, осуществлять поиск и переработку информации. Сюда же относятся задания на создание и редактирование текста, написание отзыва, рецензии, аннотации, составление плана, реферата, интерпретацию полученной информации в устной и письменной форме. Важное место отводится заданиям по отбору аргументов для обоснования своей точки зрения в дискуссии¹: *Прочитайте текст. Какова его тема, основная мысль? Озаглавьте его, определите тип и стиль речи. По каким признакам вы это установили? Подтвердите свой ответ примерами из текста. Докажите правильность своего суждения.*

В учебнике нового типа целенаправленно перемежаются задания по усвоению системы родного языка и речевому развитию, особенностей использования единиц языка разных уровней. На такую работу должно быть нацелено обучение созданию текстов в разных стилях и типах речи: устное рассуждение; создание высказывания с включением чужой речи; сочинение с использованием текстов разных типов, сочинение по картине, составление текста по данным ключевым словам и основной мысли текста и др.

Развитие речи является обязательным компонентом системы обучения русскому языку. В соответствии с федеральной программой в учебник вводятся разделы «Язык и речь», «Текст», «Функциональные разновидности языка». В этих разделах особое внимание следует уделить освоению речеведческих понятий как необходимому условию совершенствования речевых способностей учащихся, овладения основными видами речевой деятельности в их единстве и взаимосвязи. На этой основе проходят осознанное и адекватное восприятие и понимание звучащей речи (аудирование) и письменной речи (чтение), формируется умение строить устное и письменное высказывание с учетом сферы и ситуации общения (говорение и письмо). Систематическая работа по развитию связной речи проводится в процессе выполнения комплексных упражнений.

Процесс освоения исходного текстового материала становится более увлекательным, если информацию визуализировать, т. е. если подать ее в виде схем, графиков, диаграмм и других видов нелинейного текста. При визуализации информация приобретает краткость, наглядность, что значительно облегчает читателю процесс освоения исходного текстового материала. Одним из таких средств является таблица, которая позволяет вывести важную для понимания того или иного языкового явления информацию. Таблица традиционно занимает важное место в учебнике. Ее используют как на этапе введения новых знаний, так и на этапе повторения и обобщения. В процессе анализа материала таблицы школьники тренируют память, внимание, идет формирование способностей составлять связное высказывание как в устной, так и

в письменной форме. К визуализации относится также инфографика – графическое представление сложной информации, что не только вызывает интерес к изучаемой теме, но и позволяет стимулировать учебно-исследовательскую работу учащихся [Холодная 2016: 41].

Учебный материал. Особое значение в развитии школьников имеет языковой материал школьного учебника, который предлагается с учетом образовательно-воспитательных функций: познавательной, развивающей, коммуникативной, эстетической и др. Результатом сформированности умений самостоятельно анализировать, обобщать явления окружающей действительности является уровень интеллектуального развития [Вишнякова 1999: 109].

Особенностью современного учебника является формирование картины мира, выраженной в слове, которая «отражает способ речемыслительной деятельности личности, характерный для той или иной эпохи, с ее духовными, культурными и национальными ценностями» [Современный учебник русского языка... 2021: 16], формирует тип отношения человека к миру (природе, животным, самому себе как элементу мира). Она задает нормы поведения человека в мире, определяет его отношение к миру [Воителева 2020]. Использование мировоззренческих, историко-научных текстов о развитии русского языка, сведений об ученых-лингвистах, а также введение в учебник текстов культуроведческой направленности способствуют осознанию эстетической ценности языка, формируют способность школьников воспринимать родной язык как основу национальной культуры, его богатство, самобытность, национальное своеобразие [Обучение русскому языку... 2007: 153]. Учебник дает возможность познакомиться не только с родной национальной культурой, но и с культурными ценностями других народов, что способствует формированию толерантности, уважения к их национальной самобытности; пониманию и осознанию национально-культурных различий между народами. На фоне «встречи культур» учащиеся более глубоко осознают своеобразие родной культуры и то общее, что объединяет эти культуры, начинают глубже чувствовать особенности и своеобразие своего родного языка, осознанно любить его. С этой же целью в учебник вводится рубрика «Диалог культур».

Основным видом языкового материала современного учебника принято считать текст, который, являясь главной дидактической единицей, выполняет функцию ориентировочной основы любого вида речевой деятельности на уровне восприятия и понимания, с одной стороны, и в плане речепорождения – с другой.

Текст в учебнике выполняет несколько функций: прежде всего служит для освоения теоретических сведений, а также для обучения осознанно и целесообразно отбирать языковые средства при оформлении устной и письменной связной речи. В свете коммуникативно-деятельностного подхода для современного учебника важна реализация

¹ Примеры заданий взяты из учебника по русскому языку под ред. Е. А. Быстровой, 2022 г.

диалогического взаимодействия обучающегося с текстом как основа понимания учебного материала. Дидактическим условием такого взаимодействия станут использование специально составленных авторами учебника или учителем проблемных или риторических вопросов, привлекающих внимание учащихся к тем или иным аспектам учебного материала, «выдвижение предположительных ответов на эти вопросы и гипотез относительно дальнейшего содержания текста, обсуждение представленных в тексте альтернативных точек зрения и т. д.» [Холодная 2016: 48]. Важно помнить, что качественный языковой материал содействует развитию способности школьников думать, рассуждать, размышлять, анализировать, повышает интеллектуальный потенциал, компонентами которого являются система знаний, умений, творческих способностей обучающихся.

В настоящее время активно разрабатываются и используются в образовательном процессе электронные средства обучения [Александрова 2018]. Использование электронного учебника значительно расширяет и обогащает методику преподавания предмета, позволяет учителю оперативно взаимодействовать как со всем классом, так и индивидуально с каждым обучающимся: наблюдать за работой, контролировать и получать обратную связь. Это электронное издание, которое содержит учебный материал печатных учебников в полной или сжатой форме, аудио- и видеофрагменты, интерактивные задания и упражнения, задания для самоконтроля и контроля. Использование электронного пособия на уроке позволяет повысить мотивацию обучения и способствует высокому уровню усвоения изучаемого материала. С помощью электронного учебника преподаватель организует учебный процесс на основе коммуникативно-деятельностного подхода, вовлекая в него обучающихся с учетом их индивидуальных способностей восприятия нового материала, личных склонностей и возможностей. Работа с электронными контрольными оценочными средствами дает возможность преподавателю оптимизировать результаты образовательного процесса, проверить сформированность речемыслительных умений в процессе освоения учебной дисциплины, а обучающимся помогает самостоятельно прорабатывать учебный материал, осуществлять самопроверку, т. е. продвигаться в изучении конкретной темы исходя из их готовности и способности воспринимать предлагаемый учебный материал.

В то же время важным является вопрос о соотношении печатного учебника и электронного средства. Электронный учебник не должен полностью заменить печатную книгу, в которой более полно и глубоко представлена текстовая учебная информация. На наш взгляд, наиболее приемлемым и целесообразным является вариант параллельного использования бумажного учебника и электронного средства [Граник 2021].

Выводы

Подводя итог, подчеркнем основные положения, лежащие в основе построения учебника нового поколения, который является навигатором в потоке информации, имеет практико-ориентированный характер, рассматривается как инструмент управления учебной деятельностью школьников, являясь при этом основой методической системы учителя, отражающей применение технологий деятельностного типа.

– Прежде всего следует отметить, что учебник должен ориентировать на «новый» результат – применение способов действий, способствующих развитию речемыслительных умений, личностных качеств языковой личности; давать возможность для самостоятельного открытия нового знания учениками. В учебнике должно быть достаточное количество продуктивных заданий, реализующих деятельностный характер обучения.

– Учебник нового поколения должен стать «эмоционально-проблемным» (Г. Г. Граник), поэтому важным является использование в учебнике дополнительного материала, связанного с темой, который позволит сделать обучение более увлекательным. Это может быть введение рубрик «Знаете ли вы, что...», «Исторический комментарий» и др.

– Теоретической базой учебника должна являться определенная методическая концепция, опирающаяся на лингвистическую теорию.

– Каждая единица языка должна характеризоваться как часть языковой системы, с одной стороны, и как единица текстообразования – с другой.

– Новый учебник должен стать проводником по воспитанию уважения к родному языку, который сохраняет и отражает культурные и нравственные ценности, накопленные народом, позволяет осознать связь языка, истории и культуры русского и других народов.

– В учебном материале должны быть реализованы основные функции языка: когнитивная, коммуникативная, эстетическая и др. [Кузнецова 2018; Шутан 2023].

– Учебник должен быть ориентирован на самостоятельную деятельность учащихся, в том числе на проектно-исследовательскую деятельность.

– Дидактический материал учебника должен служить средством самодиагностики и самоконтроля.

– В новом учебнике должны быть предусмотрена дифференциация обучения, учитываться индивидуальные склонности и способности обучающихся.

Важно помнить о разумном соотношении учебника на печатной основе и электронного дидактического материала.

Литература

Адогуров, В. А. «Anfänge – Grunde der Russischen Sprache» или «Первые основания русского языка». Формирование русской академической грамматической традиции / В. А. Адогуров ; отв. ред. К. А. Филиппов, С. С. Волков. – СПб. : Наука ; Нестор-История, 2014. – 256 с.

Александрова, О. М. Школьный учебник русского языка в цифровом образовательном пространстве: к постановке проблемы / О. М. Александрова, Ю. Н. Гостева, И. Н. Добротина // Русский язык в школе. – 2018. – № 8 (79). – С. 3–6. – DOI: <https://doi.org/10.30515/0131-6141-2018-79-8-3-6>.

Архипова, Е. В. Дискурс учебника русского языка в рамках коммуникативной парадигмы языкового образования XXI века / Е. В. Архипова, Л. В. Лагунова // Русский язык в школе. – 2018. – № 8 (79). – С. 15–21. – DOI: <https://doi.org/10.30515/0131-6141-2018-79-8-15>.

Быстрова, Е. А. Русский язык : учебник для 5 класса общеобразовательных организаций : в 2 ч. Ч. 1 / Е. А. Быстрова, Л. В. Кибирева, Т. М. Воителева, Ю. Н. Гостева, И. Р. Калмыкова ; под ред. Е. А. Быстровой. – М. : ООО «Русское слово – учебник», 2022. – 288 с.

Вишнякова, С. М. Профессиональное образование. Словарь: ключевые понятия, актуальная лексика / С. М. Вишнякова ; Мин-во общ. и проф. обр. РФ ; Упр. сред. проф. обр. ; Науч.-метод. центр сред. проф. обр. – М. : Новь, 1999. – 535 с.

Воителева, Т. М. Учебник как средство реализации содержания предмета «Русский язык» в школе / Т. М. Воителева // Русский язык в школе. – 2018 – № 8 (79). – С. 11–14. – DOI: <https://doi.org/10.30515/0131-6141-2018-79-8-11-14>.

Воителева, Т. М. Отражение национальной картины мира в школьном курсе «Русский родной язык» / Т. М. Воителева // Е3S Web of Conferences 210, 18107. – 2020. – DOI: <https://doi.org/10.1051/e3sconf/202021018107>.

Гордиенко, О. В. Учебники русского языка для школы первой трети XX в. / О. В. Гордиенко, Н. А. Салтыкова // Проблемы современного образования. – 2013. – № 1. – С. 149–158.

Граник, Г. Г. Структура школьного учебника как предмет научного исследования (на материале учебника нового типа по русскому языку) / Г. Г. Граник // Психологическая наука и образование. – 2017. – Т. 22, № 4. – С. 64–74. – DOI: [10.17759/pse.20172204010](https://doi.org/10.17759/pse.20172204010).

Граник, Г. Г. Психолого-дидактические проблемы создания цифровых учебников / Г. Г. Граник, Н. А. Борисенко // Психологическая наука и образование. – 2021. – Т. 26, № 3. – С. 102–112. – DOI: <https://doi.org/10.17759/pse.2021260307>.

Дейкина, А. Д. Ценностные смыслы современного учебника русского языка / А. Д. Дейкина // Русский язык в школе. – 2018. – № 8 (79). – С. 7–10. – DOI: <https://doi.org/10.30515/0131-6141-2018-79-8-7-10>.

Дудников, А. В. Методика изучения грамматики в восьмилетней школе / А. В. Дудников. – М. : Просвещение, 1977. – 303 с.

Ерохина, Е. Л. Развитие письменной речи учащихся: методический потенциал аналитических заданий / Е. Л. Ерохина // Русский язык в школе. – 2022. – № 1 (83). – С. 7–13. – DOI: <https://doi.org/10.30515/0131-6141-2022-83-1-7-13>.

Кузнецова, М. И. Потенциал учебника русского языка в формировании коммуникативной грамотности младшего школьника / М. И. Кузнецова // Русский язык в школе. – 2018. – № 8 (79). – С. 35–40. – DOI: <https://doi.org/10.30515/0131-6141-2018-79-8-35-40>.

Кульман, Н. К. Из истории русской грамматики / Н. К. Кульман. – Пг. : Сенатская типография, 1917. – 105 с.

Лапатухин, М. С. Из истории преподавания русского языка в средних учебных заведениях России : автореф. дис. ... д-ра пед. наук / М. С. Лапатухин. – М. : б. и, 1963. – 41 с.

Методика преподавания русского языка в школе : учебник для студ. высш. пед. учеб. заведений / М. Т. Баранов, Н. А. Ипполитова, Т. А. Ладыженская, М. Р. Львов ; под ред. М. Т. Баранова. – М. : Издательский центр «Академия», 2001. – 368 с.

Обучение русскому языку в школе : учеб. пособие для студ. пед. вузов / Е. А. Быстрова [и др.] ; под ред. Е. А. Быстровой. – 2-е изд., стер. – М. : Дрофа, 2007. – 237 с.

Острикова, Т. А. Типы и виды этимологических упражнений по русскому языку / Т. А. Острикова, Л. М. Чучва // Русский язык в школе. – 2023. – № 1 (84). – С. 7–16. DOI: <https://doi.org/10.30515/0131-6141-2023-84-1-7-16>.

Парышева, Е. В. Методические аспекты использования цитаты в современных учебниках русского языка / Е. В. Парышева // Русский язык в школе. – 2024. – № 2 (85). – С. 18–27. – DOI: <https://doi.org/10.30515/0131-6141-2024-85-2-18-27>.

Пономарева, Л. Д. Текстцентрический кейс как лингводидактическая основа современного урока русского языка / Л. Д. Пономарева, Е. А. Губчевская // Русский язык в школе. – 2023. – № 4 (84). – С. 7–13. – DOI: <https://doi.org/10.30515/0131-6141-2023-84-4-7-13>.

Современный учебник русского языка для средней школы: теория и практика : материалы Международной научно-практической конференции, 25–26 марта 2021 года / отв. ред. А. Д. Дейкина, В. Д. Янченко ; сост. и ред. А. Д. Дейкина, В. Д. Янченко, О. Н. Левушкина, А. П. Еремеева, А. Ю. Устинов, С. С. Фролкова. – М. : МПГУ, 2021. – 502 с.

Текучева, И. В. Некоторые вопросы истории школьного учебника русского языка / И. В. Текучева // Проблемы современного филологического образования : сб. науч. ст. Вып. XIX / отв. ред. В. А. Коханова. – М. : МГПУ ; Ярославль : Ремдер, 2021. – С. 89–95.

Текучева, И. В. О классическом учебнике «Методика русского языка в средней школе» А. В. Текучева / И. В. Текучева // Русский язык в школе. – 2023. – № 2. – С. 24–31. – DOI: <https://doi.org/10.30515/0131-6141-2023-84-2-24-3>.

Федеральная рабочая программа основного общего образования. Русский язык (для 5–9 классов образовательных организаций). – М. : ИСРО РАО, 2022. – 129 с.

Федоренко, Л. П. К вопросу о типах школьных учебников русского языка / Л. П. Федоренко // Проблемы школьного учебника. Вып. 1. – М. : Просвещение, 1974. – С. 93–100.

Холодная, М. А. Развивающие учебные тексты как средство интеллектуального воспитания учащихся / М. А. Холодная, Э. Г. Гельфман. – М. : Изд-во Ин-та психологии РАН, 2016. – 199 с.

Шутан, М. И. О структурировании урока изучения концепта / М. И. Шутан // Русский язык в школе. – 2023. – № 2 (84). – С. 7–17. – DOI: <https://doi.org/10.30515/0131-6141-2023-84-2-7-17>.

References

Adodurov, V. A. (2014). «*Anfänge – Gründe der Russischen Sprache*» ili «*Pervye osnovaniya rossiiskogo yazyka*». *Formirovanie russkoi akademicheskoi grammaticheskoi traditsii* [“Anfänge – Gründe der Russischen Sprache” or “The First Foundations of the Russian Language”. Formation of the Russian Academic Grammatical Tradition]. Saint Petersburg, Nauka, Nestor-Istoriya. 256 p.

Aleksandrova, O. M., Gosteva, Yu. N., Dobrotina, I. N. (2018). Shkol'nyi uchebnik russkogo yazyka v tsifrovom obrazovatel'nom prostranstve: k postanovke problemy [School Textbook of the Russian Language in the Digital Educational Space: Towards the Formulation of the Problem]. In *Russkii yazyk v shkole*. No. 8 (79), pp. 3–6. DOI: <https://doi.org/10.30515/0131-6141-2018-79-8-3-6>.

Arkipova, E. V., Lagunova, L. V. (2018). Diskurs uchebnika russkogo yazyka v ramkakh kommunikativnoi paradigmy yazykovogo obrazovaniya XXI veka [Discourse of the Russian Language Textbook within the Framework of the Communicative Paradigm of Language Education of the XXI Century]. In *Russkii yazyk v shkole*. No. 8 (79), pp. 15–21. DOI: <https://doi.org/10.30515/0131-6141-2018-79-8-15>.

Baranov, M. T., Ippolitova, N. A., Ladyzhenskaya, T. A., Lvov, M. R. (2001). *Metodika prepodavaniya russkogo yazyka v shkole* [Methods of Teaching Russian at School]. Moscow, Izdatel'skii tsentr «Akademiya». 368 p.

Bystrova, E. A. et al. (2007). *Obuchenie russkomu yazyku v shkole* [Teaching Russian at School]. 2nd edition. Moscow, Drofa. 237 p.

Bystrova, E. A., Kibireva, L. V., Voiteleva, T. M., Gosteva, Yu. N., Kalmykova, I. R. (2022). *Russkii yazyk: v 2 ch.* [Russian Language, in 2 parts]. Part 1. Moscow, ООО «Russkoe slovo – uchebnik». 288 p.

Deikina, A. D. (2018). Tsennostnye smysly sovremennogo uchebnika russkogo yazyka [Value Meanings of a Modern Russian Language Textbook]. In *Russkii yazyk v shkole*. No. 8 (79), pp. 7–10. DOI: <https://doi.org/10.30515/0131-6141-2018-79-8-7-10>.

Deikina, A. D., Yanchenko, V. D. (Eds.). (2021). *Sovremennyyi uchebnik russkogo yazyka dlya srednei shkoly: teoriya i praktika* [Modern Russian Language Textbook for Secondary School: Theory and Practice]. Moscow, MPGU. 502 p.

Dudnikov, A. V. (1977). *Metodika izucheniya grammatiki v vos'miletnei shkole* [Methods of Studying Grammar in an Eight-Year School]. Moscow, Prosveshchenie. 303 p.

Erokhina, E. L. (2022). Razvitie pis'mennoi rechi uchashchikhsya: metodicheskii potentsial analiticheskikh zadaniy [Development of Students' Written Speech: The Methodological Potential of Analytical Tasks]. In *Russkii yazyk v shkole*. No. 1 (83), pp. 7–13. DOI: <https://doi.org/10.30515/0131-6141-2022-83-1-7-13>.

Federal'naya rabochaya programma osnovnogo obshchego obrazovaniya. Russkii yazyk (dlya 5–9 klassov obrazovatel'nykh organizatsii) [Federal Work Program of Basic General Education. Russian Language (for Grades 5–9 of Educational Organizations)]. Moscow, ISRO RAO. 129 p.

Fedorenko, L. P. (1974). K voprosu o tipakh shkol'nykh uchebnikov russkogo yazyka [On the Issue of Types of Russian Language School Textbooks]. In *Problemy shkol'nogo uchebnika*. Issue 1. Moscow, Prosveshchenie, pp. 93–100.

Gordienko, O. V., Saltykova, N. A. (2013). Uchebniki russkogo yazyka dlya shkoly pervoi treti XX v. [Russian Language Textbooks for Schools of the First Third of the 20th Century]. In *Problemy sovremennogo obrazovaniya*. No. 1, pp. 149–158.

Granik, G. G. (2017). Struktura shkol'nogo uchebnika kak predmet nauchnogo issledovaniya (na materiale uchebnika novogo tipa po russkomu yazyku) [The Structure of a School Textbook as a Subject of Scientific Research (Based on a New Type of Textbook on the Russian Language)]. In *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie*. Vol. 22. No. 4, pp. 64–74. DOI: [10.17759/pse.20172204010](https://doi.org/10.17759/pse.20172204010).

Granik, G. G., Borisenko, N. A. (2021). Psikhologo-didakticheskie problemy sozdaniya tsifrovyykh uchebnikov [Psychological and Didactic Problems of Creating Digital Textbooks]. In *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie*. Vol. 26. No. 3, pp. 102–112. DOI: <https://doi.org/10.17759/pse.2021260307>.

Kholodnaya, M. A., Gelfman, E. G. (2016). *Razvivayushchie uchebnye teksty kak sredstvo intellektual'nogo vospitaniya uchashchikhsya* [Developing Educational Texts as a Means of Intellectual Education of Students]. Moscow, Izdatel'stvo Instituta psikhologii RAN. 199 p.

Kulman, N. K. (1917). *Iz istorii russkoi grammatiki* [From the History of Russian Grammar]. Pg., Senatskaya tipografiya. 105 p.

Kuznetsova, M. I. (2018). Potentsial uchebnika russkogo yazyka v formirovaniі kommunikativnoi gramotnosti mladshego shkol'nika [Potential of the Russian Language Textbook in Developing Communicative Literacy in Primary School Students]. In *Russkii yazyk v shkole*. No. 8 (79), pp. 35–40. DOI: <https://doi.org/10.30515/0131-6141-2018-79-8-35-40>.

Lapatukhin, M. S. (1963). *Iz istorii prepodavaniya russkogo yazyka v srednikh uchebnykh zavedeniyakh Rossii* [From the History of Teaching Russian in Secondary Educational Institutions of Russia]. Avtoref. dis. ... d-ra ped. nauk. Moscow. 41 p.

Ostrikova, T. A., Chuchva, L. M. (2023). Tipy i vidy etimologicheskikh uprazhnenii po russkomu yazyku [Types and Kinds of Etymological Exercises in Russian]. In *Russkii yazyk v shkole*. No. 1 (84), pp. 7–16. DOI: <https://doi.org/10.30515/0131-6141-2023-84-1-7-16>.

Parysheva, E. V. (2024). Metodicheskie aspekty ispol'zovaniya tsitaty v sovremennykh uchebnikakh russkogo yazyka [Methodological Aspects of Using Quotation in Modern Russian Language Textbooks]. In *Russkii yazyk v shkole*. No. 2 (85), pp. 18–27. DOI: <https://doi.org/10.30515/0131-6141-2024-85-2-18-27>.

Ponomareva, L. D., Gubchevskaya, E. A. (2023). Tekstotsentricheskii keis kak lingvodidakticheskaya osnova sovremennogo uroka russkogo yazyka [Text-centric Case as a Linguodidactic Basis for a Modern Russian Language Lesson]. In *Russkii yazyk v shkole*. No. 4 (84), pp. 7–13. DOI: <https://doi.org/10.30515/0131-6141-2023-84-4-7-13>.

Shutan, M. I. (2023). O strukturirovaniі uroka izucheniya kontsepta [About Structuring a Concept Learning Lesson]. In *Russkii yazyk v shkole*. No. 2 (84), pp. 7–17. DOI: <https://doi.org/10.30515/0131-6141-2023-84-2-7-17>.

Tekucheva, I. V. (2021). Nekotorye voprosy istorii shkol'nogo uchebnika russkogo yazyka [Some Questions about the History of the Russian Language School Textbook]. In Kokhanova, V. A. (Ed.). *Problemy sovremennogo filologicheskogo obrazovaniya: sb. nauch. st.* Issue XIX. Moscow, MGPU, Yaroslavl, Remder, pp. 89–95.

Tekucheva, I. V. (2023). O klassicheskom uchebnike «Metodika russkogo yazyka v srednei shkole» A. V. Tekucheva [About the Classic Textbook “Methodology of the Russian Language in Secondary School” by A. V. Tekucheva]. In *Russkii yazyk v shkole*. No. 2, pp. 24–31. DOI: <https://doi.org/10.30515/0131-6141-2023-84-2-24-31>.

Vishnyakova, S. M. (1999). *Professional'noe obrazovanie. Slovar': klyuchevye ponyatiya, aktual'naya leksika* [Professional Education. Dictionary: Key Concepts, Current Vocabulary]. Moscow, Nov'. 535 p.

Voiteleva, T. M. (2018). Uchebnik kak sredstvo realizatsii soderzhaniya predmeta «Russkii yazyk» v shkole [Textbook as a Means of Implementing the Content of the Subject “Russian Language” in School]. In *Russkii yazyk v shkole*. No. 8 (79), pp. 11–14. DOI: <https://doi.org/10.30515/0131-6141-2018-79-8-11-14>.

Voiteleva, T. M. (2020). Otrazhenie natsional'noi kartiny mira v shkol'nom kurse «Russkii rodnoi yazyk» [Reflection of the National Linguistic World View in the School Course “Russian as a Native Language”]. In *E3S Web of Conferences* 210, 18107. DOI: <https://doi.org/10.1051/e3sconf/202021018107>.

Данные об авторах

Воителева Татьяна Михайловна – доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры методики преподавания русского языка и литературы, Государственный университет просвещения (Москва, Россия).
Адрес: 105005, Россия, г. Москва, ул. Радио, 10А.
E-mail: voitelev@yandex.ru.

Текучева Ирина Викторовна – кандидат филологических наук, профессор кафедры методики преподавания русского языка и литературы, Государственный университет просвещения (Москва, Россия).
Адрес: 105005, Россия, г. Москва, ул. Радио, 10А.
E-mail: ira.tekucheva@yandex.ru.

Authors' information

Voiteleva Tatiana Mikhailovna – Doctor of Pedagogy, Professor, Professor of Department of Methodology of Teaching Russian Language and Literature, State University of Education (Moscow, Russia).

Tekucheva Irina Victorovna – Candidate of Philology, Professor of Department of Methodology of Teaching Russian Language and Literature, State University of Education (Moscow, Russia).

Дата поступления: 29.08.2024; дата публикации: 28.12.2024

Date of receipt: 29.08.2024; date of publication: 28.12.2024

ОБЗОРЫ. РЕЦЕНЗИИ

УДК 821.161.1-3(Грачев Р. И.). DOI: 10.26170/2071-2405-2024-29-4-183-193. ББК Ш33(2Рос=Рус)64-8,4.
ГРНТИ 17.01.13. Код ВАК 5.9.1

ХРОНИКА МЕЖДУНАРОДНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ «ВРЕМЯ РИДА ГРАЧЕВА (ПАМЯТИ ПИСАТЕЛЯ: 1935–2004)»

Колесникова Е. И.

Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН
(Санкт-Петербург, Россия)

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-4441-565X>

SPIN-код: 4408-7508

А н н о т а ц и я. В обзоре представлены итоги Международной конференции «Время Риды Грачева. Памяти писателя (1935–2004)». Конференция проходила 22–23 октября 2024 года в Институте русской литературы Российской Академии наук (Пушкинский Дом) и была приурочена к двадцатилетию со дня смерти ленинградского писателя-«шестидесятника», в свое время высоко ценимого В. Пановой, И. Бродским, А. Битовым, Ф. Абрамовым, В. Аксеновым и др. К сожалению, из-за цензурных требований Грачев почти не издавался и к настоящему времени остается почти неизвестным. Восстановить место писателя среди представителей 1960-х годов, представить его идейно-эстетическое кредо в историческом контексте эпохи было целью научной встречи. В работе конференции приняли участие ученые, филологи-педагоги и литературные критики из Италии, Норвегии, Китая, США. Первое заседание конференции было посвящено уточнению биографии писателя и его семьи на основе архивных разысканий, а также анализу поэтики отдельных произведений, философско-эстетических аспектов его публицистики, описанию художественной картины мира. Также был представлен обзор архивного фонда Грачева, история его формирования. Целью второго заседания конференции было раскрыть тот сложный историко-литературный контекст, в котором писатель жил и работал. Предстояло рассмотреть важнейший этап русского литературного процесса XX века и ответить на вопросы: чем была литература «шестидесятников» – открытой оппозицией официозу соцреализма на совершенно новых основаниях или же наследницей лучших традиций классической литературы и модернизма? Продемонстрированные в докладах связи творчества Риды Грачева и его окружения с русской и западной культурой показали органическое соответствие неподцензурной литературы насущным этическим и эстетическим проблемам времени. Завершилась конференция представлением выставки рукописей, фотографий и рисунков Риды Грачева из фонда Рукописного отдела Пушкинского Дома.

К л ю ч е в ы е с л о в а: творчество Риды Грачева; поэтика; биография; литературный процесс; неподцензурная литература; архивные фонды

Б л а г о д а р н о с т и: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-01311, <https://rscf.ru/project/23-28-01311>.

Д л я ц и т и р о в а н и я: Колесникова, Е. И. Хроника международной конференции «Время Риды Грачева (памяти писателя: 1935–2004)» / Е. И. Колесникова. – Текст : непосредственный // Филологический класс. – 2024. – Т. 29, № 4. – С. 183–193. – DOI: 10.26170/2071-2405-2024-29-4-183-193.

INTERNATIONAL CONFERENCE “THE TIME OF RID GRACHEV (IN MEMORY OF THE WRITER: 1935–2004)”

Elena I. Kolesnikova

Institute of Russian Literature (Pushkinskiy Dom) of Russian Academy of Sciences
(Saint Petersburg, Russia)

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-4441-565X>

A b s t r a c t. This review presents the results of the International Conference “The Time of Rid Grachev (In Memory of the Writer: 1935–2004)”. The conference took place on October 22–23 at the Institute of Russian Literature of the Russian Academy of Sciences (Pushkinskiy Dom) and was timed to coincide with the twentieth anniversary of the death of the writer, a “man of the Sixties,” who was highly esteemed in his lifetime by Vera Panova, Joseph Brodsky, Andrei Bitov, Fyodor Abramov, Vasilii Aksenov, and others. Unfortunately, because of the strictures of censorship, Grachev was barely published and has remained almost unknown up to the present. The goal of this scholarly gathering was to restore the writer’s place among the representatives of the 1960’s and to present his aesthetic and philosophical credo in the historical context of the epoch. Scholars, philologists, teachers, and literary critics from Italy, Norway, China and the United States took part in the work of the conference. The first session of the conference was devoted to clarification of the writer’s biography, and that of his family, on the basis of archival researches, as well as analyses of the poetics of individual works. The papers also discussed aesthetic and philosophical aspects of his journalistic writings and his artistic worldview. A survey of Grachev’s archive and the history of its formation was also presented. The purpose of the second session of

the conference was to reveal the complex literary and historical context in which the writer lived and worked. It was planned to examine this very important stage of the Russian literary process of the twentieth century in order to answer the question of whether the literature of the “sixties” openly opposed official socialist realism on completely new principles or whether it was an heir to the best traditions of classical literature and modernism. The connections between Rid Grachev’s creative works and those of the members of his milieu on the one hand and the products of Russian and Western culture on the other showed the organic correlation of uncensored literature with the essential ethical and aesthetic issues of the time. The conference concluded with a presentation of an exhibition of Rid Grachev’s manuscripts, photos, and drawings from the archives of the manuscript division of Pushkinskiy Dom.

Key words: creative activity of Rid Grachev; poetics; biography; literary process; uncensored literature; archival funds

Acknowledgements: The research has been carried out with financial support of the Russian Science Foundation grant No. 23-28-01311, <https://rscf.ru/project/23-28-01311>.

For citation: Kolesnikova, E. I. (2024). International Conference “The Time of Rid Grachev (In Memory of the Writer: 1935–2004)”. In *Philological Class*. Vol. 29. No. 4, pp. 183–193. DOI: 10.26170/2071-2405-2024-29-4-183-193.

22–23 октября 2024 г. в Пушкинском Доме (ИРЛИ) Российской Академии наук состоялась Международная научная конференция «Время Рида Грачева», посвященная памяти писателя (1935–2004).

Научная встреча открылась траурными словами Ю. В. Кругловой из Санкт-Петербурга в память только что ушедшей из жизни Валерии Николаевны Кузьминой (1940–2024), официального опекуна и хранителя архива Рида Грачева. Именно благодаря ее самоотверженной заботе о больном писателе и его рукописях были опубликованы наиболее полные сборники его произведений [Грачев 2013а; 2013б], а ученые сейчас могут вести научные исследования, знакомясь с его творчеством в полном объеме.

Программа состояла из раздела, посвященного непосредственно творчеству и биографии писателя, и раздела, где характеризовался историко-литературный контекст его времени. Предстояло дать оценку творчеству «шестидесятников» и понять, органично ли оно вытекало из предшествующих литературных традиций либо полностью им противостояло. На заявленную проблематику обратились российские исследователи из Петербурга, Москвы, Воронежа, Красноярска, Челябинской области; зарубежные ученые из Италии, Китая, Норвегии, США; а также литературные критики и друзья-современники писателя. Каждый из докладов открывал новую страницу в наследии Рида Грачева и демонстрировал грани литературной среды, в которой творил писатель.

22 октября, первое заседание: Творчество Рида Грачева

Первая часть конференции открылась докладом профессора из США Кэрл Юланд (Carol Ueland) (университет Дрю), где суммировалась творческая биография Рида Грачева – писателя, считавшегося в 1960-е одним из неформальных лидеров своего поколения, высоко оцененного такими авторами, как Иосиф Бродский и Андрей Битов, но впоследствии оказавшегося незаслуженно забытым. Исследовательница обозначила причины этой несправедливости, сыгравшей большую роль в несчастливой судьбе Грачева, в несоответствии его фигуры литературному процессу, но также в жизнотворческой позиции сиротства: тема сиротства пронизывает все творче-

ство Грачева и исключительно важна для его самоидентификации. Со ссылкой на биографические факты прозвучал важный тезис доклада о том, что в его произведениях сиротство – это опыт, который невозможно до конца пережить; так или иначе он накладывает отпечаток на биографию, в том числе на перспективы успеха, создает паттерны отверженности и аутсайдерства. В литературной жизни и в текстах Грачева эти паттерны накладываются на косность советской системы, не терпящей аутсайдеров. Анализируя эти произведения, в первую очередь повесть «Адамчик», докладчик убедительно показала, как судьба Грачева оказывается трагичным вариантом знаковой литературной биографии.

Тому, как опыт сиротства преломлялся в творческом сознании писателя, был посвящен доклад профессора А. А. Житенева (Воронежский государственный университет) «О пластике зримого мира в рассказах Р. Грачева». Исследователь рассмотрел некоторые особенности образности в рассказах Р. Грачева, связанные с переплетением в них элементов реализма и модернизма. Докладчик предложил вниманию слушателей блистательный анализ художественных стратегий писателя. Повествование, по его наблюдениям, неизменно включает в себя смысловые паузы, которые дезориентируют читателя, провоцируют непонимание происходящего, как правило, связанные с изображением стремительного действия, резкой и внезапной перемены в положении героя. В этих же принципах организации повествования докладчик усмотрел и неявное признание неизмеримости субъективного опыта общей мерой. Убежденность в том, что достоверное изображение реальности может быть создано только тогда, когда она преломлена через сознание свидетеля-рассказчика, определяет интерес Р. Грачева к ситуациям, в которых это сознание оказывается в лиминальной ситуации. В ней мир предстает в логике «сдвига»: вещи получают несвойственные им качества, чувственное восприятие предстает как неконтролируемая игра форм и цветов; связи между микро- и макромиром становятся обратимыми. Такая «сюрреалистичность» изображения оказывается одной из наиболее характерных особенностей образного мира прозаика.

Соредактор журнала «Звезда» А. Ю. Арьев (Санкт-Петербург) в докладе «Рид Грачев и Альбер Камю. Поиски антигероя», посвященном памяти

В. Н. Кузьминой, начал важный разговор о традициях в творчестве Грачева и обозначил проблему преемственности в обрисовке героя. Докладчик провел линию эволюции «маленького человека» от пушкинского Евгения из «Медного всадника» к гоголевскому Акакию Акакиевичу и затем к «антигерою» «Записок из подполья» Ф. М. Достоевского. «Маленький человек» стал трактоваться как «мещанин», с отрицательной коннотацией. «Антигероя» выставляли в жалком свете – даже высокоталантливые писатели, как, например, Ю. Олеша в «Зависти» или В. Маяковский в «Клопе». Но, занимаясь «поисками героя», открыли «антигероя», оказавшегося человеком более одушевленным и мыслящим, чем «герой».

Как точно заметил докладчик, о разладе «между человеком и его жизнью» думает и пишет Рид Грачев, начиная с конца 1950-х, а в 1965-м берет за перевод (точнее, за переложение) «Мифа о Сизифе» Альбера Камю (1913–1960). Чувство абсурда человеческого бытия, утверждавшегося французским писателем, согласуется с его собственными переживаниями едва ли не полностью. Термин «абсурд», точнее, то, что Камю называет «чувством абсурда» («*sentiment d'absurdité*»), Грачев последовательно называет «чувством бессмысленности». «Абсурд» и для Камю, и для Грачева – не итог рассуждений и приобретенного с годами опыта, а априорная данность, подлежащая анализу. В то же время докладчик подчеркнул и принципиальное отличие: персонажи Рида Грачева, когда речь идет о его прозе, никак не пессимисты. Ибо невинны. Хотя живут в абсурдном мире, они ничем в нем кардинально не испорчены. Даже герой с безрадостной кличкой Мясник из рассказа «Ничей брат» в самой последней строчке уходит куда-то в просвет: он «вытер нос и пошел туда, где облака не закрывали солнце!» Грачев, с несомненной отсылкой к повести Камю, называет рассказ, вошедший в его единственную книжечку «Где твой дом» (1967), словом «Посторонний».

В рассказах Рида Грачева сохранен тот «нулевой градус письма», что Ролан Барт выделил в прозе на примере, в том числе, и Камю. Это очень характерное для Грачева письмо, которое не поддается метафорической изощренности и навязыванию персонажам своих эмоций. И здесь докладчик излагает важное наблюдение о том, что это не литературный «подтекст», а подтекст, заставляющий читателя погружаться вглубь текста, подозревать в нем добавочный по сравнению с тем, что говорят слова, смысл. Высказанное и у Камю, и у Грачева всегда меньше подразумеваемого. Это и есть тот второй подтекст, что присущ прозе Грачева. Исначальное отсутствие смысла, абсурд, для Грачева, как и для Камю, – данность, с которой начинается познание. Обоснование у Грачева начинается с доминирующего положения экзистенциализма в изводе Камю: к цели человек не привязан – определение итоговых задач бессмысленно. Сама изначальная данность антитегична, неопределима. Как писали экзистенциалисты французского: человека делает человеком в решающей степени то, о чем он

молчит, нежели то, о чем он рассказывает. Не то же ли самое и у Рида Грачева: его персонажи, к которым вполне применимо понятие «антигерой», вызывают уважение, оставаясь «маленькими» и «беззащитными». Как, например, Мухин в рассказе «Снабсбыт». Таким образом, докладчик, проведя интертекстуальный анализ, в прозе Грачева нашел отсылки к Гоголю, Достоевскому, Камю и др. писателям, в произведения которых вложено чувство, превосходящее сознание.

Литературный критик, философ Б. А. Рогинский из Санкт-Петербурга на примере одного рассказа Рида Грачева «Снабсбыт» рассмотрел целый комплекс проблем, касающихся как творческих особенностей писателя, так и его времени. Докладчик проанализировал литературные традиции, которым следовал Рид Грачев, назвав как ближайший источник – автобиографическую повесть А. Сент-Экзюпери «Военный летчик», так и дальние, ориентированные на память жанра. Было обращено внимание на богатство фабулы, определявшейся целенаправленным движением героя с перспективой возвращения. При этом докладчик охарактеризовал путешествие как приключение духа (сюжет по Л. С. Выготскому) и приключение плоти (фабула по Выготскому). Подробно в докладе были рассмотрены пушкинские аллюзии в лирико-философском сюжете рассказа. «Анчар» был соотнесен с целлюлозно-бумажным комбинатом, аналогом «древа смерти». При этом выступавший отметил включенность грачевского рассказа в соцреалистический контекст, выявив сходные мотивы с советскими производственными романами и романами воспитания. Далее в докладе была развернута экзистенциальная характеристика героя, как бы развернуто иллюстрирующая выводы предыдущего доклада: стадии его страха, стыда, его рефлексия и прозрение. Рассматриваемый рассказ был сопоставлен с другим произведением Грачева – рассказом «Будни Логинова».

С большим одобрением был воспринят доклад старшего преподавателя из Петербурга Н. Е. Щукиной (ЛГУ им. А. С. Пушкина) «Повесть Рида Грачева «Адамчик». Опыт мотивного анализа», ставший логическим продолжением предыдущего сообщения. Исследовательница справедливо отметила, что на сегодняшнем этапе изучения творчества Рида Грачева важной задачей видится возможность воспроизвести целостную картину мира автора. По мнению выступавшей, мотивный анализ повести «Адамчик» – одного из лучших текстов Грачева – позволит найти некоторые доминанты, определяющие особенности построения его художественного мира. Заглавие повести, соотнесенное с эссе Рида Грачева «Гибельный путь Адама», предполагает наличие ветхозаветного подтекста, присутствующего в произведении. В процессе анализа Щукина выделила в тексте мотив изгнания из рая в абсурдный мир. Этот мотив закольцовывает повесть: сцена выталкивания героя из уютного мира автобуса на улицу появляется в начале и в финале произведения. Микросюжет с яблоками (сначала разбросанными на

улице, а затем и с надкушенным яблоком) становится явной отсылкой к библейскому сюжету, осмысленному в современном абсурдном мире. «Первобытная враждебность мира» (цит. из «Мифа о Сизифе» А. Камю в переводе Рида Грачева) становится центральной темой повести.

Вместе с тем, по мнению выступавшей, следует выделить слишком явно предлагаемые автором профанированное сравнение Адамчика со Спасителем, идущим на Голгофу: сцена на станции переливания крови, где выясняется, что кровь заглавного героя повести «всем подходит» (Кровь Нового Завета); и выздоровление Адамчика после сдачи крови на третий день (воскрешение). Познавание истины, лежащее в плоскости выбора пути, выбора между «Старым Богом – человеконенавистником, и новым (Христом)» – человеколюбом, согласно дефиниции в эссе Грачева «Гибельный путь Адама», и составляет тематическую композицию повести «Адамчик».

Как метафора сиротства и одиночества было рассмотрено стихотворение Грачева «Собака я, собака, ничей прибудный пес...» (1962) научным сотрудником О. А. Кузнецовой (Санкт-Петербург, ИРЛИ РАН). Художественную кинантропию исследовательница рассматривает как литературный прием эпохи Нового времени, встречающийся в авторских текстах, где собака является лирическим героем стихотворения, повествование ведется от лица этого животного, или в основе сюжета лежит процесс физической трансформации: превращение собаки в человека или человека в собаку. В качестве контекста «литературного оборотничества» Грачева были привлечены лирические произведения Ш. Бодлера («Славные псы»), Федора Сологуба («Милый бог, моя жизнь – твоя ошибка...»), В. В. Маяковского («Вот так я сделался собакой...») и прозаические Г. Уэлса («Остров доктора Моро»), Дж. Джойса «Улисс» (Эпизод 12: Циклопы), М. Булгакова «Собачье сердце».

К публицистическому жанру обратилась профессор Н. С. Цветова (Санкт-Петербург, СПбГУ). Исследовательница подчеркнула, что окончивший журналистское отделение филологического факультета Грачев оставался в кругу актуальных проблем времени. Для анализа было выбрано эссе «Значашее отсутствие», транслирующее представления о структуре категории авторства, целостность которой, по Грачеву, с точки зрения исследователя, определяется внутренним ориентиром художника – совестью. Разрушенная целостность картины мира, по мнению выступавшей, для Грачева стала личной и творческой трагедией.

Доктор филологии из Италии Марта Капоссе-ла (Университет Салерно / Università degli Studi di Salerno) в докладе «Рид Грачев и “Эстетика факта”» сообщила о глубоком интересе Рида Грачева к итальянскому кинематографу неореализма, в частности к фильмам Микеланджело Антониони и его «Эстетике факта». Исследовательница проанализировала эссе Грачева: «Эстетика факта у М. Антониони», написанного в 1967 году, где писатель последовательно разбирает фильм Микеланджело Ан-

тониони «Il Grido» (1957). Далее в докладе были приведены примеры, свидетельствующие о переключках поэтики Грачева с эстетикой итальянского кино.

Ведущий научный сотрудник Е. И. Колесникова (Санкт-Петербург, ИРЛИ РАН) продолжила говорить о внимании Рида Грачева к западному искусству, которое проявлялось в нескольких аспектах. Во-первых, в поздних рукописных записях имеются многочисленные цитаты из произведений П. Верлена, Ф. Мориака, Э. Ремарка, А. Камю, Э. Хемингуэя и др., и, судя по небольшим неточностям, – написанные по памяти. Это служило писателю своеобразной иллюстрацией собственного настроения и выражением отношения к происходящему вокруг. То есть цитаты служили своеобразным культурным этотекстом. Во-вторых, Грачев работал как переводчик. Докладчик представила неизвестную ранее аннотацию и переведенный им отрывок романа Р. Марля (1908–2004) «Уикенд на южном берегу» («Week-end à Zuudcoote»), которые сохранились в архиве журнала «Нева» (ЦГАЛИ СПб. Р-169. Оп. 2-1. Д. 332) в разделе «Неопубликованные произведения» с датировкой «1960-е годы». В-третьих, сообщалось о неизвестном ранее интересе Грачева к творчеству польского писателя Марека Хласко и его рассказу «Первый шаг в тучах». Было отмечено типологическое сходство его поэтики с прозой Грачева. В-четвертых, исследовательницей были рассмотрены интертекстуальные отсылки рассказа Грачева «Нет голоса», восходящие к картине Э. Мунка «Крик» и фильму М. Антониони «Крик». То есть, по мнению докладчика, отражение времени Грачевым оказалось более близким западному искусству, чем советскому.

Далее последовал крайне важный на начальном этапе изучения творчества Рида Грачева блок докладов, в которых уточнялись факты биографии писателя и его семьи. Так, старший преподаватель из Китая Д. С. Скрипченко (Сианьский университет иностранных языков) по документам из коллекции личных дел Петрограда-Ленинграда ЦГАИПД (ф. № Р-1728, оп. 1-107.), публикации Т. А. Вите [2003], воспоминаниям И. М. Дьяконова [1995] представил уточненную биографию бабушки Лидии Николаевны Вите и матери Рида Грачева Маули Арсеньевны Вите, обозначил их перемещения по стране. Новыми были сведения о прадеде Рида Грачева и его судьбе. Данные сведения не просто углубляют знания о родословной писателя, но помогают понять его характер, среду, в которой он рос, и те ценности, которые были заложены семейным воспитанием.

Большой интерес вызвал доклад учителя истории из г. Коркино Челябинской области А. М. Тонкогласа «“...Я научился тогда любить слово...”: о жизни Р. И. Грачева в эвакуации (1947–1950)». Это был развернутый отклик на запрос сотрудников Рукописного отдела Пушкинского Дома прокомментировать письмо учительницы А. А. Начапкиной к Р. Грачеву, сохранившееся в его архиве. Тонкоглас представил коллегам профессиональные

разыскания из архивов своего региона. Р. И. Грачев, будучи воспитанником детского дома, как свидетельствуют архивные данные, в 1943 году был эвакуирован в село Багаряк Челябинской области (ОГАЧО. Ф. Р-1000. Оп. 2Л. Д. 1243. Л. 206). В 1945 году в городе Коркино был создан детский дом № 2 для ленинградских детей-сирот. Первоначально детский дом размещался в бараке на улице Отвальной, в 1950 году было построено новое двухэтажное здание в центре города на улице Сталина. Приблизительно в 1947 году Грачева переводят в коркинский детский дом № 2. В марте 1948 он учится в 5 классе Коркинской средней школы № 1, где учителем русского языка и литературы работала Начапкина Антонина Алексеевна. В 1967 году Грачев отправил ей бандеролью свою первую книгу «Где твой дом». Антонина Алексеевна в ответ написала ему письмо, в котором вспоминала Рида-ученика, давала оценку его рассказам. Грачев напишет ответное письмо, но не отправит его (РО ИРЛИ. Ф. 930). История о том, как бывший ученик подарил А. А. Начапкиной свою первую книгу, послужила сюжетом для новеллы Б. Суменкова «Бандероль», опубликованной в газете «Горняцкая правда» 2 декабря 1967 года.

Биографические подробности Рида Грачева продолжила освещать Е. С. Левшина в своем докладе «Где твой дом»: о ленинградских адресах Р. И. Грачева». Исследовательница рассказала о малоизвестном ленинградском адресе Грачева – квартире в городе Колпине на ул. Володарского. Жизнь в Колпине нашла отражение в произведениях Грачева – в рассказе-эссе «Черная работа» и двух неоконченных рассказах – «Дары волхвов» и «...Нужно делиться». Благодаря эпистолярным материалам из личного фонда писателя (РО ИРЛИ) удалось узнать его адрес и уточнить хронологические рамки проживания Грачева в Колпине: он точно жил в городе в середине мая 1964 г., а в начале 1966 г. переехал на Корпусную улицу. Докладчиком приводятся выдержки из текстов указанных выше произведений, описывающие те или иные локации в Колпине; они сопровождалась визуальным рядом – фотографиями середины 1960-х гг., запечатлевшими дом Грачева, окружавший его городской пейзаж и все те уголки Колпина, которые описываются в рассказах. Значительная часть построек, в том числе дом, в котором жил писатель, сохранились до наших дней, поэтому приводятся и современные снимки. Кроме того, с опорой на тексты произведений, а также городские реалии того времени реконструирован наиболее вероятный маршрут передвижений Грачева от дома на железнодорожную станцию и обратно.

В докладе младшего научного сотрудника Е. С. Левшиной и младшего научного сотрудника В. В. Турчаненко (Санкт-Петербург, ИРЛИ РАН) «Рид Грачев и Георгий Фридендер: продолжение диалога» шла речь об эпистолярном наследии Рида Грачева, которое составляет внушительную часть личного фонда писателя, хранящегося в Рукописном отделе Пушкинского Дома. Особое место занимает двусторонняя переписка Р. И. Грачева с литературоведом, будущим академиком Г. М. Фридендером за 1967–1975 гг.

В фонде отложились четыре письма Фридендера и телеграмма, отправленная от имени Фридендера и его супруги – Н. Н. Петруниной; три письма – Грачева, причем последнее письмо – 1975 г. – намеренно не было отправлено. Оно является частью «виртуального» (по выражению В. Н. Кузьминой) спора – продолжением эпистолярного диалога, который прервался в реальной жизни, однако продолжался в сознании Грачева. Вместе с 15-ю письмами писателя к ученому, находящимися в личном фонде Фридендера, указанные послания составляют единый комплекс корреспонденции. Несмотря на достаточно внушительный объем этого комплекса, переписка носит фрагментарный характер. В частности, в фонде Грачева сохранились фрагменты переписки, которые датируются – ориентировочно – июлем 1967 г., временем окончания работы писателя над эссе «Интеллигенции больше нет». Это письмо Фридендера без начала и ответное письмо Грачева – без конца («второй части»). В этих эпистолярных документах – осколки большого философского спора о предназначении человека; попытки двух интеллектуалов доказать друг другу состоятельность собственных построений. Одному из докладчиков посчастливилось обнаружить в букинистическом магазине Петербурга окончание письма Грачева, о котором идет речь. После выступления на конференции письмо (на трех листах писчей бумаги) было передано (пожертвовано) в Рукописный отдел Пушкинского Дома – на вечное хранение, для присоединения к фонду Р. И. Грачева.

Зав. научно-справочным отделом Пушкинского Дома Л. Д. Зародова (Санкт-Петербург) рассказала о формировании фонда Рида Грачева в Рукописном отделе, об истории обретения его рукописей, неразрывно связанной с именем В. Н. Кузьминой, которая сохранила их и передала в дар Пушкинскому Дому. Вторую передачу рукописей, которая состоялась непосредственно перед конференцией, произвела ученица В. Н. Кузьминой Ю. В. Круглова. В результате фонд значительно пополнился. Выступавшая обратилась к присутствовавшим друзьям Кузьминой, современникам Грачева с просьбой передать любые его материалы, имеющиеся у них на руках. Также была представлена выставка из архива Рида Грачева.

23 октября, второе заседание: Время Рида Грачева

Второе заседание представляло литературный контекст, тот историко-эстетический фон, на котором протекало творчество Рида Грачева. На Западе в это время обсуждались знаковые работы М. Фуко и Ж. Деррида. Дружба Рида Грачева с французскими сверстниками и знание языка делали вероятным знакомство с их идеями. В советской критике это было время дискуссий «реалистов» и «модернистов». В литературе также происходила демократизация проблематики. Так, в военной литературе панорамные романы сменились «лейтенантской» психологической прозой. Широко была представлена «деревенская» и «городская» проза, с ее погружением в бытовую повседнев-

ность. Одновременно существовала неподцензурная литература, которая заявляла о себе группировками, «самиздатом», творческими вечерами. Докладчики продолжили рассуждения о специфике литературы «шестидесятников» – их новаторстве и укорененности в традициях, их оппозиционности и одновременно органической принадлежности своей культуре. В заседании была представлена как общая картина культурной жизни страны, так и ее ленинградская ветвь.

Важную эстетическую линию и пути освоения традиции обозначила в докладе «Влияние Платонова на писателей 1950–1960-х годов: случай Шаламова» ведущий научный сотрудник Н. М. Малыгина (Москва, ИМЛИ РАН), подчеркнув, что в литературной среде 1950–1960-х сохранялась память об А. П. Платонове. Творчество Платонова оказало влияние на роман Б. Л. Пастернака «Доктор Живаго», роман В. Гроссмана «Жизнь и судьба». После возвращения в Москву Шаламов общался с писателями, которые знали и помнили Платонова. Благодаря этому Шаламов начал читать произведения Платонова с 1955 г. В докладе приведены впервые выявленные отзывы Шаламова о Платонове и его произведениях.

Сопоставление рассказов Шаламова с прозой Платонова позволило заметить совпадение их ключевых образов и мотивов: образа героя – «артиста лопаты»; образа пролетариев, существующих на грани жизни и смерти; мотива уничтожающего физического труда; мотива превращения человека в материал, мотива жертвенности и обреченности трудящихся; образа инструментов, используемых во время работ; мотива скрежета лопат о камень – «музыки забоя»; мотива изобретения способов экономии физического труда. Установлены три варианта причин совпадения образов и мотивов прозы Платонова и Шаламова. Причина первая – сходство жизненного опыта писателей, принимавших практическое участие в работах, где во многом совпадали условия труда. Причина вторая – обращение писателей к общим литературным источникам. Причина третья – в ряде случаев сходные с платоновскими образы и мотивы создавались в рассказах Шаламова в результате усвоения творческого опыта Платонова. Рассматривались документальная основа произведений Платонова, включение в тексты достоверных деталей процесса труда инженера во время мелиоративных работ в Воронежской губернии; обнаружен реальный прототип образа «общепролетарского дома» в повести «Котлован»: Дом правительства по проекту архитектора Иофана, свидетелем сооружения которого был Платонов. Анализ рассказа «Артист лопаты» в контексте повести «Котлован» показал, что условия труда на строительстве «здания социализма» имели не только черты сходства, но и принципиальные отличия от тех условий, которые были объектом изображения в рассказах Шаламова. Выявлены общие принципы поэтики прозы Платонова и Шаламова, ставшие трендом времени: синтез документальности и художественности; достоверность изображения того, что пережито на

собственном опыте, освоено телесно.

В докладе научного сотрудника Л. В. Герашко (Санкт-Петербург, ИРЛИ РАН) «Обзор фонда Ф. Абрамова» прозвучало описание наследия одного из ярких представителей «деревенской» прозы, а также преподавателя филологического факультета ЛГУ им. Жданова, где учился Рид Грачев. Ф. А. Абрамов (1920–1983) был одним из ценителей таланта Грачева, давший ему рекомендацию для вступления в Союз писателей. Исследовательница обрисовала состав рукописей, порядок их поступления в Рукописный отдел Пушкинского Дома, продемонстрировав особенности работы архивиста. Само наследие Ф. Абрамова характеризует тот сплав ленинградской культуры 1960–1970-х годов, где классические традиции, соседствуя с авангардистскими неподцензурными течениями, обрели новое звучание.

Профессор из Норвегии И. А. Спиридонова в докладе «Шукшинский характер» как социально-исторический феномен» продолжила разговор о герое, начатый в первой части конференции. В. М. Шукшин – один из тех художников, кто активировал в современной ему советской литературе категорию души. Заглянув же в глубину запущенного душевного хозяйства современника, с горечью констатировал его ложное идеальное и идейное наполнение, опустошение («Верую!»). Больная душа – вот определение, под которое за малым исключением попадают все персонажи художника. Герой Шукшина предстают в сквозном социально-бытовом конфликте. В рассказах писателя обиженный в одном случае часто становится обидчиком в другом, являет собой «обиженного обидчика» («Штрихи к портрету», «Змеинный яд», «Срезал», «Обида», «Кляуза», др.) Два житейских ролевых полюса, в направлении которых заигрывается современный человек, обозначены писателем определенно и резко – Дурак и Гад. В противостоянии Дурака и Гада Шукшин художественно ярко, резко, честно запечатлел разъятость современного общества, распавшегося на безрассудную доброту и злобствующий разум. В предельном, клиническом состоянии эта человеческая деформация запечатлена в больничном рассказе «Боря». «Кляуза» – предсмертная покаянная исповедь Шукшина. «Опыт документального рассказа» – так обозначил писатель жанр этого произведения, тем самым определив себя в нем не только в качестве автора, но и героя, не только судии, но и подсудимого. Включая себя в число пораженных злом, Шукшин не растворяет свою вину в общей, но делает прямо противоположное – с ужасом и болью осознает свое личное падение во зло. В купе с правдой и народностью ключевым принципом творчества Шукшина является исповедальность, где автор – не только субъект, но и объект, предмет художественного анализа. Вопрос «Что с нами происходит?» проецируется в произведениях Шукшина на автора, героя и читателя. Именно это и порождает феномен «шукшинского характера», выводя последний за пределы указанной автором характерологии или автобиографического подтекста отдель-

ных персонажей в историко-литературный феномен.

Доцент Т. А. Загидулина (Красноярский государственный педагогический университет им. В. П. Астафьева) в докладе «Трансформация традиционных соцреалистических мифов в творчестве В. М. Шукшина 60-х годов: авиационный миф» также обратилась к типологии героя времени. Разочарование в проекте социалистического реализма в 60-е годы XX века повлияло на формирование новых литературных направлений, одним из которых стал традиционализм, продолживший темы и идеи деревенской прозы. Для текстов, созданных в период «оттепели», характерна рефлексия на соцреалистический канон. Осуждение культа личности И. В. Сталина повлекло за собой отказ от прежних ценностных ориентиров, актуализацию новых типов героев, трансформацию пространственных моделей, постулируемых соцреализмом. В прозе Шукшина «господствует диалог», поэтому образы часто предстают перед читателем через призму взгляда шукшинского героя, далёкого от цельных соцреалистических натур. Игровая поэтика прозы писателя располагает к тому, чтобы взглянуть на советский авиационный дискурс глазами такого героя-маргинала, трикстера, чудака. Образы авиатора, самолета, локус аэропорта подвергаются деконструкции в текстах автора, что служит одним из значимых маркеров разрушения канона в целом.

Профессор Н. В. Ковтун (Красноярский государственный педагогический университет им. В. П. Астафьева) докладом «Путешествие из "пейзажа" в подполье, или об образе Семиона А. Битова» продолжила разговор о типологии героя у писателя, чей творческий дебют был тесно связан с Грачевым. Их дружба-соперничество из-за разных подходов к цензуре продлилась на десятилетие. Знаковая повесть А. Битова «Человек в пейзаже» построена как сюжет путешествия героя-маргинала по городу-миру, в котором его сопровождают «толмачи»/двойники. Путешествие вписано в широкие смысловые контексты, его скрепляют «пейзажи», созданные в технике стоп-кадра (монастырь, отделение милиции, строительная площадка, квартира). В карнавальной проекции за каждой из картин угадываются черты рая, чистилища и ада. Среди толмачей особое место занимает художник-реставратор, награжденный «апостольским» именем – Павел Петрович, соответствующими функциями: дар пророчества, вознесения, нестяжательство. Если с Павлом Петровичем связан «верх» Мирового Древа/дороги, то «низ» – пространство Семиона, бывшего десантника и наркомана, гениального реставратора икон и копииста. Семион, обитающий в монастырском подвале, темный двойник странника, Другой, с которым и должно встретиться в пути/лабиринте. От этой схватки зависит целостность личности идущего. Двойник угрюм, его сопровождает «зубовный скрежет». Имя Семион в Библии – указание на сына Иакова, отличающегося особой жестокостью. Герой зарабатывает продажей иконных

копий, парадоксально сохраняющих ауру подлинника, как в первобытных ритуалах. Покровительствует Семиону тот же Павел Петрович, что свидетельствует о двуединстве образов, «подпольный человек» в перевернутом мире и признан культурным героем. Мотивы соблазна, зависти к Создателю – общие для персонажей. Образы героев развиваются в широком ассоциативном поле, вбирающем ключевые сюжеты, фигуры русской классики: от Моцарта и Сальери Пушкина, гоголевского Носа до текстов В. Набокова и самого А. Битова. Так испытываются возможности Слова. Задача пишущего – пройти лабиринт, найти точку опоры, откуда эклектичный мир-хаос, предстанет целым, открыв гармонию смыслов в хаосе настоящего. Таким выводом, вписывающим самого автора в «пейзаж» творчества, завершилось выступление.

О пейзаже ленинградской культуры говорил также независимый исследователь И. В. Кузьмичев (Санкт-Петербург). Докладчик обозначил связь поколений, подчеркнув, что ленинградцы всегда отличались тесной спайкой. Этот тезис был развернут на примере нескольких писательских судеб. Поэт Анна Ахматова была ролевой моделью поэтов 1960-х, писатель Давид Дар повлиял на Сергея Довлатова и был связан с рок-средой 1970-х. Тамара Хмельницкая, помогавшая Риду Грачеву в шестидесятые, тридцатью годами раньше опекала другого потерянного автора, Алика Ривина. Таким образом, докладчик раскрыл особую жизнотворческую атмосферу ленинградского андеграунда, берущую начало в эпохе модернизма.

В докладе доцента Ю. М. Валиевой (Санкт-Петербург, СПбГУ) «О формах художественной жизни круга поэтов "Филологической школы"» были рассмотрены наиболее ранние приемы художественной жизни круга поэтов «Филологической школы» — смеховые «действия» на первомайских и ноябрьских демонстрациях в 1952-1956 гг. Художественные акции этого типа не были напрямую связаны с футуристической традицией. Большинство из них были построены на обыгрывании социальной риторики и форм коллективной советской обрядовости. Их материалом были устоявшиеся формы праздничного ритуала государственных праздников — 7 ноября и 1-го Мая: коллективное шествие с транспарантами, с портретами партийных и государственных деятелей; лозунги прославления/восхваления. Был отмечен спонтанный характер данных акций (что отличает их от «коллективных действий» концептуалистов), использование главным образом, пародийных моделей создания комического, приемов «буквализации жеста» и подмены. Перформансы этого типа происходили в публичном пространстве, при этом их успешность/эффектность заключалась в том, чтобы зрители не замечали подмены (семантики жестов, слов лозунга, изображения на портрете). Было обращено внимание на тот факт, что первые действия «Филологической школы» на демонстрациях происходили еще до 1953 г. — в мае и ноябре 1952 г., а также приведены свидетельства участников об эстетическом характере этих «действ», отсутствии

политического подтекста. Прагматика приема подмены, как показало исследование, состоит в данном случае в обнажении самой схемы биполярной модели, лежащей в основе советской риторики.

Разговор о способах саморепрезентации неподцензурного искусства продолжил китайский аспирант Лю Гаочэнь (Санкт-Петербург, СПбГУ) в докладе «Эскапизм или сопротивление: культурные практики самиздатского журнала "Обводного канала"». Речь шла о такой важной площадке для ленинградской неофициальной интеллигенции, как журнал «Обводный канал» (1981–1992). Он предоставлял авторам, не допущенным к официальной печати, возможность выразить себя независимо от социалистических догм. В публикациях ощущалось влияние авангардизма и постмодернизма, а также связь с литературным наследием прошлых поколений, что резко противоречило официальной культуре. Эскапистские черты журнала проявлялись в религиозно-философских поисках, которые позволяли обсуждать запрещенные темы. С другой стороны, «Обводный канал» выполнял функцию культурного сопротивления, борьбу с исторической амнезией. Это выражалось в защите архитектурного наследия и протестах против переименований топонимов, а также обсуждении острых общественно-политических вопросов. Журнал иллюстрирует двойственную природу советского самиздата: он был одновременно пространством для бегства от идеологии и инструментом активного культурного сопротивления.

Заинтересованно был воспринят доклад магистранта Хэнаньского университета М. А. Кучерской (Китай, НИУ ВШЭ) «"Ахматовские сироты": портрет на фоне мифа». Выступавшая поставила вопрос о том, являлась ли четверка Д. Бобышев, И. Бродский, А. Найман и Е. Рейн творческим союзом или же просто группой друзей. Кроме того, на основе до сих пор неизвестных архивных материалов из собрания А. Наймана, хранящихся в библиотеке Принстонского университета, исследовательница коснулась вопроса о том, насколько каждый из них ощущал себя литературным наследником Ахматовой. В стихотворении «Все четверо» (1971) Бобышев назвал четверку ленинградских поэтов «ахматовскими сиротами» и в дальнейшем неоднократно пользовался этим определением. Ахматова именовала четверых молодых поэтов «волшебным хором», «волшебным куполом», «аввакумовцами» и предпочитала видеть в них литературную группу. На материале стихотворений, эссе и интервью четверки Кучерская попыталась ответить на вопрос, как каждый из них относился к «волшебному хору»: осмыслял ли его, в соответствии с желанием Ахматовой, как литературную группу, то есть объединенное общими эстетическими установками сообщество, или же воспринимал исключительно как дружеский кружок.

Разговор о неоднородности поколения «шестидесятников» и мифах, их сопровождавших, продолжила доцент И. В. Ваганова (Санкт-Петербург, РАНХиГС) рассказом о своем интервью

с Б. Ахмадулиной, которая считала преувеличенным единство своих современников. «Набор фамилий поэтов, живших и писавших в одно время – вот что такое "шестидесятники"». Это скорее выдумка критиков, литературоведов. Им так удобно было нас всех под одну гребенку: шестидесятники. На самом деле мы очень разные», – так ответила Белла Ахатовна Ахмадулина на вопрос в интервью, испытывает ли она ностальгию по 1960-м годам. Поэтесса, по мнению докладчика, продекларировала принятие любого времени, которое выпадает на жизнь.

О погруженности литературы «шестидесятников» в традиции продолжила разговор доцент С. А. Петрова (Санкт-Петербург, РАНХиГС) в докладе «"Маленький оркестрик" Б. Окуджавы: опыт интермедийного анализа». Были рассмотрены приемы романтической поэтики Б. Окуджавы (1924–1997), оказавшей большое влияние на современников. Произведение «Маленький оркестрик» (1963) имеет несколько вариантов названий: «Оркестрик маленький надежды», «Песенка о ночной Москве» и есть посвящение Ахмадулиной. Песня была написана в рамках творческого диалога с этой поэтессой – в ответ на её стихотворение «Маленький самолётик». Произведение Окуджавы имеет интермедийную основу, так как в нём используются семиотические коды разных видов искусств: музыки и слова. Взаимодействие искусств представлено на фонетическом, лексическом уровнях, в рамках системы образов, композиции и концепции в целом. Автор использует звуковые приёмы организации текста, создавая особый интонационный рисунок и мелодику стихотворения. В первой строфе представлены знаки и музыкального, и литературного кода. Во втором куплете подчёркнуто сведение музыкального кода к наименьшей представленности как показатель нарастающего общего кризиса. В третьей строфе все строки заполнены именно музыкальными элементами, показывающими торжество искусства над потрясениями бытия и хаоса жизни. Окуджава также использует интертекстуальные связи с предшественниками – А. П. Чеховым, Л. Н. Толстым и др., что подчёркивает и литературность текста. Таким образом, интермедийность песни «Маленький оркестрик» Окуджавы становится концептуальной составляющей произведения.

О связи двух периодов русского авангарда в контексте визуальной поэзии сообщалось в докладе петербургского студента П. В. Артемьева (СПбГУ) «Связь двух волн русского авангарда: визуальная поэзия Василия Каменского и Всеволода Некрасова». В качестве основного материала были взяты стихотворения Некрасова разных лет, собранные в авторском сборнике «Справка. Стихи» [Некрасов, 1991] и сборник Каменского «Танго с коровами. Железобетонные поэмы» [Каменский, 1914]. Ставилась цель исследования — выделить и сравнить ключевые особенности визуальной поэзии Каменского и Некрасова, показав развитие авангардных практик письма. Некрасов является участником «Лианозовской школы», одного из

самых значимых сообществ неподцензурной культуры. Экспериментируя с композиционным размещением текста посредством визуальности, поэт добивается «одновременности текста» и его «множественности», нового поэтического языка, противопоставленного официальному, «виновному» языку. Полемика Некрасова с русским футуризмом позволяет сравнить два подхода к визуальному в поэзии первого и второго периода авангарда. В качестве примера футуристической визуальной поэзии был взят сборник Каменского «Танго с ковром. Железобетонные поэмы». Произведения, вошедшие в него, представляли собой стихотворения, написанные с использованием полиграфических экспериментов, являющихся реализацией принципа синтеза искусств.

Способы сохранения эстетической преемственности были рассмотрены в докладе магистранта П. И. Кушнareвой (Санкт-Петербург, СПбГУ) «"Век-волкодав": рецепция поэзии О. Мандельштама в творчестве Р. Мандельштама». Роальд Мандельштам – поэт ленинградского андерграунда 1950-х гг., творчество которого исследователи (Гарипова Г.Т., Новиков Ю., Харитонов З. Г.) и критики (Давыдов Д. М., Кузьминский К. К. и др.) одновременно характеризуют как завершающее Серебряный век и открывающее литературу второй половины XX века. В докладе анализировалось восприятие поэтом предшествующей эпохи, попытки установить с ней диалог и восстановить связи по тем фрагментам (текстам, отдельным цитатам, образам), которые дошли до нового поколения сквозь цензуру и запреты. На примере цитирования Р. Мандельштамом строк из стихотворения О. Мандельштама («За грядущую доблесть грядущих времен...») рассматривается один из способов неофициальной поэзии восстановить связь с утраченной традицией. Докладчик пришла к выводу, что таким образом поэт пересобирает растерявшуюся культуру заново в своих текстах, вглядываясь в нее через мировосприятие человека «грядущего века».

Независимый санкт-петербургский исследователь, много лет изучающая литературные архивы, Е. Л. Куранда представила эпоху 1960-х годов через взгляд Н. Я. Мандельштам. В докладе «Н. Я. Мандельштам в 1960-е годы в архиве В. М. Адмони и Т. И. Сильман (ОР РНБ)», построенном на материалах архива Российской национальной библиотеки, рассматривались письма 1960-1970-х годов, адресаты которых связаны с Н. Я. Мандельштам. На это время приходится ее дружеская близость с Адмони и Сильман. Знакомство этих людей, по-видимому, произошло через Ахматову и М. Петровых в ташкентской эвакуации. Кроме того, Адмони и Сильман связывали дружеские отношения с людьми, в разное время входившими в круг непосредственного общения с О. Э. Мандельштамом и Н. Я. Мандельштам: В. М. Жирмунским, В. Н. Яхонтовым, М. М. Зощенко, Н. Д. Оттенком; с последним связан «тарусский» круг общения Адмони, Сильман и Надежды Яковлевны. Общим их другом была также Фрида Абрамовна Вигдорова, в

свое время зафиксировавшая стенограмму судебного процесса над И. Бродским. В переписке отражены события, важные для понимания литературной и общественной ситуации 1960-х гг.: арест А. Д. Синаевского, скандал с двухтомником «Мастера поэтического перевода» с предисловием Е. Г. Эткинда, постоянное откладывание выхода тома О. Мандельштама в «Библиотеке поэта». Докладчик подводит к мысли, что материалы из архива Адмони и Сильман дают драматическую картину эпохи 1960 – х гг., преломляющуюся в судьбе Н. Я. Мандельштам.

В докладе магистранта М. О. Иванова из Санкт-Петербурга (ЛГУ им. А. С. Пушкина) «"Фронтовики", "эстрадники" и Борис Рыжий. От диалога к самоопределению» была рассмотрена роль послевоенной литературы и, в частности, «шестидесятников», для последующего поколения. Борис Рыжий (1974-2001) жил и работал в эпоху «кризиса перепроизводства текстов» (по Ю. Казарину), для его творческого метода характерно смешение элементов романтизма, модернизма и постмодернизма. Среди особенностей творческой манеры можно отметить интертекстуальность, игру с автором, приём «смешения культурных парадигм», в частности, смешения культурных кодов разных эпох. Фигура лирического героя Рыжего как бы находится вне времени и связывает все веки отечественной поэтической культуры от Державина до своих современников. В круг чтения Б. Рыжего входили два поэта-фронтовика (Б. А. Слуцкий и Д. С. Самойлов), с которыми он вступал в поэтический диалог. Он также «учится» у Слуцкого и фронтовиков говорить от лица всего поколения, сострадая каждому его представителю, говоря одновременно за живых и мёртвых. «Рыжий продлил <...> поэзию милосердия, сострадания» (цит. И. Фаликова). Также от Слуцкого и Самойлова поэт «унаследовал» представление о любой войне как о катастрофе не только для общества, но и для отдельно взятой личности. В биографии поэта также имеет место факт личного знакомство с Е. А. Евтушенко. Рыжий в своём творчестве переосмысляет две культурные доминанты, недавнего прошлого, уходящей советской эпохи, – поэзию «фронтовиков» и поэзию «эстрадников». В своей творческой манере поэт использует эти два культурных кода для описания своей эпохи и окружающей лирического героя блатной среды. Таким образом, культурные коды настоящего и прошлого смешиваются, получая при этом диалектическое развитие. Он выступает против «громкой» поэзия эстрадников в лице Евтушенко, трансформирует образ поэта благодаря гротеску, и в иронической манере предлагает читателю образ своего лирического героя-поэта. Тип представленного лирического героя во время обсуждения доклада был соотнесен с типологией героя Рида Грачева.

Большой интерес вызвал доклад магистранта из Китая У Шивэнь (СПбГУ) «Пропаганда и культура: литература как инструмент государства в Китае и СССР 1960–1970-х годов», расширивший исследовательское поле рассматриваемого периода и

распространивший его за пределы России. В докладе рассматривалось, как литература использовалась в качестве инструмента государственной пропаганды в СССР и Китае в 1960–1970-е годы, период, когда оба государства усилили идеологический контроль над культурой. Были обозначены задачи литературы в деле пропаганды, способы формирования «идеального гражданина», преданного государственным идеалам, а также методы контроля, применяемые для регулирования творческой деятельности писателей. В китайской литературе периода Культурной революции, представленной, например, романом Хаожаня «Золотая дорога», как и в советской официальной литературе, воспевались социалистические ценности. Был продемонстрирован слайд с изображением толпы молодежи, держащей в руках книгу «Цитаты Мао Цзэдуна» – яркий пример маоистской литературы, использовавшейся для воспитания нового поколения в духе маоизма. В заключение делается вывод о том, что литература в СССР и Китае была мощным инструментом воздействия на общественное сознание. Она не только служила средством пропаганды, но и формировала социальные и культурные ориентиры, укрепляя политическую идеологию в обоих обществах.

Магистрант из Китая Цао Минсинь (СПбГУ) конкретизировал наблюдения предыдущего докладчика на примере одного романа. В своем докладе «Образ социализма и традиционное общество в романе Лао Шэ "Чайный дом": сопоставление с советским социалистическим реализмом» Цао Минсинь представил произведение, отражающее социальные и идеологические преобразования в Китае на рубеже XX века. Автор рассмотрел образ социализма в его соотношении с традици-

онным обществом, анализируя ключевые темы конфликта между традицией и новым социалистическим порядком. Приведены примеры, показывающие, как Лао Шэ использует образы чайной Ван Лифа и её героев для демонстрации упадка традиционных норм и болезненности перехода к новому строю. Кроме того, сопоставление романа с советским социалистическим реализмом позволяет раскрыть особенности китайского подхода, в котором сочетаются элементы критического реализма и идеологические аспекты.

Таким образом, конференция представила палитру разнообразных литературных тенденций 1960-1970-х годов, сочетавших официоз с неподцензурной литературой. Большинство выступавших подчеркивали связь творчества Рида Грачева и его современников с предшествующими классическими и модернистскими, русскими и западноевропейскими традициями. При этом были обозначены новаторские черты «второй» литературы, восходящие не только к русской и зарубежной классике, но и ставшие закономерным порождением своего времени и его эстетики. На примере судьбы Грачева докладчики подчеркнули влияние войны на судьбы и творчество поколения «без отцов», которое, в свою очередь, оказало мощное воздействие на последующую литературу. Особое внимание было обращено на синкретичность искусства «шестидесятников», несущего печать авангарда: их произведения сочетали слово, музыку, живопись, графику. В целом рассмотренный период предстал как сложное сочетание органически развивающегося литературного процесса и жесткого государственного контроля. В заключение были высказаны пожелания сделать конференции подобного плана регулярными.

Литература

- Вите, Т. О. Память / Т. О. Вите // Нева. – 2003. – № 11. – С. 186–201.
 Грачев, Р. И. Сочинения / Р. И. Грачев. – СПб. : Издательство журнал «Звезда», 2013а. – 656 с.
 Грачев, Р. И. Письмо заложнику / Р. И. Грачев. – СПб. : Издательство журнал «Звезда», 2013б. – 651 с.
 Дьяконов, И. М. Книга воспоминаний / И. М. Дьяконов. – СПб. : Фонд регионального развития Санкт-Петербурга ; Европейский Дом ; Европейский Университет в Санкт-Петербурге, 1995. – 770 с.
 Каменский, В. В. Танго с коровами: железобетонные поэмы / В. В. Каменский. – М. : Д. Д. Бурлюк, 1914. – 36 с.
 Некрасов, В. Н. Справка: Стихи / В. Н. Некрасов ; сост. Вс. Некрасов. – М. : Постскриптум, 1991. – 84 с.

References

- Dyakonov, I. M. (1995). *Kniga vospominanii* [Book of Memories]. Saint Petersburg, Fond regional'nogo razvitiya Sankt-Peterburga, Evropeiskii Dom, Evropeiskii Universitet v Sankt-Peterburge. 770 p.
 Grachev, R. I. (2013b). *Pis'mo zalozhniku* [The Letter to the Hostage]. Saint Petersburg, Izdatel'stvo zhurnal «Zvezda». 651 p.
 Grachev, R. I. (2013a). *Sochineniya* [Works]. Saint Petersburg, Izdatel'stvo zhurnal «Zvezda». 656 p.
 Kamensky, V. V. (1914). *Tango s korovami: zhelezobetonnye poemy* [Tango with Cows: Reinforced Concrete Poems]. Moscow, D. D. Burlyuk. 36 p.
 Nekrasov, V. N. (1991). *Spravka: Stikhi* [Reference: Verses]. Moscow, Postskriptum. 84 p.
 Vite, T. O. (2003). *Pamyat'* [The Memory]. In *Neva*. No. 11, pp. 186–201.

Данные об авторе

Колесникова Елена Ивановна – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Отдела новейшей литературы, Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН (Санкт-Петербург, Россия).

Адрес: 199034, Россия, г. Санкт-Петербург, наб. Макарова, 4.

E-mail: ekolesn@mail.ru.

Дата поступления: 26.11.2024; дата публикации: 28.12.2024

Author's information

Kolesnikova Elena Ivanovna – Doctor of Philology, Leading Researcher of Department of Contemporary Literature, Institute of Russian Literature (Pushkinskiy Dom) of Russian Academy of Sciences (Saint Petersburg, Russia).

Date of receipt: 26.11.2024; date of publication: 28.12.2024

УДК 821.161.1-6(Мамин-Сибиряк Д. Н.). DOI: 10.26170/2071-2405-2024-29-4-194-197.
ББК Ш33(2Рос=Рус)5-8,4.
ГРНТИ 17.09.09. Код ВАК 5.9.3

БОЛЬШАЯ КНИГА В «КОРОТКИЕ ВРЕМЕНА»

(рец. на: Переписка Д. Н. Мамина-Сибиряка с комментариями Б. Д. Удинцева: в 2 т. / ред.-сост. И. В. Югов.
Т. 1: Переписка с родственниками. М.: Изд-во «Перо», 2024. 1086 с.: ил.)

Зверева Т. В.

Удмуртский государственный университет (Ижевск, Россия)

ORCID ID: <http://orcid.org/0000-0002-0485-7664>

SPIN-код: 2086-4768

А н н о т а ц и я . В данной статье представлен анализ «Переписки Д. Н. Мамина-Сибиряка с комментариями Б. Д. Удинцева», вышедшей в 2024 г. в московском издательстве «Перо». Рецензируемое издание – «двойной» литературный памятник: впервые письма Д. Н. Мамина-Сибиряка к родным изданы в полном объеме (переписка включает в себя все найденные на сегодняшний день источники), также впервые опубликованы долгое время считающиеся утраченными комментариями Б. Д. Удинцева. Автор статьи анализирует структуру книги и принципы, лежащие в ее основании. Отдельное внимание отведено истории создания рецензируемой книги: своего читателя переписка Мамина-Сибиряка дождалась почти сто лет, а обстоятельства ее публикации составляют отдельную страницу в истории отечественной культуры. В современном мире актуальность подобного рода изданий связана, с одной стороны, с проблемой сохранения культурной памяти, с другой – с все возрастающим интересом к эгодокументам.

К л ю ч е в ы е с л о в а : переписка; эголитература; Д. Н. Мамин-Сибиряк; Б. Д. Удинцев; культурная память

Д л я ц и т и р о в а н и я : Зверева, Т. В. Большая книга в «короткие времена» (рец. на: Переписка Д. Н. Мамина-Сибиряка с комментариями Б. Д. Удинцева: в 2 т. / ред.-сост. И. В. Югов. Т. 1: Переписка с родственниками. М.: Изд-во «Перо», 2024. 1086 с.: ил.) / Т. В. Зверева. – Текст : непосредственный // Филологический класс. – 2024. – Т. 29, №4. – С. 194–197. – DOI: 10.26170/2071-2405-2024-29-4-194-197.

A LONG BOOK WRITTEN IN “HECTIC TIMES”

(a review of: D. N. Mamin-Sibiriyak's Letters with comments by B. D. Udintsev: in 2 vol. / compiling editor I. V. Yugov. Vol. 1: Letters to Relatives. M.: “Pero” Publishing House, 2024. 1086 p.: illustrated. In Russian)

Tatyana V. Zvereva

Udmurt State University (Izhevsk, Russia)

ORCID ID: <http://orcid.org/0000-0002-0485-7664>

Abstract. The paper analyzes *D. N. Mamin-Sibiriyak's Letters with comments by B. D. Udintsev*, published in 2024 by the Moscow publishing house “Pero”. The book under review is a “double” literary landmark: for the first time, letters from Mamin-Sibiriyak to his relatives are published in full (the correspondence includes all sources found to date); the comments by Udintsev, which have long been considered lost, come out also for the first time. The author of the paper analyzes the structure of the book and the principles underlying it. Special attention is paid to the history of the creation of the book under review: Mamin-Sibiriyak's letters have been waiting for their reader for almost a hundred years, and the circumstances of their publication constitute a separate page in the history of the Russian culture. In the modern world, the urgency of such publications is associated, on the one hand, with the problem of preserving cultural heritage, and on the other – with the ever-increasing interest in *ego*-documents.

Key words: letters; ego-literature; D. N. Mamin-Sibiriyak; B. D. Udintsev; cultural memory

For citation: Zvereva, T. V. (2024). A Long Book Written in “Hectic Times” (a review of: D. N. Mamin-Sibiriyak's Letters with comments by B. D. Udintsev: in 2 vol. / compiling editor I. V. Yugov. Vol. 1: Letters to Relatives. M.: “Pero” Publishing House, 2024. 1086 p.: illustrated. In Russian). In *Philological Class*. Vol. 29. No. 4, pp. 194–197. DOI: 10.26170/2071-2405-2024-29-4-194-197.

27 декабря 1907 г. Д. Н. Мамин-Сибиряк писал из Царского Села: «...Я потихоньку работаю, больше для детских журналов. Больших статей не пишу. Их время прошло. Писателю долго писать, а читателю долго читать <...> Как-то даже страшно вспомнить, что я когда-то написал "Приваловские миллионы", "Хлеб" и другие романы <...> Наступили вообще какие-то короткие времена <...> Нужно появление нового Толстого или Достоевского, чтобы заставить публику читать трехэтажные романы» [Переписка... 2024: 741]. Сегодня даже появление нового Толстого или Достоевского, скорее всего, пройдет незамеченным. Тем неожиданнее для современного читателя стал выход первого тома

«Переписки Д. Н. Мамина-Сибиряка с комментариями Б. Д. Удинцева».

Последнее десятилетие отмечено ростом интереса к писателям, относящимся к так называемому второму ряду (сразу же отметим, что разделение на первый и второй ряд применительно к русской словесности условно – в тени таких гениев, как Толстой и Достоевский, оказались авторы, чье творчество могло бы составить славу любой литературе). Актуальность творчества Мамина-Сибиряка не подлежит сомнению, работы ученых (главным образом, уральской и сибирской филологических школ – О. В. Зырянова [2019; 2021; 2023], Е. К. Созиной [2019; 2020], Н. А. Рогачевой и

Е. Н. Этнер [2022], Е. Е. Приказчиковой¹, Н. А. Туляковой [2018] и т.д.) позволили не только поновому посмотреть на историко-литературный процесс конца XIX в. – начала XX вв., но и осмыслить произведения писателя, исходя из современной исследовательской оптики. Следует отметить и выход сборника «Творчество Д. Н. Мамина-Сибиряка и современный мир» [Творчество Д. Н. Мамина-Сибиряка... 2024], подытоживавшего многолетнюю работу по изучению творческого наследия уральского писателя. В этом ряду достойное место занимает издание рецензируемой переписки. Как точно заметили В. П. Лукьянин и Е. К. Поливичек во вступительной статье к рецензируемой книге, «Мамин никогда не был “злободневен”, но всегда актуален» [Переписка... 2024: 18].

Уникальность изданной переписки Д. Н. Мамина-Сибиряка – не только в собранных в ней эксклюзивных литературных и исторических материалах. Задуманная в 1930-ые гг. книга почти столетие дождалась своего выхода к читателю. Еще в 1946 г. Б. Д. Удинцевым и В. Д. Бонч-Бруевичем был заключен договор с Молотовским областным издательством по подготовке рукописи к печати. По ряду экстраординарных причин публикация подготовленного труда оказалась невозможной – затяжной характер борьбы с издательством привел к тому, что ученые отказались от продвижения издания, а рукописи были затеряны. Частично публикация писем все же была осуществлена – Удинцеву удалось опубликовать часть писем в восьмитомном (М., 1955) и десятитомном (М., 1958) «Собрании сочинении Д. Н. Мамина-Сибиряка».

История сегодняшней публикации также связана с многочисленными перипетиями (достаточно сказать, что был организован сбор денег на издание «Переписки», и публикация была осуществлена за счет частных вложений). Реконструкция и издание утраченной рукописи произведены Иваном Владимировичем Юговым – потомком Б. Д. Удинцева. В ходе подготовки «Переписки» были найдены новые документы, например, в фондах Объединенного музея писателей Урала была обнаружена вводная статья Б. Д. Удинцева (объем 200 страниц), которая ранее считалась утраченной. По техническим причинам этот объемный текст не вошел в рецензируемое издание, но подобного рода находку трудно переоценить. В первом томе, подготовленным Юговым, содержится 913 писем Мамина к родителям, братьям, сестре и другим родственникам, а также 26 писем к семье Гейнрих и к О. Ф. Гувале-Маминой. Кроме того, составители посчитали нужным разместить 20 писем, адресом которых является сам Мамин. «Переписку» сопровождают комментарии Удинцева. Несмотря на то, что эти комментарии были сделаны еще в советскую эпоху и на них ощущается идеологическая печать, они не устарели, что свидетельствует о подлинно научном подходе Удинцева к эписто-

лярному наследию (говоря о принципах воссоздания утерянной рукописи, И. В. Югов и О. Г. Удинцева отмечают, что в настоящем издании убраны те комментарии, которые Б. Д. Удинцев был вынужден делать, чтобы согласовать творчество Мамина-Сибиряка с канонами марксистско-ленинской теории [Переписка... 2024: 39]).

Необходимость подобного издания сегодня обусловлена множеством причин.

Прежде всего, со времени подготовленного Удинцевым двухтомника прошло много времени – за этот период были найдены новые письма Мамина, которые сегодня дополняют издание. Кроме того, появившиеся работы ученых-филологов позволяют в значительной степени расширить историко-литературный комментарий и пролить свет на «темные» места, связанные с биографией писателя, сделать ее более полной.

Публикация книги совпала с всевозрастающим читательским и исследовательским интересом к эгодокументам. Письма Мамина обращены к самому близкому кругу (матери, отцу, сестрам и братьям) и не предполагают выхода за его пределы – в них совершенно отсутствует оглядка на дальнего читателя и установка на самовыражение. Не будучи фактом литературы как таковой, изданная переписка является фактом жизни литератора, шире – фактом культурной жизни конца XIX – начала XX вв., еще шире – фактом историческим. Подобного рода издания нацелены на сохранение культурной памяти и в этом их несомненная ценность.

В первую очередь в письмах к близким родственникам приоткрылась бытовая сторона жизни писателя. В своем эпистолярном общении Мамин предстает не как писатель, а как частный человек. Многочисленные денежные квитанции, подсчеты бюджета, сведения, связанные со стоимостью обедов и съемных квартир, – все это составляет существенную часть писем, особенно ранних, в которых будущий писатель постоянно отчитывается за присланные из дома деньги. Вообще, это внимание к материальной составляющей прослеживается и в дальнейшем, даже будучи уже известным в литературных кругах автором Мамин по-прежнему обстоятельно рассказывает своей матери обо всех совершенных им покупках: «Лучший арбуз, за который в Екатеринбурге заплатишь 50 – 60 к., здесь (в Казани – Т.З.) я купил за 15 к.» [Переписка... 2024: 219], «...купили за 1 р. 40 к. керосиновую лампу, которая в Екатеринбурге стоит 3 р.» [Там же: 224], «...купил, Мама, серебряную суповую ложку, подержанную и заплатил за оную 9 р., это недорого, потому что она весит 51 золотник, т.е. больше ½ фунта. Буду ныне завести понемногу серебро, надеюсь, что мои наследники не будут иметь ничего против этого» [Там же: 524], «Из Москвы для поддержания роскоши привез серебряных ложек. ½ дюжину столовых 915 р.) и 1 дюжину маленьких кофейных – стоит 12 р. На случай гостей теперь не надо бегать к соседям и занимать» [Там же: 563]. За подобным вниманием к мелочам скрывается нелегкая жизнь русского писателя, вынужденного бороться с безденежьем и вести

¹ Приказчикова Е. Е. Мифологическая символика «восточных легенд» Д. Н. Мамина-Сибиряка и ее связь с проблематикой цикла // Филологический класс. 2012. № 4 (30). С. 26–36.

счет каждой копейке.

Сквозь «низкие истины» в письмах отчетливо слышится гул Большого времени. За перепиской, длиною в жизнь, просвечивает не только судьба одного из самых самобытных писателей конца XIX – начала XX вв., но и судьба России, идущей навстречу исторической катастрофе: «Поговаривают о войне, но так как-то лениво, братья-славяне вообще успели понабить оскомину, и публика ими больше не интересуется» (8 февраля 1886 г., Москва) [Переписка... 2024: 336]; «Милая, дорогая Мама. Война, война и война – больше ничего нет. Всё замерло, оцепенело, притихло... Известиям о наших победах публика не верит, потому что все думают о нашей неподготовленности, которую начальство скрывает. <...> Но, вообще, страшна не самая война, а наши внутренние вору, как в Крымскую кампанию» (15 февраля 1904 г., Царское Село) [Там же: 670], «Вообще по нынешним временам нужно говорить так: день прошел – и слава богу. Беспорядки в Петербурге есть, но сравнительно с Москвой – ничтожные, главным образом на фабриках и заводах. <...> Страшно подумать о будущем, но не будем прежде времени падать духом» (13 декабря 1905 г., Царское Село) [Там же: 701], «Да и как не быть холере, когда летом в Петербург на постройку прибывает больше 100 тысяч рабочих, голодных, холодных и не имеющих, где преклонить главу» (26 июля 1909 г.) [Там же: 766]. Вопреки тому, что писатель всячески пытается дистанцироваться от политических вопросов и постоянно это подчеркивает, он, как и всякий человек, втянут в водоворот истории. Одно из самых страшных откровений звучит в письме матери, написанном в конце 1905 г.: «Я вообще не люблю политики, и поэтому чувствую себя совсем скверно. Поживем – увидим, что будет дальше. Если бы я был человеком обеспеченным, то уехал бы за границу, хотя и стыдно бежать от своей домашней беды» [Там же: 701]. Неприятие современности никогда не носило у Мамина болезненного характера, но желание спрятаться от реальности все же посещает его.

Этому разрушительному «шуму времени» противопоставлена жизнь во Христе – письма к матери изобилуют подробностями, связанными с религиозной обрядовостью: «Москва – это сплошная святыня. Заходим к Иверской Божьей матери: там вечная давка, и все молятся с неподдельным усердием...» [Переписка... 2024: 224], «В свои именины служил молебен в Успенском соборе. Как там, Мама, певчие поют, как молятся... <...> Я люблю бывать в московских церквях: трудно описать, что испытываешь в этих действительно священных местах, куда несет русский народ и свои радости и свое горе» [Там же: 236], «Каждое Рождество вспоминаю до мельчайших подробностей. Странно, что ты и я вспомнили про нашу старую игрушку – модель Сергиевой Лавры» [Там же: 251], «С поисков квартиры прошли прямо в храм Христа Спасителя ко всеобщей <...> Храм Спасителя – настоящее чудо, и стоило нарочно ехать в Москву, чтобы посмотреть только его одного: неопишущая роскошь и велико-

лепие» [Там же: 288]. Единственный способ примириться со временем и тяжелыми обстоятельствами жизни – смирение, о котором Мамин напоминает себе и матери постоянно: «Что же делать, приходится мириться с судьбой. Есть таинственная воля, которая выше наших маленьких расчетов. Мы знаем только то, что ничего не знаем» [Там же: 434].

«Переписка» выявляет не только внутреннюю драму писателя, но и раскрывает подробности литературного и художественного быта конца XIX – начала XX вв. Обращение к родственникам носит преимущественно бытовой характер, но Мамин часто пишет и о своих литературных делах. На страницах писем мелькают имена писателей и критиков, составляющих цвет тогдашней литературы (Л. Толстой, А. Чехов, В. Гаршин, М. Горький, Б. Успенский, В. Короленко, Н. Златовратский, В. Решетников, Н. Михайловский, А. Скабичевский и др.). На столичную литературную жизнь Мамин смотрит сторонним взглядом, для провинциального писателя многое здесь чуждо. Так, оказавшись впервые в редакции «Русской мысли», Мамин пытается решить важные для себя материальные вопросы, но вынужден принимать участие в утомительной «редакторской болтовне»: «Щедрин вернулся с вод и болен по-прежнему, Станюкович отправился с семейством в ссылку, Глеб Успенский приехал с Кавказа, куда ездил лечиться, Всеволод Гаршин сошел третий раз с ума и т.д. Я слушаю и при случае вступаю словечко, хотя чувствую себя довольно глупо: должно быть, не привык иметь дело с литературными людьми <...> Сижу и думаю: как мне завести речь насчет денег...» [Переписка... 2024: 290]. Оценки литературной среды, как правило, лишены привычного пиетета, но именно это и делает их нетривиальными. Вот, например, описание похорон С. Аксакова: «Я был на церемонии как около университета, так и на вокзале – ничего особенного. Венков было много, но их везли за гробом на катафалке, как копну сена, а гроб несли студенты до самого вокзала, т.е. верст шесть. Давка, толкотня, и никакого толка» [Там же: 334] Останавливает внимание данная Маминым характеристика А. Чехова: «Последний изменился до неузнаваемости. Из милого и простого человека превратился в генерала – щурит глаза, цедит слова сквозь зубы и, вообще, важничает до того, что я стараюсь с ним не встречаться. Это кумир и божок Ялты...» [Там же: 597].

Наконец письма интересны в аспекте актуальной для современного гуманитарного знания геоэтики. Речь идет об описании многочисленных культурных ландшафтов. Екатеринбург, Киев, Москва, Казань, Петербург, Царское Село, Финляндия, Ялта, – вот далеко не полный перечень мест, о которых говорит Мамин. Следует при этом отметить, что в этих письмах меняется стиль – бытовые подробности уступают место художественному рассказу (особенно яркими являются зарисовки Москвы и Киева).

Думается, что научный потенциал рецензируемого труда не исчерпан. Изданная минимальным

тиражом на основании частных инициатив «Переписка» может со временем лечь в основание академических «Литературных памятников», что

упрочит ее место в филологической науке и обеспечит сохранение культурной памяти.

Литература

Зырянов, О. В. Локальные тексты в художественном сознании Д. Н. Мамина-Сибиряка (к проблеме картографирования российского литературного пространства) / О. В. Зырянов // Филологический вестник Сургутского государственного педагогического университета. – 2021. – № 4. – С. 124–136.

Зырянов, О. В. Сигнатуры уральского текста в произведениях Д. Н. Мамина-Сибиряка / О. В. Зырянов // Слово. Текст. Контекст. – 2023. – № 4 (16). – С. 71–81.

Зырянов, О. В. Сюжет духовно-нравственного преображения в повестях Д. Н. Мамина-Сибиряка / О. В. Зырянов // Известия Уральского федерального университета. Серия 2: Гуманитарные науки. – 2019. – Т. 21, № 2 (187). – С. 108–121.

Переписка Д. Н. Мамина-Сибиряка с комментариями Б. Д. Удинцева : в 2 т. Т. 1: Переписка с родственниками. – М. : Издательство «Перо», 2024. – 1086 с.

Рогачева Н. А. Мифопоэтика Урала и Сибири в романе Д. Н. Мамина-Сибиряка «Без названия» / Н. А. Рогачева, Е. Н. Эртнер // Уральский исторический вестник. – 2022. – № 4 (77). – С. 129–136.

Созина, Е. К. Геопоэтика национального ландшафта в русской литературе / Е. К. Созина // Уральский исторический вестник. – 2020. – № 2 (67). – С. 99–106.

Созина, Е. К. Степные клады Д. Н. Мамина-Сибиряка и А. П. Чехова / Е. К. Созина // Имагология и компаративистика. – 2019. – № 11. – С. 213–229.

Творчество Д. Н. Мамина-Сибиряка и современный мир. – М. ; Екатеринбург : Кабинетный ученый, 2024. – 406 с.

Тулякова, Н. А. Святочный рассказ и легенда в творчестве Д. Н. Мамина-Сибиряка: сопоставительный анализ жанров / Н. А. Тулякова // Вестник Томского государственного университета. – 2018. – № 432. – С. 24–31.

References

Perepiska D. N. Mamina-Sibiryaka s kommentariyami B. D. Udintseva: v 2 t. [Correspondence of D. N. Mamin-Sibiryak with Comments by V. D. Udintsev, in 2 vols.]. Vol. 1: Perepiska s rodstvennikami. (2024). Moscow, Izdatel'stvo «Pero». 1086 p.

Rogacheva N. A., Ertner, E. N. (2022). Mifopoetika Urala i Sibiri v romane D. N. Mamina-Sibiryaka «Bez nazvaniya» [Mythopoeitics of the Urals and Siberia in the novel by D. N. Mamin-Sibiryak “Untitled”]. In *Ural'skii istoricheskii vestnik*. No. 4 (77), pp. 129–136.

Sozina, E. K. (2019). Stepnye klady D. N. Mamina-Sibiryaka i A. P. Chekhova [Steppe Treasures of D. N. Mamin-Sibiryak and A. P. Chekhov]. In *Imagologiya i komparativistika*. No. 11, pp. 213–229.

Sozina, E. K. (2020). Geopoetika natsional'nogo landshafta v russkoi literature [Geopoetics of the National Landscape in Russian Literature]. In *Ural'skii istoricheskii vestnik*. No. 2 (67), pp. 99–106.

Tulyakova, N. A. (2018). Svyatochnyi rasskaz i legenda v tvorchestve D. N. Mamina-Sibiryaka: sopostavitel'nyi analiz zhanrov [Yuletide Story and Legend in the Works of D. N. Mamin-Sibiryak: A Comparative Analysis of Genres]. In *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 432, pp. 24–31.

Tvorchestvo D. N. Mamina-Sibiryaka i sovremenniy mir [The Work of D. N. Mamin-Sibiryak and the Modern World]. (2024). Moscow, Ekaterinburg, Kabinetnyi uchenyi. 406 p.

Zyryanov, O. V. (2019). Syuzhet dukhovno-nravstvennogo preobrazheniya v povestiyakh D. N. Mamina-Sibiryaka [The Plot of Spiritual and Moral Transformation in the Novels of D. N. Mamin-Sibiryak]. In *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnye nauki*. Vol. 21. No. 2 (187), pp. 108–121.

Zyryanov, O. V. (2021). Lokal'nye teksty v khudozhestvennom soznanii D. N. Mamina-Sibiryaka (k probleme kartografirovaniya rossiiskogo literaturnogo prostranstva) [Local Texts in the Artistic Consciousness of D. N. Mamin-Sibiryak (on the Problem of Mapping the Russian Literary Space)]. In *Filologicheskii vestnik Surgut'skogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. No. 4, pp. 124–136.

Zyryanov, O. V. (2023). Signatory ural'skogo teksta v proizvedeniyakh D. N. Mamina-Sibiryaka [Signatures of the Uralic Text in the Works of D. N. Mamin-Sibiryak]. In *Slovo. Tekst. Kontekst*. No. 4 (16), pp. 71–81.

Данные об авторе

Зверева Татьяна Вячеславовна – доктор филологических наук, профессор кафедры истории русской литературы и теории литературы, Удмуртский государственный университет (Ижевск, Россия).

Адрес: 426034, Россия, г. Ижевск, ул. Университетская, 1.

E-mail: tvzver.1968@yandex.ru.

Author's information

Zvereva Tatyana Vyacheslavovna – Doctor of Philology, Professor of Department of the Russian Literature and the Literature Theory, Udmurt State University (Izhevsk, Russia).

Дата поступления: 30.10.2024; дата публикации: 28.12.2024

Date of receipt: 30.10.2024; date of publication: 28.12.2024

УДК 821.161.1(Чехов А. П.). DOI: 10.26170/2071-2405-2024-29-4-198-201. ББК Ш33(2Рос=Рус)5-8,4. ГРНТИ 17.07.29. Код ВАК 5.9.3

МЕГАПРОЕКТ А. П. ЧУДАКОВА И ЕГО РЕАЛИЗАЦИЯ
Рецензия на издание: Чудаков А. П. А. П. Чехов в прижизненной критике. 1882–1904.
Библиографическая монография-указатель: в 2 т.
(М.: Театральный музей им. А. А. Бахрушина, 2022. Т. 1. 520 с. Т. 2., 2023. 500 с.)

Кубасов А. В.

Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург, Россия)

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-9074-1133>

SPIN-код: 4393-0560

А н н о т а ц и я . В рецензии представлен анализ капитального научного труда, в котором реализована цель составления исчерпывающей библиографии критических работ, посвященных творчеству А. П. Чехова и опубликованных при жизни писателя. Отмечается, что данное ученым определение своего труда как монографии и вместе с тем указателя оправдано как масштабом исследования, так и целью научной концепции. Анализируются состав монографии-указателя, структура его статьи. Подчеркивается абсолютная научная достоверность всех представленных в издании материалов, которая обеспечивается принципом *de visu*. Строгий научный аппарат издания, перекрестные ссылки, сопровождающие отдельные статьи, создают в итоге единую информационную сеть, которая покрывает всю монографию и превращает ее в гипертекст. Проведенный анализ издания позволяет сделать вывод о его выдающейся научной значимости и охарактеризовать как наиболее полный комментарий к академическому собранию сочинений и писем А. П. Чехова.

К л ю ч е в ы е с л о в а : А. П. Чехов; библиографический указатель; жанр монографии; русская литературная критика; периодические издания

Д л я ц и т и р о в а н и я : Кубасов, А. В. Мегaproект А. П. Чудакова и его реализация. Рецензия на издание: Чудаков А. П. А. П. Чехов в прижизненной критике. 1882–1904. Библиографическая монография-указатель: в 2 т. (М.: Театральный музей им. А. А. Бахрушина, 2022. Т. 1. 520 с. Т. 2., 2023. 500 с.) / А. В. Кубасов. – Текст : непосредственный // Филологический класс. – 2024. – Т. 29, № 4. – С. 198–201. – DOI: 10.26170/2071-2405-2024-29-4-198-201.

THE MEGAPROJECT OF A. P. CHUDAKOV AND ITS IMPLEMENTATION
Review of the publication: Chudakov A. P. A. P. Chekhov in Lifetime Criticism.
1882–1904. Bibliographic monograph-index. In 2 volumes.
(Moscow: A. A. Bakhrushin Theatre Museum, 2022. Vol. 1. 520 pp. Vol. 2., 2023. 500 pp.)

Alexander V. Kubasov

Ural State Pedagogical University (Ekaterinburg, Russia)

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-9074-1133>

A b s t r a c t . The paper presents a review of a deep scholarly research, aimed at compiling an exhaustive bibliography of critical works devoted to the literary activity of A. P. Chekhov and published during the writer's lifetime. It is noted that calling his work a monograph and at the same time an index by the author of the book is justified both by the scale of the study and the integrity of the scientific concept. The review analyzes the composition of the monograph-index and the structure of its article. The review emphasizes the absolute scientific reliability of all materials presented in the publication, which is ensured by the *de visu* principle. The strict scientific apparatus of the publication and the cross-references accompanying individual articles ultimately create a single information network that covers the entire monograph and turns it into hypertext. The analysis of the publication, conducted in the review, allows the reader to conclude that it has outstanding scientific significance and to characterize it as the most complete commentary on the academic collection of works and letters of Chekhov.

Key words : A. P. Chekhov; bibliographic index; monograph genre; Russian literary criticism; periodicals

For citation : Kubasov, A. V. (2024). The Megaproject of A. P. Chudakov and Its Implementation. Review of the publication: Chudakov A. P. A. P. Chekhov in Lifetime Criticism. 1882–1904. Bibliographic monograph-index. In 2 volumes. (Moscow: A. A. Bakhrushin Theatre Museum, 2022. Vol. 1. 520 pp. Vol. 2., 2023. 500 pp.). In *Philological Class*. Vol. 29. No. 4, pp. 198–201. DOI: 10.26170/2071-2405-2024-29-4-198-201.

Александр Павлович Чудаков (1938–2005) писал свою кандидатскую диссертацию, посвященную поэтике А. П. Чехова, под научным руководством Виктора Владимировича Виноградова. Известно, какое большое влияние могут оказывать на молодых аспирантов их научные руководители. Академик Виноградов (1895–1969) был колоссальной фигурой в истории русской филологической науки: не только лингвистом, но и блестящим литературоведом, автором фундаментальных исследова-

ний, посвященных стилю Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Достоевского. На титульном листе монографии Александра Павловича «Поэтика Чехова» [Чудаков 1971] В. В. Виноградов был обозначен как ответственный редактор, а монография «Мир Чехова» [Чудаков 1986], послужившая основой докторской диссертации, вышла с посвящением Чудакова своему учителю. Одно из требований, которые академик предъявлял своим ученикам, заключалось в исчерпывающей полноте представления

изучаемого ими материала.

Требование максимально полного охвата материала многим представляется научной утопией. Ведь, как правило, у всякого изучаемого явления есть не только его современное бытование, но и своя история, уходящая если не вглубь веков, то десятилетий. Такой грандиозный замысел собрания абсолютно полной прижизненной библиографии, посвященной А. П. Чехову, стал одной из главных научных задач А. П. Чудакова. Реализации мегапроекта было отдано сорок лет жизни. Трагическая смерть Александра Павловича не позволила ему до конца довести задуманное. Материалы этого незавершенного проекта были подготовлены к печати М. О. Горячевой, много лет участвовавшей в этой работе и скромно обозначившей себя на титульном листе первого фолианта в качестве ответственного редактора.

Отдельно надо сказать о жанре издания. Оно необычно и непривычно для современного литературоведения. Кажется, в нем соединяется несоединимое: научная монография и библиографический указатель. Второй компонент обычно выступает как некое необходимое приложение к основной части научного капитального труда. Однако, погружаясь в книгу, читая первую сотню библиографических справок, потом вторую, третью, под конец уже просто листая страницы и охватывая только взглядом все новые и новые материалы, понимаешь, что А. П. Чудаков следует строгой научной концепции, выражает ясную исследовательскую позицию, то есть в издании есть основополагающие приметы научной монографии. Можно сказать так, что рецензируемое издание открывает новые грани и возможности в давно сложившемся каноне жанра научной монографии.

О масштабе рецензируемого издания говорят факты и цифры, которые сообщаются в предваряющем издании предисловии от ответственного редактора: «Для сбора материала Чудаков специально занимался просмотром газет, журналов и книг чеховского времени. Им была составлена программа для работы, которая включала более 200 газет и 60 журналов. Просмотр должен был охватывать период с 1886 г. до 2 июля 1904 г. (отдельные издания изучались с 1883 г.)» [Чудаков 2022: 4]. Завершающая дата людям, знающим биографию Чехова, понятна без комментариев – это день смерти писателя. Но почему началом хронологических рамок для составления библиографического издания предполагалось взять 1886 год? Этот выбор требует объяснения.

Самые ранние литературные опыты Чехова датируются 1879–1880 годами. Но кто мог разглядеть в двадцатилетнем студенте Московского университета, пишущего забавные смешные пустячки, будущего литературного классика? Таковых не оказалось. Оправданием близорукости критиков служит то, что Чехов какое-то время достаточно резко не отличался от потока литературной продукции, заполнявшей юмористические издания. Хотя такой проницательный читатель, как Н. А. Лейкин, редактор и издатель самого популярного юмористического журнала «Осколки», заметил московского молодого писателя и сделал на него ставку как на ведущего автора столичного журнала. Однако и Лейкин видел и ценил в Чехове только талант юмориста. Естественно, ни о каком серьезном анализе его произведений речи и быть не могло. 1886 год стал одним из рубежей в творчестве писателя, он обозначен выходом сборника «Пёстрые рассказы». После этого чередой пошли отклики на творчество Чехова, а главное – они стали обретать характер вдумчивой критики. Поэтому и Александр Павлович посчитал определяющим годом время выхода сборника. Однако первые отклики на тексты Чехова, иногда отнюдь не доброжелательные, появились раньше, так что исходным годом оказался не 1886, а 1882. Критик И. Ф. Василевский, подписывавший свои заметки псевдонимом «Буква», в газете «Русские ведомости» снисходительно заметил, что у современных переводчиков Альфонс Доде напоминает «какого-нибудь „Антошу Чехонте“» [Чудаков 2022: 27]. Это первое найденное упоминание Чехова в прессе и единственное за весь 1882 год.

Со временем количество рецензий на публикуемые произведения Чехова постепенно начало принимать лавинообразный характер. И если до определенного периода можно было ограничиться просмотром изданий, выходящих в Москве и в Петербурге, то постепенно география расширялась и охватывала всю российскую провинцию: «Особое внимание Чудаков уделял провинциальной прессе, считая ее самой малоизученной частью прижизненной критики Чехова. Было просмотрено большое количество различных губернских ведомостей – газет, которые издавались в каждой губернии России. Довольно тщательно были изучены газеты «Нижегородский листок», «Волгарь» (Нижний Новгород), «Одесские новости», «Одесский листок», «Южный край» (Харьков), «Казанский телеграф», «Волжский вестник» (Казань) и др.» [Чудаков 2022: 4].

В современном русском языке достаточно прочно вошло слово «фейк», обозначающее недостоверное свидетельство о факте или событии. Проникает оно, к сожалению, и в сферу научного знания. Огромным достоинством рецензируемого труда является стремление к полной достоверности всех представленных в книге библиографических справок. По свидетельству М. О. Горячевой, «принцип *de visu* в работе был обязателен, ни одна запись не включалась в библиографию на основе косвенных источников» [Чудаков 2022: 4]. Видимо, и этот подход возник не без примера учителя Александра Павловича. В своих мемуарах он заметил: «Виноградов из вторых рук не брал ничего» [Александр Павлович Чудаков 2013: 206]. В биографическом очерке Чудаков приводит сценку, живо рисующую его учителя: «В одном из своих выступлений он сказал, что, готовясь к магистерскому экзамену, прочел все журналы и литературные газеты первых десятилетий XIX века. Я потом переспросил: все ли? В. В. ответил, характерно подняв брови: «Разумеется, все»» [Александр Павлович Чудаков 2013: 206].

В современном русском языке достаточно прочно вошло слово «фейк», обозначающее недостоверное свидетельство о факте или событии. Проникает оно, к сожалению, и в сферу научного знания. Огромным достоинством рецензируемого труда является стремление к полной достоверности всех представленных в книге библиографических справок. По свидетельству М. О. Горячевой, «принцип *de visu* в работе был обязателен, ни одна запись не включалась в библиографию на основе косвенных источников» [Чудаков 2022: 4]. Видимо, и этот подход возник не без примера учителя Александра Павловича. В своих мемуарах он заметил: «Виноградов из вторых рук не брал ничего» [Александр Павлович Чудаков 2013: 206]. В биографическом очерке Чудаков приводит сценку, живо рисующую его учителя: «В одном из своих выступлений он сказал, что, готовясь к магистерскому экзамену, прочел все журналы и литературные газеты первых десятилетий XIX века. Я потом переспросил: все ли? В. В. ответил, характерно подняв брови: «Разумеется, все»» [Александр Павлович Чудаков 2013: 206].

206]. Вот и Александр Павлович поставил перед собой еще более амбициозную и сложную задачу – просмотреть многократно умножившиеся к концу XIX века все периодические издания и найти материалы, связанные с именем А.П.Чехова.

Рассмотрим структуру одной из статей указателя-монографии. Выберем наугад одно из представленных в работе 6040 библиографических описаний:

70. <Михайловский Н.К.> Новые книги. Ан.П. Чехов. В сумерках. Очерки и рассказы. СПб., 1887 // Северный вестник. СПб., 1887. № 9. С. 81–85.*

То же: Чехов А.П. В сумерках. (Лит. памятники). Дополнения. С. 266–274; с сокращениями: Ле Флемминг С. Господа критики и господин Чехов. С. 366–367; частично: Летопись... Т. 1. С. 327.

«Агафья», «Ведьма», «Верочка», «Пестрые рассказы» (сб.).

О ст. А.М. Скабичевского (см. № 27). Полемика со ст. В.П. Буренина (см. № 42) [Чудаков 2022: 37].

Начинается статья с первичной публикации, оформленной в соответствии с современными библиографическими требованиями. Так как статья вышла в журнале без указания автора, то его фамилия взята в угловые скобки. Дано название журнала, место его публикации, год, номер выхода и страницы. Звездочка означает наличие примечания. Далее перечислены републикации материала, имеющие указания на сравнение их с первичным документом. Отмечено, что две из трех последующих публикаций не совпадают с ним и даны в сокращении или только частично процитированы. За двумя словами «с сокращениями» или «частично» стоит работа по сличению содержания четырех различных источников. Читатель, желающий получить полное представление об упомянутой публикации, должен обратиться либо к журналу 1887 года, либо к публикации сборника в издательстве «Наука». Библиографические справки о вторичных публикациях, в отличие от первичной, даны сокращенно, но легко восстанавливаются. Монография-указатель снабжена целой системой перекрестных отсылок, что облегчает поиск нужных материалов. Наконец, в конце статьи содержится аннотация – предметный указатель. В данном случае перечислены те произведения Чехова, которые

анализируются в статье авторитетного критика. Отдельно выделено наличие полемики в статье и даны отсылки к работам их авторов, находящимся в составе монографии-указателя. В итоге можно утверждать, что каждая отдельная статья является ячейкой информационной сети, покрывающей всю работу и превращающей её в сложно организованный, но удобный для работы гипертекст. Все эти вещи, кажущиеся только на первый взгляд мелочами, и придают изданию строгий научный характер и обосновывают его именно как монографию.

Дополнительное представление о внутренних связях в работе может дать простое перечисление основных ее разделов. Главное место занимают, конечно, росписи публикаций по годам, далее следуют «Примечания. Именной указатель. Указатель публикаций по авторам. Указатель периодических изданий. Указатель произведений А. П. Чехова. Книги, содержащие републикации статей прижизненной критики. Список иллюстраций. Условные сокращения. Литература» [Чудаков 2023: 226–499]. Полное представление о масштабе издания и его содержательных возможностях можно получить только тогда, когда держишь в руках два увесистых тома и работаешь с ними.

Рецензируемое издание подобного уровня не могло быть осуществлено без поддержки со стороны, и ответственный редактор скрупулезно называет всех предшественников и помощников издания. Глубокой благодарности достойна М. О. Горячева, подготовившая труд А. П. Чудакова к печати, а также руководство Театрального музея имени А. А. Бахрушина, благодаря которому монография-указатель была опубликована.

В свое время выдающимся научным событием стал выход тридцатитомного полного собрания сочинений и писем А. П. Чехова. Это самое популярное, самое многотиражное издание текстов русского классика. Литературоведческие научные работы рано или поздно частично или целиком устаревают, начинают восприниматься как дань времени, а то и научной моде. Но есть работы, которые предназначено стать долгожителями. Думается, что именно такой будет судьба двухтомной монографии-указателя А. П. Чудакова, самого полного комментария к академическому собранию сочинений А. П. Чехова.

Литература

Александр Павлович Чудаков: сборник памяти / сост. С. Г. Бочаров, И. З. Сураг, при участии М. О. Чудаковой. – М. : Знак, 2013. – 432 с.

Чудаков, А. П. Поэтика Чехова / А. П. Чудаков. – М. : Наука, 1971. – 293 с.

Чудаков, А. П. Мир Чехова: Возникновение и утверждение / А. П. Чудаков. – М. : Советский писатель, 1986. – 379 с.

Чудаков, А. П. А. П. Чехов в прижизненной критике. 1882–1904. Библиографическая монография-указатель. Т. 1 / А. П. Чудаков. – М. : Театральный музей им. А. А. Бахрушина, 2022. – 520 с.

Чудаков, А. П. А. П. Чехов в прижизненной критике. 1882–1904. Библиографическая монография-указатель. Т. 2 / А. П. Чудаков. – М. : Театральный музей им. А. А. Бахрушина, 2023. – 500 с.

References

Aleksandr Pavlovich Chudakov: sbornik pamyati [Alexander Pavlovich Chudakov. Collection of Memory]. (2013). Moscow, Znak. 432 p.

Chudakov, A. P. (1971). *Poetika Chekhova* [Poetics of Chekhov]. Moscow, Nauka. 293 p.

Chudakov, A. P. (1986). *Mir Chekhova: Vozniknovenie i utverzhenie* [Chekhov's World: Origin and Establishment]. Moscow, Sovetskii pisatel'. 379 p.

Chudakov, A. P. (2022). *A. P. Chekhov v przhiznennom kritike. 1882–1904. Bibliograficheskaya monografiya-ukazatel'* [A. P. Chekhov in Lifetime Criticism. 1882–1904. Bibliographic Monograph-Index]. Vol. 1. Moscow, Teatral'nyi muzei im. A. A. Bakhrushina. 520 p.

Chudakov, A. P. (2023). *A. P. Chekhov v przhiznennom kritike. 1882–1904. Bibliograficheskaya monografiya-ukazatel'* [A. P. Chekhov in Lifetime Criticism. 1882–1904. Bibliographic Monograph-Index]. Vol. 2. Moscow, Teatral'nyi muzei im. A. A. Bakhrushina. 500 p.

Данные об авторе

Кубасов Александр Васильевич – доктор филологических наук, профессор, Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург, Россия).

Адрес: 620091, Россия, г. Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26.

E-mail: kbas2002@mail.ru.

Author's information

Kubasov Alexander Vasilievich – Doctor of Philology, Professor, Ural State Pedagogical University (Ekaterinburg, Russia).

Дата поступления: 30.10.2024; дата публикации: 28.12.2024

Date of receipt: 30.10.2024; date of publication: 28.12.2024

Научный журнал

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ КЛАСС

Том 29. 2024. № 4

Цена свободная

Редактор О. А. Адясова
Верстка О. А. Адясовой

Дата подписания в печать 23.12.2024. Дата выхода в свет 28.12.2024. Формат 60×84/8.
Бумага для множительных аппаратов. Печать на ризографе. Гарнитура Alegreya.
Усл. печ. л. 23,5. Уч.-изд. л. 24,9.
Тираж 500 экз. Заказ

Оригинал-макет отпечатан в издательском отделе
Уральского государственного педагогического университета.
620091, Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26
E-mail: uspu@uspu.ru